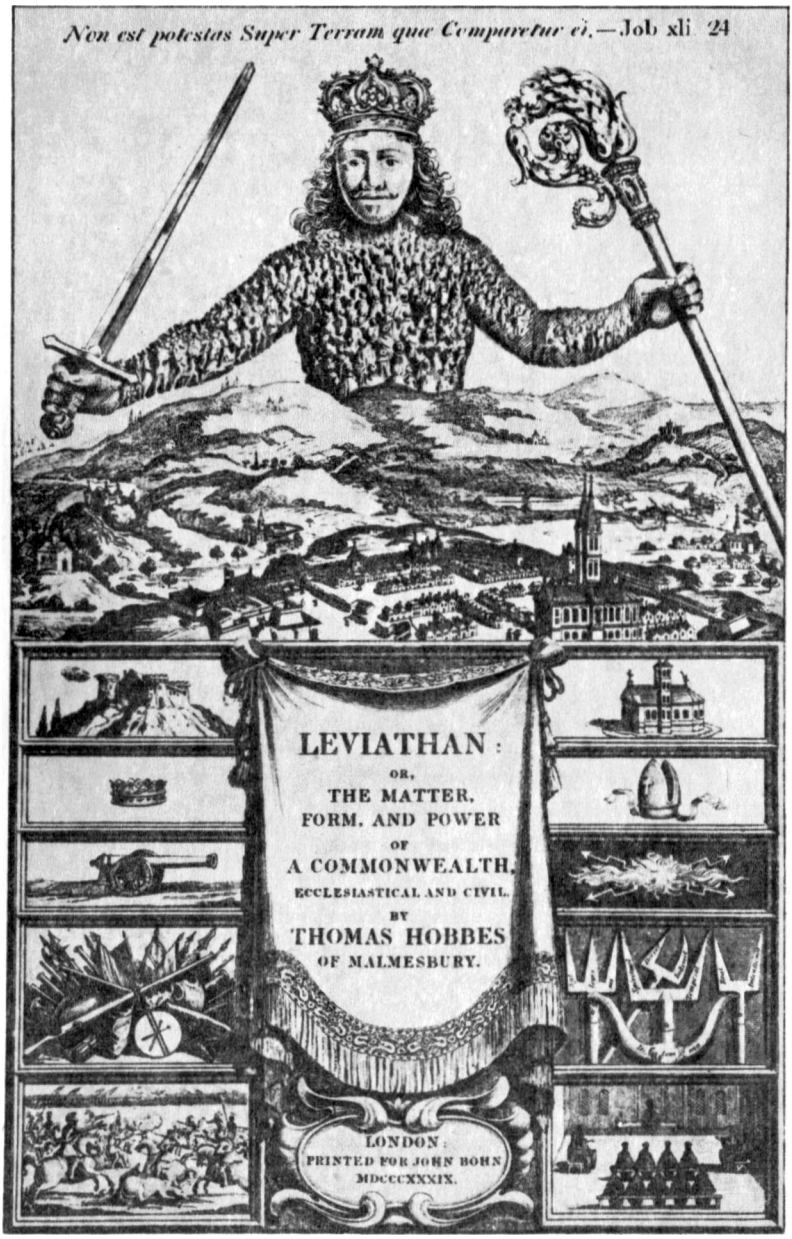
ГОББС

СОЧИНЕНИЯ

Non est potestas Super Terram quae Comparetur ei.—Job xli. 24

LEVIATHAN:

OR,

THE MATTER,
FORM, AND POWER
OF
A COMMONWEALTH,
ECCLESIASTICAL AND CIVIL.

BY

THOMAS HOBBES
OF MALMESBURY.

LONDON:
PRINTED FOR JOHN BOHN
MDCCCXXXIX.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ТОМ 115

Томас ГОББС

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
« МЫСЛЬ »
МОСКВА — 1991

ББК 87.3
Г 57

РЕДАКЦИЯ ПО ИЗДАНИЮ БИБЛИОТЕКИ
«ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

Редколлегия серии:

Акад. *П. Н. ФЕДОСЕЕВ* (председатель), д-р филос. наук *В. В. СОКОЛОВ* (зам. председателя), канд. филос. наук *В. А. ЖУЧКОВ* (ученый секретарь), д-р филос. наук *А. И. ВОЛОДИН*, д-р филос. наук *П. П. ГАЙДЕНКО*, д-р филос. наук *А. В. ГУЛЫГА*, чл.-кор. АН СССР *Д. А. КЕРИМОВ*, д-р филос. наук *М. А. КИССЕЛЬ*, чл.-кор. АН СССР *Н. И. ЛАПИН*, *Л. В. ЛИТВИНОВА*, зав. редакцией (изд-во «Мысль»), д-р филос. наук *Г. Г. МАЙОРОВ*, д-р филос. наук *И. С. НАРСКИЙ*, акад. *Т. И. ОЙЗЕРМАН*, д-р филос. наук *В. Ф. ПУСТАРНАКОВ*, д-р филос. наук *М. Т. СТЕПАНЯНЦ*, д-р филос. наук *А. Л. СУББОТИН*, канд. филос. наук *В. Е. ЧЕРТИХИН*, зам. гл. редактора (изд-во «Мысль»)

Составитель, редактор издания, автор примечаний
В. В. СОКОЛОВ

Перевод с латинского и английского
Н. ФЕДОРОВА, А. ГУТЕРМАНА

Г $\frac{0301030000\text{-}064}{004(01)\text{-}91}$ Подписное

ISBN 5-244-00020-9

ISBN 5-244-00460-3

© Издательство «Мысль». 1991
© *Скан и обработка: glarus63*

ЛЕВИАФАН, ИЛИ МАТЕРИЯ, ФОРМА И ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА ЦЕРКОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО

Моему высокочтимому другу
мистеру Фрэнсису Годольфину
из Годольфина [1]

Уважаемый сэр!

Вашему достойнейшему брату мистеру Сиднею Годольфину угодно было при жизни признавать за моими научными работами некоторую ценность, а также и другим образом, как вы знаете, обязать меня знаками своего доброго мнения, ценными сами по себе и особенно ценными благодаря достоинствам его личности. Ибо все добродетели, располагающие человека к служению Богу или своей стране, к гражданскому общежитию или личной дружбе, ярко проявлялись в его личности не как нечто приобретенное в силу необходимости и не как порождение случайного аффекта, а как нечто присущее ему и проникающее благородный строй его натуры. Поэтому в знак уважения и благодарности к нему и преданности к Вам я смиренно посвящаю Вам этот мой трактат о государстве. Я не знаю, как свет примет этот труд и что будут думать о тех, кого сочтут его покровителями. Ибо по дороге, осажденной борющимися армиями, из которых одна борется за слишком большую свободу, а другая — за слишком широкие полномочия власти, трудно пройти невредимым. Однако мне думается, что стремление поднять авторитет гражданской власти не будет осуждено ни гражданской властью, ни частными лицами, заявляющими, что они эту власть считают чрезмерной. Впрочем, я говорю не о людях у власти, а (абстрактно) о седалище власти (подобно тем простодушным и беспристрастным существам в римском Капитолии, которые своим шумом спасли тех, кто находился в нем, не потому, что это были именно данные лица, а лишь потому, что они были там), нанося вред, как я полагаю, лишь тем, кто находится вне Капитолия [2], или тем, что, находясь внутри, содействует находящимся вне его. То обстоятельство, что некоторые тексты Священного писания я использую в иных целях, нежели они обычно используются другими, больше всего, может быть, способно вызвать недовольство. Но делал я это с должным смирением, а также в силу необходимости (диктуемой задачей моего труда),

ибо эти тексты являются укреплениями врагов, из-за которых они атакуют гражданскую власть. Если все-таки вы увидите, что труд мой встречает всеобщее порицание, то Вы можете оправдать себя, заявляя, что я — человек, любящий собственные взгляды и полагающий истиной все то, что говорю; что я уважал Вашего брата и уважаю Вас и осмелился на этом основании присвоить себе без Вашего ведома право считать себя,

сэр,
Вашим смиреннейшим
и покорнейшим слугой. *Т. Гоббс*

Париж, апрель 15/25 1651.

ВВЕДЕНИЕ

Человеческое *искусство* (искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) является подражанием природе как во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное. Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все *автоматы* (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь? В самом деле, что такое *сердце*, как не *пружина*? Что такое *нервы*, как не такие же *нити*, а *суставы* — как не такие же *колеса*, сообщающие движение всему телу так, как этого хотел мастер? Впрочем, *искусство* идет еще дальше, имитируя разумное и наиболее превосходное произведение природы — человека. Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (Commonwealth, or State[3]), по-латыни — Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане *верховная власть*, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная *душа*; должностные лица и другие *представители судебной и исполнительной власти — искусственные суставы; награда и наказание* (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой *нервы*, выполняющие такие же функции в естественном теле; *благосостояние* и *богатство* всех частных членов представляют собой его *силу*; salus populi, *безопасность народа*,— его занятие; *советники*, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой *память; справедливость* и *законы* суть искусственный *разум* (reason) и *воля; гражданский мир — здоровье; смута — болезнь*, и *гражданская война — смерть*. Наконец, *договоры* и *соглашения*, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены

части политического тела, похожи на то «fiat» [4], или *«сотворим человека»*, которое было произнесено Богом при акте творения.

Чтобы описать природу этого искусственного человека, я буду рассматривать:

Во-первых, материал, из которого он сделан, и его *мастера*, т. е. *человека*.

Во-вторых, как и путем каких *соглашений* он был создан, каковы точно *права* и *власть* или *авторитет суверена* и что сохраняет государство и что его разрушает.

В-третьих, что такое христианское государство.

Наконец, что такое царство тьмы (kingdom of darkness).

В отношении первого пункта в последнее время широко пошла в ход поговорка, что мудрость приобретается чтением не книг, а людей. Вследствие этого те лица, которые по большей части не могут представить никакого другого доказательства своей мудрости, рады показать, что́ они, по их мнению, вычитали в людях, немилосердно порицая друг друга за глаза. Есть, однако, другая поговорка, которую в последнее время перестали понимать и следуя которой указанные лица, если бы постарались, могли бы действительно научиться читать друг друга. Это именно афоризм nosce te ipsum [5], *читай самого себя*. Смысл этого афоризма сводится не к тому, чтобы, как это стало теперь обыкновением, поощрять людей власть имущих к варварскому отношению к людям, стоящим ниже их, или подстрекать людей низкого происхождения к дерзкому поведению по отношению к людям вышестоящим, а к тому, чтобы поучать нас, что в силу сходства мыслей и страстей одного человека с мыслями и страстями другого всякий, кто будет смотреть внутрь себя и соображать, что́ он делает, когда он *мыслит, предполагает, рассуждает, надеется, боится* и т. д., и по каким мотивам он это делает, будет при этом читать и знать, каковы бывают при подобных условиях мысли и страсти всех других людей. Я говорю о сходстве самих *страстей*, которые одинаковы у всех людей,— о *желании, страхе, надежде* и т. п., а не о сходстве объектов этих страстей, т. е. вещей, которых *желают, боятся,* на которые *надеются* и т. п., ибо последние различаются в зависимости от индивидуального устройства человека и особенностей его воспитания и легко ускользают от нашего познания, так что буквы человеческой души, загрязненные и запутанные обычно притворством, ложью, лицемерием и ошибочными учениями (doctrines), разборчивы только для того, кто ведает наши сердца. И хотя при наблюдении действий

людей мы можем иногда открыть их намерения, однако делать это без сопоставления с нашими собственными намерениями и без различения всех обстоятельств, могущих внести изменения в дело, все равно что расшифровывать без ключа, и в большинстве случаев это значит быть обманутым или в силу слишком большой доверчивости, или в силу слишком большого недоверия в зависимости от того, является ли сам читатель в человеческих сердцах хорошим или плохим человеком.

Впрочем, как бы превосходно один человек ни читал в другом на основе его действий, он это может осуществить лишь по отношению к своим знакомым, число которых ограниченно. Тот же, кто должен управлять целым народом, должен постичь (to read) в самом себе не того или другого отдельного человека, а человеческий род. И хотя это трудно сделать, труднее, чем изучить какой-нибудь язык или отрасль знания, однако, после того как я изложу то, что читаю в самом себе, в методической и ясной форме, другим останется лишь рассмотреть, не находят ли они то же самое также и в самих себе. Ибо этого рода объекты познания не допускают никакого другого доказательства.

ЧАСТЬ I

О ЧЕЛОВЕКЕ

ГЛАВА I

ОБ ОЩУЩЕНИИ

Что касается человеческих мыслей, то я буду их рассматривать сначала раздельно, а затем в их связи или взаимной зависимости. Взятые раздельно, каждая из них есть *представление* (representation) или *призрак* (appearance) какого-либо качества или другой акциденции тела вне нас, называемого обычно *объектом*. Объект действует на глаза, уши и другие части человеческого тела и в зависимости от разнообразия своих действий производит разнообразные призраки.

Начало всех призраков есть то, что мы называем *ощущением* (sense) (ибо нет ни одного понятия в человеческом уме (mind), которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения). Все остальное есть производное от него.

Для понимания вопросов, трактуемых в настоящей книге, знание естественной причины ощущения не очень необходимо; и об этом я и писал подробно в другом месте [6]. Тем не менее, чтобы развить каждую часть моей настоящей системы, я здесь вкратце изложу сказанное там.

Причиной ощущения является внешнее тело, или объект, который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно, как это бывает при вкусе и осязании, или опосредствованно, как при зрении, слухе и обонянии. Это давление, продолженное внутрь посредством нервов и других волокон и перепонок тела до мозга и сердца, вызывает здесь сопротивление, или обратное давление, или усилие сердца освободиться. Так как это усилие направлено вовне, оно кажется нам чем-то находящимся снаружи. И это *кажущееся* (seeming), или этот *призрак* (fancy), люди называют *ощущением*. В отношении глаза это есть ощущение *света* или *определенного цвета*, в отношении уха — ощущение *звука*, в отношении ноз-

дрей — ощущение *запаха*, в отношении языка и нёба — ощущение *вкуса*, а для всего остального тела — ощущение *жары, холода, твердости, мягкости* и других качеств, которые мы различаем при помощи *чувства*. Все эти так называемые *чувственные* качества являются лишь разнообразными движениями материи внутри вызывающего их объекта, движениями, посредством которых объект различным образом давит на наши органы. Точно так же и в нас, испытывающих давление, эти качества являются не чем иным, как разнообразными движениями (ибо движение производит лишь движение). Но то, чем они нам кажутся наяву, точно так же, как и во сне, есть призрак. И подобно тому как давление, трение или ушиб глаза вызывают в нас призрак света, а давление на ухо производит шум, точно так же и тела, которые мы видим или слышим, производят то же самое своим сильным, хотя и не замечаемым нами, действием. В самом деле, если бы те цвета или звуки были в телах или объектах, которые их производят, они не могли бы быть отделены от них, как мы это наблюдаем при отражении в зеркале или когда слышим эхо; в этих случаях мы знаем: объект, который мы видим, находится в одном месте, а призрак — в другом. И хотя на определенном расстоянии представляется, будто произведенный нашей фантазией образ заключается в реальном и действительном объекте, который порождает его в нас, тем не менее объект есть одно, а воображаемый образ, или призрак,— нечто другое. Таким образом, ощущение во всех случаях есть по своему происхождению лишь призрак, вызванный (как я сказал) давлением, т. е. движением находящихся вне нас объектов, на наши глаза, уши и другие предназначенные для этого органы.

Однако во всех университетах христианского мира философы-схоластики, основываясь на некоторых текстах Аристотеля, учат другой доктрине. В отношении причины *зрения* они говорят, что видимая вещь посылает во все стороны visible species, что по-английски означает *внешняя видимость, призрак* (apparition), *вид* (aspect) или *видимое виде́ние,* проникновение которого в глаз есть зрение. И в отношении причины слуха они говорят, что слышимая вещь посылает audible species, т. е. *слышимый вид* или *слышимое виде́ние*, проникновение которого в ухо производит *слух*. Более того, в отношении причины *понимания* они также говорят, что понимаемая вещь посылает intelligible species, т. е. *умственное видение*, проникновение которого в рассудок (understanding) производит наше понимание [7].

Я говорю это не для отрицания пользы университетов. Но, так как мне придется позже говорить об их роли в государстве, я не должен пропустить случая попутно показать вам, каковы их недостатки, а одним из них является частое употребление ничего не значащих слов.

ГЛАВА II

О ПРЕДСТАВЛЕНИИ (IMAGINATION)

Никто не сомневается в той истине, что вещь, находящаяся в состоянии покоя, навсегда остается в этом состоянии, если ничто другое не будет двигать ее; но не так легко соглашаются с тем, что вещь, находящаяся в состоянии движения, всегда будет в движении, если ничто другое не остановит ее, хотя основание в первом и во втором случае одно и то же (а именно, что ни одна вещь не может сама менять свое состояние). Объясняется это тем, что люди судят по себе не только о других людях, но и о всех других вещах, и так как после движения они чувствуют боль и усталость, то полагают, что всякая вещь устает от движения и ищет по собственному влечению отдых; при этом рассуждающие так не спрашивают себя, не есть ли само это желание покоя, которое они в себе находят, лишь другое движение. Исходя из только что указанных соображений, схоластики говорят, что тяжелые тела падают вниз из стремления к покою и из желания сохранить свою природу в таком месте, которое наиболее пригодно для них, и, таким образом, бессмысленно приписывают неодушевленным вещам стремление и знание того, что пригодно для их сохранения (знание большее, чем то, которым обладает человек).

Раз тело находится в движении, оно будет двигаться (если что-нибудь не помешает этому) вечно, и, что бы ни препятствовало этому движению, оно прекратит его не мгновенно, а лишь в определенный промежуток времени и постепенно. Подобно тому как мы наблюдаем в воде, что волны продолжают еще катиться долгое время, хотя ветер уже стих, то же самое бывает с тем движением, которое производится во внутренних частях человека, когда он видит наяву, когда ему снится и т. д. Ибо, после того как объект удален или глаза закрыты, мы все еще удерживаем образ виденной вещи, хотя и более смутно, чем когда мы ее видим. Именно это римляне называют *воображением* — от образа, полученного при зрении, применяя это слово, хотя и неправильно, ко всем другим ощущениям. Но греки

называют это фантазией (fancy), что означает *призрак* (appearance) и что применимо как к одному, так и к другому ощущению. Воображение есть поэтому лишь *ослабленное ощущение* и присуще людям и многим другим живым существам как во сне, так и наяву.

Ослабление ощущения у бодрствующих людей есть не ослабление движения, произведенного при ощущении, а лишь затемнение его, подобно тому как свет солнца затемняет свет звезд. Звезды днем не в меньшей степени, чем ночью, проявляют те качества, благодаря которым они бывают видимы. Но так как из всех раздражений, которые наши глаза, уши и другие органы получают от внешних тел, мы ощущаем лишь преобладающее, то ввиду преобладания света солнца мы не ощущаем действия звезд. Вот почему если какой-нибудь объект удаляется от наших глаз, то, хотя впечатление, произведенное им, остается, все же ввиду того, что его место заступают другие, более близкие объекты, которые действуют на нас, представление прежнего объекта затемняется и слабеет, подобно тому как это бывает с человеческим голосом в шуме дня. Отсюда следует, что, чем длительнее время, протекшее после акта зрения или ощущения какого-нибудь объекта, тем слабее его образ, так как непрерывное изменение человеческого тела с течением времени разрушает частицы, находящиеся в движении в акте ощущения. Расстояние во времени и в пространстве, таким образом, оказывает на нас одно и то же действие. Подобно тому как предметы, видимые нами на большом расстоянии, представляются нам тусклыми и не имеющими мелких деталей, а слышимые голоса становятся слабыми и нерасчлененными, точно так же после большого промежутка времени слабеет наш образ прошлого, и мы забываем (к примеру) отдельные улицы виденных нами городов, многие отдельные обстоятельства событий. Это *ослабленное ощущение,* когда желаем обозначить саму вещь (т. е. вообразить (fancy) саму ее), мы называем, как я сказал, представлением. Но когда мы желаем выразить факт ослабления и обозначить, что ощущение поблекло, устарело и отошло в прошлое, мы называем его *памятью.*

Память (memory). Таким образом, *представление* и *память* обозначают одну и ту же вещь, которая лишь в зависимости от различного ее рассмотрения имеет разные названия.

Богатая память (much memory), или память о многих вещах, называется *опытом.* Опять-таки, так как мы имеем представление лишь о тех вещах, которые мы раньше

восприняли ощущением целиком сразу или по частям в разное время, то в первом случае,— например, когда мы представляем весь объект, как он представился ощущению,— мы имеем *простое* представление; так мы представляем себе человека или лошадь, которых мы видели раньше; во втором же случае мы имеем *сложное представление*,— например, когда мы от созерцания человека в одно время и лошади в другое время создаем в уме образ кентавра. Таким образом, когда человек складывает образ своей собственной личности с образом действий другого человека, воображая себя, например, Геркулесом или Александром (что часто случается с теми, кто слишком отдается чтению романов), то мы имеем сложное представление и, собственно говоря, умственную фикцию. Бывают также другие представления, возникающие у людей (хотя и бодрствующих) от слишком сильного воздействия на органы ощущения. Так, например, если мы загляделись на солнце, впечатление образа солнца остается перед нашими глазами долгое время спустя; точно так же человек, долго и интенсивно работавший над геометрическими фигурами, будет и в темноте (несмотря на то что он бодрствует) иметь перед глазами образы линий и углов. Так как этот род фантазии обыкновенно не приходится к слову в разговорах людей, то он и не имеет особого названия.

Сновидения. Представления спящих мы называем *сновидениями*. Эти последние так же (как все другие представления) были раньше целиком или частями в ощущении. Но мозг и нервы, эти необходимые органы ощущения, слишком скованы сном и с трудом могут быть движимы действием внешних объектов, чтобы испытывать ощущения. Поэтому сновидения могут иметь место лишь постольку, поскольку они проистекают из возбуждения внутренних частей человеческого тела. Когда эти внутренние части бывают раздражены, то они в силу их связи с мозгом и другими органами держат последние в состоянии движения, ввиду чего прежде приобретенные представления появляются, как если бы человек бодрствовал, и раз органы ощущения столь скованы, что нет ни одного нового объекта, который мог бы овладеть ими и затемнить эти представления более сильным впечатлением, то сновидения по необходимости должны быть более яркими при этом бездействии ощущений, чем наши представления наяву. Отсюда проистекает трудность, а в отношении многих представлений — невозможность точного различения между ощущением и сном. Что касается меня, то, принимая во внимание, что

во сне я не часто и не постоянно думаю о тех же лицах, местах, предметах и действиях, о которых думаю наяву, и что я не припоминаю во сне такого длинного ряда связанных мыслей, как в другое время, а также ввиду того, что в бодрствующем состоянии я часто замечаю нелепость моих сновидений, но никогда не думаю во сне о нелепости своих мыслей наяву, то я вполне убежден, что, находясь в бодрствующем состоянии, я не сплю, хотя во сне и воображаю себя бодрствующим.

Так как мы видим, что сновидения порождаются раздражением некоторых внутренних частей тела, то разные раздражения необходимо должны вызывать различные сны. Вот почему пребывание в холоде порождает страшные сны и вызывает мысль и образ чего-то страшного (ибо движение от мозга к внутренним частям и от внутренних частей к мозгу бывает взаимно); и так как гнев порождает жар в некоторых частях тела, когда мы бодрствуем, то слишком сильное нагревание тех же частей, когда мы спим, порождает гнев и вызывает в мозгу образ врага. Точно так же если естественная красота вызывает желание, когда мы бодрствуем, а желание порождает жар в некоторых других частях тела, то слишком большой жар в этих частях, когда мы спим, вызывает в мозгу образы прекрасного. Короче говоря, наши сновидения — это обратный порядок наших представлений наяву. Движение в бодрствующем состоянии начинается на одном конце, а во сне — на другом.

Призраки, или видения. Труднее всего отличить сновидения человека от его мыслей наяву, когда мы по какой-нибудь случайности не замечаем, что спали, как это легко может случиться с человеком, которого тяготят страшные мысли и сильные укоры совести, а также с человеком, который спит не раздеваясь и не в постели, например с тем, кто дремлет, сидя в кресле. Ведь если какое-нибудь необычайное и необъяснимое явление представится тому, кто раздевается перед сном и старательно готовится ко сну, то он вряд ли примет это за нечто иное, чем сон. Мы читаем о Марке Бруте (которому Юлий Цезарь спас жизнь и который был также фаворитом последнего и тем не менее убил его), что он в ночь накануне сражения при Филиппах, данного им Августу Цезарю, видел ужасное явление, о котором историки обычно рассказывают как о видении [8]. Но, принимая во внимание обстоятельства, можно легко догадаться, что это был лишь короткий сон. В самом деле, сидя в своей палатке, задумавшись и будучи в ужасе от своего безрассудного деяния, он легко мог, вздремнув в прохладе,

видеть сон о том, что́ его более всего ужасало. Тот же страх, по мере того как Брут постепенно просыпался, неизбежно должен был также заставлять явление постепенно исчезнуть. Брут же, не уверенный в том, что он спал, не мог иметь никакого основания считать это сном или чем-либо иным, а не видением. Такие случаи нередки, ибо даже совершенно бодрствующие люди, если они робки и суеверны, начинены всякими страшными сказками и, находясь одни в темноте, подвержены подобного рода иллюзиям. Они верят, что видят бродящих по кладбищу духов и привидения умерших людей, между тем как это лишь их фантазия или же проделка некоторых лиц, пользующихся подобным суеверным страхом, чтобы пройти ночью переодетыми в такие места, посещение которых они желали бы оставить в тайне.

Вследствие незнания, каким образом отличить сновидения и другие яркие фантастические образы от того, что мы видим и ощущаем наяву, и возникло в прошлом большинство религий язычников, поклонявшихся сатирам, фавнам, нимфам и т. п. В настоящее время такое незнание порождает у невежественных людей их мнения о русалках, привидениях, домовых и могуществе ведьм. Ибо, что касается ведьм, я полагаю, что их колдовство не есть реальная сила, и тем не менее я думаю, что их справедливо наказывают за их ложную уверенность, будто они способны причинять подобное зло,— уверенность, соединенную с намерением причинить это зло, будь они на то способны. Их колдовство ближе к религии, чем к искусству и науке. Что же касается русалок и бродячих привидений, то я полагаю, что такие взгляды распространялись или не опровергались с целью поддерживать веру в полезность заклинания бесов, крестов, святой воды и других подобных изобретений духовных лиц. Не приходится, конечно, сомневаться в том, что Бог может сотворить сверхъестественные явления (unnatural apparitions). Но что Бог это делает так часто, что люди должны бояться таких вещей больше, чем они боятся приостановки или изменения хода природы, что Бог тоже может совершить,— это не является догматом христианской веры. Под тем предлогом, что Бог может сотворить всякую вещь, дурные люди смело утверждают все что угодно, если только это служит их целям, хотя бы они сами считали это неверным. Разумный человек должен верить этим людям лишь постольку, поскольку правильное рассуждение заставляет считать правдоподобным то, что они говорят. Если бы эта суеверная боязнь духов была устранена, а вместе

с ней и предсказания на основании снов, ложные пророчества и другие связанные с этим вещи, при помощи которых хитрецы и властолюбцы околпачивают простодушный народ, то люди были бы более склонны повиноваться гражданской власти, чем это имеет место теперь.

Искоренение таких предрассудков должно было быть делом школьных учителей, но последние скорее потакают такого рода воззрениям (doctrine). Ибо (не зная, что такое представление или ощущение) они учат по традиции: одни говорят, что представления возникают сами по себе и не имеют никакой причины, другие — что они обычно порождаются волей и что добрые мысли вдуваются в человека (внушаются ему) Богом, а злые мысли — дьяволом или что добрые мысли влиты (вселены) в человека Богом, а злые — дьяволом. Некоторые говорят, что ощущения получают образы вещей и передают их общему ощущению, а общее ощущение передает их воображению, а воображение — памяти, а память — способности суждения, точно речь идет о вещах, переходящих из рук в руки, и все это с большим количеством слов, которые ровным счетом ничего не объясняют.

Понимание (Understanding). Представление, которое вызывается в человеке (или в каком-нибудь другом существе, одаренном способностью иметь представления) словами или другими произвольными знаками, есть то, что мы обычно называем *пониманием*, и оно обще и человеку, и животному. Ибо собака, как и многие другие животные, по привычке будет понимать зов или порицание своего хозяина. Понимание же, составляющее специфическую особенность человека, состоит в понимании не только воли другого человека, но и его идей и мыслей, поскольку последние выражены последовательным рядом имен вещей, соединенных в утверждения, отрицания и другие формы речи. О понимании этого рода я буду говорить ниже.

ГЛАВА III

О ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ИЛИ СВЯЗИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Под *последовательностью*, или *связью* мыслей, я понимаю то следование мыслей друг за другом, которое называют (в отличие от речи, выраженной словами) *мысленной речью*.

Когда человек думает о какой-нибудь вещи, то не-

посредственно следующая за этим мысль не является совершенно случайной, как это кажется. Мысли не следуют безразлично одна за другой. Напротив, подобно тому как мы не имеем никакого представления о том, чего не было когда-то целиком или частично в нашем ощущении, точно так же мы не имеем перехода от одного представления к другому, если мы никогда раньше не имели подобного перехода в наших ощущениях. Это имеет следующее основание. Все представления суть движения внутри нас, являющиеся остатками движений, произведенных в ощущении. И те движения, которые непосредственно следуют друг за другом в ощущении, продолжают следовать в том же порядке и после исчезновения ощущения, так что если предыдущее движение снова имеет место и является преобладающим, то последующее в силу связанности движимой материи следует за ним таким же образом, как вода на гладком столе следует в том направлении, в котором какая-либо капля ее водится пальцем. Но так как за одной и той же воспринятой вещью в ощущении иногда следует одна вещь, а иногда другая, то с течением времени случается, что, представляя себе одну вещь, мы не можем сказать с уверенностью, каково будет наше ближайшее представление. Одно лишь можно уверенно сказать, а именно что это будет нечто следовавшее за имеющимся у нас представлением в то или иное время ранее.

Неупорядоченная связь мыслей. Связь мыслей, или мысленная речь, бывает двоякого рода. Первого рода связь *не упорядочена, не скреплена определенным намерением* и не постоянна. В ней нет захватывающей мысли, которая владела бы следующими за ней мыслями и направляла бы их к себе как к желательной и страстной цели. В таком случае мысли, как говорят, блуждают и кажутся не подходящими друг к другу, подобно тому как это бывает во сне. Таковы обычно мысли тех людей, которые не только находятся вне общества, но и ничем определенным не озабочены. Хотя в таком состоянии их мысль работает так же, как и в другое время, но без всякой гармонии, как звуки, которые издает расстроенная лютня или настроенная — под руками того, кто не умеет играть. Но и в этой беспорядочной скачке мыслей часто можно открыть определенное направление и зависимость одной мысли от другой. Например, казалось бы, что может быть нелепее — при разговоре о нынешней гражданской войне [9] задать вопрос (как это сделал один собеседник) о том, какова была ценность римского сребреника? Однако для меня связь вполне очевидна.

Именно мысль о войне повела к мысли о выдаче короля его врагам, а эта мысль повлекла за собой мысль о том, как был предан Христос, что в свою очередь навело на мысль о 30 сребрениках, которые были ценой предательства, а отсюда легко вытекал приведенный ядовитый вопрос, и все это в течение одного мгновения, ибо мысли текут быстро.

Упорядоченная связь мыслей. Второго рода связь более постоянна, так как она *упорядочивается* каким-нибудь желанием или намерением. Ибо впечатление, произведенное вещью, которую мы желаем или боимся, сильно и непрерывно, или же (в случае его временного исчезновения) оно быстро возвращается; иногда оно бывает настолько сильно, что нарушает наш сон. От желания возникает мысль о некоторых средствах, при помощи которых, как нам уже довелось видеть, достигалось нечто подобное тому, к чему мы стремимся, а от этой мысли — мысль о средствах достижения этих средств и т. д., пока мы не доходим до некоего начала, находящегося в нашей собственной власти. Так как цель благодаря силе произведенного ею впечатления часто приходит на ум, то, если мысли начинают блуждать, они опять быстро приводятся в порядок. Это было замечено одним из семи мудрецов и побудило его предписать людям то правило, которым теперь пренебрегают, а именно respice finem, что значит: во всех ваших действиях чаще имейте перед глазами то, чего вы хотите достигнуть, как ту вещь, которая направляет все ваши мысли на путь к достижению цели [10].

Упорядоченная связь мыслей бывает двоякого рода. Связь одного рода имеется тогда, когда мы, имея какое-нибудь воображаемое следствие, ищем производящие его причины или средства; такая связь присуща как человеку, так и животному. Связь другого рода имеется тогда, когда, представляя какую-нибудь вещь, мы ищем все возможные следствия, которые могут быть произведены ею, иначе говоря, представляем себе, что мы можем делать с ней, когда будем ею владеть. Признаков этого рода связи мыслей я никогда не наблюдал ни у кого другого, кроме как у человека, ибо такого рода любопытство вряд ли присуще какому-нибудь живому существу, имеющему лишь чувственные страсти, каковы голод, жажда, похоть и гнев. Короче говоря, мысленная речь, если она направляется какой-нибудь целью, есть лишь *искание* или способность к открытиям, то, что римляне называли sagacitas и solertia — выискивание причин какого-нибудь настоящего или прошлого следствия какой-нибудь настоящей или прошлой

причины. Бывает иногда, что человек ищет то, что потерял. В этом случае с целью обнаружить, где и когда случилась пропажа, он мысленно возвращается с одного места на другое, от одного момента времени к другому, начиная с того места и момента, где и когда он впервые заметил пропажу. Это делается с целью найти определенные и ограниченные моменты времени и пространства, в которых надо начать систематические поиски. Отсюда его мысль снова пробегает те же места и моменты, чтобы найти, какое действие или случай были причиной его потери. Это мы называем *воспоминанием*, или вызыванием в уме. Римляне называют это reminiscentia, как если бы это было *воспроизведением* в сознании наших прежних действий.

Бывает иногда, что человек знает определенное место, в пределах которого ему следует искать; тогда он мысленно пробегает по всем его частям таким же образом, как потерявший драгоценность стал бы искать ее, бегая с места на место по комнате, или же как гончая рыщет по полю, пока не найдет след, или как человек пробегает словарь, чтобы отыскать рифму.

Благоразумие. Иногда человек желает знать последствия какого-нибудь действия, и тогда он представляет себе подобное действие в прошлом и его результаты, предполагая, что одинаковое действие приводит к одинаковым последствиям. Например, тот, кто предвидит, что последует за преступлением, вспоминает, какие последствия подобного преступления он наблюдал раньше, при этом ход его мыслей следующий: преступление, представители власти, тюрьма, судья, виселица. Этот род мыслей называется *предвидением, благоразумием* или *предусмотрительностью*, а иногда — *мудростью*, хотя такая догадка вследствие трудности наблюдать все обстоятельства бывает очень обманчива. Но несомненно одно: чем богаче опыт человека, тем он более благоразумен и реже обманывается в своих ожиданиях. Только *настоящее* имеет бытие в природе, *прошедшее* имеет бытие лишь в памяти, а *будущее* (things to come) не имеет никакого бытия. Будущее есть лишь фикция ума, применяющего последствия прошлых действий к действиям настоящим, что с наибольшей, но не абсолютной уверенностью делает тот, кто имеет наибольший опыт. И хотя мы говорим о благоразумии, когда результат отвечает нашему ожиданию, однако по существу это лишь предположение, основанное на вероятности. Ибо предвидение будущих вещей, которое есть провидение, присуще лишь тому, чьей волей это будущее должно быть вызвано

к жизни. Лишь от него одного и сверхъестественным путем исходит пророчество. Лучший пророк, естественно, является лучшим угадчиком, а лучший угадчик тот, кто больше всего сведущ и искусен в вещах, о которых он гадает, ибо он имеет больше всего *знаков*, чтобы при их помощи угадать.

Знаки. *Знаком* (sign) является предыдущее событие по отношению к последующему и, наоборот, последующее по отношению к предыдущему, если подобная последовательность была наблюдаема раньше, и, чем чаще такая последовательность была наблюдаема, тем меньше неуверенности в отношении знака. Вот почему, кто имеет больше опыта в каком-нибудь роде дел, тот имеет в своем распоряжении больше знаков, при помощи которых он может гадать насчет будущего, а следовательно, является наиболее благоразумным. При этом такой человек настолько благоразумнее новичка в подобного рода делах, что преимущество первого не может быть уравновешено природным или импровизированным остроумием второго, хотя многие молодые люди, может быть, думают по-другому.

Однако не благоразумие отличает человека от животного. Бывают животные, которые в возрасте одного года больше замечают и преследуют то, что им полезно, следовательно, более благоразумны, чем десятилетние ребята.

Опыт прошлого. Подобно тому, как благоразумие есть *предположение будущего*, основанное на *опыте прошлого*, точно так бывает предположение прошедшего, выведенное из других вещей (не будущих, а тоже прошлых). Тот, кто, например, наблюдал ход вещей и последовательность событий, при которых цветущее государство дошло сначала до гражданской войны, а затем до гибели, угадает при виде гибели другого государства, что подобная война и подобный ход событий имели место и здесь. Но в такой догадке почти так же мало уверенности, как и в отгадывании будущего, ибо они основаны лишь на одном опыте.

Насколько я могу вспомнить, нет другой способности (act) ума, вложенной природой в человека таким образом, чтобы для ее применения требовалось лишь одно, а именно родиться человеком и жить, пользуясь своими пятью чувствами. Те другие способности, о которых я буду говорить позднее и которые кажутся присущими лишь человеку, приобретены и умножены изучением и трудолюбием, а у большинства ученых людей — просвещением и дисциплиной, и все они возникли благодаря изобретению слов и речи. Ибо человеческий ум не имеет никакого другого движения, кроме ощущения мыслей и связи мыслей, но при

помощи речи и метода эти способности могут быть развиты до такой степени, что человек делается отличным от всех других живых существ.

Бесконечное (Infinite). Все, что мы себе представляем, *конечно* (finite). В соответствии с этим мы не имеем никакой идеи, никакого понятия о какой-либо вещи, называемой нами бесконечной. Человек не может иметь в своем уме образ бесконечной величины, точно так же он не может себе представить бесконечной скорости, бесконечного времени, бесконечной силы или бесконечной власти. Когда мы говорим, что какая-либо вещь бесконечна, то обозначаем лишь, что не способны представить себе конец и пределы названной вещи, так как имеем представление не о самой бесконечной вещи, а лишь о нашей собственной неспособности. Поэтому имя Бога употребляется не с тем, чтобы дать нам представление о Нем, ибо Он непостижим и Его величие и сила непредставляемы, а лишь с тем, чтобы почитать Его. Точно так же, как я уже говорил, все, что понимаем, сначала было воспринято нами в ощущении сразу целиком или по частям, ибо у человека не может быть никакой мысли, никакого представления о вещи, которые бы не содержались в ощущении. Ни один человек поэтому не может представить какую-либо вещь иначе как находящейся в определенном месте, обладающей определенной величиной и способностью быть делимой на части; точно так же никто не может представить ни того, чтобы какая-либо вещь находилась целиком в этом и одновременно в другом месте, ни того, чтобы две или более вещи могли быть одновременно в одном и том же месте, ибо ни то, ни другое никогда не было и не может быть воспринято ощущением, а все это нелепые, бессмысленные разговоры, принятые на веру обманутыми философами и обманутыми или обманывающими схоластами.

ГЛАВА IV

О РЕЧИ

Происхождение речи. Хотя *книгопечатание* и является остроумным изобретением, оно не имеет большого значения по сравнению с изобретением письменности. Но неизвестно, кто первый изобрел письменность. Первым, кто принес ее в Грецию, говорят, был Кадм, сын финикийского царя Агенора [11] Это было полезное изобретение для продления памяти о прошлом и для взаимной связи человече-

ского рода, рассеянного по столь многим и отдаленным областям земли; оно было к тому же весьма трудным, ибо требовало внимательного наблюдения за различными движениями языка, нёба, губ и других органов речи, чтобы создать столько же различных букв для их запоминания. Но наиболее благородным и выгодным из всех других изобретений было изобретение речи, состоящей из *имен* (names), или *названий* (appellations), и их связи; при их помощи люди регистрируют свои мысли, вызывают их в памяти, если они были в прошлом, и сообщают их друг другу для взаимной пользы и общения. Без способности речи у людей не было бы ни государства, ни общества, ни договора, ни мира, так же как этого нет у львов, медведей и волков. Первым творцом *речи* был сам *Бог*, который научил *Адама*, как называть тварей, подобных тем, которые Он ему показал, и в этом вопросе Священное писание дальше не идет. Однако этого было достаточно, чтобы научить Адама прибавлять еще имена по мере дальнейшего опыта и использования этих тварей, а также постоянно соединять эти имена так, чтобы быть понятым. Таким образом, с течением времени могло накопиться столько слов, сколько нужно было Адаму, хотя и не столько, сколько необходимо оратору или философу. В самом деле, я не нахожу в Священном писании ничего, откуда прямо или косвенно можно было бы вывести заключение, что Адам знал названия всех фигур, чисел, мер, цветов, звуков, представлений, отношений; еще меньше оснований думать, будто он знал названия слов и выражений (speech) вроде *общее, специфическое, утвердительное, отрицательное, желательное, неопределенное,* которые все полезны; и совсем он не знал *бытие* (entity), *умышленность* (intentionality), *сущность* (quiddity) и других ничего не выражающих слов схоластов.

Однако весь этот язык, приобретенный и обогащенный Адамом и его потомством, был снова утрачен при постройке Вавилонской башни, когда Бог покарал каждого человека за его мятеж забвением прежнего языка. И так как при этом люди были вынуждены рассеяться по различным частям света, то необходимым следствием этого было постепенное создание ими существующего ныне разнообразия языков — по мере того, как их научала этому нужда (мать всех изобретений). С течением времени это разнообразие стало повсюду еще более богатым.

Употребление речи. Общее употребление речи состоит в том, чтобы перевести нашу мысленную речь в словесную, или связь наших мыслей — в связь слов. Польза от этого

двоякая. Первая — это регистрация хода мыслей. Так как мысли имеют склонность ускользать из нашей памяти, заставляя нас, таким образом, возобновлять весь процесс их формирования заново, то ускользнувшие мысли могут быть снова вызваны в памяти при помощи тех слов, которыми они были обозначены. Первое применение имен состоит, таким образом, в том, что они служат *метками* (marks, or notes) для воспоминания. Второе — в том, что многие люди, пользующиеся одними и теми же словами, обозначают (при помощи их связи и порядка) друг другу свои понятия или мысли о каждой вещи, а также свои желания, опасения или другие чувства. В силу их применения они и называются *знаками* (signs). Специальные способы употребления речи суть следующие. Во-первых, регистрировать то, что́ путем размышления мы открываем как причину вещи, настоящей или прошлой, а также то, что́ какая-нибудь вещь, настоящая или прошлая, может, как мы полагаем, произвести или иметь своим следствием; это в общем есть приобретение технических знаний. Во-вторых, сообщать другим то знание, которое мы приобрели, т. е. давать советы или учить друг друга. В-третьих, сообщать другим наши желания и намерения, дабы мы могли взаимно помогать друг другу. В-четвертых, развлекать самих себя и других, играя нашими словами для невинного удовольствия или украшения.

Злоупотребление речью. Этим способам употребления соответствуют также четыре злоупотребления речью. Первое, когда люди неправильно регистрируют свои мысли из-за неустойчивого значения употребляемых ими слов, в силу чего люди регистрируют в качестве своих представлений то, что они никогда не представляли, и, таким образом, обманывают себя. Второе, когда они употребляют слова метафорически, т. е. в ином смысле, чем тот, для которого они предназначены, обманывая этим других. Третье, когда они словами объявляют как свою волю то, что ею не является. Четвертое, когда слова употребляют, чтобы причинить боль друг другу. В самом деле, мы видим, что природа вооружила живые существа для причинения боли врагу: одних — зубами, других — рогами, а третьих — руками. Но причинение боли человеку языком есть злоупотребление речью, кроме тех случаев, когда это относится к человеку, которым мы обязаны руководить; но в таком случае это уже не причинение боли, а наставление и исправление.

Имена собственные и общие. Способ, благодаря которому речь служит для запоминания последовательности

причин и следствий, состоит в применении *имен* и их *связи*. Из имен некоторые суть собственные и относятся лишь к одной вещи, как, например, *Петр, Джон, этот человек, это дерево*; некоторые же *общи* многим вещам, например *человек, лошадь, дерево*. Каждое из этих последних, хотя и является одним именем, есть имя различных, особых вещей и в отношении всех их в совокупности называется *всеобщим* (universal), причем в мире нет ничего более общего, кроме имен, так как каждая из наименованных вещей индивидуальна и единична.

Всеобщие имена (Universal). Одно всеобщее имя применяется ко многим вещам в силу их сходства в отношении какого-нибудь качества или другой акциденции; в то время как собственное имя вызывает в памяти только одну вещь, всеобщее имя вызывает любую из этих многих вещей.

Некоторые из всеобщих имен обладают бóльшим общим объемом, другие — меньшим, причем имена большего объема заключают в себе имена меньшего объема, некоторые же, кроме того, имеют одинаковый объем и взаимно включают друг друга. Например, имя *тело* имеет более широкое значение, чем слово *человек*, и содержит последнее в себе, а имена *человек* и *разумное* одинакового объема и взаимно включают друг друга. Однако здесь следует заметить, что под именем не всегда разумеется, как в грамматике, одно только слово, но иногда совокупность многих слов. Так, все эти слова — *тот, кто в своих действиях соблюдает законы своей страны*,— составляют лишь одно имя, равнозначное слову *справедливый*.

Употребляя имена то более широкого, то более ограниченного значения, мы заменяем запоминание последовательности представляемых в уме вещей запоминанием последовательности названий. Например, если человек, который совершенно не обладает способностью речи (скажем, родившийся и оставшийся глухонемым), поставит перед собой треугольник, а рядом с ним два прямых угла (каковы углы квадрата), то он может путем размышления сравнить их и найти, что три угла этого треугольника равны тем двум прямым углам, которые стоят рядом. Однако если показать этому человеку другой треугольник, отличный по форме от предыдущего, то он не будет знать, не затратив нового труда, будут ли три угла и этого треугольника также равны двум прямым. Человек же, умеющий пользоваться словами, заметив, что равенство обусловлено не длиной сторон, не какой-либо другой особенностью его треугольника, а исключительно тем, что у него прямые

стороны и три угла и что это все, за что он назвал его треугольником, смело выведет всеобщее заключение, что такое равенство углов имеется во всех треугольниках без исключения, и зарегистрирует свое открытие в следующих общих терминах: *три угла всякого треугольника равны двум прямым углам.* Таким образом, последовательность, найденная в одном частном случае, регистрируется и запоминается как всеобщее правило, что избавляет наш процесс познания от моментов времени и места, а нас — от всякого умственного труда, за исключением первоначального, а также превращает то, что мы нашли истинным *здесь* и *теперь*, в *вечную* и *всеобщую* истину.

Но польза слов для регистрации наших мыслей ни в чем так не очевидна, как при счете. Идиот от рождения, который не способен выучить наизусть порядка имен числительных, как *один, два* и *три*, может наблюдать каждый удар часов и качать при этом головой или говорить «один, один, один», но никогда не будет знать, который час бьет. Кажется, было время, когда числительные не употреблялись и люди были вынуждены применять пальцы одной или обеих рук к тем вещам, счет которых они желали иметь. Вот почему у одних народов имеется лишь десять числительных имен, а у других лишь пять, после чего счет начинается сызнова. Если человек, умеющий считать до десяти, станет произносить имена чисел в беспорядке, то он растеряется и не будет знать, когда кончить счет. Еще меньше он будет способен складывать, вычитать и совершать все другие арифметические действия. Таким образом, без слов нет возможности познания чисел, тем более — величин, скоростей, сил и других вещей, познание которых необходимо для существования и благоденствия человеческого рода.

Когда два имени соединены вместе, образуя связь, или утверждение, как, например, «человек есть живое существо», или такое: «если кто-либо человек, то он живое существо», то, если последнее имя — *живое существо* — обозначает все то, что обозначает первое имя — *человек*, утверждение, или последовательность слов, *истинны*, в противном случае они *ложны*. Ибо *истина* и *ложь* суть атрибуты речи, а не вещей. Там, где нет речи, нет ни *истины*, ни *лжи*. *Ошибка* может быть тогда, когда мы ждем того, чего не будет, или предполагаем то, чего не было, но в этом случае человек никак не может быть виновен во *лжи*.

Необходимость определений. Так как мы видим, что истина состоит в правильной расстановке имен в наших

утверждениях, то человек, который ищет точной истины, должен помнить, что́ обозначает каждое употребляемое им имя, и соответственно этому поместить его; в противном случае он попадет в ловушку слов, как птица в силок, и, чем больше усилий употребит, чтобы вырваться, тем больше запутается. Вот почему в геометрии (единственной науке, которую до сих пор Богу угодно было пожаловать человеческому роду) люди начинают с установления значений своих слов, которые они называют *определениями.*

Отсюда видно, насколько необходимо каждому человеку, стремящемуся к истинному познанию, проверять определения прежних авторов и или исправлять их, если они небрежно сформулированы, или формулировать их самому заново. Ибо ошибки, сделанные в определениях, увеличиваются сами собой по мере изучения и доводят людей до нелепостей, которые в конце концов они замечают, но не могут избежать без возвращения к исходному пункту, где лежит источник их ошибок. В силу этого получается, что те, кто доверяет книгам, поступают подобно тем, кто складывает много маленьких сумм в большую, не проверяя, были ли эти маленькие суммы правильно сложены или нет. Когда же они в конце концов находят явную ошибку, то все-таки не сомневаются в правильности своих оснований и не знают, каким образом эту ошибку исправить. Точно так же и люди, доверяющие книгам, проводят время в порхании по ним. Этих людей можно уподобить птицам, влетевшим через дымовую трубу и видящим себя запертыми в комнате; они порхают, привлекаемые обманчивым светом оконного стекла, но у них не хватает ума сообразить, каким путем они влетели. Таким образом, в правильном определении имен лежит первая польза речи, а именно приобретение знания, а в неправильном определении или отсутствии определения кроется первое злоупотребление, от которого происходят все ложные и бессмысленные учения. В силу этого люди, черпающие свои знания не из собственного размышления, а из книг, доверяясь их авторитету, настолько ниже необразованных людей, насколько люди, обладающие истинным познанием, выше их. Ибо незнание составляет середину между истинным знанием и ложными доктринами. Естественное ощущение и представление не подчиняются глупости. Природа не может ошибаться, и по мере накопления богатства языка люди становятся мудрее или глупее среднего уровня. Точно так же без письменности никто не может стать необычайно мудрым или (если только его память не парализована болезнью или плохим

устройством органов) необычайно глупым. Ибо для мудрых людей слова суть лишь марки (counters), которыми они пользуются для счета, для глупцов же они полноценные монеты, освященные авторитетом какого-нибудь Аристотеля, или Цицерона, или Фомы, или какого-либо другого ученого мужа.

Содержание имен. Имена могут быть даны всему, что может быть сосчитано, т. е. сложено одно с другим и образовать сумму или вычтено одно из другого и образовать остаток. Римляне называли денежные счета rationes, а операцию счета — ratiocinatio, и то, что мы в долговых расписках и в счетных книгах называем *статьями счета,* они называли nomina, т. е. *именами,* и отсюда, кажется, они распространили слово ratio на способность счета во всех других вещах. Греки имеют лишь одно слово λόγος для *речи* и *разума.* Это не значит, будто они полагали, что не может быть речи без разума, а лишь то, что не может быть рассуждения без речи. Самый акт рассуждения они называли *силлогизмом,* что означает суммирование связей разных высказываний. Так как одни и те же вещи могут быть приняты в расчет на основании различных знаков, то их имена, чтоб показать это различие, могут быть различным образом повернуты и изменены. Это разнообразие имен может быть сведено к четырем общим категориям.

Имена. Во-первых, вещь может быть принята в расчет в качестве *материи,* или *тела,* как *живая, чувствующая, разумная, горячая, холодная, движущаяся, находящаяся в покое*; под всеми этими именами подразумевается *материя,* или *тело,* так как все таковые имена суть имена материи.

Во-вторых, вещь может быть принята в расчет, или рассматриваема, из-за какой-либо акциденции или качества, которые мы в ней воспринимаем, как, например, из-за того, что она *приведена в движение,* имеет такую-то длину, горячая и т. п., и тогда мы от имени самой вещи путем небольшого изменения или преобразования составляем имя той акциденции, которую мы принимаем во внимание; например, если нас интересует в вещи то, что она *живая,* то мы принимаем в расчет *жизнь*; то, что она *движется,* мы обозначаем словом *движение*; что она *горячая* — словом *жара*; что она *длинная* — словом *длина* и т. п. Все эти имена суть имена акциденций, или свойств, которыми одна материя, или тело, отличается от другой; эти имена носят название *абстрактных имен,* так как они отвлечены от

рассмотрения (account) материи, но, конечно, не от самой материи.

В-третьих, мы можем принимать в расчет свойства нашего собственного тела, причем делаем следующее различение: например, при виде какой-нибудь вещи мы принимаем в соображение не саму вещь, а ее вид, цвет, ее мысленный образ в нашем представлении, а слыша какую-нибудь вещь, принимаем в соображение не ее, а лишь слышание, или звук, которое есть наше представление или восприятие вещи ухом. Такие имена суть имена представлений.

Употребление положительных имен. В-четвертых, мы можем принимать в расчет или в соображение сами *имена* и *речи* и давать им имена. Ибо *общее, всеобщее, особенное, двусмысленное* есть имена имен, а *утверждение, вопрос, повеление, рассказ, силлогизм, проповедь, просьба* и многие другие подобные — имена речей. Все эти имена исчерпывают разнообразие имен *положительных*, которые даются, чтобы обозначить нечто существующее в природе или воображаемое человеческим умом, как, например, тела или свойства тел, которые существуют или могут быть представлены существующими, или, наконец, слова и речь.

Отрицательные имена и их употребление. Имеются также другие имена, называемые *отрицательными*. Эти имена суть знаки, обозначающие, что какое-нибудь слово не есть имя вещи, о которой идет речь. Таковы слова *ничто, никто, бесконечное, непостижимое, три минус четыре* и т. п. Такие имена, однако, полезны для размышления или для направления мыслей и вызывают в уме наши прошлые размышления и, хотя они не имена какой-нибудь вещи, тем не менее заставляют нас отказаться от неправильно употребляемых слов.

Слова, не имеющие значения. Все остальные имена есть лишь пустые звуки, причем они бывают двух видов. К первому относятся новые слова, смысл которых еще не установлен определением; огромное количество таких имен сочинено схоластами и малодушными философами.

Второй вид — когда люди образуют имя из двух имен, значения которых противоречат друг другу и несовместимы одно с другим; примером подобного имени может служить *невещественное тело,* или (что то же самое) *невещественная субстанция,* и большое количество других подобных имен. Ибо если два имени, из которых составлено какое-нибудь ложное утверждение, соединить в одно, то оно совсем ничего не обозначает. Если, например, такое

высказывание, как *четырехугольник кругл*,— ложное утверждение, то имя *круглый четырехугольник* ничего не обозначает и является пустым звуком. Точно так же если неправильно говорить, что добродетель может быть влита или вдуваема и выдуваема, то слова *влитая добродетель, вдунутая добродетель* столь же абсурдны и бессмысленны, как *круглый четырехугольник*. Вот почему вряд ли вы встретитесь с каким-нибудь бессмысленным и лишенным всякого значения словом, которое не было бы произведено от латинского или греческого слова. Француз редко слышит, чтобы нашего Спасителя называли именем parole, но часто слышит, что Его называют словом verbe. Однако слова verbe и parole отличаются друг от друга только тем, что одно — латинское, а другое — французское [12].

Понимание. Когда человек, слыша какую-нибудь речь, имеет те мысли, для обозначения которых слова речи и их связь предназначены и установлены, тогда мы говорим, что человек данную речь понимает, ибо *понимание* есть не что иное, как представление, вызванное речью. Вот почему если речь специфически свойственна человеку (что, как известно, есть на самом деле), то и понимание также специфически свойственно ему. Вот почему не может быть понимания абсурдных и ложных утверждений, если они всеобщи; и хотя многие думают, что они их понимают, они лишь спокойно повторяют слова или вызубривают их наизусть.

Какого рода речи обозначают влечения, отвращения и страсти человеческой души, а также их применение и злоупотребление, об этом я буду говорить после изложения вопроса о страстях.

Непостоянные имена. Имена таких вещей, которые вызывают в нас известные эмоции, т. е. доставляют нам удовольствие или возбуждают наше неудовольствие, имеют в обиходной речи *непостоянный* смысл, так как одна и та же вещь вызывает одинаковые эмоции не у всех людей, а у одного и того же человека — не во всякое время. Действительно, так как мы знаем, что все имена даются, чтобы обозначить наши представления, и что все наши аффекты суть тоже лишь представления, то, различно воспринимая одни и те же вещи, мы едва ли можем избежать различного их названия. И хотя природа воспринимаемого остается всегда одной и той же, тем не менее различие наших восприятий этой вещи — принимая во внимание разнообразие устройства тел и предвзятость мнений — накладывает на каждую вещь отпечаток наших различных страстей. Вот

почему, рассуждая, человек должен быть осторожен со словами, которые помимо значения, обусловленного природой представляемой при их помощи вещи, имеют еще значение, обусловленное природой, наклонностями и интересами говорящего. Таковы, например, имена добродетелей и пороков, ибо то, что один человек называет *мудростью*, другой называет *страхом*; что один называет *жестокостью*, а другой — *справедливостью*; один — *мотовством*, а другой — *великодушием*; один — *серьезностью*, а другой — *тупостью* и т. п. Вот почему такие имена никогда не могут быть истинными основаниями для какого-нибудь умозаключения. Не в большей степени такими основаниями могут служить метафоры и тропы речи, но эти менее опасны, ибо в них в отличие от других имен открыто выражено собственное непостоянство.

ГЛАВА V

О РАССУЖДЕНИИ (REASON) И НАУЧНОМ ЗНАНИИ (SCIENCE)

Что такое рассуждение. Когда человек рассуждает, он лишь образует в уме итоговую сумму путем *сложения* частей или остаток путем *вычитания* одной суммы из другой, или, что то же, если это делается при помощи слов, образует имя целого из соединения имен всех частей или от имени целого и одной части образует имя другой части. И хотя в некоторых вещах (например, в числах) люди помимо сложения и вычитания называют еще другие действия, как *умножение* и *деление*, но эти последние суть то же самое, что первые, ибо умножение есть лишь сложение равных вещей, а деление — лишь вычитание какой-нибудь вещи, повторенное столько раз, сколько мы можем. Эти операции свойственны не только числам, но и всякого рода вещам, которые могут быть сложены одна с другой или вычтены одна из другой. Ибо если арифметика учит нас сложению и вычитанию *чисел*, то геометрия учит нас тем же операциям в отношении *линий, фигур* (объемных и плоских), *углов, пропорций, времен*, степени *скорости, силы, мощности* и т. п. Логики учат нас тому же самому в отношении *последовательности слов*, складывая вместе два *имени*, чтобы образовать *суждение*, и два *суждения*, чтобы образовать *силлогизм*, и много *силлогизмов*, чтобы составить *доказательство*. Из *суммы* же, или из *заключения силлогизма*, логики вычитают одно *предложение*, чтобы

найти другое. Политики (writers of politics) складывают вместе *договоры*, чтобы найти *обязанности* людей, а законоведы складывают *законы* и *факты*, чтобы найти правильное и неправильное в действиях частных лиц. Одним словом, в отношении всякого предмета, в котором имеют место *сложение* и *вычитание,* может быть также и рассуждение, а там, где первые не имеют места, совершенно нечего делать и *рассуждению.*

Определение рассуждения. На основании всего этого мы можем определить то, что подразумевается под словом *рассуждение*, когда включаем последнее в число способностей человеческого ума, ибо *рассуждение* в этом смысле есть не что иное, как *подсчитывание* (т. е. складывание и вычитание) связей общих имен с целью *отметить* и *обозначить* наши мысли. Я говорю *отметить* их, когда мы считаем про себя, и *обозначить*, когда мы доказываем или сообщаем наши подсчеты другим.

Когда рассуждение бывает правильным. Подобно тому как в арифметике неопытные люди должны, а сами профессора могут ошибаться, точно так и в другого рода рассуждениях могут ошибаться и выводить неправильные заключения самые способные, самые внимательные и опытные люди. Это не значит, что рассуждение само по себе всегда бывает правильным в такой же мере, в какой арифметика является точным и непогрешимым искусством, и рассуждение одного человека или какого угодно числа людей не дает уверенности в его правильности, точно так же как не дает уверенности в правильности какого-либо счета то обстоятельство, что его единодушно одобрило большое число людей. Вот почему при возникновении спора по поводу какого-либо мнения спорящие стороны должны добровольно согласиться между собой считать правильным мнение какого-либо арбитра, или судьи, решению которого они готовы подчиниться, если не хотят, чтобы спор довел их до свалки или в силу отсутствия правильного рассуждения, установленного природой, остался нерешенным. Так же следует поступать во всяких спорах. А когда люди, считающие себя умнее других, крикливо требуют, чтобы судьей было правильное рассуждение как таковое, но при этом, однако, добиваются, чтобы правильным считалось рассуждение не кого-то другого, а лишь их собственное, то это так же неприемлемо (intolerable) в человеческом обществе, как в карточной игре по вскрытии козыря использование людьми во что бы то ни стало в качестве козыря той масти, наибольшее количество которой находится в их руках. Ибо

эти люди притязают не больше и не меньше как на то, чтобы каждая из их страстей, которая овладела ими в данную минуту, была принята за правильное рассуждение — и это в их собственных тяжбах. Претендуя на это, они тем самым обнаруживают отсутствие у них правильного рассуждения.

Польза и цель рассуждения. Польза и цель рассуждения заключается не в том, чтобы найти сумму или истину одной или нескольких связей, лежащих далеко от первых определений и установленных значений имен, а в том, чтобы начать с этих последних и двигаться вперед от одной связи к другой. Ибо не может быть уверенности в правильности конечных заключений без уверенности в правильности всех тех утверждений и отрицаний, на которых они были основаны или из которых они были выведены. Точно так же, как глава семейства, который при подсчете складывал бы в одну сумму суммы всех счетов расхода, не проверяя, насколько правильно составлен каждый счет тем, кто его представил, и не зная, за что он платит, был бы в этом случае не в лучшем положении, чем если бы он принял весь счет оптом, доверяясь искусству и честности составителя счетов,— точно так же тот, кто, рассуждая о всех других вещах, принимает заключения, доверившись авторам, а не выводит их из первичных данных каждого счета (каковыми являются значения имен, твердо установленные определениями), напрасно тратит свой труд: он ничего не знает, а лишь верит.

Об ошибке и абсурде. Человек может размышлять и без помощи слов в отношении отдельных вещей, например, когда он при виде какой-либо вещи предполагает то, что, по всей вероятности, предшествовало ей или, по всей вероятности, последует за ней. Когда же этого не происходит, т. е. когда то, что, по его предположению, должно было последовать, не последовало или то, что, по его предположению, должно было предшествовать, не предшествовало, то мы говорим о том, что человек *ошибся*. Такой ошибке подвержены самые благоразумные люди. Но когда мы, рассуждая словами, имеющими общее значение, приходим к общему ложному заключению, то, хотя в этом случае обычно говорят *об ошибке*, на самом деле здесь имеет место *абсурд*, или бессмысленная речь. Ибо ошибка есть лишь обманчивое предположение, что что-либо было или будет, и, хотя предполагаемое фактически не имело места в прошлом или не произойдет в будущем, однако возможность того и другого не была исключена. Когда же мы делаем

утверждение общего характера, то оно в случае его неправильности не может быть представлено как возможность. А слова, при которых мы ничего не воспринимаем, кроме звука, суть то, что мы называем *абсурдом, бессмыслицей*, или *нонсенсом*. Вот почему, если кто-либо стал бы мне говорить о *круглом четырехугольнике*, или об *акциденциях хлеба в сыре*, или о *невещественной субстанции*, или о *свободном субъекте*, о *свободной воле* или о какой бы то ни было *свободе*, я не сказал бы, что он ошибается, а сказал бы, что его слова не имеют смысла, т. е. что он говорит абсурд.

Выше я сказал (в главе II), что человек превосходит всех остальных животных способностью исследовать при восприятии какой-либо вещи, каковы будут ее последствия и какого эффекта он может достигнуть при ее помощи. Теперь я прибавлю, что другая степень того же превосходства состоит в том, что человек может при помощи слов свести найденные им связи к общим правилам, называемым *теоремами*, или *афоризмами*, т. е. что он умеет рассуждать или считать не только числа, но и все другие вещи, которые могут быть сложены одна с другой или вычитаемы одна из другой.

Однако это человеческое превосходство связано с противоположной привилегией, а именно привилегией абсурдов, которым не подвержено ни одно живое существо, кроме человека. А из людей более всего подвержены им те, кто занимается философией. Очень верно Цицерон где-то сказал, что нет такого абсурда, которого нельзя было бы найти в книгах философов [13]. Причина этого очевидна: ни один из них не начинает своих рассуждений с определений, или объяснений, тех имен, которыми они пользуются; этот метод применялся лишь в геометрии, благодаря чему ее заключения стали бесспорными.

Причины абсурдов. 1. Первую причину абсурдных заключений я приписываю отсутствию метода, тому, что философы не начинают своих рассуждений с определений, т. е. с установления значения своих слов, как будто они могли бы составить счет, не зная точного значения числительных *один, два* и *три*.

А так как все тела принимаются в расчет по различным соображениям (о чем я уже говорил в предшествующей главе) и так как эти соображения различно названы, то всякий абсурд возникает вследствие смешения или неподходящего объединения имен в единое утверждение. И вот почему.

2. Вторую причину абсурдных утверждений я приписы-

ваю тому обстоятельству, что имена *тел* даются их *акциденциям* или имена *акциденций* даются *телам,* как это делают те, кто говорит, что *вера влита* или *вдунута,* между тем как ничто, кроме тела, не может быть *влито* или *вдунуто* во что-нибудь; таковы также утверждения: *«протяжение* есть *тело», «привидения* суть *духи»* и т. п.

3. Третью причину я приписываю тому обстоятельству, что имена *акциденций тел, расположенных вне нас,* даются *акциденциям* наших *собственных тел,* как это делают те, кто говорит: «цвет находится в теле», «звук находится в воздухе» и т. п.

4. Четвертую причину я приписываю тому обстоятельству, что имена *тел* даются *именам* или *речам,* как это делают те, кто говорит: «существуют всеобщие вещи», «живое существо есть род или всеобщая вещь» и т. п.

5. Пятую причину я приписываю тому обстоятельству, что имена *акциденций* даются *именам* и *речам,* как это делают те, кто говорит: «природа вещи есть ее дефиниция», «повеление человека есть его воля» и т. п.

6. Шестую причину я вижу в использовании вместо точных слов метафор, троп и других риторических фигур. Хотя в обиходной речи позволительно, например, сказать «дорога идет или ведет сюда или отсюда», «пословица говорит то или это» (хотя дорога не может ходить, а пословица — говорить), но, когда мы рассуждаем и ищем истину, такие речи недопустимы.

7. Седьмую причину я вижу в именах, ничего не означающих, но заимствованных из схоластики и выученных наизусть, таких, как *гипостатический, пресуществление, вечное-ныне* и тому подобные бессмыслицы схоластов.

Тот, кто умеет избегать таких вещей, нелегко впадает в абсурд, если только это не случается в силу пространности какого-нибудь рассуждения, из-за чего можно забыть то, что было сказано раньше. Ибо все люди рассуждают от природы одинаково и хорошо, когда у них хорошие принципы. В самом деле, кто же столь глуп, чтобы сделать ошибку в геометрии и еще настаивать на ней, когда другой обнаруживает ее.

Научное знание. Отсюда очевидно, что способность к рассуждению не есть нечто врожденное, подобно ощущению и памяти, или же нечто приобретенное одним лишь опытом, подобно благоразумию, а достигается прилежанием; во-первых — подходящим употреблением имен, во-вторых — усвоением хорошего и правильного метода, который состоит в продвижении вперед от элементов, каковыми

являются имена, к суждениям, образованным путем соединения имен между собой, и отсюда к силлогизмам, которые суть связи одного суждения с другим, пока мы доходим до знания всех связей имен, относящихся к интересующей нас теме; именно это и называют люди научным знанием. Между тем как ощущение и память дают нам лишь знание факта, являющегося вещью прошлой и непреложной, *наука* есть знание связей и зависимостей фактов. Благодаря такому знанию, исходя из того, что мы можем сделать в данный момент, мы знаем, как сделать что-нибудь отличное от этого или сходное с этим в иное время, если таково будет наше желание. Потому что когда мы видим, по каким причинам и каким образом что-либо совершается, то, если подобные причины попадают в сферу нашего воздействия, мы знаем уже, как их можно заставить произвести подобные же следствия.

Дети поэтому вовсе не одарены способностью к рассуждению до тех пор, пока они не получили способности речи; тем не менее они называются разумными созданиями в силу очевидной возможности обладать способностью к рассуждению в будущем. А что касается большинства людей, то хотя они и обладают некоторой способностью к рассуждению, например до известной степени при счете, однако они обладают ею в такой малой степени, что она приносит им мало пользы в повседневной жизни. И если в повседневной жизни одни лучше, другие хуже справляются со своими делами, то это зависит от различия их опыта, быстроты памяти, различного направления их склонностей, а особенно от удачи и неудачи и ошибок одних в отношении других. Когда же речь идет о науке или об определенных правилах действий, то эти люди настолько далеки от них, что не знают, что это такое. Геометрию они принимают за колдовство. А что касается других наук, то те, кто не обучался их основам и не достиг некоторого успеха так, чтобы видеть, как эти науки получились и как они возникли, подобны в этом отношении детям, которые, не имея представления о рождении, верят рассказам бабушек, что их братья и сестры не родились, а были найдены в огороде.

Тем не менее те, кто не обладает никаким *научным знанием,* находятся в лучшем и более достойном положении со своим природным благоразумием, чем люди, которые вследствие собственного неправильного рассуждения или доверия к тем, кто неправильно рассуждает, приходят к неправильным и абсурдным общим правилам. Ибо незна-

ние причин и правил не так отделяет людей от достижения их целей, как приверженность к ложным правилам и принятие ими причины того, к чему они стремятся, того, что является причиной не этого, а скорее чего-то противоположного.

Заключаем. Свет человеческого ума — это вразумительные слова, однако предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными определениями. *Рассуждение* есть *шаг*, рост *знания* — *путь*, а благоденствие человеческого рода — *цель*. Метафоры же и бессмысленные и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде ignes fatui [14], и рассуждать с их помощью — значит бродить среди бесчисленных нелепостей. Результат, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение.

Благоразумие и мудрость, их различие. Если богатый опыт есть *благоразумие*, то богатство знания есть *мудрость*. Ибо хотя мы обычно обозначаем именем «мудрость» и то и другое, однако римляне видели различие между prudentia и sapientia, приписывая первое свойство опыту, а второе — знанию. Чтобы сделать более ясной разницу между этими свойствами, приведем следующий пример. Предположим, что один человек обладает природной способностью и ловкостью в применении своего оружия, а другой сверх этой ловкости приобрел знание того, как он может ранить противника или быть раненным им при всяком возможном положении и способе защиты. Способность первого будет относиться к способности второго, как благоразумие к мудрости: обе эти способности полезны, но вторая — непогрешима. Тот же, кто, доверившись лишь авторитету книг, слепо следует за слепым, подобен человеку, доверившемуся ложным правилам учителя фехтования: он самонадеянно отваживается выступать против врага, который либо убьет, либо посрамит его.

Признаки научного знания. Некоторые из признаков научного знания достоверны и безошибочны, другие недостоверны. Достоверны, когда тот, кто претендует на обладание знанием какой-либо вещи, сам способен учить этому, т. е. вразумительно доказать другому правильность своего притязания. Недостоверны, когда лишь некоторые частные явления соответствуют его претензии и вследствие многих случайностей оказываются такими, какими, по его утверждению, они должны быть. Признаки благоразумия все недостоверны, ибо невозможно замечать путем опыта и запоминать все обстоятельства, которые могут изменить успех. Но признаком безрассудства, презрительно называе-

мого педантизмом, является то, что человек, не имеющий в каком-либо деле безошибочного знания, необходимого для успеха в этом деле, отказывается от собственной природной способности суждения и руководствуется общими сентенциями, вычитанными у писателей и подтвержденными многочисленными исключениями. И даже среди тех людей, которые на совещаниях по государственным вопросам любят показать свою начитанность в политике и истории, весьма немногие делают это в своих домашних делах, где затрагиваются их частные интересы, ибо они достаточно благоразумны в отношении своих частных дел. В общественных же делах они больше озабочены репутацией собственного остроумия, чем успехом дела.

ГЛАВА VI

О ВНУТРЕННИХ НАЧАЛАХ ПРОИЗВОЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ, ОБЫЧНО НАЗЫВАЕМЫХ СТРАСТЯМИ, И О РЕЧАХ, ПРИ ПОМОЩИ КОТОРЫХ ОНИ ВЫРАЖАЮТСЯ

Органические и произвольные движения. Животным свойственны двоякого рода *движения*. Одни называются *органическими* (vital), они начинаются с самого рождения и беспрерывно продолжаются в течение всей жизни, както: *циркуляция крови, биение пульса, дыхание, пищеварение, питание, испражнение* и т. п. Все эти движения не нуждаются в помощи представления. Другие суть *анимальные движения* (animal motion), иначе называемые *произвольными движениями* (voluntary motion), как, например, *ходить, говорить,* двигать каким-нибудь из наших членов в соответствии с тем, как это сначала представлялось в нашем уме. В I и II главах мы уже указывали на то, что ощущение есть движение в органах и во внутренних частях человеческого тела, вызванное действием вещей, которые мы видим, слышим и т. д., и что представление есть лишь остаток того же движения, сохранившийся после ощущения. И так как *хождение, говорение* и подобные произвольные движения зависят всегда от предшествующей мысли: *куда? каким путем?* и *что?* — то очевидно, что представление есть первое внутреннее начало всякого произвольного движения. И хотя необразованные люди не представляют себе движения там, где двигающаяся вещь невидима, или там, где пространство, в котором она движется, неощутимо (вследствие своей малости), однако ни

то, ни другое не мешает тому, что такого рода движения существуют. Ибо пусть будет пространство как угодно мало, то, что движется по более обширному пространству, частью которого является это малое пространство, должно сначала двигаться по этому малому пространству. Эти малые начала движения внутри человеческого тела до их проявления в ходьбе, говорении, ударе и других видимых действиях обычно называются *усилием* (endeavour).

Влечение (Appetite). **Желание. Голод. Жажда. Отвращение.** Это усилие, будучи направлено в сторону того, что его вызвало, называется *влечением* или *желанием,* причем последнее имя является общим, а первое часто употребляется в ограниченном смысле для обозначения желания пищи, а именно *голода* и *жажды.* А когда усилие направлено в противоположную сторону от чего-нибудь, оно обыкновенно называется *отвращением.*

Эти слова — «*влечение*» и «*отвращение*» — обозначают движения: одно — приближение, другое — удаление. То же самое обозначают и греческие слова ὁρμή и ἀμορμή. Ибо сама природа часто наталкивает людей на те истины, о которые они после спотыкаются, когда ищут чего-то вне природы. В самом деле, схоластики не находят никакого реального движения в простом желании идти или двигаться, но так как некоторое движение они вынуждены признать, то они называют это метафорическим движением, что является бессмысленным выражением, так как метафорическими могут быть названы слова, но не тела и движения.

Любовь. Ненависть. Когда люди чего-либо желают, они говорят, что они это *любят,* а когда к чему-либо питают отвращение, они говорят, что они это *ненавидят.* Желание и любовь, таким образом, обозначают одно и то же с той разве разницей, что желание указывает всегда на отсутствие объекта, а слово «любовь» — большей частью на присутствие его. Точно так же слово «отвращение» указывает на отсутствие, а «ненависть» — на наличие объекта.

Некоторые желания и отвращения врождены людям, как, например, желание есть и пить, желание испражняться и облегчаться (что можно также с большим соответствием назвать отвращениями к чему-то, что люди чувствуют в своем теле), а также другие желания, каковых в общем немного. Все остальные желания, являющиеся желаниями конкретных вещей, возникают из опыта и из испытания их действия на нас самих или на других людей. Ибо по отношению к вещам, которых мы совершенно не знаем или

которые мы считаем несуществующими, у нас не может быть иного желания, кроме как испробовать и испытать их. Однако отвращение мы питаем не только к вещам, которые ранее принесли нам вред, но также и к таким, о которых мы не знаем, принесут они нам вред или нет.

Пренебрежение. По отношению к вещам, которые мы и не желаем, и не ненавидим, мы говорим о *пренебрежении. Пренебрежение* есть не что иное, как неподвижность или упорство сердца в сопротивлении действию некоторых вещей, и происходит это либо от того, что сердце испытывает уже иное движение от действия других, более сильных объектов, либо по причине отсутствия опыта в отношении пренебрегаемых вещей.

И так как строение человеческого тела находится в непрерывном изменении, то невозможно, чтобы одни и те же вещи всегда вызывали одни и те же желания и отвращения, еще меньше возможно, чтобы все люди испытывали одинаковое желание по отношению хотя бы к одному одинаковому объекту.

Добро. Зло. Каков бы ни был объект какого-либо человеческого влечения, или желания,— это именно то, что человек называет для себя *добром;* объект своей ненависти или отвращения он называет *злом,* а объект пренебрежения — *дребеденью* и *пустяком.* Ибо слова «добро», «зло» и «пустяк» всегда употребляются в относительном смысле в зависимости от того, кто их употребляет, так как ничто не бывает чем-либо таковым просто и абсолютно и никакое общее правило о том, что есть добро и что — зло, не может быть взято из природы самих объектов, а устанавливается или каждым отдельным человеком соответственно своей личности (там, где нет государства), или (в государстве) лицом, представляющим государство, или арбитром, или судьей, которого расходящиеся во мнениях люди изберут по взаимному соглашению и чье решение они сделают указанным правилом.

Латинский язык имеет два слова, значения которых приближаются к понятиям «добро» и «зло», но не совсем совпадают с ними.

Pulchrum. Turpe. Это pulchrum и turpe, из которых первое обозначает то, что по некоторым явным признакам обещает добро, а второе — то, что обещает зло. В нашем языке мы не имеем таких общих имен для их выражения. Но для pulchrum мы в некоторых случаях употребляем слово «красиво», в других — «прекрасно», или «приятно», или «почтенно», или «благопристойно», или «любезно»,

или «мило», или «дружелюбно», а для turpe мы употребляем слова «дурно», «безобразно», «низко», «отвратительно» и т. п. в зависимости от характера объекта [15]. Все эти слова в соответствующих местах означают не что иное, как мину или выражение лица, которые обещают добро и зло.

Приятное. Выгодное. Неприятное. Невыгодное. Таким образом, мы имеем три вида добра, а именно: добро в общении, т. е. pulchrum, добро в действии как желаемую цель и обозначаемое словом jucundum — «приятное», и добро как средство, что мы обозначаем словами «полезное», «выгодное». Столько же мы имеем видов зла: зло в обещании, называемое римлянами turpe; зло в действии и в результате, называемое ими «неприятное», «тягостное», и зло как средство — «бесполезное», «невыгодное», «вредное».

Подобно тому как в ощущениях реально находится внутри нас (как я уже говорил раньше) лишь движение, вызванное действием внешних объектов, хотя и представляющееся зрению как свет и цвет, уху — как звук, ноздрям — как запах и т. п., точно так же, когда действие того же объекта простирается дальше от глаз, ушей и других органов до сердца, реальным результатом является лишь движение, или усилие, состоящее в желании получить движущийся объект (или в отвращении к нему). Но представление, или ощущение, этого движения есть то, что мы называем либо *удовольствием,* либо *душевным волнением.*

Удовольствие. Движение, которое называется желанием и представление которого называется наслаждением (delight) и *удовольствием* (pleasure), по-видимому, укрепляет органическое движение и содействует последнему. Вот почему вещи, которые вызвали чувство удовольствия, не без основания названы jucunda и à juvando, что означает «помощь» и «укрепление»; противоположное же движение названо molesta, *вредным* (offensive), поскольку оно препятствует и мешает органическому движению.

Таким образом, *удовольствие* есть представление, или ощущение, добра, а страдание, или неудовольствие,— представление, или ощущение, зла. Следовательно, всякое желание и любовь сопровождаются большим или меньшим удовольствием, а всякая ненависть и отвращение — большим или меньшим неудовольствием и неприятностью.

Удовольствия ощущения. Некоторые из удовольствий или наслаждений возникают из ощущения наличного объекта и могут быть названы *удовольствиями ощущения* (слово «чувственные», поскольку оно употребляется обыч-

но лишь теми, кто их презирает, неприменимо, пока нет законов [16]). К этого рода удовольствиям относятся все те, которые связаны с обременением тела и освобождением от бремени, а также все то, что приятно *зрению, слуху, обонянию, вкусу* или *осязанию*. Другие возникают от ожидания, обусловленного предвидением конца или последствий вещей, независимо от того, восприняты или нет эти вещи в данный момент в ощущении.

Умственные удовольствия. Эти удовольствия являются *умственными удовольствиями* того человека, который выводит эти заключения, и называются обычно *радостью* (joy). Точно так же некоторые из неудовольствий кроются в ощущении и называются *страданием*, другие — в ожидании последствий и называются *горем*.

Радость. Страдание. Горе. Эти простые страсти: *желание, любовь, отвращение, ненависть, радость* и *горе* — имеют в зависимости от различных соображений различные названия. Когда они следуют одна за другой, они называются, во-первых, в зависимости от мнения людей о вероятности достижения того, чего они желают. Во-вторых — в зависимости от любимого или ненавидимого объекта. В-третьих — от рассмотрения многих из них вместе. В-четвертых — от смены или самой последовательности в ней.

Надежда. Отчаяние. Ибо *желание*, соединенное с мнением, что желаемое будет достигнуто, называется *надеждой*. То же самое без такого мнения называется *отчаянием*.

Страх. *Отвращение*, соединенное с мнением, что объект нанесет *вред*, называется *страхом*.

Смелость. То же самое, соединенное с надеждой избежать вреда благодаря сопротивлению, называется *смелостью*.

Гнев. Внезапная смелость называется *гневом*.

Вера. Постоянная *надежда* называется *верой*.

Неверие. Постоянное *отчаяние* называется *неверием* в свои собственные силы.

Негодование. *Гнев* по поводу большого зла, причиненного другому, когда мы полагаем, что это было сделано несправедливо, называется *негодованием*.

Благоволение. Желание добра другому называется *благоволением, доброй волей, милосердием*.

Доброта. Если же это относится к человеку вообще — *добротой*.

Корыстолюбие. Желание богатств называется *корыстолюбием*. Это слово всегда употребляется в постыдном

смысле, ибо люди, конкурирующие между собой в достижении богатств, недовольны успехами друг друга; однако само по себе это желание постыдно или допустимо в зависимости от тех средств, при помощи которых эти богатства добываются.

Честолюбие. *Желание* сана или отличий называется *честолюбием.* Это имя также употребляется в плохом смысле по изложенному выше основанию.

Малодушие. *Желание* вещей, которые очень мало способствуют достижению наших целей, и боязнь вещей, которые хотя бы в малой степени мешают этому, называется *малодушием.*

Величие духа. *Пренебрежение* малой помощью или незначительными препятствиями при достижении наших целей называется *величием духа.*

Храбрость. *Величие духа,* проявляемое под угрозой опасности быть убитым или раненым, называется *храбростью, мужеством.*

Щедрость. *Величие духа* в пользовании богатством называется *щедростью.*

Скаредность. *Малодушие* в отношении того же самого — *скряжничеством, скаредностью* или *бережливостью* в зависимости от того, нравится это или нет.

Доброжелательность. Любовь к лицам, с которыми общаются, называется *доброжелательностью.*

Естественное влечение. *Любовь* к лицам исключительно за доставленные ими приятные ощущения называется *естественным влечением.*

Сладострастие. *Любовь* к ним же, имеющая своим источником воспоминание, т. е. представление о прежнем удовольствии, называется *сладострастием.*

Любовная страсть. *Любовь* к одному лицу, сопровождаемая желанием быть единственным предметом его любви, называется *любовной страстью.* То же самое, сопровождаемое боязнью, что любовь невзаимна, называется *ревностью.*

Мстительность. *Желание* причинить вред другому человеку, дабы заставить последнего раскаяться в какомнибудь его собственном деянии, называется *мстительностью.*

Любознательность. Желание знать *почему?* и *как?* называется *любознательностью.* Это желание не присуще ни одному животному существу, кроме *человека,* так что человек не одним лишь разумом, но также и этой специфической страстью отличается от всех других *животных,* в которых желание пищи и других удовольствий ощущения

благодаря своему доминированию подавляет заботу о знании причин, являющемся умственным наслаждением. Это последнее, сохраняясь в непрерывном и неустанном возникновении знания, превосходит кратковременную силу любого плотского наслаждения.

Религия. Суеверие. Истинная религия. *Страх* перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется *религией,* не допущенных — *суеверием.* А если воображаемая сила в самом деле такова, как мы ее представляем, то это *истинная религия* [17].

Панический ужас. *Страх* без представления о том, почему или отчего, называется *паническим ужасом,* так как, согласно легенде, виновником его является Пан. В действительности же дело происходит так, что первый, в ком возник этот страх, имеет представление о его величине, остальные же бегут, увлекаемые примером, причем каждый предполагает, что его сотоварищ знает почему. Таким образом, эта страсть возникает не в одном человеке, а в толпе или во множестве людей.

Восторг. *Радость* от восприятия чего-то нового называется *восторгом.* Страсть эта специфически свойственна человеку, так как она возбуждает желание узнать причину.

Слава. Тщеславие. *Радость,* возникающая у человека от представления о собственной силе и способности, есть то душевное ликование, которое называется *славой;* причем если она основана у человека на опыте его прежних деяний, то она совпадает с *верой* в свои собственные силы; если же это представление основано на лести других или же предполагается им самим ради удовольствия, связанного с таким представлением, то это называется *тщеславием,* какое имя является вполне подходящим, так как обоснованная вера в собственные силы порождает попытку к действию, между тем как предположение о своих силах не порождает таковой и поэтому вполне правильно называется *тщетным.*

Упадок духа (Dejection). *Печаль,* вызванная мнением о недостатке своих сил, называется *упадком* духа (dejection of mind).

Тщеславие, состоящее в выдумывании или предположении заведомо отсутствующих у нас способностей, присуще большей частью молодым людям и питается историями и вымыслами светских щеголей; оно часто исправляется с возрастом и под влиянием деловой жизни.

Внезапная слава. Смех. *Внезапная слава* есть страсть, производящая те гримасы, которые называются смехом.

Она вызывается у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого, по сравнению с чем они сами неожиданно возвышаются в собственных глазах. Эта страсть свойственна большей частью тем людям, которые сознают, что у них очень мало способностей, и вынуждены для сохранения уважения к себе замечать недостатки у других людей. Вот почему много смеяться над недостатками других есть признак малодушия. Ибо людям, обладающим душевным величием, свойственно помогать другим и избавлять их от насмешек, а себя сравнивать лишь с наиболее способными.

Внезапный упадок духа. Плач. Наоборот, *неожиданный упадок духа* есть страсть, вызывающая *плач*. Она обусловливается такими обстоятельствами, которые неожиданно отнимают какую-либо сильную надежду или какую-либо опору. Этой страсти более всего подвержены те, кто главным образом полагается на внешнюю помощь, вроде женщин и детей. Вот почему некоторые плачут по поводу потери друзей, некоторые — по поводу их нелюбезности, другие — по поводу примирения — неожиданного препятствия их мстительным намерениям. Но во всяком случае как смех, так и плач — оба являются неожиданными движениями. Оба их снимает привычка, ибо никто не смеется над старой шуткой и не плачет из-за старого несчастья.

Стыд. Смущение (Blushing). *Печаль*, вызванная обнаружением какого-либо собственного недостатка и представлением о чем-то позорном, называется *стыдом*. Эта страсть проявляется в том, что человек краснеет от стыда. В молодых людях эта страсть похвальна и является признаком любви к хорошей репутации. В пожилых людях она является признаком того же, но так как пришла слишком поздно, то непохвальна.

Бесстыдство. *Пренебрежение* хорошей репутацией называется *бесстыдством*.

Жалость. *Печаль* по поводу чужого несчастья есть *жалость* и вызывается представлением о том, что подобное несчастье может постигнуть и нас самих, поэтому она называется также состраданием, а по современной фразеологии — *сочувствием*. Вот почему к несчастью, явившемуся результатом большой порочности, лучшие люди имеют меньше всего жалости, а те, кто полагают, что такое несчастье им меньше всего грозит, не снисходят и до жалости к нему.

Жестокость. *Пренебрежение* к чужому несчастью или

слабое ощущение его есть то, что люди называют *жестокостью,* и проистекает она от уверенности в прочности своего благополучия, ибо я считаю невозможным, чтобы человек мог испытать удовольствие по поводу несчастий других без какого-либо отношения к собственной судьбе.

Соперничество. Зависть. *Огорчение* по поводу успеха соперника в богатстве, почестях или других благах, если оно соединяется с попыткой напрячь собственные способности, дабы сравняться с этим соперником или превзойти его, называется *соперничеством,* но если оно связано с попыткой подставить ножку сопернику или помешать ему, то называется *завистью.*

Когда в душе человека попеременно возникают желания, отвращения, надежды и страхи в отношении одного и того же и одна за другой чередуются в нашем уме мысли о хороших и дурных последствиях его осуществления или неосуществления, так что иногда нас влечет к нему, а иногда мы испытываем отвращение, иногда мы питаем надежду быть способными осуществить его, иногда отчаиваемся или боимся сделать попытку к этому,— тогда вся сумма желаний, отвращений, надежд и боязни, чередующихся в нашей душе вплоть до того момента, когда оно будет или осуществлено, или сочтено невозможным, называется *обдумыванием.*

Обдумывание. Вот почему в отношении прошлых вещей не может быть никакого *обдумывания,* ибо они, очевидно, не могут быть изменены; не может быть также никакого обдумывания в отношении заведомо невозможных вещей или вещей, которые мы считаем невозможными, ибо людям ясно, что такое обдумывание бесполезно. Однако в отношении вещей невозможных, которые мы считаем возможными, может иметь место обдумывание. Называется оно *обдумыванием* (deliberation) потому, что это кладет конец нашей *свободе* (liberty) делать или не делать что-то сообразно нашему желанию или отвращению.

Это попеременное следование желаний, отвращений, надежд и страхов присуще всем другим живым существам не меньше, чем человеку, и, следовательно, животные также обдумывают.

О всяком процессе *обдумывания* говорят, что он *кончился,* когда то, что обдумывается или уже сделано, или сочтено невозможным; до этого же момента мы сохраняем свободу делать или не делать сообразно нашему желанию или отвращению.

Воля. Последнее желание или отвращение в процессе

обдумывания, непосредственно примыкающее к действию или отказу от действия, есть то, что мы называем *волей,* подразумевая под этим волевой акт (а не волю как способность). И животные, которые способны *обдумывать,* также должны иметь *волю.* Определение *воли,* даваемое обыкновенно схоластами, а именно что это *разумное желание,* неправильно. В самом деле, если бы это было так, то не могло бы быть произвольного акта, противоречащего разуму. Ибо *произвольный акт* есть то, что проистекает из *воли,* а не что-либо другое. Но если вместо «разумное желание» мы скажем «желание, проистекающее из предшествующего акта обдумывания», то такое определение есть то же, что я здесь дал. *Воля* есть, следовательно, *последнее желание в процессе обдумывания.* И хотя мы говорим в обиходной речи: человек однажды был волен сделать что-то, от совершения чего он тем не менее воздержался,— в этом случае, собственно, подразумевается склонность, не делающая никакого поступка произвольным, так как поступок зависит не от нее, а от последней склонности, или желания. Ибо если бы промежуточные желания делали какое-нибудь действие произвольным, то на том же основании промежуточные отвращения делали бы то же самое действие непроизвольным, и, таким образом, одно и то же действие было бы и тем и другим, произвольным и непроизвольным.

Отсюда ясно, что произвольными (voluntary) являются не только действия, имеющие своей побудительной причиной корыстолюбие, честолюбие, сладострастие или другого рода желания предполагаемой вещи, но и действия, происходящие из отвращения или боязни последствий, связанных с воздержанием от действия.

Формы речи для выражения страсти. Формы речи, при помощи которых выражаются страсти, частью идентичны с теми, при помощи которых мы выражаем наши мысли, а частью отличны от них. Прежде всего страсти вообще могут быть выражены в изъявительном наклонении, например: *я люблю, я боюсь, я радуюсь, я обдумываю, я желаю, я приказываю;* некоторые же из них имеют свои особые выражения, которые, однако, не являются утверждениями, за исключением того случая, когда они служат для того, чтобы сделать другие выводы, кроме той страсти, выражением которой они служат. Обдумывание выражается в *сослагательном* наклонении, которое является подходящей формой для обозначения предположений вместе с их последствиями, например: *если это будет сделано, то последует то-то и то-то.* Эта форма выражения не отличается от

формы рассуждений, за исключением того, что рассуждения оперируют словами общего значения, между тем как обдумывание преимущественно имеет дело с частностями. Языком желания и отвращения является императивная форма: *делай это! не делай этого!* Причем если тот, к кому обращаются, обязан делать или не делать, то это — *приказание*, в другом случае — *просьба* или *совет*. Языком тщеславия, негодования, жалости и мстительности является *желательное* наклонение. Для желания знать имеется специфическая форма выражения, так называемая *вопросительная*, например: *что это? когда это будет? как это сделано? почему так?* Никакого другого языка страсти я не нахожу, ибо проклятие, клятва, брань и тому подобное обозначают не речь, а разговорные приемы.

Эти формы речи, говорю я, суть выражения, или произвольные обозначения, наших страстей, но верными признаками их они не являются, так как могут быть употребляемы произвольно, независимо от того, имеет ли тот, кто их употребляет, данные страсти или нет. Лучшими признаками наличных страстей являются выражение лица, движение тела, действия или намерения и цели, о наличии которых у человека мы узнаем иным путем.

Видимое добро и зло. Так как желания и отвращения возникают в процессе обдумывания благодаря предвидению хороших и дурных последствий и результатов обдумываемого нами действия, то хороший и дурной результаты этого обдумывания зависят от предвидения длинной цепи последствий, конец которой чрезвычайно редко кто-либо бывает способен предвидеть. Но если в той части этой цепи, которую человек предвидит, последствия добра превосходят последствия зла, тогда вся цепь представляет собой то, что писатели называют *явным*, или *видимым, добром*. И наоборот, когда зло превосходит добро, вся цепь называется *явным* или *видимым злом*. Таким образом, тот, кто имеет благодаря опыту или уму наиболее широкую и верную перспективу последствий, сам наилучшим образом обдумывает и способен при желании дать наилучший совет другим.

Счастье. *Постоянная* удача в достижении тех вещей, которые человек время от времени желает, т. е. постоянное преуспевание, есть то, что люди называют *счастьем*. Я разумею счастье земной жизни. Ибо не существует такой вещи, как вечный душевный мир, пока мы живем здесь. В самом деле, жизнь сама по себе есть лишь движение и так же мало может протекать без желания и страха, как без ощущения.

Какого рода счастье Бог приуготовил для тех, кто благоговейно почитает его, человек узнает лишь тогда, когда будет наслаждаться им, так как это такие радости, которые сейчас так же непостижимы, как невразумительны слова схоластов о *блаженном видении.*

Восхваление. Возвеличение. Форма речи, при помощи которой люди обозначают свое мнение о хорошем качестве какой-нибудь вещи, называется *восхвалением.* Та форма, при помощи которой человек обозначает силу и величие какой-нибудь вещи, есть *возвеличение.* Та форма, при помощи которой люди обозначают свое мнение о счастье человека, у греков называется μακαρισμός [18], для чего в нашем языке нет названия. Сказанного до сих пор о *страстях* вполне достаточно для нашей цели.

ГЛАВА VII
О ЦЕЛЯХ ИЛИ РЕЗУЛЬТАТАХ РАССУЖДЕНИЙ

Во всяком *рассуждении (*discourse), руководимом желанием познать, бывает *цель,* она состоит или в нахождении этого знания, или в отказе от него. И где бы ни была прервана цепь рассуждения, имеется цель для данного момента.

Если рассуждение происходит лишь в уме, то оно состоит из чередующихся мыслей о том, что какая-нибудь вещь будет и не будет, что она была и не была. Таким образом, где бы вы ни прервали цепь человеческого рассуждения, вы всегда оставите рассуждающего при предположении: *вещь будет,* или *вещь не будет,* или *вещь была* или *не была.* Все это представляет собой мнение. И какую роль играет чередующееся желание при обдумывании относительно добра и зла, такую же — чередующееся мнение в исследовании истины относительно *прошлого* и *будущего.* Аналогично тому, как последнее желание при обдумывании называется *волей,* последнее мнение при исследовании истины относительно прошлого и будущего называется *суждением,* или *решительным* и *окончательным мнением,* того, кто *рассуждает.*

Суждение, или окончательное мнение. Сомнение. И аналогично тому, как вся цепь чередующихся желаний в вопросе добра или зла называется *обдумыванием,* так и цепь чередующихся мнений в вопросе истины или лжи называется *сомнением.*

Никакое рассуждение не может закончиться абсолют-

ным знанием прошлого или будущего факта, ибо что касается знания факта, то оно дано прежде всего в ощущении, а затем в памяти. А что касается знания последствий, которое, как я раньше сказал, называется наукой, то оно не абсолютно, а условно. Ни один человек не может узнать путем рассуждения, что э́то или то́ есть, было или будет, что было бы абсолютным знанием, а лишь, что если э́то есть, то и то́ есть; если э́то было, то и то́ было; если э́то будет, то и то́ будет. Это условное знание, причем не последовательности вещей, а лишь последовательности имен вещей.

Наука. Мнение. Вот почему когда рассуждение переложено в речь, которая начинается с определений слов и дальше идет к соединению их в общие утверждения, а от них — к силлогизмам, то результат, или последний итог, называется заключением, а обозначенная им мысль есть то условное знание, или знание последовательности слов, которое обычно называется *наукой*. Но, если первым основанием такого рассуждения не являются определения или если определения неправильно объединены в силлогизмы, тогда результат, или заключение, есть снова мнение, именно мнение об истинности чего-то сказанного, хотя это иногда сказано в нелепых и бессмысленных словах, понять которые нет никакой возможности.

Со-ве́дение (Conscious). Когда два человека или более знают один и тот же факт, тогда говорят, что они *сознают*, или, что то же самое,— сообща знают это. И так как каждый из них является наиболее подходящим свидетелем по отношению к другому или по отношению к третьему, то всегда считалось и будет считаться очень дурным деянием говорить против своего *со-ве́дения* (conscience) либо путем подкупа или насилия заставлять это делать другого. Таким образом, к доводам со-ве́дения очень внимательно прислушивались во все времена. Впоследствии люди стали употреблять то же слово в метафорическом смысле, обозначая им знание собственных скрытых деяний и сокровенных мыслей, почему и говорится риторически, что совесть (conscience) есть тысяча свидетелей. И в конце концов люди, питающие сильное пристрастие к своим новым мнениям (как бы ни были они абсурдны) и склонные упорно поддерживать их, тоже дали этим мнениям почетное имя совести, считая незаконным менять их или говорить против них. Таким образом, они утверждают, будто знают, что эти мнения истинны, между тем они знают самое большее лишь то, что они так думают.

Доверие (Belief). **Вера** (Faith). Если чье-либо рассуж-

дение начинается не с определений, то оно начинается или с какого-нибудь собственного размышления, и тогда оно по-прежнему называется мнением, или же — с какого-нибудь высказывания другого человека, в отношении которого рассуждающий не сомневается, что он способен знать истину и настолько честен, чтобы не обманывать, и тогда рассуждение касается не столько вещи, сколько лица, и решение в этом случае называется *доверием* и *верой: доверием* к человеку, *верой* как *в* человека, так и *в* истинность того, что он говорит. Таким образом, в этой вере заключаются два мнения: одно — о высказывании человека, другое — о его качествах. *Верить в человека,* или доверять ему, означает одно и то же, а именно мнение о правдивости человека, но *верить тому, что сказано,* означает лишь мнение об истине высказанного. Однако мы должны заметить, что форма «я верю в», так же как и латинская credo in и греческая πιστεύω ἐις, употреблялась всегда лишь в писаниях богословов. Вместо нее в других писаниях употреблялись: «*я верю ему*», «*я доверяю ему*», «*я имею доверие к нему*», «*я полагаюсь на него*», по-латыни credo illi; fido illi; а по-гречески πιστεύω αὐτω, причем особенность церковников в употреблении слов способствовала возникновению многих споров о настоящем предмете христианской веры.

Однако под выражением *«вера в»,* употребляемым при изложении Символа веры, подразумевается не доверие к личности, а вероисповедание и признание вероучения (doctrine). Ибо не только христиане, но всякого рода люди так верят в Бога, что считают за истину все услышанное от него независимо от того, понимают они это или нет, каковая вера и доверие являются единственно возможными для какой бы то ни было личности. Однако все другие, кроме христиан, совершенно не верят в учение христианства. Из сказанного мы можем заключить, что если мы верим в истину какого-либо высказывания не на основании аргументов, почерпнутых из самой вещи или из принципов естественного разума, а на основании авторитета и доброго мнения, которое мы имеем о том, кто сказал это, то объектом нашей веры является говоривший, или лицо, в которое мы верим или которому мы доверяем и слово которого мы приемлем, и лишь ему мы оказываем честь нашим доверием. И следовательно, когда мы, не имея непосредственного откровения от Бога, верим, что Священное писание есть Слово Божие, то наша вера и доверие относятся к церкви, слово которой мы приемлем и соглашаемся с ним. А те, кто верит тому,

что какой-нибудь пророк говорит им от имени Бога, приемлют слово пророка, оказывают ему честь и доверие, принимая за истину то, что он им рассказывает, независимо от того, является ли он истинно- или лжепророком. Так же обстоит дело и со всякой другой историей. Ибо если я не стал бы верить всему, что написано историками о славных деяниях Александра или Цезаря, то я не думаю, чтобы дух Александра или Цезаря или кто-либо иной, кроме историка, имели основательный повод считать себя оскорбленными. Если Ливий говорит, будто боги однажды сделали так, что корова заговорила, а мы этому не верим, то мы не доверяем не Богу, а Ливию[19]. Таким образом, очевидно, что если мы верим чему-нибудь, не имея для этого иной причины, кроме авторитета людей и их писаний, то это только вера в этих людей независимо от того, посланы они Богом или нет.

ГЛАВА VIII

О ДОСТОИНСТВАХ, ОБЫЧНО НАЗЫВАЕМЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ, И О ПРОТИВОСТОЯЩИХ ИМ НЕДОСТАТКАХ

Определение интеллектуальных достоинств. *Достоинство* вообще во всякого рода субъектах есть нечто, что ценится за превосходство и состоит в сравнении. Ибо если бы все было одинаково во всех людях, ничто бы не ценилось. И под *интеллектуальными достоинствами* всегда подразумеваются такие умственные способности, которые люди хвалят, ценят и которыми желают обладать. Все эти способности имеют общее название *большой ум*, хотя слово *ум* (wit) употребляется также, чтобы отличить одну определенную способность от всех других.

Ум природный или благоприобретенный. Эти *достоинства* бывают двух видов: *природные* и *благоприобретенные*. Под природными я понимаю не то, что человек имеет от рождения, ибо от рождения человек имеет лишь ощущение, и в отношении этого люди так мало отличаются друг от друга и от остальных животных, что ощущение нельзя считать достоинством.

Природный ум. Под природным я подразумеваю лишь тот ум, который приобретается практикой, опытом, без метода, культуры и обучения. Этот *природный ум* заключается главным образом в двух вещах: *быстроте воображения* (т. е. быстрое следование одной мысли за другой) и *не-*

устанной устремленности к какой-либо избранной цели. Наоборот, медленное воображение составляет тот умственный дефект, или недостаток, который обычно называется *косностью, тупостью,* а иногда другими именами, обозначающими медленность движения или трудность приведения в движение.

Большой ум, или фантазия. Это различие в быстроте обусловлено различием человеческих страстей. Некоторые люди любят или не любят одну вещь, другие — другую, и потому у одних людей мысли протекают одним путем, у других — другим, и люди различно схватывают, и ими различно замечаются те вещи, которые проходят через их воображение. И так как при последовательном ряде человеческих мыслей в вещах, о которых люди думают, нельзя заметить ничего, кроме того, что они в чем-то *сходны между собой,* или чем-то *различаются,* или *служат какой-то цели,* то о тех людях, которые замечают сходства вещи, в случае если эти сходства таковы, что их редко замечают другие, мы говорим, что они обладают *большим умом,* под каковым в данном случае подразумевается *большая фантазия.*

Способность суждения. Рассудительность. О тех же, кто замечает их различия и несходства, что является *различением* и *распознаванием вещей* и *суждением* о вещах, в случае если такое различение нелегко, говорят, что они обладают *большой способностью суждения,* и, в частности, в беседах и деловых вопросах, где должны быть различны времена, места и лица, это качество называется *рассудительностью.* Первое, т. е. фантазия, не сочетающаяся со способностью суждения, не восхваляется как достоинство, но последнее, являющееся способностью суждения и рассудительностью, восхваляется как нечто самостоятельное и не соединенное с фантазией. Помимо необходимости сочетать с хорошей фантазией способность различения времени, места и лиц требуется также частное приспособление мыслей к их цели, т. е. к некоторому применению, которое должно быть из них сделано. При наличии этих данных тот, кто обладает этим качеством, будет иметь большой запас сходств, которые будут нравиться не только потому, что они будут иллюстрировать его разговор и украшать его новыми и меткими метафорами, но также благодаря оригинальности этих метафор. Однако без постоянства и устремленности к определенной цели большая фантазия есть своего рода сумасшествие. Этого рода сумасшествие мы наблюдаем у тех, кто, начиная разговор, отвлекается от своей цели всякой вещью, которая ему приходит в голову,

и запутывается в столь многих и длинных отступлениях и вводных предложениях, что совершенно теряет нить разговора. Для этого рода сумасшествия я не знаю специального имени. Однако причинами его являются: иногда недостаток опыта, вследствие чего человеку представляется чем-то новым и редким то, что другим не представляется таковым; иногда малодушие, по причине которого человеку кажется великим то, что другие люди считают мелочью, а все, что ново и велико и потому считается подходящей темой для разговора, отвлекает человека от намеченного им направления его беседы.

В хороших поэмах, будь то *эпические* или *драматические*, точно так же в *сонетах, эпиграммах* и других пьесах требуются как суждение, так и фантазия, но фантазия должна больше выступать на первый план, так как эти роды поэзии нравятся своей экстравагантностью, но они не должны портить впечатления отсутствием рассудительности.

В хорошей работе по истории должно выступать на первый план суждение, ибо высокое качество работы по истории состоит в ее методе, истинности и выборе действий, которые наиболее выгодно знать. Фантазии здесь нет места, разве лишь для украшения стиля.

В похвальных речах и сатирах фантазия преобладает, так как их задачей является не поиск истины, а восхваление или посрамление, что делается путем сопоставлений с благородным или низким. Суждение лишь подсказывает, какие обстоятельства делают деяние похвальным или преступным.

В увещеваниях и защитах требуются суждения или фантазия в зависимости от того, служат ли соответствующей цели лучше всего истина или сокрытие истины.

В доказательстве, в совете и во всех тех случаях, когда серьезно ищут истину, суждение — все, разве что иногда приходится для облегчения понимания начать с какого-нибудь подходящего сходства, и потому применяется фантазия. Однако метафоры в этом случае абсолютно исключены, ибо раз мы видим, что они откровенно обманывают, то было бы явным сумасшествием допускать их в совете или рассуждении.

Если в каком бы то ни было разговоре явно сказывается отсутствие рассудительности, то, как бы экстравагантна ни была оказывающаяся в нем фантазия, весь разговор будет считаться показателем отсутствия ума у говорящего. Подобного никогда не будет, если в разговоре явно обнаружи-

вается рассудительность, пусть даже фантазия при этом будет самая ординарная.

Тайные мысли человека распространяются на все вещи: священные, светские, чистые, бесстыдные, серьезные и легкие, не вызывая чувства стыда или осуждения, но в словесном разговоре это можно сделать постольку, поскольку это считается допустимым в зависимости от времени, места и лиц. Анатом или врач может высказать или написать свое суждение о нечистых вещах, ибо это делается не для развлечения, а для выгоды; но если другой человек стал бы писать свои экстравагантные или забавные фантазии о тех же самых вещах, то он уподобился бы человеку, который, упав в грязь, пришел бы и представился в таком виде хорошему обществу. Вся разница между первым и вторым случаями состоит в том, что во втором случае отсутствует рассудительность. Точно так же в явно игривом настроении ума и в знакомом обществе человек может играть звуками и двусмысленными значениями слов, и это очень часто случается при соревнованиях, исполненных необычайной фантазии, но в проповеди, или публичной речи, или перед незнакомыми людьми, или перед людьми, которых мы обязаны уважать, не может быть жонглирования словами, ибо его сочли бы сумасбродством, и разница тут тоже лишь в отсутствии рассудительности. Так что там, где не хватает ума, дело заключается не в отсутствии фантазии, а в отсутствии рассудительности. Поэтому суждение без фантазии есть ум, но фантазия без суждения умом не является.

Благоразумие. Если человек, поставивший перед собой определенную цель, пробегает в мыслях множество вещей и замечает, как они ведут его к этой цели или к какой цели они могут вести, то, в случае если такая наблюдательность нелегко дается или необычна, этот ум называется *благоразумием,* и он обусловливается богатым опытом и памятью о подобных вещах и дальнейших их последствиях. Разница между людьми в отношении благоразумия не так велика, как в отношении фантазии и способности суждения, ибо опыт людей одинакового возраста различен не столько количественно, сколько качественно — в зависимости от различных поводов, так как каждый человек имеет свои особые задачи. Управлять хорошо семьей или королевством есть не разные степени благоразумия, а разного вида дела в такой же мере, как нарисовать портрет в миниатюре, или в натуральную величину, или в увеличенном размере не есть разные степени искусства. Обычный отец семейства проявляет больше благоразумия в делах своего собственно-

го дома, чей тайный советник — в делах другого человека.

Хитрость. Если вы к благоразумию прибавите пользование несправедливыми или бесчестными средствами, каковые обычно внушаются людям страхом или нуждой, то вы имеете ту извращенную мудрость, которая называется *хитростью* и является признаком малодушия, ибо величие души сказывается в презрении к несправедливым или бесчестным средствам. А то, что римляне называют versutia (что переводится «увертка»), означает избавление от наличной опасности или неудобства средствами, вовлекающими в еще большую опасность или еще большее неудобство, как если, например, человек грабит одного, чтобы заплатить долг другому,— это лишь известный вид хитрости, именно более близорукая хитрость, называемая versutia от слова versura, означающего взятие денег под проценты, с тем чтобы заплатить другому следуемые ему проценты.

Благоприобретенный ум. Что же касается благоприобретенного ума (wit) — я разумею благоприобретенного путем метода и обучения, то таковым является лишь разум (reason), имеющий своей основой правильное употребление речи и создающий науку. Однако о разуме и науке я уже говорил в V и VI главах.

Причины этих различий ума кроются в страстях, а различие страстей обусловливается отчасти различным строением тела, а отчасти различным воспитанием. В самом деле, если это различие проистекало бы от строения мозга и других органов ощущения, будь то внешних или внутренних, то люди различались бы в отношении их зрения, слуха и других ощущений не меньше, чем в отношении их фантазии и рассудительности. Источником указанного различия являются поэтому страсти, которые различаются в зависимости не только от телосложения людей, но также от их привычек и воспитания.

Страстями, более всего обусловливающими различия ума, являются главным образом желания власти, богатства, знания или почестей. Все эти страсти могут быть сведены к первой, т. е. к желанию власти, ибо богатство, знание и почести суть различные виды власти.

Легкомыслие. Сумасшествие. Вот почему если человек не имеет большой страсти к какой-нибудь из указанных вещей, а является, как говорят, безразличным, то хотя он был, может быть, настолько добрым человеком, чтобы не быть способным обидеть кого бы то ни было, однако он не может обладать ни большой фантазией, ни большой спо-

собностью суждения. Ибо мысли играют по отношению к желаниям роль разведчиков и лазутчиков, ищущих путей к желаемым вещам, и всякое твердое направление движений ума и их живость проистекают из желаний. Ибо, подобно тому как отсутствие всяких желаний означает смерть, точно так же слабость страстей означает тупость, а иметь страсти, безразличные ко всякой вещи, есть *легкомыслие* и *рассеянность*. Питать же по отношению к какой-либо вещи более сильную и более пылкую страсть, чем та, которая обычно наблюдается у других людей, есть то, что люди называют *сумасшествием*.

Этого сумасшествия бывает столько же видов, сколько и страстей. Иногда необычайная и экстравагантная страсть имеет своим источником плохое строение органов тела или причиненное им повреждение, иногда же повреждение и расстройство органов проистекают от пылкости или продолжительности страсти. Но в обоих случаях сумасшествие имеет одну и ту же природу.

Страстью, которая при известной силе и продолжительности переходит в сумасшествие, является или большое *тщеславие*, которое обычно называется *надменностью* или *высокомерием*, или большая душевная *угнетенность*.

Ярость. Высокомерие делает человека склонным к гневу, крайностью чего является сумасшествие, называемое *яростью* или *неистовством*. И бывает, что чрезмерное желание мести, когда оно становится обычным, приводит в расстройство органы и переходит в неистовство. Чрезмерная любовь, соединенная с ревностью, переходит также в неистовство. Слишком высокое мнение человека о самом себе, о своем божественном вдохновении, о своей мудрости, учености, красоте и т. п. становится сумасшествием и взбалмошностью, а когда сочетается с завистью, то становится бешенством. Преувеличенное мнение об истинности какой-нибудь вещи, оспариваемой другими, есть бешенство.

Меланхолия. Душевная угнетенность делает человека склонным к беспричинному страху, что является сумасшествием, обычно называемым *меланхолией*. Последняя проявляется в различных формах, как, например, в частом посещении уединенных мест и могил, странном поведении и в боязни то одной, то другой вещи. Одним словом, все страсти, которые обусловливают странное и необычное поведение, называются общим именем — *сумасшествием*. А что касается разных видов сумасшествия, то всякий, кто даст себе труд, может насчитать их легион. И если чрезмер-

ность есть сумасшествие, то нет сомнения, что и сами страсти, когда они направлены к злу, суть различные степени сумасшествия.

(К примеру.) Хотя действие сумасшествия у тех, кто уверен в своей вдохновенности свыше, не всегда сказывается у каждого из них в отдельности в каком-либо чрезвычайном поступке, проистекающем из этой страсти, однако, когда многие из них сговариваются, неистовство всей толпы сказывается вполне явно. Ибо в чем может больше сказаться сумасшествие, как не в том, чтобы кричать на наших друзей, бить их и бросать в них камнями? Однако это самое меньшее из того, что такая толпа будет делать. Ибо она будет кричать, драться и убивать тех, кто всю предыдущую жизнь оказывал ей покровительство и охранял ее от зла. А если это — сумасшествие толпы, то это точно так же и сумасшествие каждого ее участника. Ибо, подобно тому как человек, находящийся в открытом море, не воспринимая шума ближайшей к нему частицы воды, тем не менее уверен, что эта частица не меньше содействует шуму моря, чем всякая равная ей по количеству, точно так же мы, не замечая большего волнения в одном человеке или в двух, можем быть, однако, твердо уверены, что их отдельные страсти являются частью мятежного шума волнующейся нации. И если бы ничто другое не обнаруживало их сумасшествия, сам факт приписывания себе подобных влияний явился бы достаточным аргументом. Если в Бедламе[20] какой-нибудь человек занимал бы вас рассудительным разговором и вы при прощании пожелали бы узнать, кто он такой, дабы вы могли в другой раз отплатить ему за его любезность, и он сказал бы вам, что он Бог-отец, то вам, я полагаю, не было бы надобности ждать каких-нибудь чрезвычайных поступков с его стороны, чтобы иметь доказательство его сумасшествия.

Это мнение о своей вдохновенности, называемое обычно особым внушением, очень часто возникает после какого-либо счастливого открытия ошибки в том, что общепризнано. Не зная или не припоминая, каким именно путем они дошли до этой частной истины (как они полагают, ибо очень часто наталкиваются на ложь), люди поклоняются самим себе, считая, что пользуются особой милостью всемогущего Бога, который открыл им эту истину сверхъестественным путем — путем внушения.

Что сумасшествие есть лишь резко выявившаяся страсть, можно опять-таки заключить из наблюдения над действием вина, которое одинаково с действием плохого

состояния органов. В самом деле, поведение людей, много выпивших, похоже на поведение сумасшедших. Некоторые из них неистовствуют, другие объясняются в любви, третьи смеются, и все это сумасбродно, однако сообразно с доминирующими у них страстями, так как действие вина лишь устраняет притворство и лишает людей возможности видеть уродство их страстей. Ибо (как я полагаю) самые трезвые люди, когда они гуляют одни, ни о чем серьезно не думая, были бы очень недовольны, если бы суетность и уродство их мыслей выявились публично, и это является признанием того, что страсти, которыми не управляют, большей частью суть простое сумасшествие.

В отношении причины сумасшествия как в древние, так и в более поздние века существовало два мнения. Одни считали, что причины — их страсти, другие — демоны или духи, добрые или злые, которые, как полагали, могли войти в человека, овладеть им и двигать его члены таким странным и неуклюжим образом, как это обычно делают сумасшедшие. Поэтому представители первого мнения называли таких людей сумасшедшими, представители же второго — *бешеными* (т. е. одержимыми бесом), иногда *беснующимися* (т. е. движимыми бесами), а ныне в Италии они называются не только pazzi — сумасшедшими, но также spiritati — одержимыми духами.

Однажды в знойный день в греческом городе Абдере было огромное стечение народа по случаю представления трагедии «Андромеда». В результате, как из-за зноя, так и из-за трагедии, очень многие зрители впали в горячку и только и делали, что декламировали стихи о Персее и Андромеде, от чего, как и от горячки, они излечились с наступлением зимы; возникновение этого сумасшествия приписывали страсти, вызванной трагедией. Подобная же эпидемия сумасшествия случилась в другом греческом городе, где она охватила лишь молодых девушек, побудив многих из них повеситься. Большинство жителей того города сочли это действием дьявола. Однако один гражданин, подозревая, что презрение к жизни проистекает в них из какой-нибудь душевной страсти, и предполагая, что они не пренебрегают своей честью, дал городским властям совет раздеть догола самоубийц и оставить их висеть голыми. Это, как рассказывает история, прекратило сумасшествие. Однако, с другой стороны, те же греки часто приписывали сумасшествие действиям евменид и фурий, а иногда — Цереры, Феба и других богов [21]. Люди так много приписывали фантомам, что считали их живущими в воздухе

телами и называли их общим именем духов. Римляне держались в этом отношении того же мнения, что греки и евреи, ибо они называли сумасшедших пророками или (в зависимости от того, считали ли они духов добрыми или злыми) бешеными, некоторые из них называли как пророков, так и бешеных сумасшедшими, а некоторые называли одного и того же человека и бешеным и сумасшедшим. Однако, поскольку речь идет о язычниках, этому не приходится удивляться, так как болезни и здоровье, пороки и добродетели и многие естественные качества определялись и почитались ими как демоны. Так что под словом «демон» человек мог понимать как перемежающуюся лихорадку, так и дьявола. Однако странно, как могли евреи иметь такое мнение? Ведь и Моисей, и Авраам приписывали свой дар пророчества не одержимости каким-нибудь духом, а Божьему внушению посредством виде́ния или сна. Точно так же нет никакой одержимости в законе, морали или обрядах, которые были преподаны евреям. Когда говорится о Боге (Чис. 11,25), что он взял от духа, жившего в Моисее, и дал его семидесяти старейшинам, то не дух Бога (понимая под этим субстанцию Бога) делился. Под божественным духом в человеке Писание понимает человеческий дух, склонный к набожности. А когда говорится (Исх. 28,3) [22]: *«Кого я наполнил духом мудрости, чтобы сделать одежду для Аарона»*, то подразумевается здесь не дух, вложенный в тех, кто умеет делать одежду, а собственная мудрость их в этого рода работе. В таком же смысле обычно называется нечистым дух человека, совершающего нечистые деяния, а также другие духи, по крайней мере во всех тех случаях, когда соответствующие добродетели или пороки являются значительными и выдающимися. Точно так же не претендовали на одержимость и другие пророки Ветхого завета и не утверждали, что Бог говорит в них, а лишь что он говорит им голосом или посредством виде́ния, или сна, а под *Господним бременем* понималась не одержимость, а повеление. Каким же образом могли евреи прийти к этому мнению об одержимости? Я не могу представить другой причины, кроме той, которая свойственна всем людям, а именно: недостаток любознательности для исследования естественных причин, склонность считать счастьем грубые удовольствия ощущений от обладания теми вещами, которые непосредственно доставляют их. Ибо те, кто видит у человека какую-нибудь странную или необычайную способность или недостаток, не видя одновременно, от какой причины они могли бы произойти,

едва ли могут считать их естественными, а если они не считают их естественными, то по необходимости должны считать их сверхъестественными, а раз так, то что другое может тут быть, кроме того, что или Бог, или дьявол обитает в таком человеке. Вот почему произошло так, что когда наш Спаситель (Марк 3,21) был окружен толпой, то те, кто был внутри дома, заподозрили Его в сумасшествии и вышли, чтобы удержать Его, но книжники говорили, что Он одержим Вельзевулом [23] и именно благодаря этому Он изгоняет бесов наподобие того, как более сумасшедший нагнал бы страх на менее сумасшедшего. Точно так же (Иоан. 10,20) некоторые говорили, что *Он одержим бесом и сошел с ума,* между тем как другие, считавшие Его пророком, говорили: *Это не слова такого, который одержим бесом.* И в Ветхом завете (4 Цар. 9,11) рассказывается, что, когда пришел пророк помазать Ииуя, некоторые из окружающих спрашивали Ииуя: *Зачем приходил этот неистовый к тебе?* В итоге всего этого ясно, что всякий, кто вел себя странным образом, считался у евреев одержимым добрым или злым духом; исключение представляют лишь саддукеи, которые настолько заблуждались, что совершенно не верили в существование духов (что уже весьма близко к прямому атеизму) и этим, может быть, в значительной степени провоцировали других называть людей странного поведения скорее одержимыми бесами, чем сумасшедшими.

Но почему наш Спаситель при лечении таких людей действовал так, точно они были одержимыми, а не так, как если бы они были сумасшедшими? На это я могу ответить лишь так, как отвечают тем, кто подобным же образом использует Священное писание против мнения о движении Земли. Священное писание, предоставив мир и мирскую философию спорам людей для упражнения их естественного разума, было написано, дабы показать людям Царство Божие и подготовить умы людей к тому, чтобы стать послушными подданными Бога. Обусловлена ли смена дня и ночи движением Земли или Солнца, объясняются ли ненормальные действия людей влиянием страсти или дьявола (поскольку мы последнему не поклоняемся), безразлично для нашего послушания и нашей покорности всемогущему Богу, т. е. для той единственной цели, ради которой написано Священное писание. А что касается того, что наш Спаситель говорит с болезнью как с личностью, то это обычная манера всех, кто лечит лишь одними словами, как это делал Христос (и как это делают колдуны, все равно, обращаются ли они к дьяволу или нет). В самом

деле, не говорил ли Христос также (Матф. 8,26), что Он запретил ветрам? Не говорил ли Он также (Лук. 4, 39), что запретил горячке? Однако это ведь не доказывает, что горячка есть дьявол. И если говорится, что многие из этих бесов признали Христа, то нет необходимости толковать соответствующие места иначе как в том смысле, что его признали эти сумасшедшие. А когда наш Спаситель говорит (Матф. 12, 43) о нечистом духе, что он, вышедший из человека, бродит по сухим местам, ища покоя, и, не находя его, возвращается в того же самого человека с семью другими, еще худшими духами, то это явное преувеличение, подразумевающее человека, который после небольшого усилия расстаться со своими похотливыми вожделениями побеждается их силой и становится в семь раз хуже, чем был. Таким образом, я ничего не нахожу в Священном писании, что требовало бы веры, будто одержимые бесом являются кем-то другим, а не сумасшедшими.

Бессодержательная речь. Есть еще один недостаток в рассуждениях некоторых людей, который также может быть причислен к видам сумасшествия, именно то злоупотребление словами, о котором я сказал раньше в главе V, говоря об абсурдах. Это когда люди говорят такие слова, в сочетании которых нет никакого смысла, но которыми одни просто пользуются, не понимая этих слов, воспринятых от других и заученных, другие — ставя целью ввести в заблуждение нелепостью. И это свойственно исключительно тем, кто вроде схоластиков разговаривает о непонятных предметах или обсуждает вопросы темной философии. Простые люди редко говорят бессмыслицы, и поэтому претенциозные люди считают их идиотами. Однако, чтобы убедиться в том, что словам этих претенциозных людей абсолютно ничего не соответствует в уме, нужны были некоторые примеры. И вот если кто-либо требует таковых, то пусть он возьмет в руки сочинение какого-нибудь схоласта и посмотрит, сможет ли он перевести на любой современный язык какую-нибудь главу, касающуюся того или другого пункта, например Троицы, божественности природы Христа, пресуществления, свободы воли и т. п., причем перевести так, чтобы сделать указанные рассуждения понятными, или — перевести такую главу в сносную латынь, т. е. такую, какая была обычна в то время, когда латинский язык был общенародным. Каков, например, смысл следующих слов: *Первичная причина не необходимо втекает как-нибудь во вторичную силой существенного подчинения вторичных причин, при помощи чего она помогает послед-*

ним действовать? Эти слова — перевод заголовка V главы I книги Суареса «О содействии, движении и помощи Бога» [24]. Когда люди пишут целые тома о таких материях, то разве они не сумасшедшие или не намерены сделать таковыми других? А что касается, в частности, вопроса о пресуществлении, то те, кто после нескольких произнесенных слов говорят, что *белизна, круглость, важность, качество, ломкость*, которые все суть бестелесные свойства, выходят из просвиры и входят в тело нашего святого Спасителя,— разве говорящие так не делают все эти *Зна, Ость, Ство* столькими же духами, обладающими его телом? Ибо под духами они всегда разумеют вещи, которые, будучи невещественными, тем не менее имеют способность передвигаться с одного места на другое. Таким образом, этот вид абсурда с полным основанием может быть причислен к другим видам сумасшествия; и все те моменты, когда схоласты, отдавая себе ясный отчет в смысле своих слов, воздерживаются от того, чтобы диспутировать или писать таким образом, являются лишь светлыми промежутками. И сказанного достаточно об интеллектуальных достоинствах и недостатках.

ГЛАВА IX

О РАЗЛИЧНЫХ ПРЕДМЕТАХ ЗНАНИЯ

Имеются два рода *знания*, из которых первый есть *знание факта*, второй — *знание последовательной зависимости одного утверждения от другого*. Первый род знания есть не что иное, как ощущение и память, и является *абсолютным знанием* (absolute knowledge), например когда мы наблюдаем совершающийся факт или вспоминаем, что он совершался, и это то знание, которое требуется от свидетеля. Второй род знания называется *наукой* и является *условным*, например когда мы знаем, что *если данная фигура есть окружность, то всякая прямая, проведенная через центр, разделит ее на две равные части*. И это есть то знание, которое требуется от философа, т. е. от того, кто претендует на правильное мышление.

Запись *знания факта* называется *историей*, которой имеются два вида. Один называется *естественной историей* и является историей таких фактов или явлений природы, которые совершенно не зависят от человеческой воли. Таковы, например, истории *металлов, растений, животных, стран* и т. п. Другой вид называется *гражданской историей*

и является историей произвольных действий людей в государствах.

Записями науки являются такие *книги,* которые содержат *доказательства* последовательной зависимости одного утверждения от другого и обычно называются *философскими книгами.* Таких книг имеется много видов соответственно разнообразию объектов исследования. Они могут быть разделены так, как я это наметил в следующей таблице (см. приложенную таблицу).

ГЛАВА X

О МОГУЩЕСТВЕ, ЦЕННОСТИ, ДОСТОИНСТВЕ, УВАЖЕНИИ И ДОСТОЙНОСТИ

Могущество. *Могущество человека* (взятое в общем виде) есть его наличные средства достигнуть в будущем некоего видного блага и является или *естественным,* или *инструментальным.*

Природным могуществом является превосходство способностей тела или ума, таковы необычайная физическая сила, красота, благоразумие, ловкость, красноречие, щедрость, благородство. *Инструментальными* являются формы могущества, приобретенные посредством вышеуказанных качеств или благодаря удаче и являющиеся средствами или инструментами для приобретения еще большего могущества, как-то: богатство, репутация, друзья и тайное содействие Бога, которое люди называют счастливым случаем. Природа могущества в этом отношении похожа на молву, которая растет по мере своего распространения, или подобна движению тяжелых тел, которые, чем дальше движутся, тем больше увеличивают свою скорость.

Наибольшим человеческим могуществом является то, которое составлено из сил большинства людей, объединенных соглашением, и перенесено на одну личность, физическую или гражданскую, пользующуюся всеми этими силами или по своей собственной воле, каково, например, могущество государства, или в зависимости от воли каждого в отдельности, каково могущество партии или лиги различных партий. Вот почему иметь слуг есть могущество, иметь друзей есть могущество, ибо все это означает объединенные силы.

Богатство, соединенное с щедростью, также является могуществом, ибо оно доставляет друзей и слуг; без щедро-

- НАУКА, т. е. знание последствий, называемое также ФИЛОСОФИЕЙ
  - Знание последствий акциденций естественных тел, называемое также ЕСТЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИЕЙ
    - Знание последствий акциденций, присущих всем естественным телам, каковыми являются *количество* и *движение*
    - ФИЗИКА, или последствия *качеств*
      - Знание последствий качества *преходящих* тел, которые иногда появляются, а иногда исчезают
      - Знание последствий качеств *постоянных* тел
        - Знание последствий качеств *звезд*
        - Знание последствий качеств *текучих* тел, заполняющих пространство между звездами, каковыми телами являются *воздух* и эфирные субстанции
        - Знание последствий качеств *земных* тел
  - Знание последствий акциденций *политических* тел, называемое ПОЛИТИКОЙ и *гражданской* ФИЛОСОФИЕЙ
    1. Знание последствий установления ГОСУДАРСТВА в отношении прав и обязанностей политического тела или суверена
    2. Знание последствий того же самого в отношении прав и обязанностей подданных

- Знание последствий количества и *неопределенного* движения, которое, являясь началом, или первой основой философии, называется *первой философией* — ПЕРВАЯ ФИЛОСОФИЯ
- Знание последствий движения и количества *определенного*
  - Знание последствий количества и движения определяемого
    - Фигурой... — *Математика* — ГЕОМЕТРИЯ
    - Числами... — *Математика* — АРИФМЕТИКА
  - Знание последствий движения и количества тел *в частности*
    - Знание последствий движения и количества больших тел мира как *Земля* и *звезды* — *Космография* — АСТРОНОМИЯ; ГЕОГРАФИЯ
    - Знание последствий движения специального рода и фигур тел — *Механика.* Учение о *тяжести.* — ИНЖЕНЕРНАЯ НАУКА; АРХИТЕКТУРА; МОРЕХОДСТВО; МЕТЕОРОЛОГИЯ
- Знание последствий *света* звезд, а также движения Солнца составляет предмет науки — СЦИОГРАФИЯ
- Знание последствий *влияния* звезд — АСТРОЛОГИЯ
- Знание последствий частей земли, *не обладающих ощущением*
  - Знание последствий качеств *минералов, камней, металлов* и т. п.
  - Знание последствий качеств *растений*
- Знание последствий качеств *животных*
  - Знание последствий качеств *животных вообще*
    - Знание последствий *видения* — ОПТИКА
    - Знание последствий *звука* — МУЗЫКА
    - Знание последствий остальных *ощущений*
  - Знание последствий качеств *людей в особенности*
    - Знание последствий человеческих *страстей* — ЭТИКА
    - Знание последствий *речи*
      - В *возвышении, поношении* и т. п., — ПОЭЗИЯ
      - в *убеждении,* — РИТОРИКА
      - в *рассуждении,* — ЛОГИКА
      - в *заключении договоров* — *Наука* о СПРАВЕДЛИВОМ и НЕСПРАВЕДЛИВОМ

сти богатство — ничто, ибо в этом случае оно не защищает своих обладателей, а делает их добычей зависти [25].

Репутация могущества есть могущество, ибо она влечет за собой приверженность тех, кто нуждается в покровительстве.

На том же основании могуществом является репутация патриота (то, что называется популярностью).

Таким же образом всякое качество, внушающее многим любовь к данному человеку или страх перед ним, или слава такого качества есть могущество, ибо это средство иметь содействие или службу многих.

Большой успех есть могущество, ибо он доставляет человеку репутацию мудрости или счастья, заставляющую людей бояться его или полагаться на него.

Приветливость людей, уже обладающих могуществом, есть усиление могущества, ибо она завоевывает любовь.

Молва о человеке, будто он проявил благоразумие при ведении войны или при заключении мира, является его могуществом, ибо благоразумным людям мы более охотно вручаем власть над собой, чем другим.

Дворянское звание есть могущество, но не везде, а лишь в тех государствах, где дворянство пользуется привилегиями, ибо в таких привилегиях состоит его могущество.

Красноречие есть могущество, ибо оно есть кажущееся благоразумие.

Красота есть могущество, ибо, являясь обещанием блага, она привлекает к мужчинам любовь женщин и малознакомых людей.

Знание — небольшое могущество, ибо оно не проявляется вовне и поэтому ни в ком не замечается, да и обладают им не все, а лишь немногие, и эти немногие обладают знанием лишь немногих вещей, а природа знания такова, что познать его наличие в ком-либо может лишь тот, кто сам в значительной степени овладел им.

Искусства, имеющие значение для общества, как, например, фортификация, создание машин и других орудий войны, представляют собой силу, ибо они способствуют обороне и победе; и хотя истинной матерью их является наука, а именно математика, все же, так как они производятся на свет рукой ремесленника, они рассматриваются как его порождение (подобно тому как у простонародья повивальная бабка именуется матерью) [26].

Ценность. *Стоимость,* или *ценность,* человека, подобно всем другим вещам, есть его цена [27], т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой,

и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого. Способный предводитель солдат имеет бóльшую цену во время войны или в такое время, когда война считается неизбежной, чем в мирное время. Образованный и честный судья имеет бóльшую ценность в мирное время и меньшую — во время войны. И как в отношении других вещей, так и в отношении людей определяет цену не продавец, а покупатель. Пусть люди (как это большинство и делает) ценят самих себя как угодно высоко, их истинная цена не выше той, в которую их оценивают другие.

Проявление ценности, которую мы придаем друг другу, есть то, что обычно называется уважением и неуважением. Ценить человека высоко — значит *уважать* его; ценить его низко — значит *не уважать*. Но высоко и низко в этом случае следует понимать по сравнению с той ценой, которую человек придает самому себе.

Достоинство. Общественная ценность человека, т. е. та цена, которая дается ему государством, есть то, что люди обычно называют *достоинством*. И эта цена выражается в пожаловании военных, судейских, государственных должностей или имен и титулов, введенных как отличительная особенность такой цены.

Уважение и неуважение. Просить другого о какой-либо помощи — значит оказывать ему *уважение*, ибо это свидетельствует о мнении просящего, что другой имеет возможность помочь ему, и, чем с большими трудностями связана эта помощь, тем больше оказываемое уважение.

Повиноваться кому-либо — значит оказывать ему уважение, ибо никто не повинуется тому, кто, по его мнению, не имеет возможности ни помочь, ни вредить ему. И следовательно, не повиноваться — значит оказывать *неуважение*.

Делать большие подарки человеку — значит оказывать ему уважение, ибо это есть покупка его покровительства и признание его могущества. Делать малые подарки — значит оказывать неуважение, ибо это есть лишь милостыня и свидетельствует о мнении дарящего, что одариваемый нуждается лишь в малой помощи.

Быть усердным в содействии благу другого или льстить ему — значит оказывать уважение, ибо это и свидетельствует о том, что мы ищем его покровительства или помощи. Пренебрегать человеком — значит оказывать ему неуважение.

Уступить кому-либо какое-нибудь преимущество —

значит оказывать ему уважение, ибо это есть признание большей силы.

Оказывать знаки любви или боязни кому-либо — значит оказывать ему уважение, ибо как любить, так и бояться кого-либо — значит ценить его. Игнорировать кого-либо, или любить, или бояться его меньше, чем тот ожидает,— значит оказывать ему неуважение, ибо это значит низко ценить его.

Хвалить, возвеличивать или называть кого-либо счастливым — значит уважать его, ибо ничто не ценится, кроме доброты, силы и счастья. Бранить, высмеивать или жалеть кого-либо есть неуважение.

Говорить с кем-либо с почтением, держаться перед ним скромно и смиренно — значит уважать его, ибо это свидетельствует о боязни обидеть его. Говорить с ним необдуманно, делать перед ним что-либо непристойное, неряшливое, постыдное — значит оказывать ему неуважение.

Верить в кого-либо, доверяться ему и полагаться на него — значит оказывать ему уважение, ибо в этом сказывается наше мнение о его добродетели и могуществе. Не доверять или не верить — значит оказывать неуважение.

Слушаться чьего-либо совета или охотно слушать чью-либо речь — значит оказывать соответствующему лицу уважение, ибо это говорит о том, что мы считаем это лицо мудрым, красноречивым или остроумным. Спать, уходить или разговаривать во время речи другого — значит оказывать ему неуважение.

Делать по отношению к другому вещи, которые тот принимает за знаки уважения или которые закон или обычай принимает за таковые,— значит оказывать уважение, ибо, одобряя уважение, оказываемое другими, мы признаем и силу, которую признают другие. Отказ делать это есть неуважение.

Соглашаться с чьим-либо мнением — значит оказывать соответствующему лицу уважение, так как это есть признак одобрения его суждения и его мудрости. Не соглашаться есть неуважение, ибо это значит укорять соответствующее лицо в заблуждении и (если несогласие касается многих вещей) в нелепости.

Подражать кому-либо — значит оказывать ему уважение, ибо это значит горячо одобрять его. Подражать же его врагам — значит оказывать ему неуважение.

Оказывать уважение тем, кого уважает другой человек,— значит оказывать уважение этому последнему, ибо

это признак одобрения его суждения. Уважение к его врагам есть неуважение к нему.

Привлекать кого-либо в качестве советчика или помощника в трудных делах — значит оказывать ему уважение, ибо это признак нашего мнения о его мудрости или о другой его силе. Отказать в этих случаях в привлечении тех, кто добивается этого, есть неуважение.

Все эти способы оказания уважения являются естественными и могут иметь место как при наличии, так и при отсутствии государств. Однако в государствах, где тот или те, кто обладает верховной властью, могут установить в качестве знаков уважения все, что им угодно, существуют и другие формы оказания уважения.

Суверен оказывает уважение подданному посредством любого титула, должности, занятия или действия, которые он сам определяет как знак своего уважения к подданному.

Персидский царь оказал уважение Мордухаю, распорядившись, чтобы последнего, облаченного в царскую одежду и с короной на голове, возили по улицам на одной из царских лошадей и чтобы принц шествовал перед ним, выкрикивая: «То же будет сделано каждому, кому царь окажет честь!» [28] И однако же, когда кто-то попросил у другого персидского царя или у того же в другое время разрешения в награду за большие заслуги носить царскую одежду, царь дал на это свое согласие, но с условием, чтобы тот носил эту одежду в качестве царского шута, а это уже было бесчестьем. Таким образом, гражданские почести имеют своим источником личность государства и зависят от воли суверена, поэтому они являются временными и называются *гражданскими почестями.* Таковы судейское звание, должности, титулы, а в некоторых местах мундиры и разрисованные гербы. И люди уважают тех, кто ими обладает, видя эти знаки расположения со стороны государства, а подобное расположение является могуществом.

Почет. Всякое владение, действие или качество, которое является доказательством и признаком могущества, *почетно.*

Вот почему быть уважаемым, любимым многими или внушать страх многим есть нечто почетное как доказательство могущества. Быть уважаемым немногими или не уважаемым никем — нечто *позорное.*

Позор. Владычество и победа есть нечто почетное, так как достигаются силой, а рабское положение, обусловленное нуждой или страхом,— нечто позорное.

Счастливая судьба (если она продолжительна) явля-

ется предметом почитания как знак милостивого расположения Бога. Несчастная судьба, утраты — нечто позорное. Богатство есть нечто почетное, ибо является силой. Бедность — позор. Великодушие, щедрость, надежда, мужество, самоуверенность — нечто почетное, ибо они имеют своим источником сознание силы; малодушие, скаредность, робость, неуверенность в себе — нечто позорное.

Своевременное решение или определение того, что человек должен делать, является чем-то почетным, ибо свидетельствует о презрении к мелким затруднениям и опасностям. Нерешительность — нечто позорное, ибо свидетельствует о переоценке маленьких препятствий и маленьких преимуществ. В самом деле, раз человек достаточно долго взвешивал вещи и не принял никакого решения, то это говорит о том, что разница между чашами весов мала, и поэтому, если он не решился, значит, он переоценивает ничтожные вещи, что является малодушием.

Все действия и речи, проистекающие или кажущиеся проистекающими из богатого опыта, знания, рассудительности или остроумия, суть предметы почитания. Ибо все эти вещи являются силой. Действия или слова, проистекающие из заблуждения, невежества или глупости, позорны.

Если серьезность человека проистекает из того, что ум занят каким-нибудь делом, она есть нечто почетное, так как занятость есть признак могущества. Но если она, как видно, проистекает из намерения человека лишь казаться таковым, то она — нечто позорное. Ибо серьезность первого подобна устойчивости корабля, нагруженного товарами; серьезность же второго подобна устойчивости корабля с балластом песка и всякой другой дряни.

Быть знаменитым из-за богатства, высокого поста, великих деяний или какого-нибудь выдающегося блага есть нечто почетное, так как это признак могущества, по причине которого человек знаменит. Безвестность, напротив, есть бесчестье.

Происходить от знаменитых родителей почетно, ибо детям таких родителей легче всего получить помощь от друзей своих предков. Происходить от безвестных родителей, напротив, есть нечто позорное.

Деяния, проистекающие из чувства справедливости и сопряженные с потерями, есть нечто почетное, ибо они суть признаки великодушия, а великодушие есть признак могущества. Хитрость, коварство и пренебрежение справедливостью, напротив, нечто позорное.

Жадность к большому богатству и честолюбивое стрем-

ление к большим почестям есть нечто почетное, ибо они признаки могущества. Жадность и честолюбие, направленные на ничтожные приобретения или незначительные продвижения по службе, позорны.

Деяние в этом случае, если оно велико и трудно и, следовательно, свидетельствует о большом могуществе, вызывает наше уважение. При этом безразлично, справедливо оно или несправедливо, ибо уважение состоит лишь в мнении о могуществе. Вот почему древние язычники полагали, что они не бесчестят, а, напротив, воздают большую честь богам, изображая их в своих поэмах совершающими насилия, воровство и другие великие, но несправедливые и нечистые дела; поэтому ничто так не прославляется в Юпитере, как его любовные похождения, а Меркурий больше всего прославляется за его мошенничество и воровство. Величайшей из похвал, расточаемых последнему в одном из гимнов Гомера, является та, что, родившись утром, он к полудню того же дня изобрел музыку, а вечером выкрал стадо у пастухов Аполлона.

Точно так же, как это явствует из истории древнего времени до основания больших государств, среди людей считалось не бесчестьем, а скорее законным промыслом быть пиратом или грабителем на большой дороге, причем не только среди греков, но также и среди всех других народов. И в наши дни в этой части света прославляются дуэли и будут, несмотря на свою незаконность, прославляться, пока не наступит время, когда честь воздаваться будет тем, кто отказывается от дуэлей, и бесчестье — тем, кто делает вызов. Ибо дуэли также нередко представляют собой проявление мужества, а основанием мужества всегда является сила и ловкость, т. е. могущество. Однако в большинстве случаев дуэли есть результат необдуманной речи и боязни бесчестья у одного или у обоих дуэлянтов. Впутавшись необдуманно в конфликт, они вынуждены вступить в борьбу, чтобы избежать бесчестья.

Гербы. Щиты и наследственные гербы почитаются, если они связаны с большими привилегиями, в противном случае они не почитаются. Могущество их заключается либо в таких привилегиях, либо в богатстве, либо, наконец, в чем-нибудь таком, что является объектом почитания у других людей. Эта форма почета, обычно воздаваемая знати, перешла к нам от древних германцев, ибо она никогда не была известна там, где не были знакомы с германскими обычаями, и в настоящее время она существует лишь в тех местах, где обитали некогда германцы. Древнегрече-

ские военачальники, отправляясь на войну, разрисовывали свои щиты так, как это им нравилось, так что неразрисованный щит считался признаком бедности и отличал рядового солдата; но греки никогда не передавали своих щитов по наследству. Римляне передавали из поколения в поколение свои фамильные знаки, но это были портреты, а не затейливые рисунки их предков. Среди народов Азии, Африки и Америки такого не существует и никогда не существовало. Этот обычай существовал лишь у германцев, от которых он перешел в Англию, Францию, Испанию и Италию в те времена, когда множество германцев служило наемниками у римлян, или же во времена германских завоеваний в этой западной части мира.

Дело в том, что Германия, как и все другие страны, в те древние времена была разделена между бесконечным числом маленьких князей или рядовых вождей, ведших непрерывные войны друг с другом. Эти вожди или князья разрисовывали свое оружие, щиты и одежду изображениями зверей или другими предметами, а также делали на гребне шлема некоторый отличительный и видимый знак главным образом с той целью, чтобы их могла узнать их свита, когда они были облачены в военные доспехи, а отчасти для украшения. Это украшение на оружии и на гребне шлема переходило по наследству к их детям; к старшим — в первоначальном виде, а к остальным — с такими изменениями, какие старый вождь, называемый по-голландски Here-alt, считал целесообразными. Однако когда многие такие роды, соединившись вместе, образовали большую монархию, то функции, которые выполнял Here-alt (различение гербов), были переданы специальной геральдической службе. Потомством этих-то князей и является высокое и древнее дворянство, которое большей частью имеет на своих гербах изображения сильных и хищных зверей или за́мков, зубчатых стен, портупей, оружия, решеток, частоколов и других военных знаков, так как в то время ничто не было в таком почете, как военная доблесть. Впоследствии не только короли, но и республики жаловали различного рода гербы тем, кто отправлялся на войну или возвращался с нее, в виде поощрения и вознаграждения за заслуги. Все это внимательный читатель может найти в древних исторических книгах, греческих и латинских, где говорится о германском народе и об обычаях того времени.

Почетные титулы. *Почетные титулы,* такие, как герцог, граф, маркиз и барон, являются объектом почитания, так как они свидетельствуют о ценности, которую придает их

носителям верховная власть государства. Эти титулы были в старые времена титулами гражданских и военных должностей, и названия их частью римского, частью немецкого и французского происхождения. Герцоги, по-латыни duces, были генералами во время войны; графы (comites) сопровождали генерала из чувства дружбы и оставались, чтобы управлять завоеванными и усмиренными местами; маркизами были графы, управлявшие марками, или пограничными областями, империи. Титулы герцогов, графов и маркизов перешли в империю в эпоху Константина Великого [29] от обычаев германского войска. Но барон, по-моему, галльский титул и обозначал большого человека. Баронами назывались те, кто находился при особе королей и принцев для их личных услуг во время войны. И мне кажется, что слово «барон» произведено от слова vir, перешедшего в ber и bar, обозначающих на галльском языке то же, что слово vir — на латинском. Затем эти слова перешли в bero и baro, так что соответствующие люди были названы berones, а потом barones и (по-испански) varones. Однако тот, кто хотел бы более подробно узнать о происхождении почетных титулов, может найти это, как это сделал и я, в превосходнейшем трактате мистера Сельдена на эту тему [30]. С течением времени эти почетные должности по случаю смут и в целях хорошего и мирного управления были превращены в простые титулы, служащие в большинстве случаев для определения старшинства, места и порядка подданных в государстве. Люди были сделаны герцогами, графами, маркизами и баронами таких мест, где не было ни их владений, ни войск. Для указанной же цели были изобретены и другие титулы.

Достоинство. Пригодность. *Достоинство* человека есть вещь, отличная от его стоимости или ценности, а также от его заслуг, и состоит в специальном даровании или способности к тому, достойным чего его считают. Эта специфическая способность обыкновенно называется *пригодностью* или *приспособленностью*.

В самом деле, наиболее достоин быть военачальником, судьей или иметь какую-нибудь другую должность тот, кто наиболее одарен качествами, требующимися для исправления указанных должностей, и наиболее достоин богатства тот, кто обладает качествами, наиболее необходимыми для его лучшего использования. При отсутствии какого-нибудь из этих качеств человек может быть тем не менее достойным человеком и ценным в каком-либо другом отношении. С другой стороны, человек может быть достойным богат-

ства, должности или какого-либо официального поручения и тем не менее не иметь на это никакого преимущественного права перед другими, так что о нем нельзя сказать, будто он заслуживает этого. В самом деле, заслуга предполагает право, а также то, что заслуженная вещь подлежит получению на основании обещания, о чем я скажу подробнее потом, когда буду говорить о договорах.

ГЛАВА XI

О РАЗЛИЧИИ МАНЕР

Что здесь понимается под манерами. Под *манерами* я разумею здесь не благопристойность поведения, например, как человек должен приветствовать другого или как он должен полоскать рот и чистить зубы, перед тем как идти в гости, и тому подобные случаи *простой благопристойности*, а те качества людей, которые касаются их совместной жизни в мире и единении. Исходя из этого, мы должны прежде всего принять в соображение, что счастье этой жизни не состоит в покое удовлетворенной души. Ибо того finis ultimus (конечной цели) и summum bonum (высшего блага), о которых говорится в книгах старых философов морали, не существует. Да и человек, у которого нет больше никаких желаний, был бы не более способен жить, чем тот, у кого прекратилась способность ощущения и представления. Счастье состоит в непрерывном движении желания от одного объекта к другому, так что достижение предыдущего объекта является лишь шагом к достижению последующего. Причиной этого служит то обстоятельство, что человек стремится не к тому, чтобы наслаждаться один раз и на один момент, а к тому, чтобы навсегда обеспечить удовлетворение своих будущих желаний. Вот почему произвольные действия и склонности всех людей имеют целью не только добывание, но и обеспечение благополучной жизни и различаются между собой лишь в отношении путей, причем это различие обусловливается отчасти различием страстей в разных людях, а отчасти различием знаний и мнений, которые разные люди имеют о причинах, производящих желаемое следствие.

Беспрестанное желание власти у всех людей. И вот на первое место я ставлю как общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью. И причиной этого не всегда является надежда

человека на более интенсивное наслаждение, чем уже достигнутое им, или невозможность для него удовлетвориться умеренной властью; такой причиной бывает и невозможность обеспечить ту власть и те средства к благополучной жизни, которыми человек обладает в данную минуту, без обретения большей власти. Этим объясняется, что короли, власть которых является величайшей, обращают свои усилия на обеспечение последней: внутри — путем законов, вовне — путем войн. А когда это достигнуто, тогда возникает новое желание: у одних — желание достичь славы путем новых завоеваний; у других — желание покоя и чувственных наслаждений; у третьих — желание быть предметом поклонения или лести за превосходство в каком-нибудь искусстве или за другой талант.

Любовь к раздорам из-за соперничества. Соперничество в богатстве, почестях, командовании или другой власти приводит к раздорам, вражде и войне, ибо каждый соперник идет к достижению своего желания путем убийства, подчинения, вытеснения или отталкивания другого. В частности, соперничество в славе располагает к поклонению древним. Ибо люди соперничают с живыми, а не с умершими и, чтобы затмить славу первых, приписывают последним больше, чем следует.

Гражданское повиновение из-за любви к покою, из-за боязни смерти или увечья. Желание покоя и чувственных наслаждений располагает людей к повиновению общей власти, ибо при таких желаниях человек отклоняется от той защиты, которую могли бы ему доставить его собственная предприимчивость и трудолюбие. Боязнь смерти и увечья располагает к тому же и по той же самой причине. Напротив, бедные и смелые люди, недовольные своим положением, точно так же, как все, добивающиеся военного командования, склонны создавать поводы к войне и возбуждать смуту и мятеж, ибо военная слава может быть достигнута лишь путем войны, и нет другой надежды исправить плохую игру, как заставив перетасовать карты сызнова.

Из-за любви к мирным ремеслам. Стремление к знанию и к мирным ремеслам располагает людей к повиновению общей власти. Ибо такое желание содержит желание иметь досуг, а следовательно, иметь защиту иной силы, чем их собственная.

Желание славы располагает людей к похвальным деяниям, к таким, которые нравятся тем, чье суждение они ценят, ибо мы презираем и похвалу презираемых нами

людей. Желание славы после смерти приводит к тому же. И хотя после смерти нет ощущения хвалы, воздаваемой нам на земле, ибо эти радости или поглощаются неизреченными радостями рая, или гаснут в страшных муках ада, тем не менее такая слава не тщетна, ибо люди испытывают удовольствие в настоящем от предвидения этой славы и от ее благодетельных последствий для их потомства. Хотя всего этого они не видят теперь, они все же представляют себе это, а все, что доставляет удовольствие в ощущении, доставляет удовольствие и в представлении.

Ненависть из-за трудности расплаты за большие благодеяния. Сознание, что мы получили от кого-либо, кому мы считаем себя равными, больше благодеяний, чем мы можем надеяться возместить ему, располагает к показной любви, а в действительности — к тайной ненависти и ставит человека в положение несостоятельного должника, который, избегая встречи с кредитором, тайно желает, чтобы последний был там, где бы он никогда не мог его видеть. Дело в том, что благодеяние обязывает, обязательство же есть рабство, а обязательство, которое не может быть оплачено, есть вечное рабство, которое для человека, равного тому, кому он обязан, ненавистно. Если же мы получили благодеяния от человека, которого мы признаем выше себя, то это располагает нас к любви к нему, ибо это обязательство есть не новое уничижение, а охотное принятие, называемое людьми *благодарностью,* и эта честь, оказываемая тому, кто нас обязывает, вообще принимается за оплату. К любви нас располагает и благодеяние, полученное от равного или от ниже нас стоящего, если только имеется надежда воздать за это благодеяние в полной мере, ибо, согласно намерению получателя, благодеяние есть взаимопомощь и взаимная услуга, что дает повод к состязанию в отношении того, кто кого превзойдет в благоденствовании. Это самое благородное и выгодное состязание, ибо в данном случае победитель доволен своей победой, а другой берет реванш, признав это.

И из-за сознания, что он сам заслуживает ненависти. Если человек нанес другому обиду, которую не может или не желает загладить, то обидчик склонен ненавидеть обиженного, ибо должен ожидать от него или мести, или прощения, но то и другое ненавистно.

Боязнь притеснений располагает человека заранее обеспечить себе помощь общества или искать ее, так как нет другого средства, при помощи которого человек мог бы охранять свою жизнь и свободу.

Из-за сомнения в собственном уме. Люди, не доверяющие своему уму, во время смуты и мятежа более способны одержать победу, чем люди, считающие себя мудрыми или хитрыми. Ибо первые любят советоваться, вторые же (боясь быть обманутыми) любят наносить удар первыми. Между тем во время мятежа, когда люди должны быть всегда готовы к сражению, объединение и использование всех преимуществ силы является лучшей стратегией, чем какая-либо иная, придуманная тонким умом.

Тщетные начинания из-за тщеславия. Тщеславные люди, а именно те, кто, не сознавая в себе больших способностей, преисполнены самодовольства, считают себя храбрецами, склонны к хвастовству, но не к смелым начинаниям, ибо при опасности или затруднениях они добиваются лишь того, что все видят их неспособность.

Тщеславные люди, составившие мнение о своих больших способностях на основании льстивых заверений других людей или на основании случайного успеха какого-либо своего предыдущего действия и не проверяющие этого мнения на основании истинного познания самих себя, склонны к поспешным начинаниям, но при наступлении опасности и затруднений они, если это возможно, отступают. В самом деле, не видя никакого пути к спасению, такие люди скорее будут рисковать своей честью, которую они могут восстановить ссылкой на какие-нибудь извиняющие обстоятельства, чем своей жизнью, восстановить которую невозможно.

Честолюбие из-за убеждения в своих способностях. Люди, твердо убежденные, что мудры в государственных делах, склонны к честолюбию, ибо без официального положения в государственном совете и в суде они лишены той чести, которую может им доставить их мудрость. Вот почему домогаться государственных должностей склонны также красноречивые ораторы, так как красноречивые люди представляются мудрыми как самим себе, так и другим.

Нерешительность из-за слишком большой оценки мелочей. Малодушие располагает к нерешительности, вследствие чего упускаются случаи и подходящие поводы действовать. В самом деле, если, взвесив все обстоятельства, до того как наступил момент действовать, люди все же не уяснили себе, как лучше всего поступить, то это доказывает, что разница между мотивами в пользу одного и другого образа действия невелика. Вот почему не решаться при таких условиях — значит упускать случай из-за взвешивания мелочей, что является малодушием.

Бережливость (являющаяся, правда, добродетелью у бедных людей) делает человека непригодным к совершению таких деяний, которые требуют одновременных усилий многих людей, ибо активность этих усилий может быть питаема и поддерживаема лишь наградой, а бережливость ее ослабляет.

Доверие к другим из-за незнания признаков мудрости и доброжелательности. Красноречие в соединении с лестью располагает доверять тем, кто обладает этими качествами, ибо первое есть кажущаяся мудрость, а вторая — кажущаяся доброжелательность. Если же к ним присоединяется еще военная слава, то это располагает людей к верности и подчинению тем, кто обладает всеми этими качествами. Мудрость и доброжелательность гарантируют против опасности со стороны обладателей первых качеств, последнее же гарантирует против опасности со стороны других.

Из-за незнания естественных причин. Отсутствие знания, т. е. незнание причин, располагает или, вернее, вынуждает человека полагаться на совет и авторитет других. Ибо если человек, которого интересует какая-либо истина, не полагается на собственное мнение, то он вынужден полагаться на мнение кого-либо другого, которого считает умнее себя и в отношении которого у него нет основания думать, чтобы тот его обманывал.

Из-за отсутствия понимания. Незнание значения слов, т. е. отсутствие понимания, делает людей склонными брать на веру не только истину, которая им неизвестна, но и ошибки и, мало того, нелепости тех, кому они доверяют, ибо ни ошибки, ни нелепости не могут быть обнаружены без совершенного понимания слов.

Поэтому-то люди дают различные наименования одной и той же вещи в зависимости от различия своих страстей. Так, например, те, кто одобряет какое-нибудь частное мнение, называют это мнением, но те, кто относится к этому мнению неодобрительно, называют его ересью. Однако «ересь» означает не более, чем частное мнение, и лишь заключает в себе больший оттенок порицания.

Этим же обусловливается то, что без изучения и большего понимания люди не могут отличить одно действие многих людей от многих действий толпы, как, например, между общим действием всех сенаторов Рима при убийстве Катилины и многими действиями некоторых сенаторов при убийстве Цезаря [31]. Вот почему мы склонны принимать за действие народа множество действий, совершенных толпой людей, руководимых, может быть, одним человеком.

Приверженность обычаям из-за незнания природы права и не-права. Незнание причин и основной природы права, справедливости, закона и правосудия располагает людей сделать правилом своих действий обычай и пример. Неправым делом в этом случае считается то, что согласно обычаю наказывалось, а правым — то, безнаказанности и одобрения чего можно привести пример, или (как это варварски называют юристы, которые одни лишь применяют эту фальшивую мерку справедливости) прецедент. Люди в этих случаях похожи на маленьких детей, для которых единственным мерилом хорошего и дурного поведения является наказание, полученное от родителей и учителей, с той, однако, разницей, что дети всегда верны своему мерилу, взрослые же люди нет. Напротив, становясь сильными и упрямыми, люди апеллируют то от обычая к разуму, то от разума к обычаю в зависимости от того, как служит это их склонности. Они отступают от обычая, когда этого требуют их интересы, и действуют вопреки разуму, когда он против них. Вот чем объясняется, что учения о праве и несправедливости постоянно оспариваются как пером, так и мечом, между тем как учения о линиях и фигурах не подлежат спору, ибо истина об этих последних не задевает интересов людей, не сталкиваясь ни с их честолюбием, ни с их выгодой или вожделениями. Я не сомневаюсь, что если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата,* противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии.

Приверженность к мнениям частных лиц из-за незнания причин общественного порядка. Незнание отдаленных (remote) причин располагает людей приписывать все события непосредственным и промежуточным причинам, ибо только эти причины они замечают. Отсюда происходит, что во всех тех местах, где люди отягощены сильными государственными поборами, они изливают свой гнев на представителей податного ведомства, т. е. на откупщиков, сборщиков податей и других чиновников ведомства государственных сборов, и идут на поводу у тех, кто критикует правительство, причем, когда они зашли так далеко, что на оправдание нет надежды, они из страха наказания или унизительного для них прощения нападают на верховную власть.

Легковерие из-за незнания естественных причин. Незнание естественных причин располагает людей к легкове-

рию, так что люди часто склонны верить в невозможное, ибо, будучи неспособными обнаружить эту невозможность, они могут лишь считать это правдоподобным. А так как люди любят, чтобы их слушали в обществе, то легковерие делает их склонными к вранью. Таким образом, одно это незнание делает людей склонными без всякого злого умысла с их стороны как верить лжи, так и распространять ее, а иногда даже и сочинять ее.

Любознательность из-за заботы о будущем. Беспокойство за будущее располагает людей к исследованию причин явлений, ибо знание этих причин делает людей более способными устроить свое настоящее к своему вящему благополучию.

Естественная религия, проистекающая из того же самого. Любознательность, или любовь к познанию причин, заставляет людей переходить от наблюдения последствий к отысканию их причин, а затем к отысканию причин этих причин, так что в конце концов они должны прийти к тому заключению, что есть некая причина, которая не обусловлена никакой предшествовавшей причиной, а является вечной. И эту первую причину люди называют Богом. Таким образом, нельзя углубиться в исследование естественных причин, не склонившись к вере в существование предвечного Бога, хотя нельзя иметь о Нем в уме никакого представления, которое было бы адекватно Его природе. Точно так же, как слепорожденный, который слышит от людей, что они греются у огня, и сам испытывает на себе это действие огня, может легко понять и питать твердую уверенность, что есть что-то такое, что люди называют *огнем* и что является причиной ощущаемой им теплоты, и все же при этом не может себе представить, как этот огонь выглядит, и не может иметь в уме представления, равного представлению тех, кто видит этот огонь,— точно так же и человек при виде изумительного порядка, царящего в явлениях нашего мира, может понять, что имеется какая-то причина этого, но не может иметь в своем уме ни идеи, ни образа этой причины.

Если же люди мало или совсем не занимаются исследованием естественных причин вещей, то обусловленный этим незнанием страх перед тем, что имеет силу причинить им много добра или зла, делает их склонными предполагать и воображать существование разного рода невидимых сил, благоговеть перед образами своего собственного воображения, призывая их на помощь в моменты несчастий и вознося им благодарность в надежде на успех, делая, таким

образом, своими богами творения собственной фантазии. Так случилось, что из бесконечного разнообразия образов своей фантазии люди сотворили бесконечное количество богов. И этот страх перед невидимыми вещами есть естественное семя того, что каждый называет религией или суеверием, если другие иначе, чем он сам, почитают эту силу или боятся ее.

А так как это семя религии было замечено многими, то некоторые из тех, кто его заметил, были склонны питать и развивать его и превратить в законы, прибавив к ним еще собственного изобретения различные мнения о причинах будущих событий, думая приобрести таким путем наилучшую возможность управлять другими и извлечь для себя наибольшую выгоду из их сил.

ГЛАВА XII

О РЕЛИГИИ

Религия только в человеке. Ввиду того что все признаки, все плоды *религии* находятся лишь в человеке, нет никакого основания сомневаться в том, что и семя *религии* находится лишь в человеке и состоит в некотором специфическом качестве или по крайней мере в таком значительном развитии этого качества, которого нельзя найти в других живых созданиях.

Во-первых, из-за его желания знать причины. Во-первых, человеческой природе свойственно доискиваться причин наблюдаемых событий. Такая любознательность присуща одним людям в большей, другим — в меньшей степени, но всем — в такой мере, чтобы доискиваться причин своего счастья и несчастья.

Из-за рассмотрения начала вещей. Во-вторых, при виде какой-нибудь вещи, имеющей начало, человеку свойственно также думать, что эта вещь имеет причину, определившую начало ее именно в данный момент, а не раньше или позже.

Из-за его наблюдения последовательности вещей. В-третьих, в отличие от животных, которые в силу отсутствия у них способности наблюдать и запоминать порядок, последовательность и взаимную зависимость видимых ими вещей очень мало или совсем не способны предвидеть будущее и счастье которых поэтому состоит лишь в ежедневном удовлетворении их потребности в пище, покое и похоти,— в отличие от животных человек замечает, как

одно событие производит другое, и запоминает в них предыдущее и последующее. А если он не может выявить истинных причин вещей (ибо причины благополучия и неблагополучия большей частью бывают скрыты), он строит насчет этих причин предположения, внушаемые его собственной фантазией, или полагается на авторитет других людей, а именно тех, кого считает друзьями и более мудрыми, чем он сам.

Естественная причина религии — беспокойство о будущем. Первые два свойства человеческой природы являются источником беспокойства. Ибо, удостоверившись в том, что все вещи, как те, которые имели место до сих пор, так и те, которые будут иметь место впоследствии, имеют свои причины, человек при своих непрерывных усилиях оградить себя от зла, которого он боится, и приобрести благо, к которому стремится, не может не быть в постоянной заботе о будущем.

Таким образом, все люди, особенно те, кто наиболее прозорлив, находятся в положении, подобном положению Прометея. Подобно тому как Прометей (под которым следует разуметь *разумного человека*) был прикован к скале Кавказа, с которой открывался широкий вид и где орел, расклевывая его печень, пожирал днем то, что отрастало за ночь, точно так же и человек, слишком далеко заглядывающий вперед, в своей заботе о будущем терзается все время страхом смерти, бедности или другого бедствия, имея отдых или передышку от своего беспокойства разве лишь во время сна.

Кто побуждает их бояться могущества невидимых вещей. Этот постоянный страх, всегда сопровождающий человеческий род, шествующий как бы во тьме из-за незнания причин, должен по необходимости иметь какой-нибудь объект. Вот почему, когда нельзя найти видимый объект, люди считают виновником своего счастья или несчастья какую-то *власть* или *невидимую силу*. В этом смысле, может быть, следует понимать слова некоторых древних поэтов, говоривших, что боги были первоначально созданы человеческим страхом [32], и это в отношении богов (т. е. в отношении многобожия язычников) совершенно справедливо. Однако признание единого бога, предвечного, бесконечного и всемогущего, может быть легче выведено из желания людей познать причины естественных тел и их различных свойств и действий, чем из страха людей перед тем, что с ними может случиться в будущем. Ибо тот, кто при наблюдении чего-либо совершающегося перед ним

будет исследовать ближайшую и непосредственную причину этого и отсюда перейдет к исследованию причины этой причины и таким образом углубится в исследование всего последовательного ряда причин, должен будет в конце концов прийти к заключению, что существует (как это признавали даже языческие философы) первичный двигатель, т. е. первичная и предвечная причина всех вещей [33]. А это именно то, что люди разумеют под именем Бог. К мысли о едином Боге, таким образом, люди приходят помимо всякой мысли об их судьбе, забота о которой делает их склонными к страху и отвращает их от исследования причин других вещей и этим способствует измышлению стольких богов, сколько есть людей, измышляющих их.

И думать, что они бестелесны. Что же касается материи, или субстанции, выдуманных невидимых агентов, то путем естественного размышления люди могли прийти лишь к тому представлению, что эта материя, или субстанция, однородна с материей, или субстанцией, человеческой души и что человеческая душа по своей субстанции сходна с тем, что представляется человеку в сновидении, или с тем, что представляется бодрствующему человеку, когда он смотрится в зеркало. Не зная, что эти последние явления суть не что иное, как порождение фантазии, люди полагают их реально существующими вовне субстанциями и поэтому называют их привидениями точно так же, как римляне называли их imagines и umbrae [34], и считают их духами, т. е. тонкими воздушными телами, думая, что те невидимые агенты, которых они боятся, похожи на них с той лишь разницей, что появляются и исчезают по своему произволу. Однако мнение о том, будто такие духи бестелесны или нематериальны, никогда не могло прийти в голову кому бы то ни было естественным путем, ибо хотя люди могут сочетать взаимопротиворечащие слова, как *дух* и *бестелесный*, однако они не могут иметь представления о какой-либо вещи, соответствующей этому словосочетанию. Вот почему люди, пришедшие собственным размышлением к признанию бесконечного, всемогущего и предвечного Бога, предпочитают признать его непостижимым и превышающим силу их разумения, а не определять его естество словами «бестелесный дух», чтобы затем признать, что это определение непонятно либо что такой титул дается ему в *догматическом* смысле, т. е. не с намерением сделать понятным божественное естество, а из благочестивого желания выразить свое *благоговение* приписыванием ему атрибутов,

значение которых наиболее далеко от грубости видимых тел.

Но не знают, каким путем невидимые силы производят свои действия. Что касается предполагаемого пути, каким эти невидимые силы производят свои действия, т. е. какими непосредственными причинами они пользуются, заставляя события совершаться, то люди, не знающие, что представляет собой то, что мы называем *причинностью* (т. е. почти все люди), могут строить свои догадки на этот счет, руководствуясь не правилами, которых у них нет, а наблюдениями и воспоминаниями последовательности определенных явлений во времени без выявления их зависимости или связи. Вот почему они ждут в будущем такой же последовательности событий, какую они наблюдали в прошлом, и суеверно ожидают счастья или несчастья от вещей, которые не стоят ни в какой причинной связи с этим. Так поступили афиняне, требовавшие для своей войны при Лепанто другого Формиона, и партия Помпея, требовавшая для войны в Африке другого Сципиона [35], и так поступали с тех пор другие в различных иных случаях. Подобным же образом люди приписывают влияние на свою судьбу чьему-либо присутствию, счастливому или несчастливому месту, каким-нибудь произнесенным словам, особенно если при этом было произнесено имя Бога, например колдованию и заклинаниям (литургия ведьм), причем доходят до того, что верят, будто колдовство и заклинания имеют силу превратить камень в хлеб, хлеб — в человека или любую вещь — в любую иную вещь.

Но почитают их, как почитают людей. В-третьих, что касается почестей, которые люди, естественно, воздают невидимым силам, то они могут иметь лишь те формы выражения, которые применялись бы по отношению к людям, а именно: дары, просьбы, благодарности, покорность, почтительные обращения, скромное поведение, обдуманные слова, клятвы (т. е. уверение друг друга в исполнении данных обещаний) — при призыве их на помощь. Сверх этого разум ничего не подсказывает, а предоставляет людям или довольствоваться этими формами, или полагаться в отношении дальнейших церемоний на тех, кого они считают умнее себя.

И приписывают им все экстраординарные события. Наконец, что касается того, как эти невидимые силы объявляют людям то, что должно произойти в будущем, особенно то, что касается их будущей судьбы вообще или успеха или неуспеха в каком-либо частном предприятии, то

в этом отношении люди, естественно, находятся в затруднении. Однако, имея привычку гадать о будущем на основании прошлого, люди весьма склонны не только принять случайные вещи после одного или двух случаев за предзнаменование подобных же случаев в будущем, но и верить также предсказаниям других людей, о которых они однажды составили себе хорошее мнение.

Четыре вещи — естественные семена религии. И в этих четырех вещах: в представлении о привидениях, незнании вторичных причин, покорности по отношению к тому, чего люди боятся, и в принятии случайных вещей за предзнаменования — состоит естественное семя религии, которое в силу различных фантазий, суждений и страстей разных людей развилось в церемонии, столь различные, что те, которые практикуются одним человеком, в большинстве случаев кажутся смешными другому.

Культивирование этих семян. Дело в том, что эти семена были культивированы людьми двоякого рода. Одни — это те, кто выращивал и приводил в порядок эти семена согласно своему собственному измышлению. Другие же — те, кто делал это согласно приказанию и наставлению Бога. Но оба рода людей делали это с намерением превратить доверяющих им в наиболее приспособленных к повиновению, к подчинению законам, к миру, к милосердию и гражданскому общежитию. Религия первого вида есть, таким образом, часть человеческой политики, указывающей подданным те обязанности, исполнять которые требуют от них земные цари. Религия же второго вида есть божественная политика и содержит правила для тех, кто объявил себя подданным Царства Божиего. К первому роду относятся все языческие основатели государств и законодатели. Ко второму — Авраам, Моисей и наш божественный Спаситель, внушившие нам законы Царства Божиего.

Абсурдные мнения язычников. А что касается той части религии, которая заключается в представлениях относительно природы невидимых сил, то нет почти ни одной именуемой вещи, которая не считалась бы у язычников в том или другом месте Богом или дьяволом или не представлялась бы их поэтам одушевленной, обитаемой или одержимой тем или другим духом.

Неорганизованная материя мира почиталась Богом под именем *Хаоса.*

Небо, океан, планеты, огонь, земля, ветры были такими же богами.

Обоготворялись мужчина, женщина, птица, крокодил, теленок, собака, змея, лук-порей. Язычники населяли почти все места духами, называемыми *демонами:* долины — панами, или сатирами, леса — фавнами и нимфами, море — тритонами и другими нифмами, каждую речку и каждый источник — духом того же имени и нимфами, каждый дом — *ларами,* или домовыми, каждого человека — его *гением,* ад — привидениями и духами-служителями, как Харон, Цербер и фурии; а в ночное время они населяли все места *ларвами, лемурами,* привидениями умерших людей и целым царством русалок и привидений [36]. Мало того, они приписывали божественность и строили храмы простым акциденциям, или качествам, таким, как время, ночь, день, мир, согласие, любовь, борьба, доблесть, честь, здоровье, ржавчина, лихорадка и т. п., причем если они молились о даровании или об отвращении чего-нибудь из этого, то они молились так, точно над их головой висели духи, носящие эти имена и способные ниспослать им желаемое благо или отвратить от них угрожающее бедствие. Они обоготворяли также собственный ум под именем Муз, свое невежество — под именем судьбы, свое сладострастие — под именем *Купидона,* свое неистовство — под именем *фурий,* свои члены — под именем *Приапа* и приписывали свои поллюции *инкубам* и *суккубам,* так что все, что поэт может вывести в качестве персонажа в своей поэме, они делали *Богом* или *дьяволом.*

Те же творцы языческой религии, заметив вторую основу религии, а именно незнание людьми причин и как следствие этого их склонность приписывать превратность своей судьбы причинам, от которых эта судьба не находится ни в какой видимой зависимости, воспользовались случаем, чтобы навязать невежеству людей вместо вторичных причин своего рода вторичных и служебных богов, и приписали причину плодородия Венере, причину возникновения искусств — Аполлону, причину лукавства и хитрости — Меркурию, причину бурь и гроз — Эолу и т. д., так что у язычников было такое же великое разнообразие богов, как и дел.

К тем формам поклонения, которые люди, естественно, считали нужным использовать по отношению к своим богам, а именно: к жертвоприношениям, молитвам, благодарностям и другим вышеуказанным формам, эти самые языческие законодатели прибавили изображения богов как в живописи, так и в скульптуре, с тем чтобы наиболее невежественная часть народа (т. е. наибольшая часть или

большинство его), думая, что боги, которых эти изображения представляют, реально содержатся и как бы помещаются в них, еще больше бы их боялась. И язычники одарили этих богов землями, домами, служителями и доходами, изъятыми из человеческого пользования, т. е. посвященными этим их идолам. Им посвящались, таким образом, пещеры, рощи, горы и целые острова. И наделялись они не только формами людей, зверей или чудовищ, но также их способностями и страстями, а именно ощущением, речью, полом, сладострастием и способностью производить потомство (это не только путем сожительства между собой для продолжения рода богов, но и путем сожительства с мужчинами и женщинами для порождения нечистокровных богов и лишь жителей неба, как Вакх, Геркулес и др.), и сверх того они наделялись способностью к гневу, мстительностью и другими страстями, присущими живым существам, а также деяниями, проистекающими из этих страстей, как обман, воровство, прелюбодеяние, содомия, и любым пороком, который может считаться последствием власти или причиной наслаждения, и всеми теми пороками, которые, по понятиям людей, больше противоречат законам, чем чувству чести.

Наконец, к предсказаниям будущего — естественным, являющимся лишь догадками на основе опыта прошлого, и сверхъестественным, являющимся божественным откровением,— творцы языческой религии прибавили бесчисленное количество суеверных способов определения будущего, основанных частью на мнимом опыте, частью на мнимом откровении. Они внушили людям веру, что можно узнать свою будущую судьбу то из двусмысленных и бессмысленных ответов жрецов Дельф, Делоса и Аммона и других известных оракулов, каковые ответы были преднамеренно двусмысленны, чтобы не быть посрамленными при любом исходе событий, или бессмысленны вследствие одурманивающего действия паров, которые часто бывают в сернистых пещерах; то из книг Сибилл, из коих некоторые пользовались известностью и в эпоху римской республики (вроде, может быть, книг Нострадама [37], ибо имеющиеся в настоящее время фрагменты являются, по-видимому, подделкой позднейшего времени); то из бессмысленных речей сумасшедших, которые считались одержимыми божественным духом, каковую одержимость они называли энтузиазмом, и такого рода представление событий считалось пророчеством; то по расположению звезд при рождении тех, о судьбе кого гадали, что называлось гороскопом

и считалось частью астрологии; то из собственных надежд и опасений, что называлось предчувствием или предвещанием; то из предсказаний ведьм, утверждавших, будто они совещаются с мертвыми, что называлось некромантией, заклинанием и колдовством, а на самом деле было лишь мошенничеством и умышленным плутовством; то по случайному полету или кормлению птиц, что называлось авгурией; то по внутренностям принесенных в жертву животных, что называлось aruspicina; то по сновидениям; то по карканью воронов или щебетанью птиц; то по чертам лица, что называлось метопоскопией; то гаданьем по линии рук, по случайно оброненным словам, что называлось omina; то по появлению чудовищ или необычайных явлений, таких, как затмения, кометы, редкие метеоры, землетрясения, наводнения, странные случаи рождения и т. п., которые они называли portenta и ostenta [38], так как полагали, что эти явления предвещают или предуказывают наступление каких-то больших бедствий; то путем простой лотереи, подсчета отверстий в решетке, выуживания стихов у Гомера и Вергилия, и бесчисленные другие нелепые представления. Отсюда видно, с какой легкостью можно заставить человека верить всему, что говорят ему люди, которые приобрели его доверие и умеют исподволь и ловко использовать его страх и невежество.

Цели создателей языческой религии. Вот почему первые основатели и законодатели государств среди язычников, ставившие себе единственной целью держать народ в повиновении и мире, везде заботились, во-первых, о том, чтобы внушить народу веру, будто те наставления, которые они дали ему в отношении религии, не являются их собственным изобретением, а продиктованы каким-нибудь богом или духом, иначе говоря, внушить народу, будто они сами выше простых смертных, с тем чтобы их законы могли быть легче приняты. Так, например, Нума Помпилий [39] утверждал, что церемонии, установленные им среди римлян, были внушены ему нимфой Эгерией; первый царь и основатель царства Перу [40] утверждал, будто он и его жена — дети Солнца, а Магомет в целях утверждения своей новой религии заявлял, будто он совещался со святым духом, который являлся ему в образе голубя. Указанные законодатели заботились, во-вторых, о том, чтобы внушить веру, будто те самые вещи, которые запрещены законами, неугодны также и богам. В-третьих, они предписывали церемонии, молебны, жертвоприношения и праздники и заботились о том, чтобы народ верил, будто этими средствами

может быть умилостивлен гнев богов и будто неудачи на войне, большие эпидемии, землетрясения и личные несчастья каждого человека происходят от гнева богов, а этот гнев происходит от пренебрежительного отношения к их культу и от забвения или ошибочного понимания какого-нибудь пункта предписанных церемоний. И хотя у древних римлян не запрещалось отвергать то, что поэты писали о страданиях и радостях после этой жизни, и люди, имеющие большой авторитет и вес в государстве, открыто высмеивали эти писания в своих *публичных выступлениях,* однако вера поэтов разделялась всегда больше, чем противоположные взгляды.

Этими и другими подобными установлениями языческие законодатели в согласии с их задачей (которая заключалась в поддержании мира в государстве) достигли того, что простой народ винил в своих несчастьях самого себя — за нарушение или неправильное исполнение религиозных церемоний или за неповиновение законам — и был менее всего склонен бунтовать против своих правителей. Забавляемый великолепием и развлечениями празднеств и публичных игр, устраиваемых в честь богов, народ нуждался лишь в хлебе, чтобы не проявлять досады, ропота и возмущения против государства. Вот почему римляне, покорившие бóльшую часть известного тогда мира, не колеблясь, допускали даже в самом городе Риме любую религию, если только она не заключала в себе чего-либо несовместимого с их гражданским правлением, и мы действительно нигде не находили указаний на то, чтобы там была запрещена какая-нибудь религия, за исключением религии евреев, которые (будучи особым Царством Божьим) считали незаконным подчинение смертному царю или какому бы то ни было государству. Таким образом, мы видим, в какой мере религия язычников была частью их политики.

Истинная религия и законы Царства Божиего. Однако там, где сам Бог основал религию посредством сверхъестественного Откровения, Он также установил особое Царство для себя и дал законы, определяющие поведение людей не только по отношению к Нему Самому, но также и по отношению друг к другу; и так как в этом Царстве Божьем политика и гражданские законы являются частью религии, то здесь нет различия между светской и духовной властью. Бог, правда, является царем всей земли, однако при этом Он может быть царем особого и избранного народа. В этом не больше противоречия, чем в том, что человек, имеющий

общее командование над всей армией, одновременно может иметь собственный полк или роту. Царем всей земли Бог является в силу своего могущества, но царем своего избранного народа он является в силу договора. Однако более подробно о Царстве Божием, как о том, которое обусловлено естеством Бога, так и о том, которое обусловлено договором, я буду говорить в другом месте (в главе XXXV).

Причины изменений в религии. Из выяснения причин распространения религии нетрудно понять причины ее распада на первоначальные семена, или принципы, которыми являются лишь представления о божестве, о невидимых силах и о сверхъестественном. Эти семена никогда не могут быть в такой мере искоренены из человеческой природы, чтобы они не дали снова ростков новых религий при возделывании их такими людьми, которые обладают для этого подходящей репутацией.

В самом деле, так как мы видим, что всякая оформленная религия основана прежде всего на вере в какого-нибудь одного человека, коего считают не только мудрым и заботящимся о благе всех, но и святым, которому Бог благоволит объявлять сверхъестественным путем свою волю, то отсюда необходимо следует, что в том случае, когда те, кто управляет религией, станут вызывать сомнения в отношении своей мудрости, искренности и любви к народу или когда они окажутся неспособными привести какое-нибудь правдоподобное доказательство божественного откровения,— в этом случае сделается сомнительной и та религия, которую они желают поддержать, и (при отсутствии боязни светского меча) эту религию начнут оспаривать и отвергать.

Лишение веры из-за противоречивых догматов. Репутации мудрого лишается тот человек, который, основывая религию или прибавляя что-нибудь к уже имеющейся, предписывает противоречивые догматы вере, ибо обе части какого-нибудь противоречивого положения не могут быть верны, и потому предписывание веры в такие противоречивые догматы является доказательством невежества их автора и дискредитирует все то, что он стал бы предлагать на основании якобы сверхъестественного откровения, каковое откровение может в самом деле дать человеку многое такое, что превосходит естественный разум, но ничего такого, что идет вразрез с ним.

Из-за поступков, противоречащих религии, которую совершившие поступки сами установили. Репутации искренних людей основатели или завершители религии

лишаются в том случае, когда делают или говорят вещи, доказывающие отсутствие у них самих той веры, которой они требуют от других. Такие действия или высказывания называются скандальными, так как они суть камни преткновения, заставляющие людей спотыкаться на пути религии. Таковы несправедливость, жестокость, богохульство, корыстолюбие и сластолюбие. В самом деле, кто может поверить, что человек, обычно совершающий деяния, вырастающие из указанных корней, сам верит, что следует бояться той невидимой силы, какой он пугает других людей за меньшие прегрешения?

Репутации человеколюбивых эти люди лишаются, если они разоблачены в том, что преследуют личные цели, т. е. если вера, которой они требуют от других, служит, или кажется, что она служит, для приобретения только или исключительно для себя власти, богатства, почестей или обеспеченных наслаждений. Ибо то, что они делают ради собственного блага, рассматривается как совершаемое в собственных интересах, а не из любви к другим.

Требование сверхъестественных доказательств. Наконец, свидетельством, которое человек может привести в пользу своего божественного призвания, может служить лишь совершение чудес, или оправдавшееся пророчество (что тоже является чудом), или необычайное счастье. Вот почему когда к тем пунктам религии, которые получены от людей, совершавших такие чудеса, прибавляются другие пункты людьми, неспособными удостоверить свое призвание чудесами, то эти последние пункты приобретают не больше доверия, чем то, что было внушено авторам этих пунктов обычаем и законами того места, где они воспитывались. Ибо, подобно тому как в естественных вещах здравомыслящие люди требуют естественных доказательств, точно так же в сверхъестественных вещах, прежде чем согласиться внутренне и от всего сердца, они требуют сверхъестественных доказательств (каковыми являются чудеса).

Что все приведенные моменты суть причины ослабления человеческой веры, с очевидностью явствует из следующих примеров. Прежде всего мы имеем пример сынов Израиля: когда Моисей, доказавший им свое призвание чудесами и счастливым выведением их из Египта, отсутствовал всего лишь сорок дней, они отступили от веры в истинного Бога, возвещенного им Моисеем, и, сделав своим богом золотого тельца, снова впали в идолопоклонство египтян, от которых они так недавно были освобожде-

ны. И опять, когда Моисей, Аарон, Иисус Навин и то поколение, которое видело величие дела Бога в Израиле, умерли, встало новое поколение, поклонявшееся Ваалу. Так что с исчезновением чудес исчезла также и вера.

Дальше, когда сыновья Самуила, поставленные своим отцом судьями в Вирсавии, стали брать взятки и несправедливо судить, народ Израиля не захотел больше иметь Бога своим царем на иных основаниях, чем его имеют царем другие народы, и поэтому стал требовать от Самуила, чтобы он поставил над ним царя, как у прочих народов. Так с исчезновением справедливости исчезла и вера постольку, поскольку евреи отрешили Бога от царствования над ними.

И если при учреждении христианской религии перестали существовать оракулы во всех частях Римской империи и число христиан благодаря проповеди апостолов и евангелистов удивительно быстро росло ежедневно и повсюду, то бо́льшая часть этого успеха может быть с полным основанием приписана тому презрению, которое навлекли на себя языческие жрецы той эпохи своим развратом, корыстолюбием и фиглярничанием перед государями. Точно так же отчасти по этой же причине была упразднена в Англии и во многих других частях христианского мира религия римской церкви, поскольку ослабление добродетели в пастырях привело к ослаблению веры в народе. Отчасти же, однако, это случилось благодаря внесению схоластами в религию философии и учения Аристотеля [41], отчего возникло столько противоречий и нелепостей, что римское духовенство подверглось одновременно обвинению как в невежестве, так и в мошеннических намерениях, что побудило народ восстать против этого духовенства помимо воли своих государей, как во Франции и Голландии, или с их согласия, как в Англии [42].

Наконец, среди пунктов, объявленных римской церковью необходимыми предпосылками спасения, имеется так много явно имеющих целью предоставление выгод папе и его духовным слугам, пребывающим на территориях других христианских государей, что, если бы эти последние не были заняты взаимной борьбой между собой, они могли бы так же легко, как это сделано было в Англии, изгнать из своих государств любую иностранную власть без войны или смуты. В самом деле, кто не видит, к чьей пользе клонится вера в то, что король не имеет своей власти от Христа, если его не короновал епископ; что король, если он священник, не может жениться; что вопрос о том, родился ли принц в законном браке или нет, должен быть решен властью

Рима; что подданные могут быть освобождены от верности своему королю, если этот король осужден за ересь римским двором; что король может быть беспричинно отрешен от престола папой (как Хильперик во Франции — папой Захарием [43]) и его королевство и монахи в любой стране должны быть изъяты из юрисдикции своего короля, когда речь идет об уголовных делах? Или кто не видит, в чью пользу идут доходы от частных литургий и вынужденных пожертвований? Точно так же обстоит дело с другими проявлениями корысти, достаточными, чтобы умертвить самую живую веру, если, как я говорил, гражданские власти и обычаи поддерживают ее не больше, чем любое мнение, которое они имеют о святости, мудрости и честности их учителей. Таким образом, все происходившие в мире перемены в религии я могу приписать одной и той же причине, а именно распущенности духовенства, и это не только среди католиков, но и в той церкви, которая в наибольшей мере испытала на себе влияние Реформации [44].

ГЛАВА XIII

О ЕСТЕСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА В ЕГО ОТНОШЕНИИ К СЧАСТЬЮ И БЕДСТВИЯМ ЛЮДЕЙ

Люди равны от природы. Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом. В самом деле, что касается физической силы, то более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного.

Что же касается умственных способностей (я оставляю в стороне искусства, имеющие свою основу в словах, и особенно искусство доходить до общих и непреложных правил, называемое наукой,— таковыми правилами обладают немногие, и то лишь в отношении немногих вещей, ибо правила эти не врожденные способности, родившиеся с нами, а также не приобретенные (как благоразумие) в про-

цессе наблюдения над чем-то другим), то я нахожу в этом отношении даже большее равенство среди людей, чем в отношении физической силы. Ибо благоразумие есть лишь опыт, который в одинаковое время приобретается в равной мере всеми людьми относительно тех вещей, которыми они с одинаковым усердием занимаются. Невероятным это равенство делает, возможно, лишь пустое самомнение о собственной мудрости, присущее всем людям, полагающим, что они обладают мудростью в большей степени, чем простонародье, т. е. чем все другие люди, кроме них самих и немногих других, которых они одобряют потому ли, что те прославились, или же потому, что являются их единомышленниками. Ибо такова природа людей. Хотя они могут признать других более остроумными, более красноречивыми и более образованными, но с трудом поверят, что имеется много людей столь же умных, как они сами. И это потому, что свой ум они наблюдают вблизи, а ум других — на расстоянии. Но это обстоятельство скорее говорит о равенстве, чем о неравенстве, людей в этом отношении. Ибо нет лучшего доказательства равномерного распределения какой-нибудь вещи среди людей, чем то, что каждый человек доволен своей долей.

Из-за равенства проистекает взаимное недоверие. Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их цели (которая состоит главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении) они стараются погубить или покорить друг друга. Таким образом, выходит, что там, где человек может отразить нападение лишь своими собственными силами, он, сажая, сея, строя или владея каким-нибудь приличным именем, может с верностью ожидать, что придут другие люди и соединенными силами отнимут его владение и лишат его не только плодов собственного труда, но также жизни или свободы. А нападающий находится в такой же опасности со стороны других.

Из-за взаимного недоверия — война. Вследствие этого взаимного недоверия нет более разумного для человека способа обеспечить свою жизнь, чем принятие предупредительных мер, т. е. силой или хитростью держать в узде всех, кого он может, до тех пор пока не убедится, что нет другой силы, достаточно внушительной, чтобы быть для него опасной. Эти меры не выходят за рамки требуемых для

самосохранения и обычно считаются допустимыми. Так как среди людей имеются такие, которые ради одного наслаждения созерцать свою силу во время завоеваний ведут эти завоевания дальше, чем этого требует безопасность, то и другие, которые в иных случаях были бы рады спокойно жить в обычных условиях, не были бы способны долго сохранять свое существование, если бы не увеличивали свою власть путем завоеваний и ограничились бы только обороной. Отсюда следует, что такое увеличение власти над людьми, поскольку оно необходимо для самосохранения человека, также должно быть позволено ему.

Мало того, там, где нет власти, способной держать всех в подчинении, люди не испытывают никакого удовольствия (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе. Ибо каждый человек добивается, чтобы его товарищ ценил его так, как он сам себя ценит, и при всяком проявлении презрения или пренебрежения, естественно, пытается, поскольку у него хватает смелости (а там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, эта смелость доходит до того, что они готовы погубить друг друга), вынудить у своих хулителей большее уважение к себе: у одних — наказанием, у других — примером.

Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы.

Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения, непосредственно ли по их адресу или по адресу их родни, друзей, их народа, сословия или имени.

При отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех. Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех. Ибо *война* есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения. Вот почему *время* должно быть

включено в понятие *войны*, так же как и в понятие погоды. Подобно тому как понятие сырой погоды заключается не в одном или двух дождях, а в ожидании этого в течение многих дней подряд, точно так же и понятие войны состоит не в происходящих боях, а в явной устремленности к ним в течение всего того времени, пока нет уверенности в противном. Все остальное время есть *мир*.

Неудобство подобной войны. Вот почему все, что характерно для времени войны, когда каждый является врагом каждого, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность. В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна.

Кое-кому недостаточно взвесившему эти вещи может показаться странным допущение, что природа так разобщает людей и делает их способными нападать друг на друга и разорять друг друга; не доверяя этому выводу, сделанному на основании страстей, он, может быть, пожелает иметь подтверждение этого вывода опытом. Так вот, пусть такой сомневающийся сам поразмыслит над тем обстоятельством, что, отправляясь в путь, он вооружается и старается идти в большой компании; что, отправляясь спать, он запирает двери; что даже в своем доме он запирает ящики, и это тогда, когда он знает, что имеются законы и вооруженные представители власти, готовые отомстить за всякую причиненную ему несправедливость. Какое же мнение имеет он о своих согорожанах, запирая свои двери, о своих детях и слугах, запирая свои ящики? Разве он не в такой же мере обвиняет человеческий род своими действиями, как и моими словами? Однако никто из нас не обвиняет человеческую природу саму по себе. Желание и другие человеческие страсти сами по себе не являются грехом. Грехом также не могут считаться действия, проистекающие из этих страстей, до тех пор пока люди не знают закона, запрещающего эти действия; а такого закона они не могли знать до тех пор, пока он не был издан, а изданным он не мог быть до тех пор,

пока люди не договорились насчет того лица, которое должно его издавать.

Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мной, никогда не было; да я и не думаю, чтобы они когда-либо существовали как общее правило по всему миру. Однако есть много мест, где люди живут так и сейчас. Например, дикие племена во многих местах Америки [45] не имеют никакого правительства, кроме власти маленьких родов-семей, внутри которых мирное сожительство обусловлено естественными вожделениями, и живут они по сю пору в том животном состоянии, о котором я говорил раньше. Во всяком случае, какова была бы жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под властью мирного правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны.

Хотя никогда и не было такого времени, когда бы частные лица находились в состоянии войны между собой, короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны. Но так как они при этом поддерживают трудолюбие своих подданных, то указанное состояние не приводит к тем бедствиям, которые сопровождают свободу частных лиц.

В подобной войне ничто не может быть несправедливым. Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости. Сила и коварство являются на войне двумя основными добродетелями. Справедливость и несправедливость не являются ни телесными, ни умственными способностями. Если бы они были таковыми, они, подобно ощущениям и страстям, должны были бы быть присущи и человеку, существующему изолированно. Но справедливость и несправедливость есть качества людей, живущих в обществе, а не в одиночестве. Указанное состояние характеризуется также отсутствием собственности, владения, отсутствием точного разграничения между моим и твоим. Каждый человек считает своим лишь то, что он может

добыть, и лишь до тех пор, пока он в состоянии удержать это. Всем предыдущим достаточно сказано о том плохом положении, в которое поставлен человек в естественном состоянии, хотя он имеет возможность выйти из этого положения — возможность, состоящую отчасти в страстях, а отчасти в его разуме.

Страсти, склоняющие людей к миру. Страсти, делающие людей склонными к миру, суть страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к соглашению. Эти условия суть то, что иначе называется естественными законами, о которых я более подробно буду говорить в следующих двух главах.

ГЛАВА XIV

О ПЕРВОМ И ВТОРОМ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ И О ДОГОВОРАХ

Что такое естественное право (right of nature). *Естественное право,* называемое обычно писателями jus naturale, есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого.

Что такое свобода. *Под свободой,* согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом.

Что такое естественный закон (law of nature). *Естественный закон,* lex naturalis, есть предписание, или найденное разумом (reason) общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни.

Различие между правом и законом. Следует различать jus и lex — *право и закон,* хотя тот, кто пишет на эту тему, обычно смешивает эти понятия, ибо право состоит в свободе делать или не делать, между тем как закон определяет

и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы, следовательно, закон и право различаются между собой, так же как обязательство и свобода, которые несовместимы в отношении одной и той же вещи.

В естественном состоянии каждый человек имеет право на все. Так как состояние человека (как было указано в предыдущей главе) есть состояние войны всех против всех, когда каждый управляется своим собственным разумом и нет ничего, чего он не мог бы использовать в качестве средства для спасения от врагов, то отсюда следует, что в таком состоянии каждый человек имеет право на все, даже на жизнь всякого другого человека. Поэтому до тех пор, пока сохраняется право всех на все, ни один человек (как бы силен или мудр он ни был) не может быть уверен в том, что сможет прожить все то время, которое природа обычно предоставляет человеческой жизни. Следовательно, предписание, или общее правило, разума гласит, что *всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достигнуть его; если же он не может его достигнуть, то он может использовать любые средства, дающие преимущество на войне.*

Основной естественный закон. Первая часть этого правила содержит первый и основной естественный закон, гласящий, *что следует искать мира и следовать ему.* Вторая часть есть содержание естественного права, сводящегося к праву *защищать себя всеми возможными средствами.*

Второй естественный закон. От этого основного естественного закона, согласно которому люди должны стремиться к миру, происходит другой закон, гласящий, что в *случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе.* Ибо до тех пор, пока каждый человек держится за это право — делать все, что он хочет, все люди будут находиться в состоянии войны. Однако если другие люди не желают следовать его примеру и отказаться от этого права, то нет никакого основания для кого бы то ни было лишиться его, ибо это означало бы скорее отдать себя на разграбление (чего никто не обязан желать), чем показать свою готовность к миру. Именно таков закон Евангелия: *поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе.* И это закон всех людей: quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris [46].

Что означает отказ от права. *Отказаться* от человеческого *права* на что-нибудь — значит *лишиться свободы* препятствовать другому пользоваться выгодой от права на то же самое. Ибо тот, кто отрекается или отступается от своего права, не дает этим ни одному человеку права, которым последний не обладал бы ранее, так как от природы все люди имеют право на все. Отказаться от своего права означает лишь устраниться с пути другого, с тем чтобы не препятствовать ему в использовании его первоначального права, но не с тем, чтобы никто другой не препятствовал ему. Таким образом, выгода, получаемая одним человеком от уменьшения права другого человека, состоит лишь в уменьшении препятствий к использованию своего собственного первоначального права.

Что означает отречение от права. Что такое перенесение права. Обязательство. Долг. Отказ от права совершается или простым отречением от него, или перенесением его на другого человека. *Простое отречение* имеется в том случае, когда отказывающийся не интересуется тем, кому достанется благо этого права. *Перенесение* имеется в том случае, когда отказывающийся желает, чтобы благо этого права досталось определенному лицу или лицам. А когда человек в той или другой форме отказался от своего права или уступил его кому-нибудь, тогда говорят, что он обязан не препятствовать тем, кому уступил или предоставил это право, в пользовании этим благом, что на нем лежит долг и обязанность не отменять этого своего добровольного акта и что такое противодействие есть несправедливость и неправомерность, будучи sine jure [47], так как данный человек отказался от своего права или уступил его.

Несправедливость. *Неправомерность* и *несправедливость* в мирных спорах некоторым образом подобны тому, что́ в диспутах схоластов называется *абсурдом*. Как в этих спорах мы называем абсурдом противоречие тому, что утверждалось раньше, так обычно мы называем несправедливостью или неправомерностью произвольное разрушение того, что раньше было добровольно сделано. Простое отречение от права или перенесение права производится либо путем соответствующего заявления, либо посредством произвольного знака или знаков, с достаточной ясностью обозначающих, что данный человек отрекается или переносит либо что он отрекся или перенес свое право на того, кто его получает. Этими знаками являются или одни слова, или одни действия, или (как это чаще всего бывает) и то и другое. Эти заявления, или знаки, суть обязательства, которы-

ми люди связывают себя и обязуются, причем сила этих обязательств лежит не в их собственной природе (ибо нет ничего легче для человека, чем нарушить свое слово), а в боязни того зла, которое неминуемо влечет за собой их нарушение.

Не все права могут быть отчуждаемы. Когда человек переносит свое право или отрекается от него, то он это делает или ввиду какого-нибудь права, которое взамен переносится на него самого, или ради какого-нибудь другого блага, которое он надеется приобрести. В самом деле, такое отречение, или отчуждение, является добровольным актом, а целью добровольного акта всякого человека является какое-нибудь *благо для себя*. Вот почему имеются некоторые права, о которых нельзя полагать, чтобы кто-нибудь мог уступить их или передать словами или знаками. Прежде всего человек не может отказаться от права оказывать сопротивление тем, кто нападает на него с целью лишить его жизни, ибо нельзя думать, чтобы он надеялся приобрести таким путем какое-нибудь благо для себя. То же самое можно сказать о праве сопротивления нападению, имеющему целью нанести раны, наложить оковы или заключить в тюрьму, причем по двум соображениям: во-первых, потому, что терпеливое снесение этих насилий не влечет за собой такого блага, какое влечет за собой терпеливое отношение к тому, что другой ранен или заточен в тюрьму; во-вторых, потому, что, когда человек видит, что на него наступают с целью совершить нападение, он не может сказать, имеют ли наступающие в виду его смерть или нет. И наконец, мотивом и целью при отречении от права, или отчуждении его, является гарантия безопасности человеческой личности, т. е. сохранение жизни и обеспечение средств такого сохранения жизни, при котором последняя не стала бы тяжелой. Вот почему если имеется видимость, что человек словами или знаками отказывается от той цели, к которой эти знаки приурочены, то не следует думать, что таковы его действительные намерения и воля, а просто этот человек не знал, как могут быть истолкованы такие слова и действия. Взаимное перенесение права есть то, что люди называют *договором* (contract).

Что такое договор. Следует различать перенесение права на вещь и перенесение или передачу, т. е. вручение, самой вещи. Ибо вещь может быть вручена одновременно с перенесением права, как, например, при покупке и продаже за наличный расчет либо при обмене товаров или земель, и может быть вручена некоторое время спустя.

Что такое соглашение. Может быть и так, что одна из сторон вручает вещь, предоставить которую она обязана по договору, и позволяет другой стороне выполнить обязательства к определенному, более позднему сроку, оставаясь некоторое время должником, и тогда участие первой стороны в договоре называется *соглашением* (convenant), или обе стороны могут договориться сразу о том, что их взаимные обязательства будут выполнены после. В обоих этих случаях выполнение своих обязательств тем, кто должен их выполнить в будущем, называется *сдержанием обещания*, или верностью, а невыполнение (если оно преднамеренно) — *нарушением верности.*

Дар. Когда перенесение права не взаимно, а лишь одна из сторон переносит свое право на другую сторону в надежде приобрести этим дружбу или какую-нибудь услугу от нее или друзей, или в надежде приобрести славу милосердного и великодушного человека или освободить душу от тяжелого чувства сострадания, или в надежде на награду на небесах, тогда это перенесение права является не договором, а *даром,* добровольным даром, благодарением, каковые слова означают одно и то же.

Знаки, выражающие договор непосредственно. Договор выражается знаками или *непосредственно,* или путем *умозаключения из них.* Непосредственно он выражается словами, значение которых понятно. Такие слова могут относиться к *настоящему* или *прошлому,* например: «я даю», «я дарю», «я дал», «я подарил», «я желаю, чтобы это принадлежало вам»,— или же к будущему, например: «я дам», «я подарю», в каковом случае они называются *обещанием.*

Знаки, выражающие договор путем умозаключения. Знаками, выражающими договор путем умозаключения из них, являются иногда слова, иногда молчание, иногда действия, иногда воздержание от действий — вообще все то, что достаточно выявляет волю договаривающегося.

Дар с помощью слов, относящихся к настоящему и прошлому. Одни слова, относящиеся к будущему и содержащие голое обещание, являются недостаточным признаком добровольного приношения и поэтому необязательны. Ибо если они относятся к будущему, как, например: «завтра я дам»,— то это признак того, что я еще не дал, и, следовательно, признак того, что мое право еще не перенесено, а останется за мной до тех пор, пока я не перенесу его при помощи какого-нибудь другого действия. Если же слова относятся к настоящему или прошлому, как, например: «я дал» или «я с тем даю, чтобы вручить завтра», тогда мое

завтрашнее право уже отдано сегодня, и это в силу одних слов, хотя бы и не было другого доказательства моей воли. Существует огромная разница между значениями следующих слов: volo hoc tuum esse cras и cras dabo, т. е. между «я желаю, чтобы это завтра принадлежало тебе» и «я дам тебе это завтра», ибо в первом обороте речи слова «я желаю» обозначают акт воли, совершающийся в настоящем; во втором же они обозначают обещание будущего акта воли. Вот почему первая фраза, относящаяся к будущему, ничего не переносит. Однако, если имеются кроме слов другие признаки воли к перенесению права, тогда и в случае добровольного дара право может считаться отчужденным посредством слов, относящихся к будущему. Например, если человек предлагает премию тому, кто первым в соревновании придет к финишу, то этот дар является добровольным, и хотя слова относятся к будущему, однако право переходит, ибо, если этот человек не желал бы, чтобы его слова были так поняты, он не стал бы побуждать людей к бегу.

Знаками, выражающими договор, являются слова, относящиеся как к прошлому и настоящему, так и к будущему. В договорах право переходит не только в тех случаях, когда слова относятся к настоящему или к прошедшему времени, но также когда они относятся к будущему, ибо договор есть взаимное перенесение или обмен прав. Вот почему и намерение того, кто лишь обещает, должно быть истолковано в том смысле, что он желает, чтобы его право перешло, ибо он уже получил то благо, за которое обещает передать свое право, и если бы он не был согласен с таким истолкованием его слов, то другая сторона не выполнила бы первой того, что лежит на ней. При покупке, продаже и других актах договора обещание по этой причине равносильно согласию и потому обязательно.

Что такое заслуга. Если в случае договора одна из сторон первой выполняет свои обязательства, о ней говорят, что она заслуживает то, что она должна получить от второй стороны, и что она имеет на это право как на *причитающееся* ей. Точно так же если многим предложен приз, который должен быть вручен лишь тому, кто его выиграет, или если среди людей были брошены деньги, с тем чтобы ими воспользовались те, кто их поймает, то хотя это добровольный дар, однако выигравшие или поймавшие *заслуживают* этого и имеют это как то, что им *причитается*. Ибо право было перенесено в этом случае актом предложения приза и бросания денег, хотя лишь исход состязания должен был

определить, на кого именно переносится это право. Однако между этими двумя видами заслуг существует та разница, что при договоре я заслуживаю в силу своей собственной власти и обязательств другой стороны, в случае же добровольного дара моя способность заслуживать обусловлена доброй волей дающего. В случае договора я заслуживаю того, чтобы мой контрагент отрекся от своего права; в случае же дара моя заслуга имеет не тот смысл, будто дающий обязан отречься от своего права, а лишь тот, что если он отрекся от него, то это право должно скорее принадлежать мне, чем кому-либо другому. И это, как я полагаю, выражает смысл того различия, которое схоласты делают между meritum congrui и meritum condigni [48]. Ибо так как всемогущий Бог обещал рай тем людям (ослепленным плотскими вожделениями), которые смогут шествовать по пути жизни согласно его заветам в предписанных им пределах, то схоласты говорят, что тот, кто шествует таким образом, заслужит рай ex congruo [49] Но так как ни один человек не обладает правдивостью и другими богоугодными качествами в такой мере, чтобы претендовать на рай по праву, а может надеяться получить его лишь как господнюю милость, то схоласты говорят, что ни один человек не может заслужить рай ex condigno [50]. Таков, как я понимаю, смысл этого различения. Однако, поскольку спорщики-схоласты соглашаются со значением своих искусственных терминов лишь до тех пор, пока это им выгодно, я не желаю ничего утверждать насчет этого смысла и говорю лишь следующее: если какой-нибудь дар дается неопределенно как приз тому, кто победит в состязании, то выигрывающий заслуживает приз и может претендовать на него как на нечто ему причитающееся.

Когда соглашения, основанные на взаимном доверии, оказываются недействительными. Если заключено соглашение, при котором ни одна из сторон не выполняет своих обязательств немедленно, а доверяет друг другу, то в естественном состоянии (которое есть состояние войны всех против всех) такое соглашение при мало-мальски обоснованном подозрении одной из сторон, что противная сторона не выполнит своих обязательств, оказывается недействительным. Если же имеется стоящая над обеими сторонами общая власть, имеющая право и достаточно сил, чтобы принудить их к выполнению соглашения, то оно действительно. В самом деле, тот, кто первый выполняет условия соглашения, не имеет уверенности в том, что другой со своей стороны выполнит их потом, ибо там, где нет боязни

принудительной власти, словесные обязательства слишком слабы, чтобы они могли обуздывать честолюбие, корыстолюбие, гнев и другие страсти; но такой принудительной власти нельзя предполагать в естественном состоянии, где все люди равны и сами решают, насколько справедливы их собственные опасения. Поэтому тот, кто первый выполняет условия соглашения, лишь выдает себя врагу, что противоречит праву (от которого он никогда не может отречься) защищать свою жизнь и средства к жизни.

Однако в гражданском состоянии, когда имеется власть, установленная для оказания принудительного воздействия на тех, кто без этого воздействия нарушил бы свое слово, такое опасение неосновательно, и потому тот, кто на основании соглашения должен первым выполнить зависящие от него условия, обязан так делать.

Причиной боязни, делающей такое соглашение несостоятельным, должно быть всегда нечто возникшее после заключения соглашения, некий новый факт или другое выявление воли к невыполнению. В противном случае эта причина не может сделать соглашение недействительным, ибо то, что не мешает человеку обещать, не может быть признано препятствием к выполнению.

Право на цель содержит право на средства. Тот, кто переносит какое-нибудь право, переносит также, поскольку это в его власти, и средства использования этого права. Например, тот, кто продает участок земли, должен быть понят так, что он одновременно передает и травы, и все, что произрастает на нем; так и тот, кто продает мельницу, не может отвести реку, приводящую эту мельницу в движение. А те, кто облекает человека правом верховной власти, должны быть поняты так, что одновременно они дают ему право взимать налоги для содержания солдат, а также право назначения судей для отправления правосудия.

Соглашение с животными невозможно. Невозможно заключить соглашение с животными, ибо, не понимая нашей речи, они не понимают и не приемлют никакого перенесения права, точно так же они не способны переносить право на другого, а без взаимного получения нет соглашения.

Соглашение с Богом невозможно без особого откровения. Заключить соглашение с Богом можно лишь при посредстве тех, с кем Бог сообщается путем сверхъестественного откровения, или при посредстве Его наместников, правящих под Ним и от Его имени, ибо иначе мы не знаем, принимает Бог наши условия или нет. Поэтому те,

кто торжественно обещает нечто противоречащее какому-нибудь естественному закону, обещают напрасно, ибо выполнение такого обещания было бы несправедливо. Если же обещается нечто диктуемое естественным законом, то источником обязательства является не обещание, а закон.

Не может быть соглашения о том, что невозможно в будущем. Предмет, или содержание, соглашения есть всегда нечто составляющее объект обдумывания (ибо соглашение есть акт воли, т. е. акт, и последний акт, обдумывания) и потому всегда понимается как нечто, что наступит в будущем и что признается возможным исполнить для того, кто заключает соглашение.

Поэтому обещание заведомо невозможной вещи не есть соглашение. Однако, если лишь впоследствии обнаружилась невозможность того, что раньше считалось возможным, соглашение действительно и обязывает хотя не к самому выполнению обязательства, однако — к возмещению его денежного эквивалента или, если и это невозможно, к добросовестному старанию выполнить столько, сколько возможно, ибо к большему нельзя обязать человека.

Каким образом соглашения оказываются бесполезными. От обязательств, наложенных соглашением, люди могут быть освобождены двояким путем: выполнением и прощением. Выполнение есть естественный конец обязательства, а прощение есть восстановление свободы, являясь перенесением того права, в котором состояло обязательство.

Соглашения, исторгнутые под влиянием страха, действительны. Соглашения, заключенные под влиянием страха, являются в естественном состоянии обязательными. Например, если я заключаю соглашение с врагом об уплате выкупа или о службе ему в обмен на свою жизнь, то я связан таким соглашением. Ибо такого рода соглашение есть договор, при котором один получает благо жизни, другой должен получить взамен деньги или службу, и, следовательно, там, где нет другого закона (как это бывает в естественном состоянии), запрещающего выполнение подобного обязательства, такое соглашение имеет силу. Поэтому военнопленные, которым поверили на слово, что они уплатят выкуп, обязаны уплатить его. И если более слабый государь заключил под влиянием страха невыгодный мир с более сильным, то он обязан выполнить мирные условия, если только не возник (как было сказано ранее) новый и основательный повод для опасения, что война будет возобновлена. И если я даже в государстве вынужден,

подчиняясь насилию, обещать какому-нибудь разбойнику деньги в качестве выкупа за свою жизнь, я обязан уплатить их, если гражданский закон не освободит меня от этого обязательства. Ибо все то, что я могу на законном основании делать без обязательства, я могу законным образом путем соглашения делать и под влиянием страха. А соглашение, заключенное на законном основании, не может быть законным образом нарушено.

Более раннее соглашение с одним аннулирует более позднее с другим. Более раннее соглашение аннулирует более позднее. Ибо человек, перенесший сегодня свое право на одного, не может это завтра переносить на другого, поэтому более позднее обещание не переносит никакого права, а является пустым звуком.

Соглашение людей, не защищающее их, недействительно. Соглашение, обязывающее меня не сопротивляться насилию, всегда недействительно. Ибо (как я это показал раньше) никто не может переносить право спасать себя от смерти, увечья и заточения (избежание которых является единственной целью отказа от какого-либо права или отречения от него), и поэтому обещание не сопротивляться насилию не может переносить права в силу какого бы то ни было соглашения и не обязательно. И хотя человек может заключить такое соглашение: *если я не сделаю того-то или того-то, убей меня,* он не может заключить соглашения, гласящего: *если я не сделаю того-то и того-то, я не буду сопротивляться вам, когда вы придете убить меня.* Потому что человек охотнее выбирает меньшее зло, которое в данном случае состоит в опасности смерти при сопротивлении, чем большее зло, а именно верную и неминуемую смерть при отказе от сопротивления. Истину этого положения подтверждают все люди, отправляя преступников к месту казни или в тюрьму под конвоем, несмотря на то что эти преступники согласны с законом, на основании которого были осуждены.

Никто не обязан взять на себя какую-либо вину. Соглашение, обязывающее человека взять на себя какую-нибудь вину без уверенности, что он будет помилован, точно так же не имеет обязательной силы. Ибо в естественном состоянии, когда каждый человек является судьей, нет места для обвинения, а в состоянии гражданственности, когда за обвинением следует наказание, являющееся насилием, человек не может быть обязан не защищаться.

То же самое верно в отношении обвинения близких,

осуждение которых является для человека несчастьем, как, например, обвинение отца, жены и благодетеля. Ибо показания человека при этом, если они не даются добровольно, считаются, естественно, пристрастными и поэтому не должны приниматься во внимание, а там, где показания человека не встречают доверия, он не обязан их давать. Точно так же не должны считаться решающими показания, данные под пыткой, ибо пытка должна применяться как средство разгадки и освещения дальнейшего хода следствия и обнаружения истины, но тот, кого пытают, признания в этом случае делает с целью облегчить свои страдания, а не сообщить сведения тем, кто его пытает, и потому эти показания не заслуживают доверия, не являясь достаточными свидетельскими показаниями, а избавляет ли себя человек от пыток правильными или ложными показаниями, он это делает по праву сохранения собственной жизни.

Цель клятвы. Так как слова, как я заметил раньше, слишком бессильны, чтобы заставить людей выполнять свои соглашения, то для увеличения их принудительной силы человеческая природа имеет лишь два средства. Этими средствами являются или боязнь последствий нарушения своего слова, или желание славы и чувство гордости, побуждающие человека показать, что он способен не нарушать своего слова. Это последнее является благородством, слишком редко встречаемым, чтобы на него можно было рассчитывать, особенно у тех, кто преследует цели богатства, власти или чувственных наслаждений, а к ним принадлежит бóльшая часть человечества. Страсть, на которую можно положиться,— это страх, причем этот страх имеет два наиболее общих объекта. Первый объект — это сила невидимых духов, второй — сила тех людей, которым нарушение обещания нанесет ущерб. И хотя сила первых превосходит силу вторых, однако страх перед силой последних обычно сильнее страха перед силой первых. Страх перед первыми есть в каждом человеке его собственная религия, которая имеет место в природе человека до возникновения гражданского общества. Другой страх не присущ человеку до возникновения гражданского общества или по крайней мере присущ не в такой степени, чтобы принудить человека к исполнению его обещаний, ибо в естественном состоянии неравенство сил определяется лишь исходом сражения. Таким образом, до возникновения гражданского общества или когда существование гражданского общества прервано войной, ничто не может укрепить силу заключенного мирного договора против искушения

корыстолюбия, честолюбия, сладострастия и других сильных страстей, кроме боязни той невидимой силы, которую каждый человек почитает как Бога и которой он боится как мстителя за вероломство. Поэтому все, что два человека, не подчиненные гражданской власти, могут сделать,— это заставить друг друга поклясться тем Богом, которого они боятся.

Форма клятвы. Эта *клятва есть форма речи, которая прибавляется к обещанию и которой тот, кто обещает, обозначает, что в случае неисполнения им своего обещания он отказывается от милосердия своего Бога или призывает на себя его месть.* Такова была языческая форма: «В противном случае пусть убьет меня Юпитер, как я убиваю это животное». Такова наша форма: «Я сделаю то-то и то-то, да поможет мне Бог». Кроме того, каждый из договаривающихся сопровождает свою клятву обрядами и церемониями, практикуемыми в его религии, дабы сделать страх перед вероломством еще более сильным.

Клятва может быть только именем Бога. Отсюда ясно, что обещание, подкрепленное формой, или обрядом, отличным от тех, которые обычно применяются при клятвах, есть пустой звук и не является клятвой, а также что нельзя клясться именем предмета, которого клянущийся не почитает Богом. И хотя люди иногда имели обыкновение из страха или из лести клясться именем своих царей, однако этим они хотели отметить, что воздают им божеские почести. Ясно также, что клясться без нужды именем Бога есть лишь профанация его имени, а клясться чем-нибудь другим, как это делают люди в обиходных разговорах, есть не клятва, а лишь нечестная привычка, обусловленная слишком большой горячностью в разговорах.

Клятва ничего не прибавляет к обязательству. Ясно также, что клятва ничего не прибавляет к обязательству. Ибо законное соглашение обязывает перед Богом и без клятвы, так же как с клятвой; незаконное же соглашение ни к чему не обязывает, даже если оно подкреплено клятвой.

ГЛАВА XV

О ДРУГИХ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ

Третий естественный закон — справедливость. Из того естественного закона, в силу которого мы обязаны переносить на другого те права, сохранение которых мешает

водворению мира среди людей, вытекает третий естественный закон, именно тот, что *люди должны выполнять заключенные ими соглашения,* без чего соглашения не имеют никакого значения и являются лишь пустыми звуками, а раз при этом остается право всех на все, то люди продолжают находиться в состоянии войны.

Что такое справедливость и несправедливость. В этом естественном законе заключаются источники и начало *справедливости.* Ибо там, где не имело места предварительное заключение договора, не было перенесено никакое право и каждый человек имеет право на все, и, следовательно, никакое действие не может быть несправедливым. Но если договор заключен, то его нарушение — *несправедливо. Несправедливость* же есть не что иное, как *невыполнение договора.* А все, что не несправедливо, *справедливо.*

Справедливость и собственность начинаются с основания государства. Однако так как соглашения, имеющие своей основой взаимное доверие, недействительны там, где имеется опасение невыполнения их какой-нибудь стороной (как было сказано в предшествующей главе), то, хотя источником справедливости является заключение договоров, в указанном случае, однако, нет фактической справедливости до тех пор, пока не будет устранена причина опасения, что невыполнимо до тех пор, пока люди находятся в естественном состоянии войны всех против всех. Вот почему, прежде чем слова *справедливое* и *несправедливое* смогут иметь место, должна быть какая-нибудь принудительная власть, которая угрозой наказания, перевешивающего благо, которое люди ожидают от нарушения ими своего соглашения, принуждала бы всех в одинаковой мере к выполнению соглашений и упрочила бы ту собственность, которую люди приобретают путем взаимных договоров взамен отказа от всеобщего права. Такая власть может появиться лишь с основанием государства. К нашему заключению можно прийти также, исходя из определения справедливости, данного схоластами. Это определение гласит: «Справедливость есть неизменная воля давать каждому человеку его собственное». Таким образом, там, где нет *собственного,* т. е. собственности, нет *несправедливости,* а там, где нет организованной принудительной власти, т. е. где нет государства, нет собственности, ибо там все имеют право на все. Поэтому там, где нет государства, нет несправедливости. Природа справедливости, таким образом, состоит в выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, но обязательная сила соглашений начина-

ется лишь с установления гражданской власти, достаточно сильной, чтобы принудить людей к выполнению своих соглашений, с чем совпадает также начало собственности.

Справедливость не противоречит разуму. Безумец говорил в душе своей, что нет справедливости, а иногда и произносил это вслух, серьезно доказывая, что так как каждый человек должен заботиться о своем самосохранении и об удовлетворении своих потребностей, то нет никакого основания, чтобы человек не мог делать того, что, с его точки зрения, ведет к достижению указанных целей, и вот почему как заключение, так и незаключение, как выполнение, так и невыполнение соглашений одинаково не противоречат разуму, если только это способствует чьему-либо благу. Безумец при этом не отрицает, что существуют соглашения и что они иногда нарушаются, иногда же выполняются; он не отрицает также, что такое их нарушение можно назвать несправедливостью, а их соблюдение — справедливостью. Однако он спрашивает, не может ли иногда несправедливость, отвлекаясь от страха Божьего (ибо тот же глупец сказал в душе своей, что Бога нет!), быть в полном согласии с тем разумом, который диктует каждому человеку преследовать собственное благо, и особенно тогда, когда эта несправедливость ведет к такому благу, при наличии которого человек может пренебречь не только порицанием и бранью других, но также и их силой. Царство приобретается силой. Но что, если оно может быть приобретено несправедливым насилием? Не будет ли неразумным приобретение царства подобным образом, если это можно сделать без всякого ущерба для себя? А если это не противоречит разуму, то это не противоречит также справедливости, ибо иначе справедливость не могла бы быть признана добром. В силу таких рассуждений увенчанное успехом вероломство приобрело название добродетели, и кое-кто, во всех других случаях считая вероломство недопустимым, считал, однако, позволительным совершать его, когда дело идет о приобретении царства. А язычники, верившие, что Сатурн был свергнут своим сыном Юпитером, тем не менее верили, что тот же Юпитер является мстителем за нарушенную справедливость. Это несколько напоминает некий закон, устанавливаемый Коком в его комментарии к Литлтону [51], где он говорит, что, если законный наследник короны изобличен в измене, он все же должен быть возведен на престол, чем и будет аннулировано его преступление. Кое-кто будет склонен вывести из этих примеров то заключение, что если бесспорный наследник какого-нибудь

царства убьет того, кто владеет этим царством, будь это даже его отец, то называть ли это несправедливостью или каким угодно именем, однако это никак не противоречит разуму, ибо мы видим, что все произвольные действия людей имеют своей целью достижение блага для себя, и те действия, которые больше всего способствуют этой цели, являются наиболее разумными. Это рассуждение, несмотря на кажущуюся логичность, неправильно.

В самом деле, речь идет не о взаимных обещаниях там, где нет никакой уверенности в том, что эти обещания будут выполнены с какой-либо стороны, как, например, там, где нет гражданской власти, стоящей над обеими обещающими сторонами, ибо такого рода обещания не являются соглашениями. Речь идет о том, противоречит или не противоречит разуму, т. е. выгоде одной стороны, выполнение этой стороной своего обещания там, где другая сторона уже выполнила свое обещание или где имеется сила, могущая принудить ее к выполнению. И я утверждаю, что выполнение своего обещания не противоречит разуму. Чтобы убедиться в этом, надо принять во внимание следующее. Во-первых, что если человек совершает действие, которое по всему тому, что можно предвидеть и рассчитать, должно привести его к собственной гибели, то такое действие не становится разумным или мудрым от того, что какое-нибудь случайное не предвиденное им обстоятельство обратило это действие ему на благо. Во-вторых, что в состоянии войны, когда вследствие отсутствия общей власти, держащей всех в страхе, каждый является врагом каждого, ни один человек не может надеяться защитить себя от гибели собственными силами или собственным умом без помощи союзников и всякий ждет той же защиты от союза, как и любой другой. Вот почему тот, кто объявляет, что он считает разумным обмануть тех, кто ему помогает, не может разумным образом рассчитывать ни на какие другие средства безопасности, кроме тех, которые представляют ему его собственные силы. Поэтому тот, кто нарушает свое соглашение и, следовательно, объявляет, что он считает такой образ действий разумным, может быть принят в какое-нибудь общество, созданное в целях мира и самозащиты, разве лишь по ошибке тех, кто его принимает; а если он уже принят, то может удержаться там только потому, что другие не видят опасности своей ошибки. Однако на такие ошибки человек не может разумным образом рассчитывать как на средства безопасности, потому что, если его не допустят в общество или выбросят из него, он погибнет. Остаться же жить в об-

ществе он может лишь благодаря ошибкам других людей, ошибкам, которые он не мог предвидеть или на которые он не мог рассчитывать. Из всего этого видно, что нарушение человеком заключенного им соглашения есть нечто противоречащее разуму, поскольку это противоречит интересам безопасности самого нарушителя, ибо положение подобного человека таково, что не способствовать его гибели могут лишь люди, не понимающие, в чем заключается их собственная польза.

Предполагать же, что можно указанным путем обеспечить себе вечное блаженство на небесах, легкомысленно, ибо для достижения этой цели имеется лишь один возможный путь, а именно не нарушение, а соблюдение договоров.

Что же касается захвата верховной власти путем восстания, то очевидно, что такая попытка противоречит разуму, ибо хотя она и может увенчаться успехом, однако такого исхода неразумно ожидать заранее, скорее следует ожидать противоположного исхода; удачный исход, кроме того, может явиться соблазнительным примером для других добиваться той же цели подобными же средствами. Справедливость, т. е. соблюдение соглашений, есть правило разума, запрещающего нам делать что-либо, что пагубно для нашей жизни, из чего следует, что справедливость есть естественный закон.

Некоторые идут дальше, утверждая, что естественный закон заключается не в правилах, ведущих к сохранению земной жизни человека, а в правилах, ведущих к достижению вечного блаженства после смерти, что, по их мнению, может быть достигнуто и нарушением договора, которое в этом случае будет справедливым и разумным (таковы те, кто считает делом доблести убийство, свержение или восстание против установленной над ними с их собственного согласия верховной власти). Однако так как мы не имеем естественного знания о состоянии человека после смерти, а еще меньше о том, как вознаграждается в этом состоянии вероломство, а все мы лишь принимаем на веру утверждения людей, что они знают об этом сверхъестественным путем или что они знают тех, кто знает других, которые знают третьих, имеющих такое сверхъестественное знание, то вероломство нельзя называть правилом разума или природы.

Соглашения не следует заключать с порочными людьми, не выполняющими своих обязательств. Другие, соглашающиеся с тем, что сохранение верности есть есте-

ственный закон, делают, однако, исключение в отношении определенных лиц, например еретиков и лиц, не выполняющих своих обязательств по отношению к другим. Однако и это против разума. Ибо если грех какого-нибудь человека есть достаточное основание, чтобы освободить нас от обязанности выполнять заключенное с ним соглашение, то этот же грех должен был бы служить таким же достаточным основанием, чтобы не заключать с ним соглашения.

Что такое справедливость людей и несправедливость поступков. Имена *справедливое* и *несправедливое,* когда они относятся к людям, означают одно; когда же они относятся к поступкам — другое. Когда они относятся к людям, они означают соответствие или несоответствие их характера разуму. Когда же они относятся к поступкам, они означают соответствие или несоответствие разуму не характера или образа жизни, а отдельных поступков. Справедливый человек есть поэтому тот, кто прилагает все возможные усилия, чтобы все его поступки были справедливы, а несправедливый тот, кто этим пренебрегает. К таким людям в нашем языке применяются чаще слова *честный* и *бесчестный,* чем *справедливый* и *несправедливый,* хотя смысл их один и тот же. Честный человек поэтому не теряет своего доброго имени из-за одного или нескольких несправедливых поступков, обусловленных внезапной страстью или непониманием вещей или лиц, а бесчестный человек не перестает быть таковым вследствие тех поступков, которые он совершает или от совершения которых он воздерживается из страха, ибо его воля определяется не чувством справедливости, а той предполагаемой выгодой, которую ему может дать его образ действий. Оттенок справедливости придает человеческим поступкам известное (редко встречаемое) благородное или галантное мужество, при котором человек не желает быть обязанным какими-нибудь благами жизни хитрости или нарушению обещания. Эта справедливость характера и имеется в виду, когда называют справедливость добродетелью, а несправедливость — пороком. Справедливые поступки определяют людей не как справедливых, а как *невиновных,* а несправедливые поступки (называемые также правонарушениями) — лишь как *виновных.*

Справедливость характера и справедливость поступков. Кроме того, несправедливость характера есть предрасположение, или склонность, к правонарушению и является несправедливостью еще до перехода в действие и независимо от того, имеется ли правонарушение по отношению

к какому-нибудь отдельному лицу. Несправедливость же поступка (т. е. правонарушение) предполагает наличие отдельного лица, по отношению к которому совершено правонарушение, именно наличие лица, с которым заключено соглашение. И поэтому часто случается, что правонарушение совершено по отношению к одному лицу, между тем как материальный ущерб, проистекающий из этого правонарушения, нанесен другому. Так, например, если хозяин приказывает своему слуге дать деньги какому-нибудь постороннему и это приказание не выполняется, то правонарушение совершено по отношению к хозяину, с которым слуга заключил раньше соглашение о повиновении, материальный же ущерб потерпел посторонний человек, по отношению к которому слуга не имел никакого обязательства и потому не мог совершить по отношению к нему никакого правонарушения. Точно так же в государствах частные лица могут прощать друг другу свои долги, но не могут прощать разбоев и других насилий, от которых они потерпели материальный ущерб, ибо неуплата долгов есть нарушение обязательства по отношению к ним самим, разбой же и насилие есть правонарушение по отношению к личности государства.

Все, что сделано по отношению к кому-нибудь с его согласия, не может быть правонарушением. Все, что делается по отношению к какому-нибудь человеку согласно его воле, ясно выраженной тому, кто делает, не есть правонарушение по отношению к нему. Ибо если тот, кто делает, не отрекся путем предварительного соглашения от своего первоначального права делать то, что желательно другому, то не имеется никакого нарушения соглашения и, следовательно, никакого правонарушения. Если же такое соглашение было заключено, то ясно выраженная воля другого, чтобы желательное ему было сделано, освобождает того, кто делает, от его заключенного соглашения, и поэтому и в данном случае нет никакого правонарушения.

Справедливость коммутативная и дистрибутивная. Справедливость действий делится некоторыми авторами на *коммутативную* и *дистрибутивную* [52]. Первая, говорят они, выражается арифметической пропорцией, а вторая — геометрической. Коммутативная справедливость поэтому, по их мнению, заключается в установлении равенства ценностей вещей, являющихся объектами договора, дистрибутивная — в наделении равными благами людей с одинаковыми заслугами. С этой точки зрения выходит, что было бы несправедливостью продавать дороже, чем мы покупаем,

или давать человеку больше, чем он заслуживает. Цена вещей, являющихся объектом договора, измеряется желанием договаривающихся сторон, и справедливой ценой поэтому является та, которую они согласны дать. Заслуга же (за исключением той, которая возникает из соглашения, когда выполнение на одной стороне заслуживает выполнения на другой, и которая попадает под категорию коммутативной, а не дистрибутивной справедливости) не оплачивается по справедливости, а лишь вознаграждается по принципу милости. Вот почему это различие в том смысле, как оно обыкновенно толкуется, неправильно. Собственно говоря, коммутативная справедливость есть справедливость контрагента, т. е. выполнение им соглашения на предмет покупки, продажи, найма и сдачи внаем, ссуды и займа, обмена и других актов договора.

Дистрибутивная же справедливость есть справедливость арбитра, т. е. акт определения того, что справедливо. Если арбитр (будучи уполномочен теми, кто его сделал арбитром) выполняет то, для чего он уполномочен, то о нем говорят, что он воздает каждому его собственное, и это в самом деле является справедливым распределением и может быть названо (хотя и неточно) дистрибутивной справедливостью, а более точно — беспристрастием, которое, как это будет показано в надлежащем месте, также является естественным законом.

Четвертый естественный закон — благодарность. Если справедливость обусловлена предварительным соглашением, то *благодарность* обусловлена предварительной милостью, т. е. предварительным даром, и является четвертым естественным законом, который может быть сформулирован так: *человек, получивший благодеяние от другого лишь из милости, должен стремиться к тому, чтобы тот, кто оказывает это благодеяние, не имел разумного основания раскаиваться в своей доброте.* Ибо всякий человек дарит лишь с намерением приобрести этим какое-нибудь благо для себя. В самом деле, всякое дарение есть добровольное деяние, а целью всех добровольных деяний человека является приобретение блага для себя. И если люди увидят себя обманутыми в этом, то исчезнет всякое основание для благоволения или доверия и, следовательно, исчезнет всякая взаимопомощь, не будет никакого примирения людей между собой, и люди, таким образом, все еще будут оставаться в состоянии войны, что противоречит первому и основному естественному закону, предписывающему людям *искать мира.* Нарушение этого закона называется

неблагодарностью и имеет такое же отношение к милости, какое справедливость имеет к обязательству, вытекающему из соглашения.

Пятый закон — взаимная уступчивость или любезность. Пятый естественный закон есть закон *любезности*, а именно что *каждый человек должен приноравливаться ко всем остальным.* Для понимания этого закона следует принять во внимание, что в зависимости от различия их склонностей люди в различной степени приспособлены к жизни в обществе, представляя в этом отношении нечто похожее на то, что мы наблюдаем в груде камней, собранных для постройки какого-либо здания. Ибо, подобно тому как строители выбрасывают как негодный и мешающий тот камень, который вследствие своей шероховатости и неправильности формы отнимает у других больше пространства, чем занимает сам, а вследствие своей жесткости не может быть сделан гладким, затрудняя этим строительство, точно так же не должен быть принят в общество или должен быть выброшен из него как негодный человек, который в силу шероховатости своей натуры стремится удержать за собой то, что для него является чем-то излишним, а для других — предметом необходимости и который в силу непреклонности своих страстей не может быть исправлен. В самом деле, так как мы видим, что любой человек не только по праву, но также и в силу естественной необходимости (necessity of nature) должен употребить всевозможные усилия к приобретению того, что необходимо для его сохранения, то тот, кто будет противодействовать этому в отношении излишних для него вещей, является виновником той войны, которую такое противодействие повлечет за собой, и будет поэтому делать нечто противоречащее основному естественному закону, предписывающему *добиваться мира.* Тот, кто соблюдает этот закон, может быть назван законопослушным (sociable) — римляне их называют commodi, а противники их называются *упрямыми, необходительными, своенравными, несговорчивыми.*

Шестой закон — легко прощать обиды. Шестой естественный закон гласит: *при наличии гарантии в отношении будущего человек должен прощать прошлые обиды тем, кто, проявляя раскаяние, желает этого.* Ибо прощение есть дарование мира. И хотя мир, дарованный тем, кто упорствует в своей враждебности, есть не мир, а страх, однако не даровать его тем, кто дает гарантии в отношении будущего, есть отвращение к миру и поэтому противоречит естественному закону.

Седьмой закон — при отмщении люди руководствуются только будущим благом. Седьмой закон гласит, что *при отмщении* (т. е. при воздавании злом за зло) *люди должны сообразовываться не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением.* Этим законом нам запрещается налагать наказание с какой-либо иной целью, нежели исправление преступника или предостережение других. Ибо этот закон вытекает из предшествующего, предписывающего прощение при наличии гарантий в отношении будущего. Кроме того, месть, от которой нельзя ожидать, что она послужит предостерегающим примером, и, следовательно, нельзя ожидать никакой пользы в будущем, есть бесцельный триумф, или торжество по поводу ущерба, нанесенного другому (ибо цель есть всегда нечто будущее), бесцельное же торжество есть хвастливость и противоречит разуму, а нанесение ущерба, несообразного с разумом, ведет к войне, следовательно, противоречит естественному закону и обычно именуется *жестокостью.*

Восьмой закон — против оскорбления. Так как всякое проявление ненависти или презрения вызывает борьбу, поскольку большинство людей в таких случаях предпочитают скорее рисковать своей жизнью, чем оставаться неотмщенными, то мы можем на восьмом месте установить в качестве естественного закона правило, что *ни один человек не должен делом, словом, выражением лица или жестом выказывать ненависть или презрение другому.* Нарушение этого закона обычно именуется *нанесением оскорбления.*

Девятый закон — против гордости. Вопрос о том, кто является лучшим человеком, не имеет места в естественном состоянии, где (как это было показано ранее) все люди равны. Существующее в настоящее время неравенство было введено гражданскими законами. Я знаю, что Аристотель в первой книге своей «Политики» [53] устанавливает в качестве основы своей доктрины, что некоторые люди предназначены самой природой к управлению, именно наиболее мудрые (к каковым он причислял и себя как философа), другие же — к службе (именно те, кто обладает сильным телом и не является, подобно ему, философом), как будто разделение на хозяев и слуг было установлено не соглашением людей, а различием ума, против чего говорит не только разум, но и опыт. В самом деле, мало найдется таких дураков, которые не предпочитали бы сами управлять собой и не быть управляемыми другими; и те, кто

считает себя мудрым, не всегда, не часто и почти никогда не одерживают победы, когда они вступают в борьбу с теми, кто не доверяет собственной мудрости. Если природа поэтому сделала людей равными, то это равенство должно быть признано; если же природа сделала людей неравными, то равенство все же должно быть допущено, так как люди считают себя равными и вступят в мирный договор не иначе как на равных условиях. Вот почему я в качестве девятого естественного закона устанавливаю здесь, что *каждый человек должен признать других равными себе от природы.* Нарушение этого правила есть *гордость.*

Десятый закон — против надменности. Из этого закона вытекает другой, а именно *что при вступлении в мирный договор ни один человек не должен требовать предоставления себе какого-нибудь права, предоставить которое любому другому человеку он не согласился бы.* Подобно тому как необходимо для всех людей, ищущих мира, отказаться от некоторых естественных прав, т. е. отказаться от свободы делать все, что им хочется, точно так же необходимо для человеческой жизни удержать некоторые права, как, например, право управлять своим телом, пользоваться воздухом, водой, движением, дорогами для передвижения и всеми теми вещами, без которых человек не может жить или не может жить хорошо. Если в этом случае, т. е. при заключении мира, люди требуют для себя того, чего они не желали бы предоставлять другим, то они поступают против предыдущего закона, предписывающего признание естественного равенства, и, следовательно, против естественного закона. Те, кто соблюдает этот закон, называются *скромными,* а те, кто его нарушает, называются *надменными.* Греки называли нарушение этого закона πλεονεξία, т. е. желанием получить больше, чем причитается.

Одиннадцатый закон — беспристрастие. Точно так же если *человек уполномочен быть судьей в споре между двумя людьми,* то естественный закон предписывает, *чтобы он беспристрастно их рассудил.* Ибо в противном случае споры между людьми могут быть разрешены лишь войной. Поэтому тот, кто пристрастен в роли судьи, делает все от него зависящее, чтобы отклонить людей от использования судей и арбитров, и, следовательно (вопреки основному естественному закону), является причиной войны.

Соблюдение этого закона о равном распределении и воздаянии каждому того, что ему принадлежит по разуму, называется беспристрастием и является (как я говорил

ранее) дистрибутивной справедливостью, нарушение же называется *лицеприятием*, по-гречески προσωπολημψία.

Двенадцатый закон — равное использование общих вещей. Отсюда следует другой закон, а именно *что неделимые вещи должны быть, если это возможно, использованы сообща, причем, если количество вещей позволяет, без ограничения, в противном же случае — пропорционально числу тех, кто имеет право,* ибо иначе распределение неравномерно и небеспристрастно.

Тринадцатый закон — о жребии. Однако имеются некоторые вещи, которые не могут быть ни делимы, ни использованы сообща. В этом случае естественный закон, предписывающий беспристрастие, требует, чтобы *право владения в целом, или, иначе (если устанавливается поочередное пользование), первоочередное владение, предоставлялось по жребию.* Ибо равномерное распределение требуется естественным законом, а другого способа равномерного распределения нельзя представить.

Четырнадцатый закон — о первородстве и первом владении. *Жребий* бывает двоякого рода: *установленный* и *естественный.* Установленный — это тот, который устанавливается соглашением сторон; естественный же — это или *первородство* (то, что греки называют κληρονομία, т. е. данный по жребию), или первое владение.

Вот почему те вещи, которые не могут быть ни делимы, ни использованы сообща, должны быть присуждены первому владельцу, а в некоторых случаях перворожденному как приобретенные по жребию.

Пятнадцатый закон — о посредниках. То, что *всем людям, которые являются посредниками мира, должна быть дана гарантия неприкосновенности,*— это тоже естественный закон. Ибо закон, предписывающий мир как цель, предписывает посредничество как *средство,* а средством для посредничества является гарантия неприкосновенности.

Шестнадцатый закон — о подчинении арбитражу. И так как даже при самой большой склонности людей к соблюдению законов могут тем не менее возникнуть вопросы в отношении действий человека: во-первых, было ли оно завершено или нет, а во-вторых (если было), совершено ли действие против закона или нет, из которых первый есть вопрос *факта,* а второй — вопрос *права,* то, если заинтересованные стороны не соглашаются взаимно подчиниться решению третьего лица, они далеки от мира, как никогда. Этот третий, решению которого они подчиня-

ются, называется *арбитром.* И отсюда естественный закон, гласящий, что *в случае спора стороны должны подчинить свое право решению арбитра.*

Семнадцатый закон — никто не может быть судьей самого себя. Так как имеется, как мы видим, предположение, что всякий человек делает все для своей выгоды, то никто не может быть справедливым арбитром в своем собственном деле. И если бы даже один из спорящих был справедлив, как никто, тем не менее на основании принципа беспристрастия, требующего предоставления одинаковых выгод обеим сторонам, мы, предоставляя одной стороне право быть судьей, должны были бы предоставить такое же право и другой стороне, и, таким образом, спор, являющийся причиной войны, оставался бы в силе, что было бы против естественного закона.

Восемнадцатый закон — никто не должен быть судьей в деле, в котором он в силу естественных причин имеет пристрастие. На том же основании не следует ставить арбитром того, кто явно извлекает больше пользы, чести или удовольствия от победы одной из сторон, ибо это означало бы, что судья получил (хотя и помимо своей воли) взятку, и никто не обязан был бы доверять ему. Таким образом, и в этом случае оставались бы в силе спор и состояние войны, что было бы против естественного закона.

Девятнадцатый закон — о свидетелях. А так как в спорах о *факте* судья не должен доверять одной стороне больше, чем другой (если нет других аргументов), то он должен доверять третьему лицу, или третьему и четвертому, или бóльшему числу лиц, ибо иначе вопрос остался бы нерешенным и его решение было бы предоставлено силе, что было бы против естественного закона.

Таковы естественные законы, предписывающие мир как средство сохранения людей в массе и относящиеся лишь к учению о гражданском обществе. Имеются другие явления, ведущие к гибели отдельных людей, как, например, пьянство и иные проявления невоздержанности. Это явление можно было бы также причислить к тем, которые запрещены естественным законом. Но говорить о них нет необходимости, да и не совсем уместно это было бы здесь делать.

Правило, облегчающее рассмотрение естественных законов. И хотя все вышеизложенное может показаться слишком тонкой дедукцией естественных законов, чтобы стать доступным всем людям, большинство которых слишком занято добыванием средств к жизни, а меньшинство

слишком нерадиво, чтобы понять такую дедукцию, однако, для того чтобы никто из людей не мог оправдываться незнанием этих законов, они были резюмированы в одном легком правиле, доступном пониманию и самого неспособного человека. И это правило гласит: *не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе.* Это правило говорит и самому неспособному человеку, что в отношении естественных законов ему следует знать одно, а именно что, если, при взвешивании действий других людей и собственных, первые окажутся слишком тяжелыми, он должен положить их на другую чашу весов, а собственные действия — на их место, с тем чтобы его собственные страсти и самолюбие ничего не могли прибавить к весу действий других людей. Усвоив себе это правило, он убедится в разумности всех естественных законов.

Законы природы всегда обязывают совесть, но они эффективны только там, где они надежно гарантированы. Естественные законы обязывают in foro interno, т. е. обязывают желать их осуществления, но они не всегда обязывают in foro externo, т. е. к проведению их в жизнь. Ибо тот, кто был бы скромен и мягок и выполнял бы все свои обещания в такое время и в таком месте, когда и где никто другой этого не делает, лишь отдал бы себя на разграбление другим и уготовил бы себе первую гибель, что идет вразрез с основами всех естественных законов, требующих сохранения жизни. С другой стороны, тот, кто, имея достаточные гарантии того, что другие будут соблюдать по отношению к нему указанные законы, не соблюдает их сам, тот ищет своей гибели от насилия.

Всякий закон, обязывающий in foro interno, может быть нарушен не только действием, противоречащим закону, но также и действием, находящимся в согласии с ним, в том случае, когда человек считает это действие противоречащим закону. Ибо хотя его действие в этом случае согласно с законом, его намерение, однако, направлено против закона, что является нарушением там, где обязательство лежит in foro interno.

Вечность естественных законов. Естественные законы неизменны и вечны. Ибо несправедливость, неблагодарность, надменность, гордость, криводушие, лицеприятие и остальные пороки никогда не могут стать правомерными, так как никогда не может быть, чтобы война сохраняла жизнь, а мир ее губил.

И легкость их соблюдения. Так как эти самые законы обязывают лишь к желанию и к усилиям, я имею в виду

непритворные и неизменные усилия, то их легко соблюдать. Ибо там, где законы требуют лишь соответствующих усилий, тот, кто делает усилия в направлении их выполнения, исполняет их, а тот, кто исполняет закон, справедлив.

Наука об этих законах является истинной моральной философией. И наука об этих законах есть истинная и единственная моральная философия. Ибо моральная философия есть не что иное, как наука о том, что такое *добро* и *зло* в поступках и в человеческом обществе. *Добро* и *зло* суть имена, обозначающие наши расположения и отвращения, которые различны в зависимости от различий характера, привычек и образа мыслей людей. И разные люди различаются между собой своими суждениями не только в отношении ощущений, именно в отношении того, что приятно и что неприятно вкусу, обонянию, слуху, осязанию и зрению, но также и в отношении того, что сообразно или несообразно с разумом в человеческих действиях. Мало того, тот же самый человек в разное время различен, и в одно время он хвалит, т. е. называет добром, то, что в другое время он хулит и называет злом. Отсюда возникают диспуты, споры и в конце концов война. И поэтому до тех пор, пока человек находится в естественном состоянии (которое есть состояние войны), мерой добра и зла являются его личные влечения. Следовательно, все люди согласны в том, что мир есть добро, и в силу этого добром, т. е. *моральными добродетелями*, являются также пути или средства к миру, каковы (как я показал ранее) *справедливость, признательность, скромность, беспристрастие, прощение* и все остальные естественные законы; противоположные же качества суть пороки, т. е. *зло*. Наука же о добродетели и пороке есть моральная философия, и поэтому истинное учение о естественных законах есть истинная моральная философия. Однако, хотя философы-моралисты признают указанные добродетели и пороки, они все же не видят, чем первые хороши; не понимая, что добродетели должны быть прославлены как средства мирной, общительной и удобной жизни, они усматривают все их значение в умеренности страстей, как будто бы не причина, а степень дерзновения составляет мужество или же не причина, а размер дарения составляет щедрость.

Эти предписания разума люди обычно называют законами, что, однако, не соответствует их сущности. Ибо эти предписания суть лишь заключения или теоремы относительно того, что ведет к сохранению и защите людей, между тем как закон в собственном смысле означает предписание

того, кто по праву повелевает другими. Однако, если мы рассматриваем эти теоремы как возвещенные Богом, повелевающим по праву всем, тогда они правильно названы законами.

ГЛАВА XVI

О ЛИЧНОСТЯХ, ДОВЕРИТЕЛЯХ И ОБ ОЛИЦЕТВОРЕННЫХ ВЕЩАХ

О личности. *Личностью* является тот, *чьи слова или действия рассматриваются или как его собственные, или как представляющие слова или действия другого человека или какого-нибудь другого предмета, которым эти слова или действия приписываются поистине или посредством фикции.*

Личность естественная и искусственная. Если слова или действия человека рассматриваются как его собственные, тогда он называется *естественной личностью.* Если же они рассматриваются как представляющие слова или действия другого, тогда первый называется *вымышленной, или искусственной, личностью.*

Откуда произошло слово «личность». Слово *личность* (person) латинское, вместо которого греки имеют слово πρόσωπον, обозначающее *лик* или *вид*, подобно тому как латинское persona обозначает *наряд* или *внешний вид* человека, представляемого на сцене, а иногда специально ту часть этого наряда, которая скрывает лицо, например маску. С театральных подмостков это название было перенесено на всякого, представляющего речь или действие как в судилищах, так и в театрах. *Личность*, таким образом, есть то же самое, что *действующее лицо* как на сцене, так и в жизненном обиходе, а *олицетворять* — значит *действовать* или *представлять* себя или другого, а о том, кто действует за другого, говорится, что он носит его личность или действует от его имени (в каковом смысле применяет это слово Цицерон, когда говорит: «Unus sustineo tres personas: mei, adversarii et judicis», т. е. «Я ношу три личности: мою собственную, моего противника и судьи») и называется в разных случаях различно: *представитель, заместитель, наместник, поверенный, депутат, прокуратор* и т. п.

Представитель. Доверитель. Полномочие. Что касается искусственных лиц, то слова и действия некоторых из них признаются как *свои* теми, кого они представляют. И тогда личность является *представителем,* а тот, кто признает своими его слова и действия, есть их *доверитель.* В этом

случае представитель действует по полномочию. Ибо доверитель в отношении действий есть то же самое, что собственник — по-латыни dominus, по-гречески κύριος — в отношении имущества и владения. И подобно тому как право владения называется *властью*, так право производить какое-нибудь действие называется *полномочием;* так что под полномочием всегда понимается право производить какой-нибудь акт, а сделать *по полномочию* — значит сделать по поручению или с разрешения того, кому это право принадлежит.

Соглашение по полномочию связывает доверителя. Отсюда следует, что если представитель заключает соглашение по полномочию, то он этим связывает доверителя в не меньшей степени, чем если бы последний сам заключал это соглашение, и не в меньшей степени обязывает его ко всем вытекающим из согласия последствиям. Поэтому все, что было сказано раньше (в главе XIV) о природе соглашения между двумя людьми непосредственно, верно также и в том случае, когда это соглашение заключено их представителями или поверенными, имеющими от них полномочия, но лишь постольку, поскольку простираются эти полномочия.

Поэтому тот, кто заключает соглашение с чьим-либо представителем, не зная, каковы его полномочия, делает это на свой страх и риск. Ибо никто не обязывается соглашением, на заключение которого он не давал полномочий, а следовательно, соглашением, заключенным против его полномочий или сверх данных им полномочий.

Но не представителя. Если представитель по приказанию доверителя делает что-либо против естественного закона, то в случае наличия предварительного соглашения о повиновении со стороны представителя нарушителем естественного закона является не представитель, а доверитель, ибо хотя действие противоречит естественному закону, однако не это действие, а, напротив, отказ от его совершения был бы против естественного закона, запрещающего нарушать соглашения.

Полномочия предъявлены доверителем. Если кто-либо заключает соглашение с доверителем при посредстве представителя, не зная размера полномочий последнего и лишь поверив ему на слово, то, в случае если он на запрос, обращенный к доверителю о пределах полномочий представителя, не получил ясного ответа, его обязательство прекращается. Ибо соглашение, заключенное с доверителем, недействительно при отсутствии подтверждения со стороны последнего. Если же тот, кто заключает подобное соглаше-

ние, знал заранее, что ему нечего ожидать другого подтверждения, кроме заявления представителя, тогда соглашение действительно, ибо в этом случае представитель становится доверителем. Поэтому в случае действительности полномочий соглашение обязывает доверителя, если же полномочия фиктивны, соглашение обязывает лишь представителя, так как последний сам становится в данном случае на место доверителя.

Вещи представляемые — неодушевленные. Имеются некоторые вещи, которые не могут быть представляемы на основе фикции. Неодушевленные вещи, как церковь, больница, мост, могут быть представлены ректором, начальником, смотрителем. Однако неодушевленные вещи не могут быть доверителями, а потому и не могут давать полномочий своим представителям. Однако эти представители могут быть уполномочены сохранять эти вещи их собственниками или управляющими вещей. Вот почему такие вещи не могут быть представляемы до учреждения какого-нибудь гражданского правительства.

Неразумные. Точно так же не могут быть представлены опекунами или кураторами лишенные разума дети, идиоты и сумасшедшие, но последним (пока продолжается их неразумное состояние) не может быть вменено ни одно совершенное ими действие, до тех пор пока они не смогут разумно обсудить его (когда они снова обретут свои умственные способности). Однако, кто имеет власть над ними, может и в период их слабоумия дать полномочия опекуну, причем и это возможно лишь в гражданском состоянии, ибо до такого состояния не может быть власти над лицами.

Ложные боги. Идол, или образ воображения, может быть представляем. Так, например, языческие боги имели своих представителей в лице назначенных государством служителей культа и имели владения, имущество и права, посвященные и пожертвованные им людьми. Но идолы не могут быть доверителями, ибо идол — ничто. Полномочия служителям культа давало государство, и поэтому до установления гражданского правления языческие боги не могли иметь представителей.

Истинный Бог. Истинный Бог может иметь представителей. Первым таким представителем был Моисей, управляющий сынами израилевыми (бывшими не его, а Божьим народом), не от своего имени заявляя: *Так сказал Моисей,* а от имени Бога: *Так сказал Господь.* Вторым был Сын Человеческий, его собственный Сын, наш пресвятой Спаситель Иисус Христос, пришедший не от Себя, а как посланец

Своего Отца, дабы обратить евреев и ввести все народы в Царство Своего Отца. Третьим был Святой Дух, говоривший и действовавший в апостолах, каковой Святой Дух пришел не от Себя, а был послан Отцом и Сыном.

Множество людей, выступающее в качестве одного лица. Множество людей становится *одним* лицом, когда оно представлено одним человеком или одной личностью, если на это представительство имеется согласие каждого из представляемых в отдельности. Ибо *единство* лица обусловливается *единством* представителя, а не единством представляемых. И лишь представитель является носителем лица, и именно единого лица, а в отношении многих *единство* может быть понято лишь в этом смысле.

Каждый из них есть доверитель. А так как совокупность многих есть не *один,* а *многие,* то в этом случае следует говорить не об одном, а о многих доверителях в отношении того, что представитель говорит или делает от их имени. Дело обстоит таким образом, что каждый человек из этой совокупности дает своему общему представителю полномочия от себя отдельно, и если это неограниченные полномочия, то каждому вменяются все действия, совершенные представителем. Если же доверители ограничивают своего общего представителя в отношении объекта и размеров полномочий, то никому из доверителей не поручается больше, чем простираются их полномочия.

Представителем может быть много людей, превращенных в одно лицо благодаря большинству голосов. Если же представительство состоит из многих людей, то голос большинства должен быть рассматриваем как голос всех. Ибо если меньшинство высказывается (к примеру) утвердительно, а большинство — отрицательно, то число высказавшихся отрицательно более чем достаточно, чтобы покрыть число высказавшихся утвердительно, и, таким образом, оставшиеся избыточные отрицательные голоса являются единственными голосами представительства.

Представительство четного числа людей не приносит пользы. А представительство четного числа людей, особенно если это число невелико и если противоположные голоса распределены равномерно, часто бывает немым и неспособным к действию. Однако в некоторых случаях равномерное распределение противоположных голосов может решать вопрос. Например, при обвинении или оправдании равенство противоположных голосов судей уже одним тем, что оно не может служить к обвинению, ведет к оправданию, но не ведет, наоборот, к обвинению там, где оно не

привело к оправданию. Ибо не вынести обвинительного приговора по заслушании дела — значит оправдать, но сказать, что неоправдание есть обвинение, было бы неверно. То же самое верно, когда решается вопрос о том, привести ли приговор в исполнение немедленно или отсрочить его на некоторое время. Ибо когда голоса в этом случае разделяются поровну, то отсутствие постановления о немедленном исполнении есть постановление об отсрочке.

Отрицательное голосование. Если же имеется нечетное число, например три или более (людей или собраний), из которых каждая единица имеет право своим отрицательным голосованием аннулировать утвердительное голосование всех остальных, то такое число не является представительством. Ибо вследствие различия мнений и интересов людей такое представительство часто и в случаях, чреватых большими последствиями, становится немым лицом и неспособным как ко многим другим вещам, так и к управлению людской массой, особенно во время войны.

Ответственными за действия других бывают люди двоякого рода. Первые — это доверители, которые, согласно моему предыдущему определению, просто признают своими действия других лиц. Ко вторым относятся те, кто признает своим действие или соглашение, заключенное другим человеком, условно, т. е. они обязуются выполнить обязательства, взятые на себя другим, если последний их не выполнит или не выполнит к определенному сроку. И такие условно ответственные лица называются обычно поручителями, по-латыни fidejussores и sponsores, а, в частности, если речь идет об обязательстве уплатить долги другого,— praedes; если же речь идет о том, чтобы предстать перед судом или магистратом,— vades [54].

ЧАСТЬ II

О ГОСУДАРСТВЕ

ГЛАВА XVII

О ПРИЧИНАХ, ВОЗНИКНОВЕНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Цель государства — главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося (как было показано в главе XIII) необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов, изложенных в XIV и XV главах.

Каковая не гарантируется естественным законом. В самом деле, естественные законы (как *справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие* и (в общем) *поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам*) сами по себе, без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т. п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов (которым каждый человек следует, когда он желает им следовать, когда он может делать это без всякой опасности для себя), каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить

нам безопасность. И везде, где люди жили маленькими семьями, они грабили друг друга; это считалось настолько совместимым с естественным законом, что, чем больше человек мог награбить, тем больше это доставляло ему чести. В этих делах люди не соблюдали никаких других законов, кроме законов чести, а именно они воздерживались от жестокости, оставляя людям их жизнь и сельскохозяйственные орудия. Как прежде маленькие семьи, так теперь города и королевства, являющиеся большими родами для собственной безопасности, расширяют свои владения под всяческими предлогами: опасности, боязни завоеваний или помощи, которая может быть оказана завоевателю. При этом они изо всех сил стараются подчинить и ослабить своих соседей грубой силой и тайными махинациями, и, поскольку нет других гарантий безопасности, они поступают вполне справедливо, и в веках их деяния вспоминают со славой.

А также соединением небольшого количества людей или семейств. Гарантией безопасности не может служить также объединение небольшого числа людей, ибо малейшее прибавление к той или иной стороне доставляет ей такое большое преимущество в физической силе, которое вполне обеспечивает ей победу и потому поощряет к завоеванию. То количество сил, которому мы можем доверять нашу безопасность, определяется не каким-то числом, а отношением этих сил к силам врага; в таком случае для нашей безопасности достаточно, когда избыток сил на стороне врага не настолько велик, чтобы он мог решить исход войны и побудить врага к нападению.

Ни множеством людей, из которых каждый руководствуется собственным суждением. Пусть имеется какое угодно множество людей, однако, если каждый будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, они не могут ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу. Ибо, будучи несогласными во мнениях относительно лучшего использования и применения своих сил, они не помогают, а мешают друг другу и взаимным противодействием сводят свои силы к нулю, вследствие чего они не только легко покоряются немногочисленным, но более сплоченным врагом, но и при отсутствии общего врага ведут друг с другом войну за свои частные интересы. В самом деле, если бы мы могли предположить, что большая масса людей согласна соблюдать справедливость и другие естественные законы при отсут-

ствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли бы предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы, да и не было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения.

Что то и дело повторяется. Для безопасности, которую люди желали бы продлить на все время их жизни, недостаточно, чтобы они управлялись и направлялись единой волей в течение какого-то времени, например в ходе одной битвы или войны. Ибо хотя они и одерживают победу против иноземного врага благодаря своим единодушным усилиям, однако потом, когда общего врага уже нет или когда одна партия считает врагом того, кого другая считает другом, они в силу различия своих интересов должны по необходимости разобщиться и снова быть ввергнутыми в междоусобную войну.

Почему некоторые создания, несмотря на то что у них нет разума и речи, живут в обществе без всякой принудительной власти. Некоторые живые существа, как, например, пчелы и муравьи, живут, правда, дружно между собой (поэтому Аристотель и причислил их к общественным созданиям), а между тем каждое из них руководствуется лишь своими частными суждениями и стремлениями, и они не обладают способностью речи, при помощи которой одно из них могло бы сообщить другому, что́ оно считает необходимым для общего блага. Поэтому кто-нибудь, вероятно, захочет узнать, почему род человеческий не может жить точно так же. На это я отвечаю:

Во-первых, люди непрерывно соперничают между собой, добиваясь почета и чинов, чего указанные существа не делают, и, следовательно, на этом основании среди людей возникают зависть и ненависть, а в итоге и война, чего среди тех не бывает.

Во-вторых, среди указанных существ общее благо совпадает с благом каждого индивидуума, и, будучи от природы склонными к преследованию своей частной выгоды, они тем самым творят общую пользу. Человеку же, самоуслаждение которого состоит в сравнении себя с другими людьми, может приходиться по вкусу лишь то, что возвышает его над остальными.

В-третьих, указанные существа, не обладая (как люди) разумом, не видят и не думают, что видят какие-нибудь ошибки в управлении их общими делами, между тем как среди людей имеются многие, которые считают себя более

мудрыми и более способными управлять государственными делами, чем другие, и поэтому стремятся реформировать и обновлять государственный строй; одни — одним путем, другие — другим; и этим вносят в государство расстройство и гражданскую войну.

В-четвертых, хотя указанные существа и обладают некоторой способностью пользоваться своим голосом, чтобы дать знать друг другу о своих желаниях и страстях, однако они лишены того искусства слова, при помощи которого некоторые люди умеют представить другим добро злом, а зло добром и преувеличить или преуменьшить по своей воле видимые размеры добра и зла, внося беспокойство в душу людей и смущая их мир.

В-пятых, неразумные существа не умеют делать различие между *неправомерностью* и *материальным ущербом*, и поэтому, до тех пор пока им хорошо живется, они живут в мире со своими сотоварищами, между тем как человек становится наиболее беспокойным именно тогда, когда ему лучше всего живется, так как тогда он любит показывать свою мудрость и контролировать действия тех, которые управляют государством.

Наконец, согласие указанных существ обусловлено природой, согласие же людей — соглашением, являющимся чем-то искусственным. Вот почему нет ничего удивительного в том, что, для того чтобы сделать это согласие постоянным и длительным, требуется еще кое-что (кроме соглашения), а именно общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу.

Происхождение государства (Commonwealth). **Определение государства.** Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы

каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия.* Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется *государством,* по-латыни — civitas. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.*

Что такое суверен и подданный. Тот, кто является носителем этого лица, называется *сувереном,* и о нем говорят, что он обладает *верховной властью,* а всякий другой является *подданным.*

Для достижения верховной власти имеются два пути. Один — это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Второй — это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеет защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на *установлении,* а государство, основанное первым путем,— государством, основанным на *приобретении* [1].

В первую очередь я буду говорить о государстве, основанном на установлении.

ГЛАВА XVIII

О ПРАВАХ СУВЕРЕНОВ В ГОСУДАРСТВАХ, ОСНОВАННЫХ НА УСТАНОВЛЕНИИ

Что означает акт установления государства. Мы говорим, что государство *установлено,* когда *множество* людей договаривается и *заключает соглашение каждый с каждым* о том, что в целях водворения мира среди них и защиты от других каждый из них будет признавать как свои собственные все действия и суждения того *человека* или *собрания людей,* которому большинство дает *право представлять* лицо всех (т. е. быть их *представителем)* независимо от того, *голосовал ли* он *за* или *против* них.

Последствия подобного установления. Из этого установления государства производятся все *права* и *способности* того или тех, на кого соглашением собравшегося народа перенесена верховная власть.

1. Подданные не могут изменять форму правления. Во-первых, так как народ заключает соглашение, то следует разуметь, что он не обязался каким-либо предыдущим соглашением к чему-нибудь противоречащему данному соглашению. Следовательно, те, кто уже установил государство и таким образом обязался соглашением признавать как свои действия и суждения одного, неправомерны без его разрешения заключать между собой новое соглашение, в силу которого они были бы обязаны подчиняться в чем-либо другому человеку. Поэтому подданные монарха не могут без его разрешения свергнуть монархию и вернуться к хаосу разобщенной толпы или перевести свои полномочия с того, кто является их представителем, на другого человека или другое собрание людей, ибо они обязались каждый перед каждым признавать именно его действия своими и считать себя ответственными за все, что их суверен будет или сочтет уместным делать, и, таким образом, если бы хоть один человек не дал своего согласия, все остальные нарушили бы свои обязательства по отношению к нему, что несправедливо, а так как, кроме того, каждый из них отдал верховную власть носителю их лица, то, свергая его, они отнимают у него то, что ему принадлежит по праву, что опять-таки является несправедливостью. Кроме того, если

тот, кто покушается на власть своего суверена, был бы им убит или наказан за эту попытку, то наказуемый был бы сам виновником своего наказания согласно обязательству, взятому на себя при установлении государства: признавать как исходящее от него самого все то, что его суверен будет делать. А так как для всякого человека является несправедливостью делать что-нибудь, за что он, по собственному признанию, заслуживает наказания, то покушение на права суверена уже и на этом основании является несправедливостью. А если некоторые люди ссылались в оправдание неповиновения своим суверенам на новое соглашение, заключенное не с людьми, а с Богом, то и это неправильно, ибо соглашение с Богом может быть заключено лишь при посредстве лица, представляющего личность Бога, каковым может быть лишь наместник Бога, обладающий верховной властью под владычеством Бога. Однако эта претензия на соглашение с Богом — столь очевидная ложь даже перед собственной совестью этих людей, что она не только является низким и несправедливым поступком, но и свидетельствует о немужественном характере.

2. Верховная власть не может быть потеряна. Во-вторых, так как право представлять всех участвовавших в соглашении дано тому, кого делают сувереном путем соглашения, заключенного лишь друг с другом, а не сувереном с кем-нибудь из участников, то не может иметь место нарушение соглашения со стороны суверена, и, следовательно, никто из его подданных не может быть освобожден от подданства под предлогом того, что суверен нарушил какие-либо обязательства. Что тот, кто стал сувереном, не заключает предварительного соглашения со своими подданными — очевидно, ибо он должен был бы заключить соглашение или со всеми (multitude) как одной стороной соглашения или же несколько соглашений с каждым человеком в отдельности.

Однако заключить соглашение со всеми людьми как единым целым невозможно, так как до установления государства они не являются единым лицом, а если он заключил много отдельных соглашений соответственно числу людей, то эти соглашения по приобретении им верховной власти становятся недействительными, ибо любое действие, на которое какой-нибудь представитель этой толпы может указать как на нарушение договора, является действием суверена и всех остальных, так как оно совершено от лица и по праву каждого из них в отдельности.

Кроме того, если кто-либо один или несколько человек

утверждают, что суверен нарушил договор, заключенный им при установлении государства, а другие — или кто-либо другой из его подданных, или суверен сам — утверждают, что никакого нарушения не было, то в этом случае не имеется судьи для решения этого спора, и мы снова, таким образом, отброшены назад к праву меча, и каждый человек снова получает право защищать себя собственной физической силой, что противоречит цели, поставленной людьми при установлении государства. Тщетна поэтому попытка предоставить кому-либо верховную власть на основе предварительного соглашения. Мнение, будто какой-либо монарх получает свою власть на основе соглашения, т. е. на известных условиях, вытекает из непонимания той простой истины, что соглашения являются лишь словами и сотрясением воздуха и обладают силой обязать, сдерживать, ограничить и защитить человека лишь постольку, поскольку им приходит на помощь меч государства, т. е. несвязанные руки того человека или собрания людей, которые обладают верховной властью и действия которых санкционированы всеми подданными и исполнены силой всех подданных, объединенных в лице суверена. Однако, когда собрание людей стало сувереном, тогда ведь никто не воображает, что такого рода соглашение могло иметь место при этом установлении, ибо кто же будет так глуп, чтобы сказать, что, например, народ Рима заключил соглашение с римскими подданными о том, что он будет держать верховную власть на каких-то условиях, при нарушении которых римские подданные имеют право свергнуть власть римского народа. Но люди не замечают, что то, что верно в отношении народного правления, верно также в отношении монархии. Это проистекает из честолюбия некоторых, расположенных больше к правлению собрания, участвовать в котором они могут питать надежду, чем к монархии, при которой у них нет никакой надежды участвовать в правлении.

3. Никто не может, не нарушая справедливости, протестовать против установления суверена, провозглашенного большинством. В-третьих, если большинство согласным голосованием объявило кого-нибудь сувереном, то несогласный с этим постановлением должен по выяснении указанного результата или согласиться с остальными, т. е. признавать все действия, которые будут совершены сувереном, или он по праву может быть истреблен остальными. Ибо если он добровольно вступил в соглашение со всеми собравшимися, то он тем самым в достаточно ясной

форме объявил свою волю (и этим молчаливо принял на себя обязательство) подчиняться всему, что постановит большинство. Поэтому, если он отказывается подчиниться или протестует против какого-нибудь постановления большинства, он нарушает свой договор и поступает несправедливо. Да и независимо от того, вступил ли он в соглашение со всеми или нет, был он спрошен о своем согласии или нет, он должен или подчиниться их постановлениям, или быть остановлен в прежнем состоянии войны, при котором любой человек, не нарушая справедливости, может убить его.

4. Подданные не могут осуждать действия суверена. В-четвертых, так как благодаря указанному установлению каждый подданный является ответственным за все действия и суждения установленного суверена, то отсюда следует, что все, что бы последний ни делал, не может быть неправомерным актом по отношению к кому-либо из его подданных, и он не должен быть кем-либо из них обвинен в несправедливости. Ибо тот, кто делает что-либо, на что он уполномочен другим, не может этим совершить неправомерного акта по отношению к тому, кем он уполномочен. При установлении же государства каждый отдельный человек является доверителем в отношении всего, что суверен делает, и, следовательно, всякий, кто жалуется на несправедливость со стороны суверена, жалуется на то, виновником чего он сам является, и поэтому должен обвинять лишь самого себя. Да и самого себя он не должен обвинять, ибо невозможно совершать несправедливость по отношению к самому себе. Верно, что люди, облеченные верховной властью, могут совершать пристрастные действия, но не несправедливость и беззаконие в собственном смысле.

5. Любой суверен ненаказуем подданным. В-пятых, и как вывод из только что сказанного, ни один человек, облеченный верховной властью, не может быть по праву казнен или как-нибудь иначе наказан кем-либо из своих подданных. Ибо каждый подданный, как мы видели, является ответственным за действия своего суверена. Следовательно, наказывая суверена, подданный наказывает другого за действия, совершенные им самим.

6. Суверен — судья в вопросах о том, что необходимо для мира и защиты своих подданных. И так как целью учреждения верховной власти являются мир и общая защита, а право на цель дает право и на ведущие к ней средства, то к правам человека или собрания, обладающего верховной властью, относится также право быть судьей

в делах мира и защиты, а также в делах того, что препятствует их осуществлению. Суверен, таким образом, имеет право предпринять все, что он считает необходимым в целях сохранения мира и безопасности путем предупреждения раздоров внутри и нападения извне, а когда мир и безопасность уже утрачены, предпринять все необходимое для их восстановления.

И судья в отношении того, каким доктринам следует их учить. И поэтому, в-шестых, в компетенцию верховной власти входит быть судьей в отношении того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют водворению мира, и, следовательно, в каких случаях, в каких рамках и каким людям может быть предоставлено право обращаться к народной массе и кто должен расследовать доктрины всех книг, прежде чем они будут опубликованы [2]. Ибо действия людей обусловлены их мнениями, и в хорошем управлении мнениями состоит хорошее управление действиями людей с целью водворения среди них мира и согласия. И хотя единственным критерием учения должна быть истина, однако это не противоречит тому, чтобы учения регулировались также с точки зрения их отношения к делу мира. Ибо учение, противодействующее миру, не может в большей мере быть истинным, чем мир и согласие — направленными против естественного закона. Поэтому в государстве, где вследствие небрежности или неловкости правителей или учителей с течением времени стали общепринятыми ложные учения, противоположные истины могут оказаться вредными. Однако следует добавить, что внезапное вторжение какой-нибудь новой истины само по себе еще никогда не взрывало мир. Это вторжение может лишь возбудить войну, которая тлела подспудно. Ибо люди, которые до того нерадиво управляются, что они смеют поднять оружие для защиты или введения какого-нибудь мнения, находятся еще в состоянии войны, и их состояние есть не мир, а лишь приостановление военных действий из боязни друг друга. И они живут как бы в состоянии непрерывного приготовления к военным действиям. Вот почему в сферу компетенции суверена входит быть судьей или назначать всех судей мнений и учений, что необходимо в целях мира и предупреждения раздора и гражданской войны.

7. Право предписывать подданным правила, с помощью которых каждый из них столь хорошо знает, что именно является его собственностью, что уже никто другой не может, не нарушив справедливости, отнять ее у него.

В-седьмых, к верховной власти относится вся власть предписывать правила, указывающие каждому человеку, какими благами он может пользоваться и какие действия он может предпринять, не оказываясь стесненным в этом отношении кем-либо из своих сограждан. И именно это люди называют *собственностью*. Ибо до установления верховной власти (как уже было показано) все люди имели право на все, каковое право необходимо вело к войне, и поэтому эта собственность, которая необходима для мира и зависит от установления верховной власти, есть акт этой власти в целях установления гражданского мира. Эти правила о собственности (или о *моем* и *твоем*), о *добре, зле, закономерном* и *незакономерном* в человеческих действиях суть гражданские законы, т. е. особенные законы каждого отдельного государства, хотя термин *гражданский закон* приурочивается теперь к древним гражданским законам города Рима, законы которого в силу его главенства над большей частью тогдашнего мира были там гражданским законом.

8. Суверену также принадлежат судебная власть и право решать споры. В-восьмых, составной частью верховной власти является право юрисдикции, т. е. право рассмотрения и решения всех споров, могущих возникнуть относительно закона, как гражданского, так и естественного, или относительно того или иного факта. Ибо без решения споров не может быть защиты подданного от обид со стороны другого. Без такого решения споров остаются пустыми звуками законы о *моем* и *твоем,* и за всяким человеком в силу его естественного и необходимого стремления к самосохранению остается право защищаться собственной физической силой, т. е. остается состояние войны, противоречащее той цели, ради которой установлено каждое государство.

9. И право объявления войны и заключения мира в зависимости от того, что он найдет более полезным. В-девятых, в компетенцию верховной власти входит право объявления войны и заключения мира с другими народами и государствами, т. е. право судить о том, что требуется в данный момент в интересах общего блага и какие силы должны быть для данной цели собраны, вооружены и оплачены, а также какая сумма должна быть собрана с подданных для покрытия расходов. В самом деле, гарантию защиты доставляют каждому народу его вооруженные силы, а сила армии состоит в объединении ее сил под единым командованием, которое поэтому принадлежит суверену,

ибо одно право командования над *вооруженными силами* без всякого другого установления делает того, кто обладает этим правом, сувереном. Вот почему, кто бы ни был генералом армии, лицо, обладающее верховной властью, всегда является генералиссимусом (generalissimo).

10. И право выбора всех советников и министров, как гражданских, так и военных. В-десятых, к правам верховной власти относится право выбора всех советников, министров, должностных лиц и чиновников, как гражданских, так и военных. Так как мы видели, что целью учреждения верховной власти является осуществление общего мира и защиты, то отсюда следует, что суверен должен обладать властью использовать те средства, которые он сочтет наиболее подходящими для этого.

11. И право награждать и наказывать той мерой, какую он сам сочтет разумной (если более ранний закон ее не определил). В-одиннадцатых, суверену предоставлено право награждать богатством и почестями, а также накладывать телесные и денежные наказания, как и наказание бесчестьем, на всякого подданного в соответствии с ранее изданным сувереном законом. А если такого закона не было, то суверену предоставлено право награждать и наказывать соответственно тому, как он это сочтет разумным, чтобы поощрить людей к служению государству или удержать их от нанесения вреда ему.

12. И право установления почетных титулов и табели о рангах. И наконец, принимая во внимание, какую цену люди от природы склонны придавать самим себе, какого уважения они требуют от других и как мало они ценят остальных людей и что из всего этого непрерывно проистекают среди них соперничество, раздоры, заговоры и, наконец, война, ведущая к их взаимному истреблению и к ослаблению их сопротивления общему врагу, необходимо, чтобы существовали законы о почестях и установленная государством градация ценности людей, оказавших или способных оказать услугу государству, и чтобы тот или другой человек был облечен властью претворить эти законы в жизнь. Но мы уже показали, что верховная власть имеет не только право распоряжения войсками государства, но также и право суда во всех спорах. Поэтому суверену принадлежит также право раздавать почетные титулы и определять то положение в обществе, которое каждый человек должен занимать, и те знаки уважения, которые подданные должны оказывать друг другу при публичных и частных встречах.

Эти права неделимы. Таковы права, образующие сущность верховной власти и являющиеся признаками, по которым человек может определить того человека или то собрание людей, которые облечены верховной властью. Ибо эти права непередаваемы и неделимы. Право чеканить монету, распоряжаться имуществом и личностью несовершеннолетних наследников, право преимущественной покупки на базарах и все другие уставные прерогативы суверен может перенести на кого-нибудь без всякого ущерба для своего права защиты подданных. Если же суверен переносит на другого право распоряжения *войсками,* то сохранение за собой права судебной власти будет бесполезно, так как он будет лишен силы привести законы в исполнение; а если он уступает кому-либо свое право взимать налоги, то пустым остается его право распоряжаться *военными силами*; если он отказывается от права направлять те или иные доктрины, то боязнь духов может толкнуть людей на восстание.

Таким образом, какое бы из указанных прав ни рассматривать, мы увидим, что при отпадении одного удержание всех остальных прав не может произвести никакого эффекта в сохранении мира и справедливости, являющихся целью установления всех государств. Именно это разделение имеется в виду, когда говорится, что *царство, разделенное в самом себе, не может сохраниться*[3], ибо без такого предварительного разделения никогда не может случиться, чтобы оно разделилось на две борющиеся между собой армии. Если бы раньше большая часть населения Англии не придерживалась мнения, что указанные права были разделены между королем, лордами и палатой общин, то народ никогда не был бы разделен и дело не дошло бы до гражданской войны — сначала из-за политических разногласий, а затем из-за разногласий по вопросу о свободе религии. Эта гражданская война послужила людям таким уроком в отношении верховных прав, что теперь (в Англии) найдутся немногие, которые не видят, что эти права неделимы и таковыми они будут признаны при ближайшем восстановлении мира и будут признаваться до тех пор, пока не забудутся пережитые бедствия, но не дольше, разве что простонародье станет более просвещенным, чем оно было до сих пор.

Не может быть никакого пожалования прав суверена без прямого отречения от верховной власти. Так как эти права являются существенными и неделимыми, то отсюда необходимо следует, что, в какой бы форме ни было пожало-

вано сувереном кому-нибудь какое-либо из этих прав, пожалование недействительно, если только при этом не было прямого отречения от верховной власти и если пожалованный продолжает по-прежнему именовать жалующего сувереном. Ибо если суверен пожаловал все, что он может, но мы возвращаем ему обратно его верховную власть, то все его права, как неделимые между собой и неотделимые от верховной власти, восстанавливаются.

Власть и честь подданных исчезают в присутствии верховной власти. Так как эта огромная сфера компетенции неделима и неотделима от верховной власти, то малообоснованно мнение тех, которые говорят о суверенных королях, что хотя они singulis majores, т. е. имеют бóльшую власть, чем каждый из их подданных в отдельности, однако они universis minores, т. е. имеют меньшую власть, чем все их подданные в совокупности. В самом деле, если под всеми в совокупности не разумеется совокупное тело как единое лицо, то *все в совокупности* означает то же самое, что *каждый в отдельности,* и выражение бессмысленно. Если же под *всем в совокупности* разумеют их как единое лицо (носителем какового лица является суверен), тогда власть всех в совокупности тождественна власти суверена, и, таким образом, приведенное выше утверждение опять-таки бессмысленно. Нелепость своего утверждения авторы его достаточно хорошо видят там, где верховная власть принадлежит народному собранию, но они не видят его там, где она принадлежит монарху, и, однако, верховная власть остается той же независимо от того, кому она принадлежит.

Как власть, так и честь суверена должны быть больше, чем власть и честь любого или всех его подданных. Ибо верховная власть является источником всех почестей. Достоинства лорда, герцога и принца суть создания ее рук. Как слуги при господине, так и подданные в присутствии суверена — все равны и лишены всякого почета. И хотя, когда они находятся вне поля зрения суверена, одни из них представляются выше рангом, другие — ниже, однако в его присутствии они не больше, чем звезды в присутствии солнца.

Верховная власть не столь пагубна, как отсутствие ее, и вред возникает тогда, когда большинство с трудом подчиняется меньшинству. Могут, однако, возразить здесь, что состояние подданных, вынужденных безропотно подчиняться прихотям и порочным страстям того или тех, кто имеет в своих руках такую неограниченную власть, явля-

ется чрезвычайно жалким. И обыкновенно бывает так, что те, кто живет под властью монарха, считают свое жалкое положение результатом монархии, а те, кто живет под властью демократии или другого верховного собрания, приписывают все неудобства этой форме государства, между тем как власть, если только она достаточно совершенна, чтобы быть в состоянии оказывать защиту подданным, одинакова во всех ее формах. Те, кто жалуется на указанные стеснения, не принимают во внимание, что положение человека всегда связано с тем или иным неудобством и что величайшие стеснения, которые может иногда испытывать народ при той или иной форме правления, едва чувствительны по сравнению с теми бедствиями и ужасающими несчастьями, которые являются спутниками гражданской войны, или с тем разнузданным состоянием безвластия, когда люди не подчиняются законам и не признают над собой никакой принудительной власти, удерживающей их от грабежа и мести. Эти люди не принимают также во внимание, что величайшие притеснения, испытываемые подданными со стороны верховных правителей, проистекают не из того, что они, правители, ожидают для себя удовольствия или выгоды от разорения или ослабления своих подданных, чья сила составляет их собственную силу и славу, а обусловлены тем, что упорная скаредность самих подданных, неохотно идущих на материальные жертвы для своей собственной защиты, ставит их правителей перед необходимостью извлечь из них все, что можно, в мирное время, с тем чтобы иметь средства в случае крайней или внезапной необходимости для организации сопротивления или победы над своими врагами. Ибо все люди от природы снабжены теми замечательными увеличительными стеклами (каковыми являются их страсти и себялюбие), сквозь которые каждый маленький платеж представляется им великой обидой, и лишены тех подзорных труб (именно морали и гражданской науки), чтобы видеть издали те бедствия, которые грозят им и которых нельзя избежать без таких платежей.

ГЛАВА XIX

О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ГОСУДАРСТВ, ОСНОВАННЫХ НА УСТАНОВЛЕНИИ, И О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Различных форм государства может быть только три. Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. А так как верховная власть может принадлежать или одному человеку, или собранию большого числа людей, а в этом собрании могут иметь право участвовать или каждый, или лишь определенные люди, отличающиеся от остальных, то отсюда ясно, что могут быть лишь три вида государства. Ибо представителем должны быть или один человек, или большее число людей, а это — собрание или всех, или только части. Если представителем является один человек, тогда государство представляет собой *монархию;* если — собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это *демократия,* или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан, тогда это *аристократия.* Других видов государства не может быть, ибо или один, или многие, или все имеют верховную власть (неделимость которой я показал) целиком.

Тирания и олигархия есть лишь различные названия монархии и аристократии. В книгах по истории и политике мы находим и другие названия форм правления, как *тирания* и *олигархия.* Однако это не названия других форм правления, а выражения порицания перечисленным формам. В самом деле, те, кто испытал обиду при *монархии,* именуют ее *тиранией,* а те, кто недоволен *аристократией,* называют ее *олигархией.* Точно так же те, кому причинено было огорчение при *демократии,* называют ее *анархией* (что означает отсутствие правительства), и тем не менее никто, как я полагаю, не будет считать безвластие какой-нибудь новой формой правления. По тем же основаниям не следует думать, что правление имеет одну форму, когда оно нам нравится, и другую, когда оно нам не нравится или когда мы подвергаемся притеснениям со стороны правителей [4].

Второстепенное представительство кроме суверена опасно. Очевидно, что люди, пользующиеся абсолютной свободой, могут, если это им нравится, дать полномочие на представительство каждого из них как одному человеку, так и какому-нибудь собранию людей, и, следовательно,

если они считают это полезным, они могут отдать себя в подданство монарху так же абсолютно, как любому другому представителю. Поэтому там, где уже учреждена верховная власть, может быть учреждено другое представительство того же народа лишь для определенных частных целей, ограниченных сувереном. В противном случае это означало бы, что учреждены два суверена и что лицо каждого человека представлено двумя уполномоченными, что в случае их несогласия между собой по необходимости привело бы к разделению той власти, которая (если люди хотят жить в мире) должна быть неделимой, и тем довело бы людскую толпу до состояния войны, вопреки той цели, во имя которой установлена всякая верховная власть. И подобно тому как было бы нелепо думать относительно облеченного верховной властью собрания, что если оно просит подвластный ему народ посылать депутатов с правом давать советы и высказывать пожелания, то тем самым считает абсолютным представительством народа не себя, а этих депутатов, точно так же нелепо думать подобным образом относительно монархии. И я не понимаю, почему столь очевидная истина так мало была принята во внимание в недавнее время, что при монархии человек, обладавший верховной властью, потомок рода, являющегося носителем верховной власти на протяжении 600 лет, человек, которого одного называли сувереном, который каждым из своих подданных титуловался величеством и беспрекословно признавался королем, что этот человек тем не менее никогда не признавался его подданными своим представителем, и это имя с общего одобрения стало считаться титулом тех людей, которые по его приказанию были посланы народом, чтобы изложить суверену народные пожелания и дать ему (если он разрешит) совет [5]. Это обстоятельство может послужить лицам, являющимся верными и абсолютными представителями народа, напоминанием о том, что им необходимо просветить людей насчет природы указанного звания и что они должны остерегаться допускать какое-либо другое общее представительство по какому бы то ни было поводу, если они хотят выполнять возложенные на них задачи.

Сравнение монархии с верховной ассамблеей. Различие между этими тремя родами государства состоит не в различии власти, а в различии пригодности, или способности, каждого из них к осуществлению той цели, для которой они установлены, а именно к водворению мира и обеспечению безопасности народа. И, сопоставляя монархию с другими

двумя родами правления, мы можем заметить следующее.

Во-первых, всякий носитель лица народа или член собрания, являющегося таким носителем, есть одновременно носитель своего собственного естественного лица. Поэтому, как бы усердно такой человек в качестве политического лица ни заботился об обеспечении общего блага, он, однако, более или менее усердно заботится также об обеспечении своего личного блага, блага своей семьи, родственников и друзей, и, если общие интересы сталкиваются с его частными интересами, он в большинстве случаев отдает предпочтение своим интересам, ибо страсти людей обычно бывают сильнее их разума. Общие интересы поэтому больше всего выигрывают там, где они более тесно совпадают с частными интересами. Именно такое совпадение имеется в монархии. Богатство, могущество и слава монархов обусловлены богатством, силой и репутацией его подданных. Ибо никакой король не может быть ни богат, ни славен, ни находиться в безопасности, если его подданные бедны, презираемы или слишком слабы вследствие бедности или междоусобий, чтобы выдержать войну против своих врагов. При демократии же или аристократии личное благополучие лиц продажных или честолюбивых обеспечивается не столько общественным процветанием, сколько чаще всего вероломным советом, предательством или гражданской войной.

Во-вторых, монарх может получить совет от кого ему угодно, когда и где ему угодно, и, следовательно, он может выслушать мнение людей, сведущих в вопросе, подлежащем его обсуждению, каковы бы ни были их ранг и звание, и настолько заблаговременно в отношении момента действия и так секретно как он сочтет это нужным. Когда же верховное собрание нуждается в совете, то туда допускаются только те, кто имеет на это право с самого начала, а это в большинстве случаев люди, сведущие больше в вопросах приобретения богатства, чем в вопросах приобретения знания. Кроме того, они дают свои советы в длинных речах, могущих побудить и действительно побуждающих людей к действиям, но не могущих руководить действиями этих людей. Ибо пламя страстей никогда не просветляет разума, а, наоборот, помрачает его, да и никогда и нигде совет, принятый в собрании, вследствие многочисленности его состава не может остаться в тайне.

В-третьих, решения, принятые монархом, подвержены непостоянству лишь в той мере, в какой это присуще человеческой природе, решения же собрания могут подвергать-

ся изменениям еще и благодаря многочисленности состава собрания. Ибо стоит немногим членам, считающим необходимым держаться раз принятого решения, не явиться в собрание (что может случиться в силу заботы о своей безопасности, вследствие нерадения или случайных препятствий) или вовремя явиться некоторым держащимся противоположного взгляда, и все, что было решено вчера, сегодня будет аннулировано.

В-четвертых, монарх не может расходиться во мнениях с самим собой по мотивам зависти или своекорыстия, собрание же может, причем так резко, что дело может дойти до гражданской войны.

В-пятых, при монархии имеется следующее неудобство, а именно что какой-нибудь подданный может быть властью одного человека лишен всего своего имущества в интересах обогащения какого-либо фаворита или льстеца. И я признаю, что это большое и неизбежное неудобство. Однако то же самое может случиться и там, где верховная власть принадлежит собранию, ибо власть такого собрания одинакова с властью монархов; члены такого собрания могут поддаться дурным советам и быть введенными в соблазн ораторами, как монарх льстецами, и взаимной лестью они взаимно могут поощрять корыстолюбие и честолюбие друг друга. Между тем как монархи имеют немного фаворитов и могут покровительствовать только своим родственникам, фавориты собрания многочисленны, а родственников у членов собрания значительно больше, чем у любого монарха. Кроме того, нет такого фаворита монарха, который не был бы в одинаковой мере способен как помогать своим друзьям, так и вредить своим врагам, ораторы же, т. е. фавориты верховного собрания, хотя и имеют большую власть вредить, обладают очень малой властью спасать, ибо (такова природа человека) для обвинения требуется меньше красноречия, чем для оправдания, и осуждение нам представляется более сообразным с принципом правосудия, чем оправдание.

В-шестых, одним из неудобств монархии является то обстоятельство, что верховная власть в ней может достаться по наследству несовершеннолетнему или такому, кто не может различать добро и зло, и неудобство состоит в том, что его власть должна быть передана в руки другого человека или собрания людей, которые в качестве кураторов или регентов должны управлять по его праву и от его имени. Однако сказать, что предоставление права на осуществление верховной власти одному человеку или собранию

людей есть неудобство,— значит сказать, что всякое правительство есть большее неудобство, чем хаос и гражданская война. Поэтому единственная опасность, которая в данном случае грозит,— это борьба соперников, претендующих на такую почетную и выгодную должность. Но чтобы убедиться в том, что это неудобство возникает не от формы правления, называемой нами монархией, надо принять во внимание, что предшествовавший монарх должен был уже наметить опекуна своего несовершеннолетнего преемника или ясно выраженными словами завещания, или молчаливой санкцией принятого в таких случаях обычая. Поэтому это неудобство (если такое возникнет) должно быть приписано не монархии, а честолюбию и несправедливости подданных, что присуще всем родам правления, где народ недостаточно просвещен насчет своих обязанностей и прав верховной власти. Если же предположить, что предшествовавший монарх не оставил никаких указаний насчет опекунства, то ясное правило на этот счет дано естественным законом, а именно что опекунство должно быть предоставлено тому, кто, естественно, наиболее заинтересован в сохранении власти несовершеннолетнего и не может извлечь никакой выгоды для себя из его смерти или ограничения его власти. В самом деле, так как мы видим, что всякий человек по природе ищет своей выгоды и повышения, то передача несовершеннолетнего во власть людей, которые могут возвыситься благодаря его гибели или уменьшению его прав, не опекунство, а предательство. Таким образом, предусмотрены всякие меры для предупреждения обоснованных ссор из-за того, кому править государством в случае восшествия на престол малолетнего наследника, и если в этом случае все же возникают споры, нарушающие общественный мир, то это должно быть приписано не монархической форме правления, а честолюбию подданных и незнанию ими своих обязанностей. С другой стороны, всякое большое государство, в котором верховная власть принадлежит обширному собранию, находится в отношении решения вопросов войны и мира и составления законов в таком же положении, как если бы верховная власть находилась в руках малолетнего. Ибо, подобно тому как малолетний лишен способности самостоятельного суждения, чтобы отклонить данный ему совет, и поэтому вынужден принять совет тех или того, попечению кого он поручен, точно так же и собрание лишено свободы отклонить совет, данный его большинством, независимо от того, является ли этот совет хорошим или плохим. И подобно тому как малолетний

нуждается в опекуне или покровителе, хранителе его личности и власти, точно так же и верховное собрание в больших государствах в момент больших опасностей и смут нуждается в custodes libertatis, т. е. в диктаторах или хранителях их власти [6]. Последние являются, собственно говоря, временными монархами, так как верховное собрание передает им всю полноту своей власти на время, причем случаи узурпации власти (по истечении установленного срока) со стороны таких диктаторов бывали чаще, чем случаи узурпации власти малолетних королей со стороны протекторов, регентов или каких-либо других опекунов.

Определение монархии и других форм. Хотя имеются, как я показал, лишь три рода верховной власти, а именно: монархия, где носителем верховной власти является один человек; или демократия, где носителем верховной власти является общее собрание всех граждан; или аристократия, где верховная власть принадлежит собранию определенных лиц, назначенных либо так или иначе выделенных из остальной массы, однако тот, кто будет обозревать отдельные государства, бывшие и существующие ныне на свете, нелегко, может быть, сумеет свести соответствующие формы правления к нашим трем и будет склонен думать, что имеются и другие формы, представляющие собой смесь из этих трех, например выборные королевства, в которых верховная власть дана королям лишь на определенный срок, или королевства, в которых короли имеют ограниченную власть, каковые формы правления большинством писателей тем не менее именуются монархией. Точно так же если какое-нибудь народное или аристократическое государство, покорив неприятельскую страну, управляет ею при посредстве президента, наместника или какого-нибудь другого должностного лица, то на первый взгляд может, пожалуй, показаться, будто такая страна управляется демократически или аристократически. Однако это не так. Ибо выборные короли не суверены, а министры суверена; точно так же и короли с ограниченной властью не суверены, а лишь министры тех, кто обладает верховной властью. А провинции, находящиеся в подчинении демократических или аристократических государств, управляются не демократически или аристократически, а монархически.

И в отношении выборного короля надо, во-первых, заметить следующее. Если король, власть которого ограничена его жизнью, как это имеет место в настоящее время во многих местах христианского мира, или ограничена не-

сколькими годами или месяцами, как власть диктатора у римлян,— если такой король имеет право назначить себе преемника, то он уже не выборный король, а наследственный. Если же у него нет власти выбрать себе наследника, тогда имеется какой-нибудь другой человек или известное собрание, которое после его смерти может выбрать другого, иначе же государство умирает и распадается со смертью этого короля и возвращается к состоянию войны. Если известно, следовательно, кто именно имеет власть назначить нового суверена после смерти выборного короля, то известно также, кто именно является раньше носителем верховной власти, ибо никто не имеет права отдавать то, чем он не может по праву владеть и чего он не может правомерно удержать за собой, если сочтет это для себя целесообразным. Если же нет никого, кто бы мог назначить преемника после смерти первого выборного короля, тогда последний имеет право, больше того, обязывается естественным законом назначить себе преемника, с тем чтобы удержать тех, кто вверил ему власть, от возвращения к бедственному состоянию гражданской войны. Следовательно, такой король после избрания стал абсолютным сувереном.

Во-вторых, король, власть которого ограничена, не выше того или тех, кто имеет право ограничить эту власть, а тот, кто не выше кого-либо другого, не является верховным, т. е. не является сувереном. Верховная власть поэтому всегда была в руках того собрания, которое имело право ограничить короля, и, следовательно, формой правления в данном случае является не монархия, а демократия или аристократия, как это мы видим в древней Спарте, где цари имели привилегию командовать своей армией, но верховная власть принадлежала *эфорам*.

В-третьих, к тому же, когда римский народ управлял Иудеей (к примеру) при посредстве наместника, Иудея не была, однако, в силу этого демократией, ибо иудеи не управлялись собранием, в котором кто-нибудь из них имел право участвовать; не была она также и аристократией, ибо иудеи не управлялись собранием, куда кто-нибудь из них мог войти путем избрания. Иудея управлялась лицом, которое хотя и было в отношении народа Рима народным собранием или демократией, однако в отношении народа Иудеи, не имеющего права участвовать в правлении, было монархом. Ибо если там, где народ управляется собранием, избранным им самим из своей же среды, образ правления называется демократией или аристократией, то там, где народ управляется собранием, которого народ не избирал,

мы имеем монархию — не власть одного человека над другим, а власть одного народа над другим.

О праве наследования. Так как материал всех этих форм правления смертен, ибо не только монархи умирают, но вымирают также целые собрания, то в целях сохранения мира среди людей необходимо, чтобы, подобно тому как были приняты меры к созданию искусственного человека, были приняты также меры к созданию искусственной вечности жизни, без которой люди, управляемые собранием, возвращались бы к состоянию войны через каждое поколение, а люди, управляемые одним человеком,— сразу по смерти их правителя. Эта искусственная вечность есть то, что люди называют правом *наследования.*

Нет такой совершенной формы правления, при которой право определения порядка наследования не принадлежало бы царствующему суверену. Ибо если это право принадлежит какому-нибудь отдельному человеку или частному собранию, то оно принадлежит подданному и может быть присвоено сувереном по его желанию. Следовательно, указанное право в данном случае принадлежит суверену. Если же право определения наследника предоставлено не особому человеку, а новым выборам, то это означает распад государства, и указанное право будет принадлежать тому, кто присвоит его себе силой, что противоречит намерению первых основателей государства, желавших создать этим не временную, а вечную гарантию безопасности.

При демократии все собрание не может умереть, поскольку не вымерла управляемая им людская масса. Вот почему при этой форме правления вопросы о праве наследования не могут иметь места.

Когда при аристократии умирает кто-нибудь из членов верховного собрания, то право избрания другого принадлежит собранию как суверену, которому принадлежит право избрания своих советников и чиновников. Ибо то, что делает представитель в качестве уполномоченного, делает каждый из его подданных как доверитель. И хотя верховное собрание может предоставить другим право избрания новых людей для пополнения его корпуса, однако эти выборы совершаются на основании полномочий, данных верховным собранием, и последним это право может быть взято назад (если бы народ этого потребовал).

Царствующий монарх распоряжается престолонаследием. Величайшая трудность в отношении права наследования имеется при монархии. Эта трудность проистекает из того, что на первый взгляд представляется неясным, кто

имеет право определить наследников, а часто и кто именно назначен наследником, ибо в обоих этих случаях требуется более точное умозаключение, чем то, которым каждый привык пользоваться. Что касается вопроса, кто должен определить наследника монарха, обладающего верховной властью, т. е. кто должен определить право наследования (ибо выборные короли и принцы имеют верховную власть не в собственности, а лишь в пользовании), мы должны сообразить, что право распоряжения в отношении наследования принадлежит или царствующему суверену, или же распавшейся на свои составные элементы народной массе. Ибо смерть того, кто имеет верховную власть в собственности, оставляет народную массу без всякого суверена, т. е. без всякого представителя, в лице которого эта масса была объединена, дабы вообще быть способной совершить какое-либо действие. Вот почему эта масса не способна избирать нового монарха, ибо каждый человек имеет в этом случае право отдать себя в подданство тому, кого считает наиболее способным защищать его или, если он может, защищать себя собственным мечом. Но это есть возвращение к хаосу и состоянию войны всех против всех, что противоречит той цели, для которой монархия была впервые установлена. Вот почему при установлении монархии право распоряжаться престолонаследием всегда предоставлялось усмотрению и воле царствующего монарха.

А что касается вопроса, кого именно царствующий монарх назначил своим преемником и наследником своей власти, то он решается устным волеизъявлением и завещанием монарха или каким-либо другим молчаливым знаком с его стороны, достаточным для выявления его воли.

Престолонаследие, установленное устно. Устное волеизъявление или завещание имеет место тогда, когда монарх при жизни объявил свою волю viva voce [7] или письменно, как, например, первые римские императоры объявляли, кто должен быть их наследником. Ибо слово *наследник* само по себе подразумевает вовсе не детей или ближайших родственников человека, а всякого, в отношении кого человек каким-либо путем объявляет, что он желал бы его иметь наследником своего состояния. Если поэтому монарх недвусмысленно устно или письменно заявляет, что такой-то человек должен быть его наследником, то этот человек со смертью предшественника немедленно вступает в права монарха.

Или обычаем, не подверженным контролю. Там же, где

не имеется ни устного волеизъявления, ни завещания, надо следовать другим естественным знакам воли, одним из которых является обычай. И поэтому там, где существует обычай, что ближайший из родственников безусловно вступает в право наследования, ближайший из родственников имеет право на наследование престола, ибо, если бы воля предшествовавшего суверена была не такова, он легко мог заявить об этом при жизни. Точно так же там, где господствует обычай, что в права наследования вступает ближайший из родственников по мужской линии, право на престолонаследие принадлежит на том же основании ближайшему из мужских родственников. Точно так же пришлось бы следовать обычаю, если бы он давал преимущество женщинам. Ибо если человек может своим словом заставить отступить от какого-нибудь обычая, но не произносит этого слова, то это естественный признак его воли к соблюдению данного обычая.

Или на основании предположения о естественных склонностях покойного монарха. Там же, где нет ни завещания, ни соответствующего обычая, следует подразумевать: во-первых, что воля монарха такова, чтобы образ правления остался монархическим, ибо он эту форму одобрил своим собственным правлением; во-вторых, чтобы его собственному потомству мужского или женского рода было отдано предпочтение перед всеми другими, ибо, надо полагать, люди от природы более склонны выдвигать своих детей, чем чужих, а из своих детей они более склонны выдвигать мужчин, чем женщин, ибо мужчины, естественно, более, чем женщины, приспособлены к деятельности, сопряженной с трудом и опасностью; в-третьих, что в случае отсутствия потомства монарх склонен отдать предпочтение брату перед посторонним и более близкому по крови — перед более дальним, ибо всегда предполагается, что более близкий из родственников ближе к сердцу, и очевидно, что наибольшая слава всегда достается человеку как отражение величия его ближайших родственников.

Распоряжение о престолонаследии, хотя бы и в пользу короля другой нации, не незаконно. Могут, однако, возразить, что право монарха распоряжаться престолонаследием путем договора или завещания может повлечь за собой большое зло, ибо монарх может продать или подарить свое право на правление иностранцу. А так как иностранцы (т. е. люди, привыкшие к другому правлению и говорящие на другом языке) обычно недооценивают друг друга, то указанное право монарха может привести к притеснению

его подданных, что является, несомненно, большим злом. Однако такое зло не необходимо связано с правлением иностранца, а является следствием неумелости правителей, не знающих истинных правил политики. Вот почему римляне, подчинившие своей власти много народов, обыкновенно устраняли это зло, считая это необходимым, чтобы сделать свое правление наиболее терпимым для покоренных народов. В этих целях они давали иногда целым народам, а иногда знатным людям каждого покоренного народа не только права, но и звание римлян и многих из этих знатных людей назначали в сенат и на другие высокие должности даже в самом Риме. Такова же была цель нашего наиболее мудрого короля — Якова, когда он стремился к объединению своих двух королевств — Англии и Шотландии [8]. Если бы эта цель была им достигнута, то этим, по всей вероятности, была бы предотвращена гражданская война, опустошающая в настоящее время оба этих королевства. Нет поэтому никакого вреда для народа от права монарха распоряжаться по своему усмотрению престолонаследием, хотя из-за ошибок государей это право вело иногда к неудобствам. В пользу законности этого положения говорит еще и тот аргумент, что всякое неудобство, которое может возникнуть от передачи королевства иностранцу, может возникнуть и от браков с иностранцами, так как на последних может перейти в этом случае право наследования. Однако такие браки всеми людьми считаются чем-то законным.

ГЛАВА XX

ОБ ОТЕЧЕСКОЙ И ДЕСПОТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Государство, основанное на приобретении. *Государство,* основанное на *приобретении,* есть такое государство, в котором верховная власть приобретена силой. А верховная власть приобретена силой, когда люди — каждый в отдельности или все вместе — большинством голосов из боязни смерти или неволи принимают на свою ответственность все действия того человека или собрания, во власти которого находится их жизнь и свобода.

В чем его отличие от государства, основанного на установлении. Эта форма господства, или верховной власти, отличается от верховной власти, основанной на установлении, лишь тем, что люди, которые выбирают своего суверена, делают это из боязни друг друга, а не из

страха перед тем, кого они облекают верховной властью; в данном же случае они отдают себя в подданство тому, кого они боятся. В обоих случаях побудительным мотивом является страх, что следует заметить тем, кто считает недействительными всякие договоры, заключенные из страха смерти или насилия. Если бы это мнение было верно, то никто ни в каком государстве не был бы обязан к повиновению. Верно, что в государствах, однажды установленных или приобретенных, обещания, данные под влиянием страха смерти или насилия, не являются договорами и не имеют никакой обязательной силы, если обещанное противоречит законам; но такие обещания лишены обязательной силы не потому, что они даны под влиянием страха, а потому, что обещающий не имеет права на то, что он обещает. Точно так же если обещающий может на законном основании выполнить свое обещание и не делает этого, то его освобождает от этой обязанности не недействительность договора, а решение суверена. Во всех же других случаях всякий, кто на законном основании обещает что-либо, совершает беззаконие, если нарушает свое обещание. Но если суверен, являющийся уполномоченным, освобождает обещающего от его обязательства, тогда последний, как доверитель, может считать себя свободным.

Права верховной власти в обоих случаях одинаковы. Однако права и последствия верховной власти в обоих случаях одинаковы. Власть суверена, приобретшего верховную власть силой, не может быть без его согласия перенесена на другого; такой суверен не может быть лишен власти, не может быть обвинен кем-либо из своих подданных в несправедливости, не может быть наказан своими подданными. Он является судьей того, что́ необходимо для поддержания мира; он решает вопрос об учениях; он является единственным законодателем и верховным судьей во всех спорах; он определяет время и повод для объявления войны и заключения мира; ему принадлежит право избирать должностных лиц, советников, военачальников и всех других чиновников и исполнителей, а также устанавливать награды, наказания, почести и ранги. Основанием для этих прав и их последствий служат те же соображения, которые мы приводили в предыдущей главе в пользу аналогичных прав и последствий верховной власти, основанной на установлении.

Как добиваются отеческого господства. Господство может быть приобретено двояким путем: путем рождения и путем завоевания. Право господства на основе рождения

есть право родителя над своими детьми, а такая власть называется *отеческой*. Но это право не производится от факта рождения в том смысле, будто родитель имеет господство над своими детьми на том основании, что он родил их, а производится оно из согласия детей, ясно выраженного или тем или иным путем достаточно выявленного. Ибо что касается рождения, то Бог назначил мужчине помощника, и всегда имеются двое, одинаково являющиеся родителями. Если бы господство над детьми обусловливалось актом рождения, то оно должно было принадлежать обоим в одинаковой степени и дети должны были быть подчинены в равной мере обоим, что невозможно, ибо никто не может повиноваться двум господам. А если некоторые приписывали это право лишь мужчине как превосходящему полу, то они в этом ошибались. Ибо не всегда имеется такая разница в силе и благоразумии между мужчиной и женщиной, чтобы это право могло быть установлено без войны. В государствах этот спор решается гражданским законом, и в большинстве случаев (если не всегда) это решение бывает в пользу отца, так как бóльшая часть государств была учреждена отцами, а не матерями семейств. Однако сейчас речь идет о чистом, естественном состоянии, где нет ни законов о браке, ни законов, касающихся воспитания детей, а есть лишь естественные законы и естественная склонность полов друг к другу и к детям. В этом состоянии вопрос о власти над детьми родители или регулируют между собой договором, или совсем не регулируют. Если они заключают на этот счет договор, то право достается тому, кто указан в договоре. Мы знаем из истории, что амазонки заключали с мужчинами соседних стран, к содействию которых они прибегали в целях производства потомства, договор, согласно которому мужское потомство должно было направляться к отцам, а женское оставлено матерям. Таким образом, власть над женским потомством принадлежала у них матери.

Или на основе воспитания. При отсутствии договора власть над детьми должна принадлежать матери. В самом деле, в чистом, естественном состоянии, где нет законов о браке, нельзя узнать, кто является отцом, если нет соответствующего заявления матери; поэтому право господства над детьми зависит от ее воли и, следовательно, является ее правом. Мало того, так как мы видим, что ребенок первое время находится во власти матери, так что она может или кормить его, или подкинуть, то, если она его кормит, он обязан своей жизнью матери и поэтому обязан

ей повиновением больше, чем кому-либо другому, и, следовательно, ей принадлежит господство над ним. Если же мать подкидывает своего ребенка, а другой его находит и кормит, то господство принадлежит тому, кто его кормит, ибо ребенок обязан повиноваться тому, кто сохранил ему жизнь. В самом деле, так как сохранение жизни является той целью, ради которой один человек становится подданным другого, то представляется, что всякий человек обещает повиновение тому, в чьей власти спасти или погубить его.

Или на основании передачи подданства от одного из родителей другому. Если мать является подданной отца, ребенок находится во власти отца, а если отец — подданный матери (как это бывает, когда королева выходит замуж за кого-нибудь из своих подданных), то ребенок является подданным матери.

Если мужчина и женщина, являющиеся монархами разных королевств, имеют ребенка и определяют договором, кто должен иметь господство над ним, то это право приобретается согласно договору. При отсутствии же договора вопрос решается местожительством ребенка, ибо суверен каждой страны имеет господство над всеми, живущими в ней.

Тот, кто господствует над детьми, господствует также над детьми этих детей и над детьми детей этих детей. Ибо тот, кто господствует над личностью человека, господствует над всем, что этот человек имеет, без чего господство — пустой титул без всякого реального значения.

Право наследования регулируется правилами монархии. Право наследования отеческой власти регулируется теми же правилами, что и право наследования монархии. А о них я уже достаточно говорил в предыдущей главе.

Как добиваются деспотического господства. Власть, приобретенная завоеванием или победой в войне, есть та, которую некоторые писатели называют *деспотической*, от слова Δεσπότης, что означает *господин* или *хозяин*; это власть хозяина над слугой. А эта власть в том случае приобретена победителем, когда побежденный во избежание грозящего смертельного удара ясно выраженными словами или каким-нибудь другим проявлением своей воли дает согласие на то, чтобы в течение всего времени, пока ему будут сохранены жизнь и физическая свобода, победитель использовал эту жизнь и свободу по своему усмотрению. Лишь по заключении такого соглашения, не ранее, побежденный становится слугой. В самом деле, под словом

слуга (я предоставляю грамматикам спорить о том, является ли слово «слуга» (servant) производным от servire — что означает «служить», или от servare — что означает «спасать») подразумевается не тот пленник, который содержится в тюрьме или оковах, пока взявший его в плен или купивший у взявшего его в плен не решит, что с ним делать,— ибо такие люди, называемые обычно рабами, не имеют никаких обязательств и могут с полным правом разбить свои цепи или тюрьму и убить или увести в плен своего хозяина,— а такой пленник, которому оставлена физическая свобода после его обещания не убегать и не совершать насилия над господином, каковому обещанию последний поверил.

Не победа, но соглашение о подчинении. Право господства над побежденным дает поэтому не победа, а собственное согласие побежденного, и его обязательство обусловлено не тем, что он побежден, т. е. разбит, взят в плен или обращен в бегство, а тем, что он приходит и подчиняется победителю. Точно так же то обстоятельство, что враг сдается, не обязывает победителя (если он не дал обещания сохранить жизнь) пощадить его за то, что он отдался на его благоусмотрение, ибо оно обязывает победителя только до тех пор, пока он сам считает это нужным.

А то, что люди делают, когда они просят (как это теперь называется) *пощады* (что греки называли Ζωγρίη — *взять живыми*), есть изъявление покорности и предложение заплатить за сохранение жизни выкупом или службой, дабы избегнуть в данный момент ярости победителя. Поэтому получивший пощаду получил этим обещание не сохранить жизнь, а лишь отсрочить решение вопроса о его жизни и смерти, ибо просящий пощады сдается не при условии сохранения ему жизни, а на благоусмотрение победителя. Сохранение жизни такому побежденному лишь тогда обеспечено и служба его лишь тогда обязательна, когда победитель предоставил ему физическую свободу. Ибо рабы, работающие в тюрьмах или в цепях, работают не в силу долга, а для того, чтобы избегнуть жестокости надсмотрщиков.

Власть хозяина распространяется также на все то, что слуга имеет, и хозяин может пользоваться всем этим, когда ему только вздумается, т. е. его власть простирается на имущество слуги, на его труд, слуг и детей. Ибо слуга получает свою жизнь от хозяина в силу договора о повиновении, т. е. договора, обязывающего слугу признать себя ответственным и считать себя доверителем всего, что госпо-

дин сделает. А если в случае неповиновения господин убивает его, или надевает на него оковы, или каким-нибудь иным способом наказывает его, то слуга сам уполномочил господина на это и не может обвинить его в несправедливости.

В целом права и последствия как *отеческого*, так и *деспотического* господства одинаковы с правами и последствиями верховной власти, основанной на установлении, имеют те же основания, которые были изложены в предыдущей главе. Таким образом, если бы человек, являющийся монархом двух стран, из которых одна подчинена ему в силу установления общим собранием народа, а другая — в силу завоевания, т. е. в силу того, что каждый ее житель в отдельности во избежание смерти или неволи отдал себя ему в подданство, стал бы требовать от покоренного народа на основании завоевания больше, чем от другого народа, то это было бы актом, свидетельствующим о незнании прав верховной власти. Ибо суверен одинаково абсолютен по отношению к обоим этим народам, или иначе в данном случае совсем нет верховной власти и каждый человек имеет право, если может, защищать себя собственным мечом, т. е. мы имеем в данном случае состояние войны.

Различие между семьей и царством. Из всего этого ясно, что семья, не являющаяся частью какого-либо государства, представляет сама по себе в отношении прав верховной власти маленькую монархию независимо от того, состоит ли эта семья из человека и его детей, или из человека и его слуг, или из человека и его детей и слуг вместе. Во всех этих случаях сувереном является отец, или господин. Однако семья не является собственно государством, разве только она обладает из-за своей численности или других благоприятных условий такой силой, что не может быть покорена без риска войны. Ибо там, где численность семьи слишком мала, чтобы она была способна защищать себя своими объединенными силами, каждый из ее членов в минуту опасности будет на свой страх и риск искать пути к спасению жизни и или обратится в бегство, или сдастся неприятелю, смотря по тому, что сочтет для себя наиболее целесообразным. Точно так же небольшая армейская часть, застигнутая врасплох вражеской армией, предпочтет скорее бросить оружие и просить пощады или обратиться в бегство, чем погибнуть от меча. Этим достаточно сказано о правах верховной власти, как они представляются мне на основании размышления и дедукции из природы, нужд и намерений людей, образующих государства и подчиняю-

щих себя монархам и собраниям, которых они облекают достаточной властью в целях своей защиты.

Права монархии согласно Священному писанию. Рассмотрим теперь, чему учит нас в этом отношении Священное писание. Сыны Израиля говорят Моисею (Исх. 20, 19): *Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.* Это выражение абсолютного повиновения Моисею. Относительно прав царей сам Бог устами Самуила говорит (1 Цар. 8, 11, 12 и дальше) *Вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его... чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его; и дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанья и пекли хлебы; и поля ваши, и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим; и рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела; от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами.* Это есть характеристика абсолютной власти, резюмированная в последних словах: «...вы будете ему рабами». Далее, услышав, какую власть должен иметь его царь, народ, однако, согласился на это и сказал так (1 Цар. 8, 20): *И мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши.* Здесь подтверждено право, которое суверены имеют в отношении *вооруженных сил* и всех видов *юрисдикции*, что составляет такую абсолютную власть, какую только может один человек перенести на другого. Опять-таки молитва царя Соломона, обращенная к Богу, гласила так (3 Цар. 3, 9): *даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло.* В компетенцию суверена, таким образом, входит быть *судьей* и предписывать правила различения между *добром* и *злом*, каковые правила являются законами.

Следовательно, суверену принадлежит законодательная власть. Царь Саул покушался на жизнь Давида, однако, когда последний получил возможность убить Саула и слуги его хотели это сделать, Давид запретил им, сказав (1 Цар. 24, 7): *да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню.* В отношении повиновения

слуг апостол Павел говорит: (Колос. 3, 22): *Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти* и (ст. 20): *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем.* Этим предписывается безусловное повиновение подданных отеческого или деспотического господства. Опять (Матф. 13, 2, 3): *И на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте.* Тут мы также имеем безусловное повиновение. И апостол Павел (Тит 3, 1): *Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям.* Это повиновение опять безусловно. Наконец, наш Спаситель словами: *Воздайте кесарю кесарево* — признает, что люди должны платить установленные царями подати; и сам их платил. Он подтверждает также, что достаточно царского слова, чтобы взять любую вещь у любого из подданных, если есть в этом надобность, и что сам царь решает, имеется ли такая надобность. Ибо сам Спаситель, как царь иудейский, приказал своим ученикам взять ослицу и осленка и отвести их в Иерусалим, сказав (Матф. 21, 2, 3): *Войдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне; и, если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их.* Они не будут спрашивать, является ли его надобность достаточной и является ли он судьей этой надобности, а подчинятся воле Господа.

К этим цитатам можно присоединить еще место из книги Бытия 3, 5: *вы будете как боги, знающие добро и зло,* и стих 11: *кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого я запретил тебе есть?* Ибо, так как познание *добра* и *зла* или юрисдикции по вопросам *добра* и *зла* были под именем плодов древа познания запрещены Адаму, чем испытывалось его повиновение, дьявол, чтобы взнуздать честолюбие женщины, которой эти плоды уже показались красивыми, сказал ей, что, вкусив от этого дерева, они будут как боги, знающие *добро* и *зло.* И вот, когда они оба вкусили от этого дерева, они в самом деле присвоили себе функции Бога, а именно отправление правосудия по вопросам добра и зла, но не приобрели этим новой способности различать между ними. И если сказано, что, вкусивши от древа познания, они увидели свою наготу, то никто не толковал это место в том смысле, будто они до тех пор были слепы и не видели собственной кожи. Смысл этого места просто тот, что они при этом впервые сочли свою наготу (в каковой сотворить их была воля Божья) неприличной и, устыдившись, молчаливо порицали самого Бога. И вслед за

этим Бог говорит: *разве ты вкусил* и т. д., желая этим сказать: разве ты, который обязан мне повиновением, взял на себя быть судьей моих повелений? Этим ясно (хотя и аллегорически) сказано, что подданные не имеют права порицать или оспаривать повеление тех, кто обладает правом повелевать.

Власть суверена в государстве должна быть абсолютной. Таким образом, как доводы разума, так и Священное писание ясно свидетельствуют, на мой взгляд, что верховная власть независимо от того, принадлежит ли она одному человеку, как в монархиях, или собранию людей, как в народных и аристократических государствах, так обширна, как только это можно себе представить. И хотя люди могут воображать, что такая неограниченная власть должна вести ко многим дурным последствиям, однако отсутствие таковой власти, а именно беспрестанная война всех против всех, ведет к значительно худшим последствиям. Состояние человека в этой жизни никогда не будет свободно от невзгод, но наибольшие невзгоды, которые имеют место в каком-либо государстве, всегда проистекают из-за неповиновения подданных и из-за нарушения договоров, от которых государства берут свое начало. А если кто-либо, полагая, что верховная власть слишком обширна, пожелает ограничить ее, то он должен будет подчиниться власти, могущей ее ограничить, т. е. признать над собой бóльшую власть.

Самое серьезное возражение против развитых нами взглядов делается с точки зрения практики, когда люди спрашивают: где и когда такая власть была признана подданными? Но этих людей можно в свою очередь спросить: когда или где было королевство в течение долгого времени свободно от мятежа и гражданской войны? У тех народов, государства которых существовали долго и были разрушены лишь внешней войной, подданные никогда не оспаривали прав верховной власти. Однако не следует придавать значение практическому доводу, выдвигаемому людьми, которые не исследовали основательно и не взвесили точно причины и сущность государств и каждодневно страдают от бедствий, проистекающих от незнания этих причин и этой сущности. Ибо если бы даже во всех местах земного шара люди строили свои дома на песке, то из этого нельзя было бы сделать вывод, что так именно и следует строить. Искусство строительства и сохранения государств, подобно арифметике и геометрии, основано на определенных правилах, а не только на практике (как игра в теннис). Для

нахождения этих правил бедным людям не хватает досуга, а тем, кто имеет досуг, не хватало до сих пор ни любознательности, ни метода.

ГЛАВА XXI

О СВОБОДЕ ПОДДАННЫХ

Что такое свобода. *Свобода* означает отсутствие сопротивления (под сопротивлением я разумею внешнее препятствие для движения), и это понятие может быть применено к неразумным созданиям и неодушевленным предметам не в меньшей степени, чем к разумным существам. Ибо если что-либо так связано или окружено, что оно может двигаться лишь внутри определенного пространства, ограниченного сопротивлением какого-либо внешнего тела, то мы говорим, что это нечто не имеет свободы двигаться дальше. Подобным же образом о живых существах, пока они заперты или сдерживаются стенами или цепями, а также о воде, которая удерживается берегами или посудой и которая иначе разлилась бы по большему пространству, мы обыкновенно говорим, что они не имеют свободы двигаться так, как они двигались бы без этих внешних препятствий. Но если препятствие движению кроется в самом устройстве вещи, например когда камень находится в покое или когда человек прикован болезнью к постели, тогда мы обычно говорим, что эта вещь лишена не свободы, а способности движения.

Что значит быть свободным человеком. Согласно этому собственному и общепринятому смыслу слова, *свободный человек — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать.* Но если слово *свобода* применяется к вещам, не являющимся *телами*, то это злоупотребление словом, ибо то, что не обладает способностью движения, не может встречать препятствия. Поэтому, когда, к примеру, говорят, что дорога свободна, то имеется в виду свобода не дороги, а тех людей, которые по ней беспрепятственно двигаются. А когда мы говорим *свободный дар*, то понимаем под этим не свободу подарка, а свободу дарящего, не принужденного к этому дарению каким-либо законом или договором. Точно так же когда мы *свободно говорим,* то это свобода не голоса или произношения, а человека, которого никакой закон не обязывает говорить иначе, чем он говорит. Наконец, из употребления

слов *свобода воли* можно делать заключение не о свободе воли, желания или склонности, а лишь о свободе человека, которая состоит в том, что он не встречает препятствий к совершению того, к чему его влекут его воля, желание или склонность.

Страх и свобода совместимы. Страх и свобода совместимы. Например, если человек из *страха,* что корабль потонет, бросает свои вещи в море, то он тем не менее делает это вполне добровольно и может воздержаться от этого, если пожелает. Следовательно, это действие *свободного* человека. Точно так же если человек платит свои долги, как это иногда бывает только из *боязни* тюрьмы, то и это действие свободного человека, ибо ничто не препятствует этому человеку отказаться платить. Как правило, все действия, совершаемые людьми в государствах из *страха* перед законом, являются действиями, от которых совершающие их имеют свободу воздержаться.

Свобода и необходимость совместимы. *Свобода* и *необходимость* совместимы. Вода реки, например, имеет не только *свободу*, но и *необходимость* течь по своему руслу. Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми *добровольно.* В самом деле, так как добровольные действия проистекают из воли людей, то они проистекают из свободы, но так как всякий акт человеческой воли, всякое желание и склонность проистекают из какой-нибудь причины, а эта причина — из другой в непрерывной цепи (первое звено которой находится в руках Бога — первейшей из всех причин), то они проистекают из *необходимости.* Таким образом, всякому, кто мог бы видеть связь этих причин, была бы очевидна необходимость всех произвольных человеческих действий. И поэтому Бог, который видит все и располагает всем, видит также, что, когда человек делает то, что он хочет, его *свобода* сопровождается *необходимостью* делать не больше и не меньше того, что желает Бог. Ибо хотя люди могут делать многое, что Бог не велел делать и за что Он поэтому не является ответственным, однако люди не могут иметь ни страстей, ни расположения к чему-либо, причиной которых не была бы воля Божья. И воля Божья не обеспечила *необходимости* человеческой воли и, следовательно, всего того, что от этой воли зависит, ибо человеческая *свобода* противоречила бы и препятствовала всемогуществу и *свободе* Бога. Этим довольно сказано для нашей цели о той естественной *свободе,* которая только и понимается под свободой в собственном смысле.

Искусственные узы, или соглашения. Но подобно тому

как люди для достижения мира и обусловленного им самосохранения создали искусственного человека, называемого нами государством, точно так же они сделали искусственные цепи, называемые *гражданскими законами,* и эти цепи они сами взаимными соглашениями прикрепили одним концом к устам того человека или собрания, которым они дали верховную власть, а другим концом — к собственным ушам. Эти узы, слабые по своей природе, могут, однако, быть сделаны так, чтобы они держались благодаря опасности, а не трудности их разрыва.

Свобода подданных заключается в свободе делать то, что не указано в соглашениях с властью. Лишь в связи с этими узами я буду говорить теперь о *свободе подданных.* Действительно, так как мы видим, что нет такого государства в мире, в котором было бы установлено достаточно правил для регулирования всех действий и слов людей (ибо это невозможно), то отсюда с необходимостью следует, что во всякого рода действиях, о которых правила умалчивают, люди имеют свободу делать то, что их собственный разум подсказывает как наиболее выгодное для них. Ибо если под свободой в собственном смысле мы будем понимать физическую свободу, т. е. свободу от цепей и тюрьмы, то было бы нелепо, чтобы люди, как это часто бывает, требовали той свободы, которой они и так явно пользуются. С другой стороны, если под свободой понимать свободу от законов,— это не менее нелепо, ибо люди тогда требовали бы для себя, как они это часто делают, такой свободы, при которой все другие люди могли бы стать хозяевами их жизни. Однако, как это ни нелепо, они именно этого требуют, не зная, что законы бессильны защищать их, если им не приходит на помощь меч в руках одного или многих людей, заставляя исполнять законы. Свобода подданных заключается поэтому лишь в тех вещах, которые суверен при регулировании их действия обошел молчанием, как, например, свобода покупать и продавать и иным образом заключать договоры друг с другом, выбирать свое местопребывание, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т. д.

Свобода подданного совмещается с неограниченной властью суверена. Однако нас не следует понимать так, будто этой свободой упраздняется или ограничивается власть суверена над жизнью и смертью его подданных. Ведь было уже показано, что все, что бы верховный представитель ни сделал по отношению к подданному и под каким бы то ни было предлогом, не может считаться несправедливостью или беззаконием в собственном смысле,

так как каждый подданный является виновником каждого акта, совершаемого сувереном. Суверен, таким образом, имеет право на все с тем лишь ограничением, что, являясь сам подданным Бога, он обязан в силу этого соблюдать естественные законы. Поэтому может случиться и часто случается в государствах, что подданный по повелению верховной власти предается смертной казни, и при этом ни подданный, ни суверен не совершают несправедливости по отношению друг к другу, как, например, когда Иеффай принес в жертву свою дочь [9]. В этом и подобных случаях тот, кто так умирает, имел свободу совершить то деяние, за которое он тем не менее без всякой несправедливости предается смерти. Точно так же обстоит дело с суверенным государством, предающим смерти невинного подданного. Ибо, хотя такого рода деяние (как, например, убийство Урии Давидом [10]), будучи несправедливым, идет вразрез с естественным законом, беззаконие в приведенном случае было совершено, однако, лишь по отношению к Богу, а не по отношению к Урии. Не по отношению к Урии, ибо право делать, что ему угодно, было дано Давиду самим Урием, и, однако, по отношению к Богу, ибо Давид был подданным Бога и естественный закон запрещал ему совершать всякую несправедливость. Это различие явно подтвердил и сам Давид, когда он в своем покаянном обращении к Богу сказал: *Против тебя одного я согрешил.* Точно так же, когда афиняне изгоняли на десять лет наиболее влиятельных граждан своего государства, они не думали, что совершают какое-либо беззаконие, никогда не спрашивали, какое преступление совершил изгоняемый, а лишь какую опасность представляет он для них. Более того, они решали вопрос об изгнании, сами не зная кого, так как каждый приносил на рыночную площадь устричную раковину с именем того, кого он считал нужным изгнать, не выставляя против него никакого определенного обвинения, и изгнанным иногда оказывался Аристид за его репутацию справедливого, а иногда грубый шут Гипербола за его шутки [11]. И однако, никто не скажет, что суверенный народ Афин не имел права изгонять их или что афинянин не имел свободы шутить или быть справедливым.

Свобода, которую восхваляют писатели,— это свобода не частных лиц, а суверенов. Та свобода, о которой часто и с таким уважением говорится в исторических и философских работах древних греков и римлян и в сочинениях и рассуждениях тех, кто позаимствовал у них все свои политические познания, есть свобода не частных лиц,

а государства, идентичная той, которой пользовался бы каждый человек в том случае, когда совершенно не было бы ни гражданских законов, ни государства. Ибо, подобно тому как среди людей, не признающих никакой власти, имеет место непрерывная война каждого против своего соседа, не существует наследства, которое можно было бы передать сыну или ждать от отца, и собственности на движимое и недвижимое имущество, и никакой гарантии безопасности, а имеется полная и абсолютная свобода каждого частного лица, точно так же среди независимых друг от друга государств каждое пользуется абсолютной свободой делать то, что оно (т. е. что тот человек или собрание, которое его представляет) считает наиболее соответствующим своему благу. В силу этого они и живут в состоянии непрерывной войны и постоянной готовности к бою, о чем говорят укрепленные границы и пушки, направленные против соседей. Афиняне и римляне были свободны, т. е. свободными государствами; это значит не то, что какие-нибудь частные лица пользовались там свободой оказывать сопротивление своим представителям, а то, что их представители имели свободу оказывать сопротивление другим народам или завоевывать их. На башнях города Лука начертано в наши дни большими буквами слово LIBERTAS, однако никто не может отсюда заключить, что человек здесь в большей степени свободен или же избавлен от службы государству, чем в Константинополе. Свобода одинакова как в монархическом, так и в демократическом государстве.

Однако люди легко вводятся в заблуждение соблазнительным именем свободы и по недостатку способности различения ошибочно принимают за свое прирожденное и доставшееся по наследству право то, что является лишь правом государства. А когда эта ошибка подкрепляется авторитетом тех, чьи сочинения по этому вопросу пользуются высокой репутацией, то не приходится удивляться, что это приводит к мятежу и государственному перевороту. В западных странах привыкли заимствовать свои мнения относительно установления и прав государств у Аристотеля, Цицерона и других греков и римлян, которые, живя в демократических государствах, не выводили эти права из принципов природы, а переносили их в свои книги из практики собственных демократических государств [12], подобно тому как грамматики составляли правила языка на основе современной им практики, а правила стихосложения — на основании поэм Гомера и Вергилия. И так как афинян

поучали (чтобы удержать их от стремления к изменению форм правления), что они свободные люди и что все живущие при монархии рабы, то Аристотель пишет в своей «Политике» (книга 6, глава 2): «Демократия предполагает свободу, ибо считается общепринятым, что никто не свободен при ином образе правления» [13]. И подобно тому как Аристотель исходил из практики Афинской республики, Цицерон и другие писатели основывали свои учения на мнениях римлян, которым внушали ненависть к монархии сначала те, кто свергли своего суверена и поделили между собой верховную власть над Римом, а затем их преемники. Благодаря чтению греческих и латинских авторов люди с детства привыкли благосклонно относиться (под лживой маской свободы) к мятежам и беззастенчивому контролированию действий своих суверенов, а затем к контролированию и этих контролеров, вследствие чего было пролито столько крови, что я считаю себя вправе утверждать, что ничто никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков.

Как может быть определена свобода подданных. Переходя теперь к отдельным сторонам истинной свободы подданного, т. е. к вопросу о том, в каких случаях подданный может, не совершая беззакония, ослушаться приказаний суверена, мы должны рассмотреть, от каких прав мы отказываемся, когда устанавливаем государство, или (что одно и то же) от какой свободы отрекаемся, принимая на свою ответственность все без исключения действия человека или собрания, которых мы делаем своими суверенами. Ибо в акте нашего *подчинения* заключаются одинаково как наше *обязательство*, так и наша *свобода*, и последние должны быть выведены из первого на основании доводов. Так как все люди одинаково свободны от природы, то всякое обязательство человека может проистекать лишь из какого-нибудь его собственного действия. А так как основанием для этих выводов должны служить или определенные слова: «Я признаю своими все его действия», или намерение того, кто подчиняет себя власти (а это намерение должно быть выведено из той цели, для которой он подчиняет себя), то обязательства и свобода подданного должны быть выведены или из этих слов, или из других равнозначных, или же из цели установления верховной власти, которая заключается в установлении внутреннего мира среди подданных и в их защите против общего врага.

Подданные обладают свободой защищать свою жизнь

даже от тех, кто посягает на нее на законном основании. Так как мы поэтому первым делом видим, что верховная власть, основанная на установлении, учреждена посредством соглашения каждого с каждым, а верховная власть, основанная на приобретении,— посредством соглашения между побежденными и победителями или между ребенком и родителем, то отсюда очевидно, что каждый подданный имеет свободу в отношении всего, право на что не может быть отчуждено соглашением. Я уже показал в главе XIV, что соглашения, обязывающие человека не защищать свою собственную жизнь, недействительны.

Они не обязаны наносить себе повреждения. Поэтому: если суверен приказывает человеку (хотя бы и по праву осужденному) убить, ранить или изувечить себя, или не оказывать сопротивление тому, кто на него покушается, или воздержаться от пищи, пользования воздухом, употребления лекарств или какой-либо другой вещи, без которой он не может жить, то такой человек свободен не повиноваться;

если какой-нибудь человек допрашивается сувереном или кем-нибудь от его имени по поводу совершенного им преступления, то допрашиваемый, когда ему не обещают прощения, не обязан сознаваться в этом, ибо (как я показал это в этой же главе) никакой договор не может обязать человека обвинить себя.

Кроме того, признание подданным прав верховной власти содержится в следующих словах: «Я признаю своими или беру на свою ответственность все его действия». Этими словами подданный нисколько не ограничивает своей первоначальной свободы, ибо, разрешая суверену убить меня, я этим не обязываюсь убить самого себя по его приказанию. Одно дело сказать: «Убей меня или моего товарища, если тебе угодно», другое дело сказать: «Я намерен убить себя или моего товарища». Отсюда следует, что никто не обязан на основании указанных слов убить себя или другого человека. Следовательно, лежащая иногда на человеке обязанность исполнять по приказанию суверена опасную или унизительную должность вытекает не из тех слов, которые составляют акт подчинения, а из намерения, которое должно быть выведено из цели этого акта. Если поэтому наш отказ в повиновении в указанном случае не подрывает ту цель, ради которой была установлена верховная власть, то мы свободны отказать, в противном случае мы не свободны.

Даже и на войне, если они не взяли на себя добровольно

обязательство сражаться. На этом основании солдат, которому приказано сражаться против врага, может в некоторых случаях, не совершая беззакония, отказаться от этого, хотя суверен имеет право казнить его за отказ. Это возможно, например, в том случае, когда солдат ставит вместо себя другого достаточно сильного солдата, ибо в этом случае нет уклонения от службы. То же самое должно быть дозволено людям, робким от природы, не только женщинам (от которых никто не ждет исполнения таких опасных обязанностей), но и мужчинам, обладающим бабьим мужеством. Когда армии сражаются, бывает, что одна или обе стороны обращаются в бегство, однако если это делается не из-за предательства, а из страха, то это считается не беззаконием, а позором. На том же основании уклонение от участия в сражении есть не беззаконие, а трусость. Однако тот, кто сам поступает в рекруты или берет задаток, не может ссылаться на природную робость и обязан не только принимать участие в сражении, но и не бежать без разрешения своего начальника. А когда защита государства требует помощи всех, способных носить оружие, каждый обязан принимать участие в ней. Ибо в противном случае тщетным оказывается установление государства, которое граждане не имеют желания или мужества сохранить.

Никто не имеет свободы оказывать сопротивление мечу государства в целях защиты другого человека, виновного или невиновного, ибо такая свобода лишает суверена возможности защищать нас и разрушает поэтому саму сущность правления. А если большая масса людей оказала уже совместно неправильное сопротивление верховной власти или совершила уголовное преступление, за которое каждый из них ожидает смертной казни, то разве они не имеют в этом случае свободы соединиться для взаимной помощи и защиты? Конечно, имеют, ибо они лишь защищают свою жизнь, на что виновный имеет такое же право, как и невиновный. Их предыдущее нарушение своего долга было действительно беззаконным, но последовавшее за этим применение оружия хотя и имеет своей целью поддержать то, что ими сделано, однако не является новым незаконным актом. А когда оружие пускается в ход лишь в целях самозащиты, то это вполне законно. Но если некоторым из них предлагается прощение, то это отнимает у тех, кому это предлагается, предлог самозащиты и делает незаконным их упорство в оказании содействия и защиты остальным.

Наибольшая свобода подданных проистекает из умолчания закона. Что же касается остальных свобод, то они

проистекают из умолчания закона. Там, где суверен не предписал никаких правил, подданный свободен действовать или не действовать согласно своему собственному усмотрению. И такой свободы бывает в одних местах и в одни времена больше, в других местах и в другие времена — меньше соответственно тому, как это представляется наиболее целесообразным тем, которые обладают верховной властью. Например, было время, когда в Англии человек имел право силой войти во владение своим участком земли или силой отнять его у другого. Однако в последующее время эта свобода насильственного захвата была отменена статутом, принятым королем в парламенте. Или, например, в некоторых частях света мужчины имеют право иметь много жен, в других же такая свобода не допускается.

Если подданный имеет какой-нибудь спор с сувереном по поводу долга, права владения недвижимым или движимым имуществом, или по поводу какой-либо службы, которая от него требуется, или по поводу какой-нибудь кары, физической или денежной, и если все это имеет своим основанием изданный ранее закон, то подданный так же свободен добиваться своего права, как если бы это была тяжба с другим подданным, и он может добиваться своего права перед судьями, назначенными сувереном. Так как мы видим, что суверен предъявляет свои требования на основании ранее изданного закона, а не на основании своей власти, то он этим объявляет, что он требует не больше того, что окажется обязательным по закону. Домогательство подданного не идет поэтому вразрез с волей суверена, и, следовательно, подданный свободен требовать, чтобы его дело слушалось и решалось согласно этому закону. Однако если суверен требует или берет что-нибудь на основании своей власти, то такие случаи не подлежат обжалованию. Ибо все, что суверен делает в силу своей власти, он делает в силу полномочий, данных ему каждым подданным, а, следовательно, тот, кто подает жалобу на своего суверена, подает жалобу на самого себя.

Если монарх или верховное собрание жалуют всем или некоторым своим подданным такую свободу, наличие которой делает суверена неспособным заботиться об их безопасности, то, если при этом суверен не отрекся прямо от своей власти или не перенес ее на кого-нибудь другого, пожалование недействительно. Ибо так как он мог бы открыто (если бы такова была его воля) и в ясных выражениях отречься и этого не сделал, то следует умозаключить, что это не было его волей, а что пожалование проистекало

из непонимания противоречия между такой свободой и верховной властью. Поэтому верховная власть остается, и, следовательно, остаются все те права, без которых верховная власть не может быть осуществлена, а именно: право объявления войны и заключения мира, право юрисдикции, назначения чиновников и советников, взимания налогов и остальные права, указанные в главе XVIII.

В каких случаях подданные освобождаются от повиновения суверену. Обязанности подданных по отношению к суверену предполагаются существующими лишь в течение того времени, и не дольше, пока суверен в состоянии защищать их. Ибо данное людям природой право защищать себя, когда никто другой не в состоянии их защитить, не может быть отчуждено никаким договором. Суверенная власть есть душа государства, и, если эта душа покидает тело, члены не получают от него никакого движения. Целью повиновения является защита, и тому, в чем человек видит свою защиту, будет ли это его собственный меч или меч другого, он склонен от природы повиноваться и стремится это поддержать. Хотя верховная власть, согласно положению ее учредителей, должна быть бессмертной, однако по своей природе она не только подвержена насильственной смерти в результате внешней войны, но в силу невежества людей и их страстей она носит в себе с момента своего учреждения семена естественной смерти или семена распада от внутренних распрей.

В случае пленения. Если подданный взят в плен на войне или если его личность или средства существования находятся под охраной врага и ему дарується жизнь и физическая свобода при том условии, что он станет подданным победителя, то подданный волен принять это условие, а приняв его, он становится подданным того, кто взял его в плен, ибо у него нет другого средства сохранить свою жизнь. Точно так же обстоит дело, если кто-либо арестован в чужой стране и ему предлагается свобода на таких же условиях. Но если человек держится в заключении или цепях и физическая свобода ему не предоставлена, то нельзя считать его связанным договором о подданстве, и поэтому он имеет право использовать все доступные ему средства для побега.

В случае отречения суверена от власти за себя и за своих наследников. Если монарх отрекается от верховной власти за себя и за своих наследников, то его подданные возвращаются к состоянию абсолютной естественной свободы, ибо хотя легко установить, кто его сыновья и кто его ближай-

шие родственники, однако от собственной воли монарха зависит (как это было указано в предшествующей главе), кто будет его наследником. Поэтому если монарх не желает иметь наследника, то нет ни верховной власти, ни подданства. Таково же положение, если монарх умер, не объявив, кто должен быть его наследником, и нельзя также установить, кто его родственники. Ибо в этом случае нельзя установить, кто является наследником, и, следовательно, никто не обязан быть подданным.

В случае изгнания. Если монарх подвергает подданного изгнанию, то последний во время изгнания не является подданным. Хотя тот, кто послан за границу с каким-нибудь поручением или получил разрешение путешествовать, остается подданным, но не в силу своего соглашения о подданстве, а в силу договора между суверенами. Ибо всякий вступающий на территорию другого владения обязан подчиняться всем его законам, за исключением того случая, когда он пользуется особой привилегией благодаря дружбе между его сувереном и сувереном той страны, где он временно пребывает, или когда он имеет специальное разрешение сохранить старое подданство.

В случае, когда суверен сам становится подданным другого. Если побежденный на войне монарх отдается в подданство победителю, то подданные освобождаются от их прежних обязанностей и становятся подданными победителя. Однако если побежденный монарх содержится в тюрьме или не пользуется физической свободой, то нельзя предполагать, что он отрекся от прав верховной власти, а поэтому его подданные обязаны повиноваться всем ранее установленным властям, правящим не от своего имени, а от имени попавшего в плен монарха. Так как его права остаются, то вопрос может быть лишь об управлении, т. е. о должностных лицах и чиновниках. И если монарх не имеет возможности назначать их, то предполагается, что он одобряет тех, кого назначил раньше.

ГЛАВА XXII

О ПОДВЛАСТНЫХ ГРУППАХ ЛЮДЕЙ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЧАСТНЫХ

Различные виды групп людей. Изложив свой взгляд на возникновение, формы и власть государств, я намерен в ближайшем говорить об их частях. И прежде всего я буду

говорить о группах людей, которые сопоставимы со сходными частями, или мускулами, естественного тела. Под *группой* людей я подразумеваю известное число людей, объединенных общим интересом или общим делом. Одни из этих групп людей называются *упорядоченными*, другие — *неупорядоченными*. *Упорядоченными* называются те, в которых один человек или собрание людей выступают в качестве представителей всей группы. Все другие группы называются *неупорядоченными*.

Из упорядоченных групп некоторые *абсолютны* и *независимы*, будучи подвластны лишь своим представителям. Таковы лишь государства, о чем я уже говорил в предшествующих пяти главах. Другие зависимы, т. е. подвластны какой-нибудь верховной власти, *подданными* которой являются как каждый член этих групп, так и их представители.

Из подвластных групп некоторые являются *политическими*, другие — *частными*. Политическими (иначе называемыми *политическими телами* и *юридическими лицами*) являются те группы людей, которые образованы на основании полномочий, данных им верховной властью государства. *Частными* являются те, которые установлены самими подданными или образованы на основании полномочий, данных чужеземной властью. Ибо все, что в государстве образовано на основании полномочий, данных иностранной верховной властью, не может иметь публично-правового характера, а имеет лишь частный характер.

Из частных групп одни *законны*, другие *противозаконны*. Законны те, которые допущены государством, все другие *противозаконны*. *Неупорядоченными* называются те группы, которые, не имея никакого представительства, являются лишь скоплением людей. Если оно не запрещено государством и не имеет дурных целей (как, например, стечение народа на базарах, на публичных зрелищах или по какому-нибудь другому невинному поводу), то оно законно. Если же намерения дурны или (в случае значительного числа людей) не известны, то оно противозаконно.

Во всех политических телах власть представителей ограничена. В политических телах власть представителей всегда ограничена, причем границы ей предписываются верховной властью, ибо неограниченная власть есть абсолютный суверенитет. И в каждом государстве суверен является абсолютным представителем всех подданных. Поэтому всякий другой может быть представителем части этих подданных лишь в той мере, в какой это разрешается

сувереном. Но разрешить политическому телу подданных иметь абсолютное представительство всех его интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты. Такого намерения нельзя предположить у суверена при каком бы то ни было акте пожалования, если суверен одновременно с этим ясно и определенно не освобождает указанной части подданных от их подданства. Ибо высказывание суверена не является знаком его воли, когда другое высказывание является знаком противоположного. Это высказывание является скорее знаком заблуждения и недоразумения, которым слишком подвержен весь человеческий род.

Познание границ власти, данной представителям политического тела, может быть почерпнуто из двух источников. Первый — это грамота, данная сувереном; второй — закон государства.

Из грамоты. В самом деле, хотя при установлении и приобретении государства не требуется никакой грамоты, ибо государства независимы и власть представителя государства не имеет никаких других границ, кроме тех, которые установлены неписаными естественными законами, однако в подвластных телах требуется столько разнообразных ограничений в отношении круга их задач, места и времени, что их нельзя запомнить без писаной грамоты и нельзя познать без такой жалованной грамоты, которую могли бы читать те, которым это ведать надлежит, и которая одновременно с этим была бы скреплена или удостоверена печатью или другими обычными знаками высочайшего одобрения.

И из законов. И так как такие границы не всегда легко и даже не всегда возможно установить в грамоте, то обычные законы, общие для всех подданных, должны определить, что может законным образом делать представитель во всех тех случаях, о которых умалчивает грамота.

Если представитель один человек, то его недозволенные действия являются его собственными. И поэтому если один представитель политического тела совершит что-либо в качестве представителя, что не дозволено ни грамотами, ни законами, то это является его собственным актом, а не актом всего тела или какого-нибудь другого его члена помимо него. Ибо за пределами, очерченными грамотами или законами, он не представляет никого, кроме своей личности. Но то, что он совершает в соответствии с грамота-

ми и законами, является действием каждого члена политического тела, ибо за каждый акт суверена ответственным является любой подданный, так как суверен является неограниченным уполномоченным своих подданных, а акт того, кто не отступает от грамоты суверена, является актом суверена, и посему ответственность за него ложится на каждого члена тела.

Если представителем является собрание, то его действия являются действиями только тех, кто их санкционировал. Если же представителем является общее собрание, то всякое постановление этого собрания, противоречащее грамотам или законам, является актом этого собрания, или политического тела, а также актом каждого члена этого собрания, который своим голосом способствовал принятию постановления, но оно не является актом такого члена собрания, который, присутствуя на собрании, голосовал против или отсутствовал, если только он не голосовал *за* при посредстве доверенного лица. Постановление является актом собрания, ибо оно принято большинством голосов, и, если это постановление преступно, собрание может быть подвергнуто наказанию, соответствующему его искусственному характеру. Оно может быть, например, распущено, или лишено грамоты (что для таких искусственных и фиктивных тел есть смертная казнь), или (если собрание имеет общий капитал) подвергнуто денежному штрафу. Ибо физическому наказанию политическое тело не может быть подвергнуто по самой своей природе. Члены же собрания, не подавшие своего голоса *за*, не виновны, потому что собрание не может никого представлять в делах, не дозволенных его грамотой, и, следовательно, постановление собрания не может быть вменено им в вину.

Если представителем является один человек и если он договорился о займе, то несет за него ответственность он сам. Если представитель политического тела там, где такое представительство является единоличным, занимает деньги у постороннего, т. е. у кого-нибудь, кто не принадлежит к этому телу (ибо ограничение займов предоставлено человеческой склонности, и нет поэтому необходимости, чтобы такое ограничение регулировалось какими бы то ни было грамотами), то должником является сам представитель. Ибо если бы представитель был уполномочен грамотой заставлять членов платить по его займам, то он имел бы над ними верховную власть. Поэтому или пожалованная грамота была бы в этом случае недействительна как основанная на недоразумении и являющаяся недостаточным знаком

воли суверена, пожаловавшего ее, или же, если бы она была подтверждена последним, тогда представитель стал бы сувереном и случай этот выходил бы за рамки нашего рассмотрения, ибо речь идет у нас сейчас о подвластных телах. Ни один член политического тела, кроме самого представителя, не обязан поэтому платить по такому займу, ибо заимодавец, на которого не распространяется действие грамоты и который не принадлежит к данному политическому телу, считает своими должниками лишь тех, кто обязался ему, и, видя, что представитель может обязать самого себя, и никого другого, считает его одного своим должником. Поэтому он должен платить или из общей кассы, если такая имеется, или, если таковой нет,— из собственных средств.

Таким же образом обстоит дело, если представитель стал должником в силу договора или штрафа.

Если же представителем является собрание, то ответственными за долг являются только те, кто санкционировал его. Если же представителем является собрание, а деньги причитаются постороннему лицу, то за долг отвечают те, и только те, которые голосовали за заем или за заключение того договора, которым этот долг обусловлен, или за то деяние, за которое наложен штраф, так как каждый голосовавший за что-нибудь из перечисленных вещей обязался к уплате. Ибо тот, кто ответственен за заключение займа, обязан уплатить даже весь долг, хотя он освобождается от этой обязанности, если уже кто-нибудь уплатил.

Если долг причитается одному из членов собрания, то политическое тело обязано платить ему. Однако если долг причитается одному из членов собрания, то собрание обязано платить лишь из общей кассы (если таковая имеется). Если, будучи волен в своем голосовании, заимодавец голосовал в пользу заключения займа, то он голосовал и за его уплату. Если же он голосовал в собрании против займа или отсутствовал при обсуждении этого вопроса, то предоставлением займа он аннулирует свое прежнее голосование и голосует теперь за заем, каковое голосование его обязывает к уплате, в силу чего он становится одновременно заимодавцем и должником и, следовательно, может требовать уплаты не от кого-либо в отдельности, а лишь из общей кассы. Если же эта касса пуста, наш заимодавец ни к кому не может предъявить никакого иска и должен пенять на самого себя за то, что, будучи посвящен в дела собрания и состояние его средств, тем не менее по собственной глупости дал собранию деньги взаймы.

Протест против решения политических тел иногда бывает вполне законным, но никогда не может быть законным протест против верховной власти. Из всего сказанного явствует с очевидностью, что в подвластных политических телах, подчиненных верховной власти, иногда не только законно, но и целесообразно, чтобы отдельные члены их открыто протестовали против постановлений представительного собрания и заставляли бы вносить в протокол или так или иначе засвидетельствовать их несогласие, ибо иначе они могут оказаться обязанными платить долги по договорам и отвечать за преступления, совершенные другими людьми. Однако в собрании, представляющем верховную власть, нет места такой свободе, во-первых, потому, что протестующий отрицает своим протестом верховную власть, а во-вторых, потому, что все, что повелевает верховная власть в отношении подданного (хотя не всегда в глазах Бога), оправдано этим повелением, ибо ответственным за такое повеление является каждый подданный.

Политические тела выполняют функции управления провинциями, колониями или городами. Разнообразие политических тел почти безгранично, ибо они различаются не только по кругу задач, для которых установлены и которые сами по себе бесконечно разнообразны, но и в отношении времени, места и числа, которые подвержены многим ограничениям. Некоторые из них установлены для функций управления. Прежде всего управление провинцией может быть поручено собранию людей, в котором все решения должны быть приняты большинством голосов, и тогда это собрание является политическим телом и его власть ограничена рамками поручения. Слово «провинция» означает попечение или заботу о делах, которые тот, чьими делами они являются, поручает другому человеку, чтобы он управлял ими в интересах доверителя и под его верховным надзором. Вот почему если в одном государстве имеются разные страны с отличными друг от друга законами или пространственно удаленные друг от друга, то управление ими обычно поручается различным лицам, и такие страны, которые управляются не сувереном, а по поручению, называются провинциями. Однако у нас немного примеров того, чтобы провинция управлялась собранием, пребывающим в ней самой. Римляне, верховная власть которых простиралась на многие провинции, управляли ими всегда через наместников и преторов, а не при посредстве собраний, как они управляли самим Римом и примыкающими к нему территориями. Точно так же, когда из Англии были посла-

ны колонисты, чтобы основать Виргинию и Соммерайленд, то хотя управление этими колониями было поручено собраниям в Лондоне, однако эти последние никогда не поручали управления от их имени местному собранию, а посылали в каждую колонию губернатора. Дело в том, что хотя каждый человек желает участвовать в управлении там, где это физически возможно, однако там, где такое непосредственное участие невозможно, люди по природной склонности предпочитают поручать управление своими общими делами скорее монархической, чем демократической, форме правления. Это подтверждается также тем обстоятельством, что, если люди, владеющие большим состоянием, не желают брать на себя труд управления своими делами, они предпочитают поручить его скорее одному слуге, чем собранию своих друзей или слуг. Однако, как бы ни обстояло дело фактически, мы можем представить себе, что управление провинцией или колонией поручено собранию. В этом случае я утверждаю, что всякий долг, обусловленный договором, заключенным собранием, и всякое противозаконное постановление этого собрания являются актом лишь тех, кто голосовал за этот договор или за это постановление, а не тех, кто голосовал против или отсутствовал. Основания этого утверждения были изложены выше. Кроме того, я утверждаю, что собрание, находящееся вне той колонии, управление которой в его руках, не может где бы то ни было вне самой колонии осуществлять никаких прав власти в отношении личности или имущества жителей этой колонии. Следовательно, оно не может вне колонии задерживать кого-нибудь из ее жителей или накладывать арест на его имущество за неуплату долга или невыполнение какой-либо другой обязанности, так как это собрание не имеет никакого судопроизводства и никаких полномочий вне управляемой им колонии. В указанном случае этому собранию остается лишь прибегнуть к тем средствам, которые допускаются законами той страны, где находится ответчик, или обвиняемый. И хотя собрание имеет право наложить денежный штраф на своего члена за нарушение им закона, установленного собранием, однако вне самой колонии оно не имеет права привести свой приговор в исполнение. То, что сказано здесь о правах собрания, на которое возложено управление провинцией или колонией, применимо также к собранию, на которое возложено управление городом, университетом, колледжем, церковью или вообще какой-нибудь группой людей.

Можно установить как общее правило, что если член

какого-нибудь политического тела считает себя обиженным им, то дело это подсудно суверену и тем, кого суверен установил судьями для подобных случаев или для этого частного случая, но оно не подсудно самой корпорации, ибо она в целом является в этом случае таким же подданным, как и истец. Иначе обстоит дело в собрании, представляющем верховную власть. Ибо если суверен не мог бы быть здесь судьей, хотя бы и в своем собственном деле, то для нашего случая не было бы вообще судьи.

Политические тела для организации торговли. В политических телах, имеющих своей задачей наилучшую организацию внешней торговли, наиболее целесообразной формой представительства является собрание всех их членов, т. е. такая форма, при которой человек, вкладывающий в эту торговлю свои деньги, мог бы по желанию участвовать во всех обсуждениях и решениях тела. Чтобы убедиться в правильности этого утверждения, нам стоит лишь поразмыслить над тем, ради чего, собственно, купцы, имеющие возможность покупать и продавать, экспортировать и импортировать товары по своему усмотрению, объединяются тем не менее в корпорацию. Правда, лишь немногие купцы имеют возможность нагрузить корабль теми товарами для экспорта, которые они покупают до́ма, или товарами для импорта, которые они покупают за границей, и поэтому они вынуждены объединиться в общество, где каждый из них мог бы участвовать в прибылях пропорционально своим вкладам или взять собственный товар и продавать то, что он экспортирует или импортирует, по цене, которую он сочтет наиболее подходящей. Однако такое общество не является политическим телом, так как оно не имеет общего представителя, который обязал бы членов этого общества какому-нибудь закону помимо законов, общих для всех других подданных. Целью подобной корпорации является увеличение прибыли путем монопольного права купли и продажи как до́ма, так и за границей. Так что пожаловать какой-нибудь торговой компании права корпорации, или политического тела,— значит пожаловать ей двойную монополию, а именно право быть монопольными покупателями и монопольными продавцами. Ибо если какая-нибудь торговая компания получает права корпорации для какой-нибудь страны, то только эта компания может экспортировать в эту страну товары, имеющие там сбыт, но это значит, что эта компания имеет право монопольной покупки до́ма и монопольной продажи за границей. Ибо дома имеется лишь один покупатель, а за границей — лишь один прода-

вец, что представляет двоиную выгоду для купцов, так как благодаря этому дóма они покупают по наиболее низкой, а за границей продают по наиболее высокой цене. В отношении же импортирующей компании монопольные права выражаются в том, что эта компания является единственной покупательницей за границей тамошних товаров и единственной продавщицей этих товаров дóма, что опять-таки представляет двойную выгоду для ее членов.

Из этой двойной монополии одна часть невыгодна для местного населения, другая — для иностранного. Ибо дóма купцы благодаря своему монопольному праву на экспорт устанавливают произвольно цены на продукты сельского хозяйства и ремесла, а благодаря монополии на ввоз — цены на иностранные товары, в которых нуждается население; то и другое невыгодно для населения. При монопольной же продаже местных товаров за границей и монопольной покупке заграничных товаров они к невыгоде тамошнего населения повышают цены на первые и снижают на вторые. Ибо там, где имеется лишь один продавец, товары дороже, а там, где имеется лишь один покупатель,— дешевле. Такие корпорации являются поэтому не чем иным, как монопольными, и они были бы очень выгодны для государства, если, будучи объединены в единое тело на заграничных рынках, они предоставляли бы на внутренних рынках своим членам свободу покупать и продавать по той цене, по которой они могут.

Так как целью этих торговых тел является не благо тела в целом (общая касса их в этих случаях составляется из вычетов из частных вкладов лишь в целях сооружения и покупки кораблей, найма и содержания экипажей), а лишь частный барыш каждого ее члена, имеется основание для того, чтобы каждый член тела был осведомлен о собственном деле, т. е. чтобы каждый был членом собрания, имеющего власть руководить этим делом, и был знаком с отчетностью. Вот почему представителем такого тела должно быть собрание, в совещаниях которого при желании может участвовать каждый его член.

Если политическое тело купцов актом своего представительного собрания берет на себя денежное обязательство по отношению к постороннему лицу, то каждый его член в отдельности отвечает за весь долг. Ибо постороннему лицу нет никакого дела до частных законов корпорации, и оно рассматривает всех ее членов как отдельных людей, каждый из которых обязуется уплатить весь долг, если кто-нибудь другой не заплатит и не освободит от уплаты всех

остальных. Если же долг причитается кому-нибудь из членов компании, то кредитор является и должником на всю сумму по отношению к самому себе и поэтому может требовать уплаты долга лишь из общей кассы, если таковая имеется.

Если государство накладывает налог на тело, то этот налог падает на каждого члена пропорционально сумме его вложений в компанию. Ибо в этом случае нет другой общей кассы, кроме той, которая составляется из частных вложений.

Если на тело наложен денежный штраф за какой-нибудь незаконный акт, то в его уплате должны участвовать лишь те члены, голосами которых было принято решение об этом акте или при содействии которых он был приведен в исполнение. Ибо никто из остальных членов не совершил никакого преступления, не считая того, что он состоит членом тела. Но если это — преступление, то не его (ибо тело было образовано на основании полномочий государства).

Если один из членов тела является его должником, то оно может предъявить ему иск. Но как имущество, так и личность должника могут быть подвергнуты аресту лишь на основании приказа государства, а не корпорации. Ибо если корпорация могла бы это делать собственной властью, то она могла бы своей властью признать долг подлежащим уплате, что означало бы быть судьей в собственном деле.

Политическое тело, создаваемое для совета, который должен быть дан суверену. Эти тела, созданные для управления людьми или торговлей, бывают постоянными или временными на срок, предписанный грамотой. Но бывают тела, время которых ограничено лишь природой подлежащих их ведению дел. Например, если суверенный монарх или верховное собрание сочтут за благо отдать приказ городам и другим частям их территории послать депутатов, с тем чтобы они сообщили суверену о положении и нуждах подданных или совещались с ним как с лицом, представляющим всю страну, об издании хороших законов или о каких-нибудь других делах, то такие депутаты, для собрания которых указано определенное время и место, представляют собой в этом месте и в это время политическое тело, представляющее каждого подданного этого государства. Однако собрание таких депутатов является политическим телом лишь по вопросам, предложенным им тем человеком или собранием, которые именем верховной власти созвали их, а когда будет объявлено, что им нечего больше ни предлагать на обсуждение, ни дебатировать, то

политическое тело будет распущено. Ибо, если бы они были абсолютными представителями народа, тогда их собрание было бы верховным собранием и тогда было бы два верховных собрания или два суверена над одним и тем же народом, что несовместимо с мирным существованием народа. И поэтому там, где имеется суверен, помимо него не может быть никакого абсолютного представительства народа. А что касается границ, в которых такое тело может представлять весь народ, то они устанавливаются той грамотой, по которой депутаты созваны. Ибо народ не может выбирать своих депутатов для иных целей, чем те, которые выражены в адресованной ему его сувереном грамоте.

Упорядоченные частные, законные тела, как, например, семья. Частными упорядоченными и законными телами являются такие, которые установлены без всякой грамоты или других письменных полномочий помимо законов, общих для всех других подданных. Они считаются упорядоченными, так как их члены объединяются в одном лице — представителе. Таковы, например, те семьи, в которых отец или хозяин руководит всей семьей. Ибо он обязывает своих детей и слуг лишь в рамках, допущенных законом, но не больше, так как никто из указанных подчиненных не обязан повиноваться в таких делах, которые запрещаются законом. Во всех остальных делах в течение того времени, пока они находятся под домашним правлением, они являются подданными своих отцов и хозяев как непосредственных суверенов. Ибо так как отец и хозяин были до установления государства абсолютными суверенами в своих семьях, то они по установлении государства потеряли от своей власти не больше, чем то, что отнял у них закон государства.

Частные упорядоченные, но противозаконные тела. Частными упорядоченными, но противозаконными телами являются такие, члены которых объединены в одном лице — представителе, но которые не легализованы государством. Таковы, например, корпорации нищих, воров и цыган, образованные в целях наилучшей организации своего промысла — попрошайничества и воровства, а также корпорации прибывающих из-за границы людей, которые объединяются в каком-нибудь государстве для более легкой пропаганды учений и для образования партий, подрывающих власть государства.

Неупорядоченные группы людей, например частные лиги. Неупорядоченные группы людей, являющиеся по сути дела лишь лигами, а иногда просто скоплением людей,

не объединенных для какой-нибудь определенной цели и связанных не взаимными обязательствами, а лишь сходством желаний и наклонностей,— такие группы становятся законными или незаконными в зависимости от законности или незаконности цели каждого отдельного их участника, а эта цель должна быть выявлена в каждом отдельном случае.

Лиги подданных (так как лиги обычно организуются в целях взаимной защиты) в большинстве случаев не нужны в государстве (которое представляет собой не что иное, как лигу всех подданных) и скрывают в себе противозаконные цели. Они поэтому противозаконны и обычно считаются крамолой и заговором. В самом деле, так как лига есть объединение людей путем соглашений, то, если одному человеку или собранию не дано власти заставлять договаривающихся выполнять свои обязательства (как это бывает при естественном состоянии), лига имеет силу лишь до тех пор, пока не возникает обоснованный повод к взаимному недоверию. Поэтому лиги государств, над которыми не установлена никакая человеческая власть, могущая держать их в страхе, являются не только законными, но и выгодными в течение того времени, пока они действуют. Однако лиги подданных одного и того же государства, где справедливые требования всякого подданного могут быть удовлетворены средствами верховной власти, не необходимы для поддержания мира и справедливости и в случае, если они ставят себе дурные цели или их цели не известны государству, противозаконны. Ибо всякое объединение сил частных лиц незаконно, если оно имеет дурные цели; если же намерение не известно, то оно опасно для государства, и то, что оно засекречено, является незаконным.

Тайные интриги. Если верховная власть принадлежит многочисленному собранию и несколько членов этого собрания, не имея на то полномочий, подговаривают часть собрания захватить в свои руки руководство остальными, то это крамола и преступный заговор, ибо это злостное развращение собрания в своих личных интересах. Но если тот, чье частное дело обсуждается и решается в собрании, старается расположить в свою пользу возможно больше членов его, то он не совершает никакого преступления, ибо в этом случае он не является частью собрания. И если даже он располагает членов собрания в свою пользу подкупом, то это все же не является преступлением (если только это не запрещено определенным законом). Ибо иногда (таковы уж нравы людей) невозможно добиться справедливости без

подкупа, и каждый человек может считать свое дело правым до тех пор, пока оно не слушалось и не решалось в суде.

Междоусобицы. Если частное лицо в государстве содержит больше слуг, чем это требуется для управления его состоянием и для того законного дела, ради которого он их применяет, то это заговор и преступление. Ибо, пользуясь защитой государства, подданный не нуждается в защите собственной силой. И так как у народов не вполне цивилизованных многочисленные семьи жили в непрерывной вражде и нападали друг на друга с помощью собственной челяди, то отсюда достаточно очевидно, что они совершали преступления или же что у них не было государства.

Заговоры. Как заговоры в пользу родственников, так и заговоры в пользу господства той или другой религии (например, заговоры папистов, протестантов и т. п.) или заговоры сословий (например, заговоры патрициев и плебеев в Древнем Риме и аристократических и демократических партий в Древней Греции) незаконны, ибо все такие заговоры противоречат интересам мира и безопасности народа и вырывают меч из рук суверена.

Скопление народа является неупорядоченной группой людей, законность или незаконность которой зависит от повода к скоплению и от числа собравшихся. Если повод законен и явен, скопление законно. Таково, например, обычное скопление народа в церкви или на публичных зрелищах, если число собравшихся не выходит из обычных рамок, ибо, если число собравшихся слишком велико, повод неясен, и, следовательно, всякий, кто не может дать подробного и ясного отчета о мотивах своего пребывания в толпе, должен считаться преследующим противозаконные и мятежные цели. Можно считать вполне законным для тысячи человек составить общую петицию, которая должна быть представлена судье или должностному лицу, однако если тысяча человек пойдет подавать ее, то это уже мятежное сборище, ибо для этой цели достаточно одного или двух человек. Однако в подобных случаях собрание делается незаконным вследствие не какого-нибудь установленного числа собравшихся, а вследствие такого их числа, которое представители власти не способны укротить или передать в руки правосудия.

Скопление людей. Если необычно большое число людей собирается, чтобы обвинить кого-нибудь, то такое собрание является противозаконным беспорядком, ибо они могут представить свою жалобу должностному лицу через немно-

гих или одного человека. Таков был случай с апостолом Павлом в Ефесе, где Деметрий и огромное число других людей привели двух спутников Павла к должностному лицу, крича в один голос: «Велика Артемида Ефесская!», взывая таким путем к правосудию против обвиняемых за то, что они проповедовали народу учения, идущие против их религии и наносящие ущерб ремеслу. Повод к обвинению с точки зрения законов этого народа был правилен, тем не менее это сборище сочли незаконным, а блюститель порядка упрекал собравшихся за это сборище в следующих словах (Деян. 19, 38—40): *Если же Деметрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы; пусть жалуются друг на друга. А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании. Ибо мы находимся в опасности — за происшедшее ныне быть обвиняемыми в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище.* Блюститель порядка, таким образом, называет здесь собрание, для которого люди не могут привести достаточного основания и в котором они не могут дать отчета, возмущением. И этим исчерпывается все, что я могу сказать относительно групп и собраний людей, которые могут быть сравниваемы (как я сказал) со сходными частями человеческого тела: законные — с мускулами, незаконные — с опухолями, желчью и нарывами, порожденными неестественным скоплением дурной жидкости.

ГЛАВА XXIII

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖИТЕЛЯХ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

В предыдущей главе я говорил о сходных частях государства. В этой главе я буду говорить о частях органических, каковыми являются государственные служители.

Кто является государственным служителем. Государственным служителем является тот, кому суверен (будь то монарх или собрание) поручает известный круг дел с полномочиями представлять в нем лицо государства. И так как каждый человек или собрание, обладающие верховной властью, представляют два лица или, как чаще выражаются, имеют два качества: одно — естественное, а другое — политическое (например, монарх является носителем лица не только государства, но также человека, а верховное

собрание является носителем лица не только государства, но также собрания), то государственными служителями являются не те, кто служит носителю верховной власти в его естественном качестве, а лишь те, кто служит суверену для управления государственными делами. Поэтому при аристократиях и демократиях государственными служителями не являются полицейские, сержанты и другие чиновники, дежурящие в собрании исключительно для удобства членов собрания, а при монархии — дворецкие, камердинеры, казначеи и другие чиновники двора монарха.

Служителю для общего управления. Некоторым из государственных служителей поручается общее управление или всем государством, или лишь частью его. Служителями для управления всем государством являются протекторы и регенты, которым предшественник несовершеннолетнего короля поручает на время его несовершеннолетия все управление королевством. В этом случае каждый подданный обязан повиноваться такому протектору постольку, поскольку распоряжения и повеления последнего будут даны от имени короля и не будут несовместимы с его верховной властью. Служителями для управления частью государства или провинцией являются губернаторы, наместники, префекты или вице-короли, которым монарх или верховное собрание поручает управление. И в этом случае каждый из жителей этой провинции обязан подчиняться всем распоряжениям, сделанным от имени суверена и не наносящим никакого ущерба правам верховной власти. Ибо все права таких протекторов, вице-королей и губернаторов обусловлены волей суверена и никакое поручение, которое может быть им дано, не должно быть истолковано как волеизъявление суверена перенести на них верховную власть, если такое намерение не выявилось в ясных и недвусмысленных словах. Такого рода государственные служители сходны с нервами и сухожилиями, приводящими в движение различные члены человеческого тела.

Для специального управления, как, например, для управления хозяйством. Другие служители ведают специальной отраслью управления, т. е. им поручен специальный круг дел внутри страны или за границей. Из специальных отраслей управления внутри страны на первом месте стоит управление государственным хозяйством. Государственными служителями являются те, кто имеет полномочия в отношении *казны*, т. е. те, кому поручено собирание, получение налогов, пошлин, земельных податей и оброков и всяких других государственных доходов, а также собира-

ние, получение и проверка отчетности по этим статьям. Служителями они являются потому, что служат лицу-представителю и ничего не могут предпринять против его приказаний и без его полномочий; государственными — потому, что они служат ему в его политическом качестве.

Государственными служителями являются, во-вторых, те, кому даны полномочия в отношении *войска,* т. е. те, кому поручена охрана оружия, фортов и портов, или те, кому поручены набор, оплата солдат, или предводительство ими, или снабжение всем необходимым для войны на суше и на море. Однако солдат, не принадлежащий к командному составу, хотя и сражается за государство, не представляет в силу этого лица государства, так как ему не перед кем представлять его. Ибо всякий имеющий командование представляет лицо государства лишь перед теми, кем он командует.

Для наставления народа. Служителями верховной власти являются также те, кто имеет полномочия учить или делать других способными учить людей их обязанностям по отношению к верховной власти и наставлять их в отношении того, что справедливо и что несправедливо, дабы сделать их склонными жить в благочестии и мире между собой и противостоять врагу государства. Служителями они являются потому, что то, что они делают, они делают не по собственному праву, а на основании полномочий других, а государственными — потому, что они делают это (или должны делать) на основании полномочий одного лишь суверена. Лишь монарх или верховное собрание имеют полномочия непосредственно от Бога учить и наставлять людей, и никто, кроме суверена, не получает своей власти просто Dei gratia, т. е. по милости одного лишь Бога. Все прочие получают ее по милости и промыслу Божьему и их суверенов, например в монархии Dei gratia et regis, или Dei providentia et voluntate regis [14].

Для отправления правосудия. Служителями являются также те, кому поручено судопроизводство, ибо в своем судейском кресле они представляют лицо суверена и их приговор есть его приговор. В самом деле, как уже было раньше указано, все судебные функции суть существенная часть верховной власти, и поэтому все судьи есть служители того или тех, кто имеет верховную власть. И так как споры бывают двоякого вида, а именно в отношении *факта* и в отношении *закона,* то одни судебные решения касаются фактов, другие — законов, и, следовательно, в одной и той

же тяжбе могут быть два судьи, из которых один решает проблему факта, а другой — проблему закона.

По поводу обоих этих споров может возникнуть спор между одной из тяжущихся сторон и судьей. А так как и стороны, и судья являются подданными суверена, то беспристрастное решение их спора должно быть предоставлено людям, выбранным по взаимному соглашению, ибо никто не может быть судьей в собственном деле. Но суверен уже выбран судьей с согласия их обоих, а поэтому он или сам должен слушать и решать это дело, или же должен назначить судьей человека, который устроит обе спорящие стороны. Это согласие сторон устанавливается различными путями. Во-первых, если ответчик имеет разрешение дать отвод тем судьям, которые представляются ему заинтересованными в неблагоприятном для него решении (ибо что касается истца, то последний уже выбрал своего судью), то те, которым он не дает отвода, являются судьями, на назначение которых он дал свое согласие. Во-вторых, если ответчик апеллирует к какому-нибудь другому судье, то дальше апеллировать он не может, ибо его апелляция есть его выбор. В-третьих, если он апеллирует к самому суверену и последний самолично или через уполномоченных, на которых согласятся обе стороны, выносит приговор, то этот приговор является окончательным, ибо ответчик был судим его собственными судьями, т. е. им самим.

Рассматривая особенность справедливой и разумной организации правосудия, я не могу не отметить превосходную организацию судов в Англии как по исковым, так и по уголовным делам. Под исковыми делами я разумею такие, в которых как истец, так и ответчик являются подданными, а под уголовными (называемыми также делами королевской скамьи) — такие, в которых истцом является суверен. Так как было два сословия людей, из которых одни были лордами, другие — простолюдинами, то лорды имели привилегию быть судимыми во всех уголовных делах только лордами и столькими, сколько захотят присутствовать. И так как это считалось милостивой привилегией, то лорды имели лишь таких судей, каких они сами желали. И во всех тяжбах каждый подданный (так же, как и лорды в гражданских тяжбах) имел судьями людей из того графства, где находится объект тяжбы, причем тяжущиеся стороны могли дать отвод назначенным им судьям, пока, наконец, столковавшись на двенадцати человеках, они были судимы этими двенадцатью судьями. Таким образом, имея желательных ей судей, тяжущаяся сторона не могла пред-

ставлять никакого довода против окончательности приговора. Эти государственные лица, имеющие полномочия от верховной власти учить или судить людей, являются такими членами государства, которых можно соответственно сравнить с органами человеческого голоса в естественном теле.

Для приведения в исполнение. Государственными служителями являются также те, кто имеет полномочия от суверена заботиться о приведении в исполнение судебных решений, обнародовать повеление суверена, подавлять беспорядки, арестовывать и заключать в тюрьму преступников, а также совершать другие акты, имеющие целью сохранение мира. Ибо всякий акт, который они совершают на основании таких полномочий, является актом государства, и их функции соответствуют функциям рук в естественном теле.

Государственными служителями за границей являются те, кто представляет лицо своего суверена в иностранных государствах. Таковы послы, курьеры, агенты и герольды, посланные в качестве доверенных лиц для выполнения государственных дел.

Однако посланцы, имеющие полномочия от какой-нибудь частной партии переживающего смуту государства, хотя бы они были приняты, не являются ни государственными, ни частными служителями государства, ибо никакое их действие не совершается по полномочию государства. Частным лицом является также посол, отправленный государем, с тем чтобы принести поздравления, выразить соболезнование или присутствовать при каком-нибудь торжестве, ибо, хотя он имеет государственные полномочия, само поручение является частным и принадлежит ему в его естественном качестве. Точно так же если человек послан в другое государство с тайной миссией выведать планы и силы этого государства, то хотя он имеет полномочия от государства и государственное поручение, однако, так как никто не замечает в нем иного лица, кроме его собственного, он является лишь частным служителем, но все же служителем государства, и его можно сравнить с глазом в естественном теле. И те, кто назначен принимать прошения и другие сообщения от людей, являясь как бы ушами государства, есть государственные служители и представляют в этой должности суверена.

Советники, не исполняющие иных функций, кроме подачи совета, не являются государственными служителями. Советник не является государственным лицом, точно

так же не является таковым государственный совет, если мы принимаем, что на него не возложены ни судебные, ни командные функции, а лишь обязанность давать советы суверену, когда это требуется, или предлагать их, когда этого не требуется. Ибо со своими советами советник обращается лишь к суверену, чья персона не может быть при условии его собственного присутствия представлена ему кем-то другим. Но советники никогда не имеют других функций, судебных или по непосредственному управлению. Так, при монархии они представляют монарха, передавая его приказы государственным служителям. При демократии совет или сенат предлагает народу в качестве совета результаты своих обсуждений. Однако когда они назначают судей, или слушают судебные дела, или дают аудиенции послам, то они это делают в качестве служителей народа. А при аристократии государственный совет является самим верховным собранием и дает советы лишь самому себе.

ГЛАВА XXIV

О ПИТАНИИ ГОСУДАРСТВА И О ПРОИЗВЕДЕНИИ ИМ ПОТОМСТВА

Питание государства состоит в продуктах земли и моря. Питание государства состоит в *изобилии* и *распределении предметов,* необходимых для жизни, в их *варении* или *приготовлении* и (когда они готовы) в *отправке* их по соответствующим каналам для общественного потребления.

Что касается изобилия, то оно от природы ограничено теми продуктами (commodities) земли и моря — двух грудей нашей общей матери, которые Бог или безвозмездно дает роду человеческому, или же продает ему за его труд [15]. Ибо предметы этого питания, заключающиеся в животных, растениях и минералах, Бог свободно положил перед нами на поверхность или вблизи поверхности земли, так что требуются лишь труд и прилежание, чтобы получить их. В этом смысле изобилие зависит (после Господней милости) лишь от труда и прилежания человека.

Эти предметы, называемые обычно товарами (commodities), бывают частью *местными* и частью *заграничными. Местные* — это те, которые имеются на территории государства; *заграничные* — те, которые ввозятся извне. И так

как нет территории под господством одного государства (разве только она очень обширна), которая производила бы все необходимое для поддержания и движения всего тела, и очень мало таких, которые не производили бы каких-нибудь товаров больше, чем необходимо, то излишние товары, имеющиеся в государстве, перестают быть излишними, а замещают собой недостающие благодаря ввозу тех товаров, которые можно получить за границей или в обмен на другие товары, или путем справедливой войны, или в обмен на труд. Труд человека тоже является товаром, который можно с пользой обменять точно так же, как и всякую другую вещь. И были государства, которые, владея территорией не большей, чем необходимо было для их поселений, не только сохранили, но увеличили свою власть отчасти благодаря торговле, а отчасти благодаря продаже промышленных товаров, сырье для которых ввозилось из других мест.

И право их распределять. Распределение предметов этого питания есть установление *моего, твоего* и *его,* т. е., говоря одним словом, собственности, и оно принадлежит при всех формах правления верховной власти. Ибо где нет государства, там, как уже было сказано, непрерывная война каждого человека против своего соседа, а поэтому каждому принадлежит лишь то, что он захватил и держит силой, что не есть ни *собственность,* ни *общность имущества,* а *неопределенность.* Это настолько очевидно, что даже Цицерон (страстный защитник свободы) приписывает в одной из своих речей установление всякой собственности гражданскому закону. «Откажитесь раз от гражданского закона,— говорил он,— или будьте лишь нерадивы в его соблюдении, и ни у кого нет уверенности в том, что он сможет получить что-либо в наследство от своих предков или оставить своим детям». И в другом месте: «Упраздните гражданский закон, и никто не будет знать, что есть его собственное и что — чужое». Так как мы видим, таким образом, что введение собственности есть действие государства, которое все, что оно делает, может делать лишь через то лицо, которое его представляет, то введение собственности является актом одного лишь суверена. И это давно было известно тем, которые называли νόμος (т. е. *распределением*) то, что мы называем законом, и определяли справедливость как *воздание* каждому *его собственного.*

Все частные владения землей проистекают только от решения о распределении, принятого сувереном. Первый закон этого распределения касается раздела самой земли.

Этим законом суверен выделяет каждому определенный удел в соответствии с тем, как он, а не какой-либо подданный или какое-либо число их сочтет сообразным со справедливостью и общим благом. Сыны израилевы были государством в пустыне, но им не хватило продуктов земли, пока они не овладели обетованной землей. Эта земля была впоследствии разделена между ними не по их собственному усмотрению, а по усмотрению первосвященника Елеазара и их предводителя Иисуса Навина, который, несмотря на то что евреев было двенадцать колен, из которых образовалось тринадцать благодаря разделению колена Иосифа на два подколена, тем не менее дал лишь двенадцать уделов, лишив колено левитов всякой земли и назначив им десятую долю всех плодов, что являлось произвольным распределением. И хотя народ, путем войны овладевший чужой территорией, не всегда истребляет ее древних обитателей (как это делали евреи), а оставляет многим, или большинству из них, или всем им их владения, однако ясно, что после завоевания старое население завоеванной территории владеет своими землями как бы в силу распределения, сделанного победителем. Так, обитатели Англии держали свои земли от Вильгельма Завоевателя [16]

Собственность подданного исключает право пользования ею другим подданным, но не сувереном. Отсюда мы можем заключить, что право собственности подданного на свои земли состоит в праве отказать всем другим подданным в пользовании ими, но не в праве отказать своему суверену, будь он собранием или монархом. Так как мы принимаем, что все, что делает суверен, т. е. государство (лицо которого он представляет), он делает в интересах общего мира и безопасности, то мы должны принять, что распределение им земли произведено в тех же целях. Следовательно, всякое распределение, произведенное сувереном в ущерб интересам мира и безопасности, противоречит воле каждого подданного, вверившего его усмотрению и совести охрану своего мира и безопасности, и поэтому в согласии с волей каждого подданного должно считаться недействительным. Монарх или бóльшая часть верховного собрания могут, следовательно, многое предписать для удовлетворения своих страстей и против собственной совести, что является вероломством и нарушением естественного закона, но этого недостаточно, чтобы позволить подданному объявить войну суверену, или обвинить его в несправедливости, или так или иначе злословить по его адресу, ибо подданные уполномочили своего суверена на

все действия и тем, что облекли его верховной властью, признали эти действия своими. Но то, в каких случаях повеления суверенов противоречат справедливости и естественному закону, подлежит рассмотрению позже, в другом месте.

Государство не должно умереть. Можно было бы думать, что при распределении земли само государство может удержать для себя известную часть, владеть ею и обрабатывать ее через своих представителей и что эта часть может быть достаточно большой, чтобы благодаря ей покрывать все расходы, которых необходимо требует обеспечение общего мира и защиты. Это было бы верно, если бы можно было вообразить себе какого-нибудь представителя свободным от человеческих страстей и недостатков. Однако при человеческой природе, какова она есть, выделение государственных земель или установление каких-нибудь определенных источников дохода для государства является бесполезным делом, ибо ведет к распаду государственной власти и возвращению к естественному состоянию и войне, как только верховная власть попадает в руки монарха или собрания, слишком небрежных в расходовании денег или слишком склонных тратить государственные средства, чтобы втянуть страну в длительную или дорогостоящую войну. Государства не могут существовать на пайке. Так как мы видим, что расходы государств зависят не от их собственных потребностей, а от внешних обстоятельств и потребностей их соседей, то отсюда ясно, что размеры государственного богатства могут быть ограничены лишь теми рамками, которые требуются неожиданно возникающими обстоятельствами. Поскольку Завоевателем были заняты в Англии различные земли для собственного пользования — помимо лесов и мест охоты (как для его развлечения, так и ради сохранения лесов), а также различных наделов земли, которые он роздал своим подданным,— они, по-видимому, были резервированы не для государственных целей, а для удовлетворения его личных потребностей. Ибо сам он и его преемники при всем том облагали произвольными податями все земли своих подданных, когда считали это необходимым. Или если эти государственные земли и наделы были установлены как источник дохода, достаточный для покрытия всех расходов государства, то это установление не достигло своей цели, ибо (как показывают последовавшие поборы) оказалось недостаточным, и указанные земли и сервитуты (как показывают недавние незначительные доходы короны) подвергались отчужде-

нию и уменьшению. Бесполезно поэтому выделять для государства земли, которые оно может продать или подарить и действительно продает и дарит, когда это делает его представитель.

Места и объекты внешней торговли зависят от определения суверена. Не только раздача земель в стране, но и определение того, в каких местах и какими товарами подданные могут торговать за границей, является делом суверена. Ибо если бы частным лицам было предоставлено действовать в этом отношении по своему усмотрению, то некоторые из них, соблазненные перспективой барышей, могли бы нанести вред или государству, снабжая врага необходимыми ему продуктами, или самим себе, ввозя такие вещи, которые удовлетворяют потребности людей, но тем не менее вредны или по крайней мере невыгодны им. И поэтому только государство (т. е. только суверен) должно определить места и предметы иностранной торговли, разрешая одни и запрещая другие.

Законы о передаче собственности также принадлежат суверену. Так как мы дальше видим, что для поддержания государства недостаточно, чтобы каждый человек имел собственный участок земли или некоторое количество товаров или обладал природной способностью к какому-нибудь полезному ремеслу, и что нет в мире ремесла, которое не было бы необходимо для жизни или для благополучия любого человека, то необходимо, чтобы люди распределили то, что могут сберечь, и взаимно переносили бы собственность друг на друга путем обмена и взаимных договоров. Поэтому дело государства (т. е. суверена) — определить, в какой форме должны быть заключены и при каких словах и знаках должны считаться действительными всякого рода договоры между подданными (как покупка, продажа, обмен, ссуда, заем, сдача и взятие в аренду). Учитывая задачи всего трактата, о предметах питания и их распределении среди различных членов государства сказано достаточно.

Деньги — кровь государства. Под перевариванием я разумею превращение всех продуктов, которые не потребляются в данный момент, а сохраняются для потребления в будущем, в нечто равное им по ценности и вместе с тем настолько просто переносимое, чтобы не препятствовать передвижению людей с места на место, дабы человек, где бы он ни был, мог иметь именно то питание, которого требует данное место. Такими вещами являются золото, серебро и деньги. Ибо золото и серебро, которые высоко ценятся

почти во всех странах света, являются удобным мерилом ценности всех вещей в сношениях между народами, а деньги (из какого бы материала суверен государства ни чеканил их) являются достаточным мерилом ценности всех вещей в сношениях между подданными данного государства. При помощи этих мерил все товары, движимые и недвижимые, делаются способными сопровождать человека к человеку внутри государства и (в своем происхождении) питают каждую часть государства, так что это переваривание является как бы кроветворением государства. Ибо естественная кровь образуется точно таким же образом из продуктов земли и, циркулируя, попутно питает каждый член человеческого тела.

А так как серебро и золото имеют свою ценность от их материала, то они имеют, во-первых, ту привилегию, что их ценность не может быть изменена властью одного или нескольких государств, ибо они являются общим мерилом товаров всех стран. Деньги же, сделанные из неблагородных металлов, легко могут быть повышены или понижены в своей стоимости. Во-вторых, серебро и золото делают государства способными передвигать свои армии и, если нужно, вести войну на чужой территории и могут снабжать съестными припасами не только путешественников, но и целые армии. Монета же, имеющая значение не благодаря ее материалу, а в силу ее местной чеканки, не может переходить из страны в страну, а имеет хождение лишь внутри страны, причем и здесь она подвержена изменениям в связи с изменениями законов, так что ее стоимость может быть снижена, часто к ущербу тех, кто ею обладает.

Каналы и пути, по которым деньги используются государством. Каналы и пути, по которым деньги передаются для использования их государством, бывают двух видов. По одним деньги передаются в государственное казначейство, по другим они направляются из казначейства для производства государственных платежей. Каналами и путями первого вида являются сборщики податей и казначеи; второго — опять-таки казначеи и чиновники, назначенные для оплаты разных государственных и частных служителей. И в этом отношении искусственный человек сохраняет свое сходство с естественным, чьи вены, получая кровь от различных частей тела, направляют ее к сердцу, которое, переработав ее, направляет ее обратно, сообщая этим жизнь и способность к движению всем членам человеческого тела.

Дети государства — колонии. Потомство, или дети госу-

дарства,— это то, что мы называем *колониями*, т. е. группы людей, высланные государством под предводительством начальника или губернатора, чтобы заселить чужую страну, не имевшую раньше населения или лишившуюся своего населения в результате войны. А когда колония устроилась, то поселенцы или освобождаются от подданства суверену, который их выслал, и образуют самостоятельное государство (что практиковалось многими государствами в древности) — в этом случае государство, из которого они вышли, называется метрополией, или матерью, и требует от них не больше того, чего отцы требуют от детей, которых они освобождают от своего контроля и власти, т. е. уважения и дружбы,— или же они остаются объединенными со своими метрополиями (каковы были колонии Рима), и тогда они являются не самостоятельными государствами, а лишь провинциями и частями выславшего их государства. Так что права колоний (за исключением обязанности уважения к метрополии и союза с ней) определяются всецело той грамотой, которой суверен уполномочил первых переселенцев.

ГЛАВА XXV

О СОВЕТЕ

Что такое совет. К каким ложным суждениям о природе вещей приводит обычное неустойчивое словоупотребление, видно больше всего из частого смешения советов с приказаниями вследствие общей их императивной формы выражения и во многих других случаях. Ибо слова *делай это* являются словами не только того, кто приказывает, но и того, кто дает совет, или того, кто увещевает. Правда, когда ясно, кто именно говорит и кому именно адресована речь и по какому поводу, лишь немногие не заметят, что совет и приказание весьма разные вещи, или не сумеют их различить. Однако, встречая эти фразы в человеческих писаниях, люди из-за неспособности или нежелания входить в рассмотрение обстоятельств дела часто ошибочно принимают указания советчиков за предписания тех, кто приказывает, а часто, наоборот, в зависимости от того, согласуется ли то или другое с выводами, которые они хотят сделать, или с деяниями, которые они одобряют. Во избежание таких недоразумений и для установления точного значения слов *приказание*, *совет* и *увещевание* я их определяю следующим образом.

Различие между приказанием и советом. *Приказание* имеется там, где человек говорит *делай это* или *не делай этого,* обосновывая это лишь тем, что такова его воля. Отсюда ясно, что тот, кто приказывает, преследует этим свою выгоду. Ибо основанием его приказания является лишь его воля, а истинным объектом человеческой воли является некоторое благо для себя.

Совет имеется там, где человек говорит *делай* или *не делай этого,* обосновывая свои слова выгодой, проистекающей от их исполнения для того, кому он это говорит. Отсюда очевидно, что тот, кто дает совет, утверждает (каково бы ни было его намерение), что он дает его из желания добра тому, кому он его дает.

Поэтому приказание отличается от совета тем, что приказание имеет целью собственное благо, а совет — благо другого человека. А отсюда вытекает и другое различие, а именно что человек может быть обязан делать то, что ему приказывают, как, например, в том случае, когда он заключил договор о повиновении, но он не обязан делать то, что ему советуют, ибо неисполнение совета может повредить лишь ему одному. Если бы он обязался договором следовать совету, тогда совет принял бы характер приказания. Третье же различие между ними заключается в том, что никто не может домогаться права быть советчиком другого, ибо не может добиваться выгоды для себя таким образом. Притязание же на право давать совет другому обнаруживает желание знать его намерения или приобрести какое-нибудь другое благо для себя, что является (как я говорил раньше) истинным объектом воли всякого человека.

Природе совета свойственно также и то, что, каков бы он ни был, тот, кто его просит, не может обвинять или наказывать за него советчика. Ибо просить совета у кого-нибудь — значит разрешить ему дать такой совет, какой он сочтет наилучшим. И следовательно, тот, кто дает совет своему суверену (будь то монарх или собрание) по его просьбе, не может быть по справедливости наказан за него независимо от того, согласуется или не согласуется этот совет с мнением большинства собрания по обсуждаемому вопросу. Ибо если мнение собрания может быть установлено до окончания дебатов, то собрание не стало бы просить и выслушивать дальнейших советов, так как мнение собрания, установленное в результате дебатов, есть конец обсуждения. И вообще тот, кто требует совета, является его виновником и не может наказать за него, а того, чего не

может суверен, не может и никто другой. Однако если один подданный дает совет другому делать что-нибудь противозаконное, то он подлежит наказанию государством независимо от того, проистекает ли его совет из дурного намерения или лишь из незнания законов, ибо это незнание не является оправданием там, где каждый человек обязан знать законы, которым он подчиняется.

Что такое увещевание и отговаривание. *Увещевание* и *отговаривание* есть совет, сопровождаемый знаками, обнаруживающими у советчика пылкое желание, чтобы его совету последовали, или, короче говоря, *настойчиво навязываемый совет*. В самом деле, тот, кто увещевает, не сообразуется с последствиями своего совета и не обязывает себя строгими правилами истинного рассуждения, а поощряет того, кому он советует, к действию, как тот, кто отговаривает, удерживает его от действия. Поэтому этого рода советчики приспособляют свои речи и аргументы к обычным страстям и мнениям людей и пользуются сравнениями, метафорами, примерами и прочими ораторскими приемами, чтобы убедить своих слушателей в полезности, почетности и справедливости исполнения их совета.

Отсюда можно заключить, во-первых, что увещевание и отговаривание направлены к благу того, кто дает совет, а не того, кто его просит, что противоречит обязанности советчика, который (согласно определению понятия совета) должен иметь в виду не свою выгоду, а выгоду того, кому он советует; а что он своим советом преследует свою собственную выгоду, достаточно явствует из его долгого и настойчивого приставания или той искусной формы, в которую облекается его речь. Так как об этом его не просят и, следовательно, он это делает из личных соображений, то это направлено главным образом к его собственной выгоде и лишь случайно к выгоде того, кому он дает совет, или же совсем не к его выгоде.

Во-вторых, что увещевание и отговаривание уместны лишь там, где человек обращается с речью к толпе, ибо, когда его речь обращена к одному слушателю, последний может прерывать его и подвергать его доводы более строгому разбору, чем это может делать толпа. Вследствие многочисленности толпы из нее никто не может вступать в спор или диалог с оратором, говорящим одновременно со всеми без разбору.

В-третьих, что те, кто увещевает и отговаривает, когда их просят дать совет, являются продажными советчиками и как будто подкупленными собственным интересом. Ибо

пусть совет будет как угодно хорош, однако тот, кто дает его, является хорошим советчиком не больше, чем справедливым судьей тот, кто дает справедливое решение за плату. Но там, где человек имеет право приказывать, как, например, отец в своей семье или полководец в армии, увещевание и отговаривание не только законны, но необходимы и похвальны. Впрочем, тогда они по существу не советы, а приказания, хотя по форме являются увещеваниями, ибо там, где приказания должны побудить к выполнению тяжелой работы, иногда необходимость и всегда человечность требуют, чтобы они были подслащены подбадриванием и выражены скорее в тоне и форме советов, чем суровым языком команды.

Примеры различия между приказанием и советом мы можем взять из форм речи, которыми они выражаются в Священном писании. *Да не будет у тебя других богов, кроме меня; не сотвори себе кумира; не произноси имени Бога всуе; соблюдай день субботний; почитай отца твоего и матерь твою; не убий; не укради* и т. д. суть приказания, ибо основа нашей обязанности повиноваться им есть воля Бога, нашего царя, которому мы обязаны повиновением. Но слова: *продай все, что имеешь, раздай имущество бедным и следуй за мной* — суть советы, ибо основанием того, почему мы должны так поступать, является наше собственное благо, а именно то, что мы этим приобретаем *богатство на небе.* Слова *пойдите в селение, которое прямо перед вами, и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла при ней; отвязав, приведите ко мне* суть приказание, ибо основанием их является воля Господа, но слова *покайтесь и креститесь во имя Иисуса* суть совет, ибо основанием, почему мы должны так поступать, является не благо Бога всемогущего, который оставался бы царем, как бы мы против него ни бунтовали, а наше собственное благо, так как у нас нет другого средства избежать наказания, которому мы подлежим за наши грехи.

Различие между годными и негодными советчиками. Подобно тому как мы вывели сейчас отличие совета от приказания из природы совета, определяющейся тем благом или вредом, которые могут проистекать для того, кому дается совет, из неизбежных или вероятных последствий предлагаемого ему деяния, точно так же может быть выведена из этой природы разница между *годными* и *негодными* советчиками. Так как опыт есть лишь запоминание последствий прежде наблюдаемых аналогичных действий, а совет — лишь та речь, посредством которой этот опыт со-

общается другим, то достоинство и недостатки совета суть то же, что достоинство и недостатки интеллекта. А по отношению к личности государства его советники выполняют функции памяти и размышления. Однако наряду с этим сходством государства с естественным человеком имеется также очень важное различие между ними, состоящее в том, что естественный человек получает свой опыт от естественных объектов чувств, которые действуют на него без всяких побуждений страсти или собственного интереса, между тем как те, которые дают совет представителю государства, могут иметь и часто имеют свои личные цели и страсти, делающие их советы всегда подозрительными и часто предательскими. Вот почему мы можем установить в качестве первого признака хорошего советчика, *чтобы его цели и интересы не были несовместимы с целями и интересами того, кому он дает совет.*

Во-вторых, так как обязанностью советчика при обсуждении какого-нибудь действия является так указать на последствия этого действия, чтобы тот, кому дается совет, был правдиво и ясно уведомлен, то советчик должен облечь свой совет в такую форму, которая могла бы выявить истину с наибольшей очевидностью, т. е. он должен подкрепить свой совет такими сильными доводами и изложить его таким выразительным и точным языком, и притом так кратко, как это требуется в интересах ясности. Поэтому *не соответствуют обязанности советчика необдуманные и неясные выводы* (такие, которые основаны лишь на примерах и авторитете книг и являются не доказательствами в отношении добра и зла, а лишь констатацией фактов или мнений), *темные, путаные и двусмысленные выражения, а также все метафорические обороты, имеющие целью разжигать страсти* (ибо такие аргументы и выражения способны лишь обманывать или вести того, кому мы советуем, к иным целям, чем его собственные).

В-третьих, так как способность давать советы зиждется на опыте и на долгом изучении и нельзя предположить, чтобы кто-нибудь имел опыт во всех тех делах, знание которых необходимо для управления большим государством, то *человек может считаться хорошим советчиком лишь в таких делах, в которых он не только весьма сведущ, но о которых много думал и которые много раз взвешивал.* Так как мы видим, что задачей государства является обеспечить народу внутренний мир и защиту против внешнего нападения, то эта задача требует глубокого знания склонностей человеческого рода, прав правительства и природы

справедливости, законов, правосудия и чести, каковое знание не может быть приобретено без изучения. Но эта задача требует также знания силы, средств и местных условий как своей страны, так и соседних, а также склонностей и намерений всех народов, с которыми можно каким-либо путем прийти во враждебное столкновение, каковое знание опять-таки может быть приобретено лишь благодаря богатому опыту. И не только вся совокупность этих познаний, но каждое из них в отдельности предполагает известный возраст и наблюдения пожилого человека и необычное прилежание. Особенность ума, необходимая, чтобы давать советы,— это, как я уже указывал раньше (в главе VIII), способность суждения. А различие людей в этом отношении проистекает из различия воспитания, ибо одни люди приспособлены воспитанием к изучению одной отрасли знания или одного дела, другие — другой. Когда для выполнения какого-нибудь дела существуют безошибочные правила (как для создания машин и зданий — правила геометрии), тогда весь опыт мира не может сравняться по ценности с советом того, кто изучил или открыл эти правила. Но там, где таких правил нет, лучше всего может судить о каком-нибудь специальном круге вопросов и соответственно является лучшим советчиком тот, кто имеет наибольший опыт в этой области.

В-четвертых, чтобы быть способным давать совет государству в делах, касающихся другого государства, *необходимо быть знакомым со всеми сведениями и документами*, поступающими из этого другого государства, *а также со всеми трактатами и другими политическими договорами*, заключенными между своим и другим государствами, о наличии каковых знаний у человека может судить лишь представитель государства. Отсюда можно видеть, что те, кто не призван в совет, не могут дать хорошего совета в таких случаях.

В-пятых, при одинаковом числе советчиков человек получит лучший совет, выслушивая каждого порознь, а не всех вместе. Во-первых, слушая их порознь, вы имеете совет каждого из них, между тем как в собрании многие из них дают свой совет путем *да* или *нет* или руками и ногами, движимые не собственным мнением, а красноречием других, или боязнью обидеть своим несогласием некоторых ораторов или все собрание, или боязнью показаться менее понимающими дело, чем те, кто аплодировал противоположному мнению. Во-вторых, в многочисленном собрании не могут не оказаться такие люди, интересы которых про-

тивоположны интересам государства, и так как эти интересы воодушевляют их, а воодушевление делает их красноречивыми, то своим красноречием они внушают другим свой совет. Ибо страсти разрозненных людей умеренны, как жар одной головни; в собрании же они являются как бы многими головнями, воспламеняющими друг друга (особенно когда они разжигают друг друга речами), дабы поджечь государство под предлогом оказания ему помощи советом. В-третьих, слушая каждого человека отдельно, мы можем прерывать его и возражать ему и таким путем подвергать испытанию, когда это необходимо, правильность его доводов и основания его совета, чего нельзя делать в собрании, где человек при всяком трудном вопросе бывает больше поражен и ослеплен разнообразием речей по интересующему его вопросу, чем информирован о том пути, по которому ему следует идти. Кроме того, в многочисленном собрании, созванном для совета, непременно найдутся некоторые, кто из честолюбия хочет считаться красноречивым и сведущим в политике и дает свой совет, сообразуясь не с интересами дела, предложенного обсуждению, а с желанием пожинать аплодисменты своими цветистыми речами, испещренными цитатами из разных авторов; с их стороны это, по меньшей мере, дерзость, ибо они отнимают время от серьезного обсуждения, чего легко можно избежать при совещании в узком кругу. В-четвертых, при обсуждении дел, которые надлежит сохранить в тайне (таковы многие государственные дела), советы многих, а особенно в собраниях, опасны. Поэтому многочисленные собрания вынуждены передавать такие дела более узким собраниям, состоящим из лиц, которые наиболее сведущи в этих вопросах и преданность которых не вызывает сомнений.

В заключение мы спросим: разве найдется где-нибудь такой горячий сторонник советов большого собрания, что он стал бы просить у него совета или пользоваться таким советом тогда, когда речь идет о женитьбе детей, о том, как распорядиться своими землями, о своем домоводстве, об управлении своим личным имением, особенно в том случае, когда между членами такого собрания имеются его недоброжелатели? Человек, который устраивает свои дела при содействии многих и разумных советников, советуясь с каждым из них в отдельности по тем вопросам, по которым соответствующий советник является наиболее компетентным, поступает наиболее разумно и похож на того, кто, играя в теннис, пользуется содействием способных помощников, расставленных в надлежащих местах. Наи-

лучшим образом поступает также тот, кто пользуется исключительно своим собственным умом, как в теннисе тот, кто совершенно не прибегает к содействию помощников. Но тот, кто ищет совета в своих делах у собрания, решение которого зависит от согласия большинства, каковое решение обычно тормозится из зависти или своекорыстия несогласной частью, поступает наихудшим образом. Такой человек похож на игрока, которого везут к мячу хотя и хорошие игроки, но на тачке или на чем-нибудь другом, тяжелом самом по себе и замедляемом еще разногласием во мнениях и несогласованными усилиями тех, кто его тащит, причем замедляемом тем больше, чем больше число лиц, прилагающих к этому руку, а больше всего тогда, когда среди них имеются один или несколько, которые желают, чтобы играющий проиграл. И хотя верно, что много глаз видят больше, чем один, однако это можно применить ко многим советчикам лишь в том случае, когда окончательное решение находится в руках одного человека. При отсутствии этого условия бывает совсем наоборот. Ибо много глаз видят одну и ту же вещь по-разному и склонны смотреть в сторону своей собственной выгоды. Вот почему стрелки, не желая промахнуться, присматриваются, правда, обоими глазами, но прицеливаются лишь одним. И вот почему большие демократические государства всегда держались не открытыми совещаниями собраний, а или благодаря объединявшему их общему врагу, или популярностью какого-нибудь их выдающегося человека, или каким-нибудь тайным немногочисленным советом, или взаимной боязнью заговоров. Что же касается маленьких государств, как демократических, так и монархических, то никакая человеческая мудрость не может их сохранить дольше, чем продолжается взаимная зависть их могущественных соседей.

ГЛАВА XXVI

О ГРАЖДАНСКИХ ЗАКОНАХ

Что такое гражданский закон. Под *гражданскими законами* я понимаю законы, которые люди обязаны соблюдать не как члены того или другого конкретного государства, а как члены государства вообще. Ибо частные законы надлежит знать тем, кто занимается изучением законов различных стран, но гражданский закон вообще надлежит знать любому. Древнее право Рима называлось *граждан-*

ским правом от слова civitas, означающего государство[17]. И те страны, которые находились под властью Римской империи и управлялись римским правом, удерживают еще у себя ту часть из этого права, которую считают для себя подходящей, и называют эту часть в отличие от своих собственных гражданских законов гражданским правом. Но не об этом я собираюсь здесь говорить, ибо в мою задачу входит показать не что́ такое право здесь или там, а лишь что́ такое право вообще, подобно тому как это делали Платон, Аристотель, Цицерон и разные другие мыслители, которые не занимались специально изучением права.

Прежде всего очевидно, что закон вообще есть не совет, а приказание, но не приказание любого человека любому другому, а лишь приказание лица, адресованное тому, кто раньше обязался повиноваться этому лицу. А в термине «гражданский закон» прибавляется лишь имя приказывающего, каковое есть persona civitatis — государственное лицо.

В соответствии с этим я определяю гражданское право следующим образом. *Гражданским правом являются для каждого подданного те правила, которые государство устно, письменно или при помощи других достаточно ясных знаков своей воли предписало ему, дабы он пользовался ими для различения между правильным и неправильным, т. е. между тем, что согласуется, и тем, что не согласуется с правилом.*

В этом определении нет ничего, что не было бы очевидно с первого взгляда. Ибо всякий человек видит, что некоторые законы адресованы всем подданным вообще, некоторые — определенным провинциям, другие — определенным профессиям, а еще другие — определенным людям, и поэтому они являются законами для той группы людей, которой адресовано приказание, и ни для кого другого. Точно так же очевидно, что законы суть правила, определяющие, что справедливо и что несправедливо, ибо несправедливым считается лишь то, что противоречит какому-либо закону. Очевидно также, что никто, кроме государства, не может издавать законы, ибо мы находимся в подданстве только у государства, и что приказания государства должны быть выражены достаточно ясными знаками, ибо иначе человек не может знать, чему он должен повиноваться. И поэтому все, что может быть выведено как необходимое следствие из этого определения, должно быть признано правильным. И вот я вывожу из него следующие заключения.

Суверен является законодателем. 1. Законодателем во всех государствах является лишь суверен, будь то один человек, как в монархии, или собрание людей, как в демократии или аристократии. Ибо законодатель есть тот, кто издает закон. А одно лишь государство предписывает соблюдение тех правил, которые мы называем законом. Поэтому законодателем является государство. Но государство является личностью и способно что-либо делать только через своего представителя (т. е. суверена), и поэтому единственным законодателем является суверен. На том же основании никто, кроме суверена, не может отменять изданного закона, ибо закон может быть отменен лишь другим законом, запрещающим приведение первого в исполнение.

И он сам не подчинен гражданским законам. 2. Суверен государства, будь то один человек или собрание, не подчинен гражданским законам. В самом деле, обладая властью издавать и отменять законы, суверен может, если ему угодно, освободить себя от подчинения отменой стесняющих его законов и изданием новых, следовательно, он уже заранее свободен. Ибо свободен тот, кто может по желанию стать свободным. Да и не может человек быть обязанным по отношению к самому себе, так как тот, кто может обязать, может и освободить от своей обязанности, и поэтому иметь обязательства только по отношению к самому себе — значит не иметь их.

Практика получает силу закона не от продолжительности времени, а от согласия суверена. 3. Когда долгая практика получает силу закона, то эта сила обусловлена не продолжительностью времени, а волей суверена, сказывающейся в его молчании (ибо молчание есть иногда знак согласия), и эта практика является законом лишь до тех пор, пока суверен молчит. Поэтому если суверен пожелает, чтобы какой-нибудь правовой вопрос решался не на основании его воли в данный момент, а на основании ранее изданных законов, то продолжительность практикующегося обычая не есть основание для умаления его права и вопрос должен решаться на основании справедливости, ибо с незапамятных времен бесконтрольно учиняются неправильные иски и выносятся неправильные решения. Наши юристы считают законами лишь разумные обычаи и полагают, что дурные обычаи должны быть упразднены. Но судить о том, что разумно и что подлежит упразднению, есть дело составителя законов, т. е. верховного собрания или монарха.

Естественный и гражданский законы совпадают по содержанию. 4. Естественный и гражданский законы совпадают по содержанию и имеют одинаковый объем. Ибо естественные законы, заключающиеся в беспристрастии, справедливости, признательности и других вытекающих отсюда моральных качествах, в естественном состоянии (как я уже указал на это раньше в конце главы XV) являются не законами в собственном смысле слова, а лишь качествами, располагающими людей к миру и повиновению. Лишь по установлении государства, не раньше, они становятся действительно законами, ибо тогда они — приказания государства, а потому также и гражданские законы, в силу того что верховная власть обязывает людей повиноваться им. Дело в том, что при различиях, имеющихся между отдельными людьми, только приказания государства могут установить, что́ есть беспристрастие, справедливость и добродетель, и сделать все эти правила поведения обязательными, и только государство может установить наказание за их нарушение, и поэтому такие приказания являются гражданскими законами. Поэтому во всех государствах мира естественный закон есть часть гражданского закона. В свою очередь гражданский закон также является частью предписаний природы, ибо справедливость, т. е. соблюдение договоров и воздание каждому того, что принадлежит ему, есть предписание естественного закона. Но каждый подданный государства обязался договором повиноваться гражданскому закону (договором граждан между собой, когда они собрались, чтобы выбрать общего представителя, или договором между каждым подданным и самим представителем, когда, покоренные мечом, они обещают повиновение, чтобы сохранить свою жизнь), и поэтому повиновение гражданскому закону является также частью естественного закона. Гражданский и естественный законы не различные виды, а различные части закона, из которых одна (писаная часть) называется гражданским, другая (неписаная) — естественным. Впрочем, естественное право, т. е. естественная свобода человека, может быть урезано и ограничено гражданским законом; более того, такое ограничение является естественной целью издания законов, так как иначе не может быть никакого мира. И закон был принесен в мир только для того, чтобы ограничить естественную свободу отдельных людей, дабы они могли не вредить, а помогать друг другу и объединяться против общего врага.

Законы провинции создаются не обычаем, а властью

суверена. 5. Если суверен одного государства покорил народ, живший раньше под властью писаных законов, продолжает управлять по тем же законам и после покорения, то эти законы являются гражданскими законами победителя, а не покоренного государства. Ибо законодателем является не тот, чьей властью закон впервые издан, а тот, чьей волей он продолжает оставаться законом. Поэтому там, где в пределах одного государства имеются разные провинции и эти провинции имеют разные законы, обычно называемые обычаями этих провинций, мы должны понимать это не так, будто эти обычаи имеют свою силу благодаря своей древности, а лишь так, что они в древности были писаными законами или в другой форме объявленными постановлениями и уложениями суверенов этих провинций и что они и сейчас являются законами не потому, что освящены временем, а в силу постановлений нынешних суверенов. Но если какой-нибудь неписаный закон одинаково практикуется во всех провинциях какого-либо государства и эта практика не приводит ни к каким несправедливостям, то такой закон является не чем иным, как естественным законом, одинаково обязывающим весь человеческий род.

Некоторые нелепые мнения законоведов относительно издания законов. 6. Так как мы видим, что все законы, писаные и неписаные, имеют свой авторитет и силу в зависимости от воли государства, т. е. от воли его представителя, каковым является в монархии монарх, а в других государствах — верховное собрание, то приходится удивляться возникновению таких мнений, какие мы находим в разных государствах в трудах выдающихся законоведов, непосредственно или логически делающих законодательную власть зависимой от частных людей или от подчиненных судей. Таково, например, положение, что *право контроля над обычным правом принадлежит только парламенту,*— положение верное лишь там, где парламент обладает верховной властью и может быть созван и распущен исключительно по своему решению. Ибо, если кто-либо имеет право распускать его, тогда он же имеет право контролировать его и, следовательно, контролировать его контроль. И если такого права нет ни у кого другого, то все право контроля над законами принадлежит не парламенту, а контролю в парламенте. А если парламент там, где он является сувереном, созвал бы из представителей подвластных ему провинций для обсуждения какого угодно вопроса самое многочисленное собрание и если бы это собрание состояло из самых умных людей, то все же никто

не поверит, что такое собрание фактом своего созыва получило законодательную власть. Таково же также положение о том, что двумя мечами государства являются *сила и юстиция, из которых первая находится в руках короля, а вторая передана в руки парламента,* как будто могло бы существовать государство, где сила была в руках, которыми юстиция не имела власти управлять.

7. Наши законоведы согласны с тем, что закон никогда не может противоречить разуму и что законом является не буква (т. е. всякая конструкция закона), а лишь то, что соответствует намерению законодателя. И это верно. Вопрос только в том, чьему разуму должен соответствовать закон. Этим разумом не может быть разум любого человека, ибо тогда законы так же часто противоречили бы друг другу, как и различные схоластические учения; этим разумом не может также быть (как думает Эд. Кок) *искусственное совершенство разума, достигнутое долгим изучением, наблюдением и опытом.* Ибо бывает так, что долгое изучение умножает и утверждает ошибочные мнения, а где люди строят на неправильных основаниях, там, чем больше они построят, тем сильнее развал, мнения же и решения тех, кто изучает и наблюдает в течение одинакового времени и с одинаковым прилежанием, бывают и должны остаться противоречивыми. Поэтому закон устанавливается не juris prudentia [18], или мудростью подчиненных судей, а разумом и приказанием нашего искусственного человека — государства. И так как государство является в лице своего представителя единым лицом, то нелегко могут возникнуть противоречия в законах, а если таковые возникают, то тот же разум способен путем толкования и изменения устранить их. Во всех судах судит суверен (являющийся государственным лицом). Подчиненный судья обязан принять во внимание мотив, побудивший его суверена издать такой закон, с тем чтобы согласовать свое решение с ним, но тогда это решение суверена. Иначе — это собственное, потому и неправильное, решение судьи.

Закон есть закон лишь для тех, кто способен его понимать. 8. Из того, что закон есть приказание, а приказание состоит в изъявлении или проявлении в устной, письменной или какой-нибудь другой форме воли того, кто приказывает, мы можем заключить, что приказание государства является законом лишь для тех, кто способен понимать его. Для идиотов, детей и сумасшедших не существует закона, так же как и для зверей, и к ним неприменимы понятия справедливого и несправедливого, ибо они никогда не были

способны заключать соглашение или понимать вытекающие из него последствия и, следовательно, никогда не обязывались считать своими действия какого-либо суверена, как это должны делать те, кто устанавливает для себя государство. И подобно тому как не вменяется в вину несоблюдение законов людям, которых природа или случай лишили возможности познания законов вообще, не должно быть вменено в вину несоблюдение закона любому, которого какой-нибудь случай, происшедший не по его вине, лишил возможности познать его, ибо, собственно говоря, этот закон не является законом для него. В этом месте необходимо поэтому рассмотреть доводы и признаки, достаточные для того, чтобы при их помощи установить, каков закон, т. е. какова воля суверена, как при монархиях, так и при других формах правления.

Все неписаные законы — естественные законы. И прежде всего если это закон, который обязывает всех подданных без исключения и который остается неписаным и не опубликованным в другой форме для сведения в этих местах, то это естественный закон. Ибо все, что люди обязаны знать как закон не на основании слов других людей, а каждый по собственному разуму, должно быть чем-то таким, что согласуется с разумом всех людей, а таковым не может быть никакой иной закон, кроме естественного. Естественные законы поэтому не нуждаются ни в какой публикации и ни в каком провозглашении, ибо они содержатся в одном признанном всеми положении: *не делай другому того, что ты считал бы неразумным со стороны другого по отношению к тебе самому.*

Во-вторых, если имеется закон, обязывающий следовать ему лишь людей определенного общественного положения или одно частное лицо и остающийся не опубликованным ни в устной, ни в письменной форме, то это также естественный закон, и он познается при посредстве тех же примет и признаков, которые отличают этих людей от других подданных. Ибо всякий закон, неписаный и не опубликованный в какой-нибудь форме тем, кто его делает законом, может быть познан лишь разумом того, кто обязан ему повиноваться, и является поэтому не только гражданским, но и естественным законом. Например, если суверен назначает какого-нибудь государственного служителя, не давая ему никаких инструкций насчет того, что́ ему следует делать, то это должностное лицо обязано черпать свои инструкции из предписаний разума. Так, если суверен назначает кого-нибудь судьей, то последний должен со-

образовывать свое решение с тем, что считает разумным его суверен; а так как предполагается, что суверен всегда стремится к справедливости, то и судья должен стремиться к тому же на основании закона. А если суверен назначает посла, то в отношении всего, что не содержится в писаных инструкциях, посол должен руководствоваться тем, что разум подсказывает как наиболее способствующее интересам его суверена. И так в отношении всех других служителей верховной власти, государственных и частных. Все эти предписания естественного разума могут быть выражены одним словом *верность,* составляющим часть естественной справедливости.

За исключением естественных законов, все другие законы имеют своим существенным признаком то, что они доводятся до сведения всякого человека, который будет обязан повиноваться им, или устно, или письменно, или посредством какого-нибудь другого акта, заведомо исходящего от верховной власти. Ведь волю другого можно знать или из его слов и действий или догадаться по его намерениям и целям. А последние в лице государства всегда предполагаются согласными с разумом и справедливостью. В древние времена, когда письменность еще не была в общем употреблении, законы часто составлялись в стихотворной форме, с тем чтобы простой народ, находя удовольствие в их распевании и декламировании, мог легче запоминать их. По той же причине Соломон советует человеку навязать десять заповедей (Притч. 7, 3) на свои десять перстов. А Моисей приказывает народу Израиля учить детей своих тем законам, которые он дал им при возобновлении завета (Втор. 11, 19), обсуждая их, и когда они сидят в доме своем, и когда идут дорогой, и когда ложатся, и когда встают, и написать их на косяках и на воротах своих домов, и (Втор. 31, 12) собирать народ, мужей, жен и детей, чтобы они слушали.

Ничто не является законом, когда законодатель неизвестен. Да и недостаточно того, чтобы законы были написаны и опубликованы. Необходимо еще, чтобы при этом были явные признаки того, что они исходят из воли суверена. Ибо частные лица, имеющие или воображающие, что имеют достаточно сил, чтобы обеспечить свои несправедливые намерения и осуществить свои честолюбивые замыслы, могут опубликовать в качестве законов, что им угодно, без разрешения на то законодательной власти. Вот почему кроме объявления закона требуются еще достаточные указания на его автора и его правовую силу. Во всяком госу-

дарстве предполагается очевидным, кто автор, или законодатель, ибо им является суверен, который был установлен с согласия каждого и поэтому предполагается каждому достаточно известным. Невежество и беззаботность людей, правда, в большинстве случаев таковы, что, когда стерлось воспоминание о первом установлении их государства, они уже больше не думают о том, чья власть обеспечивает им защиту против врагов, покровительствует их промышленности и восстанавливает их в правах, когда они кем-либо нарушены. Однако поскольку стоит кому-нибудь лишь подумать, чтобы для него это перестало быть вопросом, незнание того, где находится верховная власть, ни для кого не может служить оправданием. И предписанием естественного разума, а следовательно, очевидным естественным законом является то, что никто не должен ослаблять этой власти, защиту которой против других он сам призывал или сознательно принял. Поэтому (что бы ни внушали дурные люди) человек лишь по своей собственной вине может не знать того, кто является сувереном. Трудность состоит в установлении факта, что данный закон исходит от суверена. Трудность эта устраняется знанием государственных кодексов, советов, служителей и печатей, при помощи которых законы в достаточной степени удостоверяются.

Различия между удостоверением и правомочностью. Я говорю, удостоверяются, но не получают свою правовую силу, ибо удостоверение есть лишь свидетельство и запись. Правовая же сила закона состоит только в том, что он является приказанием суверена.

Закон удостоверяется лишь специальным судьей. Поэтому если у человека возникает вопрос о правонарушении, имеющем отношение к естественному закону, т. е. к общему праву справедливости, то достаточным удостоверением в этом отдельном случае является решение судьи, уполномоченного решать такого рода случаи. Ибо хотя совет человека, занятого изучением права, полезен для избежания споров, однако это лишь совет. Судья же, выслушав дело, должен сказать людям, что́ является законом.

Государственными кодексами. Но если возникает вопрос о правонарушении, или преступлении, имеющем отношение к писаному праву, всякий человек, прежде чем совершить такое правонарушение или преступление, может, если желает, справившись в кодексах сам или через других, быть достаточно информирован о том, является ли это правонарушением или нет. Мало того, всякий человек

в подобных случаях обязан сделать это, ибо, когда он сомневается в законности или противозаконности поступка, который он намерен совершить, и может при желании узнать об этом, то совершение поступка является противозаконным. Подобным же образом если человек считает себя обиженным в случае, который писаным правом уже определен, с которым он может сам или через других ознакомиться, чтобы принять его к руководству, и если этот человек подает жалобу, не наведя справки в кодексе, то он поступает неправильно и обнаруживает скорее желание досаждать другим людям, чем добиваться правоты.

Письменными грамотами и государственной печатью. Если у кого-либо возникает сомнение насчет своей обязанности повиноваться какому-нибудь должностному лицу, то для удостоверения его полномочий достаточно, если сомневающийся видел его грамоту, снабженную государственной печатью, и она была прочитана ему, или если сомневающийся при желании мог бы другим путем быть информирован насчет возникшего у него вопроса. Ибо любой человек обязан употребить всякие усилия, чтобы ознакомиться с теми писаными законами, которые могут касаться его будущих действий.

Толкование закона зависит от верховной власти. Когда законодатель известен и законы доведены до всеобщего сведения или письменно, или внушением естественного разума, то все же требуется еще одно существенное условие, чтобы сделать эти законы обязательными. Природа закона состоит не в его букве, а в его значении, или смысле, т. е. в его достоверном толковании (долженствующем выявить мысль законодателя). Поэтому толкование всех законов зависит от верховной власти, и толковать закон могут только те, кого назначит для этого суверен (которому одному подданный обязан повиновением). Ибо иначе ловкий толкователь мог бы придать закону смысл, противоположный вложенному в закон сувереном, и, таким образом, законодателем оказался бы толкователь.

Все законы нуждаются в толковании. Все законы, писаные и неписаные, нуждаются в толковании. Ибо хотя неписаный естественный закон легко доступен пониманию тех, кто беспрестанно пользуется своим естественным разумом, и потому этот закон не допускает никакого оправдания для его нарушителей, однако так как имеется очень мало людей или, может быть, даже нет никого, кто в некоторых случаях не был бы ослеплен себялюбием или другой страстью, то естественный закон стал теперь самым тем-

ным из всех законов и потому больше всего нуждается в способных толкователях. Писаные законы в случае их краткости легко могут быть ошибочно поняты из-за различного значения одного или двух слов; если же они пространны, они тем более темны из-за различного значения многих слов. Таким образом, писаные законы, сформулированы ли они в немногих или в многих словах, не могут быть поняты без совершенного знания конечных причин, ради которых законы составлены, каковое знание имеет законодатель. Для законодателя поэтому не существует неразрешимых затруднений в законе. Ибо он эти затруднения разрешает или путем нахождения цели закона или же просто устанавливает в качестве этой цели свою волю (подобно Александру, который своим мечом разрубил гордиев узел [19]), чего никакой другой толкователь делать не может.

Достоверное толкование закона не может быть почерпнуто у различных писателей. Толкование естественных законов в государстве не может быть почерпнуто из книг по моральной философии. Авторитет писателей, не имеющих полномочий государства, не делает их мнения законами, как бы правильны эти мнения ни были. То, что я писал в этом трактате о моральных качествах и об их необходимости для водворения и поддержания мира, не потому является в настоящее время законом, что это представляет собой очевидную истину, а потому, что это во всех государствах является частью гражданского права. Хотя это основано на естественном разуме, однако законом становится в силу постановления верховной власти. В противном случае было бы большим заблуждением называть естественные законы неписаными законами. И такими заблуждениями изобилуют многие опубликованные книги, в которых авторы так часто противоречат друг другу и самим себе.

Толкователем закона является судья, произносящий приговор viva voce в каждом отдельном случае. Толкованием естественного закона является приговор судьи, назначенного верховной властью для разбора и решения споров, которые должны решаться на основе этого закона, и толкование это состоит в применении указанного закона к данному случаю. В самом деле, в акте правосудия судья лишь соображает, соответствует ли требование истца естественному разуму и справедливости, и его постановление есть поэтому толкование естественного закона. Это толкование достоверно не потому, что оно частное решение судьи,

а потому, что это решение выносится им на основании полномочий, данных ему сувереном, в силу чего оно становится решением суверена, которое для данного момента является законом для тяжущихся сторон.

Приговор судьи не вынуждает того или другого судью выносить такой же приговор в подобном случае впоследствии. Но так как нет ни подчиненного судьи, ни суверена, которые не могли бы ошибиться в своих суждениях о справедливости, то, если судья позже в другом подобном случае найдет более соответствующим справедливости вынести противоположное решение, он обязан это сделать. Ибо ошибка человека не становится для него законом и не обязывает его упорствовать в ней. Такая ошибка (на тех же основаниях) не является законом также для других судей, хотя бы они под присягой обязались следовать ей. Ибо хотя в отношении законов, которые могут быть изменены, неправильное решение, вынесенное на основании полномочий суверена и с его ведома и одобрения, становится новым законом для тех случаев, которые во всех своих деталях совпадают со случаем, по поводу которого вынесено указанное решение, однако в отношении неизменных законов, каковыми являются естественные, такие неправильные решения не становятся законами на все последующее время ни для того же самого, ни для других судей. Государи сменяют друг друга, и один судья уходит, а другой приходит; мало того, небо и земля могут исчезнуть, но ни один пункт естественного закона не исчезнет, ибо это вечный божественный закон. Поэтому все решения предыдущих судей, какие когда-либо были, не могут стать законом, если они противоречат естественному праву, и никакие судебные прецеденты не могут делать законным неразумное решение или освободить данного судью от заботы найти то, что справедливо (в подлежащем его решению случае), исходя из принципов собственного естественного разума. Например, естественному закону противоречит наказывать невиновного. А невиновным является тот, кто оправдан судом и признан судьей невиновным. И вот представим себе такой случай: человек обвинен в уголовном преступлении, и, зная, что у него есть влиятельный и злобный враг и что судьи часто бывают подкуплены и пристрастны, он скрывается от суда из боязни исхода судебного процесса; через некоторое время человека этого арестовывают и предают суду. На суде он убедительно доказывает, что не виновен в преступлении, и получает оправдание, но тем не менее присуждается к конфискации имущества. В этом

случае мы имеем перед собой осуждение заведомо невиновного человека. Поэтому я говорю, что нет такого места на свете, где бы такое решение могло считаться толкованием естественного закона или могло бы получить силу закона вследствие того, что такие прецеденты имели место в прошлом. Ибо тот, кто судил так впервые, судил неправильно, и никакое несправедливое решение не может служить образцом для решения последующих судей. Писаный закон может запретить невиновным людям скрываться от суда, а они могут быть наказаны за уклонение от суда. Но делать предположение о виновности на основании бегства из боязни незаконного осуждения, после того как суд оправдал человека, противоречит природе презумпции [20], которой нет места после вынесенного судебного решения. Однако такую презумпцию допускает один великий знаток английского обычного права. «Если невиновный человек,— говорит он,— обвинен в каком-нибудь тяжком преступлении и из боязни осуждения скрывается, то хотя бы он был судом оправдан в возведенном на него обвинении, однако, если будет установлено, что он бежал вследствие этого обвинения, он, несмотря на свою невиновность, должен быть приговорен к конфискации всего его движимого и недвижимого имущества и к лишению имущественных прав и должностей. Ибо в отношении конфискации закон не допускает никакого доказательства против юридической презумпции, основанной на его бегстве». Вы видите здесь, что *невиновный человек, оправданный судом, несмотря на свою невиновность* (если писаный закон не запретил ему бежать), установленную судебным решением, приговаривается к лишению всего его имущества *на основании юридической презумпции*. Если закон основывает на его бегстве презумпцию совершения им уголовного преступления, то приговор должен был бы соответствовать природе преступления. Если же презумпция не касается факта совершения преступления, то за что же человек должен лишаться своего состояния? Поэтому такое положение не является законом Англии и такой приговор основан не на презумпции закона, а на презумпции судей. И не соответствует также закону утверждение, будто не допускается доказательств против юридической презумпции. Напротив, отказ каких бы то ни было судей, верховных и подчиненных, выслушивать доказательства есть отказ в правосудии. Ибо хотя приговор таких судей и может оказаться справедливым, однако судьи, которые осуждают, не выслушивая представленных доказательств, являются несправедли-

выми судьями, и их презумпция есть лишь предубеждение, с которым ни один судья не должен приступать к решению дела, сколько бы ни было прецедентов и примеров, на которые он мог бы ссылаться. Можно было бы привести много других подобных примеров, где люди судят превратно из-за доверия к прецедентам. Однако уже достаточно показано, что, хотя приговор судьи есть закон для тяжущейся стороны, он не является законом для судьи, который сменит его в этой должности.

Точно так же, когда встает вопрос о смысле писаного закона, толкователем закона является не тот, кто пишет комментарии к нему, ибо комментарии еще более подвержены лжетолкованиям, чем текст, и нуждаются в других комментариях, так что им не будет конца. И поэтому если нет толкователя, который уполномочен на то сувереном и от толкований которого подчиненные судьи не имеют права отступить, то толкователями могут быть лишь обычные судьи, кем они и являются в случаях неписаного закона, и их приговоры суть законы для тяжущихся сторон, но эти приговоры не обязывают других судей выносить подобные приговоры в подобных случаях. Ибо судья может ошибаться в толковании даже писаных законов, но ошибка подчиненного судьи не может изменить закона, который является общим постановлением суверена.

Различие между буквой и смыслом (sentence) **закона.** В писаных законах люди обычно различают букву закона и его смысл, и если под буквой понимать все, что может быть выведено из одних слов, то это различение вполне правильно. Ибо значение почти всех слов самих по себе или благодаря метафорическому их употреблению двояко, и они могут быть использованы в различных смыслах (senses), закон же имеет лишь один смысл. Однако, если под буквой закона подразумевать его буквальный смысл, тогда буква есть то же самое, что смысл (sentence) или намерение закона, ибо буквальный смысл есть тот, который законодатель хотел вложить в букву закона. Намерение же законодателя всегда предполагается совпадающим с принципом справедливости, ибо думать иначе о суверене было бы большим оскорблением его со стороны судьи. Если поэтому слова закона не дают достаточных указаний для разумного решения, судья обязан дополнительно руководствоваться естественным законом, а если случай слишком сложен, то он обязан отсрочить свое решение до получения более широких полномочий. Например, писаный закон постановляет, что человек, который силой был выброшен из

своего дома, силой же должен быть водворен обратно. Но вот случилось, что человек по халатности оставил свой дом открытым и по возвращении был силой не впущен в него. Для данного случая специального закона нет. Но очевидно, что данный случай содержится в том же самом законе, ибо иначе не было бы вообще возможности восстановить такого человека в его правах, каковое предположение противоречило бы намерению законодателя. Другой пример: слова закона повелевают судье выносить решение в соответствии со свидетельскими показаниями. Но вот человек ложно обвиняется в преступлении, причем сам судья видит, что это преступление совершено кем-нибудь другим, а не обвиняемым. В этом случае судья не может ни следовать букве закона и выносить обвинительный приговор, ни вынести оправдательный приговор против показаний свидетелей, что было бы против буквы закона. Поэтому судья в таком случае обязан обращаться к суверену с просьбой назначить для этого дела другого судью, а его самого привлечь в качестве свидетеля. Таким образом, неувязка, вытекающая из буквы писаного закона, может служить для судьи руководящей нитью при вскрытии намерения закона и тем самым способствовать лучшему истолкованию последнего. Однако никакая неувязка не может оправдать решение, идущее вразрез с законом. Ибо каждый судья поставлен для того, чтобы решать, что́ есть право и что́ не есть право, а не для того, чтобы решать, что́ удобно и что́ неудобно для государства.

Способности, которыми должен обладать судья. Способности, которыми должен обладать хороший толкователь закона, т. е. хороший судья, неодинаковы со способностями, необходимыми для адвоката, который должен хорошо знать законы. Ибо, подобно тому как судья обязан почерпывать знание факта только из показаний свидетелей, точно так же он обязан почерпывать знание закона лишь из уложений и постановлений суверена, на которые ссылаются тяжущиеся стороны или которые сообщены ему тем, кто имеет на это полномочия. И у судьи нет необходимости заранее изучать дело, подлежащее его решению. Ибо то, что он должен сказать в отношении факта, он узнает от свидетелей, а то, что он должен сказать в отношении закона, он узнает в ходе процесса от тяжущихся сторон и от того, кто имеет право толковать закон на месте. Лорды верхней палаты Англии были судьями, и очень много сложных дел слушалось и решалось ими, и, однако, мало кто из них был сведущ в юриспруденции, и еще меньше среди них было

профессиональных юристов, и хотя они и советовались с законоведами, назначенными с этой целью для присутствия в верхней палате, однако только сами лорды имели полномочие выносить решение. Точно так же в обычных судах судьями являются двенадцать человек из общин (т. е. присяжные), которые выносят решение не только в отношении факта, но и в отношении права и выносят приговоры в пользу истца или ответчика, т. е. являются судьями не только факта, но также и права; а там, где речь идет о преступлении, они не только решают, было или не было совершено преступление, но также имело ли место *преднамеренное* или *неумышленное убийство*, *измена*, *нападение* и т. п., каковое решение уже касается юридической стороны дела. Но так как не предполагается, чтобы судьи сами были сведущи в законах, то при них находится юрист, уполномоченный разъяснять им юридическую сторону подлежащего их решению дела. Однако если судьи выносят решение, несогласное с его мнением, то они не подлежат за это наказанию, если не будет доказано, что они вынесли это решение против своей совести или что они были подкуплены.

Качествами, делающими судью, или толкователя законов, хорошим, являются, во-первых, *ясное понимание* основного естественного закона, называемого *справедливостью*; оно зависит не от чтения книг, а от собственного естественного разума человека и от его умения размышлять и предполагается у тех людей, которые имеют наибольший досуг и наибольшую склонность размышлять о принципе справедливости. Вторым качеством является *презрение к излишнему богатству и к чинам*. Третьим качеством — *способность отвлечься в своем суждении от всякой боязни, гнева, ненависти, любви и сострадания*. Четвертым — *способность терпеливо и внимательно выслушивать и запоминать, обдумывать и применять слышанное*.

Различные виды законов. Различение и разделение законов производились по-разному в зависимости от различия методов писавших о них людей. Ибо это разделение зависит не от природы самих законов, а от цели писателя и обусловлено его методом. В кодексе Юстиниана [21] мы находим семь видов гражданских законов:

1. *Эдикты*, *указы* и *распоряжения принцепса*, т. е. императора, так как в нем была сосредоточена вся власть народа. Нечто подобное представляют собой указы английских королей.

2. *Декреты всего римского народа* (включая и сенат),

принятые по поводу предложений, поставленных на голосование в народном собрании *сенатом*. Эти декреты были сначала законами в силу принадлежавшей народу верховной власти, и те из них, которые не были отменены императорами, остались законами в силу одобрения их императорской властью. Ибо не следует упускать из виду, что все законы, имеющие обязательную силу, являются законами в силу авторитета того, кто имеет власть отменять их. Нечто аналогичное этим законам представляют собой парламентские постановления в Англии.

3. *Декреты народного собрания* (без сената), принятые по поводу предложений, внесенных в собрание народными *трибунами*. Ибо те из этих декретов, которые не были отменены императорами, остались законами в силу авторитета императорской власти. Нечто аналогичное этим законам представляют собой постановления палаты общин в Англии.

4. Senatus consulta, т. е. *постановления сената*, ибо, когда народ Рима стал слишком многочисленным и собирать его стало неудобно, императоры сочли целесообразным, чтобы люди руководствовались постановлениями сената, а не декретами народных собраний. Эти постановления имеют некоторое сходство с постановлением [государственного] совета.

5. Эдикты *преторов* и (в некоторых случаях) *эдилов*, представлявших собой нечто вроде главных судей в судах Англии.

6. Responsa prudentum, т. е. решения и мнения тех юристов, которым император дал право толковать закон и давать ответы тем, кто будет спрашивать их совета по вопросам права; постановления императора обязывали судей следовать в своих решениях этим советам. Эти решения и мнения представляли бы собой нечто подобное записям судебных решений в Англии, если бы английский закон обязывал других судей руководствоваться этими записями. Но в Англии судьи обычного права являются не судьями в собственном смысле, а juris consulti, у которых судьи (т. е. лорды или двенадцать присяжных) спрашивают совета по вопросам права.

7. Законами являются также *неписаные обычаи* (которые по своей природе суть подражания закону), если есть молчаливое согласие императора на их сохранение и если они не противоречат естественному закону.

Законы еще разделяются на *естественные* и *положительные*. *Естественными* являются те, которые существова-

ли извечно, они называются не только *естественными*, но и *моральными*. Эти законы имеют своим содержанием такие добродетели, как справедливость, беспристрастие, и все те душевные качества, которые располагают человека к миру и милосердию, о чем я уже говорил в XIV и XV главах.

Положительными являются те законы, которые не существовали извечно, а стали законами благодаря воле тех, кто имел верховную власть над другими, и они существуют или в письменной форме или доведены до сведения людей в какой-нибудь другой форме, ясно выражающей волю законодателя.

Другое разделение законов. Положительные законы в свою очередь разделяются на *человеческие* и *божественные*; из человеческих положительных законов одни являются *распределительными*, другие — *карательными*. *Распределительные* определяют права подданных, объявляя каждому человеку, каким путем он приобретает и сохраняет собственность на землю или движимое имущество и право или свободу предъявлять иск; эти законы адресованы всем подданным. *Карательные* законы объявляют, какие наказания должны быть наложены на нарушителей закона; они адресованы должностным лицам и исполнителям приговоров. Ибо хотя каждый человек должен знать о наказаниях, которые заранее установлены за его правонарушения, тем не менее повеление адресовано не преступнику (от которого нельзя ожидать, что он честно накажет самого себя), а должностным лицам, поставленным смотреть за приведением наказания в исполнение. Карательные законы, как и распределительные, в большинстве случаев являются писаными законами; они часто называются приговорами, ибо все законы суть общие приговоры или постановления законодателя, точно так же как всякое частное судебное решение является законом для того, чье дело разбиралось.

Божественные положительные законы и как можно о них узнать. *Божественными положительными законами* (что касается естественных законов, то все они, будучи вечными и универсальными, божественны) являются те, которые, будучи заповедями Бога (не извечными, не универсально адресованными всем людям, а исключительно определенному народу или определенным лицам), объявлены в качестве законов людьми, уполномоченными Богом провозгласить их. Однако по каким признакам можно узнать, что человек, объявляющий, каковы положи-

тельные законы Бога, имеет на то полномочия от Бога? Бог может сверхъестественным путем приказать человеку возвестить законы другим людям. Но так как с сущностью закона связано, что тот, кто должен будет ему повиноваться, должен быть уверен в полномочиях того, кто его объявляет, а в полномочиях, данных Богом, мы естественным путем удостовериться не можем, то спрашивается: *как может человек без сверхъестественного откровения быть уверен в откровении, полученном тем, кто возвещает законы, и как может он быть обязан повиноваться им?* Что касается первого вопроса (как может человек без откровения, полученного им самим, удостовериться в откровении, полученном другим), то это явно невозможно. Ибо хотя человека могут побудить верить в такое откровение чудеса, творимые на его глазах тем человеком, или необычайная святость жизни последнего, или его необычайная мудрость, или необычайная удача во всех его делах как признак необычайной милости Бога, однако это не является достоверным свидетельством специального откровения. Чудеса суть непостижимые вещи, но то, что непостижимо для одного, может быть постижимо для другого. Святость может быть притворной, а видимые удачи в этом мире Бог чаще всего посылает обычным и естественным путем. И поэтому ни один человек не может путем естественного разума безошибочно узнать о том, что кто-нибудь другой имел сверхъестественное откровение божественной воли. Человек может лишь верить в это, причем его вера будет сильнее или слабее в зависимости от большей или меньшей доказательности этих признаков.

Но что касается второго вопроса (как может человек быть обязан повиноваться указанным законам), то на него не трудно ответить. Ибо если возвещенный закон не идет вразрез с естественным законом (который, несомненно, является божественным законом) и человек берет на себя повиновение ему, то тем самым он обязывает себя; обязывает себя, говорю я, повиноваться ему, но не обязывает себя верить в него, ибо вера и тайные помышления человека не подчиняются приказаниям, а внушаются Богом естественным или сверхъестественным путем. Вера в сверхъестественный закон есть не исполнение этого закона, а лишь согласие с ним, и эта вера является с нашей стороны не исполнением долга по отношению к Богу, а даром, который Бог свободно дает, кому ему угодно, точно так же, как безверие есть не нарушение какого-нибудь Его закона, а отклонение их всех, за исключением естественных. Одна-

ко то, о чем я говорю, станет яснее, если я подкреплю это примерами и свидетельством Священного писания. Завет, данный Богом Аврааму сверхъестественным путем, был таков (Быт. 17, 10): *Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя.* Потомки Авраама не имели этого откровения, да и не существовали еще, и, однако же, они являются участниками завета и обязаны повиноваться тому, что Авраам объявит им в качестве божественного закона, что могло быть обусловлено лишь их обязанностью повиноваться своим родителям, которые (если они не подвластны никакой другой земной власти, как в данном случае Авраам) имеют верховную власть над своими детьми и слугами. Опять-таки, когда Бог говорит Аврааму: *В тебе благословятся все народы земли, ибо я знаю, что ты заповедуешь детям твоим и дому твоему после тебя ходить путем Господним, творя правду и суд,*— то ясно, что повиновение его семьи, не имевшей откровения, было обусловлено ее предыдущим обязательством повиноваться своему суверену. На гору Синай взошел один лишь Моисей, чтобы говорить с Богом. Народу под страхом смерти было запрещено приближаться к этому месту, и, однако же, он был обязан повиноваться всему тому, что Моисей объявил ему в качестве божественного закона. На чем же другом, если не на основании их собственной покорности, сыны Израиля говорят Моисею (Исх. 20, 19): *Говори и ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.* Эти две цитаты ясно показывают, что в государстве подданный, лично не имеющий ясного и несомненного откровения в отношении воли Бога, обязан повиноваться в качестве таковой постановлениям государства. Ибо если бы людям была предоставлена свобода считать божественными заповедями свои сновидения и фантазии или сновидения и фантазии частных лиц, то едва ли нашлись бы два человека, согласные между собой в том, что́ является Божьей заповедью, и в силу сравнения с этими воображаемыми заповедями всякий человек пренебрежительно относился бы к постановлениям государства. Поэтому я заключаю, что во всех вещах, не противоречащих нравственному, т. е. естественному, закону, все подданные обязаны повиноваться как божественным законам тому, что будет объявлено таковыми государственными законами. Это подсказывается также здравым смыслом всякого человека. Ибо все, что не идет против естественного закона, может быть объявлено законом от имени тех, кто обладает верховной властью,

и поэтому у людей нет никакого основания быть менее связанными этим законом, раз он объявлен от имени Бога. Да и нет такого места на свете, где бы людям разрешалось признавать другие Божьи заповеди, кроме тех, которые провозглашены таковыми государством. Христианские государства наказывают отступников от христианской религии, а все другие государства наказывают тех, кто устанавливает запрещенную ими религию. Ибо во всем, что не урегулировано государством, справедливость, которая есть естественный и поэтому извечный закон Бога, требует, чтобы всякий человек мог одинаково пользоваться свободой.

И еще одно разделение законов. Имеется еще другое разделение законов — *на основные* и *неосновные*. Но ни у одного автора я не мог найти, что означает основной закон. Тем не менее такое разделение может иметь разумный смысл.

Что такое основной закон. В самом деле, основным законом в каждом государстве является тот, по упразднении которого государство, подобно зданию, у которого разрушен фундамент, должно рухнуть и окончательно распасться. Поэтому основным законом (fundamental law) является тот, на основании которого подданные обязаны поддерживать всякую власть, которая дана суверену — монарху или верховному собранию — и без которой государство не может устоять. Таковы, например, право объявления войны и заключения мира, судебная власть, право назначения должностных лиц и право суверена делать все, что он сочтет необходимым в интересах государства. Неосновным является тот закон, упразднение которого не влечет за собой распада государства, каковы, например, законы о тяжбах между подданными. И сказанного достаточно о разделении законов.

Различие между законом и правом. Я нахожу даже у самых ученых авторов, что для обозначения одного и того же они употребляют слова lex civilis и jus civile, т. е. *закон* и *гражданское право*, чего, однако, не следует делать. Ибо *право* есть *свобода*, именно та свобода, которую составляет нам гражданский закон. Гражданский же закон есть обязательство и отнимает у нас ту свободу, которую предоставляет нам естественный закон. Природа дает всякому человеку право обезопасить себя своими силами и для предупреждения нападения самому напасть на подозрительного соседа. Гражданский же закон лишает нас этой свободы во всех случаях, когда защита закона обеспечивает

безопасность. Таким образом, между lex и jus существует такое же различие, как между *обязательством* и *свободой*.

И между законом и хартией. Точно так же употребляются в одинаковом смысле слова *законы* и *хартии*. Однако хартии суть дары суверена и являются не законами, а изъятиями из них. Формула закона есть jubeo, injungo — *я повелеваю*, *я предписываю*; формула же хартии есть dedi, concessi — *я дал*, *я пожаловал*, но то, что даруется или жалуется человеку, не навязывается ему законом. Закон может быть издан, дабы обязать им всех подданных государства; свобода же, или хартия, дается одному человеку или некоторой части народа. Ибо сказать, что весь народ государства пользуется свободой в отношении какого-нибудь пункта,— то же самое, что сказать, что в отношении этого пункта не было издано никакого закона или если такой закон был издан, то он ныне отменен.

ГЛАВА XXVII

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ОПРАВДАНИЯХ И О СМЯГЧАЮЩИХ ВИНУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Что такое грех. *Грехом* является не только нарушение закона, но также выражение презрения к законодателю, ибо такое презрение есть нарушение всех его законов сразу. Поэтому грех может состоять не только в *совершении* поступка или высказывании слов, запрещенных законом, или в *невыполнении* того, что повелевает закон, но также в намерении нарушить закон. Ибо намерение нарушить закон есть в некоторой степени презрение к тому, кто имеет право требовать его исполнения. Тешить себя воображаемым обладанием имуществом другого человека, его слугами или женой без намерения отнять их у него силой или хитростью не есть нарушение закона, гласящего *не пожелай*, точно так же не является грехом, если человек испытывает удовольствие, воображая или мечтая о смерти того, от чьей жизни он может ожидать лишь вред и огорчение для себя, а грехом является лишь решение совершить какое-нибудь действие, которое может привести к осуществлению такой мечты. Ибо тешиться воображением того, что доставило бы удовольствие, если бы оно было реально, есть страсть, настолько свойственная природе как человека, так и всякого другого живого существа, что считать это грехом значило бы считать грехом само существование

человека как человека. В силу этих соображений я считаю слишком строгими по отношению к самим себе и другим тех, кто утверждает, что первые движения души, хотя и подавленные богобоязнью, являются грехом. Однако я признаю, что лучше ошибаться в этом направлении, чем в другом.

Что такое преступление. *Преступление* есть грех, заключающийся в совершении делом и словом того, что запрещено законом, или в неисполнении того, что он повелевает. Так что всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление. Намерение украсть или убить есть грех, хотя бы это намерение не было выявлено никогда ни словом, ни делом, ибо Бог, знающий мысли человека, может вменить ему это в вину. Однако, до тех пор пока такое намерение не обнаружилось каким-нибудь поступком или словом, при наличии которых намерение могло бы стать объектом разбора земного судьи, оно не называется преступлением. Подобное различие делали и греки между словами ἁμάρτημα и ἔγκλημα или αἰτία, из которых первое (оно переводится как *грех*) обозначает всякое отклонение от закона, а два последних (они переводятся как *преступление*) обозначают лишь такой грех, в котором один человек может обвинять другого. Но в намерениях, никогда не выявившихся в каком-либо внешнем действии, никто никого не может обвинить. Точно так же и римляне словом peccatum, т. е. грех, обозначают всякого рода отклонения от закона, а под crimen (которое они производят от cerno, означающего *обнаруживать*) они подразумевают лишь такие грехи, которые могут быть вскрыты перед глазами судей и поэтому не являются только намерениями.

Там, где нет гражданского права, нет и преступлений. Из обрисованного отношения греха к закону и преступления к гражданским законам может быть выведено следующее заключение. Во-первых, что там, где прекращается закон, прекращается и грех. Однако так как естественный закон вечен, то нарушение договоров, неблагодарность и высокомерие и все действия, идущие вразрез с каким-нибудь моральным принципом, никогда не могут перестать быть грехом. Во-вторых, что с упразднением гражданских законов перестают существовать преступления. Действительно, так как с упразднением гражданских законов остаются лишь естественные законы, то ни один человек не может обвинить в чем-либо другого человека. Ибо в этом случае каждый является судьей самому себе и может быть

обвинен лишь своей совестью и признать себя оправданным на основании чистоты своих намерений. Если поэтому его намерение честно, его поступок не является грехом. В противном случае его поступок — грех, но не преступление. В-третьих, что, если перестает существовать верховная власть, перестают также существовать и преступления. Ибо там, где нет такой власти, нет и защиты закона, и поэтому всякий имеет право защищать себя собственными силами. Ибо нельзя предположить, что при установлении верховной власти кто-либо отрекся от своего права на сохранение своей жизни, ради сохранения которой установлена верховная власть. Но это относится лишь к тем, кто не участвовал в свержении власти, оказывавшей им защиту. Ибо такое свержение — с самого начала преступление.

Незнание естественного закона ни для кого не может служить оправданием. Источником всякого преступления является или недостаток понимания, или какая-нибудь ошибка в рассуждении, или неожиданная сила страстей. Недостаток понимания есть *незнание*. Ошибка в рассуждении есть *ошибочное мнение*. Незнание опять-таки может быть троякого рода: *незнание закона*, *незнание суверена*, *незнание наказания*. Незнание естественного закона ни для кого не может служить оправданием. Ибо предполагается, что всякий человек со зрелым умом знает, что он не должен делать другому того, что он не желал бы, что бы было сделано по отношению к нему. Поэтому, в какую бы страну человек ни пришел, он совершает преступление, если он делает что-либо противное законам этой страны. Если человек приезжает в нашу страну из Индии и убеждает у нас людей принять новую религию или учит их чему-либо ведущему к неповиновению законам нашей страны, то, как бы человек ни был убежден в истинности своего учения, он совершает преступление и может быть по всей справедливости наказан за него, и не только потому, что его учение ложно, но и потому, что он совершает то, чего он не одобрил бы в другом, а именно в том, кто прибыл бы в его страну и пытался бы там изменить религию. Однако незнание гражданского закона может служить оправданием для человека в чужой стране, пока этот закон ему не объявлен, ибо до того гражданский закон не может иметь для него обязательной силы.

Незнание гражданского закона иногда может служить оправданием. Точно таким же образом, если гражданский закон объявлен в стране не в столь ясной форме, чтобы каждый при желании мог знать его, или сам поступок не

противоречит естественному закону, незнание гражданского закона является достаточным оправданием. В других случаях незнание гражданского закона не служит оправданием.

Незнание суверена не служит оправданием. Незнание суверена в своей собственной стране не служит человеку оправданием, ибо он обязан знать ту власть, защитой которой пользуется.

Незнание наказания не может служить оправданием. Незнание наказания там, где закон объявлен, никому не служит оправданием. Ибо, нарушая закон, который при отсутствии страха наказания был бы не законом, а пустым словом, человек тем самым приемлет наказание, хотя он не знает, каково оно, так как всякий добровольно совершающий какое-нибудь действие приемлет и все заведомо вытекающие из этого действия последствия. Наказание не является заведомым последствием нарушения законов во всех государствах. Так что, если это наказание определено уже законом, правонарушитель подлежит этому наказанию; если же наказание не определено, то он подлежит произвольному наказанию. Ибо справедливо, чтобы тот, кто совершает правонарушение, повинуясь только собственной воле, был подвергнут наказанию, зависящему лишь от воли того, чей закон при этом нарушен.

Наказания, установленные до совершения действия, исключают более суровые. Если же наказание указано в законе рядом с преступлением или это наказание обычно применялось в подобных случаях, то преступник не может быть подвергнут более суровому наказанию. Ибо если наказание заранее известно и оно недостаточно сильно, чтобы удержать людей от свершения действия, то такое наказание является подстрекательством, так как, взвешивая выгоды, проистекающие от нарушения, и зло, связанное с наказанием, люди по естественной необходимости выбирают то, что им представляется наиболее выгодным. Вот почему, если они подвергаются более сильному наказанию, чем то, которое определено законом, или то, которому подвергались другие люди за подобные преступления, выходит, что закон ввел их в искушение и обманул.

Действие не становится преступлением, если закон издан после совершения его. Закон, изданный после совершения действия, не делает это действие преступным. Ибо если это действие есть нарушение естественного закона, то закон существовал до его совершения; положительный же закон не может быть известен до его издания и,

следовательно, не может иметь обязательной силы. Если же закон, запрещающий указанное действие, издан до его совершения, но полагающееся за него наказание было установлено после его совершения, то правонарушитель подлежит наказанию, установленному по совершении его действия, если только до этого не было установлено законом или практикой меньшее наказание. Основания для этого утверждения были изложены выше.

Причинами преступлений являются ложные принципы относительно права и не-права. Неправильные рассуждения, т. е. заблуждения, делающие людей склонными нарушать законы, бывают троякого рода. Во-первых, предложения, в основу которых положены ложные принципы. Так, например, на основании того, что везде и всегда незаконные деяния оправдывались вследствие силы и побед их вершителей и что власть имущие часто разрывали паутину законов, причем преступниками считались лишь наиболее слабые из нарушителей законов, т. е. не имевшие успеха в своих противозаконных начинаниях,— на основании таких фактов люди устанавливают следующие принципы и предпосылки: *справедливость есть лишь пустой звук; все, что человек может добыть своими рвением и отвагой, принадлежит ему; практика всех народов не может быть несправедливой; примеры прежних времен являются достаточным основанием для того, чтобы поступать так и впредь,* и многое другое в этом роде. При признании таких принципов никакое деяние само по себе не может быть преступлением, но должно стать таковым не по закону, а в зависимости от успеха того, кто его совершает, а одно и то же деяние может быть нравственно положительным или отрицательным в зависимости от воли судьбы, так что то, что Марий сделает преступлением, Сулла превратит в заслугу, а Цезарь при наличии тех же самых законов снова обратит в преступление — к беспрестанному нарушению мира в государстве.

Лжеучители, неправильно истолковывающие естественные законы. Во-вторых, неправильное истолкование естественных законов лжеучителями, которые придают им смысл, противоречащий гражданскому праву, либо выдают за законы собственные измышления или традиции прежних времен, несовместимые с обязанностями подданного.

И ложные выводы из истинных принципов, которые делают учители. В-третьих, ошибочные выводы из правильных принципов, что обычно встречается у людей, поспешных в выведении заключений и принятии практиче-

ских решений. Таковы те люди, которые, с одной стороны, слишком высокого мнения о своих умственных способностях, а с другой стороны, полагают, что вещи этого рода требуют не времени и изучения, а лишь обыкновенного опыта и здравого смысла, чего ни один человек не считает себя лишенным, а между тем познание правомерного и неправомерного очень трудно, и никто не должен претендовать на такое знание без долгого и интенсивного изучения. Ни одно из этих неправильных рассуждений не может служить основанием для оправдания преступления человека (хотя некоторые из них могут служить смягчающим вину обстоятельством), претендующего на управление собственными делами, и еще меньше для человека, занимающего государственный пост, ибо все такие люди претендуют на ту разумность, на отсутствие которой они ссылались бы как на основание для своего оправдания.

Страсти людские. Одной из страстей, которые чаще всего бывают причиной преступления, является тщеславие, или глупая переоценка собственной личности, как будто разница в ценности между людьми является результатом их ума, или богатства, или крови, или какого-нибудь другого естественного качества, а не зависит от воли тех, кто обладает верховной властью. Тщеславие порождает у соответствующих людей предположение, что наказания, установленные законами и распространяющиеся обыкновенно на всех подданных, не должны быть применены к ним с той же строгостью, с какой они применяются к бедным, темным и простым людям, общее имя которых — чернь.

Предположение о том, что их спасет богатство. Поэтому обычно люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем подкупа государственного правосудия или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения.

И друзья. А люди, имеющие множество могущественных родственников или завоевавшие себе популярность и определенную репутацию среди толпы, осмеливаются нарушать законы в надежде, что им удастся оказать давление на ту власть, которой надлежит заботиться о приведении законов в исполнение.

И собственная мудрость. А люди, имеющие высокое и ложное мнение о собственной мудрости, берут на себя смелость порицать действия властей, ставить под вопрос их авторитет и своими публичными выступлениями опроки-

дывать законы, дабы преступлением считалось лишь то, что выгодно считать таковым им самим. Эти же люди бывают иногда склонны к таким преступлениям, которые состоят в коварстве и обмане своих соседей, так как они полагают, что их замыслы слишком искусны, чтобы в них можно было проникнуть. Это, говорю я, следствие их ложного предположения о своей мудрости, ибо из зачинщиков смуты в государстве (которая никогда не обходится без гражданской войны) очень мало кто живет достаточно долго, чтобы видеть осуществление своих целей, так что благо, вытекающее из этих преступлений, достается потомству и таким людям, которые меньше всего пожелали бы его; это доказывает, что зачинщики не были так мудры, как они полагали. А те, кто обманывает в надежде на то, что их обманов не заметят, обманывают обыкновенно себя, ибо та темнота, которой они считают себя окутанными, есть лишь их собственная слепота, и они не более разумны, чем дети, считающие все скрытым, раз они закрыли свои глаза.

Все тщеславные люди, как правило, если только они не робки, подвержены гневу, ибо они более других склонны рассматривать обычную свободу выражений в разговорах как проявление пренебрежения к ним. Очень мало найдется таких преступлений, которые не имели бы своим источником гнев.

Ненависть, сладострастие, честолюбие, корыстолюбие — причины преступлений. А что касается преступлений, к которым способны привести такие страсти, как ненависть, сладострастие, честолюбие и корыстолюбие, то они столь очевидны всякому человеку на основании его собственного опыта и размышления, что об этом нет нужды говорить; заметим лишь, что эти страсти настолько присущи природе человека и всех других живых существ, что их последствия можно устранить лишь необыкновенным напряжением мыслительных способностей или постоянной строгостью наказания за них. Ибо то, что человек ненавидит, причиняет ему непрерывное и неизбежное беспокойство, в силу чего человек должен или вооружиться долготерпением, или освободить себя от власти этого беспокойства устранением его причины. Выполнение первого условия трудно, выполнение второго во многих случаях невозможно без нарушения какого-либо закона. Честолюбие и корыстолюбие также суть страсти, которые беспрестанно давят на человека, между тем как разум не всегда приходит на помощь, чтобы оказать им сопротивление. Поэтому, когда у человека появляется надежда на безнака-

занность, тогда сказываются последствия этих страстей. А что касается сладострастия, то эта страсть вместо продолжительности обладает силой, достаточной для того, чтобы перевесить боязнь легких или неизвестных наказаний.

Страх иногда бывает причиной преступлений, как, например, когда человеку кажется, что ему грозит опасность быть убитым или получить телесные повреждения. Из всех страстей менее всего располагает человека к нарушению закона страх. Более того, только страх, если не иметь в виду благородные натуры, заставляет людей соблюдать законы в тех случаях, когда их нарушение обещает человеку выгоду или удовольствие. И все же во многих случаях преступление может быть совершено под влиянием страха.

В самом деле, не всякий страх оправдывает то действие, которое он порождает, а лишь страх телесного повреждения, который мы называем *физическим страхом,* и лишь в том случае, когда человек не видит другого средства освободиться от этого страха помимо действия. Человек, подвергшийся нападению, боится быть убитым и, чтобы избежать смерти, не видит иного пути, как нанесение раны нападающему. И вот если в этом случае человек смертельно ранил нападающего, то это не преступление. Ведь никто не предполагал, что фактом установления государства он отрекся от своего права защищать свою жизнь и тело в тех случаях, когда закон не может вовремя прийти ему на помощь. Но убить человека, потому что из его действия или угроз я могу заключить, что он убьет меня при первой возможности, между тем как я имею достаточно времени и средств, чтобы воспользоваться защитой верховной власти,— преступление. Другой случай. Человек слышит по своему адресу несколько обидных слов или подвергается незначительной обиде, за что законодатели не установили никакого наказания, не считая достойным человека здравого ума обращать на них внимание, и боится, что, оставив без отмщения эту обиду, он навлечет на себя презрение и, следовательно, будет подвергаться подобным обидам и со стороны других; и вот, чтобы избежать этого, он нарушает закон и, чтобы другим неповадно было, мстит. Это — преступление. Ибо ущерб в этом случае был не физический, а мнимый и настолько незначительный, что человек светский или уверенный в своем мужестве не может обращать на него внимание, хотя в силу обычая, введенного несколько лет назад в этом уголке мира, такие мелкие обиды

сделались чувствительными для молодых и пустых людей.

Точно так же человек может бояться духов из-за собственного суеверия или доверия, которое внушают ему рассказы о странных снах и видениях других людей, и при этом ему может быть внушена вера в то, что эти духи причинят ему вред, если он совершит или не совершит то, что предписывается или запрещается законом. И вот, если этот человек так или иначе нарушил закон, это не может быть оправдано страхом и является преступлением. В самом деле, сновидения (как я показал это раньше, во II главе) являются по своей природе лишь представлениями, оставшимися у спящего от чувственных восприятий, полученных им наяву. А когда человек в силу какого-либо обстоятельства не уверен в том, что он спал, то сны представляются ему реальными видениями. Поэтому тот, кто позволяет себе нарушить закон на основании собственного или чужого сновидения, или на основании мнимого видения, или на основании представления о силе невидимых духов, хотя это и не дозволено государством, тот отвергает естественный закон, что уже является определенным преступлением, и следует призракам своего или чужого воображения, причем призракам, относительно которых он никогда не может знать, означают ли они что-нибудь или нет, так же как говорит ли правду или лжет тот, кто рассказывает ему свои сны. Если бы каждому была предоставлена свобода действовать так (а если бы хоть один человек имел эту свободу, то она в силу естественного закона должна была бы быть предоставлена любому), никого нельзя было бы заставить соблюдать законы, и, таким образом, все государства распались бы.

Не все преступления одинаковы. Из этого различия источников преступлений вытекает, что не все преступления одинаковы (как утверждали это древние стоики). Может же иметь место не только оправдание, при котором то, что казалось преступлением, оказывается совсем не таковым, но также и *смягчающие вину обстоятельства*, благодаря которым преступление, казавшееся большим, становится меньше. Ибо хотя все преступления одинаково заслуживают имени беззакония, подобно тому как всякое отклонение от прямой линии одинаково заслуживает имени кривизны, что было правильно замечено стоиками, однако из этого не следует, что все преступления являются в одинаковой степени беззакониями, так же как из понятия кривизны не следует, что все кривые линии являются в одинаковой мере кривыми. Именно последнее проглядели

стоики, считавшие одинаково большим преступлением против закона убить курицу и совершить отцеубийство [22].

Полное оправдание. Целиком оправдывает действие и лишает его характера преступления лишь то, что одновременно лишает закон обязательной силы, ибо противозаконное действие, совершенное тем, кто обязан повиноваться данному закону, есть не что иное, как преступление.

Отсутствие всякой возможности знать закон служит основанием для полного оправдания. Ибо закон, знание которого для человека невозможно, не имеет для него обязательной силы. Но недостаточное усилие познать закон не должно быть рассматриваемо как отсутствие возможности, и человек, считающий себя достаточно разумным, чтобы быть в состоянии управлять собственными делами, не может считаться лишенным возможности знать естественные законы, ибо эти законы познаются тем разумом, на который он претендует. Только детям и сумасшедшим не вменяются в вину преступления против естественного закона.

Когда человек не по своей вине находится в плену или во власти врага (а он во власти врага тогда, когда во власти последнего находятся его личность или его средства существования), тогда закон теряет по отношению к нему всякую обязательную силу, ибо он вынужден повиноваться врагу или умереть, и, следовательно, такое повиновение не есть преступление, ибо никто не обязан (при отсутствии защиты закона) не защищать себя всеми доступными ему средствами.

Если человек под страхом смерти принуждается совершить что-либо против закона, то он совершенно не виновен, ибо никто не обязан отказаться от самосохранения. И если бы даже мы предположили, что такой закон является обязательным, то человек все же рассуждал бы так: *если я не сделаю этого, я умру сразу, если же я это сделаю, я умру некоторое время спустя, следовательно, делая это, я выигрываю время для жизни.* Природа поэтому принуждает его это делать.

Если человек лишен пищи или каких-нибудь других необходимых для жизни вещей и может сохранить себя лишь совершением противозаконного действия,— например, если при большом голоде он кого-либо ограбит или украдет съестные припасы, которые не может получить ни за деньги, ни в качестве милостыни, или если для защиты своей жизни человек отнимет у другого меч,— то это нельзя вменять ему в вину по основаниям, указанным раньше.

В действиях подстрекателя не может быть обвинен исполнитель. Кроме того, когда совершено противозаконное действие под влиянием другого человека, то действия подстрекателя не могут вменяться в вину исполнителю, ибо никто не должен обвинять другого в своем собственном деянии, когда тот является лишь его орудием. Но это противозаконное действие остается преступлением по отношению к третьему лицу, пострадавшему от этого действия, ибо в отношении нарушения закона оба, как подстрекатель, так и исполнитель, являются преступниками. Отсюда следует, что если человек или собрание, имеющие верховную власть, приказывают человеку совершать нечто нарушающее ранее изданный закон, то это действие не может быть вменено в вину исполнителю. Ибо суверен не может по праву осудить это действие, так как сам является его виновником. А то, что не может быть по праву осуждено сувереном, не может быть наказано кем-либо другим. Кроме того, когда суверен повелевает совершить что-либо противоречащее его прежнему собственному закону, то повеление является упразднением закона по отношению к данному единичному факту.

Если человек или собрание, имеющие верховную власть, отрекаются от какого-нибудь существенного для верховной власти права, благодаря чему подданные получают свободу, несовместимую с верховной властью, т. е. с самим существованием государства, и подданный на основании этой пожалованной свободы отказывается повиноваться суверену в чем-либо противоречащем этой свободе, то это тем не менее грех и нарушение верноподданнического долга. Ибо подданный обязан понимать, что это несовместимо с верховной властью; ведь она учреждена с его собственного согласия и ради его защиты, и такая свобода, которая несовместима с верховной властью, могла быть пожалована лишь вследствие непредвидения ее дурных последствий. Если же подданный не только не повинуется, но и оказывает сопротивление должностному лицу при претворении указанного повеления в жизнь, тогда это уже преступление, ибо подданный мог добиваться своего права жалобой без нарушения мира.

Преступление имеет различные степени, которые измеряются, во-первых, зловредностью источника или причины, во-вторых, заразительностью примера, в-третьих, вредностью последствий, в-четвертых, обстоятельствами времени, места и лиц.

Предположение о своей силе для сопротивления испол-

нителям закона отягчает преступление. Одно и то же противозаконное действие является бóльшим преступлением, когда оно проистекает из того, что человек, полагаясь на свою силу, богатство или друзей, оказывает сопротивление исполнителям закона, и меньшим,— когда оно проистекает из надежды не быть открытым или скрыться бегством. Ибо надежда на избежание наказания путем силы есть корень, из которого вырастает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам, между тем как в последнем случае понимание опасности, побуждающее человека к бегству, делает его более послушным в будущем. Преступление, совершенное сознательно, является бóльшим преступлением, чем то, которое проистекает из ложного убеждения в его законности. Ибо тот, кто сознательно совершает противозаконное действие, полагается на свою физическую или другую силу, что придает ему смелость совершать такие же преступления и в будущем, между тем как тот, кто совершает преступление по ошибке, убедившись в своей ошибке, становится послушным закону.

Доверие к дурным учителям смягчает вину. Тот, чья ошибка проистекает из доверия к авторитету учителя или уполномоченного государством толкователя закона, менее виновен, чем тот, чья ошибка проистекает из непоколебимой уверенности в правильности собственных принципов и рассуждений, ибо тому, чему учит человек, уполномоченный на то государством, учит само государство, и мнение такого учителя имеет сходство с законом; поэтому авторитет такого учителя или толкователя закона служит основанием для полного оправдания всех преступлений, которые не содержат в себе отрицания верховной власти и не являются нарушением очевидного закона, между тем как тот, кто руководствуется в своих действиях собственными мнениями, держится стойко или падает в зависимости от правильности или ошибочности этих мнений.

Примеры безнаказанности смягчают вину. То же действие является бóльшим преступлением, если до этого другие люди неизменно наказывались за подобное действие, и меньшим — если они оставались до этого во многих случаях безнаказанными. Ибо такие примеры являются надеждой на безнаказанность, внушенной правонарушителю самим сувереном. И так как тот, кто внушает человеку надежду на безнаказанность, которая поощряет его к совершению преступления, сам является соучастником, то у него нет основания взваливать всю вину за это преступление на непосредственного правонарушителя.

Заранее обдуманное намерение отягощает вину. Преступление, проистекшее из внезапной страсти, не так велико, как совершенное по зрелом размышлении. Ибо в первом случае смягчающим вину обстоятельством является общая слабость человеческой природы. Тот же, кто совершил преступление с заранее обдуманным намерением, тот хладнокровно взвесил закон, наказание и последствия преступления для человеческого общества и всем этим пренебрег, поставив превыше всего собственную склонность. Но внезапность страсти не есть достаточное основание для полного оправдания, ибо время, протекшее с момента первого знакомства с законом до совершения преступления, должно учитываться как время обдумывания, так как правонарушитель обязан был размышлением над законом побороть порочность своих страстей.

Если закон объявлен и старательно прочитан и истолкован перед всем народом, то всякое деяние, совершенное в его нарушение, является бóльшим преступлением, чем когда люди оставлены без такого наставления и вынуждены сами осведомляться о содержании закона, что создает для них трудность и неуверенность, заставляет их прерывать свои обычные занятия и обращаться к частным лицам. Ибо в этом случае часть вины отпадает в силу очень распространенного незнакомства с законом, в первом же случае имеется небрежность, свидетельствующая о некотором презрении к верховной власти.

Молчаливое одобрение суверена смягчает вину. Деяния, которые ясно выраженный закон осуждает, а законодатель несомненными проявлениями своей воли молчаливо одобряет, являются меньшим преступлением, чем те же деяния, которые осуждены как законом, так и законодателем. Так как мы знаем, что воля законодателя есть закон, то в первом случае мы имеем два противоречащих друг другу закона — обстоятельство, которое служило бы полным оправданием, если бы люди обязаны были судить о том, что одобряется законодателем, не по его ясно выраженному повелению, а по другим признакам. Но так как в данном случае наказание полагается не только за нарушение закона, но и за его исполнение, то законодатель сам является отчасти причиной правонарушения и поэтому не может взвалить всю вину за преступление на правонарушителя. Например, закон запрещает дуэли, и они наказываются как уголовное преступление. С другой стороны, человек, не принимающий вызова на дуэль, подвергается глубочайшему презрению и иногда самим сувереном считается недостойным

занимать какой-нибудь высокий пост или получить продвижение по военной службе. Если в силу этого человек принимает вызов на дуэль, полагая, что все люди законно стремятся иметь о себе хорошее мнение тех, кто обладает верховной властью, то разумно не наказывать его строго, так как часть вины явно падает на наказывающего. Я забочусь не о том, чтобы была предоставлена свобода личной мести или другой форме неповиновения, а о правителях — чтобы они не поощряли косвенно того, что ими прямо запрещается. Примеры монархов оказывают и всегда оказывали более могущественное влияние на действия тех, перед глазами кого эти примеры имелись, чем сами законы. И хотя нашей обязанностью является делать не то, что монархи делают, а лишь то, что монархи говорят, но эта обязанность, однако, не будет выполнена до тех пор, пока Богу не будет угодно оказать людям необычайную и сверхъестественную милость, внушив им склонность следовать этому правилу.

Сравнение преступлений по их последствиям. Если мы, далее, сравниваем преступления по степени вредности их последствий, то, во-первых, одно и то же действие является бóльшим преступлением, когда оно приносит вред многим, и меньшим — когда оно приносит вред немногим. Поэтому, когда какое-нибудь действие приносит вред не только в настоящем, но и, к примеру, в будущем, то оно является бóльшим преступлением, чем когда оно приносит вред лишь в настоящем. Ибо первое преступление является плодовитым, порождая все бóльший ущерб, последнее же преступление бесплодно. Преподавать учения, противные установленной в государстве религии, является бóльшим преступлением со стороны уполномоченного государством проповедника, чем со стороны частного лица. То же различие приходится делать в случаях нечестивого и невоздержанного образа жизни или при совершении нечестивого поступка. Точно так же распространение какого-нибудь мнения или совершение какого-нибудь действия, ведущих к ослаблению верховной власти, является бóльшим преступлением, когда правонарушитель — профессор права, чем когда таковым оказывается любой другой человек. Точно так же является бóльшим преступлением один и тот же противозаконный поступок, если он совершен человеком, пользующимся славой мудрого, так что многие следуют его советам и подражают его действиям, чем если тот же поступок совершен обыкновенным человеком. Ибо первый не только совершает преступление, но преподает это как

закон всем другим людям. И вообще все преступления усугубляются в зависимости от производимых ими скандалов, т. е. в зависимости от того, насколько они становятся камнями преткновения для слабых людей, которые смотрят не столько на тот путь, на который они вступают, сколько на тот свет, который несут перед ними другие.

Laesae Majestas. Точно так же действия против существующего в государстве положения являются более тяжелыми преступлениями, чем такие же действия против частных лиц, ибо в первом случае вред распространяется на всех. К таким действиям относятся: сообщение врагу секретных сведений о состоянии военных сил государства, всякие покушения на представителя государства, будь то монарх или собрание, и всякие попытки словом или делом умалить авторитет суверена в настоящем или будущем. Этого рода преступления римляне обозначали понятием crimina laesae majestatis[23], и заключаются они в намерении или действиях, противных основному закону.

Взяточничество и лжесвидетельство. Более тяжкими являются также преступления, подрывающие действие судебных решений, и менее — обиды, причиненные одному или нескольким лицам. Например, брать деньги, дабы вынести несправедливое судебное решение, или лжесвидетельствовать на суде более преступно, чем надуть человека на такую же или на бóльшую сумму, ибо в первом случае не только совершено беззаконие по отношению к тому, кто пострадал от такого приговора, но все судебные решения становятся бесполезными, являясь лишь орудиями силы и личной мести.

Хищение. Грабить или расхищать государственную казну или государственные доходы — более тяжкое преступление, нежели грабить и надувать частное лицо, ибо грабить государство — значит грабить сразу многих.

Подделывание и обман государства. Захватить путем обмана государственную должность, подделывать государственные печати или монеты более преступно, чем выдавать себя в целях обмана за какое-нибудь частное лицо или подделывать его печать, ибо обман государства есть нанесение ущерба многим.

Сравнение преступлений против частных лиц. Из незаконных деяний, направленных против частных лиц, бóльшее преступление то, вред которого, по общему мнению, является более чувствительным.

И поэтому противозаконное убийство — бóльшее пре-

ступление, чем всякое другое повреждение, при котором жизнь сохраняется.

Убийство, сопровождаемое пытками,— бóльшее преступление, чем простое убийство.

Членовредительство — бóльшее преступление, чем грабеж.

Похитить имущество, угрожая владельцу смертью или увечьем,— бóльшее преступление, чем тайное похищение.

Тайное похищение — бóльшее преступление, чем похищение имущества с согласия его владельца, полученного путем обмана.

Изнасиловать женщину — бóльшее преступление, чем соблазнить ее лестью.

Соблазнить замужнюю женщину — бóльшее преступление, чем соблазнить незамужнюю.

Ибо такова общая оценка, хотя некоторые люди более, другие менее чувствительны к одному и тому же преступлению. Однако закон считается не с личными склонностями, а с общей склонностью человеческого рода.

Поэтому оскорбления, нанесенные людям обидным словом или жестом, когда они не причиняют иного вреда, кроме непосредственного огорчения того, по чьему адресу эти обидные слова или жесты направлены,— такие оскорбления не считались преступлениями законами греков и римлян, а также законами других, как древних, так и новых, государств, ибо соответствующие законодатели полагали, что истинная причина огорчения обиженного кроется не в оскорблении (которое не должно производить впечатления на людей, знающих себе цену), а в его собственном малодушии.

Преступления против частных лиц точно так же усугубляются обстоятельствами, касающимися лиц, времени и места. Убить родителя — бóльшее преступление, чем убить чужого, так как родитель должен почитаться как суверен (хотя он уступил свою власть гражданскому закону), каким он был в естественном состоянии. А ограбление бедняка есть бóльшее преступление, чем ограбление богача, ибо для бедняка это более чувствительный ущерб.

Преступление, совершенное в месте, отведенном для богослужения, и в часы богослужения, является более серьезным, чем то же преступление, совершенное в другое время и в другом месте, ибо первое проистекает из бóльшего презрения к закону.

Можно было бы привести еще много других отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, но из приведенных

мной примеров всякому человеку ясно, как определить степень преступности любого противозаконного действия.

Что такое государственное преступление. Наконец, так как почти во всех преступлениях пострадавшей стороной являются не только какие-нибудь частные лица, но также и государство, то, если обвинение в каком-нибудь преступлении возбуждено от имени государства, преступление называется государственным преступлением; если же обвинение в том же преступлении возбуждено от имени частного лица, преступление называется частным преступлением; и обвинение соответственно этому называется государственным обвинением — judicia publica, обвинением короны, или частным обвинением. Так, например, при обвинении в убийстве, если обвинителем выступает частное лицо, то обвинение называется частным обвинением; если же обвинителем выступает суверен, обвинение называется государственным.

ГЛАВА XXVIII

О НАКАЗАНИЯХ И НАГРАДАХ

Определение наказания. *Наказание есть зло, причиненное государственной властью тому, кто совершением или несовершением какого-либо деяния совершил, согласно суждению той же власти, правонарушение, причем это зло причиняется с целью сделать волю людей более расположенной к повиновению.*

Откуда проистекает право наказания. Прежде чем вынести какое-нибудь заключение из этого определения, следует ответить на один чрезвычайной важности вопрос, а именно: откуда взялось право, или власть, наказывать в каком бы то ни было случае? Ибо согласно тому, что было сказано раньше, никто не может быть обязан на основании договора не оказывать сопротивление насилию, и, следовательно, нельзя предположить, чтобы кто-либо дал другому право применять насилие по отношению к нему. При образовании государства каждый человек отказывается от права защищать другого, но не от права самозащиты. Каждый обязывается также при образовании государства оказывать содействие суверену, когда тот наказывает другого, но не тогда, когда он хочет наказать самого обязывающегося. Но договор подданного о содействии суверену в причинении вреда другому не переносит на суверена права наказывать, если сам договаривающийся подданный не

имеет этого права. Отсюда ясно, что право государства (т. е. того или тех, кто представляет его) наказывать не имеет своим основанием какую-либо уступку или дар подданных. Но я уже показал раньше, что до образования государства всякий человек имел право на все, а также право делать все, что считал необходимым для своего самосохранения, например подчинить, искалечить и убить любого человека, поскольку это необходимо было для указанной цели. В этом и состоит основа того права наказывать, которое практикуется в каждом государстве. Ибо подданные не дают суверену этого права, и лишь одним тем, что они отказываются от своего права, они расширяют его возможность использовать свое право так, как он это считает нужным в целях сохранения их всех. Таким образом, указанное право было не дано суверену, а лишь оставлено ему, и только ему, и (за исключением границ, поставленных ему естественным законом), оставлено ему в таком же виде, как оно существовало в естественном состоянии и в состоянии войны каждого против своих соседей.

Наказаниями не являются ни ущерб, нанесенный частными лицами, ни личная месть. Из определения наказания я заключаю, во-первых, что ни личная месть, ни ущерб, нанесенные частными лицами, не могут называться наказаниями в собственном смысле слова, так как они не исходят от государственной власти.

Ни отказ в продвижении по службе. Во-вторых, отсутствие внимания к подданному со стороны государства и непродвижение его по службе не есть наказание, ибо всем этим не причиняется человеку какое-нибудь новое зло; он лишь оставляется в том состоянии, в котором был раньше.

Ни зло, причиненное без судебного приговора. В-третьих, зло, причиненное по полномочию государства без предварительного судебного приговора, может называться не наказанием, а лишь враждебным деянием, ибо поступок, за который человек наказывается, должен быть предварительно квалифицированно определен судебным решением как правонарушение.

Ни зло, причиненное узурпатором власти. В-четвертых, зло, причиненное незаконной властью на основании решения судей, не уполномоченных сувереном, является не наказанием, а лишь враждебным действием, ибо осужденное лицо не приняло на свою ответственность действия, совершенные этой властью, и поэтому они не являются действиями государственной власти.

Ни зло, причиненное безотносительно к будущей цели. В-пятых, зло, причиненное без намерения или возможности расположить правонарушителя или благодаря его примеру других людей к повиновению законам, есть не наказание, а лишь враждебное действие, ибо без такой цели никакое причиненное зло не может быть обозначено именем наказания.

Ни зло в силу естественного хода вещей. В-шестых, там, где некоторые действия влекут за собой в силу естественного хода вещей пагубные последствия для действующего лица, например когда человек при совершении покушения на другого сам убит или ранен или когда человек заболевает при совершении какого-либо противозаконного действия, то хотя и можно сказать, что это зло причинено Богом — творцом природы и поэтому является Божьим наказанием, но оно не может быть названо человеческим наказанием, ибо оно не причинено человеческой властью.

Если ущерб, проистекающий из наказания, оказывается меньшим, чем благо от преступления, то это не наказание. В-седьмых, если причиненное преступнику зло перевешивается благом или удовольствием, естественно связанным с совершением преступления, то это зло не подпадает под определение наказания, а является скорее ценой, заплаченной за преступление, или выкупом за него. Ибо в природу наказания входит цель расположить людей к повиновению законам, каковая цель — если зло наказания перевешивается выгодой, проистекающей из правонарушения,— не достигается, и наказание оказывает обратное действие.

Если наказание определено законом, то нанесение бóльшего повреждения за преступление есть не наказание, а враждебное действие. В-восьмых, если наказание за известное преступление определено и предписано самим законом, а на человека, повинного в этом преступлении, наложено бóльшее наказание, то излишек есть не наказание, а враждебное действие. Так как мы видим, что целью наказания является не месть, а устрашение, страх же неизвестного бóльшего наказания не мог иметь места в данном случае ввиду того, что в законе определено более мягкое наказание, то непредвиденный излишек не является частью наказания. Но там, где закон совсем не определяет наказания, всякое причиненное зло имеет природу наказания. Ибо тот, кто решается на правонарушение, наказание за которое не определено законом, ждет неопределенного, т. е. произвольного, наказания.

Ущерб, причиненный за деяние, совершенное до изда-

ния закона, не является наказанием. В-девятых, зло, причиненное за деяние, совершенное до появления закона, запрещающего это деяние, есть не наказание, а враждебное действие. Ибо пока нет закона, последний не может быть нарушен. Наказание же предполагает, что совершенное деяние определено судом как правонарушение. Поэтому зло, причиненное за деяние, совершенное до издания закона, есть не наказание, а враждебное действие.

Представитель государства не наказуем. В-десятых, ущерб, причиненный представителю государства, есть не наказание, а враждебное действие. Ибо существенной особенностью наказания является то, что оно есть зло, причиняемое государственной властью, которая есть власть лишь самого представителя государства.

Ущерб бунтовщикам наносится не по праву наказания, а по праву войны. Наконец, зло, причиненное тому, кто объявлен врагом государства, не подходит под понятие наказания, так как такие враги государства или никогда не были подчинены закону и поэтому не могут нарушать его, или если они были раньше подчинены, а потом заявили, что не намерены больше подчиняться ему, то этим заявлением сделали для себя невозможным нарушать его. Вот почему всякое зло, причиненное таким врагам государства, должно быть рассматриваемо как враждебное действие. Однако тот, кто объявлен врагом государства, может по праву быть подвергнут любой расправе. Отсюда следует, что если подданный станет делом или словом умышленно и преднамеренно подкапываться под авторитет представителя государства, то он может быть по праву подвергнут любой расправе, которую представитель государства пожелает (какое бы наказание ни было предварительно установлено за измену). Ибо своим отказом подчиниться закону он отвергает и установленное законом наказание, а поэтому подвергается расправе как враг государства, т. е. согласно воле представителя. Ибо наказания, установленные в законе, предназначены для подданных, а не для врагов, каковыми являются те, кто, будучи подданными на основании своих собственных действий, умышленным бунтом отрицают верховную власть.

Первое и наиболее общее разделение наказаний есть деление на *Божьи* и *человеческие*. О первых я позже буду иметь повод говорить в более подходящем месте.

Человеческими являются такие наказания, которые применяются по приказанию человека; они бывают или *телесные*, или *денежные*, или *бесчестье*, или *заточение*, или

изгнание, или смешанные, состоящие из указанных выше.

Телесное наказание. *Телесное наказание* — то, которому подвергается непосредственно тело наказуемого согласно намерению применяющего наказание. Таковы, например, удары бичом, нанесение ран или лишение таких физических удовольствий, которым наказуемый мог до этого законным образом предаваться.

Смертная казнь. Телесные наказания делятся на *смертную казнь* и на наказания меньшие. Смертная казнь бывает или простая, или соединенная с пытками. Меньшие суть удары бичом, нанесение ран, наложение оков и причинение всякой другой телесной боли, не смертельной по своей природе. Ибо если за применением наказания следует смерть, что не входило в намерение применяющего наказание, то наказание не следует рассматривать как смертную казнь, хотя повреждение в силу непредвиденной случайности и оказалось смертельным, так как в этом случае смерть была не сознательно причинена, а лишь случайно вызвана.

Денежные наказания. *Денежное наказание* состоит в лишении не только определенной суммы денег, но и поместий и любых других благ, которые обычно покупаются и продаются за деньги. Но в том случае, когда закон, устанавливающий это наказание, создан специально с целью собрать деньги с его нарушителей, это, собственно, не наказание, а цена за привилегии или освобождение от закона, который запрещает действие не всем безусловно, а лишь тем, кто не в состоянии заплатить деньги.

Иначе обстоит дело, когда закон является естественным или частью религии, ибо в этом случае мы имеем не изъятие из закона, а его нарушение. Например, там, где закон требует наложения денежного взыскания на тех, кто употребляет имя Бога всуе, уплата взыскания есть не уплата за разрешение божиться, а наказание за нарушение нерушимого закона. Точно так же если закон требует уплаты известной суммы денег потерпевшему, то это лишь возмещение нанесенного ущерба, которое отменяет лишь иск пострадавшей стороны, но не преступление правонарушителя.

Бесчестье. *Бесчестье* есть причинение такого зла, которое является позорным, или лишение такого блага, которое является почетным в государстве. Ибо есть вещи почетные по природе, как, например, проявление храбрости, великодушия, физической силы, мудрости и других физических и душевных качеств; другие же сделаны почетными госу-

дарством, таковы, например, ордена, титулы, должности и другие особые знаки милости суверена. Первые (хотя они и могут исчезнуть в силу естественных причин или случайности) не могут быть отняты законом, поэтому их потеря не является наказанием. Последние же могут быть отняты государственной властью, сделавшей их почетными, и такое лишение является наказанием в собственном смысле слова. Таково, например, лишение осужденных людей их орденов, титулов и должностей или объявление их неспособными иметь таковые в будущем.

Заточение. *Заточение* имеет место, когда человек лишается государственной властью свободы. Такое лишение свободы имеет место в двух разных случаях. В одном случае берется под стражу человек, против которого возбуждено обвинение, в другом случае причиняется страдание человеку осужденному. Первое не есть наказание, ибо никто не может быть наказан, до того как его дело слушалось в судебном порядке и он был объявлен виновным. Поэтому всякое страдание, причиненное неосужденному человеку наложением оков или каким-либо ограничением сверх того, что необходимо для обеспечения его охраны, противоречит естественному закону.

Во втором случае мы имеем наказание, ибо налицо зло, причиненное государственной властью за нечто, признанное той же властью нарушением закона. Под словом *заточение* я понимаю всякое ограничение свободы передвижения, причиненное внешним препятствием, будь то здание, которое обычно называют тюрьмой, или остров, куда люди, как выражаются, заточены, или место принудительных работ (так, например, в старое время люди приговаривались к принудительным работам в каменоломнях, а сейчас — к работам на галерах), или будь то цепь или иное подобное препятствие.

Изгнание. *Изгнание* — это когда человек за какое-нибудь преступление принуждается оставить пределы государства или какой-либо его части без права возвращения в течение определенного времени или навсегда. Сама по себе без других привходящих обстоятельств такая мера является не наказанием, а скорее бегством или приказом государства избавиться от наказания при помощи бегства. Цицерон утверждает, что подобное наказание никогда не было установлено в городе Риме, и называет это спасением людей, которым грозит опасность. Ибо если изгнанному разрешено пользоваться своим имуществом и доходами со своих земель, то одна перемена воздуха не является наказа-

нием. Такая мера служит не ко благу государства (а для этой цели установлены все наказания, т. е. чтобы направить волю людей к соблюдению закона), а часто даже во вред ему. Ибо изгнанный человек, перестав быть членом изгнавшего его государства, является его законным врагом. Если же вместе с изгнанием он лишается своих земельных владений или имущества, тогда наказание заключается не в изгнании, а должно причисляться к видам денежного наказания.

Наказание невиновных подданных противоречит естественному закону. Всякое наказание невиновных подданных, большое или малое, противоречит естественному закону. Ибо наказание может быть наложено лишь за правонарушение. Наказание невиновного есть поэтому прежде всего нарушение того естественного закона, который запрещает всем людям руководствоваться в своей мести чем-либо, кроме соображения какого-нибудь будущего блага, ибо наказание невиновного не может принести государству никакой пользы. Такое наказание, во-вторых, противоречит естественному закону, запрещающему неблагодарность. Так как всякая верховная власть, как мы знаем, дана вначале с согласия каждого из подданных, дабы получать защиту от этой верховной власти в течение всего времени, пока он будет повиноваться ее повелениям, то наказание невиновного есть воздаяние злом за добро. Такое наказание, в-третьих, есть нарушение естественного закона, предписывающего справедливость, т. е. воздаяние каждому должного, что при наказании невиновного не соблюдается.

Но зло, причиненное невиновному на войне, не противоречит этому закону. Однако причинение какого угодно зла невиновному человеку, который не является подданным, не есть нарушение естественного закона, если это требуется в интересах государства и не является нарушением заключенного ранее договора. Ибо все люди, которые не являются подданными, или суть враги, или перестали быть таковыми в силу предшествующего договора. Против врагов же, которых государство считает способными причинить вред ему, первоначальное естественное право разрешает вести войну, в которой меч не разбирает, а победитель, как и встарь, не делает различия между виновным и невиновным и щадит лишь постольку, поскольку это может идти на пользу его собственному народу.

Как и зло, причиненное тем, кто поднял мятеж. На том же основании и по отношению к подданным, которые предумышленно подкапываются под авторитет установлен-

ного государства, месть государства законно распространяется не только на их отцов, но и на третье и четвертое поколения, которые еще не существуют и, следовательно, не могут быть повинны в том преступлении, за которое они наказываются. Ибо природа этого преступления состоит в отказе от подданства, что является возвращением к состоянию войны, обычно называемому бунтом; и те, кто совершает такие преступления, подвергаются расправе не как подданные, а как враги, ибо *бунт* есть лишь возобновление состояния войны.

Вознаграждение является или жалованьем, или наградой. *Вознаграждение* бывает или в качестве *дара*, или по *договору*. Вознаграждение по договору называется *жалованьем*, или *заработной платой*, и представляет собой благо, причитающееся за оказанную или обещанную услугу. Если же это вознаграждение является даром, то оно представляет собой благо, проистекающее из *милости* тех, кто это благо жалует, и имеющее целью поощрять людей к оказыванию услуг дарующим или дать людям возможность оказывать эти услуги. И поэтому если суверен назначает жалованье за исполнение какой-нибудь государственной должности, то получающий это жалованье юридически обязан исполнять эту должность; в противном случае он обязан лишь из почтения быть признательным и постараться отплатить за оказанную почесть. Ведь хотя люди не имеют никакой законной возможности отказаться, когда суверен повелевает им бросить собственные дела и служить государству без вознаграждения, или жалованья, однако они не обязываются к этому ни естественным законом, ни в силу установления государства, за исключением того случая, когда соответствующие государственные функции не могут быть выполнены иным путем. Ибо предполагается, что суверен может использовать все средства своих подданных в такой же мере, как и самый простой солдат — требовать причитающееся ему жалованье за военную службу.

Блага, пожалованные из боязни, не являются вознаграждением. Блага, которые суверен жалует подданному из боязни, что тот может принести вред государству, не служат вознаграждением в собственном смысле, ибо они не есть жалованье, предварительным условием которого является договор, который в данном случае не мог иметь места, так как всякий человек и без такого договора обязан не вредить государству. Но эти блага также и не милость, ибо они исторгнуты страхом, который не должен быть присущ

верховной власти. Эти пожалованные блага поэтому скорее жертвы, которые суверен (лично, а не в качестве представителя государства) приносит, чтобы задобрить тех недовольных, которых он считает могущественнее себя, и такие жалованные блага поощряют не к повиновению, а, напротив, к дальнейшему продолжению и усилению вымогательств.

Жалованье постоянное и случайное. Притом в некоторых случаях жалованье бывает твердым и получается из государственной казны, а в других — неопределенным и случайным и зависит от выполнения тех обязанностей, за которые оно установлено. Последнего рода жалованье в некоторых случаях вредно для государства, например в судебных органах, ибо, если жалованье судей и служителей суда определяется количеством рассмотренных ими дел, необходимо возникают два неудобства. Такое положение, во-первых, плодит тяжбы, раз, чем больше дел, тем больше жалованье, а во-вторых, оно ведет к спорам о подсудности, ибо каждая судебная инстанция тащит к себе как можно больше дел. Однако в органах исполнения такие неудобства не существуют, ибо эти органы не могут собственными усилиями увеличивать круг своих дел. И этого довольно о наказаниях и вознаграждениях, которые представляют собой как бы нервы и сухожилия, приводящие в движение члены и суставы государства.

До сих пор я обрисовывал природу человека, чья гордость и другие страсти вынудили его подчиниться государству, и одновременно огромную власть его властителя, которого я сравнивал с Левиафаном, взяв это сравнение из последних двух стихов 41-й главы книги Иова, где Бог, рисуя великую силу Левиафана, называет его царем гордости [24]. *Нет на земле,*— говорит Бог,— *подобного ему, он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости.* Но так как этот Левиафан смертен и подвержен тлению, как и все другие земные существа, и так как на небесах (хотя не на земле) существует тот, кого он должен страшиться и чьим законам он должен повиноваться, то в последующих главах я буду говорить о его болезнях, о том, отчего он умирает, и о тех естественных законах, которым он обязан повиноваться.

ГЛАВА XXIX

О ТОМ, ЧТО ОСЛАБЛЯЕТ ИЛИ ВЕДЕТ ГОСУДАРСТВО К РАСПАДУ

Распад государств из-за несовершенного их установления. Хотя ничто, сотворенное смертными, не может быть бессмертно, однако, если бы люди руководствовались тем разумом, на обладание которым они претендуют, их государства могли бы быть по крайней мере застрахованы от смерти вследствие внутренних болезней. Ибо по своей природе эти установления призваны жить так же долго, как человеческий род, или как естественные законы, или как сама справедливость, которая дает им жизнь. Поэтому когда государства приходят в упадок, не вследствие внешнего насилия, а вследствие внутренних междоусобиц, то это вина людей не в силу того, что они являются *материалом*, из которого составлены государства, а в силу того, что они являются *творцами* и распорядителями последних. Ибо когда люди, устав наконец от беспорядочных столкновений и взаимной резни, желают от всей души приладиться друг к другу и образовать совместно прочное и долговечное здание из людского материала, то — вследствие недостатка умения создать справедливые законы, чтобы сообразовать с ними свои деяния, а также скромности и терпения, чтобы мириться с упразднением шероховатых и грубых сторон их прежней безграничной свободы,— без помощи способного архитектора из них не может быть составлено ничего, кроме шаткого здания, которое, едва пережив самих строителей, неминуемо обрушится на голову их потомства.

Из *немощей* государства я поэтому на первом месте полагаю те, которые возникают от несовершенного его установления и которые аналогичны болезням естественного тела, проистекающим от ненормальностей зародыша.

Недостаточность абсолютной власти. Одна из этих немощей состоит в том, *что человек, добившийся королевства, довольствуется иногда меньшей властью, чем та, которая необходима в интересах мира и защиты государства*. Из этого вытекает следующее: когда такому королю приходится в интересах безопасности государства использовать и те права, от которых он отказался, то это имеет видимость незаконного действия с его стороны, побуждающего огромное число людей (при наличии подходящего повода) к восстанию. Так и тела детей, произведенных на свет больными родителями, или обречены на преждевре-

менную смерть, или же дурные последствия их ненормального зачатия сказываются на них разлитием желчи и болезненными наростами.

А когда короли отказываются от некоторых своих неотъемлемых прав, то это не всегда происходит (хотя иногда и может происходить) от незнания того, что́ необходимо для принимаемого ими поста: часто это делается в надежде на то, что они смогут получить эти права обратно, как только пожелают. В этом случае они ошибаются, ибо те, кто заставит их сдержать свое обещание, найдут поддержку против них у иностранных государств, которые в интересах благоденствия своих собственных подданных редко упускают случай ослабить соседние государства. Так, например, архиепископ Кентерберийский Фома Бекет был поддержан папой против Генриха II, ибо подчинение клира государству было отменено Вильгельмом Завоевателем, который при вступлении на престол поклялся не стеснять свободы церкви. Точно так же и бароны, власть которых при Вильгельме Рыжем (который благодаря их содействию унаследовал престол вместо своего старшего брата) выросла до степени, несовместимой с правами верховной власти, были поддержаны французами во время восстания против короля Иоанна [25]

И это случается не только в монархиях. Ибо так как девизом древнеримского государства было: *сенат и народ Рима*, то ни сенат, ни народ не обладали полнотой власти, что прежде всего привело к мятежам Тиберия Гракха, Гая Гракха, Люция Сатурнина и других, затем — к войнам между сенатом и народом при Марии и Сулле, а затем снова при Помпее и Цезаре — к войнам, которые привели к гибели их демократии и установлению монархии [26].

Народ Афин наложил на себя ограничение лишь в отношении одного действия, а именно было запрещено под страхом смерти агитировать за возобновление войны за остров Саламин. Однако, если бы Солон не притворился сумасшедшим и с ужимками и в одеянии сумасшедшего не стал бы в стихах предлагать собравшемуся вокруг него народу возобновление этой войны, афинский народ имел бы перед самыми воротами своего города врага, готового в любую минуту напасть на него [27]. Такой опасности подвергаются или к такой хитрости вынуждены прибегать все государства, которые в чем-либо ограничивают свою власть.

Частные суждения о добре и зле. На втором месте я ставлю болезни государства, причиненные ядом мятеж-

ных учений; одно из них — учение, что *каждый отдельный человек есть судья в вопросе о том, какие действия хороши и какие дурны.* Это верно в условиях естественного состояния, когда нет гражданских законов, а при наличии гражданского правления — в таких случаях, которые не определены законом. Во всех же других случаях ясно, что мерилом добра и зла является гражданский закон, а судьей — законодатель, который всегда представляет государство. Из-за этого ложного учения люди становятся склонными спорить друг с другом и обсуждать повеления государства, а затем повиноваться или не повиноваться им в зависимости от собственного усмотрения, что вносит смуту и ослабляет государство.

Совесть может быть ошибочной. Другим учением, противным гражданскому обществу, является положение: *все, что человек делает против своей совести, есть грех.* Это положение вытекает из предыдущего, согласно которому каждый человек — судья добра и зла, ибо человеческая совесть и его суждение есть одно и то же, и как суждение, так и совесть человека могут быть ошибочны. Поэтому хотя тот, кто не подчинен никаким гражданским законам, и совершает грех во всех тех случаях, когда делает что-либо против своей совести, ибо, кроме своего собственного разума, он не имеет никаких других правил, которым он мог бы следовать, однако с человеком, живущим в государстве, дело обстоит не так, ибо закон есть совесть государства, следовать руководству коего он признал для себя обязательным. Иначе различие, существующее между совестью отдельных людей, которая является лишь личным мнением, должно было бы внести смуту в государство, и всякий стал бы повиноваться верховной власти лишь постольку, поскольку ее повеления встречали бы его личное одобрение.

Претензия на вдохновение. Обычно учили также тому, что *вера и святость приобретаются не учением и размышлением, а сверхъестественным вдохновением, или внушением.* Если признать это положение правильным, то я не вижу, почему кто-либо должен отдавать себе отчет в своей вере, или почему каждый христианин не должен быть также пророком, или почему кто-либо должен руководствоваться в своих действиях законами своей страны, а не собственным вдохновением. Таким образом, мы снова впадаем в ошибку, объявляя себя судьями добра и зла или делая судьями в этих вопросах таких лиц, которые претендуют на сверхъестественное внушение, что должно

вести к разложению всякой гражданской власти. Вера основана на том, что́ мы слышим, а то, что́ мы слышим, обусловлено теми случайностями, которые сталкивают нас с людьми, речи которых мы слышим. Все эти случайности вызваны к жизни всемогущим Богом, однако они являются не сверхъестественными, а лишь незаметными, ибо в выведении всякого следствия участвует огромное их число. Вера и святость на самом деле не очень часто встречаются, однако они не чудеса, а результат воспитания, дисциплины, самоконтроля и других естественных средств, при помощи которых Бог производит их в своем избраннике, когда считает это нужным. Данные три мнения, вредные для мира и для власти, получили распространение в этой части света главным образом из-за речей и книг необразованных теологов, у которых связывание слов Священного писания не соответствует разуму и которые делают все, что в их силах, чтобы заставить людей думать, будто святость и естественный разум суть вещи несовместимые.

Мнение о том, что суверен подчинен гражданским законам. Четвертое мнение, противоречащее природе государства, сводится к тому, что *тот, кто имеет верховную власть, подчинен гражданским законам.* Верно, что все суверены подчинены естественным законам, так как эти законы даны Богом и не могут быть отменены ни человеком, ни государством. Но суверен не подчинен тем законам, которые он сам, т. е. государство, создает. В самом деле, быть подчиненным законам значит быть подчиненным государству, т. е. верховному представителю его, что для суверена означает быть подчиненным самому себе, т. е.— не подчинение законам, а свобода от них. Вышеуказанное ошибочное мнение, ставя законы над сувереном, тем самым ставит над ним и судью, а также власть, которая может его наказывать, но это значит делать нового суверена, и на том же основании — третьего, чтобы наказывать второго, и так дальше до бесконечности, что должно вести к разрушению и разложению государства.

Приписывание абсолютного права собственности подданным. Пятое учение, ведущее к распаду государства, заключается в положении, *что каждый человек обладает абсолютным правом собственности на свое имущество, исключающим право суверена.* Каждый человек обладает в самом деле правом собственности, исключающим право всякого другого подданного. Он имеет это право исключительно от верховной власти, без защиты которой всякий другой человек имел бы равное право на то же самое иму-

щество. Если же было бы исключено и право суверена, то последний не мог бы выполнить возложенных на него обязанностей, а именно обязанностей защиты подданных от иноземных врагов и от взаимных обид внутри, и, следовательно, государство перестало бы существовать.

И если право собственности подданных не исключает права суверенного представителя на их имущество, то тем менее исключается право суверена на занимаемые подданными должности, будь то осуществление правосудия или исполнение приговора, где соответствующие должностные лица представляют самого суверена.

Учение о делимости верховной власти. Имеется шестое учение, ясно и прямо направленное против сущности государства. Оно гласит: *верховная власть может быть делима.* Ибо делить власть государства — значит разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга. И этими учениями люди обязаны главным образом некоторым из профессиональных юристов, стремящимся делать людей зависимыми от их собственных учений, а не от законодательной власти.

Подражание соседним народам. Как и ложные учения, примеры различных форм правления у соседних народов часто располагают людей к изменению установленного образа правления. Именно это обстоятельство побудило еврейский народ отвергнуть Бога и требовать от пророка Самуила царя по образцу прочих народов. Точно так же и небольшие города Греции непрерывно потрясались мятежами аристократических и демократических партий. Почти в каждом государстве одни желали подражать лакедемонянам, другие — афинянам. И я не сомневаюсь, что многие были рады видеть недавние смуты в Англии из желания подражать Нидерландам, полагая, что для увеличения богатств страны не требуется ничего больше, как изменить, подобно Нидерландам, форму правления. В самом деле, люди по самой своей природе жаждут перемен. Если поэтому они имеют перед собой пример соседних народов, которые еще и разбогатели при этом, то они не могут не прислушиваться к тем, кто подстрекает их к переменам. И они рады, когда смута начинается, хотя горюют, когда беспорядки принимают затяжной характер, подобно тому как нетерпеливые люди, заболевшие чесоткой, раздирают себя ногтями, пока боль не становится нестерпимой.

Подражание грекам и римлянам. Что касается восстаний, в частности против монархии, то одной из наиболее частных причин таковых является чтение политических

и исторических книг древних греков и римлян. Ибо, поддаваясь сильному и приятному впечатлению от великих военных подвигов, совершенных полководцами этих народов, молодые и другие люди, которым не хватает противоядия солидного ума, получают вместе с этим яркое представление обо всем, что, кроме того, сделали народы, и воображают, что их великое преуспевание было обусловлено не соперничеством отдельных людей, а демократической формой правления. При этом такие люди не принимают во внимание тех частых мятежей и гражданских войн, к которым приводило несовершенство их политического строя. Благодаря чтению таких книг, говорю я, люди дошли до убийства своих королей, так как греческие и латинские писатели в своих книгах и рассуждениях о политике объявляют законными и похвальными такие действия, если только, прежде чем их совершить, человек назовет свою жертву тираном. Ибо они не говорят regicide — «цареубийство законно», а говорят tyrannicide — «тираноубийство законно». Благодаря этим книгам те, кто живет под властью монарха, получают представление, будто подданные демократического государства наслаждаются свободой, в монархии же все подданные — рабы. Я говорю, что такое представление составляют себе те, кто живет под властью монархии, а не те, кто живет под властью демократического правительства, ибо последние не имеют питательной почвы для такого представления. Короче говоря, я не могу себе представить более пагубной для монархии вещи, чем разрешение открыто читать подобные книги, без таких поправок благоразумных знатоков, которые могут противодействовать яду этих книг. Не колеблясь, я сравниваю этот яд с укусом бешеной собаки, вызывающим болезнь, которую врачи называют hudrophobia, или *водобоязнь*. Ибо, подобно тому как такой укушенный мучается непрерывной жаждой и все же боится воды и находится в таком состоянии, как будто яд сейчас превратит его в собаку, так и монархия, раз укушенная теми демократическими писателями, которые постоянно ворчат на эту форму правления, больше всего желает иметь сильного монарха и в то же время из какой-то tyrannophobia, или тираноболязни, страшится иметь его.

Подобно тому как были ученые, полагавшие, что человек имеет три души, так имеются ученые, полагающие, что государство может иметь более одной души (т. е. более одного суверена), и учреждающие *верховенство* против *суверенитета*, *каноны* — против *законов* и *духовную*

власть — против *гражданской*. Эти ученые оперируют словами и различными определениями, которые сами по себе ничего не означают и лишь выдают своей неясностью, что здесь, в темноте, как некоторые думают, невидимо бродит другое царство, как бы царство фей. Так как мы знаем, что гражданская власть и власть государства одно и то же и что верховенство и власть делать каноны и жаловать привилегии подразумевают наличие государства, то отсюда следует, что там, где один является сувереном, а другой — верховным представителем духовной власти, где один может издавать законы, а другой — каноны, необходимо имеются два государства над одними и теми же подданными, а это значит, что государство раздвоено в самом себе и не может существовать. Ибо, несмотря на ничего не говорящее различие между *светским* и *духовным*, здесь имеются два царства, и каждый подданный подчинен двум властелинам. В самом деле, так как мы видим, что *духовная* власть требует для себя права объявлять, что́ есть грех, и, следовательно, требует для себя права объявлять, что́ есть закон (так как грех есть лишь нарушение закона), а, с другой стороны, гражданская власть требует для себя права объявлять, что такое закон, то всякий подданный вынужден подчиняться двум властелинам, причем оба требуют, чтобы их приказы соблюдались как закон, что невозможно. А если имеется лишь одно царство, тогда или *гражданская* власть, которая есть власть государства, должна быть подчинена *духовной*, и тогда имеется лишь *духовный* суверенитет, или же *духовная* власть должна быть подчинена *светской власти*, и тогда имеется лишь *светское верховенство*. Поэтому, когда обе эти власти противостоят друг другу, государство подвергается большой опасности гражданской войны и распада, ибо *гражданская* власть, будучи более очевидной и понятной естественному разуму, не может не перетянуть на свою сторону значительную часть народа. С другой стороны, сильнее всякого иного страха *духовная* власть, хотя и окутана тьмой различных схоластических определений и непонятных слов, не может не иметь на своей стороне партии, достаточной, чтобы внести смуту в государство, а иногда и разрушить его. И это есть болезнь, которую не без основания можно сравнить с эпилепсией, или падучей (принимаемой евреями за известный вид одержимости духом), в естественном теле. Ибо, подобно тому как при этой болезни имеется неестественный дух, или дуновение, в голове, который парализует корни нервов и, насильственно двигая нервы, лишает их движе-

ний, которые они естественным образом получили бы от мозга, и этим сообщает сильные и непрерывные движения (которые люди называют конвульсиями) частям тела, так что человек, охваченный ими, падает, как бы лишенный чувств, иногда в воду, иногда в огонь — точно так же и в политическом теле, когда духовная власть движет члены государства страхом наказаний и надеждой на награду (которые являются нервами государства) не так, как они должны были бы быть движимы гражданской властью (которая является душой государства), и странными и непонятными словами путает разум людей, то этим она неминуемо вносит смуту в умы и или подавляет государство насилием, или бросает его в огонь гражданской войны.

Смешанное правление. Иногда бывает более одной души и при чисто гражданском правлении. Например, в тех случаях, когда право взимания податей и налогов (питательная способность) зависит от решения общего собрания, право управления и командования (двигательная способность) принадлежит одному человеку, а власть издавать законы (разумная способность) зависит от случайного согласия не только этих двух сил, но также и третьей. Такое положение подвергает государство опасности иногда вследствие того, что отсутствие согласия мешает изданию хороших законов, но чаще всего вследствие недостатка той пищи, которая необходима для жизни и движения. Ибо хотя некоторые люди и понимают, что такое правительство есть не правительство, а государство, поделенное между тремя партиями, и называют такую форму правления смешанной монархией, однако в действительности имеется в этом случае не одно независимое государство, а три независимые партии, не одно представительное лицо, а три. В Царстве Божием могут быть без нарушения единства Бога, который царствует, три независимых лица; но там, где царствуют люди, которые могут поддаваться различным мнениям, это невозможно. Поэтому если король является носителем лица народа и общее собрание также является носителем лица народа, а другое собрание является носителем лица части народа, то перед нами не одно лицо или не один суверен, а три лица и три суверена.

Я не знаю, с какого рода болезнью человеческого тела можно точно сравнить указанное ненормальное устройство государства. Однако я видел человека, из бока которого вырос другой человек с собственной головой, руками, грудью и желудком. Если бы у этого человека вырос из

другого бока еще один человек, сравнение с этой аномалией могло бы быть точным.

Недостаток денежных средств. До сих пор я называл наиболее серьезные и чреватые опасностями болезни государства. Бывают и другие, не столь серьезные болезни, которые, однако, нельзя обойти молчанием. Первой из этих болезней является трудность взимания денег, необходимых для потребностей государства, особенно когда надвигается война. Эта трудность возникает из того мнения, которое каждый подданный имеет о своем праве собственности на свои земли и движимое имущество, а именно будто это право исключает право суверена пользоваться им. Следствием этого бывает, что верховная власть, которая предвидит нужды и опасности государства,— замечая, что приток средств в государственное казначейство вследствие упорства народа прекратился, между тем как должен был бы расшириться,— чтобы иметь возможность встретить и предупредить опасность в самом начале, пока можно, сокращает свои расходы; когда же это становится дольше невозможным, она начинает бороться с народом орудием закона, чтобы получить небольшие суммы, но так как эти суммы недостаточны, то в конце концов верховная власть вынуждена или насильственными мерами собрать необходимые ей средства, или же погибнуть. И если верховная власть часто бывает вынуждена прибегать к этим крайним мерам, она в конце концов приводит народ к требуемому повиновению, иначе государство должно погибнуть. Эту болезнь мы можем вполне обоснованно сравнивать с лихорадкой, при которой мясистые части застывают или бывают закупорены каким-нибудь ядовитым веществом, вследствие чего вены, которые при нормальном состоянии организма являются проводниками крови к сердцу, не получают ее в той мере, как это должно быть от артерий. Результатом этого бывают в первый момент холодное сжатие и дрожь членов, а затем горячее и энергичное усилие сердца протолкнуть кровь. Но прежде чем сердце может сделать это, оно довольствуется освежительным действием вещей, которые временно его охлаждают, пока (если организм достаточно силен) оно не сломит упорства закупоренных частей и не испарит яда в пот, иначе (если организм слишком слаб) больной умирает.

Монополии и злоупотребления в области государственных откупов. Кроме того, бывает иногда болезнь государства, похожая на плеврит. Это бывает тогда, когда государственные финансы, оставив русло, по которому они обычно

текут, в слишком большом количестве концентрируются в руках одного или немногих частных лиц — монополистов или откупщиков государственных доходов, подобно тому как при плеврите кровь, концентрируясь в грудной оболочке, производит здесь воспаление, сопровождающееся лихорадкой и острой болью.

Популярность отдельных лиц. Опасной болезнью является также популярность могущественных подданных, если государство не имеет очень хорошего залога их верности. Ибо народ, который должен бы быть подвигнут авторитетом суверена, получает отвращение к повиновению законам вследствие лести и славы какого-нибудь честолюбца, чтобы следовать за ним, хотя нравственных качеств и намерений его он не знает. Это обычно более чревато опасностями при демократии, чем при монархии, ибо армия представляет собой такую силу и охватывает собой такую массу людей, что ей легко внушить, будто она является народом. Такими именно средствами Юлий Цезарь — он был поддержан народом в борьбе с сенатом, завоевав любовь своей армии,— и сделал себя властелином над народом и сенатом. Этот образ действия популярных и честолюбивых людей представляет собой явный мятеж и может быть сравним с действием колдовства.

Чрезмерная величина одного города, множество корпораций. Другим недугом государства является наличие в нем неумеренно большого города, если тот имеет возможность снарядить из среды своего населения и за свой счет большую армию. Болезнью является также наличие большого числа корпораций, представляющих собой как бы много маленьких государств в недрах одного большого, как черви во внутренностях живого человека.

Свобода высказываний против верховной власти. К этим болезням может быть прибавлена свобода высказываться против абсолютной власти, предоставленная людям, претендующим на политическую мудрость. И хотя эти люди в большинстве случаев являются выходцами из низов народа, однако, будучи воодушевлены ложными учениями, они своими непрерывными нападками на основные законы производят беспокойство в государстве и подобны в этом отношении маленьким червячкам, которых врачи называют *аскаридами*.

Мы можем, далее, прибавить к болезням государства: неутомимую жажду, или βούλιμια, расширения своих владений, имеющую часто своим следствием неисцелимые *раны*, полученные от врагов; *опухоль* неприсоединенных

завоеванных земель, которые часто являются бременем и теряются с меньшей опасностью, чем приобретаются, а также *летаргию* изнеженности и *мотовство* пиршеств и ненужных расходов.

Распад государства. Наконец, когда в войне (внешней или внутренней) враги одержали решительную победу, так что подданные не находят больше никакой защиты в своей лояльности (ибо военные силы государства покинули поле сражения), тогда государство *распадается*, и каждый человек волен защищать себя теми средствами, какие ему подскажет собственное разумение. Ибо суверен есть душа государства, дающая ему жизнь и движение, и, когда эта душа умирает, члены управляются ею не более, чем труп человека управляется покинувшей его (хотя и бессмертной) душой. И хотя право суверенного монарха не может быть уничтожено актом другого, однако обязательство членов — может. Ибо тот, кто нуждается в защите, может ее искать где угодно, и если он имеет ее, то обязан защищать своего защитника, пока хватит его сил (не прибегая к мошеннической отговорке, что он, мол, подчинился ему из страха). Если же низвержена власть собрания, то его право угасает раз и навсегда, ибо само собрание прекратило свое существование и, следовательно, не может снова стать носителем верховной власти.

ГЛАВА XXX

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СУВЕРЕНА

Обеспечение блага народа. *Обязанности* суверена (будь то монарх или собрание) определяются той целью, ради которой он был облечен верховной властью, а именно целью обеспечения *безопасности народа*, к чему он обязывается естественным законом и за что он отвечает перед Богом, творцом этого закона, и ни перед кем другим. Но под обеспечением безопасности подразумевается не одно лишь обеспечение безопасности голого существования, но также обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства.

Посредством просвещения и законов. Выполнение этой задачи подразумевает не только заботы об отдельных индивидуумах помимо защиты их от обид, когда они на таковые жалуются, а общие меры, состоящие в просвещении народа посредством учения и примера и в издании и применении

хороших законов, которые отдельные лица могли бы применять к обстоятельствам своей жизни.

Отказ от какого-либо из его существенных прав противоречит долгу суверена. Так же как и оставление народа в неведении об их основах. Так как упразднение существенных прав верховной власти (специально изложенных в XVIII главе) повлекло бы за собой распад государства и возвращение каждого человека к состоянию и бедствиям войны всех против всех (что было бы величайшим из всех несчастий, могущих произойти в его жизни), то обязанность суверена — удержать за собой эти права в полном объеме. Следовательно, суверен поступает прежде всего против долга, уступая другому или отрекаясь от какого-нибудь из этих прав. Ибо тот, кто отказывается от средств, ведущих к определенным целям, тем самым отказывается также и от этих целей, а отказывается от средств тот, кто, будучи сувереном, признает себя подчиненным гражданским законам или отказывается от права высшей юрисдикции, или от права собственной властью объявлять войну и заключать мир, или от права определять нужды государства, или от права взимания налогов и набора солдат, когда и сколько он по совести сочтет нужным, или от права назначения военных и гражданских чиновников и должностных лиц, или от права назначения учителей и от права определять, какие учения соответствуют и какие противоречат интересам защиты, мира и блага народа. Суверен, во-вторых, поступает против долга, если он оставляет народ в неведении или в полузнании об основах и смысле этих его существенных прав, так как вследствие этого люди могут поддаться соблазну и подстрекательству и оказывать противодействие суверену именно тогда, когда интересы государства требовали бы использования и осуществления этих прав.

А основы этих прав тем более необходимо старательно и правильно разъяснять, что они не могут быть поддержаны ни гражданским законом, ни страхом законного наказания. Ибо гражданский закон, который запретил бы бунт (а таковым является всякое противодействие существенным правам верховной власти), имел бы (как гражданский закон) обязательную силу лишь на основании естественного закона, запрещающего нарушение верности. А если люди не знают этой естественной обязанности, то они не могут знать и права суверена на составление закона. Наказание же они принимают лишь за враждебный акт, который они будут стремиться отвратить от себя враждебными

действиями со своей стороны, если считают себя достаточно сильными для этого.

Возражение тех, кто утверждает, будто абсолютная власть основана не на принципах разума. Я слышал, как некоторые утверждали, что «справедливость» есть лишь слово без всякого содержания и все, что человек может приобрести силой или хитростью, есть не только в состоянии войны, но и в государстве его собственное. Ложность этих утверждений я уже показал. Точно так же имеются люди, которые утверждают, что эти существенные права, делающие верховную власть абсолютной, не имеют никаких оснований и не могут быть подкреплены никакими принципами разума. Ибо, если бы такие основания и принципы имелись, они были бы найдены в том или другом месте, между тем как мы видим, что до сих пор не существовало государства, в котором эти права признавались бы или требовались. Эти люди рассуждают так же плохо, как дикие жители Америки — если бы те стали отрицать существование каких бы то ни было оснований или принципов разума, в силу которых построенный дом должен сохраняться так же долго, как и материал, из которого он сделан, обосновывая свое отрицание тем, что они, мол, еще не видели столь хорошо построенного дома. Время и человеческое трудолюбие рождают каждый день новое знание. И подобно тому как лишь много времени спустя, после того как человеческий род начал (хотя плохо) строить, было изобретено искусство хорошо строить на основании применений принципов разума, открытых трудолюбивыми людьми, которые долго изучали природу материалов и различное влияние фигуры и пропорции, точно так же много времени спустя, после того как люди начали создавать несовершенные и подверженные возврату в беспорядочное состояние государства, могут быть прилежным размышлением найдены принципы разума, применение которых сделало бы существование государства долговечным (если только оно не подвергается насилию извне). И это именно те принципы, которые я изложил в настоящем трактате, причем меня в данный момент мало интересует, обратят ли внимание на эти принципы те, кто имеет власть практически применять их, отнесутся ли они к ним с пренебрежением или нет. Но если мы предположим, что изложенные мной принципы не являются принципами разума, то я во всяком случае уверен, что они являются принципами, имеющими за собой авторитет Писания, как я это покажу, когда буду говорить о царствовании Бога (при посредстве

Моисея) над еврейским народом, принадлежавшим ему на основании заключенного с ним завета.

Возражение против мнения о неспособности простого народа. Говорят еще, что хотя эти принципы правильны, однако простой народ не обладает в достаточной степени умственными способностями, чтобы его можно было просветить на их счет. Я был бы рад, если бы богатые и могущественные подданные какого-либо королевства или те, кто считается наиболее ученым, оказались не менее неспособными, чем простой народ. Но все знают, что помехой признанию этого рода учения служат не трудности его содержания, а интересы тех, кто должен им проникнуться. Сильные люди с трудом переваривают что-либо, клонящееся к установлению власти, которая обуздывала бы их страсти, а ученые люди — с тем, что обнаруживает их ошибки и этим умаляет их авторитет, между тем как умы простых людей, если они не зависят от сильных и не запутаны мнениями ученых, представляют собой чистую бумагу, способную воспринимать все, что государственная власть запечатлеет на ней. Если целым народам можно было внушить *убеждение* в истинности великих таинств христианской религии, которые выше человеческого разума, а миллионам людей внушить веру в то, что одно и то же тело может находиться одновременно в бесчисленных местах, что противоречит разуму, то разве не могут люди учением и проповедью, покровительствуемыми государством, заставить признать учение, в такой степени согласное с разумом, что всякому непредубежденному человеку стоит лишь прислушаться к нему, чтобы проникнуться им? Поэтому я заключаю, что, пока суверен удерживает за собой всю полноту власти, трудности просвещения народа относительно существенных прав верховной власти, которые являются естественными и основными законами, создаются лишь ошибками самого суверена или тех, кому он доверил управление государством. Следовательно, долг суверена заставить просвещать народ относительно этих прав: этого требует не только его долг, но и интересы его блага и безопасности, ибо лишь так он может предотвратить опасность, которая грозит ему лично от восстания.

Подданные обязаны понимать бесполезность изменения формы правления. И (чтобы перейти к частностям) народ следует просвещать насчет того, во-первых, что он не должен увлекаться формами правления соседних народов больше, чем своей формой правления, и что он не должен стремиться к изменению последней, какое бы благоден-

ствие он ни наблюдал у народов, управляемых иначе, чем он. Ибо благоденствие народа, управляемого аристократическим или демократическим собранием, обусловлено не формой правления, а послушанием и согласием подданных, и в монархии народ процветает не потому, что право управлять им принадлежит одному человеку, а потому, что народ повинуется этому человеку. Устраните в каком-либо государстве послушание народа, следовательно, и его внутреннее согласие, и народ не только не будет процветать, но в короткое время погибнет. Те, которые своим неповиновением думают лишь реформировать государство, найдут, что они его этим разрушили, и, таким образом, очутятся в положении глупых дочерей Пелея, которые, как гласит легенда, желая омолодить своего дряхлеющего отца, разрубили его по совету Медеи на куски и сварили вместе с какими-то дикими травами, но этим не сделали из него нового человека. Это стремление к изменению существующей в государстве формы правления есть как бы нарушение первой заповеди Бога, которая гласит: non habebis Deos alienos — да не будет у тебя Богов других народов; а в другом месте Бог говорит о *царях*, что они *Боги*.

И не отдавать предпочтение какому-либо популярному лицу в противовес суверену. Следует, во-вторых, внушать народу, что он не должен поддаваться восторгу перед доблестью кого-нибудь из сограждан, какое бы высокое положение он ни занимал и как бы ярко ни блистала его слава в государстве, или перед доблестью какого-нибудь собрания (за исключением верховного) так, чтобы оказывать им то повиновение и те почести, которые приличествует оказывать лишь суверену, которого они каждый на своем месте представляют, а также что он должен поддаваться их влиянию лишь постольку, поскольку они проводят влияние верховной власти. Ибо нельзя себе представить, чтобы суверен любил свой народ должным образом, если не ревнует его и терпит, чтобы, соблазненный лестью популярных людей, народ отказался от преданности ему, что часто бывало не только тайно, но и открыто, когда народ устами проповедников объявлял брачный союз с этими популярными людьми in facie Ecclesiae [28] и провозглашал его среди улицы. Это можно было без натяжки сравнивать с нарушением второй из десяти заповедей [29]

И не спорить о верховной власти. В-третьих, вследствие этого народ должен знать, сколь большим преступлением является дурной отзыв о верховном представителе — будь то один человек или собрание людей — или рассуждать

и спорить о его власти, или так или иначе непочтительно употреблять его имя, так как всем этим суверен может быть унижен в глазах народа и может быть поколеблено повиновение народа, в котором заключается спасение государства, и таковое учение представляет собой аналогию третьей заповеди.

И иметь время для изучения своего долга по отношению к суверену. В-четвертых, ввиду того что народ не может учиться, а если учился, не может запомнить, а по прошествии поколений не может даже знать, кому принадлежит верховная власть, если время от времени, не отложив в сторону своих обычных занятий, он не послушает тех, кто назначен просвещать его,— ввиду этого необходимо, чтобы было установлено время, когда народ мог бы собираться и по вознесении молитв и хвалы Богу — царю царей слушать поучение о своих обязанностях, а также чтение и толкование положительных законов, поскольку они касаются всех подданных, и напоминание о той власти, благодаря авторитету которой они становятся законами. Для этой цели евреи каждый седьмой день имели субботу, когда им читался и толковался закон и торжественность которого напоминала им, что их царем является Бог, который, сотворив мир в шесть дней, в седьмой почил. А отдых от всякой работы напоминал им о том, что царем их является тот Бог, который вывел их из Египта, страны рабства, и дал им время, когда они могут после торжественного богослужения сами наслаждаться законным покоем. Первая скрижаль Завета, таким образом, вся заполнена изложением содержания абсолютной власти Бога, не только как Бога, но и как царя в силу завета, заключенного (в отличие от всех других народов) с евреями, и эта скрижаль Завета может служить всем суверенам, имеющим власть в силу их договора с людьми, указанием, чему они должны учить своих подданных.

И почитать своих родителей. А так как первоначальное обучение детей предоставлено заботам их родителей, необходимо, чтобы дети, пока они находятся под опекой родителей, были послушны им, а также и потом, как этого требует благодарность, внешними знаками почтения признавали бы благотворность полученного воспитания. С этой целью детям надо внушить, что вначале отец всякого человека был и его сувереном, властелином, имевшим власть над его жизнью и смертью, и хотя по установлении государства отцы семейств отреклись от этой абсолютной власти, однако никогда не имелось в виду, чтобы они теряли право

на то уважение, которое заслужили от своих детей заботами об их воспитании. В самом деле, отказ от такого права вовсе не требовался в целях установления суверенной власти; да и не было бы побудительных мотивов у людей к тому, чтобы иметь детей и заботиться об их содержании и воспитании, если бы они впоследствии имели от них не больше благодеяний, чем от прочих людей. И это согласуется с пятой заповедью.

И уклоняться от совершения незаконных деяний. Каждый суверен обязан, кроме того, заботиться о том, чтобы народ учили справедливости, которая состоит в том, что ни у кого нельзя отнимать того, что ему принадлежит, т. е.— о том, чтобы людям было внушено не отнимать у своих соседей насилием и хитростью то, что принадлежит тем на основании права, признанного сувереном. Из объектов права собственности наиболее дороги для человека его жизнь и члены его тела; следующим по степени является для большинства людей то, что относится к супружеской привязанности, а затем богатство и средства к существованию. Поэтому следует внушать людям, чтобы они воздерживались от совершения из мести насилия над личностью другого, от покушения на супружескую честь и от насильственного похищения и мошеннического присвоения чужого имущества. В указанных выше целях необходимо также показать людям пагубные последствия несправедливого суда вследствие продажности судей или свидетелей, когда теряется всякое понятие о собственности и правосудие перестает оказывать какое бы то ни было действие. Все эти принципы содержатся в шестой, седьмой, восьмой и девятой заповедях.

И все это делать искренне, от всей души. Наконец, надо людям внушать, что не только незаконные деяния, но и намерения совершать их, хотя случайно и неосуществленные, являются беззаконием. Ибо в порочности воли беззаконие заключается точно так же, как в преступности деяния. В этом и состоит смысл десятой заповеди и содержание второй скрижали, которое сводится целиком к заповеди взаимной любви: *возлюби ближнего своего, как самого себя*, подобно тому как содержание первой скрижали сводится к заповеди *любви к Богу*, которого евреи незадолго перед этим поставили царем над собой.

Практика университетов. Что же касается средств и путей доведения этих принципов до сознания людей, то мы должны исследовать, какими средствами укоренялись в сознании столь многие взгляды, враждебные интересам

мира человеческого рода, несмотря на то что они зиждутся на слабых и ложных принципах. Я имею в виду те взгляды, на которых я подробно останавливался в предыдущей главе, а именно будто люди должны судить о том, что закономерно и что незакономерно, не на основании самого закона, а по указаниям своей собственной совести, т. е. на основании своего личного разумения; будто подданные совершают грех, повинуясь велениям государства, если они сами предварительно не признали этих явлений закономерными; будто право собственности подданных на свое имущество исключает господство государства над этим имуществом; будто подданные имеют право убивать тех, кого они называют тиранами; будто верховная власть может быть разделена,— и все другое в этом духе, что может быть внушено людям этими средствами. Люди, которых нужда или корыстолюбие заставляют всецело отдаться своим промыслам и труду, а с другой стороны, люди, которых избыток средств или лень побуждают отдаваться чувственным удовольствиям (обе эти категории людей составляют бóльшую часть человеческого рода), не имея времени предаваться глубоким размышлениям, которых требует исследование истины не только в вопросах естественного права, но и во всех других отраслях знания, получают понятия о своем долге главным образом от теологов на кафедре и отчасти от таких соседей или знакомых, которые кажутся им благодаря своей способности говорить плавно и общедоступно более мудрыми и более сведущими в вопросах права и совести, чем они сами. А теологи и другие претендующие на ученость получают свои знания из университетов и правовых школ или из книг, опубликованных выдающимися представителями этих школ и университетов. Из этого очевидно, что просвещение людей всецело зависит от правильной постановки обучения юношества в университетах. Но разве, могут спросить некоторые, университеты Англии не научились еще делать это? Или ты задумал учить университеты? Серьезные вопросы. Однако, что касается первого из них, я, не колеблясь, отвечаю, что до самого конца царствования Генриха VIII главным образом университеты поддерживали власть папы против власти государства, и тот факт, что многие учения, направленные против верховной власти короля, поддерживаются столькими проповедниками, юристами и другими людьми, получившими свое образование в университетах, достаточно ясно свидетельствует о том, что хотя университеты и не были творцами этих ложных доктрин, но они не

сумели внушить своим питомцам истинных учений. Ибо противоречивые взгляды, господствующие среди воспитанников университетов, доказывают, что они недостаточно обучены, и не приходится удивляться тому, что они сохранили вкус того тонкого напитка, которым напоили их против гражданской власти. Что же касается второго вопроса, то мне не приличествует, да и нет необходимости, отвечать *да* или *нет*. Ибо всякий, видящий то, что я делаю, легко может понять, что́ я думаю.

Безопасность народа требует, далее, от того или тех, кто имеет верховную власть, чтобы справедливость была в одинаковой мере соблюдена по отношению к людям всех состояний, т. е. чтобы как богатые и высокопоставленные, так и бедные и незаметные люди могли одинаково найти управу против чинимых им обид и знатный человек, учиняя насилие, нанося бесчестье или какую-нибудь другую обиду человеку низшего состояния, имел бы не бо́льшую надежду на безнаказанность, чем человек низкого состояния, совершивший то же самое по отношению к знатному человеку. Ибо в этом заключается принцип нелицеприятия, которому как естественному закону суверен подчинен так же, как последний из его подданных. Всякое нарушение закона есть преступление против государства, но некоторые являются преступлениями и против частных лиц. И вот те преступления, которые затрагивают только государство, могут быть прощены без нарушения принципа нелицеприятия, ибо всякий человек волен прощать учиненные ему обиды по своему усмотрению. Но обиды, учиненные частным лицам, не могут по справедливости быть прощены без согласия обиженного или без предоставления ему разумного удовлетворения.

Неравенство подданных является следствием актов верховной власти, и поэтому оно так же не существует в присутствии суверена, т. е. в суде, как неравенство между королями и их подданными не существует в присутствии Царя царей. Честь высокопоставленных лиц должна оцениваться в зависимости от тех благодеяний и помощи, которые они оказывают нижестоящим людям, или же эта честь ничего не стоит. Чинимые ими насилия, притеснения и обиды не смягчаются, а, наоборот, усугубляются высоким положением этих лиц, ибо они меньше всего совершают это из нужды. Последствия лицеприятия по отношению к знатным людям развертываются в следующем порядке. Безнаказанность рождает наглость, наглость — ненависть, а ненависть порождает усилия свергнуть всякую притесняю-

щую и наглую знать, хотя бы и ценой гибели государства.

Равномерное налогообложение. К равной справедливости относится также равномерное налогообложение, равенство которого зависит не от равенства богатства, а от равенства долга всякого человека государству за свою защиту. Недостаточно, чтобы человек только трудился для поддержания своего существования: он должен также в случае необходимости сражаться для защиты своего труда. Люди должны или поступать, как евреи при восстановлении храма после возвращения из плена, когда они одной рукой строили, а в другой держали меч, или же должны нанимать других, чтобы те сражались за них [30] Ибо налоги, которыми верховная власть облагает людей, есть не что иное, как жалованье, причитающееся тем, кто держал государственный меч для защиты людей, занимающихся различными промыслами и ремеслами. Ввиду того что благо, которое всякий при этом получает, есть наслаждение жизнью, одинаково дорогое богатому и бедному, то и долг бедного за защиту его жизни равновелик с долгом богатого, кроме тех случаев, когда богатые, имея на службе у себя бедных, могут быть должниками не только за себя, но и за многих других. В силу сказанного равенство обложения определяется скорее равенством потребления, чем богатством тех лиц, которые одинаково потребляют. Ибо на каком основании должен бы быть более обременен тот, кто работает много и, сберегая плоды своего труда, мало потребляет, чем тот, кто, живя беспечно, мало приобретает и расходует все приобретенное, в то время как один получает не больше защиты от государства, чем другой? Когда же налогами облагается то, что люди потребляют, тогда всякий платит соразмерно своему потреблению и государство не терпит убытка от расточительности частных лиц.

Государственная благотворительность. Если многие люди вследствие неотвратимых случайностей сделались неспособными поддерживать себя своим трудом, то они не должны быть предоставлены частной благотворительности, а самое необходимое для существования должно быть им обеспечено законами государства. Ибо, подобно тому как было бы жестокостью со стороны кого-либо отказывать в поддержке беспомощному человеку, точно так же было бы жестокостью со стороны суверена — государства подвергать таких беспомощных людей случайностям неопределенной благотворительности.

Предупреждение отлынивания от работы (idleness). Иначе обстоит дело с физически сильными людьми, ибо

таких надо заставить работать, а чтобы они не могли отговариваться отсутствием работы, необходимо поощрять всякого рода промыслы, как судоходство, земледелие, рыболовство, и все отрасли промышленности, требующие рабочих рук. Если же масса бедных, но сильных людей продолжает расти, то они должны быть переселены в еще недостаточно заселенные страны, где они, однако, должны не истреблять находящихся там обитателей, а лишь заставить их потесниться: сами же переселенцы не должны растягиваться на большое пространство, захватывая все, что находят, а каждый из них должен умело и старательно обрабатывать маленький клочок земли, который мог бы доставить ему пропитание в надлежащее время. А когда весь мир окажется перенаселенным, тогда остается как самое последнее средство война, которая заботится о всяком человеке, давая ему победу или смерть.

Что такое хорошие законы. Суверен должен заботиться об издании хороших законов. Но что такое хороший закон? Под хорошим законом я разумею справедливый закон, ибо никакой закон не может быть несправедливым. Закон издается верховной властью, а все, что делается этой властью, делается на основании полномочий и ответственности каждого из ее подданных, а то, что соответствует воле всякого человека, никто не может считать несправедливым. С законами государства дело обстоит точно так же, как с законами игры. Все, о чем договорились все игроки, не является несправедливостью по отношению к кому бы то ни было из них. Хороший закон — это тот, который *необходим* для *блага народа* и одновременно *общепонятен*.

Те, которые необходимы. Дело в том, что задача законов, которые являются лишь установленными верховной властью правилами, состоит не в том, чтобы удержать людей от всяких произвольных действий, а в том, чтобы дать такое направление их движению, при котором они не повредили бы самим себе своими собственными необузданными желаниями, опрометчивостью и неосторожностью, подобно тому как изгороди поставлены не для того, чтобы остановить путешественников, а для того, чтобы не дать им сбиться с дороги. Поэтому ненужный закон плох, ибо он не выполняет своей истинной задачи. Можно было бы думать, что закон хорош, когда он выгоден суверену, хотя бы он не был нужен народу, но это неверно. Ибо нельзя отделить благо суверена от блага народа. Слаб тот суверен, который имеет слабых подданных, и слаб тот народ, суверен которого не имеет власти, чтобы управлять им по своей воле.

Ненужные законы суть не хорошие законы, а ловушки в целях сбора денег, излишние там, где права суверенной власти признаны, и недостаточные для защиты народа там, где эти права не признаны.

Те, которые понятны. Понятность закона зависит не столько от изложения самого закона, сколько от объявления причин и мотивов его издания. Именно это показывает нам намерение законодателя, а когда намерение известно, тогда легче понять закон, изложенный кратко, а не многословно. Ибо все слова двусмысленны, поэтому умножение слов есть также умножение двусмысленности. Многословный закон, кроме того, дает повод к ошибочному предположению, будто стоит лишь старательно обойти букву закона, чтобы не подпасть под его действие. И это является причиной многих ненужных процессов. Ибо когда я представляю себе, сколь кратко составлялись законы в древние времена и как они постепенно становятся все более и более многословными, то я как будто вижу перед собой состязание между составителями закона и их защитниками, при котором первые стараются ограничить последних, а последние — обойти ограничения, причем победу одержали защитники законов. Поэтому обязанность законодателя — каковым бывает во всяком государстве верховный представитель, будь то один человек или собрание,— сделать очевидной цель закона, а сам закон сформулировать кратко, по возможности более точно и выразительно.

Наказания. На обязанности суверена лежит также правильное применение наказаний и вознаграждений. Ввиду того что целью наказания являются не месть и излияние гнева, а исправление как самого преступника, так и других людей на его примере, то наиболее суровые наказания должны быть наложены за преступления, наиболее опасные для государства. Таковы, например, преступления, проистекающие из стремления к низвержению установленного образа правления; преступления, возникающие из презрения к правосудию; преступления, возбуждающие негодование толпы, и такие преступления, которые, оставаясь безнаказанными, выдаются за действия, совершенные с разрешения верховной власти, а именно преступления, совершенные сыновьями, слугами или любимцами представителей верховной власти. Ибо вызываемое у людей негодование обращается не только против исполнителей преступлений и подстрекателей, но и против всякой власти, которая может быть заподозрена в том, что она покровительствует им, как, например, в случае с Тарквинием,

который за наглый поступок одного из своих сыновей был изгнан из Рима, после чего и сама монархия была свергнута [31] В отношении же преступлений, проистекающих из слабости,— например, преступления, свершенные в запальчивости и раздражении, в паническом страхе, вследствие большой нужды или незнания,— является ли деяние большим преступлением или нет, во многих случаях может быть сделано снисхождение без всякого вреда для государства. А там, где такое снисхождение может быть сделано, оно диктуется естественным законом. В случае бунта государству может принести пользу в качестве примера наказание лишь главарей и идейных вдохновителей, а не совращенных темных людей. Быть суровым к последним — значит наказывать невежество, в котором в значительной степени виновен суверен, не принявший мер к тому, чтобы люди были лучше просвещены.

Награды. Точно так же лежит на обязанности суверена награждать всегда так, чтобы это имело благодетельные последствия для государства. Ибо в этом заключаются польза и цель награждений. И эта цель достигнута, если люди, хорошо и с минимальными затратами общественных средств послужившие государству, так хорошо награждаются, что этим создается для других стимул честно и верно служить государству и приобретать те знания, которые сделали бы их способными служить еще лучше. Подкуп деньгами или повышение какого-нибудь популярного и честолюбивого подданного, дабы он вел себя мирно и воздерживался от зловредной агитации среди народа, по своему характеру не есть вознаграждение (которое дается не за причиненный в прошлом вред, а за прошлые заслуги) и является знаком не благодарности, а страха, и последствия его для государства не благодетельны, а вредны. Такая борьба с честолюбием напоминает борьбу Геркулеса с гидрой, которая имела много голов, и вместо каждой отсеченной головы у нее вырастали три новых. Точно так же и здесь: стоит утихомирить наградами одного популярного человека, как под влиянием примера появляется много других, совершающих то же самое зло в надежде на подобное благо. Как все отрасли мануфактуры, так и злые умыслы растут при наличии сбыта. Хотя гражданская война иногда и может быть отсрочена такими средствами, опасность ее постепенно растет, а развал государства становится все более неминуемым. Поэтому суверен, которому поручена безопасность государства, поступает против долга, если награждает тех, кто в целях достижения власт-

нарушает мир своей страны, и если противодействует им не в самом начале их преступной деятельности, когда опасность еще невелика, а позднее, когда она больше.

Советники. Сверх всего сказанного заботе суверена подлежит еще выбор хороших советников. Я разумею таких, советом которых он должен пользоваться при управлении государством. Ибо слово *совет* (counsel) — по-латыни consilium, искаженное considium [32] — имеет широкое значение и охватывает всякое собрание людей, заседающих вместе и не только обсуждающих то, что следует делать в будущем, но и творящих суд над фактами прошлого и решающих, какие законы нужны в настоящем. Я беру это слово здесь лишь в первом значении. В этом смысле не может идти речь о выборе совета ни при демократии, ни при аристократии. Ибо в этого рода государствах советники являются членами того лица, которому советы даются. Поэтому о подборе советников речь может идти лишь в монархии. При этой форме правления суверен не исполняет своего долга как следует, если он не стремится подбирать таких советников, которые наиболее пригодны во всех отношениях. Наиболее пригодными являются те советники, которые меньше всего могут надеяться на получение выгоды от плохого совета и которые наиболее сведущи в вопросах, имеющих отношение к миру и защите государства. Трудно определить, кто именно ждет для себя выгоды от смуты в государстве, однако имеются признаки, дающие повод к основательному подозрению, что это люди, состояние которых недостаточно, чтобы покрыть их обычные расходы, и которые подлаживаются к народу, выражая ему свое сочувствие во всех его неразумных жалобах и непоправимых обидах, что может легко заметить тот, кому это надлежит ведать. Однако определить, кто именно является наиболее сведущим в государственных делах, еще труднее, а тот, кто это умеет, меньше всего нуждается в совете таких людей, ибо, для того чтобы уметь определить того, кто знает правила какого угодно искусства, необходимо обладать в значительной степени знанием самого искусства, так как никто не может быть уверен в истинности правил другого, если он сам не научился сначала понимать их. Но лучше всего свидетельствует о знании какого-нибудь искусства долголетнее занятие им с неизменным успехом. Способность давать хороший совет не приобретается жребием или по наследству, поэтому ждать хорошего совета в делах государства от богатого или знатного человека можно не с бóльшим основанием, чем при составлении плана крепо-

сти, разве только мы будем думать, что для изучения политики не требуется никакого метода (как это требуется при изучении геометрии), а достаточно быть зрителем, что, однако, неверно, ибо из указанных нами двух наук политика более трудная. Если в этой части Европы стало правом определенных лиц по наследству занимать место в высшем совете государства, то это перешло к нам из эпохи завоеваний германцев, когда многие самостоятельные владетели объединились вместе, чтобы завоевать другие народы. А они не вступили бы в конфедерацию без таких привилегий, которые в последующее время должны были бы отличать их потомство от потомства их подданных. Так как эти привилегии несовместимы с правами верховной власти, то указанные лица могут удержать их лишь в качестве особой милости суверена. Но если бы они стали настаивать на этих привилегиях как на своем праве, то они неминуемо должны были бы постепенно потерять их и в конце концов иметь лишь те отличия, на которые дают им право их способности.

Как бы ни были способны советчики в каком-нибудь деле, они приносят больше пользы тогда, когда каждый из них в отдельности, а не ораторствуя в собрании, дает свой совет и указывает его основания, а также тогда, когда они предварительно обдумывают свой совет, а не говорят экспромтом,— в обоих этих случаях они имеют больше времени предусмотреть последствия обсуждаемого действия и меньше влекомы к противоречию завистью, соперничеством и другими страстями, проистекающими из различия мнений.

Лучший совет в делах, касающихся не других народов, а лишь тех удобств и благ, которые подданные могут получить благодаря законам, регулирующим внутренние отношения государства, может быть почерпнут из обычных сообщений и жалоб людей каждой провинции, которые лучше всего знакомы с собственными нуждами и требования которых поэтому, если только они не клонятся к умалению прав верховной власти, должны быть серьезно приняты во внимание, ибо без этих существенных прав (как я уже часто говорил раньше) государство вообще не может существовать.

Командиры. Если командующий армией непопулярен, то армия не будет любить и бояться его, и, следовательно, он не сможет с успехом выполнять свои обязанности. Поэтому он должен быть умным, храбрым, приветливым, щедрым и удачливым, чтобы в армии о нем составилось

мнение как о человеке, соответствующем своему назначению и любящем своих солдат. Это и есть популярность, она порождает у солдат мужество и желание заслужить благосклонность генерала и позволяет ему проявить суровость в случае необходимости при наказании мятежных или нерадивых солдат. Но эта любовь солдат при отсутствии залога верности командира опасна для верховной власти, особенно когда она находится в руках непопулярного собрания. Безопасность народа требует поэтому, чтобы те, кому суверен поручает свои армии, были одновременно хорошими полководцами и верными подданными.

Если же суверен сам популярен, т. е. пользуется уважением и любовью своего народа, тогда популярность какого-нибудь подданного не представляет никакой опасности. Ибо солдаты никогда не бывают настолько несправедливы, чтобы принять сторону своего командира, хотя они иногда и выступают против своего суверена, когда любят не только самого командира, но и его дело. Поэтому тот, кто когда-либо насильственно свергал власть своего законного суверена, старался, прежде чем сесть на его место, сочинить для себя какие-нибудь права на это, чтобы народу не совестно было принять его. Иметь заведомое право на верховную власть — настолько популярное качество, что тому, кто обладает им, для завоевания сердец своих подданных требуется лишь немногое: чтобы подданные убедились в его способности управлять своей семьей, а в отношении врагов — в его способности разбить их армии. Ибо наибольшая и самая активная часть человеческого рода никогда не была до сих пор довольна настоящим.

Что касается обязанностей одного суверена по отношению к другому, о чем трактует та часть права, которую обычно называют *международным правом*, мне не приходится здесь ничего говорить, так как международное право и естественное право одно и то же. Каждый суверен при обеспечении безопасности своего народа имеет то же право, которое может иметь любой человек при обеспечении собственной безопасности. И тот же закон, который диктует людям, не имеющим гражданского правления, что́ они должны делать и чего избегать в отношении друг друга, диктует то же самое государству, т. е. совести суверенных государей и верховных собраний, так как судилище естественного права находится только в совести, где царствует не человек, а Бог. А его законы, обязывающие весь человеческий род, т. е. законы Бога как творца природы, являются

естественными, а как того же Бога — Царя царей — являются *законами*. Однако о Царстве Бога как Царя царей и как царя отдельного народа я буду говорить в следующей части этого трактата.

ГЛАВА XXXI

О ЦАРСТВЕ БОГА ПРИ ПОСРЕДСТВЕ ПРИРОДЫ

Обзор следующих глав. В предыдущей части я доказал, что естественное состояние, т. е. состояние абсолютной свободы, в каковом пребывают люди, не являющиеся ни суверенами, ни подданными, есть анархия и состояние войны; что правила, которыми люди руководствуются для избежания этого состояния, суть естественные законы; что государство без верховной власти есть слово без содержания и не может существовать; что подданные обязаны своим суверенам безусловным повиновением во всем, в чем оно не противоречит законам Бога. Для полного познания гражданского долга остается лишь выяснить, каковы законы Бога. Ибо без этого человек, когда гражданская власть ему приказывает что-нибудь, не знает, противоречит ли это приказание божественному закону или нет, и, таким образом, или оскорбляет величие Бога слишком далеко идущим гражданским повиновением, или из боязни оскорбить Бога нарушает постановления государства. Чтобы избежать этих подводных камней, необходимо знать, каковы законы Бога. Ввиду того что знание всякого закона зависит от знания верховной власти, я в следующем разделе скажу кое-что о *Царстве Божием*.

Кто является подданным Царства Божиего. *Господь царствует; да радуется земля* (Пс. 97, 1),— говорит псалмопевец, и дальше (Пс. 99, 1):— *Господь царствует, да трепещут народы! Он восседает на Херувимах; да трясется земля!* Хотят этого люди или нет, но они всегда вынуждены подчиняться божественной власти. Отрицанием существования или промысла Бога люди могут погубить свое душевное спокойствие, но не могут сбросить свое ярмо. Но называть царствованием эту власть Бога, которая простирается не только на человека, но и на животных, растения и неодушевленные предметы, можно, лишь метафорически употребляя это слово. Ибо о царствовании в настоящем смысле слова можно говорить лишь в отношении того, кто управляет своими подданными при помощи слов и обещания награды тем, кто повинуется, и угрозы наказания тем,

кто не повинуется. Поэтому подданными Царства Божиего не являются ни неодушевленные тела, ни неразумные существа, так как они не понимают никаких правил; подданными этого царства не могут быть также атеисты и люди, полагающие, что Бог не заботится о человеческих действиях, ибо они не признают какого-либо слова Божьим Словом, не надеются на Его вознаграждение и не боятся Его угроз. Подданными Бога являются поэтому лишь те, кто верует, что существует Бог, который управляет миром, дал правила и установил награды и наказания для человеческого рода. Всех остальных надо считать врагами Бога.

Три вида слов Божьих: разум, откровение, пророчество. Чтобы управлять при помощи слов, требуется объявлять их в ясной форме, без чего они не могут быть законами, ибо существенным свойством закона является его должное и ясное обнародование, такое, которое отняло бы всякую возможность оправдываться его незнанием. В отношении человеческих законов такое обнародование может совершаться лишь в одной определенной форме, а именно в форме провозглашения человеческим голосом. Господь же объявляет свои законы тремя путями: внушением *естественного разума*, *откровением* и *голосом* какого-нибудь *человека,* верить которому Бог заставляет остальных людей путем совершения чудес. Отсюда три вида слов Божьих: *разумное*, *чувственное* и *пророческое*, которым соответствует троякого рода слух: *истинный разум*, *сверхъестественное чувство* и *вера*. Что касается сверхъестественного чувства, заключающегося в откровении и вдохновении, то универсальные законы не были даны этим путем, ибо в такой форме Бог говорит лишь отдельным людям, причем разным людям разное.

Двоякая форма Царства Божиего: естественная и пророческая. Соответственно различию между двумя другими видами Слова Божьего — *разумным* и *пророческим* — Богу может быть приписана двоякая форма царства — *естественная* и *пророческая*. Естественная, при которой он управляет теми представителями человеческого рода, которые признают его провидение в силу внушений истинного разума, и пророческая, при которой он, избрав своими подданными определенный народ (евреев), управляет им, и только им, не только при помощи естественного разума, но также посредством положительных законов, данных этому народу устами его святых пророков. О естественном Царстве Бога я намерен говорить в этой главе.

Право Бога на верховную власть проистекает из его

всемогущества. Естественное право, при помощи которого Бог царствует над людьми и наказывает тех, кто нарушает Его законы, должно быть произведено не из факта сотворения людей Богом, как если бы Бог требовал повиновения в качестве благодарности за Его благодеяния, а из Его *непреодолимого могущества.* Я показал раньше, как верховная власть возникает из соглашения. Для того чтобы показать, как такая власть может возникнуть из природы, остается только рассмотреть, в каком случае эта власть никогда не прекращается. Мы видим, что люди от природы имели право на все, следовательно, каждый из них имел право царствовать над всеми остальными. Но так как это право могло быть осуществлено только силой, то безопасность каждого требовала, чтобы люди отказались от этого права и общим соглашением всех поставили над собой людей, облеченных верховной властью, которые управляли бы ими и защищали их. Однако если бы среди них оказался человек непреодолимой силы, то не было бы никакого основания к тому, чтобы этот человек благодаря своей силе не управлял ими и не защищал как себя, так и их по собственному усмотрению. Поэтому тем, чья сила непреодолима, власть над всеми людьми присуща от природы благодаря превосходству их силы, и, следовательно, именно этой силой обусловлено то обстоятельство, что царствование над людьми и право сокрушать людей по своему произволу принадлежат всемогущему Богу не как творцу и милосердному, а именно как всемогущему. И хотя лишь за грех человек должен был бы подвергнуться наказанию, так как под наказанием подразумевается причинение страдания за грех, право причинять страдание часто имеет своей основой не человеческий грех, а могущество Господа.

Грех не является причиной всех бедствий. Много споров вызывал у древних вопрос: *почему порочные люди часто преуспевают, а праведные терпят невзгоды*? Вопрос этот совпадает с нашим: *по какому принципу Бог распределяет блага и невзгоды земной жизни*? Вопрос этот настолько труден, что он поколебал веру в божественное провидение не только у простых людей, но и у философов, более того, даже у святых. *Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцам*! — говорит Давид.— *А я — едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых* (Пс. 72, 3). А как горько упрекает Бога Иов за обрушившиеся на него многочисленные несчастья, несмотря на его непорочность. В случае с Иовом Бог сам решает этот вопрос, руководству-

ясь не грехом Иова, а своим собственным могуществом. Ибо, после того как друзья Иова из факта его страданий заключили о его грехе, а он защищался, сознавая свою непорочность, Бог сам вмешался в спор и оправдывал обрушенные на голову Иова несчастья такими доводами своего могущества, как (Иов 38, 4): *где ты был, когда Я полагал основания земли*?, и подобными, признав этим как непорочность Иова, так и ошибочность учения его друзей. Этому учению соответствуют слова нашего Спасителя, сказанные в отношении человека, слепого от рождения: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божьи». И хотя говорится, что «смерть пришла в мир через грех», и под этим подразумевается, что, если бы Адам не согрешил, он не умер бы, т. е. его душа никогда бы не страдала и не покидала его тело, но из этого не следует, что Бог не мог бы по праву сокрушить его, если бы он и не согрешил, как Он сокрушает другие живые существа, которые не могут грешить.

Божественные законы. После того как мы сказали о суверенности Бога, что она зиждится на одной природе, мы должны в первую очередь рассмотреть, что представляют собой божественные законы, или внушения естественного разума, каковые касаются естественных обязанностей одного человека по отношению к другому или того почитания, которое мы естественно обязаны оказывать нашему божественному суверену. Первые суть те самые естественные законы, о которых я говорил уже в XIV и XV главах этого трактата, а именно: нелицеприятие, справедливость, милосердие, смирение и другие нравственные качества. Нам остается поэтому рассмотреть, какие правила диктуются людям одним только их естественным разумом без другого Слова Божьего в отношении почитания великого Бога и поклонения Ему.

Что такое почитание и поклонение. Почитание состоит во внутренней мысли и во мнении о силе и доброте другого, и соответственно этому почитать Бога — значит, быть самого высокого мнения о Его силе и доброте. Внешние признаки этого мнения, выраженные в словах и действиях людей, называются *поклонением*, которое составляет часть того, что латиняне подразумевали под словом cultus, ибо cultus по своему точному и твердому смыслу означает труд, который человек прилагает к какой-нибудь вещи в целях получения какой-то выгоды для себя. Вещи же, из которых мы извлекаем выгоду, или подвластны нам, и выгода, которую они нам предоставляют, следует за примененным

к ним трудом как естественное следствие, или они не подвластны нам и воздают нам за труд так, как это им самим желательно. В первом смысле труд, примененный к земле, называется *культурой*, а воспитание детей называется *культурой* их ума. Во втором смысле, когда воли людей должны быть обработаны в наших целях не силой, а угодливостью, это слово означает то же, что ухаживание, т. е. завоевание благорасположения добрыми услугами, например похвалами, признанием силы и всем тем, что может нравиться людям, от которых мы ждем выгоды. Это и есть *поклонение* в собственном смысле слова. И в этом смысле под publicola подразумевается тот, кто поклоняется народу, а под cultus Dei — поклонение Богу.

Различные знаки почитания. Из внутреннего почитания, состоящего в мнении о силе и доброте, возникают три страсти: *любовь*, имеющая отношение к доброте, *надежда* и *страх*, имеющие отношение к силе, а также три внешние формы поклонения: *восхваление, превознесение* и *благословение*. Объектом восхваления является доброта, а объектом превознесения и благословения — сила и ее следствие — счастье. Восхваление и превознесение выражаются как словами, так и действием: словами, когда мы говорим, что человек добр или велик; действиями, когда мы благодарим его за его благость и повинуемся его власти. Мнение же о счастье другого может быть выражено лишь словами.

Естественные и произвольные формы поклонения. Некоторые знаки почитания, выраженные как атрибутами, так и действиями, являются таковыми по своей природе, например атрибуты *добрый*, *справедливый*, *щедрый* и т. п., а из действий — *молитвы*, *благодарности* и *повиновение*. Другие же являются такими знаками вследствие установления или в силу людского обычая, и в одни времена и в одних местах они считаются знаками уважения, в другие времена и в других местах — знаками неуважения, а еще в иные времена и в иных местах они нейтральны. Так, например, жесты при приветствиях, просьбах и выражениях благодарности бывают различны в разные времена и в разных местах. Первые являются *естественными*, вторые — *произвольными* формами поклонения.

Поклонение предписанное и добровольное. Произвольные формы поклонения бывают двоякого рода: иногда это *предписанная*, иногда же *добровольная* форма поклонения. Предписанная — когда этой формы требует тот, кому поклоняются; свободная — когда поклоняющийся выбирает ее по своему усмотрению. Если она предписана, то поклоне-

ние заключается не в словах или жестах, а в самом акте повиновения; если же поклонение свободно, то его форма зависит от мнения зрителя. Ибо если зрителям кажутся смешными и оскорбительными слова и действия, при помощи которых мы намерены оказать уважение, то эти слова и действия не выражают поклонения, так как не являются знаками уважения. А знаками уважения они не являются потому, что знак есть знак не для того, кто его делает, а для того, кому он делается, т. е. для зрителя.

Поклонение государственное и частное. Поклонение может быть, кроме того, *государственным* и *частным*. Государственным является поклонение, совершаемое государством как единым лицом, частное — совершаемое частным лицом. Государственное поклонение является свободным в отношении государства в целом, но не отдельных лиц. Частное свободно лишь тогда, когда оно происходит втайне. Если же оно происходит на глазах толпы, оно всегда подчиняется некоторым ограничениям, налагаемым на него или законами, или общественным мнением, что несовместимо с природой свободы.

Цель поклонения. Поклонение среди людей имеет своей целью власть. Ибо когда человек видит, что другому воздаются почести, то он считает его могущественным и охотнее подчиняется ему, что увеличивает власть последнего. Но у Бога нет таких целей: поклонение ему диктуется нашим долгом, а в выборе форм этого поклонения мы руководствуемся нашим пониманием тех правил воздаяния почестей, которые разум диктует слабым людям, чествующим более сильных в надежде получить от них какую-нибудь выгоду, из боязни вреда или в благодарность за уже полученное от них благодеяние.

Атрибуты почитания Бога. Для того чтобы мы могли знать, какого рода поклонение Богу диктует нам естественный разум, я начну с его атрибутов. Прежде всего очевидно, что мы должны приписать Богу *существование*, ибо никто не может иметь намерения воздать почести тому, кого он считает несуществующим.

Во-вторых, недостойно говорили о Боге и отрицали Его существование те философы, которые утверждали, что мир или душа мира есть Бог. Ибо под Богом мы понимаем причину мира, а сказать, что мир есть Бог,— значит, сказать, что мир не имеет причины, т. е. что Бога нет.

В-третьих, сказать, что мир не был создан, а существует извечно,— значит, отрицать существование Бога, ибо то, что извечно, не имеет причин.

В-четвертых, те, кто приписывает Богу покой, отрицают за Ним заботу о человеческом роде и этим лишают Его уважения, ибо такой взгляд отнимает у Бога человеческую любовь к Нему и страх перед Ним, являющиеся корнем уважения.

В-пятых, сказать о Боге, что Он *конечен* в тех вещах, которые означают величие и могущество,— значит, не почитать Его. Если мы приписываем Богу меньше, чем можем, а конечное меньше того, что мы можем приписать (ведь к конечному можно легко добавить еще), то это не свидетельствует о нашей воле почитать Бога.

Поэтому приписывать Богу какую-нибудь *форму* есть неуважение к Нему, ибо всякая форма конечна.

Сказать, что мы представляем себе Бога или имеем о Нем идею в нашем уме, также есть неуважение к Нему, ибо все, что мы себе представляем, конечно.

Нельзя также приписывать Богу свойства *части* или *целого*, ибо все это атрибуты конечных вещей.

Нельзя также сказать, что Бог находится в этом или том *месте*, ибо все, что находится в каком-либо месте, ограниченно и конечно.

Нельзя также говорить о Боге, что он находится в *движении* или *покое*, ибо оба этих атрибута приписывают Ему место.

Нельзя также говорить, что имеется более одного Бога, ибо это предполагает, что они все конечны, так как не может быть более одного бесконечного.

Нельзя также приписывать Богу страсти (разве лишь метафорически, разумея не самые страсти, а их эффект), имеющие характер огорчения, как *раскаяние*, *гнев*, *сострадание*, или характер нужды, как *наклонность*, *надежда*, *желание*, или характер пассивной способности, ибо страсть есть сила, ограниченная чем-то другим.

Поэтому приписывая Богу *волю*, ее следует понимать не по аналогии с человеческой волей как *разумную склонность*, а лишь как силу, способную произвести все.

Точно так же когда мы приписываем Богу зрение и другие ощущения; равным образом, когда приписываем Ему *познание* или *понимание*, ибо в человеке это означает лишь волнение ума, вызванное внешними вещами, давящими на органические части человеческого тела, что неприменимо к Богу, так как вещи, зависящие от естественных причин, не могут быть Ему приписаны.

Всякий, кто хочет приписать Богу лишь то, что оправдывается естественным разумом, должен употреблять или

такие негативные атрибуты, как *бесконечный*, *вечный*, *непостижимый*, или превосходную степень, как *высочайший*, *величайший* и т. п., или неопределенные слова, как *благостный*, *справедливый*, *святой*, *создатель*, причем употреблять их не для того, чтобы объявить этим, каков Бог (ибо это значило бы ограничить его рамками нашей фантазии), но чтобы выразить свое благоговение перед Ним и свою готовность повиноваться Ему, что является знаком смирения и желания почитать Его так, как только мы можем. Ибо для обозначения нашего понятия о Его природе существует лишь одно имя, именно *аз есмь*, а для обозначения Его отношения к нам — лишь имя *Бог*, в котором содержатся понятия *Отец*, *Царь* и *Господь*.

Действия, означающие богопочитание. Что касается действий, в которых должно выражаться богопочитание, то они должны свидетельствовать о намерении оказать уважение Богу, и это наиболее общее правило разума. Такими знаками уважения являются прежде всего *молитвы*, ибо принято думать, что не граверы, делающие изображения богов, делают их богами, а те люди, которые *молятся* им.

Во-вторых, *благодарственные молебны*, отличающиеся от молитв лишь тем, что молитвы предшествуют благодеянию, а благодарственные молебны следуют за благодеянием, причем те и другие имеют цель признать Бога виновником всех благодеяний, как прошлых, так и будущих.

В-третьих, *дары*, т. е. *посвящения* и *жертвоприношения* (если они приносятся из наилучшего, что человек имеет), так как они служат выражением благодарности.

В-четвертых, *клясться только именем Бога*, ибо в этом выражается признание того, что один лишь Бог знает сердце человека и что ни человеческий ум, ни его физическая сила не могут защитить клятвопреступников от мести Бога.

В-пятых, к разному почитанию Бога относится осторожность в словах о Нем, ибо это свидетельствует о страхе перед Богом, а страх есть признание силы. Отсюда следует, что имя Бога нельзя употреблять опрометчиво и бесцельно, ибо это то же, что употреблять его всуе. А не бесцельно оно употребляется лишь в присяге по приказанию государства в целях вынесения правильного судебного решения или в присягах между государствами в целях избежания войны. Спорить о естестве Бога несовместимо с его честью, ибо предполагается, что в этом естественном царстве Бога нельзя познать что-либо иначе, чем естественным разумом, т. е. из принципов естественного знания. А это знание

настолько далеко от объяснения нам чего-либо в отношении божественного естества, что не в состоянии объяснить ни нашей собственной природы, ни природы мельчайшего живого существа. И поэтому, когда люди, исходя из принципов естественного разума, спорят о божественных атрибутах, они лишь хулят Бога. Ведь атрибутам, которые мы приписываем Богу, мы не должны придавать значение философских истин, в них следует видеть лишь выражение нашего благочестивого намерения воздать Богу величайшую честь, какую мы только способны воздать. Из-за непонимания этого и возникли тома, содержащие споры о божественном естестве и отражающие стремление к возвеличиванию не Бога, а нашего собственного разума и учености, которые являются лишь необдуманным и напрасным употреблением Его святого имени.

В-шестых, в отношении *молитв*, *благодарственных молебнов*, *посвящений* и *жертвоприношений* естественный разум диктует, чтобы каждая из этих форм богопочитания была в своем роде наилучшей и наилучшим образом символизировала воздаваемую честь. Так, например, чтобы молитвы и благодарственные молебны были составлены не в небрежных, легкомысленных и грубоватых, а в красивых и хорошо составленных словах и фразах. Ибо иначе мы не воздаем Богу всей возможной чести. Поэтому язычники поступали нелепо, поклоняясь изображениям как богам, но то, что они сопровождали свое богослужение музыкой, вокальной и инструментальной, было разумно. Точно так же соответствовали разуму и свидетельствовали о намерении славить Бога их жертвоприношения, дарения и другие действия при богослужении, которые выражали покорность и служили напоминанием о полученных благодеяниях.

В-седьмых, разум внушает прославлять Бога не только тайно, но и в особенности публично, на виду у людей, ибо без этого (что наиболее важно при чествовании) теряется возможность побудить других прославлять Его.

Наконец, величайшим поклонением Богу является повиновение Его законам (т. е. в этом случае естественным законам). Ибо если повиновение более приемлемо для Бога, чем жертвоприношение, то пренебрежение Его заповедям и есть величайшее для Него оскорбление. Таковы те законы в отношении богопочитания, которые разум диктует частным лицам.

Государственный культ состоит в единообразии. Ввиду того что государство есть единое лицо, оно должно иметь

единую форму культа, и это имеет место тогда, когда государство постановляет, что культ должен совершаться частными лицами публично, а это и есть государственный культ, существенным свойством которого является *единообразие*. Ибо действия, совершаемые разными людьми различным образом, не могут называться государственным культом. Поэтому там, где допускаются различные виды культа, вытекающие из различных религий частных лиц, не существует государственного культа и государство как таковое не имеет религии вообще.

Все атрибуты зависят от гражданских законов. Так как слова, а следовательно, и атрибуты Бога получают свое значение от соглашения и установления людей, то надо считать свидетельством уважения те атрибуты, которые люди намеренно устанавливают для этого. А все, что может быть сделано волей частных лиц, где нет закона, кроме разума, может быть сделано волей государства, выраженной в гражданских законах. А так как воля и законы государства суть лишь воля и законы того или тех, кто имеет верховную власть, то отсюда следует, что атрибуты, устанавливаемые сувереном для прославления Господа при отправлении культа, должны считаться единственно подходящими для указанной цели и должны употребляться частными лицами при их государственном отправлении культа.

Но не все действия. Но так как не все действия являются знаками в силу установления, а некоторые суть естественные знаки: одни — уважения, другие — презрения, то эти последние (т. е. такие, которые люди стыдятся делать в присутствии уважаемых лиц) не могут быть сделаны человеческой властью частью культа, а первые (заключающиеся в приличном, скромном и смиренном поведении) не могут быть исключены из культа. Но ввиду того что имеется бесконечное число действий и жестов нейтрального характера, те из них, которые государство установит как знаки уважения и часть культа для публичного и общего употребления, должны быть приняты и употреблены в качестве таковых подданными. А если сказано в Писании, что *лучше повиноваться Богу, чем человеку,* то это относится лишь к Царству Божьему, поскольку оно основано на заключенном завете, а не на природе.

Естественные наказания. После этого краткого изложения своих взглядов о естественном Царстве Божьем и о его естественных законах я вкратце коснусь в этой главе лишь вопроса о его естественных наказаниях. Нет в этой жизни

ни одного человеческого поступка, что не был бы началом длинной цепи последствий, обозреть которую до конца не дано ни одному человеку, как бы велика ни была его способность предвидения. В этой цепи имеются приятные и неприятные события, столь связанные друг с другом, что тот, кто сделает что-нибудь для своего удовольствия, должен быть готов принять на себя также и связанные с этим страдания. Эти страдания являются естественным наказанием за те действия, в цепи последствий которых зло преобладает над благом. Таким образом, мы видим, что невоздержанность, естественно, наказывается страданием; опрометчивость — неудачей; нанесенные обиды — насилием врагов; гордость — гибелью; трусость — притеснением; небрежность монархов в управлении государством — восстанием; восстание — кровопролитием. Так как наказания следуют за нарушением закона, то естественные наказания должны естественно следовать за нарушением естественных законов, поэтому они следуют за ними как их естественные, а не как произвольные следствия.

Заключение второй части. Этим мы закончили изложение нашего учения об установлении, природе и правах суверенов, а также об обязанностях подданных, поскольку оно вытекает из принципов естественного разума. Теперь, когда я думаю о том, сколь отличается это учение от практики большей части света, особенно западных стран, перенявших свои моральные учения от Рима и Афин, а также когда я думаю о том, какое глубокое знание моральной философии требуется от лиц, облеченных верховной властью, я почти склонен верить, что этот мой труд так же бесполезен, как «Государство» Платона. Ибо он тоже был того мнения, что смуты в государствах и государственные перевороты путем гражданских войн не исчезнут до тех пор, пока суверенами не будут философы. Однако, когда я, с другой стороны, подумаю, что наука о естественном праве есть единственная наука, необходимая для суверенов и их главных служителей, и что в отношении математических наук (изучение которых им вменяет в обязанность Платон) их обязанности должны идти не дальше того, как хорошими законами поощряют людей к их изучению; когда подумаю, кроме того, о том, что ни Платон, ни какой-либо другой философ не изложили до сих пор систематически, достаточно полно и достаточно обоснованно все теоремы моральной философии так, чтобы люди могли изучить, как управлять и как повиноваться,— когда подумаю обо всем этом, я начинаю питать некоторую надежду, что рано или

поздно этот мой труд может попасть в руки суверена, который самостоятельно, без помощи заинтересованного и завистливого толкователя продумает его (ибо он краток и, как я надеюсь, ясен) и, покровительствуя всей силой своей верховной власти широкому изучению этого труда, превратит его умозрительные истины в полезную практику.

ЧАСТЬ III

О ХРИСТИАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ГЛАВА XXXII

О ПРИНЦИПАХ ХРИСТИАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Слово Божие, донесенное пророками, является главным принципом христианской политики. Я выводил до сих пор права верховной власти и обязанности подданных исключительно из принципов природы, поскольку опыт доказал их истинность или соглашение людей в отношении употребления слов сделало их таковыми, т. е. я вывел их из природы людей, поскольку мы ее знаем из опыта и из общепринятых определений, т. е. таких слов, которые существенны для всех политических рассуждений. Но в отношении того, о чем я буду говорить в ближайших главах, а именно в отношении природы и прав *христианского государства*, где многое зависит от сверхъестественного откровения воли Божьей, я буду основываться в своем рассуждении не только на естественном Слове Божьем, но и на пророческом.

Но не следует отказываться от естественного разума. Тем не менее мы не должны отречься от наших чувств и опыта, а также от нашего естественного разума (который является несомненным Словом Божьим). Ибо все эти способности Бог нам дал, дабы мы пользовались ими до второго пришествия нашего святого Спасителя. Поэтому они не должны оставаться втуне, а должны быть употреблены для приобретения справедливости, мира и истинной религии. Ибо хотя в Слове Божием многое сверх разума, т. е. не может быть ни доказано, ни опровергнуто естественным разумом, но в нем нет ничего, что противоречило бы разуму. А если имеется видимость такого противоречия, то виной этому или наше неумение толковать Слово Божие, или наше ошибочное рассуждение.

Вот почему, если мы встречаем в Писании что-либо, что не поддается нашему исследованию, мы обязаны понять это так, как оно сказано, а не стараться извлечь из этого путем логических операций философскую истину о каких-

то непостижимых и не соответствующих правилам естественного знания таинствах. Ибо с таинствами нашей религии дело обстоит так, как с лекарственными пилюлями, которые оказывают свое целебное действие только тогда, когда их проглатывают целиком. Если же их разжевывать, то они, не оказав никакого действия, выбрасываются вон.

Что означает подчинение разумения. Но, говоря о подчинении нашего разумения, мы имеем в виду не подчинение наших умственных способностей мнению человека, а о повиновении нашей воли там, где это для нас обязательно. Ибо изменить свое чувство, память, рассудок, разум и мнение не в нашей власти, так как они всегда и необходимо детерминированы тем, что мы видим, слышим и о чем мы думаем, и поэтому не они определяются нашей волей, а наша воля определяется ими. Мы тогда подчиняем наш рассудок (understanding) и разум (reason), когда не прекословим, когда говорим так, как нам приказывает законная власть, и соответствующим же образом и живем, короче говоря, когда мы доверяем и верим тому, кто говорит, хотя бы наш разум был не способен понимать что-либо из сказанного.

Каким образом Бог говорит людям. Если Бог говорит человеку, то это должно быть или непосредственно, или через посредство человека, с которым сам Бог раньше говорил непосредственно. Как Бог может говорить с человеком непосредственно, могут достаточно хорошо понимать те, с кем Бог так говорил. Но трудно, если не невозможно, понять, как в этом могут удостовериться другие. Ибо если человек заявляет мне, что Бог говорил с ним сверхъестественным образом и непосредственно, и я в этом сомневаюсь, то я с трудом себе представляю, какие доказательства он может выдвинуть, чтобы заставить меня верить этому. Правда, если это мой суверен, то он может обязать меня к повиновению так, чтобы я ни действием, ни словом не выражал ему свое неверие, но не так, чтобы я думал иначе, чем мне внушает мой разум. А если мне говорит подобное человек, не имеющий надо мной такой власти, тогда ничто не может заставить меня ни верить, ни повиноваться.

Ибо если кто-нибудь утверждает, что Бог говорил ему в Священном писании, то это значит, что Бог говорил с ним не непосредственно, а лишь через пророков, апостолов или церковь — точно так, как он говорит всем другим христианам. Если же кто-либо утверждает, что Бог говорил с ним во сне, то это значит лишь, что ему снилось, будто Бог говорил с ним. Такое утверждение не может заставить

верить тех, кто знает, что сновидения имеют большей частью естественные причины и могут возникать из прежних мыслей и что сновидения, подобные этим, имеют своим источником самомнение, глупое высокомерие и ложное мнение о собственной набожности или других качествах, в силу которых, как человек полагает, он заслужил милость необычайного откровения. Если же человек утверждает, что ему было виде́ние или что он слышал голос, значит, это ему снилось, когда он находился в состоянии между сном и бодрствованием, ибо в таких случаях люди часто, не заметив своей дремоты, естественно принимают свои сны за виде́ния. А если человек утверждает, что говорит в силу сверхъестественного вдохновения, то это значит, что он испытывает такое горячее желание говорить или чувствует себя так вознесенным в своем собственном мнении, что не может указать для этого никакого естественного и достаточного основания. Так что хотя всемогущий Бог может говорить с человеком посредством снов, видений, голоса и вдохновения, однако Он никого не обязывает верить тому, кто утверждает, что Бог с ним таким образом говорил, ибо утверждающий это, будучи человеком, может ошибиться и, что еще хуже, лгать.

С помощью каких признаков можно узнать пророка. Как же в таком случае тот, кому Бог никогда не открывал своей воли непосредственно, кроме как путем естественного разума, может знать, когда он должен и когда не должен повиноваться Слову Божьему, возвещенному человеком, который называет себя пророком? Из 400 пророков, у которых царь Израиля просил совета, идти ли ему войной на Рамот Галаадский (3 Цар. 22), только один Михей оказался истинным. Пророк, который был послан пророчествовать против алтаря, воздвигнутого Иеровоамом (1 Цар. 13), хотя и был истинным пророком и доказал двумя чудесами, сотворенными в присутствии Иеровоама, что он действительно был послан Богом, был, однако, обманут другим пророком — старцем, который убедил его якобы Словом Божьим поесть и попить с ним. Если один пророк обманывает другого, то каким же иным путем, если не путем разума, можно удостовериться в воле Божьей? На что я отвечаю на основании Священного писания, что имеются два признака, которые в совокупности, но не каждый в отдельности обнаруживают истинного пророка. Первый — это творение чудес, второй — не учить другой религии, кроме уже раз установленной. Взятый же в отдельности, ни один из них не является достаточным. *Если восстанет среди тебя*

пророк или сновидец и представит тебе знамение или чудо и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: «пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь»... то не слушай слов пророка сего и т. д. *А пророка того или сновидца того должно предать смерти за то, что он уговаривал вас отступить от Господа, Бога вашего* (Втор. 1—5). Эти слова говорят о двух вещах. Во-первых, что Бог не хочет, чтобы мы одни чудеса принимали за доказательство пророческого признания, ибо они во многих случаях являются лишь испытанием прочности нашей приверженности Богу, как об этом говорится в 3-м стихе. Ибо чудеса, которые творили египетские волхвы, хотя и не были так велики, как чудеса, творившиеся Моисеем, однако были большими чудесами. Во-вторых, что, как бы ни были велики чудеса, однако, если они имеют целью побудить к восстанию против короля или против того, кто управляет его именем, то совершающий такие чудеса должен считаться посланным для испытания верности подданных. Ибо слова эти: «Отступить от Господа, Бога вашего» — равнозначны здесь словам: «Отступить от царя вашего». Ибо заветом, заключенным у подножия горы Синай, они сделали Бога своим царем. И Бог управлял ими при посредстве одного Моисея, ибо только он говорил с Богом и время от времени возвещал его заповеди народу. Точно так же и Христос, Спаситель наш, заставив своих учеников признать его за мессию (т. е. за помазанника Божьего, пришествия которого как своего царя евреи ежедневно ждали и, однако, отвергли его, когда он пришел), не преминул предостеречь их против опасности чудес. *Восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великия знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных* (Матф. 24, 24). Из чего видно, что лжепророки могут быть способны творить чудеса и мы не должны принять их учение за Слово Божье. Апостол Павел, кроме того, говорил в послании к Галатам, что *если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать им не то, что мы благовествовали вам, да будет ему анафема* (Гал. 1,8). Благовествование Павла сводилось к тому, что Христос — царь. Следовательно, этими словами апостол Павел предает анафеме всякую проповедь против власти установленного царя. Ибо в этом послании он обращается к тем, кто благодаря его проповеди уже принял Иисуса как Христа, т. е. как царя иудейского.

Признаки пророка в старом законе, чудеса и учение, соответствующие закону. Как творение чудес без проповеди установленного Богом учения, так и проповедь истинно-

го учения без творения чудес являются недостаточными доказательствами непосредственного откровения. Ибо если человек, учащий не ложному учению, станет, не представляя чудес, выдавать себя за пророка, то его не следует принимать за того, за кого он себя выдает, как видно из слов Второзакония (18, 21; 22). Но можно здесь опять спросить: *если пророк предсказал что-нибудь, то как мы можем знать, сбудется это или нет? Ибо он может предсказать нечто, что должно осуществиться через известный долгий промежуток времени, более долгий, чем продолжительность человеческой жизни, или он может предсказать неопределенно, что это, мол, осуществится рано или поздно; в таких случаях этот признак пророка оказывается бесполезным, поэтому чудеса, которые обязывают нас признать в ком-либо истинного пророка, должны быть подтверждены непосредственным событием, а не таким, которое должно произойти долгое время спустя.* Таким образом, ясно, что проповедь установленной Богом религии и творение очевидных чудес являются единственными признаками, при совокупном наличии которых Писание предписывает нам признать соответствующего человека истинным пророком, т. е. человеком, получившим непосредственное откровение. Ни один из этих признаков, взятый в отдельности, не является достаточным, чтобы обязать кого-либо слушаться того, кто выдает себя за пророка.

Чудеса прекратились, пророков больше нет, и их место заняло Священное писание. Ввиду того что чудеса теперь больше не совершаются и, следовательно, мы не имеем никакого признака, на основании которого могли бы проверить мнимое откровение или внушение свыше у частного лица, мы не обязаны прислушиваться к какому-либо учению, выходящему за рамки Священного писания, которое со времени нашего Спасителя заменяет пророчество и является достаточным восполнением отсутствия всяких других пророчеств и из которого при мудром и научном толковании и при внимательном умозаключении могут быть выведены без всякого вдохновения и сверхъестественного внушения все правила и предписания, указывающие наши обязанности по отношению как к Богу, так и к человеку. Из этого Писания я и буду черпать принципы моего учения о правах тех, кто являются верховными правителями христианских государств на земле, и об обязанностях христианских подданных по отношению к своим суверенам. С этой целью я буду говорить в следующей главе о книгах, авторах, цели и авторитете Библии.

О ЧИСЛЕ, ДРЕВНОСТИ, ЦЕЛИ, АВТОРИТЕТЕ И ТОЛКОВАТЕЛЯХ КНИГ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

О книгах Священного писания. Под книгами Священного писания подразумеваются те книги, которые должны служить *каноном*, т. е. указывать правила христианского образа жизни. А так как все правила поведения, которые люди обязаны добросовестно соблюдать, являются законами, то вопрос о Писании есть вопрос о том, что является законом, как естественным, так и гражданским, для всего христианства. Ибо хотя не указано в Писании, какие законы всякий христианский король обязан установить в своих владениях, однако указано, какие законы он не должен устанавливать. Так как я уже доказал, что суверены — единственные законодатели в своих владениях, то каноническими у каждого народа являются лишь те книги, которые устанавливает считать таковыми верховная власть. Верно, конечно, что Бог есть суверен всех суверенов, и поэтому если Бог повелевает что-либо какому-нибудь подданному, то последний обязан повиноваться Ему, как бы повеление Бога ни противоречило постановлению земного властителя. Но вопрос идет не о повиновении Богу, а о том, *когда* и *что* Бог сказал, а это подданные, не получившие сверхъестественного откровения, могут узнать лишь при помощи того самого естественного разума, который внушил им в целях приобретения мира и правосудия повиноваться власти различных государств, т. е. власти своих законных суверенов. В соответствии с этим обстоятельством я могу признать Священным писанием лишь те книги Ветхого завета, которые постановила признать таковыми английская церковь. Так как хорошо известно, какие это книги, то незачем их здесь перечислять. Это те самые книги, которые признаны св. Иеронимом [1], считавшим все остальные, а именно *книгу премудрости Соломона*, *книгу Екклезиаста*, *книгу Иудифи*, *книгу Товита*, I и II *книги Маккавеев* (хотя он видел I книгу на древнееврейском языке) и III, IV *книги Ездры*, *апокрифами*. Канонических книг Иосиф [2], ученый еврей, писавший в эпоху императора Домициана, насчитывал *двадцать две*, приводя это число в соответствие с числом букв в еврейской азбуке. Это же число принимает и св. Иероним, хотя в самом подсчете он

несколько расходится с Иосифом. Ибо Иосиф считает пять книг Моисея, *тринадцать* книг *пророков*, писавших историю своего времени (мы после увидим, как это согласуется с книгами пророков, содержащимися в Библии), и *четыре* книги *гимнов* и моральных правил. Св. Иероним же считает *пять* книг *Моисея*, *восемь* книг пророков и *девять* других священных книг, которые он называет ἁγιόγραφα. Септуагинты, т. е. те семьдесят ученых людей из евреев, которые были приглашены египетским царем Птолемеем [3] для перевода еврейского закона с древнееврейского на греческий язык, оставили нам в качестве Священного писания на греческом языке именно те книги, которые приняты английской церковью.

Что же касается книг Нового завета, то они одинаково признаны каноническими всеми христианскими церквами и сектами, которые вообще допускают канонизирование книг.

Их древность. Кто были первоначальные авторы разных книг Священного писания, на этот счет нет достаточных указаний в какой-нибудь другой истории (каковые указания являются единственным доказательством в отношении вопросов факта), и это не может быть установлено при помощи доводов естественного разума, ибо разум служит для выявления истины не факта, а умозаключения. В этом вопросе поэтому мы должны руководствоваться светом, исходящим из самих книг. И хотя этот свет не показывает нам авторов каждой книги, однако он не бесполезен для установления эпохи, в которую книги были написаны.

И прежде всего, что касается *Пятикнижия*, то тот факт, что оно называется *Пятикнижием Моисея*, не в большей мере может считаться достаточным доказательством в пользу того, что оно написано Моисеем, чем заглавия «Книга Иисуса», «Книга Судей», «Книга Руфи» и «Книга Царей» могут служить достаточным доказательством того, что эти книги написаны Иисусом Навином, судьями, Руфью и царями. Ибо в заглавиях книг часто указывается как автор, так и тема. *История Ливия* обозначает автора, но история Скандербега обозначает тему [4]. Мы читаем в последней главе Второзакония (34, 6) о гробе Моисея, что *никто не знает места погребения его даже до сего дня* [5], т. е. до того дня, когда эти слова были написаны.

Пятикнижие написано не Моисеем. Ясно поэтому, что эти слова написаны после его погребения. Ибо было бы странно думать, что Моисей, когда он еще был жив, говорит о месте своего погребения (хотя бы пророчески), что оно не

было найдено до того дня. Но можно было бы думать, что только последняя глава, а не все Пятикнижие было написано кем-то другим. Рассмотрим поэтому то, что мы находим в книге Бытия (12, 6): *И прошел Аврам по земле сей [по длине ее] до места Сихема, до дубравы Море. В этой земле тогда [жили] Хананеи.* Ясно, что это слова человека, который писал тогда, когда хананеи не жили в этой земле, и, следовательно, это не мог быть Моисей, который умер до того, как вошел в нее. Точно так же в книге Чисел (21, 14) автор цитирует более древнюю книгу, которую он называет книгой *Браней господних* и в которой были описаны деяния Моисея у Красного моря и потоков Арнона. Достаточно ясно поэтому, что пять книг Моисея были написаны после его смерти, хотя неизвестно, когда именно.

Однако, хотя Моисей не составил этих книг целиком и в той форме, в которой они у нас имеются, он тем не менее написал все то, что его авторству здесь приписывается, как, например, всю ту книгу закона, которая содержится, как кажется, в 11-й главе Второзакония и в следующих главах до 27-й и которую также внушено было написать на камнях при вступлении в землю Ханаанскую. И книгу закона написал Моисей сам (Втор. 31, 9) и отдал ее священникам и старейшинам израилевым, дабы читать ее каждые семь лет перед всеми сынами Израиля, когда они соберутся в праздник Кущей. Это тот закон, относительного которого Бог повелел евреям, чтобы их цари (если бы они установили такую форму правления) сняли копию с оригинала, хранящегося у священников и левитов, и который Моисей велел священникам и левитам положить одесную ковчега завета (Втор. 31, 26). И это та книга, которая была потеряна, долгое время спустя была найдена Хелкией и послана царю Иосии, который велел читать ее народу, возобновив этим завет между Богом и народом (2 Цар. 22, 8; 23, 1—3).

Книга Иисуса Навина была написана долгое время спустя после его смерти. Что книга Иисуса Навина была также написана долгое время спустя после его смерти, можно заключить из многих мест самой книги. Иисус Навин поставил двенадцать камней среди Иордана как памятник перехода народа израильского. И об этих камнях автор говорит (Нав. 4, 9): *Они там и до сего дня.* Слова «до сего дня» указывают на то, что само событие произошло в незапамятные времена. Подобным же образом после слов Господних, что он снял с народа *посрамление Египетское*, автор говорит (Нав. 5, 9): *и называется то место «Галгал» даже до сего дня*, что не могло бы быть сказано во времена

Иисуса Навина. Равным образом об имени долины Ахор, присвоенном ей в память беды, наведенной Аханом на лагерь, автор говорит, что оно «остается до сего дня» (Нав. 7, 26), что могло быть сказано лишь много спустя после смерти Иисуса Навина. Такого же рода доказательства можно почерпнуть из многих других мест книги Иисуса Навина, так, например, из 8, 29; 13, 13; 14, 14; 15, 63.

Книги Судей и Руфи написаны долгое время спустя после пленения. Аналогичное же заключение можно сделать и в отношении книги Судей (1, 21, 26; 6, 24; 10, 4; 15, 19; 17, 6), и в отношении книги Руфи (1, 1), но особенно это очевидно в отношении книги Судей (18, 30), где говорится, что Ионафан *сам и сыновья его были священниками в колене Дановом до дня переселения жителей той земли.*

То же о книгах Самуила. Книги Самуила были также написаны спустя долгое время после его смерти, как это видно из следующих мест: 1 Цар. 5; 7, 13, 15; 27, 6; 30, 25, где, после того как рассказывается, что Давид решил уделить оставшимся в обозе такую же часть добычи, как и сражавшимся, автор говорит: *и поставил ли это в закон и в правило для Израиля до сего дня.* Опять, когда Давид, опечаленный тем, что Господь убил Озу за то, что он простер руку к ковчегу, чтобы придержать его, назвал место *поражением Озы*, автор говорит, что оно называется так «доныне» (Цар. 6, 8). Следовательно, время, когда это писалось, должно было быть значительно позже времени совершения факта, т. е. значительно позже времени Давида.

Книги Царей и Паралипоменон. Что касается двух книг Царей и двух книг Паралипоменон, то в них имеется много мест, содержащих упоминание о памятниках, о которых автор говорит, что они сохранились до его дней, таковы, например, в 3-й книге Цар. 9, 13, 21; 10, 12; 12, 19; в 4-й книге Цар. 2, 22; 8, 22; 10, 27; 14, 7; 16, 6; 17, 23, 34, 41; в 1-й книге Паралипоменон 4, 41; 5, 26. Кроме того, достаточным доказательством в пользу того, что они были написаны после вавилонского плена, является тот факт, что история царей доведена в них до этого времени. Ибо записанные в них факты относятся всегда к более древней эпохе, чем сама запись, и даже к более древней эпохе, чем те книги, о которых летопись упоминает и которые она цитирует, как это делается в книгах во многих местах, где читатель отсылается к летописям царей иудейских, к летописям царей израильских, к книгам пророка Самуила,

пророка Натана, пророка Аггея, к видениям прозорливца Иоиля, к книгам пророка Самея и пророка Авдия.

Книги Ездры и Неемии. Книги Ездры и Неемии были определенно написаны после их возвращения из плена, ибо в этих книгах содержится описание их возвращения, восстановления стен и домов Иерусалима, возобновления завета и установления их государственного управления.

Книга Есфири. История царицы Есфири была написана в эпоху плена, поэтому автор, должно быть, жил или в это время, или позже.

Книга Иова. В книге Иова не имеется никакого указания насчет времени ее составления. И хотя представляется достаточным, что Иов не вымышленное лицо (как это видно из книги пророка Иезекииля 14, 14 и из послания апостола Иакова 5, 11), однако сама книга является, по-видимому, не историей, а трактатом по вопросу, который часто был предметом дискуссий в древности,— о том, *почему порочные люди часто благоденствуют на этом свете, а праведные люди испытывают бедствия.* И это тем более вероятно, что все начало книги до 3-го стиха 3-й главы, где начинается жалоба Иова, написано в древнееврейской прозе (как засвидетельствовано св. Иеронимом), а отсюда до 6-го стиха последней главы — в гекзаметрах, конец же этой главы — опять в прозе. Так что весь диспут изложен в стихах, а проза прибавлена лишь как предисловие в начале и как эпилог в конце. Но стихотворная форма не является обычным стилем таких людей, которые или сами сильно страдают, как Иов, или приходят утешать, как его друзья. В философии же, особенно в моральной философии, этот стиль часто применялся в древности.

Псалтырь. *Псалмы* были написаны по большей части Давидом для хорового исполнения. К ним прибавлены некоторые песни Моисея и других святых, а некоторые из них, например 137-й и 126-й псалмы, добавлены по возвращении из плена, из чего также видно, что Псалтырь был составлен и приобрел ту форму, которую он сейчас имеет, по возвращении евреев из Вавилона.

Притчи. О *притчах*, представляющих собой собрание мудрых и благочестивых изречений частью Соломона, частью Агура, сына Иакеева, а частью матери царя Лемуила, можно с одинаковой вероятностью предположить, что они были собраны Соломоном, как и то, что они были собраны Агуром или матерью Лемуила, а также и то, что хотя авторами этих изречений являются указанные лица, однако они были собраны и объединены в одну книгу каким-ни-

будь благочестивым человеком, жившим после них всех.

Книги Екклезиаста и «Песнь песней». Книги Екклезиаста и «Песнь песней» принадлежат целиком Соломону, за исключением заглавий. Ибо заглавия «Слова проповедника сына Давида, царя в Иерусалиме» [6], а также «Песнь песней Соломона» были, по-видимому, сочинены ради различения тогда, когда книги Писания были собраны в один кодекс закона, с тем чтобы люди могли знать не только учение, но и авторов.

Книги пророков. Из пророков наиболее древними являются Софоний, Иона, Амос, Осия, Исаия и Михей, жившие в царствование Амазии, Азарии или Озии, царей иудейских. Однако книга Ионы является не записью его пророчества (ибо это пророчество содержится в немногих словах: *Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена*), а историей, или рассказом, о его неповиновении Богу, или о его оспаривании повелений Бога. Таким образом, маловероятно, чтобы он был автором книги, ввиду того что он является ее действующим лицом. Книга же Амоса содержит пророчества последнего.

Иеремия, Авдий, Наум и Аввакум пророчествовали в царствование Иосии.

Иезекииль, Даниил, Аггей и Захария жили в эпоху плена.

Когда пророчествовали Иоиль и Малахия, нельзя установить из их книг, но из заглавий этих книг достаточно очевидно, что весь Ветхий завет получил ту законченную форму, в которой он имеется у нас, после возвращения евреев из вавилонского плена и до эпохи Птолемея Филадельфа [7], который предпринял перевод его на греческий язык с помощью тех семидесяти человек, которые были посланы ему для этой цели из Иудеи. И если апокрифические книги (которые рекомендованы нам церковью если не как канонические, то все же как поучительные) заслуживают в этом отношении доверия, то Ветхий завет был приведен в ту законченную форму, в которой мы его имеем, Ездрой, как это также явствует из того, что он сам говорит в III книге, 21, 22 и дальше, где, обращаясь к Богу, он говорит следующее: *Закон Твой сожжен, и оттого никто не знает, что соделано Тобою или что должно им делать. Но если я приобрел милость у Тебя, ниспошли на меня Духа Святаго, чтобы я написал все, что было сделано в мире от начала, что было написано в законе Твоем, дабы люди могли найти стезю и дабы те, которые захотят жить в последние времена, могли жить.* И стих 45 (и далее): И когда

исполнилось сорок дней, Всевышний сказал: *первые, которые ты написал, положи открыто, чтобы могли читать и достойные и недостойные, но последние семьдесят сбереги, чтобы передать их мудрым из народа.* Этим мы заканчиваем наши соображения насчет времени составления книг Ветхого завета.

Новый завет. Все авторы Нового завета жили после вознесения Христа меньше чем столетие, и все они видели нашего Спасителя или были его учениками, за исключением апостола Павла и евангелиста Луки, и, следовательно, все, что они писали, так же древне, как эпоха апостолов. Но время, когда книги Нового завета были приняты и признаны церковью как писания апостолов, не такое уж отдаленное. Ибо, подобно тому как книги Ветхого завета перешли к нам из эпохи не более отдаленной, чем время Ездры, который под руководством Духа Божиего восстановил их, когда они были потеряны, точно так же и книги Нового завета, которые имелись в немногих списках, не могли быть все в руках одного человека и могли перейти к нам со времени не более отдаленного, чем то, когда правители церкви собрали, одобрили и рекомендовали их нам в качестве творения тех апостолов и учеников, под именем которых они обращаются. Первое перечисление всех книг как Ветхого, так и Нового завета имеется в канонах апостолов, которые, как предполагается, были собраны первым (после апостола Петра) римским епископом Климентом I. Но это лишь предполагается и многими поставлено под вопрос, достоверно же известно лишь то, что впервые рекомендовал Библию всем тогдашним христианским церквам в качестве творений пророков и апостолов Лаодикейский собор и что этот собор заседал в 364 г., после вознесения Христа. И хотя в это время честолюбие так обуяло великих учителей церкви, что они считали уже императоров, даже христианских, не пастырями народа, а овцами, императоров же нехристиан объявили волками; хотя свои учения они старались провести не как совет и сообщение, исходящие от проповедников, а как законы, исходящие от абсолютных правителей, и хотя они зашли так далеко, что считали всякий обман благочестивым делом, если только этот обман имел своей целью сделать народ более послушным христианскому учению, тем не менее я убежден, что они не фальсифицировали Писания, хотя копии книг Нового завета были в руках исключительно церковников. Ибо, если бы они имели намерение это сделать, они, наверное, сделали бы эти книги более подходя-

щими, чем они есть, для своей власти над христианскими монархами и над гражданской верховной властью. Я поэтому не вижу никакого основания сомневаться в том, что как Ветхий, так и Новый завет в той редакции, в которой мы их имеем, являются верными записями того, что было сделано и сказано пророками и апостолами. Таковыми, может быть, являются и некоторые из тех книг, которые называются апокрифическими, если они не вошли в канон не из-за несоответствия их учения остальным книгам Священного писания, а лишь потому, что не были найдены на древнееврейском языке. Ибо после завоевания Азии Александром Великим было очень мало образованных евреев, которые не владели бы в совершенстве греческим языком. Все 70 толкователей, которые перевели Библию на греческий язык, были евреями, и мы имеем труды двух евреев, Филона и Иосифа, написанные на прекрасном греческом языке.

Их цель. Однако канонической делает книгу не автор, а авторитет церкви. И хотя эти книги написаны разными людьми, однако все авторы, очевидно, были проникнуты одним и тем же духом и содействовали одной и той же цели, именно возвеличению власти Царства Божия, Отца, Сына и Святого Духа. Ибо книга Бытия содержит генеалогию избранного Богом народа от сотворения мира до переселения в Египет. Остальные четыре книги Моисея содержат историю избрания этим народом Бога своим царем и законы, предписанные Богом для управления им. Книги Иисуса Навина, Судей, Руфи и Самуила до воцарения Саула описывают деяния избранного народа до того момента, когда он сбросил иго Бога и потребовал себе царя по образцу соседних ему народов. Остальная историческая часть Ветхого завета описывает последовательную смену поколений в роде Давида до плена, из какового рода должен был произойти восстановитель Царства Божиего, именно наш святой Спаситель, Бог-Сын, чье пришествие было предсказано в книгах пророков; затем евангелисты описали его жизнь и его деяния и его притязание на царство, пока он жил на земле. И наконец, *деяния* и *послания* апостолов объявляют о пришествии Бога, Святого Духа и о возложенной на апостолов и на их преемников миссии наставлять евреев и призывать язычников к исповеданию веры Христа. Короче говоря, исторические описания и пророчества Ветхого завета и Евангелия и послания Нового завета имеют одну и ту же цель, а именно побудить людей к повиновению Богу: 1) в лице Моисея и священников; 2) в лице Христа-человека; 3) в лице апостолов и преемни-

ков их апостольской власти. Ибо эти три категории людей в разные времена представляли лицо Бога: Моисей и его преемники, первосвященники и цари иудейские — в эпоху Ветхого завета; сам Христос — во время его земной жизни, а апостолы и их преемники — с Троицына дня (когда на них снизошел Святой Дух) до наших дней.

Вопрос о том, на чем основан авторитет Писания. Много споров возбуждал среди различных сект христианской религии вопрос о том, *на чем основан авторитет Писания.* Иногда он формулировался следующим образом: *откуда мы знаем, что Писание является Словом Божиим, или почему мы верим, что оно является таковым*? Трудность решения этого вопроса проистекает главным образом из неточности его формулировки. Ибо все веруют, что первым и первоначальным *вдохновителем* книг Писания является Бог, и, следовательно, спорность вопроса не в этом. Очевидно, кроме того, что знать о том, что они являются Словом Божиим, никто не может (хотя все истинные христиане верят этому), за исключением тех, кому Бог открыл это сверхъестественным путем, и поэтому неправильно ставить вопрос о нашем *знании* этого. И наконец, если вопрос ставится о нашей *вере*, то, так как одних побуждают верить одни основания, других — другие, общего ответа на этот вопрос вообще не может быть. Правильно сформулированный вопрос такой: *чьей властью Писание было сделано законом*?

Его авторитет и толкование. Поскольку Писание не отличается от естественных законов, то не приходится сомневаться, что оно является законом Бога и на себе самом несет печать своего авторитета, ясного для всякого, кто обладает естественным разумом, но такой авторитет имеют и все другие моральные учения, согласные с разумом, предписания которого являются законами не *установленными*, а *вечными*.

Если сам Бог сделал заповеди Библии законами, то они имеют характер писаных законов, которые являются законами лишь для тех, кому Бог их настолько ясно возвестил, что никто из них не может оправдываться, говоря, что не знал, что они исходят от Бога.

Поэтому, кому Бог не объявил путем сверхъестественного откровения, что это Его законы или что это Он послал возвещающего их, того не может обязать к повиновению им никакой иной авторитет, кроме авторитета того, чьи постановления уже имеют силу закона, т. е. никакой иной авторитет, кроме авторитета государства, воплощен-

ного в суверене, который один обладает законодательной властью. Опять-таки если книгам Священного писания придает силу закона не законодательная власть государства, то это делает авторитет какого-то другого частного лица или публично-правового института. Если это авторитет одного частного лица, то он может обязать лишь того, кому Бог дал частное откровение. Ибо если всякий человек был бы обязан принимать за закон Бога то, что отдельные лица, претендующие на частное вдохновение или откровение, стали бы ему навязывать (если учесть число людей, которые вследствие гордости и невежества принимают за свидетельства Божественного Духа собственные сновидения, экстравагантные фантазии и сумасшествия или из честолюбия лживо и против собственной совести утверждают, что имели знамение от Бога), то исключалась бы возможность признания хотя бы одного божественного закона. Если же это авторитет какого-нибудь публично-правового института, то это может быть авторитет или *государства*, или *церкви*. Но если церковь есть единая личность, то она совпадает с государством христиан, которое называется *государством*, потому что оно состоит из людей, объединенных в одном месте, в лице своего суверена, и называется *церковью*, потому что состоит из людей-христиан, объединенных в лице суверена-христианина. Если же церковь не является единым лицом, то она не имеет никакого авторитета: она не может ни приказывать, ни совершать какого-либо деяния и не способна иметь какую-нибудь власть или право на что-нибудь, а также не имеет ни воли, ни разума, ни голоса, ибо все эти качества суть качества лица. А посему если вся совокупность христиан не заключена в одном государстве, то они не суть одно лицо и нет универсальной церкви, которая имела бы власть над всеми христианами, и, следовательно, Писание не могло быть сделано законом универсальной церковью. Если же имеется такое единое государство, тогда все христианские монархи и государства являются частными лицами и могут быть судимы, низложены и наказываемы универсальным сувереном всего христианства. Таким образом, вопрос об авторитете Писания сводится к следующему: *являются ли христианские короли и верховные собрания христианских государств абсолютными суверенами в пределах своих собственных территорий, непосредственно ответственными перед Богом, или же они подвластны какому-то наместнику Христа, поставленному над универсальной церковью, так что они могут быть судимы, осуждены, низложены и подвергнуты смертной*

казни, если только этот наместник Христа сочтет это целесообразным или необходимым в целях общего блага?

Этот вопрос не может быть разрешен без более детального рассмотрения вопроса о Царстве Божием, после чего мы сможем судить и о том, кто компетентен истолковывать Писание. Ибо тот, кто имеет законную власть сделать какое-нибудь сочинение законом, имеет также власть разрешать или запрещать его толкование.

ГЛАВА XXXIV

О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ «ДУХ», «АНГЕЛ» И «ВДОХНОВЕНИЕ» В КНИГАХ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Об употреблении слов «тело» и «дух» в Писании. Ввиду того что основой всякого правильного рассуждения является устойчивое значение слов, которое в нижеизложенном нашем учении зависит не от желания авторов, как в естественных науках, и не от общераспространенного словоупотребления, как в простом разговоре, а от того смысла, который слова имеют в Писании, то, прежде чем идти дальше, мне необходимо определить на основании Библии значение таких слов, которые своей двусмысленностью могли бы сделать мои выводы нелепыми и спорными. Я начну со слов «тело» и «дух», которые на языке схоластов называются *субстанциями — телесной* и *бестелесной.*

Слово *тело* в наиболее общем употреблении обозначает то, что заполняет и занимает определенное пространство или воображаемое место и не зависит от воображения, а является реальной частью того, что мы называем *универсумом.* Так как *универсум* есть совокупность всех тел, то нет такой реальной части его, которая не была бы также телом. Точно так же ничто не может быть *телом* в собственном смысле этого слова, не будучи одновременно частью этой совокупности всех *тел* — универсума. Так как, далее, тела подвержены изменению, т. е. могут в разнообразных видах представляться чувствам живых существ, то они называются *субстанцией,* т. е. тем, что *подлежит* разнообразным акциденциям; иногда они бывают в движении, а иногда в покое, иногда кажутся нашим ощущениям горячими, иногда холодными, иногда имеющими один цвет, запах, вкус, иногда другой. И это разнообразие кажимости, произведенное разнообразными действиями тел на наши органы чувств, мы принимаем за изменения действующих на нас тел и называем их *акциденциями.* В соответствии

с этим значением слова́ *субстанция* и *тело* означают одно и то же, поэтому *бестелесная субстанция* суть слова, которые при соединении взаимоуничтожают друг друга, как если бы человек сказал: *бестелесное тело.*

Однако в понимании простых людей не весь универсум называется телом, а лишь те его части, которые различаются осязанием, когда они противостоят силе людей, или глазами, когда заслоняют им дальнейшую перспективу. Поэтому на языке простых людей *воздух* и *воздушные субстанции* обычно называются не *телами,* а (каждый раз, когда люди чувствуют их действия) *ветром,* или *дыханием,* или (так как это последнее называется по-латыни spiritus) *духами.* Например, ту воздушную субстанцию, которая дает телу всякого живого существа жизнь и движение, они называют *жизненными* (vital), или *животными* (animal), *духами.* Что же касается тех фантастических призраков (idols of the brain), которые представляют нам тела там, где их нет, как в зеркале, во сне или в больном мозгу в бодрствующем состоянии, то, как говорит апостол о всех призраках вообще, они ничто; они абсолютное ничто, говорю я, там, где они нам представляются имеющими бытие; и в самом мозгу они существуют лишь в виде волнения, происходящего или от действия объектов, или от беспорядочного раздражения наших органов чувств. И вот люди, слишком занятые всякими другими делами, чтобы иметь время исследовать их причины, не знают сами, как называть их, и по внушению тех, чьи знания они высоко ценят, одни называют их *телами* и считают сделанными из воздуха, уплотненного сверхъестественной силой, ибо зрению они представляются телесными; другие же называют их *дýхами,* ибо осязание не ощущает в том месте, где они представляются, никакого сопротивления пальцам. Так что точное значение слова *дух* в обиходной речи есть или утонченное, текучее и невидимое тело, или привидение, или другой призрак, или фантом воображения. В метафорическом же смысле слово «дух» имеет много значений. Иногда оно употребляется в смысле расположения или склонности ума; так, склонность критиковать высказывания других мы называем *духом противоречия, склонность к нравственной нечистоплотности — нечистым духом, склонность к злобе — злым духом, склонность к угрюмости — мрачным духом,* а *расположение к благочестию и служению Богу — Божьим духом.* Иногда же мы этим словом обозначаем какую-нибудь выдающуюся способность, или необычайную страсть, или душевную болезнь,

например когда мы *великую мудрость* называем *духом мудрости*, а о сумасшедших людях говорим, что они *одержимы духом*.

Иного значения слова *дух* я нигде не нахожу, и там, где ни одно из этих значений не подходит под смысл этого слова в Писании, соответствующее место недоступно человеческому пониманию, и наша вера в этом случае состоит не в нашем мнении, а в нашей покорности. Таковы, например, все те места, где говорится, что Бог есть *дух*, или где под *Духом Божиим* подразумевается сам Бог. Ибо природа Бога непостижима, т. е. мы абсолютно не понимаем, каков Он есть, а лишь понимаем, что Он ёсть. И поэтому значение атрибутов, которые мы Ему приписываем, состоит не в том, что мы при их помощи сообщаем друг другу, каков Он есть, или обозначаем наше мнение о Его природе, а лишь в том, что мы ими выражаем наше желание славить Его такими именами, которые мы считаем наиболее почетными среди нас самих.

Слова «Дух Божий» употребляются в Писании иногда в смысле «ветер» или «дыхание». В книге Бытия (1, 2) сказано: *Дух Божий носился над водою*. Если здесь под *Духом Божиим* подразумевается сам Бог, тогда Богу приписывается *движение* и, следовательно, *место*, что имеет смысл лишь в отношении тел, но не в отношении бестелесных субстанций, и, таким образом, это место Писания превышает силы нашего разума, который не может представить себе, чтобы что-либо двигалось, не меняя места и не имея измерения, а все, что имеет измерение, есть тело. Однако смысл этих слов лучше всего раскрывает нам аналогичное место книги Бытия (8, 1), где сказано, что когда земля была покрыта водой, как вначале, то Бог, намереваясь спустить воду и дать снова выступить сухой земле, употребляет подобные слова: *Я навел дух мой на землю, и воды убавились*. В данном месте под *духом* подразумевается *ветер* (т. е. воздух, *движущийся дух*), который может быть назван *Духом Божьим*, так как он дело рук Бога.

Во-вторых, в смысле необычайных Божьих даров, заключающихся в наделении разумением. В книге Бытия (41, 38) фараон называет *мудрость* Иосифа *Духом Божьим*. Ибо, после того как Иосиф посоветовал ему высмотреть разумного и мудрого и поставить его над землей египетской, фараон говорит так: *Найдем ли мы такого, как он, человека, в котором был бы Дух Божий?* И в книге Исхода (28, 3) Бог говорит: *И скажи всем мудрым сердцем, которых Я исполнил духа премудрости,* [и смышления], *чтобы*

они сделали Аарону [*священные*] *одежды для посвящения его,* где необычайное разумение, хотя бы лишь в изготовлении одежды, как дар Бога, называется *Духом Божьим.* В этом же смысле мы находим данное слово в книге Исхода (31, 3—6, и 35, 31), а также в книге Исайи (11, 2, 3), где пророк говорит о будущем мессии: *И почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости и страхом Господним исполнится,* и где явно подразумеваются не разные духи, а разные необычайные качества, которыми Бог наделит его.

В-третьих, в смысле необычайных душевных свойств. В книге Судей называются Духом Божьим необычайная ревность и храбрость, проявленные в защите народа Божьего. Например когда говорится, что этот дух побудил Гофониила, Гедеона, Иеффая и Самсона освободить евреев от рабства: книга Судей 3, 10; 4, 34; 11, 29; 13, 25; 14, 6, 19. И о Сауле, когда до него дошла весть о наглости аммонитян против жителей Иависа Галаадского, сказано (1 Цар. 11, 6): *И сошел Дух Божий на Саула... и сильно воспламенился гнев его* (или, как сказано по-латыни, «его ярость»). Здесь явно подразумевается не Дух, а необычайное *рвение* наказать жестокость аммонитян. Точно так же под *Духом* Божьим, сошедшим на Саула, когда он находился среди пророков, славивших Господа пением и музыкой (1 Цар. 19, 20), следует понимать не Дух, а неожиданный и внезапный порыв присоединиться к ним в совершении дел благочестия.

В-четвертых, в смысле дара предсказания с помощью слов или виде́ний. Лжепророк Седекия говорит Михею (3 Цар. 22, 24): *Неужели от меня отошел Дух Господень, чтобы говорить в тебе?* Здесь не может подразумеваться Дух, ибо Михей предсказывал царям израильскому и иудейскому исход сражения на основании виде́ния, а не слов говорящего в нем *Духа.*

В отношении книг пророков нам также кажется, что хотя пророки говорили в силу Духа Божьего, т. е. в силу особой благодати пророчества, однако их знание будущего было обусловлено не наличием какого-то духа внутри их, а каким-нибудь сверхъестественным *сном* или *виде́нием.*

В-пятых, в смысле жизни. В книге Бытия (2, 7) сказано: *И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою.* Здесь *дыхание жизни,* вдунутое Богом, означает лишь, что Бог дал человеку жизнь. И (Иов. 27, 3) *доколе еще... дух Божий в ноздрях моих* означает лишь *доколе*

я жив. Так, в книге пророка Иезекииля *дух жизни был в колесах* равнозначно словам «колеса были живы». И (Иез. 2, 2) *вошел в меня дух и поставил меня на ноги мои* означает: *мои жизненные силы были снова восстановлены,* а не то, что в него вошел и овладел его телом какой-то дух или бестелесная субстанция.

В-шестых, в смысле подчинения авторитету. В 11-й главе книги Чисел (17) говорится: *Я... возьму,*— говорит Бог,— *от Духа, который на тебе, и возложу на них, чтобы они несли с тобою бремя народа,* т. е. на семьдесят старейшин. После этого рассказывается, что двое из этих семидесяти стали пророчествовать в стане; некоторые на них жаловались, и Иисус Навин просил Моисея запретить указанным старейшинам пророчествовать, на что Моисей не согласился. Из этого видно, что Иисус Навин не знал, что они были уполномочены на то и пророчествовали согласно духу Моисея, т. е. в силу *Духа,* или *авторитета,* подчиненного его собственному.

В том же смысле мы читаем (Втор. 34, 9): *Иисус, сын Навин, исполнился духа премудрости, потому что Моисей возложил на него руки свои,* т. е. потому что он был *предназначен* Моисеем продолжать то дело, которое он сам начал (именно привести избранный народ в обетованную землю), но, застигнутый смертью, не мог кончить.

В подобном же смысле говорится (Рим. 13, 9): *кто Духа Христова не имеет, тот и не Его,* где подразумевается не Дух Христа, а подчинение его учению. Точно так же (1 Иоан. 4, 2): *Духа Божия... узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога,* где подразумевается дух непритворного христианства, или *признание* основного догмата христианской веры, а именно что Иисус есть Христос, что не может быть истолковано как дух.

Точно так же слова (Лук. 4, 1): *Иисус, исполненный Духа Святаго* (как выражения у Матфея 4, 1 и Марка 1, 12) могут быть поняты в смысле *рвения* исполнить то дело, для которого он был послан Богом-Отцом. Если бы мы понимали эти слова буквально, то это значило бы, что сам Бог (ибо таковым был наш Спаситель) был исполнен Бога, что было бы нелепо и бессмысленно. Я не вхожу здесь в рассмотрение того, почему мы стали переводить слово spirits словом *дýхи,* означающим нечто не существующее ни на небе, ни на земле, а являющееся лишь плодом человеческого воображения, но я утверждаю, что слово spirit в тексте Писания означает не это, а или в собственном смысле реальную

субстанцию, или в метафорическом смысле какую-либо выдающуюся *способность,* или *свойство* души или тела.

В-седьмых, в смысле воздушного тела. Ученики Иисуса, увидев его идущим по морю (Матф. 14, 26 и Марк 6, 49), подумали, что это *дух.* Под последним здесь подразумевается воздушное *тело,* а не фантом, ибо сказано, что все его видели, а это не могло бы иметь места, если бы речь шла не о теле, а об обмане чувств (ибо такой обман чувств не может быть у многих людей сразу, как бывает созерцание видимых тел, а лишь у отдельных людей, так как эти обманы зависят от особенностей фантазии). Точно так же следует понимать то место, где говорится (Лук. 24, 37), что те же апостолы, увидев Христа, подумали, будто видят дух. Подобным же образом там, где рассказывается (Деян. 15), что, когда апостол Петр был освобожден из темницы, этому не поверили, но когда служанка объявила, что он стоит у дверей, то находившиеся в доме сказали, что это его *ангел,* под последним следует разуметь телесную субстанцию, или же мы должны сказать, что сами ученики разделяли общее мнение как евреев, так и язычников о том, что некоторые такие виде́ния являются не воображаемыми, а реальными и такими, которые имеют бытие независимо от представления людей. Такие виде́ния евреи называют *духами,* или *ангелами,* добрыми или злыми, как греки называли их *демонами.* Некоторые такие призраки могут быть реальными и субстанциальными, т. е. утонченными, телами, которые Бог по своему усмотрению может сотворить точно так же, как он сотворил все вещи, и пользоваться ими как служителями или вестниками (т. е. ангелами) необычайным и сверхъестественным образом, чтобы возвещать свою волю и приводить ее в исполнение. Но если Бог создал их таким образом, то они суть субстанции, имеющие измерение и занимающие пространство, и могут двигаться с места на место, что свойственно телам. Поэтому они не являются *бестелесными духами,* т. е. духами, которые *не находятся ни в каком месте,* нигде, т. е. такими, которые кажутся *чем-то,* а на самом деле суть *ничто.* Но если под телесными, согласно общепринятому смыслу этого слова, понимать субстанции, которые могут быть восприняты нашими внешними чувствами, тогда бестелесная субстанция есть вещь не воображаемая, а реальная, именно тонкая, невидимая субстанция, имеющая, однако, те же измерения, что и более грубые тела.

Что такое ангел. Слово «ангел» означает вообще *вестник,* и наиболее часто — *вестник Бога,* а вестником

Бога называется всякая вещь, возвещающая его необычное присутствие, т. е. необычное проявление его власти, что бывает чаще всего путем сил или виде́ния.

Относительно сотворения *ангелов* в Писании ничего не сообщается. Часто говорится, что они духи, но словом «дух» обозначаются как в Писании, так и в обиходной речи, как у евреев, так и у язычников иногда тонкие тела, как воздух, ветер, жизненные и животные духи живых созданий, а иногда фантастические образы снов и видений, не являющиеся реальными субстанциями и исчезающие одновременно с тем сном или виде́нием, в котором они являются. Но хотя эти образы не реальные субстанции, а лишь акциденции мозга, однако, если Бог вызывает их сверхъестественным путем для возвещения своей воли, они правильно называются Божьими вестниками, т. е. его *ангелами.*

Язычники обыкновенно принимали образы своего воображения за предметы, имеющие реальное бытие вне их, а не за нечто зависящее от их представления и отсюда образовали свое мнение о *демонах,* добрых и злых, и называли их *субстанциями,* представляя их себе реально существующими и *бестелесными,* так как они не могли осязать их руками. Точно так же и евреи на том же основании (и в Ветхом завете нет ничего, что бы этому противоречило) держались в массе своей, за исключением секты саддукеев, того взгляда, что эти образы — которые Богу угодно было иногда произвести в воображении людей для своих целей и которые поэтому он назвал своими *ангелами* — являются субстанциями, не зависящими от воображения, и неизменными творениями Бога. Причем тех, которых они считали благосклонными к себе, они называли *ангелами Бога,* а тех, которые, по их мнению, стремились вредить им, они называли *злыми ангелами,* или злыми духами. К последним относились ими дух колдуна и духи сумасшедших, лунатиков и эпилептиков, ибо они считали всех страдавших такими болезнями *одержимыми бесом.*

Однако если мы рассмотрим те места Ветхого завета, в которых упоминается об ангелах, то найдем, что в большинстве случаев под словом «*ангел*» подразумевается лишь образ, возникший сверхъестественно в воображении, чтобы возвестить присутствие Бога при совершении какого-нибудь сверхъестественного дела. Поэтому мы можем точно таким же образом понять это и там, где природа ангелов не так ясно выражена.

В самом деле, мы встречаем в книге Бытия (16), что это

же самое явление называется не только *Ангелом,* но и *Богом,* а именно там (ст. 7), где то, что называется *ангелом* Господним, в 10-м стихе говорит Агари: *умножая, умножу потомство твое,* т. е. говорит в лице Бога. Да и явление это предстало перед Агарью не в зримом образе, а в виде голоса. Из этого явствует, что *ангел* означает здесь не что иное, как самого *Бога,* который сверхъестественным путем дал возможность Агари услышать голос с неба, или, вернее, не что иное, как сверхъестественный голос, свидетельствующий о специальном присутствии там Бога. Почему нельзя на этом же основании думать, что те ангелы, которые явились Лоту и которые названы (Быт. 19, 12) *людьми,* к которым, хотя их было два, Лот обращается (ст. 18) как к одному, причем лишь к тому, который есть Бог (ибо там сказано: *Лот сказал им: нет, Владыка!*),— почему нельзя думать, что эти ангелы были образами, сверхъестественно возникшими в представлении людей, подобно тому как в предыдущем примере под ангелом подразумевался воображаемый голос? Когда ангел воззвал с неба к Аврааму, требуя, чтобы он не поднимал руки на сына своего Исаака, то перед Авраамом был не зрительный образ, а лишь голос, и тем не менее он совершенно правильно назван вестником, или *ангелом,* Господним, ибо он сверхъестественным образом возвестил волю Божью; и это избавляет нас от необходимости предположить наличие в данном случае неких бессмертных духов. Те ангелы, которых Иаков видел на лестнице, достигающей неба (Быт. 28, 12), были виде́нием во сне и поэтому лишь воображением и сном. Но так как это были сверхъестественные виде́ния и знамения специального присутствия Бога, то они правильно были названы ангелами. Таким же образом это следует понимать и там (Быт. 31, 11), где Иаков говорит: *Ангел Божий сказал мне во сне.* Ибо явление, представляющееся человеку во сне, есть то, что все люди называют сном независимо от того, естественный ли это сон или сверхъестественный. И то, что Иаков здесь называет *ангелом,* был сам Бог, ибо этот же самый ангел говорит (ст. 13): *Я Бог,* [*явившийся тебе*] *в Вефиле.*

Точно так же и тот ангел (Исх. 14, 19), который шел перед станом сынов израилевых к Красному морю, а затем пошел позади него, был сам Бог. И он появился не в виде красивого человека, а днем в виде *столпа облачного* и ночью в виде *столпа огненного.* Этот столп представлял собой и виде́ние, и *ангела,* который был обещан Моисею (Исх. 33, 2) для указания дороги стану (Исх. 33, 9). Ибо рассказыва-

ется, что этот столп облачный снизился, и стал у дверей скинии, и говорил с Моисеем.

Таким образом, вы видите, что движение и речь, которые обычно приписываются ангелам, приписываются облаку, потому что это облако служило знамением присутствия Бога и было не в меньшей степени ангелом, чем если бы оно имело вид человека или ребенка невиданной красоты или крылья, с которыми обычно изображают ангелов для ложного наставления простого народа. Ибо ангелов делает ангелами не их вид, а их миссия. А их миссия — показать присутствие Бога в сверхъестественных действиях. Так, когда Моисей (Исх. 33, 14) просил Бога идти вместе со станом (как он это всегда делал до сотворения золотого тельца), Бог не ответил: «Я пойду или я пошлю ангела вместо себя», а сказал, что его присутствие будет с ними.

Приводить все места Ветхого завета, где встречается слово *ангел,* пришлось бы слишком долго. Я поэтому выставляю здесь положение, относящееся ко всем этим местам, вместе взятым, а именно я утверждаю, что в той части Ветхого завета, которую английская церковь считает канонической, нет ни одного текста, из которого мы могли бы заключить, что существует или был создан какой-либо бессмертный предмет, подразумеваемый под именем *ангела* или *духа,* который не имел бы количества и не мог бы быть мысленно делим, т. е. рассматриваем как состоящий из частей, из которых одна часть может быть в одном месте, а следующая часть — в другом,— словом, предмет, который не был бы телесным (считая телом то, что есть нечто и где-то), но во всех этих местах, где встречается слово *ангел,* оно может быть истолковано как «вестник». В этом смысле назван ангелом Иоанн Креститель и ангелом завета — Христос, и (по той же аналогии) могли бы быть названы ангелами голубь и огненные языки, поскольку они были свидетельствами особого присутствия Бога. Хотя мы находим в книге Даниила два имени ангелов — Гавриил и Михаил, однако ясно из самого текста (Дан. 12, 1), что под Михаилом подразумевается Христос не как ангел, а как царь и что Гавриил (как подобные явления, снившиеся другим святым людям) не более как сверхъестественное виде́ние, при котором Даниилу представились во сне два святых, которые вели между собой разговор и из которых один сказал другому: «Гавриил, объясни ему это виде́ние»,— ведь Господь не нуждается для различения своих небесных служителей в именах, которые полезны

лишь для смертных ввиду их короткой памяти. Точно так же и в Новом завете нельзя найти место, из которого видно было бы, что ангелы (за исключением тех случаев, когда это имя дается таким людям, которых Бог сделал вестниками и проповедниками своих слов и дел) суть бессмертные и одновременно бестелесные существа. Что они бессмертны, может быть выведено из слов нашего Спасителя (Матф. 25, 41), что в день Страшного суда порочным людям будет сказано: *Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготовленный диаволу и ангелам его.* Это место явно говорит о дурных ангелах как о бессмертных существах (разве лишь предположить, что под именем дьявола и его ангелов могут подразумеваться враги церкви и их служители), но тогда это противоречит имматериальности этих существ, так как вечный огонь не есть наказание для нечувствительных субстанций, каковы все бестелесные существа. Следовательно, из этого места нельзя сделать заключения о бестелесности ангелов. Точно так же там, где апостол Павел говорит (1 Коринф. 6, 3): *Разве не знаете, что мы будем судить ангелов*?, и (2 Пет. 2, 4): *Ибо если Бог ангелов согрешивших не пощадил, а отправил их в ад,* и (Иуд. 1, 6): *ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище,* [*Господь*] *и соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня,*— то, хотя эти тексты доказывают бессмертность ангельской природы, они же подтверждают и их материальность. Это же подтверждается словами (Матф. 22, 30): *В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божьи, на небесах.* Однако после воскресения люди будут бессмертны, но не бестелесны, следовательно, таковы и ангелы.

Имеется еще много других мест, из которых можно вывести подобные заключения. Для людей, которые понимают значение слов *субстанция* и *бестелесная,* если под *бестелесной* понимать не утонченное тело, а *не-тело,* указанные слова взаимно исключают одно другое в такой степени, что сказать: ангел, или дух, есть (в данном смысле) бестелесная субстанция — значит в действительности сказать, что не существует ни ангелов, ни духов. Поэтому, принимая во внимание значение слова *ангел* в Ветхом завете и природу снов и виде́ний, которые бывают у людей естественным образом, я был бы склонен думать, что ангелы суть лишь сверхъестественные образы воображения, вызванные специальным и необычайным актом Бога, дабы возвестить свое присутствие и свои заповеди человеческому роду, и в особенности своему избранному народу. Однако

многие места Нового завета и собственные слова нашего Спасителя в таких текстах, где нельзя подозревать искажения Писания, заставили мой слабый разум признать и поверить, что имеются такие субстанциальные и бессмертные ангелы. Но тот взгляд, что эти ангелы не занимают никакого места, т. е. что они нигде и ничто, как это утверждают (хотя и косвенно) те, кто считает их бестелесными,— такой взгляд не может быть доказан на основании Писания.

Что такое вдохновение. От значения слова «*дух*» зависит также смысл слова *вдохновение*. Если понимать его буквально, оно означает вдувание в человека тонкого воздуха или ветра, подобно тому как человек наполняет своим дыханием пузырь, или, если духи суть нечто бестелесное и существуют лишь в воображении, вдохновить — значит лишь вдунуть какую-нибудь фантазию, что является неподходящим выражением, да и невозможно, ибо фантазия есть нечто не действительное, а лишь кажущееся. Это слово употребляется поэтому в Писании лишь в метафорическом смысле. Например, когда говорится (Быт. 2, 7), что Бог *вдунул* в человека дыхание жизни, то под этим подразумевается лишь, что Бог дал ему жизненное движение. Ибо мы не должны представлять себе дело так, будто Бог сначала сотворил живое дыхание, а затем вдунул его в Адама после его сотворения; мы не должны представлять себе дело так независимо от того, идет ли речь о реальном или кажущемся дыхании. Смысл приведенной фразы лишь в том (Деян. 17, 25), *что он дал жизнь и дыхание,* т. е. сделал человека живым существом. А там, где сказано (Тим. 3, 16): *Все Писание богодухновенно,* что относится к Ветхому завету, это легкая метафора, долженствующая обозначить, что Бог склонил дух или ум тех авторов писать то, что должно быть полезно для поучения, обличения, исправления и наставления людей в правде. А там, где апостол Петр говорит (2 Петр 1, 21), что *никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божьи человеки, будучи движимы Духом Святым,* то под Святым Духом подразумевается голос Божий во сне или в сверхъестественном виде́нии, что не есть *вдохновение.* Точно так же когда наш Спаситель, дохнув на своих учеников, сказал: *Примите Святой Дух,* то это дыхание было не духом, а лишь знаком тех духовных даров, которыми он наделил их.

И хотя о многих, в том числе о самом нашем Спасителе, сказано, что они были исполнены Святого Духа, однако эту исполненность следует понимать не в смысле *вливания*

божественной субстанции, а в смысле умножения даров Духа, каковыми являются святость жизни, святость языка и т. п. независимо от того, приобретены ли они сверхъестественным путем или прилежанием и усердием. Ибо во всех этих случаях они являются дарами Бога. В соответствии с этим там, где Бог говорит (Иоил. 7, 28): «*Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть виде́ния*»,— мы не должны понимать это буквально, будто Дух Божий, подобно воде, может изливаться и вливаться, а лишь так, что Бог обещал ниспослать на них пророческие сны и виде́ния. Ибо буквальное применение слова *влить* по отношению к милостям Божьим было бы злоупотреблением, так как эти милости представляют собой определенные душевные качества, а не тела, которые можно переносить туда и сюда и которые можно вливать в людей, как в бочки.

Точно так же не соответствовало бы смыслу Библии, если бы мы понимали слово *вдохновение* буквально или сказали бы, что *Духи* Божьи входят в людей, дабы сделать их способными пророчествовать, или что злые духи входят в тех, кто становится бешеным, лунатиком или эпилептиком, ибо в Библии это слово понимается в смысле божественного могущества, действующего неисповедимыми для нас путями. Соответственным же образом не следует понимать как Святой Дух и тот ветер, о котором говорится (Деян. 2, 2), что он наполнил дом, в котором собрались апостолы в день Пятидесятницы, ибо *Дух Божий* — это сам Бог. Поэтому такой ветер следует понимать как внешнее проявление особенного воздействия Бога на их сердца, дабы произвести в них ту внутреннюю благодать и те святые качества, которые Он считал необходимыми в целях выполнения ими их апостольской миссии.

ГЛАВА XXXV

О ТОМ, ЧТО ОЗНАЧАЮТ В ПИСАНИИ СЛОВА «ЦАРСТВО БОЖИЕ», «СВЯТОЙ», «ПОСВЯЩЕННЫЙ» И «ТАИНСТВО»

Царство Божие употребляется теологами в метафорическом, а в Писании — в собственном смысле слова. В сочинениях теологов, и особенно в проповедях и религиозных трактатах, *Царство Божие* обычно толкуется в смысле вечного блаженства на небесах после земной жизни, кото-

рое они называют также Царством Славы, а иногда как высшее блаженство — Святостью, определяемой ими как Царство Благодати, но никогда — как монархия, т. е. в смысле верховной власти Бога над подданными, приобретенной с их согласия.

В противоположность этому я нахожу, что в большинстве мест Писания *Царство Божие* означает *царство в собственном смысле слова,* установленное голосованием народа израильского в особой форме, при которой этот народ, получив от Бога обещание отдать ему во владение землю Ханаанскую, избрал Бога своим царем, заключив с Ним завет; и лишь очень редко «Царство Божие» употребляется в метафорическом смысле (и то лишь в Новом завете), и тогда это означает *власть над грехом,* ибо такую власть всякий подданный должен иметь в Царстве Божием, и без всякого ущерба для суверена.

С самого момента творения Бог не только через *природу* благодаря своему могуществу царствовал над всеми людьми, но и имел также *особенных* подданных, которым он возвещал свои заповеди голосом, как человек говорит с человеком. Именно таким образом он *царствовал над Адамом,* запретив ему есть от древа познания добра и зла. А когда тот ослушался Бога и, вкусив от запретного древа, захотел стать подобным Богу и судить о добре и зле не по указаниям Бога, а соответственно своему разумению, то был наказан лишением вечной жизни, для которой Бог его вначале сотворил. А потом Бог наказал за грехи все потомство Адама, за исключением восьми человек, всемирным потопом. И эти восемь человек составляли тогда *Царство Божие.*

Первоисточник Царства Божиего. После этого Богу угодно было говорить с Авраамом (Быт. 17, 7 — 8) и заключить с ним завет в следующих словах: *И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя; и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую во владение вечное.* В этом соглашении *Авраам обещает за себя и за свое потомство повиноваться говорившему с ним Господу как Богу, а Бог со своей стороны обещает Аврааму землю Ханаанскую в вечное владение.* И в память, и как знамение этого завета Бог устанавливает *таинство обрезания.* Это именно то, что называется *Ветхим заветом,* или *завещанием,* и содержит договор между Богом и Авраамом, по которому Авраам обязывает себя и свое

потомство особенным образом подчиняться положительному закону Бога (ибо подчиняться моральному закону он уже обязался раньше), нечто вроде присяги на подданство. И хотя имя *царь* еще не было дано Богу, а имя *царство* еще не было дано Аврааму и его потомству, однако по существу дело обстояло таким именно образом; именно в силу договора устанавливалась особая верховная власть Бога над потомками Авраама, которая при возобновлении завета Моисеем у горы Синай определенно названа особым *Царством Бога* над евреями; и именно об Аврааме (а не о Моисее) апостол Павел говорит (Рим. 4, 11), что *он стал отцом всех верующих,* т. е. тех, кто верен Богу и не нарушает присяги на подданство, данной Богу впервые посредством таинства обрезания, а затем в *Новом завете* посредством таинства крещения.

Это Царство Божие в собственном смысле слова означает верховную власть Бога над особенным народом, установленную соглашением. Этот завет был возобновлен Моисеем у подошвы горы Синай, где Господь Бог приказывает Моисею сказать народу следующее (Исх. 19, 5): *Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святых.* Вместо «особенным народом» в латинском переводе Библии стоит peculium de cunctis populis [8]; в английском переводе, сделанном в начале царствования Якова,— «особенным сокровищем для Меня сверх всех народов», а во французском переводе, сделанном в Женеве,— «наиболее драгоценным камнем из всех народов». Но наиболее правильным является первый перевод, как это подтверждается самим апостолом Павлом (Тит. 2, 14), который говорит, имея в виду это место, что наш святой Спаситель *дал Себя за нас, чтобы... очистить Себе народ особенный.* В самом деле, по-гречески мы имеем для этого понятия слово περιούσιος, которое обыкновенно противополагается по своему значению слову επούσιος, причем последнее слово означает *обычное, повседневное* или (как в молитве «Отче наш») *насущное,* а первое обозначает то, что *сверх насущного,* то, что *отложено про запас и употребляется особенным образом,* т. е. именно то, что по-латыни называется peculium. Данный смысл приведенного места подтверждается тем, что Бог говорит об этом непосредственно в следующих словах: *ибо Моя вся земля,* желая этим сказать: *все народы мира Мои,* но вы не просто мои, а *особенным образом.* Ибо все они мои в силу моего могущества,

вы же должны быть моими в силу вашего собственного согласия и завета, что является прибавлением к обычному титулу Бога в отношении всех народов.

Это же самое толкование подтверждается снова ясно выраженными словами того же текста: *вы будете у Меня царством священников и народом святых.* В латинском издании Библии это переводится regnum sacedotale [9], с чем согласуется перевод этого места у апостола Петра (1 Пет. 2, 9): sacerdotium regale — «царственное священство», а также самый институт первосвященства, в силу которого никто, кроме первосвященника, не мог входить в *святая святых,* т. е. никто, кроме него, не мог узнавать волю Бога непосредственно от самого Бога. В упомянутом выше английском переводе Библии, как и в женевском, здесь стоит «царство священников», под чем может подразумеваться лишь последовательная преемственность одного первосвященника другим; в противном случае этот перевод не согласуется ни с переводом апостола Петра, ни с прерогативами первосвященника. Ибо никто, кроме первосвященника, не мог сообщать народу о воле Божьей, и никакому собранию священников не было разрешено входить в *святая святых.*

Дальнейшим подтверждением нашего толкования является титул *народ святых.* Ибо «святое» означает то, что принадлежит Богу на основании особого, а не общего права. Вся земля, как говорится в тексте, принадлежит Богу, но святой называется она не вся, а лишь та ее часть, что специально выделена для служения Богу, как это было с еврейским народом. Одно это место поэтому с достаточной очевидностью показывает, что под *Царством Божиим* подразумевается собственно государство, установленное с согласия тех, кто должен стать его подданным, в целях гражданского управления ими и для регулирования их поведения не только по отношению к их царю — Богу, но и по отношению друг к другу согласно правилам справедливости, а также по отношению к другим народам во время мира и войны. Таково именно было то царство, в котором Бог был царем, а первосвященник (после смерти Моисея) — вице-королем или наместником.

Можно привести еще много других мест, ясно подтверждающих наше толкование. Прежде всего, когда (1 Цар. 8, 7) старейшины Израиля, возмущенные продажностью сыновей Самуила, требовали себе царя, огорченный этим, Самуил молился Господу, и Господь в ответ сказал ему: *Послушай голоса народа во всем, что они гово-*

рят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними, из чего видно, что сам Бог был тогда их царем, а Самуил не управлял народом, а лишь передавал указания, которые время от времени получал от Бога.

Дальше то место, где Самуил говорит народу (1 Цар. 12, 12): *Но, увидев, что Наас, царь Аммонитский, идет против вас, вы сказали мне: «нет, царь пусть царствует над ними, тогда как Господь Бог ваш — Царь ваш»,*— из которого очевидно, что Бог был царем евреев и гражданским правителем их государства.

А после того как израильтяне отвергли Бога, пророки предсказывали его возвращение. Например (Исх. 24, 23): *И покраснеет луна, и устыдится солнце, когда Господь Саваоф воцарится на горе Сионе и в Иерусалиме.* Тут определенно говорится о царствовании на Сионе и в Иерусалиме, т. е. на земле. А также (Мих. 4, 7): *И Господь будет царствовать над ними на горе Сионе.* Гора Сион находится в Иерусалиме, на земле. И (Иез. 20, 33): *Живу Я,— говорит Господь Бог,— рукою крепкою и мышцею простертою и излиянием ярости буду господствовать над вами.* Далее (см. 37): *И проведу вас под железом и введу вас в узы завета,* т. е. я буду царствовать над вами и заставлю вас исполнять тот завет, который вы заключили со мной через Моисея и который вы нарушили вашим восстанием против меня в дни Самуила и вашим избранием другого царя.

И в Новом завете ангел Гавриил говорит о нашем Спасителе (Лук. 1, 32, 33): *Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца.* Это тоже царство на земле, за предъявление прав на него он был казнен как враг Цезаря, причем на его кресте было написано: «*Иисус из Назарета, царь иудейский*», и его презрительно короновали терновым венцом. А об учениках, проповедовавших его учение, говорится (Деян. 17, 7): *и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса.* Царство Божие, таким образом, является реальным царством, а не метафорическим, и так оно понимается не только в Ветхом, но и в Новом завете. Когда мы говорим: «ибо тебе принадлежит царство, могущество и слава», то следует подразумевать Царство Бога в силу нашего завета, а не по праву могущества Бога, ибо такого рода Царство Бог всегда имеет, так что было бы излишне говорить в нашей молитве: «да приидет царствие твое», если мы не подразумеваем под

этим восстановления Христом того Царства Божиего, которое было прервано бунтом израильтян при избрании ими Саула. Соотвествующим образом было бы несообразно говорить: «близится царство небесное» или молиться: «да приидет царствие твое», если бы это царство продолжалось.

И других мест, подтверждающих наше толкование, имеется так много, что можно было бы только удивляться тому, что оно не получило более широкого признания, если бы не то обстоятельство, что это толкование слишком открывает глаза королей на их права в отношении церковного управления. Именно чтобы помешать этому, церковники вместо «священническое царство» переводят «царство священников», ибо они с таким же успехом могли перефразировать «царственное священство» (как сказано у апостола Петра) в «священство царей». И если они *особенный народ* называют *драгоценным камнем* или *сокровищем,* то с таким же успехом можно назвать особый полк или особую роту главнокомандующего всей армией драгоценным камнем последнего или его сокровищем.

Короче говоря, Царство Божие есть гражданское царство, состоявшее прежде всего в обязанности народа Израиля подчиняться тем законам, которые Моисей принес ему с горы Синай и которые после Моисея первосвященник в период исполнения своих обязанностей сообщал народу со слов херувимов в *святая святых.* Оно есть то царство, восстановление которого Христом пророки предсказывали, после того как оно было свергнуто избранием Саула, и о восстановлении которого мы ежедневно молимся, когда в «Отче наш» говорим: «Да приидет царствие твое», и право на которое мы признаем, когда прибавляем: «Ибо тебе принадлежит царство, могущество и слава вовеки веков, аминь». Это есть то Царство, в провозглашении которого заключалась проповедь апостолов и к которому люди подготовлены учителями Евангелия. Принять это Евангелие (т. е. обещать повиновение правлению бога) — значит быть в *Царстве Благодати,* ибо Бог милостиво даровал приемлющим Евангелие *благодать* быть подданными (т. е. детьми) Бога впоследствии, когда Христос придет во всем своем величии, чтобы судить мир и действительно управлять собственным народом, что названо *Царством Славы.* Если бы *Царство Божие,* называемое также *Царством Небесным* в силу великолепия и удивительной возвышенности этого трона, не было тем Царством, которое Бог через своих наместников, передававших народу его постановления,

имел на земле, то не было бы так много споров и войн из-за вопроса о том, через кого Бог говорит с нами. В этом случае многие священники не стали бы брать на себя труд духовной юрисдикции и ни один король не стал бы отказывать им в этом.

Что такое святой. Это буквальное понимание *Царства Божиего* дает нам ключ к правильному пониманию слова «святой», ибо это есть слово, которое в Царстве Божием соответствует тому, что́ люди в своем царстве обычно называют *государственным* и *королевским.*

Король любой страны есть *государственное* лицо, или представитель всех подданных. А Бог, царь Израиля, был *святым лицом* Израиля. Народ, подчиненный какому-нибудь земному суверену, является народом этого суверена, т. е. государственного лица. Точно так же евреи, которые были народом Бога, были названы (Исх. 19, 6) *святым народом.* Ибо под *святым* всегда понимается или сам Бог, или то, что является собственностью Бога, подобно тому как под государственным всегда подразумевается или само лицо государства, или нечто принадлежащее государству, так что никакое частное лицо не может предъявлять на это права собственности.

Вот почему суббота, день Бога, является *святым днем*; храм, дом Бога,— *святым домом;* жертвоприношения, десятины и приношения, дань Богу,— *святой данью;* священники, пророки и цари — помазанники Божьи во Христе (служители Бога) — *святыми людьми*; небесные духи, Божьи вестники,— *святыми ангелами* и т. п. И везде, где слово «святой» берется в его собственном значении, оно означает некую собственность, приобретенную с чьего-то согласия. Говоря «да святится имя твое», мы молим Бога, чтобы он оказал нам милость, укрепив нас в соблюдении первой заповеди: *не иметь других богов, кроме него.* Человеческий род является народом Бога в качестве Его собственности, но лишь евреи были *святым народом.* На каком же основании, если не на том, что они стали собственностью Бога в силу заключенного завета?

Слово «мирское» обычно берется в Писании в том же смысле, что и *общее,* а в Царстве Божием то же самое должны означать их противоположности — *святое* и *собственное.* Но фигурально *святыми* называются люди, которые вели такой благочестивый образ жизни, что они как будто отреклись от всяких мирских помыслов и всецело предались Богу. В собственном смысле обо всем том, что присвоено Богом или выделено для собственного потребле-

ния и тем сделано святым, мы говорим, что оно *освящено* Богом, как, например, седьмой день в четвертой заповеди или избранники в Новом завете, о которых говорится, что они были *освящены*, если они были одарены духом благочестия. И то, что было сделано *святым* благодаря приношению людей и что дано Богу, дабы быть использованным исключительно в публичном богослужении, называется *священным* и *посвященным*, как храмы и другие дома общественной молитвы и их утварь, священники, служители, жертвоприношения и внешние принадлежности таинств.

Степени святости. В *святости* имеются степени, ибо из тех предметов, которые выделены для богослужения, часть может быть еще особо выделена для более интимного и специального служения. Весь народ израильтян был народом святым, однако колено левитов было среди израильтян святым коленом, а среди левитов более святыми были священники, а среди священников самым святым был первосвященник. Точно так же вся Иудея была святой землей, но святой город, где надлежало славить Бога, был более святым, и опять-таки храм был более свят, чем город, а *святая святых* была более святой, чем остальная часть храма.

Таинство. *Таинство* есть изъятие какой-нибудь видимой вещи из общего пользования и посвящение ее богослужению или в знак нашего допущения в Царство Божие, чтобы быть в числе его особенного народа, или в память об этом. В Ветхом завете зна́ком допущения был *обряд обрезания*, в Новом завете — *крещение*. Памятью этого в Ветхом завете было *вкушение* ежегодно в определенное время *пасхального ягненка*, что служило для евреев напоминанием о той ночи, в которую они были освобождены от египетского рабства; а в Новом завете — справление *тайной вечери*, напоминающей нам о нашем освобождении от уз греха смертью на кресте нашего блаженного Спасителя. Таинства *допущения* должны совершаться лишь однажды, ибо требуется быть *допущенным* лишь один раз, но так как нам часто следует напоминать о нашем освобождении и о нашем подданстве, то таинства *напоминания* должны повторяться. Таковы основные таинства и как бы наши торжественные клятвы на подданство. Имеются еще и другие посвящения, которые могут быть названы таинствами, поскольку под этим словом подразумевается лишь посвящение для целей богослужения, но поскольку под этим словом подразумевается присяга, или обещание на подданство, Богу, то

в Ветхом завете имеются в качестве таинств лишь *обрезание и пасхальный агнец*, а в Новом завете — лишь *крещение и тайная вечеря*.

ГЛАВА XXXVI

О СЛОВЕ БОЖИЕМ И О ПРОРОКАХ

Что такое слово. Когда мы говорим о Слове Божием или человеческом, то под этим подразумевается не какая-либо часть речи, т. е. не то, что грамматически называют существительным или глаголом, и не какой-нибудь простой звук вне связи с другими словами, придающими ему смысл, а законченная речь или рассуждение, при помощи которых говорящий *утверждает, отрицает, приказывает, обещает, угрожает, просит* или *спрашивает*. В этом смысле «слово» означает не vocabulum, а sermo (по-гречески λόγος), т. е. *речь*, или *рассуждение*, или *высказывание*.

Слова, сказанные Богом и имеющие к нему отношение, называются в Писании словом Божиим. Опять-таки, если мы говорим *слово Божие* или *человеческое*, то под этим иногда можно подразумевать говорящего, т. е. слова, которые сказал Бог, или слова, которые сказал человек, в каковом смысле, когда мы говорим: «Евангелие от Матфея», мы подразумеваем, что апостол Матфей был автором этого Евангелия. Иногда же подразумевается тема, например когда говорится в Библии: «летописи царей израильских или иудейских», то подразумевается, что деяния, совершившиеся в эти дни, являются темой этих летописей. И в греческом переводе Библии, сохранившем много древнееврейских слов, под словом Божиим часто понимается не слово, сказанное Богом, а слово о Боге и о царстве, т. е. учение религии, так что по-гречески λόγος Θεοῦ означает то же, что *теология*, т. е. то учение, которое мы обыкновенно называем *богословием*, как это явствует из следующих цитат (Деян. 13, 46): *Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: «Вам первым надлежало быть проповедану Слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам»*. То, что здесь названо Словом Божиим, было учение христианской религии, как это ясно видно из предшествующего. И (Деян. 5, 20), где ангел говорит апостолам: *Идите и, став во храме, говорите народу все сии слова жизни*. Тут под *словами жизни* подразумевается учение Евангелия, как это явствует из того, что они делали в храме

и что ясно сказано в последнем стихе той же главы: *И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе.* Из этой цитаты видно, что Иисус Христос был темой этого *слова жизни,* или (что то же самое) темой *слов той вечной жизни,* которую наш Спаситель предложил им. Аналогично этому (Деян. 15, 7) слово Божие названо словом «Евангелие», ибо оно содержит учение о Царстве Христа, и то же слово названо (Рим. 10, 8, 9) *словом веры,* т. е., как там ясно сказано, учением о пришествии Христа и о воскресении его из мертвых. Точно так же (Матф. 13, 19): *Ко всякому, слушающему слово о Царствии,* т. е. учение о Царствии, проповедуемое Христом. И о том же слове сказано (Деян. 12, 24), что *оно росло и распространялось,* что легко понять в отношении евангельского учения, но странно было бы думать, что это может относиться к слову или к речи Бога. В том же смысле под *дьявольским учением* подразумеваются не слова какого-либо дьявола, а то *учение о демонах* (1 Тим. 2, 1), которое исповедуют язычники и те фантомы, которых они почитают как богов.

Божие слово, употребляемое метафорически. Во-первых, в смысле приказаний и могущества Бога. Из рассмотрения этих двух значений выражения «слово Божие» в Писании ясно, что все Писание есть Слово Божие в последнем смысле (где Слово Божие понимается как учение христианской религии), но не в первом. К примеру, хотя слова: «Я Господь Бог твой» и т. д.— в конце десяти заповедей были сказаны Богом Моисею, однако слова: «Бог говорил сии слова и сказал» — должны быть понимаемы как слова того, кто писал священную историю. *Слово Божие,* взятое как слово, сказанное Богом, понимается иногда в собственном смысле, иногда метафорически: в собственном смысле — как Слово, сказанное Богом его пророкам; метафорически — в смысле его мудрости, могущества и вечных приказаний при сотворении мира. В этом смысле *словами Божьими* являются: *да будет свет, да будет твердь, сотворим человека* и т. д. (Быт. 1). И в этом же смысле сказано (Иоан. 2, 1, 3): *Все через Него на́чало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.* И в другом месте (Евр. 1, 3): *И держа все словом силы своей,* т. е. силой слова своего, т. е. своей силой, и дальше (Евр. 11, 3): *Века устроены словом Божьим* — и много других мест. В этом же смысле понималось у римлян слово *судьба,* означающее собственно *сказанное слово* [10].

Во-вторых, в смысле действия, произведенного этим

словом. Во-вторых, под *словом* иногда понимается действие этого слова, т. е. то именно, что этим словом утверждается, приказывается, угрожается или обещается. Так, например, там, где говорится (Пс. 104, 19), что Иосифа держали в темнице, *доколе исполнилось слово Его,*— т. е. пока не исполнилось то, что он (Быт. 40, 18) предсказал виночерпию фараона относительно его восстановления в должности,— под *исполнением слова* подразумевается исполнение самой вещи. В этом же смысле (3 Цар. 18, 36) Илия говорит Богу: *Я сделал все эти Твои слова* вместо: *Я сделал все это по слову Твоему,* или приказанию, а также (Иер. 17, 15): *Где слово Господне?* вместо: *Где те бедствия, которыми Бог угрожал?* В этом же смысле (Иез. 12, 28): *Ни одно из слов Моих уже не будет отсрочено,* где под словами понимается то, что Бог обещал своему народу. И в Новом завете (Матф. 24, 35): *Небо и земля придут, но слова Мои не придут,* т. е. все то, что я обещал, или предсказал, не может не исполниться. И в этом именно смысле апостол Иоанн Богослов, и, я думаю, он один, называет самого нашего Спасителя ставшим плотью *словом Господним* (Иоан. 1, 14). *Слово стало плотью,* т. е. слово, или обещание, что Христос придет в мир. *Христос был вначале с Богом,* т. е. в намерении Бога-Отца было послать Бога-Сына в мир, чтобы направить людей по пути вечной жизни, но это намерение до этого момента (появления Христа на земле) не было приведено в исполнение и воплощено в действительность, так что наш Спаситель назван здесь *словом* не потому, что он был обещанием, а потому, что он был обещанным. Те, кто, ссылаясь на это место, называет обыкновенно Христа глаголом Бога, затемняют лишь еще более смысл этого текста. Они могли бы с таким же основанием называть его *именем существительным* Бога, ибо как под именем существительным, так и под глаголом люди подразумевают лишь часть речи, звук, который не содержит ни утверждения, ни отрицания, ни приказания или обещания и не является субстанцией ни телесной, ни духовной, и поэтому нельзя сказать о нем, что он Бог или человек, между тем как наш Спаситель есть то и другое. И это *слово,* о котором апостол Иоанн в своем Евангелии говорит, что оно было с Богом, названо им *словом жизни* (ст. 1) и *вечной жизнью* (ст. 2,) *которая была с Отцом,* так что Христос мог быть назван *словом* лишь в том самом смысле, в каком он назван вечной жизнью, т. е. как *тот, кто своим воплощением приобщил нас к вечной жизни.* В соответствии с этим (Апок. 19, 13) апостол, говоря о Христе, одетом в омочен-

ное кровью платье, говорит, что имя Ему: *слово Божие*, что следует понимать так, как если бы он сказал: его имя есть *тот, кто пришел согласно изначальному намерению Бога и согласно его слову и заветам, возвещенным пророками*. Таким образом, здесь нет речи о воплощении слова, а лишь о воплощении Бога-Сына, названного *словом* потому, что его воплощение было исполнением *обещания* (Деян. 1, 4) точно таким же образом, как Святой Дух назван *обетованным* (Лук. 24, 49).

В-третьих, в смысле повелений разума и справедливости. Имеются также места в Писании, где под *словом Божьим* подразумеваются слова, сообразные с разумом и справедливостью, хотя и сказанные иногда не пророками и не святыми людьми. Фараон Нехао был идолопоклонником, однако его слова доброму царю Иосии, в которых он через посланцев советовал не препятствовать своему походу против Кархемиса, были, как сказано в Писании, из уст Господа. И царь Иосия, не послушавшийся его совета, был убит в сражении, как об этом можно прочесть (2 Пар. 35, 21, 23). Правда, согласно изложению этой же истории в первой книге Ездры, не фараон, а Иеремия говорил Иосии эти слова из уст Господа. Однако мы обязаны верить каноническому Писанию, что бы ни говорили апокрифы.

Под *словом Божьим* следует понимать также повеления разума и справедливости в тех случаях, когда в Писании сказано, что слово Божье написано в сердце человека (например, Псалтырь 36, 31, книга пророка Иеремии 31, 23, Второзаконие 30, 14 и много других подобных мест).

Различные назначения слова «пророк». Слово «пророк» означает в Писании иногда *посредника*, передающего Слова Бога людям и слова людей Богу, иногда *прорицателя*, предсказывающего то, что должно совершиться в будущем, а иногда — человека, говорящего несвязно, как сумасшедший. Наиболее часто это слово употребляется в значении посредника между Богом и людьми. В этом смысле были *пророками* Моисей, Самуил, Илия и Иеремия. В этом же смысле *пророком* был первосвященник, ибо один он мог входить в *святая святых*, чтобы вопрошать Бога и сообщать его ответ народу. Поэтому, когда Каифа сказал, что необходимо, чтобы один человек умер за людей, апостол Иоанн говорит (Иоан. 11, 51): *Сие же он сказал не от себя, но, будучи на этот год первосвященником, предсказал, что умрет за народ*. Точно так же говорится о тех, кто учил народ на собраниях христиан (1 Коринф. 14, 3), что они пророчествовали. В этом же смысле Бог говорит Моисею

относительно Аарона (Исх. 4, 16): *И будет говорить он вместо тебя к народу: итак, он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога.* То, что здесь называется посредником, в другом месте (7, 1) называется пророком. *Я поставил тебя,*— говорит Бог,— *Богом фараону,* а *Аарон, брат твой, будет твоим пророком.* В смысле посредника между Богом и человеком назван пророком Авраам (Быт. 20, 7). Бог говорит во сне Авимелеху: *Теперь же возврати жену мужу, ибо он пророк и помолится о тебе.* Отсюда также можно заключить, что имя пророка могло быть дано не без основания тем, кто в христианских церквах имел призвание читать публично молитву перед собранием верующих. В этом же смысле говорится о пророчестве тех пророков, которые сходили с высоты (или с холма Божьего) с псалтырем, тимпаном, свирелью и гуслями (1 Цар. 10, 5, 6), и Саул среди них, т. е. их пророчествование заключалось в том, что они таким образом публично славили Бога. В таком же смысле пророчицей названа Мариам (Исх. 15, 20). В этом же смысле следует понимать слова апостола Павла (1 Коринф. 11, 4, 5): *Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою и т. д., и всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою,* ибо пророчествование в данном месте означает лишь прославление Бога псалмами и святыми песнями, что женщины могли делать в церкви, хотя им не было разрешено говорить перед собранием верующих. И именно в этом смысле языческие поэты, составляющие гимны и другого рода поэмы в честь своих богов, назывались vates — пророками, как это достаточно хорошо известно всем, кто знаком с литературой язычников, и как это очевидно из того места Евангелия (Тит 1, 12), где апостол Павел говорит о критянах, что один пророк из их собственной среды сказал, что они лжецы. Это не значит, конечно, будто апостол Павел считал их поэтов пророками. Это говорит лишь о том, что словом *пророк* обычно обозначались те люди, которые прославляли Бога в стихах.

Предсказание будущих событий не всегда пророчество. Если под пророчеством понимать прорицание или предсказание будущих событий, тогда следует считать пророками не только тех, кто был посредником Бога и предсказывал другим то, что Бог предсказал им, но и всех обманщиков, которые претендуют на общение с духами или суеверно берутся предсказывать на основании прошлых событий, которые они приписывают ложным причинам, такие же события в будущем. Имеется (как я уже указывал в главе

XII) множество подобных обманщиков, причем благодаря лишь одному случайному событию, которое может быть истолковано в их пользу, они завоевывают больше доверия у простого народа к их пророческому дару, чем теряют при каком угодно числе предсказаний невпопад. Пророчество не искусство и (если брать это слово в значении прорицания) не постоянное призвание, а лишь необычайное и временное дело, поручаемое Богом большей частью благочестивым людям, но иногда и порочным. Так, женщина из Аэндора, о которой говорится, что она была волшебницей, вызвала тень Самуила и предсказала Саулу его смерть, не была пророчицей, ибо не обладала каким-либо знанием, при помощи которого могла бы вызвать эту тень, и ниоткуда не видно, чтобы Бог повелел ее вызвать [11]. Бог лишь сделал так, чтобы этот обман устрашил Саула и вселил в него уныние, которое привело к его поражению и смерти. А что касается бессвязной речи, то она считалась среди язычников видом пророчества, так как пророки их оракулов, отуманенные духами или парами пещеры пифийского оракула в Дельфах, становились на время действительно умалишенными и говорили, как сумасшедшие, так что их бессвязным словам можно было придавать смысл, применимый к любому исходу событий, подобно тому как все тела, согласно утверждению некоторых, составлены из *первичной материи*. Такой смысл понятия пророчества я нахожу также в Писании в следующих словах (1 Цар. 18, 10): *Напал злой дух от Бога на Саула, и он бесновался в доме своем.*

Каким образом Бог говорил пророкам. Хотя слово *пророк* употребляется в Писании во многих значениях, наиболее часто оно все же применяется к таким людям, которым Бог говорит непосредственно то, что они должны передать другим от Его имени. Тут может возникнуть вопрос о том, каким образом Бог говорит с таким пророком. Сообразно ли говорить (может кто-нибудь спросить), что Бог имеет голос и речь, когда нельзя говорить, что он, подобно человеку, обладает языком или другими органами? Пророк Давид приводит (Пс. 49, 9) следующий довод: *Может ли тот, кто сотворил глаза, не видеть, или тот, кто сотворил ухо, не слышать?* Но это может быть сказано не для того, чтобы обозначить природу Бога, а лишь для обозначения нашего намерения почитать Его. Ибо *зрение* и *слух* являются почетными атрибутами и приписываются Богу, чтобы характеризовать Его всемогущество, насколько мы способны постигнуть его. Если бы мы должны были

понимать эти слова Давида буквально и в собственном смысле, то на основании того, что Бог создал и другие части человеческого тела, можно было бы сказать, что Бог пользуется ими для тех же целей, что и мы. Но думать так в отношении многих из этих частей столь непристойно, что было бы величайшим поношением Бога приписывать ему это. Поэтому, когда говорится, что Бог говорил с людьми непосредственно, мы должны это толковать так, что Бог тем или иным путем дал этим людям понять Его волю. А путей, которыми Бог это делает, имеется много, и их следует искать лишь в Священном писании. Хотя там много раз сказано, что Бог говорил с тем или другим лицом, и не объявляется, каким образом, но имеется и много мест, в которых сообщаются те знамения, при помощи которых эти лица должны были узнать Его присутствие и Его повеления, и из этих мест можно понять, каким путем Бог говорил с остальными.

Пророкам Ветхого завета Он говорил исключительно в снах и виде́ниях. О том, в какой форме Бог говорил с Адамом, Евой, Каином и Ноем, ничего не сказано, точно так же не сказано, как Он говорил с Авраамом до того момента, когда Авраам из своей страны в Сихеме пришел в землю Ханаанскую. А тогда (Быт. 12, 7) говорится, что Бог явился ему. Таким образом, одним из путей, которыми Бог обозначил свое присутствие, было *явление,* или *виде́ние.* И еще раз (Быт. 15, 1) *было слово Господа к Аврааму в виде́нии,* т. е. нечто как знамение присутствия Господа явилось как Божий вестник, чтобы говорить с ним. Так же Господь явился Аврааму (Быт. 18, 1) в явлении трех ангелов, а Авимелеху (Быт. 20, 3) — во сне, Лоту (Быт. 19, 1) — в явлении двух ангелов, Агари (Быт. 21, 17) — в явлении одного ангела. И опять Аврааму (Быт. 22, 11) — в явлении голоса с неба, Исааку (Быт. 26, 2) — ночью, т. е. во сне, и Иакову (Быт. 18,2) — во сне, т. е., как сказано в тексте, *Иакову снилось, что он видел лестницу* и т. д., и (Быт. 32, 1) в видении ангелов. И Моисею (Исх. 3, 2) он явился в явлении огня пламени из средины тернового куста. И после времени Моисея — там, где в Ветхом завете объясняется, в какой форме Бог говорил непосредственно с человеком,— он всегда говорил посредством виде́ния или сна, так, например, Гедеону, Самуилу, Илие, Элише, Исаии, Иезекиилю и другим пророкам; и часто в Новом завете, например Иосифу, апостолу Петру, апостолу Павлу и апостолу Иоанну Богослову — в Апокалипсисе.

Только с Моисеем Бог говорил в более необычной форме

на горе Синай и в скинии, а также с первосвященником в скинии и в *святая святых* храма. Но Моисей, а после него первосвященники были пророками, пользовавшимися особым благоволением Бога. И Бог сам в ясных словах объявил, что с другими пророками Он говорит в виде́ниях и снах, но с рабом своим Моисеем Он говорит так, как бы говорил человек с другом своим. Вот слова Бога (Чис. 12, 6 — 8): *Если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в виде́нии, во сне говорю с ним; но не так как с рабом Моим Моисеем — он верен во всем дому Моему: устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит.* А также (Исх. 33, 11): *Говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим.* И тем не менее это общение Бога с Моисеем происходило через посредство ангела или ангелов, как это ясно видно из Деяний апостолов (7, 35 и 53) и из послания к Галатам (3, 19), и, следовательно, это было видение, хотя более яркое, чем то, которое давалось другим пророкам. И соответственно этому, когда Бог говорит (Втор. 13, 1): *Если восстанет среди тебя пророк или сновидец,* то последнее слово является лишь объяснением первого. И в другом месте (Иоил. 2, 28): *И будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения,* где опять слово «пророчество» объясняется как сон и видение. И таким же образом Бог говорил с Соломоном, обещая ему мудрость, богатство и славу, ибо в тексте сказано (3 Цар. 3, 15): *И пробудился Соломон, и вот это было сновидение.* Таким образом, все пророки Ветхого завета, не бывшие пророками призванными, получили слово Господне исключительно через свои сны, или виде́ния, т. е. через свои представления, которые они имели во сне или экстазе, каковые представления были сверхъестественны во всяком истинном пророке, естественны или вымышлены — во всяком лжепророке.

Тем не менее об этих самых пророках говорится, что они говорили при посредстве духов. Например, в книге пророка Захарии (7, 12), где пророк говорит о евреях, сказано: *И сердце свое окаменили, чтобы не слышать закона и слов, которые посылал Господь Саваоф духом Своим через прежних пророков.* Отсюда явствует, что общение с Богом при посредстве *духа,* или *вдохновения,* не было формой, отличной от виде́ния, в тех случаях, когда те, о ком говорится, что они пророчествовали, преисполненные духа, были не призванными пророками, а такими, которые перед каждой

новой вестью должны были получить специальное поручение, или (что то же самое) новый сон, или виде́ние.

С пожизненно призванным ветхозаветным пророком и верховным по рангу Бог говорил через посредство кивота, но каким образом — это не объяснено в Писании. Из пророков Ветхого завета, таковых, что были пожизненно призваны, некоторые были *верховными,* а некоторые — *подчиненными.* Верховным пророком был прежде всего Моисей, а после него — первосвященники, каждый для своего времени, до тех пор пока священство было царственным. Когда же евреи отвергли Бога, не пожелав, чтобы Он дольше царствовал над ними, главными пророками Бога были и те цари, которые подчинялись Его власти, а должность первосвященников стала служебной. А когда требовалось вопросить о чем-либо Бога, первосвященники облачались в священную одежду и спрашивали Бога о том, о чем им приказывал царь. И первосвященники лишались своего сана по усмотрению царя. Ибо царь Саул (1 Цар. 13, 91) приказал привести к нему то, что назначено для жертвы всесожжения, и (1 Цар. 14, 18) он приказывает священнику принести кивот Божий, а затем, увидев свое преимущество перед врагами, приказывает оставить его. И в той же главе Саул спрашивает совета Бога. Точно так же и царь Давид после своего помазания, хотя еще до того, как он получил царство, *вопрошает Бога* (1 Цар. 23, 2), идти ли ему против филистимлян в Кеиль, и дальше (ст. 10) Давид приказывает священнику принести ефод [12], чтобы вопрошать Бога, оставаться ему в Кеиле или нет. А царь Соломон (1 Цар. 2, 27) отнял священство у Авиафара и отдал его (ст. 35) Садоку. Вот почему верховными пророками были Моисей, первосвященники и благочестивые цари, вопрошавшие Бога во всех критических обстоятельствах, как им поступать. Однако неясно, в какой форме Бог говорил с ними. Сказать, что когда Моисей взошел к Богу на гору Синай, то это был сон или виде́ние, как это имели другие пророки, противоречило бы тому различию, которое Бог сделал между Моисеем и другими пророками (Чис. 12, 6 — 8). Сказать, что Бог говорил или явился как Он есть, в собственном естестве,— значит отрицать Его бесконечность, незримость и непостижимость. Сказать, что Он говорил посредством вдохновения или наполнения Святым Духом, как Священное писание обозначает божественность,— значит приравнивать Моисея к Христу, в котором одном (как говорит апостол Павел в Послании Колоссянам 2, 9) обитает вся полнота божества телесно. Сказать, нако-

нец, что Бог говорил при посредстве Святого Духа, понимая под последним милости и дары Святого Духа,— значит не приписывать Моисею ничего сверхъестественного. Ибо Бог располагает людей к благочестию, справедливости, милосердию, правдивости, вере и всякого рода добродетелям, моральным и интеллектуальным, посредством учения, примеров и разных других обычных и естественных мер.

И как нельзя приписывать этих путей Богу в Его общении с Моисеем на горе Синай, точно так же они не могут быть приписаны Ему в Его общении с первосвященниками с покрышки кивота завета [13]. Непостижимо поэтому, в какой форме Бог говорил с теми верховными пророками Ветхого завета, обязанностью которых было вопрошать его. В эпоху Нового завета не было верховного пророка, кроме нашего Спасителя, который был одновременно Богом, который говорил, и пророком, с которым Бог говорил.

Пророкам, пожизненно призванным, но подчиненным, Бог говорил посредством Духа. В отношении подчиненных пророков, пожизненно призванных, я не нахожу ни одного места, из которого следовало бы, что Бог говорил с ними сверхъестественным образом. Наоборот, из всего видно, что Он общался с ними в такой форме, в какой Он естественно располагает людей к благочестию, вере, праведной жизни и всяким другим христианским добродетелям. И хотя все эти качества обусловливаются характером, учением, воспитанием, поводами и призванием, которые люди имеют к христианским добродетелям, однако они правильно приписываются действию Духа Господня, или Святого Духа, ибо нет ни одной хорошей склонности, которая не была бы делом Бога. Однако эти действия не всегда имеют сверхъестественный характер. Поэтому там, где сказано, что пророк говорил в Духе, или Духом Господним, то это надо лишь так понимать, что он говорил в соответствии с волей Божьей, возвещенной верховным пророком. Ибо в наиболее общепринятом значении слова «дух» есть человеческое намерение, человеческий разум или его склонность.

Во времена Моисея были кроме него еще семьдесят человек, которые *пророчествовали* в стане Израиля. В какой форме Бог говорил с ними, сказано в книге Чисел (11, 25): *И сошел Господь в облаке, и говорил с ним, и взял от Духа, который на нем, и дал семидесяти мужам старейшинам. И когда почил на них Дух, они стали пророчествовать, но потом перестали.* Отсюда, во-первых, ясно, что их пророчество народу было подчинено пророчеству Моисея, ибо

Господь взял от духа Моисея и дал им, так что они пророчествовали, как хотел это Моисей, в противном случае им было бы запрещено пророчествовать. В самом деле Моисею была принесена жалоба на них (ст. 27), и Иисус Навин просил Моисея запретить им пророчествовать. Но Моисей не внял этой просьбе и сказал ему: *Не ревнуй за меня.* Из приведенной выше цитаты вытекает, во-вторых, что Дух Божий в указанной цитате означает лишь намерение и склонность повиноваться Моисею и содействовать ему в его работе по управлению. Ибо, если бы мы должны были понимать это так, что они имели субстанциональный Дух Бога, т. е. что Бог вдохнул в них свою божественную природу, тогда они были бы не ниже Христа, в котором одном божественный Дух обитал телесно. Вот почему это надо понимать так, что дар и милость Бога направляли их на путь содействия Моисею, от которого они получили свой дух. И по-видимому, это были люди, которых сам Моисей назначил старейшинами и надзирателями народа. Ибо слова были: *Собери мне семьдесят мужей, которых ты знаешь, что они старейшины и надзиратели народа,* где слова «ты знаешь» означают то же, что «ты назначаешь» или «назначил таковыми». В самом деле, раньше (Исх. 18, 24) было сказано, что Моисей, послушавшись совета тестя своего Иофора, назначил богобоязненных людей судьями и начальниками над народом. Из их среды и были те семьдесят мужей, которых Бог, давши им от духа Моисея, побудил помогать Моисею в управлении царством. В том же смысле говорится (1 Цар. 16, 13, 14), что немедленно по помазании Давида Дух Господень сошел на Давида и покинул Саула, т. е. Бог дал свои милости тому, кого Он избрал управлять своим народом, и отнял их у того, кого отверг. Таким образом, под духом подразумевается склонность служить Богу, а не сверхъестественное откровение.

Бог иногда говорил также при посредстве жребия. Бог много раз говорил также посредством исхода жребия, назначенного теми, кого он поставил властями над своим народом. Так, мы читаем (1 Цар. 14, 43), что посредством жребия, который Саул приказал бросить, Бог открыл вину Ионафана, вкушавшего вопреки заклятию, наложенному на себя народом, медовые соты. Точно так же Бог разделил землю Ханаанскую среди израильтян путем «жребия, брошенного Иисусом Навином в *Силоме*» *перед Господом* (Нав. 18, 10). По-видимому, таким же путем Бог открыл преступление Ахана (Нав. 7, 16 и дальше). Таковы пути, которыми Бог открывал свою волю в Ветхом завете.

Те же пути Бог использовал и в Новом завете. Деве Марии Он является в виде́нии ангелом; Иосифу — во сне; так же апостолу Павлу по пути в Дамаск — в виде́нии нашего Спасителя; апостолу Петру — в виде полотна, спущенного с неба, с разного рода чистыми и нечистыми животными на нем, и в темнице — в виде́нии ангела; всем апостолам и авторам Нового завета — в милостях его Духа; апостолам (при избрании Матфея вместо Иуды Искариота) — опять посредством жребия.

Каждый должен проверить возможность пророков по призванию. Ввиду того что всякое пророчество предполагает виде́ние, или сон (что одно и то же, если они естественны), или какой-нибудь специальный дар Бога, так редко наблюдаемый в человеческом роде, что он вызывает наше удивление, когда мы его замечаем, и ввиду того что такие дары, как самые необычайные сны и виде́ния, могут проистекать от Бога не только путем Его сверхъестественного и непосредственного действия, но и путем его естественного действия и при посредстве вторичных причин, то необходимо разумом и суждением отличать естественные и сверхъестественные дары от естественных и сверхъестественных виде́ний и снов. Поэтому мы должны быть осторожны и осмотрительны, прислушиваясь к голосу человека, который, выдавая себя за пророка, требует от нас повиновения Богу тем путем, который он от имени Бога указывает нам как путь к блаженству. Ибо тот, кто замышляет указывать людям пути такого великого блаженства, замышляет господствовать над ними, т. е. управлять ими и царствовать над ними, а это есть то, чего все люди, естественно, добиваются. Вот почему такой человек может быть с полным основанием заподозрен в честолюбии и обмане, и каждый человек, прежде чем оказывать ему повиновение, должен подвергнуть его испытанию и искусу, если только обязательство такого повиновения не было взято на себя при установлении государства, как, например, в том случае, когда пророк является гражданским сувереном или уполномочен таковым. И если бы такое испытание пророков и духов не было разрешено всякому человеку из народа, то незачем было бы устанавливать те признаки, на основании которых человек был бы способен различать между теми, которым он должен следовать, и теми, которым он следовать не должен. Ввиду того что признаки, по которым можно (Втор. 13, 1 и далее) узнать пророка и (1 Иоан. 4, 1 и далее) дух, указаны, ввиду столь многих пророчеств в Ветхом завете и столь многих проповедей в Новом завете

против пророков, а также ввиду того что число лжепророков обычно значительно превышает число истинных, всякий человек под страхом собственной гибели должен остерегаться подчиняться руководству первых. То, что лжепророков было больше, чем истинных, видно прежде всего из того факта, что когда Ахав вопросил четыреста пророков, то они все, за исключением Михея, оказались лжепророками. А незадолго перед пленом пророки обычно были лжецами. *Пророки пророчествуют* (говорит Господь Иеремии 14,14) *ложное именем Моим; Я не посылал их, и не давал им повеления, и не говорил им; они возвещают вам видения ложные и гадания, и пустое, и мечты сердца своего.* Явление лжепророков было настолько распространенным, что Господь устами пророка приказал народу не повиноваться им (Иер. 23, 16): *Так, говорит Господь Савваоф: не слушайте слов пророков, пророчествующих вам: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних.*

Все пророчества, за исключением пророчеств верховных пророков, должны быть проверены каждым подданным. Принимая во внимание те пререкания, которые имели место в эпоху Ветхого завета между пророками-духовидцами,— когда один оспаривал другого, спрашивая: *неужели от меня отошел Дух Господень, чтобы говорить в тебе,* как это имело место между Михеем и остальными четырьмястами пророками,— и те взаимные обвинения друг друга в лживости (как у Иеремии 14,14), а также споры в наши дни в отношении Нового завета между духовными пророками, каждый человек был обязан тогда и обязан сейчас использовать свой естественный разум, чтобы применить ко всякому пророчеству те правила, которые Бог дал нам в целях различения между истинным и ложным пророком. Этих правил в Ветхом завете указывалось два, из которых одно заключалось в соответствии учения пророка тому, чему верховный пророк Моисей учил евреев, а второе — в чудодейственной силе предсказывать то, что будет исполнено Богом, как я уже показал это на основании Второзакония 13, 1 и далее. А в Новом завете указывается лишь один признак, а именно проповедь учения, что *Иисус есть Христос*, т. е. царь иудейский, предсказанный Ветхим заветом. Всякий отрицавший этот догмат был лжепророком, какие бы чудеса, казалось бы, ни творил, а всякий учивший ему был истинным пророком. Мы видим, что апостол Иоанн (в 1-м послании 4, 2 и далее), говоря о средствах испытания духов — от Бога они или нет,— указывает на то, что

много появилось лжепророков, а затем говорит следующее: *Духа Божия... узнавайте так: всякий Дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога,* т. е. он испытан и одобрен как пророк от Бога. При этом то обстоятельство, что он признает, исповедует и проповедует, что Иисус есть Христос, говорит не за то, что он является благочестивым человеком или одним из избранных, а лишь за то, что он признанный пророк. Ибо Бог иногда говорит устами таких пророков, личность которых не находила у него благоволения, как он, например, говорил устами Валаама или предсказывал Саулу его смерть устами волшебницы в Аэндоре. И дальше в следующем стихе: *А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух Антихриста.* Таким образом, нам преподается здесь правило, точно очерченное: истинный пророк тот, кто проповедует, что Мессия уже пришел в лице Иисуса, а ложный пророк тот, кто отрицает его пришествие и ждет какого-то будущего обманщика, который обманным образом присвоит себе эту честь и которого апостол подразумевает здесь под именем Антихриста. Каждый человек поэтому обязан принять в соображение, кто является верховным пророком, т. е. вице-королем Бога на земле, и имеет власть непосредственно после Бога управлять христианами, и руководствоваться как правилом тем учением, которому этот наместник Бога приказал учить, и на основании этого учения проверять истинность тех учений, которые мнимые пророки — безразлично, совершают они чудеса или нет — будут когда-либо распространять. И если будет найдено, что эти учения противоречат указанному правилу, то каждый обязан поступать так, как поступили те, кто пожаловался Моисею, что в стане пророчествуют люди, в праве которых на это они сомневаются, и предоставить своему суверену, как это сделали те по отношению к Моисею, разрешить или запретить этим пророкам продолжать свое дело. И если суверен не признаéт этих пророков, то каждый обязан не прислушиваться больше к их голосу; если же суверен одобрит их, то каждый обязан повиноваться им как людям, которым Бог дал часть духа их суверена. В самом деле, если христиане не считают своего христианского суверена пророком Господним, то они должны или принимать собственные сны за пророчества, которыми они предполагают руководствоваться, а мечты своего сердца — за Дух Божий, либо позволять руководить собой какому-нибудь иностранному государю или некоторым из своих сограждан, которые, не предостав-

ляя других чудес в подтверждение своего призвания, кроме иногда необычайного успеха и безнаказанности, могут клеветой на правительство вовлечь христианских подданных в мятеж, этим путем разрушить все законы божеские и человеческие и, опрокинув всякий порядок и правительство, ввергнуть общество в первоначальный хаос насилия и гражданской войны.

ГЛАВА XXXVII

О ЧУДЕСАХ И ОБ ИХ УПОТРЕБЛЕНИИ

Чудо — нечто вызывающее удивление. Под *чудесами* подразумеваются удивительные дела Бога, и поэтому они называются также *дивами*. И так как они совершаются Богом большей частью для обозначения его повелений в тех случаях, когда без них люди склонны (следуя своему частному естественному разуму) сомневаться в том, что́ Бог приказал и что́ не приказал, то чудеса обычно называются в Священном писании также знамениями в том же смысле, как латиняне называли их ostenta и portenta, т. е. показатели и предзнаменования того, что всемогущий Бог намерен совершить.

И следовательно, должно быть редким и не имеющим познаваемых естественных причин. Поэтому чтобы понять, что такое чудо, следует прежде всего понять, каким делам люди дивятся и что они называют удивительным. Так или иначе люди удивляются двум вещам. Во-первых, тому, что странно, т. е. то, подобного чему никогда не было или бывает весьма редко. Во-вторых,— тому, относительно чего мы не можем себе представить, чтобы оно было произведено естественным путем, а можем думать лишь, что оно произведено непосредственно рукой Бога. Если же мы усматриваем возможную естественную причину совершающегося или если подобное совершалось часто, то, как бы редко ни происходило первое и каким бы невозможным ни представлялось с точки зрения естественных причин второе, мы ни в том, ни в другом случае не удивляемся и не считаем это чудом.

Поэтому если бы лошадь или корова заговорила, то это было бы чудом, ибо и странно, и трудно представить естественную причину этого. Точно так же нам показалось бы странным, если бы природа произвела новый вид живых существ. Но когда человек или животное порождает себе подобных, то хотя это нам не более понятно, чем предыду-

щее, однако так как это явление обычное, то не считается чудом. Точно так же если бы человек превратился в камень или столб, то это было бы чудом как нечто необычное, но если такое превращение происходит с куском дерева, то это не чудо, так как мы это часто наблюдаем, и, однако, мы в последнем случае не больше знаем, чем в первом, каким образом это Бог производит.

Первая радуга, показавшаяся в мире, была чудом, так как она была первой и поэтому представлялась странной, и она служила знамением, помещенным Богом на небе, чтобы заверить свой народ в том, что всеобщего разрушения мира потопом больше не повторится. Но так как в наше время радуги бывают часто, то они не являются чудесами ни для тех, кто знает их естественную причину, ни для тех, кто ее не знает. С другой стороны, есть много редких вещей, произведенных человеческим искусством, но так как мы знаем, что они произведены людьми, и при этом знаем способы их произведения, то не считаем их чудесами, ибо они произведены не непосредственно рукой Бога, а человеческим трудолюбием.

То, что кажется чудом одному, другому может не казаться. Более того, так как удивление и изумление обусловлены знанием и опытом, которыми люди обладают, причем этим знанием и опытом некоторые обладают в большей, другие — в меньшей степени, то отсюда следует, что одна и та же вещь может быть чудом для одного и не быть таковым для другого. Этим объясняется, что невежественные и суеверные люди выражают огромное удивление по поводу таких дел, которым другие люди, знающие их обусловленность природой (которая является не непосредственным, а обычным делом Бога), вовсе не удивляются. Например, было время, когда затмение Солнца и Луны простой народ считал сверхъестественным явлением, между тем как были другие люди, которые в силу знания естественных причин этих явлений могли предсказывать и самый час их наступления; или, например, когда человек, получив путем договора и тайных осведомителей сведения о частных действиях невежественного и неосторожного человека, говорит последнему, что тот делал раньше, то это представляется его собеседнику чудом, между тем как среди умных и осторожных людей подобные чудеса не могут совершаться.

Цель чудес. Существенным признаком чуда, далее, является то, что оно совершается с целью вызвать доверие к вестникам, служителям и пророкам Бога, дабы люди

знали, что эти вестники, служители, пророки призваны, посланы и назначены Богом, и в силу этого были бы более склонны повиноваться им. Поэтому хотя сотворение мира, а после этого уничтожение всех живых существ во всемирном потопе были изумительными делами, однако, так как они не были совершены с целью вызвать доверие к какому-нибудь пророку или служителю Бога, они обычно не называются чудесами. Ибо, как бы изумительно ни было какое-нибудь дело, наше изумление обусловливается не тем, что оно могло быть совершено, так как люди естественно верят, что Всемогущий может совершить все, а тем, что оно совершено по просьбе или по слову человека. Однако дела, совершенные Богом через Моисея в Египте, были чудесами в собственном смысле, так как они были совершены с намерением заставить народ Израиля поверить, что Моисей пришел к ним не из каких-либо личных побуждений, а как посланец Бога. Вот почему, после того как Бог повелел ему избавить израильтян от египетского рабства, а Моисей сказал Ему: *Они не поверят мне... и скажут: не явился тебе Господь* (Исх. 4, 1), Бог дал ему силу превратить жезл, который он держал в руке, в змея, а затем опять превратить его в жезл, а также, положив руку себе за пазуху, сделать ее покрытой проказой и, положив ее опять себе за пазуху, сделать ее снова здоровой. И это для того, чтобы сыны Израиля поверили (как об этом говорит стих 5), что Бог их отцов явился ему. И поскольку это показалось недостаточным, то Он дал ему силу превратить их воду в кровь. Когда он совершил эти чудеса перед народом, тогда, как сказано, *народ поверил ему*. Тем не менее, боясь фараона, народ не посмел повиноваться Моисею. Поэтому все другие дела, заключавшиеся в послании бедствий на фараона и египтян, имели целью заставить израильтян поверить Моисею и были чудесами в собственном смысле этого слова. Точно так же если рассмотрим все чудеса, совершенные Моисеем и остальными пророками до плена, а после этой эпохи — нашим Спасителем и Его апостолами, то мы найдем, что их целью было породить или укрепить веру в то, что они пришли не по собственному побуждению, а были посланы Богом. Мы можем, далее, заметить в Писании, что целью чудес было породить веру не у всех людей, а лишь у избранных, т. е. таких, которые по постановлению Бога должны были стать Его подданными. Ибо эти чудеса египетских бедствий не имели своей целью обращение фараона, так как Бог заранее говорил Моисею, что Он ожесточит сердце фараона, чтобы тот не отпустил его на-

род. А когда фараон наконец отпустил их, то сделал это не потому, что чудеса убедили его, а потому, что бедствия вынудили его к этому. Точно так же сказано о нашем Спасителе (Матф. 13, 58), что Он не совершил многих чудес в своей стране по неверию их, а в Евангелии от Марка (6, 5) вместо «не совершил многих» сказано «не мог совершить там никакого чуда». Не мог он не потому, что не имел силы, ибо думать так было бы богохульством, и не потому, что целью чудес не было обращение неверующих людей к Христу, ибо целью всех чудес, совершенных как Моисеем и пророками, так и нашим Спасителем и его апостолами, было приобщение людей к церкви, но потому, что целью их чудес было приобщение к церкви не всех людей, а лишь таких, которые должны спастись, т. е. таких, которых Бог избрал. Принимая во внимание, что наш Спаситель был послан Богом-Отцом, Он не мог употребить свою силу для обращения таких людей, которых Его Отец отверг. Те, кто, объясняя это место у апостола Марка, говорит, что слова «не мог» поставлены здесь вместо «не хотел», не могли бы подкрепить своего утверждения никаким другим примером из греческого языка (ибо в греческом языке «не хотел» ставится иногда вместо «не мог» в отношении неодушевленных вещей, не имеющих своей воли, но «не мог» вместо «не хотел» — никогда), и это камень преткновения для слабых христиан, ибо выходит так, будто Христос мог совершать чудеса лишь среди верующих.

Определение чуда. Из сказанного мной о природе и употреблении чуда можно вывести следующее его определение: *чудо есть деяние Бога (помимо Его деяний путем природы, установленной при сотворении мира), совершенное для того, чтобы сделать ясной для Его избранных миссию необычайного служителя, посланного для их спасения.*

Из этого определения мы можем вывести, во-первых, что во всех чудесах совершенное деяние не является следствием какой-либо силы в пророке, так как оно является непосредственным делом рук Бога, т. е. Бог совершил его, не используя при этом пророка в качестве подчиненной причины.

Во-вторых, что никакой дьявол, ангел или какой-нибудь другой сотворенный дух не могут совершать чудес. Ибо они могли бы совершить их или силой какого-нибудь естественного знания, или силой колдовства, т. е. силой слов. Но если колдуны совершают свои деяния собственной независимой силой, то, значит, имеется сила, не проистека-

ющая от Бога, что́ все люди отрицают, если же они совершают их силой, данной им, тогда это не непосредственное дело рук Бога, а естественное и, следовательно, не чудо.

Имеются некоторые тексты в Писании, в которых, по-видимому, способность совершать чудеса (равные некоторым из тех, что совершил сам Бог) приписывается определенным искусствам магии и колдовства. Мы читаем, например, что, после того как жезл Моисея, брошенный на землю, превратился в змея (Исх. 7, 11), *волхвы египетские сделали то же своими чарами*; что, после того как Моисей превратил воду в потоках, реках, озерах и во всех водоемах в кровь, *волхвы* [*египетские*] *чарами своими сделали то же* (Исх. 7, 22) и что, наконец, после того как Моисей силой Бога вывел жаб на землю египетскую, *то же сделали волхвы* [*египетские*] *чарами своими и вывели жаб на землю Египетскую* (Исх. 8, 7). Не поддается ли кто-либо искушению привести это и другие подобные места в подтверждение того, что чудеса могут быть совершены силой колдовства, т. е. силой звучания слов? Ведь в Писании нет ни одного места, которое говорило бы нам, что такое колдовство. Если поэтому колдовство не есть, как многие думают, результат непонятного действия заговариваний и слов, а есть обман и иллюзия, совершенные обычными и настолько далекими от сверхъестественных средствами, что обманщики для совершения своих деяний нуждаются в изучении не столько естественных причин, сколько обычного невежества, тупости и суеверия людей,— если это так, то тексты, которые, по-видимому, подтверждают силу магии, чародейства и колдовства, должны иметь другой смысл, нежели тот, что имеют на первый взгляд.

В самом деле, достаточно ясно, что слова могут оказать действие только на тех, кто их понимает, и это действие может заключаться лишь в том, чтобы обозначить намерения или страсти у слушателей. Вот почему когда жезл кажется змеем, вода — кровью и какое-нибудь другое чудо представляется совершенным путем колдовства, то, если это не совершается для поучения избранного народа, заколдованным, т. е. измененным под влиянием слов, является не жезл, не вода, не какой-нибудь другой предмет, а лишь зритель. Так что все чудо состоит в том, что колдун обманул человека. Но это не чудо, а нечто такое, что легко совершить.

Люди склонны обманываться ложными чудесами. В самом деле, невежество и склонность к ошибкам, присущие

всем людям вообще, а особенно тем из них, кто обладает значительными знаниями естественных причин и природы, и интересы людей таковы, что ими можно легко злоупотребить при помощи многочисленных и легких трюков. Какое мнение о своей чудодейственной силе мог бы приобрести человек, который в те времена, когда еще не было известно о существовании науки и движении звезд, предсказал бы народу час или день затмения Солнца? О каком-нибудь фокуснике, жонглирующем своими стаканами и другими безделушками, если бы это не так часто практиковалось, думали бы, что он совершает свои чудеса при помощи по крайней мере дьявола. Человек, который долгими упражнениями приобрел способность говорить, втягивая дыхание внутрь — такого в древности называли *чревовещателем,*— и таким образом создать иллюзию, будто слабость его голоса проистекает не из слабости движения его органов речи, а от расстояния, может заставить многих людей поверить, будто все им произносимое есть голос с неба. И для хитрого человека, выведавшего все тайные и интимные признания, которые один человек обычно делает другому о своих прошлых делах и приключениях, нетрудно пересказать их автору этих признаний, и тем не менее есть много людей, которые такими средствами приобрели репутацию гадальщиков. Пришлось бы, впрочем, слишком долго перечислять разные категории тех людей, которых греки называли θαυματουργοί, т. е. делателями изумительных вещей, и тем не менее то, что эти люди делают, они делают исключительно благодаря своей ловкости. Если же мы посмотрим на обманы, совершающиеся путем сговора, то здесь можно заставить поверить самым невероятным вещам. Если двое сговариваются, чтобы один прикинулся хромым, а другой его вылечил чарами, то они могут обмануть многих; если же многие сговариваются, чтобы один из них прикинулся хромым, другой его вылечил указанным образом, а все остальные засвидетельствовали бы это, то они могут обмануть еще больше людей.

Предосторожности против жульничества чудесами. При этой склонности людей к легковерию в отношении мнимых чудес не может быть лучшей и, как я думаю, другой меры предосторожности, нежели та, которую Бог предписал впервые через Моисея в начале XIII и в конце XVIII главы *Второзакония* (на что я указал уже в предшествующей главе), а именно: мы не должны принимать за пророка того, кто учит религии, отличной от установленной наместником Бога (каковым в то время был Моисей), а также

того, чье предсказание — хотя он и учит той же религии — мы не видим исполненным. Поэтому, прежде чем отнестись с доверием к какому-нибудь мнимому чуду или пророку, нужно было справиться у Моисея в его время, у Аарона и его преемников — в их время, а во все времена следует справляться у верховного непосредственно после Бога правителя Божьего народа, т. е. у главы церкви, насчет того учения, которое этот мнимый пророк устанавливает. А после этого мы должны не только убедиться, что деяние, которое выдается за чудо, совершается, но и удостовериться всеми возможными средствами в том, что оно действительно было совершено. Мало того, мы должны еще рассмотреть, является ли это таким деянием, подобного которому ни один человек не мог бы совершить естественной силой, так что оно необходимо предполагает непосредственный перст Божий. И в этих последних вопросах решение должно быть предоставлено наместнику Бога, которому мы во всех сомнительных случаях подчинили наше частное суждение. Например, если человек утверждает, что после нескольких слов, произнесенных над куском хлеба, Бог немедленно сделал этот кусок хлеба не хлебом, а Богом или человеком, или тем и другим, и тем не менее этот хлеб выглядит хлебом, как и раньше, то никто не имеет основания верить, что чудо действительно совершилось, и, следовательно, бояться того, кто утверждает это, пока мы не запросили Бога через его наместника, совершилось чудо или нет. Если наместник Бога говорит, что чудо не совершилось, тогда следует то, что говорил Моисей (Втор. 18, 22): *говорил сие пророк по дерзости своей — не бойся его.* Если же наместник Бога говорит, что чудо совершилось, то мы не должны прекословить ему. Точно так же, если мы не видим, а лишь слышим рассказ о каком-нибудь чуде, мы должны справиться у законной церкви, т. е. у главы ее, в какой мере мы обязаны верить таким рассказчикам. И так бывает преимущественно с людьми, которые в наше время живут под властью христианских монархов. Ибо в наше время я не знаю ни одного человека, видевшего когда-либо какое-нибудь вызывающее удивление деяние, которое было бы совершено колдовством, словами или молитвой и которое человек, одаренный хоть посредственным разумом, считал бы сверхъестественным. И вопрос теперь не в том, является ли чудом то, что совершается как таковое перед нашими глазами, или являются ли реальным делом, а не деянием языка или пера те чудеса, о которых мы слышим или читаем, а просто в том, правда или ложь рассказ о них.

И в этом вопросе всякий человек должен сделать судьей не собственный разум или совесть, а государственный разум, т. е. разум верховного наместника Бога. Фактически мы уже сделали последнего судьей, раз дали ему верховную власть делать все, что необходимо для нашего мира и защиты. Отдельный человек волен (так как мысль свободна) верить или не верить в душе тем деяниям, которые выдавались за чудеса, в зависимости от того, какие блага могут, по его предположению, проистечь от человеческой веры для тех, кто претендует на совершение чудес, или для тех, кто их поддерживает, и на основании этого он будет решать, были ли указанные деяния чудесами или ложью. Но когда дело доходит до исповедания веры, частный разум должен подчиниться государственному, т. е. разуму наместника Бога. Однако кто является этим наместником Бога и главой церкви, это будет рассмотрено в надлежащем месте после.

ГЛАВА XXXVIII

О ТОМ, ЧТО ПОНИМАЕТСЯ В ПИСАНИИ ПОД СЛОВАМИ «ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ», «АД», «СПАСЕНИЕ», «ГРЯДУЩИЙ МИР» И «ИСКУПЛЕНИЕ»

Так как сохранение гражданского общества зависит от правосудия, а правосудие — от власти над жизнью и смертью и другими меньшими наградами и наказаниями власти, присвоенной тем, кто имеет верховную власть в государстве, то не может сохраниться государство, в котором кто-либо иной, кроме суверена, имел бы власть выдавать бóльшие награды, чем жизнь, или налагать наказания более жесткие, чем смерть. И вот ввиду того что *вечная жизнь* есть бóльшая награда, чем *земная жизнь*, а *вечное мучение* — бóльшее наказание, чем *естественная смерть*, то всем людям, желающим повиновением власти избежать бедствий смуты и гражданской войны, стоит хорошенько подумать над тем, что подразумевается в Священном писании под *вечной жизнью* и *вечным мучением*, за какие и против кого совершенные преступления люди должны быть осуждены на вечные муки и за какие деяния они должны получить *вечную жизнь*.

Местом вечной жизни Адама, если бы он не согрешил, был бы земной рай. Прежде всего мы находим, что Адам был сотворен в таких условиях, что, если бы он не нарушил приказания Бога, он бы вечно наслаждался в раю Эдема.

Здесь было *древо жизни,* от которого ему разрешалось есть до тех пор, пока он не вкусит от древа познания добра и зла, от которого ему не разрешалось есть. Поэтому как только он вкусил от последнего, Бог изгнал его из рая, *дабы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно* (Быт. 3, 22). На основании этого мне кажется (подчиняясь, впрочем, в этом и во всех других вопросах, решение которых зависит от Писания, толкованию Библии, авторизованному государством, подданным которого я являюсь), что, если бы Адам не согрешил, он пользовался бы вечной жизнью на земле и что смерть пришла для него и его потомства с его первым грехом. Тогда пришла ненастоящая смерть: ведь Адам никогда не смог бы иметь детей, между тем как жил он еще долго и видел многочисленное потомство, прежде чем умер. Но если сказано (Быт. 2, 17): *в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь,* то под этим подразумевается его смертность и достоверность смерти. Зная поэтому, что вечная жизнь была утеряна Адамом из-за совершенного им греха, тот, кто вычеркнул бы этот грех, должен был бы снова обрести ее. Но вот Иисус Христос искупил грех всех, кто уверовал в него, и поэтому обрел для всех верующих ту вечную жизнь, которая была потеряна из-за греха Адама. И именно в этом смысл того сравнения, которое делает апостол Павел (Рим. 5, 18): *Как преступлением одного, так правдой одного всем человекам определение к жизни,* что снова более ясно выражено в следующих словах (1 Коринф. 15, 21, 22): *Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут.*

Тексты Священного писания относительно места вечной жизни. Что касается места, где люди должны наслаждаться вечной жизнью, которую Христос обрел для них, то только что приведенные тексты, по-видимому, считают таковым землю. Ибо если во Христе все оживут так, как в Адаме все умирают, т. е. лишаются рая и вечной жизни на земле, то все люди должны ожить на земле, ибо иначе сравнение не было бы точным. С этим, по-видимому, согласуются слова псалмопевца (Пс. 132, 3): *Благословит тебя Господь с Сиона, сотворивший небо и землю,* ибо Сион находится в Иерусалиме, на земле. С этим согласуются также слова апостола Иоанна (Апок. 2, 7): *Побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божьего.* Это было именно древо вечной жизни Адама, но его жизнь должна была быть на земле. Это, по-видимому,

снова подтверждается апостолом Иоанном там, где он говорит (Апок. 21,2): *Я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего.* И снова в 10-м стихе в том же смысле, как если б он сказал, что при втором пришествии Христа новый *Иерусалим,* рай Господень, сойдет к народу Бога с неба, а не народ вознесется к Нему с земли. И это совпадает с тем, что сказали два мужа в белой одежде, т. е. два ангела, апостолам, видевшим вознесение Христа (Деян. 1, 11): *Сей Иисус, вознесшийся от нас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.* Это звучит так, как если бы они сказали, что Христос сойдет на землю, чтобы управлять ими на небесах; и это соответствует восстановлению Царства Божиего, установленного при Моисее, каковое царство было политическим царством евреев на земле. В соответствии с этим и слова нашего Спасителя (Матф. 22, 30): *В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии, на небесах* — суть описание вечной жизни, похожей на ту, которую мы потеряли в Адаме. Ибо очевидно, что, если бы Адам и Ева не согрешили и жили бы вечно на земле как личности, они вечно не могли бы производить потомство. Ибо если бы бессмертные производили детей так, как это делают люди теперь, то земля за короткое время оказалась бы неспособной вместить их всех. Те евреи, которые задали нашему Спасителю вопрос, чьей женой будет в воскресении женщина, вышедшая замуж последовательно за нескольких братьев, не знали, каковы должны быть последствия вечной жизни, и поэтому наш Спаситель указал им на эти последствия бессмертия, а именно что в этом состоянии не будет производства потомства, а следовательно, не будет и женитьбы, точно так же как нет производства потомства и женитьбы среди ангелов. Сходство той вечной жизни, которую потерял Адам, с той, которую обрел наш Спаситель своей победой над смертью, заключается также и в том, что, подобно тому как Адам, потеряв вечную жизнь, все же жил еще некоторое время после этого, точно так же и верующий христианин обрел вечную жизнь благодаря страданию Христа, хотя Христос умирает естественной смертью и остается мертвым некоторое время, именно до воскресения. Ибо как смерть, считается, приходит с момента осуждения Адама, а не с момента его действительной смерти, точно так же и вечная жизнь — с момента отпущения грехов, а не с момента воскресения избранных Христа.

Вознесение на небеса. Что небеса — если понимать под

небесами те части универсума, которые наиболее удалены от земли, как, например, части, где находятся звезды, или над звездами, на более высоком небе, называемом coelum empyreum (о котором в Писании нигде не упоминается и для предположения которого нет основания в разуме),— являются тем местом, где люди должны жить после воскресения, нелегко заключить из тех текстов, которые я мог найти. Под Царством Небесным подразумевается Царство Царя, обитающего на небе, а его царством был народ израильский, которым он управлял через наместников — пророков, которыми были сначала Моисей, а после него Елезар и первосвященники, до тех пор пока в дни Самуила они не восстали, захотев иметь своим царем смертного человека, как у других народов. А когда наш Спаситель Христос при помощи проповедей Его служителей склонит евреев к обращению и язычников к повиновению Ему, тогда наступит новое Царство Небесное, так как нашим царем будет тогда Бог, для которого небо служит *троном.* И нигде в Писании не видно необходимости, чтобы человек вознесся к своему блаженству выше *подножия* Бога — земли. Наоборот, мы читаем в Писании (Иоан. 3, 13): *Никто не восходил на небо, как только сошедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах.* Замечу здесь мимоходом, что эти слова в отличие от непосредственно предшествующих являются словами не нашего Спасителя, а евангелиста Иоанна, ибо Христос был тогда еще не на небе, а на земле. То же самое сказано о Давиде там, где апостол Петр, доказывая вознесение Христа и цитируя слова псалмопевца (Пс. 15, 10): *ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление,*— говорит, что это сказано не о Давиде, а о Христе, и, чтобы доказать это, приводит следующий вывод: *Ибо Давид не восшел на небеса* (Деян. 2, 34). Однако тут кто-нибудь может возразить и сказать, что хотя тела праведников не должны были быть вознесены до дня Страшного суда, но их души были на небесах, как только они покидали их тела. И это как будто подтверждается словами нашего Спасителя, который, доказывая на основании слов Моисея догмат воскресения, говорит следующее (Лук. 20, 37, 38): *...мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живые.* Однако, если бы эти слова надо было понимать лишь в смысле бессмертия души, тогда они вовсе не доказывали бы того, что наш Спаситель намеревался доказать, а именно телесное воскресение, т. е. бес-

смертие человека. Поэтому наш Спаситель думает, что эти патриархи были бессмертны не в силу особенности, вытекающей из сущности и природы человеческого рода, а по воле Бога, которому угодно было по одной своей милости пожаловать *вечную жизнь* праведникам. И хотя в то время патриархи и многие другие праведники *умерли,* однако, как сказано в тексте, они были «живы у Бога», т. е. они были вписаны в книгу жизни вместе с теми, кому были отпущены грехи и кто был предназначен к *вечной жизни* при воскресении. Что человеческая душа бессмертна по своей природе и является живым существом, независимым от тела, или что какой-нибудь человек (за исключением Еноха и Ильи) бессмертен иначе, чем при воскресении в день Страшного суда, есть учение, недоказуемое на основании Писания. Вся 14-я глава книги Иова, содержащая речь не его друзей, а его самого, есть жалоба на эту смертность человеческой природы и, однако же, не противоречит догмату бессмертия после воскресения. *Для дерева есть надежда* (говорит он в стихах 7—10), *что оно, если будет срублено, снова оживет... если и устарел в земле корень его, и пень его замер в пыли, но, лишь почуяло воду, оно дает отпрыски и пускает ветви, как бы вновь посаженное. А человек умирает и распадается; отошел и где он?* и (ст. 12): *человек ляжет и не станет; до скончания неба он не пробудится.* Но когда же настанет это скончание неба? Апостол Петр говорит нам, что это будет при всеобщем воскресении. Ибо в своем послании (2 Пет. 3, 7) он говорит, что *нынешние небеса и земля... сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков* и что (ст. 12 и 13) *ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают. Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда.* Вот почему когда Иов говорит, что *человек не встает до окончания неба,* то это все равно, как если бы он сказал, что бессмертная жизнь (а жизнь и душа обычно означают в Писании одно и то же) не начинается в человеке до воскресения и Судного дня и имеет своей причиной не специфическую природу человека и его рождение, а обетование. Ибо апостол Петр не говорит: *Мы ожидаем нового неба и новой земли не по природе, а по обетованию.*

Наконец, ввиду того что в главе 35 этой книги было уже указано на основании различных ясных мест Писания, что Царство Божие есть гражданское государство, в котором сам Бог является сувереном в силу прежде всего *Ветхого,*

а затем и *Нового* завета и в котором он царствует через своего заместителя, или наместника, то эти же самые места доказывают, что, когда наш Спаситель снова придет во всем своем величии и славе, чтобы царствовать фактически и вовеки, Царство Божие должно быть на земле. Однако так как это учение, хотя и доказанное многочисленными и ясными по смыслу местами Писания, покажется большинству людей новшеством, то я лишь предлагаю его, но не настаиваю на том или другом мнении в области религии, поскольку это мнение расходится с общепринятыми на этот счет взглядами, и слежу за исходом еще не решенного между моими соотечественниками спора мечом о власти. От этой власти будет зависеть, какие учения должны быть приняты и какие отвергнуты, а ее постановлениям, как устным, так и письменным, должны повиноваться все люди, желающие получить защиту ее законов, каковы бы ни были мнения отдельных людей. Ибо пункты учения, касающиеся Царства Божиего, имеют столь огромное влияние на царство людей, что они должны быть установлены лишь теми, кто под владычеством Бога имеет верховную власть.

Местопребывание тех, кто либо никогда не был в Царстве Божием, либо был изгнан оттуда. Как Царство Божие и вечная жизнь, так и враги Бога с их муками после Судного дня, насколько видно из Писания, должны иметь свое место на земле. То место, где все люди, похороненные или поглощенные землей, остаются до воскресения, обычно называется в Писании словами, означающими «под землей», которые по-латыни обычно читаются как infernus и inferi, а по-гречески — ᾅδης, т. е. место, где люди не могут видеть, причем под этим понимается как гроб, так и более глубокое место. Что же касается места, где будут пребывать осужденные после воскресения, то оно и в Ветхом, и в Новом завете обозначается не в отношении его пространственного расположения, а лишь в отношении того общества, которое его населяет, а именно что это будет то место, где пребывали такие порочные люди, которых Бог некогда необычайным и чудесным образом стер с лица земли, так что они пребывают в *преисподней* или в бездонной пропасти, ибо Корея, Дафана и Авирона земля поглотила живыми.

Тартар. Это не значит, что авторы Писания хотели бы нас уверить, будто на земном шаре, не только конечном, но и незначительном по величине (по сравнению с расстоянием до звезд), может быть бездонная пропасть, т. е. отверстие

бесконечной глубины, такое, которое греки в своей *демонологии* (т. е. в своем учении о *демонах),* а после них римляне называли *Тартаром* и о котором Вергилий (Энеида VI 578—579) говорит:

> Bis patet in praeceps tantum, tenditque sub umbras
> Quantus ad aetherium coeli suspectus Olympum [14].

Ясно, что здесь речь идет не о фактическом расстоянии между землей и небом, а о нашей вере в то, что осужденные после воскресения будут вообще там, где находятся люди, которых Бог подверг примерному наказанию.

Общество исполинов. Далее, так как могущественные люди, жившие на земле во времена Ноя (греки называли их *героями,* а Писание — *исполинами,* о тех и других говорится, что они были рождены от смешения сынов Божьих с детьми людей), были за их безнравственную жизнь истреблены во всемирном потопе, то местом осужденных иногда указывается общество этих вымерших исполинов, как, например, в книге Притчей Соломоновых (21, 16): *Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов;* а также в книге Иова (26, 5): *Исполины трепещут под водами, и живущие в них.* Тут место осужденных указано под водами. И в книге Исайи (14, 9): *Ад преисподний пришел в движение ради тебя, чтобы встретить тебя* (т. е. царя Вавилона) *при входе твоем; пробудил для тебя исполинов.* И здесь опять-таки, если понимать приведенные слова буквально, то место осужденных указывается под водами.

Огненное озеро. В-третьих, так как города Содом и Гоморра были истреблены Богом в Его необычайном гневе за их грехи огнем и серой и вместе с ними вся их окрестность была превращена в вонючее и смолистое озеро, то место осужденных иногда обозначается огнем и огненным озером. Так, в Апокалипсисе сказано (22, 8): *Боязливых же и неверных, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою; это — смерть вторая.* Таким образом, очевидно, что огонь ада, выраженный здесь метафорой от реального огня Содома, обозначает не какой-нибудь определенный вид или место мучений, а неопределенное истребление, как в откровении Иоанна (Апок. 20, 14), где сказано, что *смерть и ад повержены в озеро огненное,* т. е. уничтожены и истреблены, как если бы он сказал, что после дня Страшного суда не будет больше ни умирания, ни ввержe-

ния в ад, т. е. ввержения в Гадес (от которого, вероятно, произведено наше слово *ад*), что то же самое, что сказать: *не будет больше умирания.*

Тьма кромешная. В-четвертых, от казни тьмой, которую Бог навел на египтян и о которой сказано (Исх. 10, 23): *Не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня; у всех же сынов Израилевых был свет в жилищах их,* место нечестивых после Страшного суда названо тьмой кромешной, или (как сказано в подлиннике) *тьмой вне.* Так сказано там (Матф. 22, 13), где царь приказывает слугам своим, *связав руки и ноги ему, одетому в брачные одежды, и возьмите бросьте* εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον *во внешнюю тьму,* или *тьму вне.* И хотя эта фраза переведена *тьмой кромешной,* однако она означает не *сколь велика эта тьма,* а лишь *где* она должна быть, а именно *вне обиталища* избранников Бога.

Геенна и Тофет. Наконец, вблизи Иерусалима было место, названное *долиной сыновей Еннома,* в части которой, названной *Тофетом,* евреи предавались самому мерзкому идолопоклонству, принося своих детей в жертву идолу Молоха, и где Бог подверг своих врагов самым страшным наказаниям, а царь Иосия, как это подробно рассказано в 4-й книге Царств (23), сжег жрецов Молоха на их собственных алтарях; это место впоследствии служило свалкой, куда свозились из города мусор и нечистоты и где время от времени раскладывался огонь, чтобы очистить воздух и прогнать запах тления. По имени этого гнусного места евреи впоследствии обычно называли место, где пребывают осужденные, *геенной* или *долиной Еннома.* Эта *геенна* есть именно то слово, которое теперь обычно переводится словом «ад», и от огней, которые время от времени там горели, произошло наше представление о *вечном* и *неугасаемом огне ада.*

О буквальном смысле, в котором «ад» употребляется в Писании. Поскольку никто не истолковывает Писание в том смысле, что после дня Страшного суда все нечестивцы должны быть подвергнуты вечной казни в долине Еннома, или что они так воскреснут, чтобы потом быть вечно под землей или под водой, или что они после воскресения не будут видеть друг друга и не смогут передвигаться с места на место, постольку, как мне кажется, необходимо следует, что сказанное здесь об адском огне сказано метафорически и что поэтому следует доискиваться собственного смысла таких понятий, как «место ада», «адские мучения» и «адские мучители» (ибо всякая метафора имеет реальное

основание, которое может быть выражено простыми словами).

«Сатана», «дьявол» — имена не собственные, а нарицательные. И прежде всего что касается мучителей, то их природа и особенности точно и соответственно охарактеризованы именами «враг», или «сатана»; «обвинитель», или «дьявол»; «разрушитель», или «ангел тьмы». Эти знаменательные имена: сатана, дьявол, ангел тьмы — суть не наименования определенных лиц, каковыми бывают собственные имена, а лишь наименования должности или качества и, следовательно, являются именами нарицательными. Вот почему их не следует оставлять без перевода, как они остаются по-латыни и в современных библиях, ибо таким образом они кажутся собственными именами *демонов* и люди вводятся в соблазн поверить учению о демонах, которое в то время было религией язычников и противоположно учению Моисея и Христа.

А так как под словами «враг», «обвинитель» и «разрушитель» подразумевается враг тех, кто будет в Царстве Божием, поэтому если Царство Божие после воскресения должно быть на земле (а мы в предыдущей главе показали, что по Библии это действительно так), то враг и его царство должно быть также на земле. Ибо так было во время о́но, до того как евреи низложили Бога. В самом деле, Царство Бога было в Палестине, а народы вокруг были царствами врага, и, следовательно, под *сатаной* подразумевается земной враг церкви.

Муки ада. Муки ада характеризуются иногда как *плач и скрежет зубов* (Матф. 8, 12), иногда же как *червь совести* (Исх. 56, 24 и Марк 9, 44, 46, 48), иногда как *огонь*, как в приведенной нами цитате: *Где червь не умирает и огонь не угасает*, и во многих других местах, иногда как *поругание и посрамление*, как сказано в книге Даниила (12, 2): *И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление.* Все эти места метафорически изображают горечь и досаду нечестивцев от лицезрения вечного блаженства других, которое они потеряли из-за своего неверия и непослушания. А так как такое чужое блаженство познается лишь сравнением с собственными реальными бедствиями, то отсюда следует, что нечестивцы должны претерпеть такие физические страдания и бедствия, которые бывают уделом людей, не только живущих под властью злых и жестоких правителей, но и имеющих также своим врагом вечного Царя праведников — всемогущего Бога. К этим физиче-

ским страданиям следует отнести также вторую смерть каждого из этих нечестивцев, ибо хотя Писание ясно говорит о всеобщем воскресении, однако мы не читаем там, чтобы кому-нибудь из отвергнутых была обещана вечная жизнь, ведь когда апостол Павел (1 Коринф. 15, 42, 43) на вопрос о том, в каком теле воскреснут мертвые, говорит, что *тело сеется в тлении, восстает в нетлении; тело сеется в унижении, восстает в нетлении; сеется в немощи, восстает в силе,* то слава и сила не могут быть применены к телам нечестивых, точно так же нельзя говорить о второй смерти по отношению к тем, кто может умереть лишь один раз, и хотя в метафорическом смысле можно назвать вечную бедственную жизнь вечной смертью, однако нельзя ее подразумевать под *второй смертью.*

Огонь, уготованный для нечестивцев, будет вечным огнем. Это значит, что состояние, в котором никто не может пребывать без физических и душевных мучений, будет после воскресения продолжаться для нечестивцев вечно, и в этом смысле огонь будет неугасим и мучения вечны. Однако отсюда нельзя вывести заключения, что брошенный в этот огонь и мучимый этими мучениями будет выносить их и противостоять им так, чтобы вечно гореть и мучиться и, однако, никогда не погибнуть и не умереть. И хотя многие места говорят о вечном огне и вечных мучениях (в которые могут ввергаться люди один за другим все время до скончания мира), однако я не нахожу ни одного места, где бы говорилось, что в этом состоянии какое-нибудь индивидуальное лицо будет жить вечно, наоборот, многие места говорят о вечной смерти, которая есть вторая смерть. В Апокалипсисе (20, 13, 14) мы читаем: *И смерть, и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим. И смерть, и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая.* Отсюда ясно видно, что должна быть вторая смерть для каждого осужденного в день Суда, после чего он уже больше не будет умирать.

Радости вечной жизни и спасение обозначают одно и то же. Быть спасенным от греха и от бед — одно и то же. Радости вечной жизни обозначаются в Писании словами *спасение* или *быть спасенным.* Быть спасенным — значит быть обеспеченным или относительно — против особых бедствий, или абсолютно — против всех бедствий, включая нужду, болезнь и саму смерть. Так как человек был создан бессмертным и нетленным и, следовательно, свободным от всего, что ведет к разрушению его естества, и потерял это блаженство из-за грехопадения Адама, то отсюда следует,

что быть спасенным от греха — значит быть спасенным от всех бед и несчастий, которые это грехопадение навлекло на нас. Поэтому отпущение грехов и спасение от смерти и несчастий означают в Священном писании одно и то же, как это явствует из слов нашего Спасителя, который, излечив разбитого параличом словами (Матф. 9, 2): *Дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои* — и, зная, что книжники считают богохульством, если человек берет на себя прощение грехов, спросил их (ст. 5), *что легче — сказать: «прощаются тебе грехи» или сказать: «встань и ходи»?* — желая этим сказать, что для спасения расслабленного было все равно, сказать ли «прощаются тебе грехи твои» или «встань и ходи», и что он употребил первую форму речи, чтобы только показать, что он имеет власть прощать грехи. Да и по разуму, кроме того, очевидно, что так как смерть и несчастья были наказаниями за грех, то освобождение от греха должно быть также освобождением от смерти и несчастий, т. е. абсолютным спасением, которым верующие будут наслаждаться после Судного дня благодаря власти и милости Иисуса Христа, который по этой причине и именуется нашим Спасителем.

Что касается частичных спасений, таких, которые подразумеваются в 1-й книге Царств (14, 39): *ибо жив Господь, спасший Израиля*, т. е. от их временных врагов; во 2-й книге Царств (22, 4): *Спаситель мой, от бед Ты избавил меня!*; а также в 4-й книге Царств (13, 5): *И дал Господь Израильтянам Избавителя, и вышли они из-под руки Сирийян* — и в подобных местах, то мне нет необходимости говорить о них, так как тут нет никаких трудностей, да никто и не заинтересован в превратном толковании таких текстов.

Место вечного спасения. Однако в отношении общего спасения, так как оно должно быть в Царстве Небесном, имеются большие трудности при определении его места. С одной стороны, слово «царство» (означающее состояние, установленное людьми в целях постоянной защиты от врагов и нужды) как будто говорит за то, что это спасение должно было бы быть на земле. Ибо под спасением возвещается нам славное царствование нашего царя в результате победы, а не спасения бегством. Поэтому там, где мы ждем спасения, мы должны ждать также триумфа, а до триумфа — победы, а до победы — сражения, о котором нельзя предполагать, что оно произойдет на небе. Однако, как ни основателен этот довод, я не буду считать его решающим, если нельзя будет привести в пользу моего положения

ясных мест из Писания. Состояние спасения описано подробно в книге пророка Исайи (33, 20—24): *Взгляни на Сион, город праздничных собраний наших; глаза твои увидят Иерусалим, жилище мирное, непоколебимую скинию; столпы ее никогда не исторгнутся, и ни одна вервь ее не порвется. Там у нас великий Господь будет вместо рек, вместо широких каналов; туда не войдет ни одно весельное судно, и не пройдет большой корабль. Ибо Господь — судия наш, Господь — законодатель наш, Господь — царь наш; Он спасет нас. Ослабли веревки твои, не могут удержать мачты и натянуть паруса. Тогда будет большой раздел добычи, так что и хромые пойдут на грабеж. И ни один из жителей не скажет: «я болен»; народу, живущему там, будут отпущены согрешения.*

Из этих слов мы узнаем место, откуда придет спасение,— *Иерусалим, жилище мирное;* вечность его — *непоколебимая скиния, столпы ее никогда не исторгнутся* и т. д.; Спаситель — *Господь, их судья, их законодатель, их царь, спасет нас;* спасение — *Господь будет для них как широкий поток быстрой воды;* состояние их врагов — *их веревки ослабли, их мачты расшатались, они станут добычей хромых;* состояние спасения — *ни один из жителей не скажет: «я болен»* и, наконец, все здесь заключено в прощении греха — *народу, живущему там, будут отпущены согрешения.*

Из этих мест Писания видно, что спасение будет на земле тогда, когда Бог (при втором пришествии Христа) будет царствовать в Иерусалиме; и из Иерусалима будет исходить спасение язычников, которые будут приняты в Царство Божие, как это также возвещено тем же пророком в более ясных выражениях (65, 20, 21), *и представят они* (т. е. язычники, у которых есть невольники иудеи) *всех братьев ваших от всех народов в дар Господу на конях и колесницах, и на носилках, и на святую гору Мою, в Иерусалим, говорит Господь,— подобно тому, как сыны Израилевы приносят дар в дом Господа в чистом сосуде. Из них буду брать также в священники и левиты, говорит Господь.*

Это подтверждается также нашим Спасителем в его разговоре с самаритянской женщиной относительно места поклонения Богу, где он говорит ей (Иоан. 4,22), что самаритяне не знают, чему поклоняются, а евреи знают, чему поклоняются, *ибо спасение от иудеев* (judeis, т. е. начинается у иудеев), желая этим сказать: *вы поклоняетесь Богу, не зная, через кого он спасет вас, мы же поклоняемся, зная,*

через кого он спасает вас; мы же поклоняемся, зная, что Спасителем будет один из колена Иуды, а не самаритянин. Вот почему и женщина также отвечает ему в тон: *Мы знаем, что Мессия придет.* Таким образом, то, что наш Спаситель сказал: «Спасение от иудеев» — совпадает со словами апостола Павла (Рим. 1, 16, 17): *оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину. В нем открывается правда Божия от веры в веру:* от веры иудея к вере язычника. В этом же смысле говорит пророк Иоиль (2, 30, 31), описывая день Суда, что Бог покажет *знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный.* И добавляет (ст. 32): *И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо на горе Сионе и в Иерусалиме будет спасение.* И то же самое говорит пророк Авдий (ст. 17): *А на горе Сионе будет спасение, и будет она святынею; и дом Иакова получит во владение наследие свое.* И это *владение,* которое есть владение *небесным,* он определяет более точно в последующих стихах как *гору Исава, долину филистимян, поле Ефрема* и *Самарии, Галаад, города южные* и заключает словами: *И будет царство Господа!*

Все эти места Писания говорят за то, что спасение и Царство Божие должны быть после Судного дня на земле. С другой стороны, я не нашел ни одного текста, который хоть с некоторой вероятностью успеха мог бы быть использован для доказательства того, что праведники будут вознесены на небо, т. е. в какое-нибудь coelum empyreum или в какую-нибудь другую небесную область, за исключением разве того, что Царство Божие называется Царством Небесным, каковое имя, однако, оно может иметь потому, что Бог, царь евреев, управлял ими путем своих постановлений, посылаемых Моисею через ангелов, а после их бунта послал своего Сына с неба, чтобы привести их в покорность, и пошлет его оттуда снова, чтобы управлять как ими, так и всеми другими праведными людьми, начиная с Судного дня вовеки. Или же указанное название дано потому, что трон нашего великого царя находится на небе, между тем как земля служит ему подножием. Но чтобы подданные Бога имели место на уровне его трона или выше его подножия, представляется несовместимым с достоинством царя, и я не могу найти никакого подтверждения этому в Священном писании.

Грядущий мир. Из сказанного о Царстве Божьем и о

спасении нетрудно заключить о том, что понимается под *миром грядущим*. В Писании упоминаются три мира: *старый мир, настоящий мир* и *грядущий мир*. О первом апостол Петр говорит следующее (2 Пет. 2, 5): *Если Бог не пощадил первого мира, но в восьми душах сохранил семейство Ноя, проповедника правды, когда навел потоп на мир нечестивых* и т. д. *Первый мир*, таким образом, считается от Адама до всемирного потопа. О настоящем мире наш Спаситель говорил (Иоан. 18, 36): *Царство Мое не от мира сего.* Ибо Он пришел на землю лишь затем, чтобы указать людям путь спасения и обновить своим учением Царство своего Отца. О мире грядущем апостол Петр говорит (2 Пет. 3, 13): *Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли.* Это тот *мир*, в который Христос, сошедши с неба в облаках в силе и славе, пошлет своих ангелов, Он соберет со всех концов света и из самых отдаленных частей земли своих избранных и затем будет царствовать над ними под владычеством своего Отца вовеки.

Искупление. *Спасение* грешника предполагает предварительное *искупление*, ибо тот, кто повинен в каком-нибудь грехе, подлежит за него штрафу, и он сам или кто-нибудь другой за него должен платить такой выкуп, какого потребует обиженное им лицо, властвующее над ним. Ввиду того что обиженным лицом является Бог всемогущий, в чьей власти все существующее, то прежде, нежели может быть обретено спасение, должен быть уплачен такой выкуп, какой Богу угодно потребовать. Этот выкуп не имеет своей целью дать удовлетворение за грех, равноценное причиненной обиде, ибо это не в силах когда-либо сделать ни сам грешник, ни какой-нибудь праведник за него. Ущерб, нанесенный одним человеком другому, может быть исправлен восстановлением или возмещением убытков, но грех не может быть снят возмещением, ибо это значило бы сделать свободу грешить продажной вещью. Но грехи могут быть отпущены кающемуся или *даром*, или по уплате штрафа, какой Богу угодно принять. То, что в Ветхом завете Бог обычно принимал, было некое жертвоприношение. Прощение греха не есть акт несправедливости, хотя наказание и было заранее установлено. Ведь даже среди людей обещающего обязывает лишь обещание блага, а не угрозы, т. е. обещания зла, тем менее могут такие угрозы обязывать Бога, бесконечно более милосердного, чем люди. Своим актом *искупления* наш Спаситель Христос поэтому дал удовлетворение Богу за грехи людей не в том смысле, что своей смертью или своей добродетелью он сделал так, что со

стороны Бога было бы актом несправедливости наказывать грешников вечной смертью, а лишь в том смысле, что он своей смертью при своем первом пришествии принес ту жертву, которую Богу угодно было потребовать при втором его пришествии за спасение тех, кто в промежуточный период раскается и поверит в него. И хотя этот акт нашего *искупления* не всегда называется в Писании *жертвоприношением,* а иногда называется ценой, однако под *ценой* мы должны понимать не нечто достаточное по стоимости, за что он имеет право требовать от своего оскорбленного Отца прощения для нас, а лишь ту цену, которую Богу-Отцу в его милости угодно было потребовать.

ГЛАВА XXXIX

О ТОМ, ЧТО ПОНИМАЕТСЯ В ПИСАНИИ ПОД СЛОВОМ «ЦЕРКОВЬ»

Церковь — дом Божий. Слово «церковь» (Ecclesia) означает в книгах Священного писания разное. Иногда, хотя не часто, оно употребляется в смысле *дома Божьего,* т. е. храма, в котором христиане собирались для совершения публичного богослужения, как 1 Коринф. 14, 34 *жены ваши и в церквах да молчат,* но здесь это метафорически применено к происходившим там собраниям и с тех пор стало применяться к самим зданиям в целях различения между христианскими и языческими храмами. Храм Иерусалима был *домом Божьим* и домом молитвы, и таким же образом всякое здание, посвященное служению Христу, называется домом Христа, поэтому греческие отцы церкви называли такое здание κυριακὴ — *домом Господним,* и отсюда перешли в наш язык названия *кирха* и *церковь.*

Ecclesia в собственном смысле этого слова. Церковь, если слово берется не в смысле дома, означает то же самое, что ecclesia означало в греческих государствах, а именно собрание граждан, созванное с целью выслушать речь должностного лица, и что в римском государстве называлось concio, поэтому тот, кто выступал с речью, назывался ecclesiastes и concionator. И если такое собрание созывалось законной властью, оно являлось Ecclesia legitima — *законной церковью,* ἔννομος ἐκκλησία (Деян. 19, 39); если же такое собрание представляло собой шумное и мятежное сборище возбужденных людей, тогда оно являлось ἐκκλησία συγκεχυμένη — беспорядочной церковью.

Иногда под этим словом подразумеваются люди, имею-

щие право быть членами таких собраний, хотя фактически не собранные, т. е. подразумевается совокупность всех христиан, как бы они ни были рассеяны, как сказано (Деян. 8, 3), что *Саул терзал церковь,* и в этом смысле Христос назван главой церкви. Иногда же под словом «церковь» подразумевается лишь определенная часть христиан, как, например, в словах (Колос. 4, 15): *Приветствуйте... домашнюю церковь его;* иногда также подразумеваются лишь избранные, например в следующих словах (Ефес. 5, 27): *славною Церковью, не имеющею пятна, или порока... свята и непорочна,* где подразумевается *торжествующая церковь,* или *грядущая церковь.* Иногда под этим словом подразумевается собрание исповедующих христианство независимо от того, искренне ли они исповедуют или лицемерно, как это следует понимать там, где говорится (Матф. 18, 17): *Скажи церкви; а если и церкви не послушает, то будет он тебе как язычник и мытарь.*

В каком смысле церковь является единым лицом. Только в этом последнем смысле можно говорить о *церкви* как о едином лице, т. е. что она имеет способность желать, произносить, приказывать, заставлять повиноваться себе, составлять законы или совершать какое бы то ни было другое действие. Ибо все, что делается сборищем людей, не имеющих правомочий законного собрания, является частным действием каждого из участников сборища, поскольку он содействовал тому, что было совершено, а не действием всей толпы в совокупности как единого тела, и тем меньше это является действием отсутствовавших или тех, кто хотя и присутствовал, но был против того, чтобы соответствующее действие совершилось.

Определение церкви. В соответствии с этим смыслом я определяю *церковь* как *общество людей, исповедующих христианскую религию и объединенных в лице одного суверена, по приказанию которого они обязаны собираться и без разрешения которого они собираться не должны.* И так как во всех государствах всякое собрание, не имеющее разрешения гражданского суверена, является незаконным, то точно так же и церковь, собравшаяся в каком-либо государстве, запретившем ее собрание, является незаконным собранием.

Христианское государство и церковь — одно и то же. Отсюда следует, что нет на земле такой универсальной церкви, которой все христиане были бы обязаны повиноваться, так как нет такой власти на земле, по отношению к которой все другие государства были бы подданными.

Христиане имеются во владениях разных монархов и государств, но каждый из этих христиан есть подданный того государства, членом которого он состоит, и, следовательно, не может подчиняться приказаниям какого-либо другого лица. Поэтому такая церковь, которая способна приказывать, судить, оправдывать и осуждать или совершать какой-нибудь другой акт, есть то же самое, что гражданское государство, состоящее из людей, исповедующих христианство, а такое государство называется *гражданским государством* (civil state) в силу того, что его подданные — *люди,* и *церковью* — в силу того, что его подданные — *христиане.* Слова *мирская* и *духовная* власть являются лишь двумя словами, внесенными в мир, дабы у людей двоилось в глазах и дабы люди не понимали, кто их *законный суверен.* Верно, конечно, что после воскресения тела праведников будут не только духовны, но и вечны, однако в этой жизни они грубы и подвержены тлению. Поэтому в этой жизни нет другой власти — это касается и государства, и религии,— кроме мирской. Если верховный правитель как государства, так и религии запрещает пропагандировать какое-нибудь учение, то никто из подданных не может его законным образом пропагандировать. Должен быть один верховный правитель, иначе необходимо возникают в государстве мятеж и гражданская война между *церковью* и *государством,* между *приверженцами духовной власти и приверженцами мирской власти,* между *мечом правосудия и щитом веры* и, что еще хуже, возникает борьба в груди каждого христианина между *христианином* и *человеком.* Учители церкви называются пастырями, точно так же называются и гражданские суверены. Но если пастыри не будут подчинены один другому так, чтобы был один верховный пастырь, людей будут учить противоположным учениям, из которых оба могут быть, но одно должно быть ложным. Кто должен быть этим верховным пастырем на основании естественного закона, мы уже показали: им должна быть верховная гражданская власть. В следующих главах мы увидим, кому эта должность была предназначена Писанием.

ГЛАВА XL

О ПРАВАХ ЦАРСТВА БОЖИЕГО ПРИ АВРААМЕ, МОИСЕЕ, ПЕРВОСВЯЩЕННИКАХ И ЦАРЯХ ИУДЕЙСКИХ

Верховная власть Авраама. Отцом верующих и первым в Царстве Божием, основанном на завете, был Авраам. Ибо с ним впервые был заключен завет, которым он обязал себя и свое потомство признавать и повиноваться повелениям Бога, не только таким, которые он мог бы познать светом естественного разума (как моральные законы), но и таким, которые Бог особым образом объявил бы ему через сны и виде́ния. Ибо что касается моральных законов, то они уже были обязательны и не нуждались в том завете, при котором была обетована земля Ханаанская. Точно так же не было никакого завета, который мог бы прибавить что-нибудь или усилить то обязательство, в силу которого как Авраам и его потомство, так и все прочие люди должны были естественно повиноваться Богу Всемогущему. Поэтому, согласно завету, заключенному с Богом, Авраам обязался считать заповедью Бога то, что от имени Бога ему было приказано во сне или в виде́нии, и передать это своему потомству, побудив его соблюдать завет.

В этом завете Бога с Авраамом мы можем заметить три пункта, из которых вытекают важные следствия в отношении правительства народа Божьего. Прежде всего при заключении указанного завета Бог говорил только с Авраамом. Этот завет мог распространяться на всех членов его семьи и потомство лишь потому, что еще до завета воли последних (а воля есть сущность всякого соглашения) заключались в воле Авраама и, следовательно, предполагалось, что Авраам имеет законную власть заставить членов своей семьи выполнить все то, к чему он обязал их своим заветом. В соответствии с этим Бог говорит (Быт. 18, 18, 19): *Благословятся в нем все народы земли, ибо Я избрал его для того, чтобы заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем Господним.* Отсюда можно вывести первое заключение, а именно что те, с кем Бог не говорил непосредственно, должны получить положительные постановления Бога от их суверена, подобно тому как семья и потомство Авраама получили их от Авраама — их отца, господина и гражданского суверена.

Только Авраам обладал властью установить религию своего собственного народа. И следовательно, те, кому Бог путем сверхъестественного откровения не приказывает

противного, обязаны во всяком государстве повиноваться законам своих суверенов в отношении своих внешних действий и в отношении исповедания религии. Что же касается сокровенных *мыслей и веры* людей, которых человеческие правители не могут знать (ибо один Бог знает сердце человеческое), то они непроизвольны и обусловлены не законами, а сокровенной волей и могуществом Бога и, следовательно, не подпадают под обязательство.

Никто не мог выступить против религии Авраама, ссылаясь на собственное откровение. Отсюда вытекает второй вывод, а именно что Авраам имел право наказывать того из своих подданных, кто, ссылаясь на свои сны, или виде́ния, или другие откровения Бога, стал бы поддерживать учение, запрещенное Авраамом, или того, кто присоединился бы к такому лжеучителю и следовал бы ему. Значит, точно так же позволительно в наше время суверену наказывать всякого, кто противопоставил бы свое частное мнение законам, ибо суверен занимает такое же место в государстве, какое занимал Авраам в своей семье.

Авраам был единственным судьей и истолкователем Божьих слов. Отсюда же вытекает и третий вывод, а именно как никто, кроме Авраама, в его семье, так и никто, кроме суверена, в христианском государстве не может знать, что́ есть и что́ не есть слово Божие. Ибо Бог говорил только с Авраамом, и он один мог знать, что́ Бог говорил, и истолковать это своей семье, поэтому те, кто занимает место Авраама в государстве, являются единственными истолкователями того, что Бог говорил.

Откуда проистекала власть Моисея. Этот же завет был возобновлен с Исааком, а затем с Иаковом, но затем он не возобновлялся до тех пор, пока сыны Израиля не были освобождены из Египта и не достигли горы Синай. Тогда завет был возобновлен Моисеем (как я сказал раньше, в главе XXXV) таким образом, что сыны Израиля стали с тех пор особым Царством Бога, чьим наместником был Моисей, а после него наследование этой должности перешло к Аарону и его наследникам, чтобы быть для Бога священническим царством вовеки.

Этим установлением было приобретено Богу царство. Однако ввиду того что Моисей не был правомочен управлять сынами Израиля в качестве преемника Авраама, ибо он не мог претендовать на это по праву наследства, то пока еще не видно, чтобы народ израильский обязан был считать его наместником Бога дальше того времени, пока верил, что Бог говорит с ним. Поэтому дело обстояло так, что его

власть зиждилась пока исключительно на том мнении, которое сыны Израиля имели о его святости, реальности его общения с Богом и истинности его чудес, так что, если бы их мнение изменилось, они не были бы обязаны принимать за закон Бога то, что Моисей предлагал им от имени Бога. Мы поэтому должны рассмотреть, какое другое основание имело их обязательство повиноваться ему. Ибо не повеление Бога могло обязать их, так как Бог говорил с ними не непосредственно, а через самого Моисея, а наш Спаситель говорит о себе (Иоан. 5, 31): *Если я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство мое не есть истинно.* Тем меньше должно было быть приемлемо свидетельство Моисея о самом себе, особенно при его притязании на царскую власть над народом Бога. Поэтому его власть, как и власть всех других государей, должна была основываться на согласии народа и на его обещании повиноваться ему. Так это и было, ибо *весь народ* (Исх. 20, 18, 19) *увидел громы, и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся: и увидев то,* [*весь*] *народ отступил и стал вдали. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.* Здесь было их обещание повиноваться, и этим обещанием они обязались повиноваться всему, что Моисей объявит им в качестве повеления Бога.

Моисей был после Бога сувереном евреев в течение всей своей жизни, но Аарон обладал после Моисея только священным саном. Хотя завет установил священническое царство, т. е. царство, которое должен был наследовать Аарон, однако это следует понимать в смысле преемственности после смерти Моисея. Ибо всякий, кто в качестве первооснователя государства организует и устанавливает какую-нибудь политическую систему (будь то монархия, аристократия или демократия), должен иметь верховную власть над народом все время, пока он этим делом занимается. А что Моисей имел эту власть в продолжение всей своей жизни, с очевидностью явствует из Писания. Прежде всего об этом говорит вышеприведенный текст, так как народ обещал повиновение не Аарону, а ему. Во-вторых, это вытекает из следующего места (Исх. 24, 1, 2): *И Моисею сказал Он: «взойди к Господу ты и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых... Моисей один пусть приблизится к Господу, а они пусть не приближаются, и народ пусть не восходит с ним».* Из чего ясно, что Моисей, который один был призван Богом (а не Аарон, не другие священники, не семьдесят старейшин, не народ,

которым было запрещено приближаться), один представлял перед сынами Израиля личность Бога, т. е. был их единственным сувереном после Бога. И хотя после этого сказано (ст. 9, 10): *Потом взошел Моисей и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых и видели место стояния Бога Израилева; и под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира* и т. д., однако это было лишь после того, как Моисей уже раньше был с Богом и возвестил народу слова, сказанные ему Богом. Лишь он один ходил по делам народа; другим, как знатным людям его свиты, была оказана честь и позволено в качестве особой милости то, что не было позволено народу, а именно (как видно из следующего стиха) видеть Бога и остаться жить: *Он не простер руки Своей на избранных из сынов Израилевых: они видели Бога, [место] и ели, и пили* (т. е. остались жить). Однако они не принесли народу никакого повеления от Бога. Кроме того, везде говорится: *Господь сказал Моисею*, как во всех случаях по вопросам государственного управления, так и относительно установления религиозных церемоний, что видно из 25—31-й глав Исхода, из всей книги Левита. С Аароном же непосредственно Бог говорит редко. Золотого тельца, сделанного Аароном, Моисей бросил в огонь. Наконец, вопрос о власти Аарона по случаю его и жены его Мариам бунта против Моисея (Чис. 12) решен самим Богом в пользу Моисея. Точно так же в вопросе между Моисеем и народом относительно того, кто имеет право управлять народом, когда Корей, Дафан и Авирон и двести пятьдесят вождей общины собрались против Моисея и Аарона и сказали им (Чис. 16, 3): *полно вам; все общество, все святы и среди них Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?* Бог разверз уста земли, и она поглотила живыми Корея, Дафана и Авирона с их женами и детьми, и Он огнем истребил те двести пятьдесят вождей. Таким образом, не Аарон, не народ, не какая-либо аристократия вождей народа, а лишь Моисей имел непосредственно после Бога верховную власть над сынами Израиля, и не только в вопросах гражданского управления, но и в вопросах религии, ибо один Моисей говорил с Богом, поэтому лишь он мог сказать народу, чего Бог от него требует. Ни один человек под страхом смерти не мог быть так самонадеян, чтобы приблизиться к горе, где Бог говорил с Моисеем. *Проведи для народа черту со всех сторон,*— говорит Господь (Исх. 19, 12),— *и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее: всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти.* И снова (ст. 21):

Сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его. Отсюда можно заключить, что всякий занимающий в христианском государстве место Моисея является единственным вестником Бога и истолкователем его повелений. И в соответствии с этим никто не должен в истолковании Писания идти дальше той черты, которая проведена его сувереном. Ибо Писание, так как теперь Бог говорит через него, есть гора Синай, чертой вокруг которой являются законы тех, кто представляет лицо Бога на земле. Позволительно читать Писание и видеть в нем изумительные дела Господа и научиться бояться его, но истолковывать его, т. е. допытываться, что Бог говорит тому, кого назначает править под своим верховным владычеством, и судить, правит ли он так, как Бог повелевает ему, или нет,— значит перешагнуть черту, которую Бог обвел вокруг нас, и непочтительно глядеть на Бога.

Духи, т. е. разумения, остальных сообразны и подчинены духу, т. е. разумению, Моисея. Во времена Моисея не было никаких пророков, никого, кто мнил бы себя вдохновенным Богом, кроме тех, кого признавал и одобрял Моисей. Ибо в его время были лишь семьдесят старейшин, о которых говорится, что они пророчествовали Духом Господним и все были избраны самим Моисеем сообразно тому, как Бог сказал Моисею (Чис. 11, 16): *Собери Мне семьдесят мужей из старейшин Израилевых, которых ты знаешь, что они старейшины и надзиратели его.* Их-то Бог и наделил своим Духом. Но этот Дух не разнился от духа Моисея, ибо сказано (ст. 25): *И сошел Господь в облаке... и взял от Духа, который на нем, и дал семидесяти старейшинам.* Однако я уже показал раньше (гл. 36), что под *духом* подразумевается *разумение*, так что смысл этого места тот, что Бог одарил их разумением, сообразным и подчиненным разумению Моисея, дабы они могли пророчествовать, т. е. говорить народу от имени Бога, так, чтобы как служители Моисея и по его полномочию содействовать распространению в народе учения, соответствующего учению Моисея. Ибо они были лишь служителями, и когда двое из них пророчествовали в стане, то это считалось новшеством и противозаконным поступком, и их обвинили в этом, как рассказывается в стихах 27 и 28 той же главы, а Иисус Навин, не зная, что они пророчествовали духом самого Моисея, советовал Моисею запретить им пророчествовать. Из этого видно, что ни один подданный не должен выступать в роли мнимого пророка или Богом вдохновенно-

го человека против учения, установленного тем, кого Бог поставил на место Моисея.

После Моисея верховная власть принадлежала первосвященнику. Когда умер Аарон и вслед за ним Моисей, царство, являясь священническим царством, перешло в силу завета к сыну Аарона первосвященнику Елеазару, и Господь объявил его ближайшим после себя сувереном, назначив одновременно Иисуса Навина генералом их армии. Ибо так говорил Бог в ясных словах относительно Иисуса Навина (Чис. 27, 21): *И будет он обращаться к Елеазару священнику и спрашивать его о решении... перед Господом; и по его слову должны выходить, и по его слову должны входить он и все сыны Израилевы с ним.* Следовательно, верховная власть объявления войны и заключения мира принадлежала первосвященнику. Высшая юрисдикция также принадлежала первосвященнику, ибо первосвященники были хранителями книги законов, а священники и левиты, как это явствует из Второзакония (17, 8—10), были подчиненными судьями в гражданских тяжбах. А в отношении вопросов религиозного культа никогда не было сомнения, что здесь до воцарения Саула верховная власть принадлежала первосвященнику. Поэтому в одном и том же лице первосвященника были объединены гражданская и церковная власть; и так должно быть, кто бы ни правил на основании божественного права, т. е. полномочий, полученных от Бога.

О верховной власти в период от Иисуса Навина до Саула. Время от смерти Иисуса Навина до воцарения Саула часто характеризуется в книге Судей словами: *В те дни не было царя у Израиля*; а иногда к этому добавляется: *Каждый делал то, что ему казалось справедливым.* Из чего следует заключить, что, когда говорится «не было царя», подразумевается «не было верховной власти» в Израиле. И так это и было, поскольку речь идет об осуществлении и проявлении в действии этой власти. Ибо после смерти Иисуса Навина и Елеазара (Суд. 2, 10, 11) *восстал другой род, который не знал Господа и дел Его, какие Он делал Израилю,— тогда сыны Израилевы стали делать злое перед очами Господа и стали служить Ваалам.* А евреи имели ту особенность, которую апостол Павел характеризует словами «ждать знамений», и это не только до того, как они подчинились власти Моисея, но также и после того, как они обязались своим подчинением. Знамения же и чудеса имели целью внушить веру, а не удерживать людей от нарушения данных ими обещаний, ибо к этому обязывает

людей естественный закон. Но если мы будем говорить не об осуществлении власти, а о праве на власть, то в этом смысле верховная власть была еще в руках первосвященника. Вот почему повиновение, оказанное судьям, которые были специально избраны Богом, чтобы спасти его мятежных подданных от рук врага, не может быть приведено как доказательство против того, что первосвященник имел верховную власть во всех вопросах как государственного управления, так и религии. И ни судья, ни сам Самуил не были обычными, а лишь чрезвычайными правителями, которым сыны израилевы оказывали повиновение не из чувства долга, а из уважения к ним, обусловленного благоволением к ним Бога, сказавшимся в мудрости, храбрости или счастье. Таким образом, и в эту эпоху право регулирования вопросов государственного управления было неотделимо от права регулирования вопросов религии.

О правах царей израилевых. После судей пришли цари, и, подобно тому как раньше вся власть как в области религии, так и в области государственного управления находилась в руках первосвященника, точно так она вся была теперь в руках царя. Ибо верховная власть над народом, которая раньше не только в силу всемогущества Бога, но и в силу специального завета сынов израилевых была у Бога и под его непосредственным владычеством в руках первосвященника как его наместника на земле,— эта власть Бога была теперь отменена с согласия самого Бога. В самом деле, когда сыны израилевы сказали Самуилу (1 Цар. 8, 5): *Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов*,— они этим обозначали, что не желают более управляться постановлениями, которые предписал бы им первосвященник от имени Бога, а желают иметь правителя, который управлял бы ими таким же образом, как управляются все прочие народы, и, следовательно, лишив первосвященника царской власти, они этим низвергли особенную власть Бога. И тем не менее Бог согласился на это, сказав Самуилу (ст. 7): *Послушай голос народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними.* Так как сыны израилевы отвергли таким образом Бога, именем которого правили первосвященники, то у первосвященников осталось лишь столько власти, сколько угодно было царю предоставить им, и ее было больше или меньше в зависимости от того, царствовали ли благочестивые или порочные цари. А что касается гражданского управления, то оно, очевидно, всецело находилось в руках царя. Ибо

в той же главе, в стихе 20, сказано: *Мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши*, т. е. он будет обладать всей полнотой власти как во время войны, так и в мирное время. Эта полнота власти заключала в себе также право регулировать вопросы религии. Ибо в то время не было другого слова Божьего для регулирования вопросов религии, кроме закона Моисея, составлявшего гражданский закон евреев. Кроме того, мы читаем (3 Цар. 2, 27), что *удалил Соломон Авиафара от священства Господня*, из чего явствует, что Соломон имел власть над первосвященником, как над всяким другим подданным, что является существенным признаком верховенства в вопросах религии. Мы читаем также (3 Цар. 8), что он освятил храм, благословил народ и самолично сочинил ту превосходную молитву, которая читается при освящении всех церквей и молитвенных домов, что является вторым признаком верховенства в вопросах религии. Еще раз мы читаем (4 Цар. 22), что, когда возник вопрос относительно книги закона, найденной в храме, он не был разрешен первосвященником, а Иосия послал его и других вопросить об этом пророчицу Олдаму, что является опять-таки признаком верховенства в вопросах религии. Наконец, мы читаем (1 Пар. 26, 30), что Давид сделал Хашавию и братьев его хевронян надзирателями над Израилем к западу *по всяким делам служения Господня и по службе царской*. А также (ст. 32), что он поставил других хевронян правителями *над коленом Рувимовым и Гадовым и полуколеном Манасииным* (это была часть Израиля, обитавшая по ту сторону Иордана) *по всем делам Божьим и делам царя*. Разве это не есть полнота власти, как *мирской*, так и *духовной*, как это называют те, кто желает делить ее? Итак, с момента установления Царства Божия до плена верховенство в вопросах религии было в тех же руках, в которых находилась гражданская верховная власть, а после избрания Саула должность первосвященника была не повелительной, а служебной.

Во времена царей верховенство в религиозных делах по праву не было отделено от светской власти. Несмотря на то что власть в вопросах государственного управления и религии, поскольку речь идет о праве, была объединена сначала в руках первосвященников, а затем — в руках царей, все-таки из той же священной истории видно, что народ этого не понимал. Напротив, так как бóльшая, а может быть, наибóльшая часть народа доверяла славе Моисея или беседам между Богом и первосвященниками лишь до тех пор,

пока она видела великие чудеса, или, что равноценно чудесам, большие дарования, или большую удачу в начинаниях их правителей, то эта часть всякий раз, когда правители возбуждали ее недовольство, пользовалась случаем — порицая иногда государственное управление, иногда религию — менять правительство или отказывать ему в повиновении по своему произволу. И из-за этого возникали время от времени гражданские смуты, раздоры и народные бедствия. Например, после смерти Елеазара и Иисуса Навина ближайшее поколение, которое не видело чудес, совершенных Богом, а было предоставлено своему собственному слабому разуму и не считало себя связанным заветом священнического царства,— это поколение не соблюдало постановлений первосвященника и закона Моисея, а каждый делал то, что ему казалось справедливым. В гражданских делах это поколение повиновалось таким людям, которых оно время от времени считало способными освободить его от притеснявших соседних народов, и вопрошало не Бога, как ему следует поступить, а лишь таких мужчин или женщин, которых оно считало пророками, способными предсказать будущее; и хотя это поколение не имело идола в своем храме, однако, если имело священником левита, оно уже считало, что служит Богу Израиля.

И впоследствии, когда израильтяне потребовали себе царя, как у прочих народов, они это сделали не с целью отказа от служения Богу, их царю, а лишь разуверившись в справедливости сыновей Самуила; они хотели иметь царя, который судил бы их в гражданских делах, но они не позволили бы своему царю менять религию, которую считали возвещенной им Моисеем. Таким образом, ссылаясь то на недостатки правосудия, то на недостатки в регулировании вопросов религии, они всегда имели наготове предлог, чтобы выйти из повиновения каждый раз, когда надеялись на успех. Самуил был недоволен, когда народ требовал у него царя (ибо Бог был уже царем израильтян, а Самуил имел лишь власть по его полномочию), однако, когда Саул не последовал его совету истребить Агата, как это приказал Господь, Самуил, чтобы лишить престола наследников Саула, помазал другого, а именно Давида, на царство. Ровоам не был идолопоклонником, однако, когда народ счел его притеснителем, этот политический мотив побудил десять колен отпасть от него и перейти к идолопоклоннику Иеровоаму. И вообще на протяжении всей истории царей иудейских и израильских имелись пророки, которые всегда предостерегали царей против отступления от религии,

а иногда — против ошибок в государственных делах. Например, пророк Ииуй (2 Пар. 19, 2) попрекал Иосафата за помощь царю израильскому против сирийцев, а пророк Исайя — царя Езекию за то, что он показал свои сокровища послам Вавилона. Из всего этого видно, что хотя государственная и религиозная власть была в руках царей, однако бесконтрольно пользоваться ею могли только те, которые были популярны вследствие своих больших дарований или постоянно сопутствующего им счастья. Во всяком случае из практики того времени нельзя привести ни одного довода в пользу того, что верховная власть в вопросах религии не была в руках царей, разве только мы будем полагать, что она была в руках пророков, и из того факта, что ответ на свою молитву Господу перед херувимами Езекия получил не оттуда и не тогда же, а лишь позже через пророка Исайю, будем заключать, что Исайя был высшей главой церкви, или из того факта, что Иосия вопрошал пророчицу Олдаму относительно книги Закона, будем заключать, что ни сам Иосия, ни первосвященник, а лишь пророчица Олдама имела верховную власть в вопросах религии. Но так, я думаю, не полагает ни один ученый.

После плена евреи не установили государства. В эпоху плена евреи совершенно не имели государства, а после их возвращения из плена хотя завет с Богом и был возобновлен, но со стороны народа не было дано обещания повиновения ни Ездре, ни кому-либо другому. И так как вскоре после этого они подпали под власть греков (и позаимствовали от них обычаи, демонологию и учение кабалистов [15], так что их собственная религия была искажена), то в результате ни в отношении государственного управления, ни в вопросах религии нельзя разобраться, кому принадлежала верховная власть. Вот почему мы можем заключить на основании Ветхого завета, что всякое лицо, имевшее у евреев верховную власть в государстве, имело также верховную власть в вопросах религиозного культа и представляло лицо Бога, т. е. Бога-Отца, хотя Бог не назывался Отцом до того времени, пока он не послал в мир своего сына Иисуса Христа, чтобы искупить грехи человеческого рода и ввести людей в свое вечное царство для их вечного спасения. Но об этом мы будем говорить в следующей главе.

ГЛАВА XLI

О МИССИИ НАШЕГО СВЯТОГО СПАСИТЕЛЯ

Троякого рода миссия Христа. Мы находим в Священном писании троякого рода *миссию Мессии*. Во-первых, он *Искупитель*, или *Спаситель*; во-вторых, он *пастырь, советник*, или *учитель*, т. е. пророк, посланный Богом, чтобы обратить тех, кого Бог избрал для спасения; в-третьих, он *царь, вечный царь*, но под владычеством своего Отца, подобно тому как в свое время были Моисей и первосвященники. Этим трем задачам соответствуют три разные эпохи. Ибо акт нашего искупления он совершал при своем первом пришествии, когда принес себя в жертву за наши грехи смертью на кресте. Ради нашего обращения он трудился отчасти в свое время самолично, отчасти трудится теперь через своих служителей и будет трудиться до своего второго пришествия. А после второго пришествия начнется его славное царствование над своими избранными, которое будет продолжаться вечно.

Его миссия искупителя. Свою миссию искупителя, т. е. того, кто платит выкуп за грех (каковым выкупом является смерть), Христос выполнил тем, что пожертвовал собой и этим взял на себя наши беззакония и очистил нас от них так, как этого требовал Бог. Это не значит, что по правилам строгого правосудия смерть одного человека, хотя бы и безгрешного, может дать удовлетворение за грехи всех людей. Это совершилось лишь по милосердию Бога, установившего такие искупительные жертвы за грехи, какие ему в его милосердии угодно было принять. По старому закону (как это можно прочесть в кн. Лев. 16) Господь требовал, чтобы каждый год один раз была принесена очистительная жертва за грехи всего Израиля, как священников, так и остальных его сынов. Для этого Аарон должен был приносить тельца в жертву за грехи — за себя и за священников. А за остальной народ он должен был получить от сынов израилевых двух козлят, из коих он должен был *принести в жертву* лишь одного. Что же касается другого, который был *козлом отпущения*, то Аарон должен был возложить обе руки на голову его и, исповедав над ним все беззакония народа, переложить их на голову козла, отослать его с нарочным в пустыню и *пустить* там, дабы он унес на себе все грехи народа. Подобно тому как принесение в жертву одного козла было достаточным (потому что приемлемым для Бога) выкупом за грехи всего Израиля, точно так же

и смерть Мессии является достаточной ценой за грехи человеческого рода, ибо больше этого Бог не требовал. Здесь как бы изображаются страдания нашего Спасителя Христа, точно так же как в жертвоприношении Исаака и в других прообразах Христа в Ветхом завете. Ибо Он был одновременно и жертвенным козлом, и козлом отпущения: *Он истязуем был и страдал* (Ис. 53, 7)... *и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание и, как агнец перед стригущим его, безгласен, так Он не отверзал уст своих.* Тут Он является жертвенным козлом: *Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни* (ст. 4). И дальше (ст. 6): *Господь возложил на Него грехи всех нас.* Таким образом, Он здесь изображается *козлом отпущения* (ст. 8): *Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь* — здесь он опять является *жертвенным козлом.* И еще (ст. 11): *и грехи их на себе понесет*, он — *козел отпущения.* Агнец Божий, значит, равноценен этим козлам: Он принес себя в жертву своей смертью и явился козлом отпущения в своем воскресении, будучи вознесен своим Отцом и удален своим вознесением от обители людей.

Царство Христа не от мира сего. Так как *искупитель* не имеет права на то, *что́ он искупает*, до *искупления* и уплаты выкупа и так как этим выкупом была смерть искупителя, то очевидно, что наш Спаситель (как человек) не был царем искупленных им, до того как он претерпел смерть, т. е. в то время, пока Он странствовал по земле во плоти. Я говорю, что Он не был тогда царем фактически в силу завета, который верующие заключили с Ним при крещении. Однако возобновлением своего завета с Богом при обряде крещения верующие обязались повиноваться Христу как царю (царствующему под владычеством своего Отца) в любой момент, когда Ему угодно будет взять царство. В соответствии с чем сам Спаситель наш определенно говорит (Иоан. 18, 36): *Царство Мое не от мира сего.* Ввиду же того что в Писании упоминаются лишь два мира: тот, который существует ныне и который останется до Судного дня, называемого поэтому *последним днем*, и тот, который настанет после Судного дня, когда будут новое небо и новая земля,— то царство Христа должно наступить лишь после всеобщего воскресения. Именно об этом говорит наш Спаситель (Матф. 16, 27): *Придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его.* Воздать каждому по делам есть обязанность царя, и это будет выполнено не раньше, чем Он придет во

славе Отца своего с ангелами своими. Когда наш Спаситель говорит (Матф. 23, 2, 3): *На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте*, Он этим ясно объявляет, что приписывает царскую власть для того времени не себе, а им. То же самое утверждает Он там, где говорит (Лук. 12, 14): *Кто поставил Меня судить или делить вас?* и (Иоан. 12, 47): *Я пришел не судить мир, но спасти мир*. И однако же наш Спаситель пришел в мир, дабы быть царем и судьей в грядущем мире, ибо Он был Мессией, т. е. Христом, т. е. священником — помазанником Божиим и верховным пророком Бога, т. е. он был предназначен к тому, чтобы иметь всю власть, которой обладали пророк Моисей, его преемники — первосвященники и преемники первосвященников — цари. И апостол Иоанн говорит определенно (5, 22): *Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну*. И это не противоречит другому месту: *Я не пришел судить мир*, ибо последние слова относятся к настоящему миру, а предшествующие — к грядущему (Матф. 19, 28): *вы, последовавшие за Мною,— в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых*.

Цель пришествия Христа была возобновить завет о Царстве Божием, а также склонить к нему избранных. Это вторая его миссия. Но если, будучи на земле, Христос не имел царства в этом мире, то какова же была цель Его первого пришествия? Этой целью было возвращение Богу путем Нового завета царства, которое принадлежало Ему на основании Ветхого завета и которого Он лишился из-за бунта израильтян при избрании Саула. С этой целью Он должен был проповедовать им, что Он является *Мессией*, т. е. царем, обещанным им пророками, и принести себя в жертву за грехи тех, кто своей верой выразил бы покорность Ему, и, если бы народ в целом отверг Его, призвать к покорности таких, кто поверил бы в Него среди язычников. Перед нашим Спасителем во время Его пребывания на земле были, таким образом, две задачи: первая — объявить себя Христом, а вторая — учением и чудесами убедить и подготовить людей жить так, чтобы быть достойными того бессмертия, которое должно стать уделом верующих с момента, когда Спаситель придет в славе своей, чтобы владеть Царством Отца своего. Вот почему Иисус сам часто называет время своего проповедования *возрождением*. Однако это не было восстановлением Царства в собственном смысле и призывом к отказу от повиновения существовавшим тогда

властям — ибо Он заповедал повиноваться тем, кто сидел на Моисеевом седалище, и воздать кесарю кесарево,— а лишь залогом долженствующего наступить Царства Божия для тех, кого Бог наделил благодатью быть Его последователями и верить в Него. Вот почему о праведниках говорится, что они уже находятся в *Царстве Благодати* как введенные в Царство Небесное.

Проповедь Христа не противоречила тогда ни законам евреев, ни законам римских императоров. Поэтому в этот период Христос не делал и не проповедовал ничего такого, что клонилось бы к умалению гражданской власти евреев или римского императора. Ибо что касается государства, существовавшего тогда среди евреев, то и власть имущие, и управляемые одинаково ждали Мессии и Царства Божия. А этого не могло бы быть, если бы законы данного государства запрещали Мессии при пришествии открыться и провозгласить себя. А так как Христос проповедью и творением чудес стремился только доказать, что Он есть Мессия, то этим Он ничего не делал против законов еврейского государства. Царство, на которое Он претендовал, должно было быть в другом мире, а до наступления этого Царства Он учил всех людей повиноваться тем, кто сидел на Моисеевом седалище. Он разрешил им платить подати римскому императору и отказался от роли судьи. Каким же образом могли Его слова или действия оказаться мятежными и склонять к низвержению существовавшего тогда гражданского образа правления? Но Господь, предопределивший жертвоприношение Христа в целях приведения своих избранных в обетованное ими раньше повиновение, использовал злобу и неблагодарность евреев в качестве средства для приведения в исполнение этого решения. Точно так же Христос не делал ничего противного законам римского императора. Ибо хотя сам Пилат, чтобы угодить евреям, предал его для распятия, однако, прежде чем это сделать, он открыто заявил, что не признает за ним никакой вины. И в качестве основания для осуждения он указал не то, что требовали евреи, а именно что *Христос выдавал себя за царя*, а просто, *что он был царем иудейским*, и, несмотря на их протест, Пилат отказался изменить это основание, говоря: *То, что я написал, я написал.*

Третья часть его миссии — стать царем избранных после Бога, своего Отца. Что же касается третьей части миссии Христа, а именно Его назначения быть *царем*, то я уже показал, что Его Царство должно было наступить лишь после воскресения. Но тогда Он будет царем не толь-

ко как Бог, в каковом смысле Он уже является и всегда будет царем над всей землей в силу своего всемогущества, но также в особенности царем своих избранных в силу завета, заключенного с ними при крещении. Вот почему наш Спаситель и говорит (Матф. 19, 28), что Его апостолы сядут на двенадцати престолах судить двенадцать колен израилевых, *когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей*, чем Он обозначил, что будет тогда царствовать в своей человеческой природе. Последнее явствует также из Евангелия от Матфея (16, 27): *ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его.* То же мы можем прочесть и в Евангелии от Марка (13, 16 и 14, 62), а более определенно в Евангелии от Луки (22, 29, 30), где Иисус говорит: *Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство. Да ядите и пиете за трапезой Моею в Царстве Моем и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых.* Отсюда видно, что Царство Христа, завещанное Ему его Отцом, наступит не раньше, чем Сын Человеческий придет в славе своей и сделает своих апостолов судьями двенадцати колен израилевых. Но кое-кто может тут спросить: ввиду того что в Царстве Небесном не будет женитьбы, то разве люди будут тогда пить и есть, какого же рода ядение подразумевается здесь? Это объяснено нашим Спасителем (Иоан. 6, 27): *Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий.* Так что под ядением за трапезой Христа подразумевается вкушение от древа жизни, т. е. наслаждение бессмертием в Царстве Сына Человеческого. Из приведенных и многих других мест явствует, что царствование нашего Спасителя должно быть осуществлено Им в его человеческой природе.

Власть Христа в Царстве Божием подчинена власти Бога — его Отца. Кроме того, Он должен быть тогда полновластным царем или наместником Бога, своего Отца, каким был Моисей в пустыне и каковыми были первосвященники до воцарения Саула и цари после этого. Ибо одним из пророчеств в отношении Христа было, что он будет по своей миссии, как Моисей (Втор. 18, 18): *Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого, как ты, и вложу слова Мои в уста Его.* Это сходство с Моисеем сказывалось также в действиях нашего Спасителя во время Его земного странствования. Ибо, подобно тому как Моисей выбрал двенадцать вождей колен, которые должны были управлять под его властью, так же и наш Спаситель выбрал двенадцать апостолов, которые сядут на двенадцати тронах,

чтобы судить двенадцать колен израилевых. И как Моисей уполномочил семьдесят старейшин воспринять Дух Божий и пророчествовать народу, т. е. (как я раньше указал) говорить ему от имени Бога, так и наш Спаситель назначил семьдесят учеников, чтобы проповедовать всем народам его Царство и спасение. И подобно тому как Моисей, когда ему пожаловались на тех из 70 старейшин, которые пророчествовали в стане Израиля, оправдал их, так как они подчинялись его власти, так и наш Спаситель, когда апостол Иоанн пожаловался ему на человека, именем Христа изгоняющего бесов, оправдал этого человека, сказав (Лук. 9, 50): *Не запрещайте, ибо кто не против нас, тот за нас.*

Сходство с Моисеем сказывается у нашего Спасителя, кроме того, в установлении *таинств*: как таинства *допущения* в Царство Божие, так и таинства, долженствующего служить напоминанием об освобождении избранных им от их бедственного состояния. Подобно тому как сыны Израиля имели до эпохи Моисея в качестве таинства, знаменовавшего их принятие в Царство Божие, обряд *обрезания*, который был отменен в период их странствования в пустыне и восстановлен, как только они пришли в обетованную землю, точно так же имели евреи до пришествия Христа обряд *крещения*, т. е. обряд омовения водой всех тех язычников, которые принимали бога Израиля. Этот обряд св. Иоанн Креститель использовал при принятии всех признавших Христа, чей приход в мир он проповедовал; и наш Спаситель установил тот же самый обряд в качестве таинства, которое должно было быть принято всеми, кто уверовал в Него. Каким образом возник обряд крещения, в Писании не указано. Однако можно думать, что он возник как подражание закону Моисея относительно проказы. На основании этого закона прокаженный должен был быть на определенное время удален из стана, и по истечении этого времени, если священник объявлял его чистым, он должен был быть допущен в стан после торжественного обряда омовения. Этот обряд мог поэтому послужить прообразом для обряда омовения при крещении, при котором люди, очистившиеся верой от проказы греха, принимались в церковь после торжественного обряда крещения. Имеется еще другое предположение, а именно что этот обряд позаимствован из церемоний, практиковавшихся язычниками в одном редком случае. Дело в том, что если человек, которого считали мертвым, вдруг пробуждался к жизни, то другие люди боялись входить с ним в общение, как они боялись бы общаться с привидением, если мнимый покой-

ник не был снова принят в общество людей через обряд омовения, подобно тому как дети омывались от нечистот их рождения, так что указанный обряд символизировал как бы вторичное рождение. Вполне вероятно, что эта церемония, существовавшая у греков в то время, когда Иудея была под властью Александра и его греческих преемников, могла проникнуть в религию евреев. Однако так как невероятно, чтобы наш Спаситель поддерживал языческий обряд, то наиболее вероятно предположение, что обряд крещения возник из обычной церемонии омовения после проказы. А что касается другого таинства — вкушения *пасхального ягненка*, то ему, очевидно, подражали в таинстве *тайной вечери*, когда разламывание хлеба и разливание вина имели целью сохранить в памяти наше избавление благодаря страданиям Христа от бедствий греха, подобно тому как вкушение пасхального ягненка имело целью сохранить в памяти евреев их избавление от египетского рабства. Так как власть Моисея была подчиненной и он был лишь наместником Бога, то из этого следует, что и Христос, власть которого как человека должна была быть равна власти Моисея, был подвластен своему Отцу. Это яснее всего выражено в том, что Он учил нас молиться: *Отче наш, да приидет царствие Твое* и *ибо тебе принадлежит царство, власть и слава*,— и в том, что сказано, что *Он придет во главе Отца Своего*, и в том, что говорит апостол Павел (1 Коринф. 15, 24): *А затем конец, когда Он предаст царство Богу и Отцу*,— и во многих других, более ясных местах.

Один и тот же Бог — лицо, представленное Моисеем и Христом. Наш Спаситель поэтому как в своей проповеди, так и в своем царствовании представляет, подобно Моисею, личность Бога. И лишь начиная с того времени, но не раньше Бог называется Отцом, и, оставаясь одной и той же субстанцией, Он является одним лицом, поскольку представлен Моисеем, и другим лицом, поскольку представлен своим Сыном Христом. Ибо понятие «лицо» соотносительно с понятием «представитель», и, следовательно, при наличии многих представителей имеется много лиц, хотя и одной и той же субстанции.

ГЛАВА XLII

О ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ

Для понимания того, что такое церковная власть и кому она принадлежит, следует различать с момента вознесения нашего Спасителя два периода: один — до обращения в христианство королей и лиц, облеченных верховной гражданской властью, и второй — после их обращения. Ибо много времени протекло с момента вознесения до того, как какой-либо король или гражданский суверен принял и разрешил публично проповедовать христианскую религию.

О Духе Святом, снизошедшем на апостолов. Что касается промежуточного между ними времени, *церковная власть*, очевидно, находилась тогда в руках апостолов, а после них — в руках тех, кого апостолы назначили, чтобы проповедовать Евангелие, обращать людей в христианство и направлять обращенных по пути спасения; а после них церковная власть опять была передана другим назначенным их предшественниками, причем это делалось путем возложения рук на тех, кто был назначен. Возложением рук обозначалось наделение Святым, или Божиим, Духом тех, кого посвящали в сан служителей Бога, призванных ускорить Его Царство. Возложение рук, таким образом, означало лишь удостоверение данного им поручения проповедовать Христа и распространять Его учение. А наделение Святым Духом путем церемонии возложения рук было лишь подражанием тому, что сделал Моисей. Ибо Моисей употребил ту же церемонию по отношению к своему служителю Иисусу Навину, как мы это читаем (Втор. 34,9): *...потому что Моисей возложил на него руки свои.* Наш Спаситель поэтому в промежутке между своим воскресением и вознесением дал свой Дух апостолам (Иоан. 20, 22), дунув на них и сказав: *примите Духа Святого*, а после своего восшествия (Деян. 2, 2, 3), послав на них *сильный ветер* и *разделяющиеся огненные языки*, а не возложив руки на них, точно так же как и Бог не возложил своих рук на Моисея. Апостолы же впоследствии передавали тот же Дух путем возложения рук по образу того, как это делал Моисей по отношению к Иисусу Навину. Таким образом, отсюда ясно, в чьих руках преемственно оставалась церковная власть в те времена, когда не было никакого христианского государства, а именно в руках тех, кто принял эту власть из рук апостолов путем преемственного возложения рук.

О Святой Троице. Мы имеем здесь лицо Бога представленным в третий раз. Ибо, подобно тому как Моисей и первосвященники были представителями Бога в Ветхом завете, а сам наш Спаситель — как человек в период его земного странствования, точно так же представлял Бога с тех пор Святой Дух, т. е. апостолы и их преемники в проповедовании и распространении учения Христа, получившие Святой Дух. Но лицом является (как я показал раньше, в главе XIII) тот, кого представляют, и так часто, как часто его представляют; поэтому о Боге, который был трижды представлен (т. е. олицетворяем), можно с полным основанием говорить, что Он в трех лицах, хотя ни названия *лица*, ни названия *Троицы* не приписывается ему в Библии. Апостол Иоанн, правда, говорит (1 Иоан. 5, 7): *Три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух, и Сии три суть едино.* Но это не расходится, а вполне согласуется с тремя лицами согласно собственному смыслу слова «лицо», обозначающего того, кто представляется другим. Таким образом, Бог-Отец, представляемый Моисеем, есть одно лицо, а представляемый его Сыном — другое лицо, а представляемый апостолами и отцами церкви, учившими на основании полномочий, полученных от апостолов,— третье лицо, и тем не менее каждое лицо здесь есть лицо одного и того же Бога. Но кто-нибудь спросит здесь: о чем свидетельствовали эти трое? Поэтому апостол Иоанн говорит нам, что свидетельство это состояло в том, что *Бог даровал нам жизнь вечную в Сыне своем.* Опять если бы кто-нибудь спросил, чем Бог засвидетельствовал это, то легко ответить, ибо Бог удостоверил это чудесами, творимыми Им сначала через Моисея, затем через своего Сына и, наконец, через своих апостолов, исполнившихся Святого Духа, ибо все они каждый в свое время представляли лицо Бога, или пророчествовали, или проповедовали Иисуса Христа. Что касается апостолов, то основная задача апостольства у двенадцати первых и великих апостолов заключалась в том, чтобы свидетельствовать о воскресении Христа, как это ясно видно из тех слов, которые употребляет апостол Петр, когда надо было выбрать нового апостола на место Иуды Искариота (Деян. 1, 21, 22): *Надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его.* Эти слова объясняют, в чем заключается то свидетельство, о котором говорит апостол Иоанн. В том послании Иоанна

упоминается другое тройное свидетельствование на земле. Ибо он говорит (1, 5, 8): *Три свидетельствуют на земле: дух, вода* и *кровь, и сии три об одном*, т. е. благодать Духа Божиего и два таинства, крещение и тайная вечеря, которые свидетельствуют об одном, чтобы внушить верующим уверенность в вечной жизни. Об этом свидетельстве тот же апостол говорит (ст. 10): *Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом.* В этой Троице на земле единство не заключается в самой вещи, ибо дух, вода и кровь не являются той же субстанцией, хотя они свидетельствуют об одном. Но в небесной Троице лица суть лица одного и того же Бога, хотя и представленного в три разных периода и в трех разных случаях. Заключаем. Учение о Троице, поскольку его можно вывести непосредственно из Писания, сводится по существу к тому, что Бог, который всегда один и тот же, был лицом, представленным Моисеем, лицом, представленным его Сыном во плоти, и лицом, представленным апостолами. Представленный апостолами Бог есть тот Святой Дух, которым они говорили; представленный своим Сыном, который был Богом и человеком, Бог есть Бог-Сын, а представленный Моисеем и первосвященниками Бог есть Отец, т. е. Отец нашего Господа Иисуса Христа. Из сказанного можно понять, почему имена *Отец, Сын* и *Святой Дух* никогда не употребляются в Ветхом завете для обозначения божества. Дело в том, что они являются лицами, имена которых обусловлены представительством, чего не могло быть до того, пока разные люди не представляли лицо Бога в управлении, или руководстве, под его владычеством.

Таким образом, мы видим, что наш Спаситель оставил церковную власть апостолам и что последние в целях лучшего осуществления этой власти были наделены Святым Духом, который поэтому называется иногда в Новом завете paracletus, что означает *помощник*, хотя обыкновенно переводится словом *утешитель*. Рассмотрим теперь, в чем заключается сама эта власть и над кем она осуществляется.

Церковная власть является лишь властью поучать. Кардинал Беллармин в своей третьей книге [16], посвященной общим спорным вопросам, затрагивает очень многое, касающееся церковной власти римского папы, и начинает с обсуждения того, должна ли эта власть быть монархической, аристократической или демократической. Все эти виды власти суть власть верховная и принудительная. Если же теперь оказалось бы, что нашим Спасителем не оставлено апостолам и их преемникам никакой принудительной

власти, а лишь власть провозглашать Царство Христа и убеждать людей подчиниться ему и правилами и добрыми советами учить людей, признавших Царство Христа, тому, что они должны делать, чтобы быть принятыми в Царство Божие, когда оно наступит,— одним словом, если оказалось бы, что апостолы и другие служители Евангелия являются нашими учителями, а не нашими повелителями, а их правила являются не законами, а спасительными советами, тогда весь этот спор оказался бы беспредметным.

Довод в пользу этого — характер власти самого Христа. Я уже доказал (в предыдущей главе), что Царство Христа не от мира сего. Поэтому никто из его служителей, если он не король, не может требовать повиновения его именем. Ибо если верховный царь не имеет царской власти в этом мире, то по какому же праву могут требовать повиновения его чиновники? *Я посылаю вас так, как послал меня Отец* (так говорит наш Спаситель). Но до Судного дня наш Спаситель был послан не с тем, чтобы царствовать во всем своем величии, и не как наместник его Отца, а лишь с тем, чтобы убедить евреев вернуться в Царство его Отца и пригласить язычников принять это Царство.

Название: не царствование, а возрождение. Время между восшествием Христа и всеобщим воскресением названо не царствованием, а возрождением, т. е. приготовлением людей ко второму пришествию Христа во славе в день Суда, как это явствует из слов нашего Спасителя (Матф. 19, 28): *вы, последовавшие за Мною,— в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах*; и апостол Павел (Ефес. 6, 15): *и обув ноги в готовность благовествовать мир.*

Сравнения: с рыболовством, закваской, сеянием. И дело апостолов сравнивается нашим Спасителем с рыболовством, т. е. их дело заключается в том, чтобы побудить людей к повиновению не принуждением и наказанием, а убеждением. И поэтому наш Спаситель говорит своим апостолам, что он их сделает не нимвродами — *охотниками людей, а рыболовами людей* [17] Он сравнивает их дело также с заквашиванием, с сеянием семян и с умножением горчичных зерен. Все эти сравнения исключают всякое представление о принуждении, и, следовательно, для указанного времени не может быть речи о действительном царствовании. Дело служителей Христа есть благовествование, т. е. провозглашение Христа и подготовление к его второму пришествию, как благовествование Иоанна Крестителя было подготовлением к его первому пришествию.

Сама природа веры. Кроме того, задача служителей Христа в этом мире — побудить людей верить и иметь веру в Христа. Вера же не имеет отношения к принуждению и приказаниям и зависит совершенно не от них, а исключительно от достоверности или вероятности аргументов, исходящих из разума или выведенных из того, во что люди уже веруют. Вот почему служители Христа в этом мире на основании своего титула не имеют никакой власти наказывать людей за неверие или за то, что они противоречат их словам. Я говорю, что они не имеют права наказывать их на основании своего титула служителей Христа, но, если служители обладают верховной гражданской властью на основании государственно-правового установления, тогда они действительно имеют право наказывать за всякое противодействие их законам. И апостол Павел определенно говорит о себе самом и о других тогдашних проповедниках Евангелия (2 Коринф. 1, 24): *...будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей.*

Верховную власть Христос оставил гражданским государям. Другим аргументом в пользу того, что служители Христа не имеют права приказывать в существующем ныне мире, может служить то обстоятельство, что Христос признал законной власть всех суверенов, как исповедующих христианскую религию, так и не исповедующих ее. Апостол Павел говорит (Колос. 3, 20): *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу.* А также (ст. 22): *Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога.* Это говорится тем, чьи повелители не были верующими, и тем не менее им приказано подчиняться повелителям «во всем». И опять, увещевая быть покорными *высшим властям*, апостол Павел говорит (Рим. 13, первые шесть стихов): *существующие же власти от Бога установлены, и надобно повиноваться им не только из страха наказания, но и по совести.* Об этом же говорит и апостол Петр (1 Пет. 2, 13—15): *Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро; ибо такова есть воля Божия.* И опять св. Павел (Тит 3, 1): *Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям.* Все эти цари и власти, о которых говорят апостолы Петр и Павел, были неверными. Тем более обязаны мы повиноваться тем христианам, которых Бог установил суверенами над нами. Как же мы

можем в таком случае быть обязанными повиноваться какому-нибудь служителю Христа, который приказал бы нам делать нечто противоречащее повелению монарха или какого-нибудь другого верховного представителя государства, членами которого мы являемся и от главы которого мы ждем защиты? Ясно поэтому, что Христос не предоставил своим служителям в этом мире никакой власти приказывать другим людям, за исключением того случая, когда эти служители облечены также гражданской верховной властью.

Как могут поступать христиане, чтобы избежать гонений. Но как быть в том случае (может кто-нибудь возразить), если какой-нибудь царь, или сенат, или другой суверен запретит нам верить в Христа? На ато я отвечаю, что такое запрещение останется безрезультатным, ибо вера и безверие никогда не следуют человеческим приказаниям. Вера есть дар Божий, которого никто не может ни дать, ни отнять обещанием награды и угрозой пыток. И если дальше спросят: а как быть, если наш законный суверен прикажет нам сказать вслух, что мы не верим в Христа, обязаны ли мы повиноваться этому приказанию? На этот возможный вопрос я отвечаю следующее: исповедание языком есть лишь внешнее действие и имеет значение не больше, чем всякий другой жест, которым мы выражаем свою покорность и в отношении которого христианин, непоколебимо верующий в Христа, имеет ту же свободу, которую пророк Елисей предоставил сириянину Нееману: Нееман признал в душе Бога Израиля, ибо он говорит (4 Цар. 5, 17, 18): *Не будет впредь раб твой приносить всесожжения и жертвы другим богам, кроме Господа; только вот в чем да простит Господь раба твоего: когда пойдет господин мой в дом Риммона для поклонения там и опрется на руку мою, и поклонюсь я в доме Риммона, то да простит Господь раба твоего в случае сем.* И это пророк одобрил и сказал ему: *Иди с миром.* Тут Нееман уверовал в душе своей, но, поклоняясь идолу Риммону, он фактически отрицал истинного Бога, как если бы он отрекся от него устами. Но как быть тогда со словами нашего Спасителя: *Всякого отринувшего меня перед людьми я отрину перед моим Отцом, который на небе*? На это мы можем сказать, что все, что подданный, каким был Нееман, вынужден делать из повиновения своему суверену, и все, что он делает не по собственному побуждению, а повинуясь законам своей страны,— всякое такое деяние является деянием не подданного, а его суверенов, и не подданный отрицает в этом случае Христа перед

людьми, а его правитель и закон его страны. И если кто-нибудь бросит мне обвинение в том, что это учение противоречит истинному и неподдельному христианству, то я спрошу его, как должен был бы поступить, по его мнению, подданный христианского государства, исповедующий в душе магометанскую религию, в том случае, если бы его суверен приказал ему под угрозой смертной казни присутствовать при богослужении в христианской церкви? Думает ли мой воображаемый противник, что магометанство обязывает по совести этого подданного претерпеть, скорее, смерть, чем повиноваться приказанию его законного суверена? Если он скажет, что указанный подданный должен, скорее, претерпеть смерть, то он этим дает право всем частным лицам не повиноваться своим суверенам в тех случаях, когда приказания этих суверенов сталкиваются с интересами их религий, истинных или ложных. Если же мой обвинитель скажет, что подданный в приведенном случае обязан повиноваться, он признает за собой право, которое отрицает за другим, что противоречит словам нашего Спасителя: *Поступайте по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы они поступали по отношению к вам,*— и противоречит также естественному закону (который есть несомненный вечный закон Бога), гласящему: *Не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе.*

О мучениках (martyrs). Но что мы тогда скажем о тех мучениках [18], о которых читаем в истории церкви, неужели что они без всякой нужды пожертвовали своей жизнью? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны среди людей, преданных смерти за их верования, различать тех из них, которые были призваны открыто проповедовать и исповедовать Царство Христа, и тех, которые не имели такого призвания, и от них требовалось не больше чем их личная вера. Первая категория мучеников, в тех случаях когда они предавались смерти за свидетельство о том, что Иисус Христос воскрес из мертвых, были истинными мучениками. Ибо *мученик* (если давать правильное определение этому слову) есть свидетель воскресения Иисуса-мессии, а таковыми могли быть лишь общавшиеся с ним на земле и видевшие его воскресшим. Ибо свидетель должен был видеть то, о чем свидетельствует, в противном случае его свидетельство несостоятельно. А что только такие могут быть, собственно, названы свидетелями о Христе, явствует из слов апостола Петра (Деян. 1, 21, 22): *Итак, надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начи-*

ная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его. Отсюда мы можем заключить, что свидетелем истинности воскресения Христа, т. е. истинности основного догмата христианской религии, а именно что *Иисус есть Христос*, может быть лишь ученик, общавшийся с Христом и видевший его до и после воскресения; следовательно, может быть лишь один из его первоначальных учеников, между тем как те, кто не обладает этими данными, могут лишь свидетельствовать то, что говорили их предшественники, и являются поэтому лишь свидетелями свидетельства других людей и посему лишь мучениками второй степени, или мучениками свидетелей о Христе.

Тот, кто наперекор законам или власти гражданского государства поддерживает учение, которое он или сам создал на основании истории жизни нашего Спасителя или деяний и посланий апостолов, или принял на веру, подчинившись авторитету частного лица, очень далек от того, чтобы быть мучеником Христа или мучеником его мучеников. Есть лишь один догмат — принятие смерти, за который заслуживают почетное имя мученика, и этот догмат есть то, что Иисус есть Христос, т. е. тот, который искупил нас и придет снова, чтобы дать нам спасение и вечную жизнь в своем Царстве Славы. Не требуется умирать за всякий догмат, служащий честолюбию или выгоде духовенства. И не смерть свидетеля, а само свидетельство делает мученика. Ибо это слово означает лишь человека, который свидетельствует независимо от того, предан ли он смерти за свое свидетельство или нет.

Точно так же не обязан претерпеть смерть за свое дело человек, который не послан проповедовать основной догмат христианства, а берет это на себя по своей собственной инициативе, хотя бы он был свидетелем и, следовательно, мучеником или самого Христа, или его апостолов, учеников или их преемников, ибо так как он не был призван к этому, то от него этого и не требуется, и он не должен жаловаться, если теряет награду, ожидаемую от тех, кто никогда не поручал ему дела. Не могут быть поэтому мучениками ни первой, ни второй степени те, кто не имеет полномочий проповедовать пришествие Христа во плоти, т. е. никто, кроме тех, кто послан, чтобы обратить неверных. Ибо никто не может быть свидетелем для того, кто уже верит, а потому и не нуждается в свидетеле, а лишь для того, кто отрицает, или сомневается, или не слышит того, о чем свидетельствуют. Христос послал своих апостолов и семьдесят учеников,

дав им полномочия проповедовать, но он не послал всех верующих. И он послал апостолов и учеников к неверующим. *Я посылаю вас,*— говорит он (Лук. 10, 3),— *как агнцев среди волков*, а не как агнцев к другим агнцам.

Доказательство на основании пунктов их поручения. Наконец, в пунктах их поручения, как они ясно изложены в Евангелии, нигде не говорится о власти над собранием верующих.

Проповедовать. Мы читаем прежде всего (Матф. 10, 67), что двенадцать апостолов были посланы *к погибшим овцам дома Израилева* и что им указано было проповедовать, что *приблизилось царство небесное*. Однако в своем первоначальном значении слово *проповедь* означает действие глашатая, герольда или другого должностного лица при провозглашении короля. Но глашатай не имеет права приказывать кому-либо. И семьдесят учеников были посланы, ибо *жатвы много, а делателей мало* (Лук. 10, 2), и им было приказано говорить (ст. 9): *Приблизилось к вам Царство Божие*. Под Царством же тут подразумевается не Царство Благодати, а Царство Славы, ибо им приказано было предсказать (ст. 11, 12) в качестве угрозы тем городам, которые не примут их, *что Содому в день оный будет отраднее, нежели городу такому*. И (Матф. 20, 28) наш Спаситель говорил своим ученикам, добивавшимся первенства, что они должны быть слугами, *так как и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить*. Задача проповедников, таким образом, не властвовать, а служить: *и не называйтесь наставниками,*— говорит наш Спаситель (Матф. 23, 10),— *ибо один у вас Наставник — Христос*.

И учить. Второй пункт их поручения — *учить все народы* согласно тому, как говорится в Евангелии от Матфея (28, 19), или в Евангелии от Марка (16, 15): *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари*. Учение и проповедование поэтому есть одно и то же. Ибо те, кто провозглашает пришествие царя, должны одновременно (если желают, чтобы люди подчинились ему) объяснить, по какому праву он приходит. Так апостол Павел поступил по отношению к фессалоникским евреям, когда он (Деян. 17, 2, 3) три *субботы говорил с ними из Писания, открывая и доказывая, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что сей Иисус есть Христос*. Но учить на основании Ветхого завета, что Иисус есть Христос, т. е. Царь, и воскрес из мертвых,— не значит сказать, что люди, поверившие этому, обязаны повиноваться тем, кто

говорит им так вопреки законам и повелениям их суверенов. Наоборот, это значит, что уверовавшие в Христа поступят разумно, если будут с терпением и верой ждать следующего пришествия Христа, повинуясь пока своим нынешним властям.

Крестить. Следующий пункт их поручения есть *крещение во имя Отца, Сына и Святого Духа.* Что такое крещение? Погружение в воду. Но что значит погрузить человека в воду во имя чего-нибудь? Смысл этих слов следующий: тот, кто крещен, погружается или омывается в знак того, что он стал новым человеком и верноподданным того Бога, чье лицо в древние времена, когда он царствовал над евреями, было представлено Моисеем и первосвященниками, а также подданным его Сына — богочеловека Иисуса Христа, который искупил грехи наши и после воскресения будет представлять в своей человеческой природе лицо своего Отца в его Вечном Царстве. Обряд крещения означает также, что крещеный признает единственным и верным путем в Царство Божие учение апостолов, которые, исполненные Святого Духа Отца и Сына, были оставлены в качестве руководителей, чтобы привести нас туда. Так как это наше обетование при крещении и так как власть земных суверенов не должна быть упразднена до Судного дня (ибо это ясно утверждается апостолом Павлом в 1 Коринф. 15, 22—24): *Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу,*— то отсюда ясно, что мы обрядом крещения не устанавливаем над собой другой власти, долженствующей управлять нашими внешними действиями в этой жизни, а обещаем принять учение апостолов как руководство по пути к вечной жизни.

И прощать, и отпускать грехи. Власть *отпущения* и *неотпущения грехов*, называемая также властью *разрешать и связывать*, а иногда — *ключами Царства Небесного*, является следствием власти крестить или отказать в крещении. Ибо крещение есть таинство, символизирующее верноподданство тех, кто должен быть принят в Царство Божие, т. е. в вечную жизнь, т. е. получить отпущение грехов. Ибо, подобно тому как вечная жизнь была утеряна из-за грехопадения, она должна быть снова найдена путем отпущения грехов. Целью крещения является отпущение грехов. Поэтому, когда те, кто был обращен проповедью апостола

Петра в день Пятидесятницы, спросили его, что им делать, он посоветовал им (Деян. 2, 38) *покаяться и быть крещенными во имя Иисуса ради отпущения грехов*. Так как крестить означает объявить о принятии людей в Царство Божие, а отказать в крещении — значит объявить об их исключении, то отсюда следует, что власть объявить людей извергнутыми из Царства Божия или оставленными в нем была дана тем же самым апостолам, их заместителям и преемникам. Вот почему, после того как наш Спаситель дунул на них, сказав (Иоан. 20, 22, 23): *Примите Духа Святого*, он прибавляет: *Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся*. Этими словами не пожалована безоговорочная и абсолютная власть прощать и оставлять грехи так, как прощает и оставляет их Бог, ведающий сердце человека и правду его покаяния и обращения. Этими словами дается апостолам лишь условная власть отпускать грехи покаявшимся. И это прощение или отпущение без всякого особого действия или решения отпускающего становится недействительным и не влечет за собой никакого спасения, а, наоборот, усугубляет грех в том случае, когда покаяние прощенного было притворным. Поэтому апостолы и их преемники должны сообразовываться с внешними проявлениями раскаяния. Если есть такие внешние проявления, они не имеют права отказать в отпущении грехов; если же таких признаков нет, они не имеют права отпускать. То же самое надо сказать и относительно крещения. Ибо обращенному еврею или язычнику апостолы не имеют права отказать в крещении, но они не имеют права крестить непокаявшегося. Однако ввиду того что человек может судить об искренности покаяния другого человека лишь по внешним признакам, а именно на основании его слов и действий, которые могут быть лицемерными, то возникает другой вопрос, а именно: кто же установлен судьей этих признаков? И этот вопрос решен самим нашим Спасителем (Матф. 18, 15—17): *Если же согрешит против тебя брат твой*,— говорит он,— *пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник или мытарь*. Из приведенных слов видно, что право судить об искренности или лицемерии покаяния принадлежало не отдельному человеку, а церкви, т. е. собранию верующих, или тем, кто имел полномочия быть их

представителями. Но кроме суждения необходимо еще произнесение приговора. Это право всегда принадлежало апостолу или какому-нибудь пастырю церкви как председателю собрания. Об этом председателе наш Спаситель говорит (ст. 18): *Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе.* В соответствии с этим находится практика апостола Павла (1 Коринф. 5, 3—5): *А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане во изможденье плоти, т. е. изгнать его из церкви как человека, чьи грехи нельзя простить.* Приговор об исключении из церкви грешника произносит апостол Павел, но собрание должно было предварительно слушать дело, так как апостол Павел отсутствовал, и, следовательно, признать грешника виновным. А что суд в таких вопросах был делом собрания верующих, еще более ясно выражено в 11-м и 12-м стихах той же главы: *Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе. Ибо, что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите?* Таким образом, приговор, согласно которому человек исключался из церкви, произносился апостолом или пастырем, но суждение о том, заслуживает ли подсудимый подобного наказания, имела церковь, т. е. (так как это было еще до обращения в христианство царей и людей, имевших верховную власть в государстве) собрание христиан, живущих в том же самом городе, например в Коринфе — собрание христиан Коринфа.

Об отлучении. Эта часть власти иметь ключи от Царства Божия, которой люди извергались из этого Царства, есть то, что называется *отлучением от церкви*, а отлучение от церкви в греческом оригинале обозначается словами ἀποσυνάγωγον ποιεῖν — *выбросить из синагоги*, т. е. из места, посвященного богослужению. Слово это позаимствовано из обычая евреев исключать из синагог тех, чьи порочные нравы или преступное учение они считали заразительными, подобно тому как прокаженные изымались по закону Моисея из собрания Израиля на все время, пока священник не объявит их чистыми.

Практика отлучения без помощи гражданской власти. Практика и последствия отлучения от церкви, пока это

отлучение не сопровождалось еще карами гражданской власти, заключались лишь в том, что те, кто не был отлучен, должны были избегать всякого общения с отлученными. Недостаточно было считать таких отлученных как бы язычниками, никогда не бывшими христианами. Ибо с язычниками христиане могли пить и есть вместе, между тем как с отлученными они этого не могли делать, как это явствует из слов апостола Павла (1 Коринф. 5, 9, 10 и далее), где он говорит им, что он раньше запретил им *общаться с блудниками*, но, так как этого нельзя было выполнить, не выходя из мира сего, он оставляет это запрещение по отношению к таким блудникам и порочным лицам, которые принадлежат к числу братьев. С *таким* они не должны общаться и даже *есть вместе*. И это не больше того, что говорит наш Спаситель (Матф. 18, 17): *То да будет он тебе как язычник или мытарь*. Ибо мытари, что значит откупщики и сборщики государственных доходов, были так ненавидимы и презираемы евреями, которые должны были платить им, что *мытари* и *грешники* были для них одно и то же; и когда наш Спаситель принял приглашение мытаря Закхея, то Ему это было вменено в преступление, хотя приглашение было принято с целью его обращения. Поэтому когда наш Спаситель к слову *язычник* прибавляет *мытарь*, то это значит, что Он запретил им есть вместе с отлученным человеком.

Однако запретить вход в синагогу, или место для собраний, мог только владелец этого помещения независимо от того, был ли это христианин или язычник. А поскольку по праву все помещения находились в верховной собственности государства, то как отлученные, так и некрещеные могли войти в них по поручению гражданской власти. Так, например, апостол Павел (Деян. 9, 2) до своего обращения входил по поручению первосвященника в синагоги в Дамаске, чтобы хватать христиан, мужчин и женщин, и, связав, отводить в Иерусалим.

Отлучение недейственно по отношению к вероотступнику. Выходит, таким образом, что в тех местах, где гражданская власть преследовала церковь или не оказывала ей содействия, отлучение от церкви не влекло за собой никакого вреда в этом мире и не имело ничего устрашающего для вероотступника. Ничего устрашающего, ибо такой вероотступник больше не верил; и никакого ущерба, ибо такие отступники вновь приобретали благоволение мира, а в грядущем мире они не должны были быть в худшем положении, чем те, кто никогда не был верующим. Ущерб скорее

получала церковь, побуждая отлученных к более открытому выявлению своих преступных намерений.

Но только по отношению к верующим. Отлучение от церкви поэтому оказывало свое действие лишь на тех, кто верил, что Иисус Христос должен прийти снова во славе, чтобы царствовать и судить как живых, так и мертвых, и что он поэтому не допустит в свое Царство тех, чьи грехи были оставлены, т. е. тех, кто был отлучен от церкви. Вот почему апостол Павел обозначает отлучение от церкви как передачу отлученного лица сатане. Ибо все другие царства, помимо Царства Христа, после Судного дня обозначаются общим именем царства сатаны. Вот чего боялись верующие все время, пока они были отлучены, т. е. пока они были в таком состоянии, когда их грехи не были отпущены. Отсюда мы можем заключить, что в то время, когда христианская религия еще не была признана гражданской властью, отлучение от церкви применялось исключительно для исправления нравов, а не ошибочных мнений. Ибо отлучение является наказанием, чувствительным лишь для верующих и ожидающих второго пришествия нашего Спасителя, чтобы судить мир; а те, которые и так верили, нуждались для своего спасения не в другом мнении, а лишь в праведной жизни.

За какие прегрешения накладывается отлучение от церкви. Основанием для отлучения от церкви служили: во-первых, учиненная кому-нибудь несправедливость, так, например (Матф. 18, 15), если согрешил против тебя брат твой, обличи его между тобой и им одним, затем — при свидетелях, наконец, скажи церкви, и если он и тогда не послушает, *тогда будет он тебе как язычник и мытарь;* во-вторых, порочная жизнь, так, например (1 Коринф. 5, 11), если *кто, называясь братом, остается блудником или лихоимцем, или идолослужителем, или пьяницей, или хищником, с таким даже и не есть вместе.* Но для отлучения от церкви человека, признающего основной догмат, а именно что *Иисус был Христом,* за инакомыслие в других пунктах, не затрагивающих этого основного догмата, Писание не дает никакого основания, и мы не находим у апостолов подобного примера. Правда, имеется место у апостола Павла (Тит 3, 10), которое как будто говорит против нашего утверждения: *Еретика после первого и второго вразумления отвращайся.* В самом деле, *еретик* — это тот, кто, будучи членом церкви, тем не менее проповедует некие частные взгляды, запрещенные церковью, и от такого человека апостол Павел советует Титу *отвращаться* после

первого и второго вразумления. Но *отвращаться* (здесь) — значит не отлучать от церкви, а *перестать его вразумлять, оставить его одного, перестать спорить с ним* как с человеком, который лишь сам может убедиться в ошибочности своих взглядов. Тот же апостол говорит (2 Тим. 2, 23): *От глупых и невежественных состязаний уклоняйся.* Словам *уклоняйся* в этом месте и *отвращайся* в первом в греческом оригинале соответствует один и тот же глагол παραιτοῦ. Глупые же состязания могут быть прекращены без всякого отлучения. И опять (Тит 3, 9): *Глупых состязаний удаляйся*, где выражение греческого оригинала περίϊστασο равнозначно прежнему *отвращайся.* Нет другого места, которое можно было бы использовать с таким, казалось бы, успехом в пользу отлучения от церкви верующих людей, признающих основной догмат христианства, лишь за отдельную собственную надстройку, к которой, может быть, побуждает их искреннее благочестие. Однако, напротив, все такие места, повелевающие избегать подобных споров, написаны как предписания пастырям (каковыми были Тимофей и Тит) не устанавливать новых догматов веры, не давать решения по всякому мелочному спору, ибо это повело бы к бесполезному обременению совести людей или к церковному расколу. Это предписание сами апостолы строго соблюдали. Между апостолом Петром и апостолом Павлом (как это можно прочесть в Гал. 2, 11) существовали большие расхождения во взглядах, и, однако, они не отлучали друг друга от церкви. Тем не менее уже во времена апостолов были другие пастыри, которые не соблюдали этого предписания. Так, например, Диотреф (3 Иоан. 9 и далее), любивший первенствовать, не принимал в церковь тех, кого сам апостол Иоанн считал должным принимать. Так рано проникли тщеславие и честолюбие в церковь Христа.

О лицах, подвергнутых отлучению от церкви. Для того чтобы человек мог быть подвергнут отлучению, требуются многие условия. Во-первых, он должен быть членом какой-нибудь общины, т. е. какого-нибудь законного собрания, иначе говоря, какой-нибудь христианской церкви, имеющей право суда по тому делу, за которое он должен быть отлучен. Ибо там, где нет общины, не может иметь места отлучение, а там, где нет права суда, нет права вынесения приговора.

Отсюда следует, что одна церковь не может быть отлучена другой. Ибо, если обе церкви имеют одинаковую власть отлучать друг друга, тогда отлучение является не наказанием и не действием власти, а расколом и прекраще-

нием милосердия. Если же одна из этих церквей подчинена другой так, что они вместе имеют один голос, тогда они составляют одну церковь, и отлученная часть не является больше церковью, а представляет собой разрозненное число отдельных лиц.

Так как приговор об отлучении означает совет не общаться и даже не есть вместе с отлученным, то, если отлученным является суверенный монарх или суверенное собрание, приговор недействителен. Ибо все подданные обязаны в силу естественного закона быть в обществе и в присутствии своего суверена, когда он этого требует, и не могут законным образом изгнать его из какого-либо обычного или священного места его владений, да и сами не могут без его разрешения оставить пределы его владений, и тем менее могут они отказаться есть вместе с ним, если он окажет им честь таким приглашением. А что касается других государей и государств, то они не принадлежат к той же пастве, что и отлученное государство, не нуждаются в особом приговоре, чтобы воздержаться от общения с ним. Ибо само установление государства таково, что, объединяя много людей в одно общество, оно в то же время изолирует одно сообщество от другого, так что не требуется никакого отлучения для того, чтобы разные короли и государства держались врозь, и ничего нового такое отлучение не вносит в существующие отношения между государствами, разве только подстрекает королей к войне друг против друга.

Отлучение не имеет также никакого значения для подданного христианина, повинующегося законам своего суверена, независимо от того, является ли последний христианином или язычником. Ибо если этот подданный верует, что *Иисус есть Христос, от Бога рожден* (1 Иоан. 4, 1), то *и Бог пребывает в нем, и он в Боге* (4, 15). Но тому, кто исполнен Духа Божия, кто пребывает в Боге и в ком пребывает Бог, отлучение от людей не может причинить никакого вреда. Поэтому, кто верует, что Иисус есть Христос, свободен от всех опасностей, угрожающих отлученным лицам. Тот же, кто не верует, не христианин. Поэтому истинный и непритворный христианин не подлежит отлучению. Точно так же не подлежит отлучению тот, кто лишь с виду исповедует христианство, до тех пор пока его лицемерие не обнаружится в его нравах, т. е. пока его поведение не окажется в противоречии с законами его суверена, которые суть правила поведения и повиноваться которым заповедали нам Христос и апостолы. В самом деле,

церковь может судить о нравах человека лишь по его внешним действиям, а эти действия лишь тогда противозаконны, когда они противоречат закону государства.

Если отлучению подвергаются чьи-либо отец, мать или хозяин, то детям не может быть запрещено общаться с ними и есть с ними вместе, ибо в большинстве случаев это значило бы обязать их вообще не есть вследствие отсутствия собственных средств к существованию; кроме того, это значило бы поощрять их к неповиновению своим родителям и хозяевам, что противоречит правилу апостолов.

Короче говоря, сила отлучения от церкви не простирается дальше той цели, ради которой апостолы и пастыри церкви получили свои полномочия от нашего Спасителя. Эта цель состояла в том, чтобы вести людей по пути спасения в грядущий мир не приказаниями и средствами принуждения, а поучением и руководством. Подобно тому как учитель какой-нибудь отрасли знания может оставить своего ученика, когда тот упорно пренебрегает преподанными ему правилами, но не может его обвинить в несправедливости, так как он никогда не обязывался ему повиновением, точно так и учитель христианства может оставить тех своих учеников, которые упорно ведут нехристианский образ жизни, но он не может сказать, что эти ученики совершают по отношению к нему несправедливость, ибо они не обязаны повиноваться ему. Учителю, который жалуется на такое поведение своих учеников как на несправедливость, можно ответить словами, которыми Бог ответил на аналогичную просьбу Самуила: *Не тебя они отвергли, но отвергли Меня* (1 Цар. 8, 7). Если поэтому отлучение от церкви не влечет за собой никаких кар со стороны гражданской власти, как, например, в случаях отлучения христианского государства или государя какой-нибудь иностранной властью, то оно безрезультатно и, следовательно, не должно оказывать никакого устрашающего действия. Слова fulmen excommunicationis *(молния отлучения от церкви)* впервые употреблены римским епископом, вообразившим себя царем царей, подобно Юпитеру, которого язычники сделали царем богов и изображали его в своих поэмах и картинах с молнией в руке, которой он поражает и наказывает гигантов, осмеливающихся отрицать его власть. Указанное представление было основано на двух его заблуждениях. Первое заключалось в утверждении, будто Царство Христа от мира сего, что противоречит словам нашего Спасителя *царство Мое не от мира сего.* Второе заблуждение заключалось в мнении,

будто он является наместником Христа, имеющим власть не только над собственными подданными, но и над всеми христианами мира; для этих притязаний в Писании нет никакого основания, обратное же будет нами доказано в надлежащем месте.

О толкователе Писания до того, когда гражданские суверены приняли христианство. Апостол Павел, придя в Фессалоники, где была еврейская синагога (Деян. 17, 2, 3), *по своему обыкновению вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, которого я проповедую вам.* Писаниями, о которых здесь говорится, были писания евреев, т. е. Ветхий завет. Люди, которым апостол Павел должен был доказывать, что Иисус есть Христос и воскрес из мертвых, были также евреями, которые уже верили, что эти писания есть Слово Божие. После этого некоторые из них уверовали (как это видно из ст. 4), а некоторые нет (как это видно из ст. 5). Но раз все они верили в писания, то почему они не все одинаково уверовали, а одни одобрили толкование апостолом Павлом цитируемых им писаний, другие же не одобрили, толкуя их каждый по-своему? Причина этого была следующая. Апостол Павел пришел к ним без официального поручения, и не с тем, чтобы повелевать, а дабы убедить. Для успешного выполнения этой задачи ему необходимо было или совершать чудеса, дабы Господними делами доказать слушателям свою божественную миссию, подобно тому как это делал Моисей перед израильтянами в Египте, или же умозаключением из уже принятого Писания доказать истину своего учения на основании Слова Божия. Но всякий, кто убеждает путем умозаключений из писаных принципов, делает того, кого он убеждает, судьей как смысла этих принципов, так и логической силы умозаключений из них. Если фессалоникские евреи не были этими судьями, то кто же другой мог быть судьей того, что апостол Павел выводил из Писания? Если сам апостол Павел, то зачем ему было приводить цитаты из Писания, чтобы доказать свое учение? Ему достаточно было бы в этом случае сказать: я нахожу то-то и то-то в Писании, т. е. в ваших законах, толкователем которых я являюсь как посланник Христа. Не было поэтому в данном случае такого толкователя Писания, толкование которого фессалоникские евреи обязаны были принять, и всякий мог верить или не верить в зависимости от того, насколько доводы казались ему соответствующими или не соответствующими смыслу

цитируемых мест. И вообще во всех случаях тот, кто доказывает что-нибудь, делает судьей своих доводов того, к кому он обращается с речью. А что касается, в частности, евреев, то им определенно (Втор. 17) было вменено в обязанность обращаться за решением всех трудных вопросов к священникам и судьям в Израиле, которые будут в те дни. Но здесь речь идет о евреях, которые еще не были обращены.

Для обращения язычников бесполезно было ссылаться на писания, в которые они не верили. Апостолы поэтому старались доводами разума доказать им нелепость идолопоклонства, а затем рассказами о жизни и воскресении Христа склонить их к вере в него. Так что здесь не могло быть никакого вопроса насчет полномочий в отношении толкования Писания, ибо никто из неверных, пока он неверный, не обязан следовать чьему бы то ни было толкованию какого-нибудь писания, за исключением толкования сувереном законов своей страны.

Рассмотрим теперь само обращение и посмотрим, что в нем было такого, что могло бы служить основанием такого обязательства. Обращаясь, люди склонялись лишь к вере в то, что проповедовали апостолы. А апостолы проповедовали лишь, что Иисус есть Христос, т. е. тот царь, который должен был спасти их и царствовать над ними вовеки в грядущем мире, и что он, следовательно, не мертв, а воскрес снова из мертвых, взошел на небо и придет снова в один день, чтобы судить мир (который также опять воскреснет, чтобы быть судимым) и воздать человеку по его делам. Никто из них не проповедовал, будто он сам или какой-нибудь другой апостол является таким толкователем Писания, что все те, кто стали христианами, обязаны принять их толкование как закон. Ибо толковать законы — значит принимать участие в управлении существующим царством, апостолы же управления не имели. Они тогда молились, и все другие пастыри церкви с тех пор молились: *Да приидет царствие твое* — и увещевали своих новообращенных повиноваться своим князьям-язычникам. Новый завет еще не был тогда опубликован одной книгой. Каждый из евангелистов был истолкователем собственного евангелия, и каждый апостол — собственного послания. А о Ветхом завете наш Спаситель сам говорит евреям (Иоан. 5, 39): *Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне.* Если бы он не думал, что им следует толковать писания, он бы не предлагал им почерпать оттуда доказательство того, что он есть

Христос, и он или сам истолковал бы им писания, или же отослал бы их к толкованию священников.

Когда возникала какая-нибудь трудность, апостолы и старейшины церкви собирались и решали, что следует проповедовать, чему учить и как следует истолковать Писание народу, но они не отнимали у народа свободу самому читать и толковать Писание. Апостолы посылали всякого рода письма церквам, а также послания в целях их наставления, что было бы бесцельно, если бы они не позволяли им толковать эти послания, т. е. доискиваться их смысла. И такое положение дел, какое существовало во времена апостолов, должно остаться до того времени, пока не будет пастырей, которые могли бы дать такие полномочия толкователю, в силу которых его толкование должно было бы стать общеобязательным. Но это могло бы быть лишь тогда, когда короли стали бы пастырями или пастыри королями.

О власти объявлять Писание законом. Когда мы говорим, что какое-нибудь сочинение объявлено *каноническим,* то это имеет двоякий смысл. Ибо *канон* означает *правило,* и именно правило, которым человек должен руководствоваться в каком-нибудь действии. Такие правила, даже в тех случаях, когда дающий их не имеет власти заставить следовать им того, кому он их дает, как, например, когда учитель преподает их своему ученику или советчик — своему другу, все же есть каноны, так как они являются правилами. Но если они даются кем-нибудь, кому тот, кто их получает, обязан повиноваться, тогда такие каноны становятся не только правилами, но и законами. Тут-то и встает вопрос, кому принадлежит власть объявить писания, являющиеся правилами христианской веры, законами.

О десяти заповедях. Впервые законом стала часть Писания, содержащая десять заповедей, написанных на двух каменных скрижалях, переданных самим Богом Моисею и объявленных им народу. До этого времени не было никакого писаного закона Бога. Ибо Бог до того времени не избрал никакого народа в качестве своего особого царства и не дал людям никакого закона, кроме естественного, т. е. кроме правил естественного разума, начертанных в сердце каждого человека. Из этих двух скрижалей первая содержит закон суверенитета: 1. Не повиноваться и не поклоняться богам других народов, что сформулировано в следующих словах: Non habeleis deos alienos coram me, т. е. *да не будут у тебя богами, кроме Меня одного, боги, которым поклоняются другие народы.* Этой заповедью ев-

реям запрещалось повиноваться или поклоняться какому-либо другому Богу как своему царю и управителю, кроме Бога, который говорил с ними тогда через Моисея, а впоследствии через первосвященников. 2. *Не делать себе никакого образа, представляющего Бога,* т. е. они не должны были себе избрать ни на небе, ни на Земле никакого представителя по своему собственному измышлению, а повиноваться Моисею и Аарону, которых Бог определил для этого служения. 3. *Не произносить имени Господа всуе,* т. е. они не должны опрометчиво говорить о своем царе и не оспаривать ни его права, ни полномочия наместников Бога — Моисея и Аарона. 4. *Каждый седьмой день почить от обычной работы,* посвящая этот день публичному богослужению. Вторая скрижаль содержит обязанности одного человека по отношению к другому: *почитать родителей, не убивать, не прелюбодействовать, не красть, не способствовать неправедному судебному приговору лжесвидетельством и, наконец, не замышлять в сердце своем никакого зла против своего ближнего.* Вопрос теперь в том, кто же придал этим скрижалям обязательную силу законов. Нет никакого сомнения, что они были объявлены законами самим Богом. Но так как закон может быть обязательным и быть законом лишь для тех, кто признает его актом суверена, то как мог обязаться повиноваться всем законам, возвещенным ему Моисеем, народ израильский, которому было запрещено приближаться к горе, где он мог бы услышать, что Бог сказал Моисею? Некоторые из этих заповедей, как, например, все содержавшиеся во второй скрижали, были действительно естественными законами и должны были быть поэтому признаны законами Бога не только израильтянами, но и всеми народами. Но по отношению к тем заповедям, которые были адресованы исключительно израильтянам, как, например, к тем, которые содержались в первой скрижали, наш вопрос остается в силе. И единственным ответом на него может быть лишь то, что израильтяне обязались повиноваться Моисею немедленно по возвещении им десяти заповедей следующими словами (Исх. 20, 19): *Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.* Таким образом, только тогда один Моисей, а после него первосвященник, которого Бог через Моисея назначил управлять его особенным царством, имели на земле власть объявить эти десять заповедей законами в государстве Израиля. Но Моисей и Аарон и последующие первосвященники были гражданскими суверенами. Из этого, таким образом, следу-

ет, что право канонизации и объявления Писания законом принадлежит гражданскому суверену.

О законе судей и левитов. Судебный устав, т. е. законы, предписанные Богом должностным лицам Израиля в качестве правил, которыми они должны были руководствоваться при отправлении правосудия и при произнесении приговоров и судебных решений в тяжбах между людьми, а также левитский устав, т. е. предписанные Богом правила относительно обрядов и церемоний священников и левитов, были сообщены им лишь Моисеем, и поэтому они стали законами в силу того же обета израильтян повиноваться Моисею. Из текста Писания не видно, были ли эти законы писаны или лишь устно продиктованы народу Моисеем после его сорокадневного пребывания с Богом на горе, но все они были положительными законами и равноценными Священному писанию и сделаны были каноническими Моисеем как гражданским сувереном.

Второй закон. Когда израильтяне пришли в землю Моавитскую против Иерихона и уже готовы были вступить в обетованную землю, Моисей к прежним законам прибавил разные другие, которые поэтому называются *Второзаконием,* т. е. вторыми законами. И это (как сказано во Второзаконии 19, 1): *слова завета, который Господь повелел Моисею поставить с сынами Израилевыми, кроме завета, который Господь поставил с ними на Хориве.* Ибо, изложив в начале книги *Второзакония* те первые законы, Моисей, начиная с 12-й главы и до конца 26-й главы той же книги, прибавляет к ним другие. Именно эти законы (Втор. 27, 3) им было приказано написать на больших камнях, обмазанных известью, при переходе через Иордан. Эти законы были также вписаны самим Моисеем в книгу и переданы *священникам и старейшинам Израиля* (Втор. 31, 9), и им повелено было (ст. 26) *положить эту книгу одесную ковчега завета,* ибо в самом ковчеге были лишь *десять заповедей.* Относительно именно этого закона Моисей (Втор. 17, 18) повелел, чтобы цари израильские сделали себе копию, и это тот самый закон, который был долгое время потерян, снова найден потом в храме в царствование Иосии и властью последнего объявлен законом Бога. Но Моисей, записавший этот закон, и Иосия, открывший его снова, оба обладали гражданской верховной властью. Отсюда поэтому следует, что право объявить Писание каноническим принадлежало гражданской верховной власти.

Кроме этой книги Закона, никакая другая не считалась

у евреев законом Бога на протяжении периода, протекшего со времени Моисея до времени после плена. Ибо пророки, за исключением немногих, жили в эпоху плена или незадолго перед ней, и их пророчества не только не считались законом, но даже они сами преследовались отчасти лжепророками, отчасти царями, совращенными этими лжепророками с пути истины. И сама эта книга, утвержденная Иосией как закон Бога, а с ней вся история дел Господних была потеряна во время плена и разграбления города Иерусалима, как это явствует из 3-й книги Ездры (14, 21): *Закон твой сожжен, и оттого никто не знает, что сделано тобой или что должно им делать.* А перед пленом, между временем, когда закон был утерян (точно время в Писании не указывается, но можно предполагать, что это было в царствование Ровоама, когда (3 Цар. 14, 26) царь египетский Сусаким разграбил храм), и временем Иосии, когда он был снова найден, евреи не имели писаного Слова Божия, а руководствовались своим собственным усмотрением или подчинялись руководству тех, кого каждый из них считал пророком.

Когда Ветхий завет стал каноническим. Отсюда мы можем заключить, что писания Ветхого завета, которые мы имеем сейчас, не были каноническими, а также не были законом у евреев до возобновления их завета с Богом по возвращении из плена и восстановлении их государства при Ездре. Начиная же с этого времени они считались у евреев законом и как таковой были переведены на греческий язык семьюдесятью старейшинами Иудеи, помещены в библиотеку Птолемея в Александрии и признаны Словом Божиим [19] Ввиду того что Ездра был первосвященником, а первосвященник был гражданским сувереном, то очевидно, что писания во все времена объявлялись законом исключительно лишь верховной гражданской властью.

Новый завет стал каноническим под властью христианских суверенов. Из писаний отцов церкви, которые жили в эпоху до признания государством христианской религии и писания которых были санкционированы императором Константином, мы знаем, что книги Нового завета, которые мы сейчас имеем, считались христианами того времени (за исключением немногих, которые ввиду своей малочисленности были объявлены еретиками, тогда как все остальные считались верными сынами католической церкви) наставлениями Святого Духа и, следовательно, каноном, или правилом веры. Тогдашние христиане ценили и уважали

своих учителей так же, как обычно ученики уважают своих первых учителей, от которых они восприняли какое-нибудь учение. Поэтому нет сомнения в том, что когда апостол Павел направлял свои послания тем церквам, которые он обратил, или когда какой-нибудь другой апостол или ученик Христа посылал послания тем, кто тогда уверовал в Христа, то эти послания воспринимались теми, кому они были адресованы, как истинное христианское учение. Но так как в то время не власть и полномочия учителей, а вера самих слушателей побуждала их воспринимать указанным образом слова учителей, то это значит, что не апостолы делали свои собственные писания каноническими, а каждый обращенный делал их таковыми для себя.

Однако вопрос здесь не в том, что́ какой-либо христианин сделал законом, или каноном, для себя (он может это снова отвергнуть по тому же праву, по которому принял), а в том, что́ было сделано каноном для христиан так, что они, не совершая беззакония, не могут ничего совершать против этого. Предположение о том, что Новый завет может в этом смысле быть каноном, т. е. законом, там, где закон государства не сделал его таковым, противоречит естественному закону. Ибо закон, как уже было показано, есть постановление человека или собрания, которым мы дали верховное право издавать такие правила для руководства нашими действиями, какие они сочтут разумными, и наказывать нас, когда мы делаем что-либо против них. Если поэтому кто-либо иной предложит нам правила, которых верховный правитель не предписал, то такие правила являются лишь советом, и, хорош ли он или плох, тот, кому этот совет дается, не может, не совершая беззакония, отказаться соблюдать его. А если этот совет противоречит уже установленным законам, то тот, кому он дается, не может, не совершая беззакония, соблюдать его, каким бы разумным он ни считал его. Я говорю, что он не может в этом случае руководствоваться им в своих действиях и в разговоре с другими людьми, хотя он может, не совершая этим ничего предосудительного, верить своим частным учителям и желать, чтобы они имели свободу осуществить свой совет и чтобы этот совет государство объявило законом. Ибо внутренняя вера по самой своей природе невидима и изъята из человеческой подсудности, между тем как проистекающие из нее слова и действия, являющиеся нарушением нашей обязанности гражданского повиновения, представляют собой беззаконие по отношению к Богу и человеку. Принимая во внимание, что Спаситель объявил свое Цар-

ство не от мира сего и заявил, что пришел не для того, чтобы судить, а для того, чтобы спасти мир, он не подчинил нас никаким иным законам, кроме законов государства, т. е. евреев — законам Моисея (о которых он говорит (Матф. 5, 17), что пришел не разрушать их, а исполнять), другие народы — законам их различных суверенов, а всех людей — естественным законам. Соблюдение законов государства сам наш Спаситель и Его апостолы рекомендовали нам в своем учении как необходимое условие, чтобы быть допущенными им в последний день в Его Вечное Царство, где будет защита и вечная жизнь. Ввиду того что как Спаситель, так и Его апостолы оставили не новые законы, которые обязали бы нас в этом мире, а новое учение, имеющее целью подготовить нас к грядущему миру, то книги Нового завета, содержащие это учение, не являются обязательными канонами, т. е. законами, до тех пор, пока повиновение им не сделано обязательным благодаря постановлению тех, кому Бог дал на земле власть быть законодателями, а до этого они являются лишь добрыми и спасительными советами для направления грешников на путь спасения,— советами, которые всякий человек, не совершая беззакония, может на свой страх и риск принимать или отвергать.

Кроме того, миссия, возложенная нашим Спасителем Христом на своих апостолов и учеников, заключалась в том, чтобы провозглашать Его не настоящее, а грядущее Царство и учить все народы, и крестить их, чтобы они уверовали, и входить в дома тех, кто примет их, а там, где они не были бы приняты, отряхнуть прах с ног своих, но не призывать на них небесный огонь, чтобы погубить, и не принуждать их к повиновению силой меча. Во всем перечисленном нет ничего, что говорило бы о власти, а все говорит лишь об убеждении. Он послал их, как овец к волкам, а не как царей к своим подданным. Они были уполномочены не издавать законы, а лишь повиноваться и учить повиновению существующим законам, и, следовательно, они не могли сделать свои писания обязательными канонами без помощи верховной гражданской власти. Поэтому писания Нового завета лишь там имеют силу закона, где законная гражданская власть сделала их таковыми. Король, или суверен, делает это законом также и для себя, причем этим законом он подчиняется не пастырю или апостолу, который его обратил, а непосредственно, как и апостолы, самому Богу и его Сыну Иисусу Христу.

О власти соборов объявлять Писания законом. Некоторую видимость, будто во время и в местах преследования христиан Новый завет имел силу закона для тех, кто принял христианское учение, могут породить постановления, изданные христианскими синодами. Ибо мы читаем (Деян. 15, 28), что собор апостолов, старейшин и всей церкви выражается в таком стиле: *Угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого,* что говорит как будто о власти возлагать бремя на тех, кто принял их учение. *Но возлагать бремя на другого* есть как будто то же самое, что обязать, и поэтому может казаться, что постановления этого собора были законами для тех христиан. И однако они были не в большей мере законами, чем другие правила: *покайся, крестись, соблюдай заповеди, веруй в Евангелие; придите ко мне; продай все, что имеешь; раздай это бедным и следуй за мной.* Эти правила являются не повелениями, а приглашениями и призывами к людям принять христианство, подобно призыву Исайи (4, 1): *Жаждущие, идите все к водам; ...покупайте без платы вино и молоко.* Прежде всего власть апостолов не была иной, чем власть нашего Спасителя, а это была власть приглашать людей принять Царство Божие, которое они сами считали Царством не настоящего, а грядущего, и так как они не имели царства, то не могли составлять законы. И во-вторых, если бы постановления собора апостолов были законами, они не могли бы быть нарушены без греха. Однако же мы нигде не читаем, чтобы те, кто не принял учения Христа, совершали этим грех, а лишь читаем, что они умирали в своих грехах, т. е. что грехи против законов, которым они обязаны повиноваться, не были прощены. Этими законами были естественные и гражданские законы государства, которому всякий христианин подчинил себя договором. Поэтому под бременем, которое апостолы могли возложить на обращенных, следует понимать не законы, а условия, предложенные тем, кто искал спасения. Последние могли на свой страх и риск принять или отвергнуть эти условия, не совершая во втором случае нового греха, хотя не без опасности быть осужденными и исключенными из Царства Божия за их прошлые грехи. Вот почему апостол Иоанн (Иоан. 3, 36) не говорит о неверующих, что они навлекут на себя гнев Божий, а что *гнев Божий пребывает на них,* не говорит он также (Иоан. 3, 18) о них, что они будут осуждены, а что они *уже осуждены.* Точно так же нельзя себе представить, что благодетельный результат веры есть отпущение грехов, не представляя себе

одновременно, что вред неверия есть *оставление тех же самых грехов.*

Однако для какой же цели (спросит, пожалуй, кое-кто) апостолы, а после них другие пастыри церкви стали бы собираться и договариваться о том, какое учение следует установить как в отношении веры, так и образа жизни, если бы никто не был обязан соблюдать их постановления? На это можно ответить, что апостолы и старейшины этого собора уже в силу факта своего вступления в него были обязаны пропагандировать то учение, которое на нем было установлено и решено распространять, поскольку это не шло вразрез с более ранним законом, которому они обязаны были повиновением, но это не значит, что все другие христиане были обязаны соблюдать то, чему эти соборы учили. Ибо, хотя они могли обсуждать, чему каждый из них должен учить, они, однако, не могли обсуждать, что другие должны делать, поскольку их собрания не имели законодательной власти, которую могут иметь лишь гражданские суверены. Действительно, хотя Бог есть суверен всего мира, мы не обязаны принимать за Его закон все, что кто-либо предложит от Его имени, а также не можем мы считать законом Бога ничто противоречащее гражданскому закону, которому Бог определенно заповедал нам повиноваться.

Если постановления апостольских соборов были не законами, а советами, то еще в меньшей мере являются законами постановления других учителей церкви или соборов, имевших место с тех пор, если они собирались без полномочий гражданского суверена. И следовательно, хотя книги Нового завета содержат самые совершенные правила христианского учения, они все же не могут быть сделаны законами какой-либо другой властью, кроме власти королей и верховных собраний.

О первом соборе, объявившем каноническими имеющиеся у нас теперь Писания, не сохранилось никаких известий. Ибо собрание канонов апостолов, приписанное первому после апостола Петра епископу Рима Клименту, является сомнительным. Дело в том, что хотя в этом собрании подведены итоги каноническим книгам, однако слова sint vobis omnibus clericis et laicis libri venerandi, etc.[20] содержат разделение христиан на духовных лиц и мирян, не имевшее места в практике эпохи, столь близкой апостолу Петру. Первым известным собором, установившим каноническое Писание, является Лаодикийский собор (канон 59) [21], запретивший чтение других книг, кроме тех, которые были

объявлены им каноническими. Это предписание было адресовано не каждому христианину, а лишь тем, кто имел полномочия читать что-нибудь публично в церкви, т. е. только духовенству.

О праве устанавливать церковные должности во времена апостолов. Из должностных лиц церкви во времена апостолов некоторые имели наставнические функции, другие — чисто служебные. В задачи первых входило благовествование Царства Божия неверующим, совершение таинств и богослужения и наставление новообращенных в правилах веры и поведения. Служебными были должности дьяконов, т. е. тех, кто был назначен заботиться о мирских потребностях церкви в такое время, когда весь клир жил на общие средства, собранные из доброхотных пожертвований верующих.

Среди наставнических должностных лиц первыми и главными были апостолы, которых было вначале двенадцать. Они были избраны и поставлены самим нашим Спасителем. В их задачи входило не только проповедовать, учить и крестить, но также быть свидетелями воскресения нашего Спасителя. Это свидетельство было специфическим и существенным признаком, которым апостольство отличалось от всякой другой духовной должности. Ибо апостолом мог быть лишь тот, кто или видел нашего Спасителя после Его воскресения, или общался с Ним до этого и видел Его дела и другие доказательства Его божественности, и только при всех этих условиях он мог считаться достаточным свидетелем. Поэтому при выборе нового апостола на место Иуды Искариота апостол Петр говорил (Деян. 1, 21, 22): *Итак, надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его.* Слово *надобно* подчеркивает здесь как необходимую особенность апостола факт его общения с первыми и избранными апостолами в то время, когда наш Спаситель открылся во плоти.

Назначение Матфея апостолом явилось актом собрания. Первым апостолом из тех, кто не был назначен Христом во время его пребывания на земле, был Матфей, избранный следующим образом. В Иерусалиме собралось около ста двадцати христиан (Деян. 1, 16). Они наметили двух — Иосифа, прозванного Иустом, и Матфея (ст. 23) — и бросили жребий; и *выпал жребий Матфею, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам* (ст. 26). Таким образом, мы

здесь видим, что назначение этого апостола было актом собрания, а не апостола Петра, и все одиннадцать апостолов участвовали в этом избрании лишь как члены собрания.

Павел и Варнава были утверждены апостолами церковью в Антиохии. После Матфея никто не был назначен апостолом, кроме Павла и Варнавы, назначение которых (как мы читаем в Деян. 13, 1—3) произошло следующим образом: *В Антиохии в тамошней церкви были некоторые пророки и учители: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода, четвертовластника, и Савл. Когда они служили Господу и постились, Дух Святый сказал: Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их.*

Из этой цитаты видно, что хотя Варнава и Савл были призваны Святым Духом, однако это призвание было им объявлено и их миссия была утверждена местной церковью Антиохии. А что их призвание было к апостольству, видно из того, что они оба названы (Деян. 14, 14) апостолами. А что они стали апостолами именно в силу этого решения антиохийской церкви, ясно видно из того факта, что апостол Павел (Римл. 1, 1) употребляет те слова, которые употребил Святой Дух при его призвании. Ибо он величает себя апостолом, избранным к благовестию Божиему, намекая на слова Святого Духа *отдели мне Варнаву и Савла,* и т. д. Однако, ввиду того что делом апостола было быть свидетелем воскресения Христа, кое-кто может спросить здесь, каким же образом апостол Павел, не общавшийся с Христом до его страстей, мог знать о его воскресении? На этот вопрос легко ответить, что сам наш Спаситель явился после своего вознесения к нему с неба на пути в Дамаск *и избрал его сосудом, чтобы возвещать имя его перед язычниками и царями и сынами Израилевыми,* и, следовательно (так как он видел Господа после Его страстей), он был полноправным свидетелем Его воскресения. Что касается Варнавы, то он был учеником до периода страстей Господних. Поэтому ясно, что Павел и Варнава были апостолами, и, однако же, они были избраны и уполномочены не одними первыми апостолами, а церковью в Антиохии, подобно тому как Матфей был избран и уполномочен церковью в Иерусалиме.

Какие церковнослужители являются наставниками. *Епископ* — слово, образованное от греческого ἐπίσκοπος,— означает «надсмотрщик», или «надзиратель», какого-либо

дела, и в частности «пастырь» или «пастух», и отсюда метафорически стало употребляться не только среди евреев, бывших первоначально пастушеским народом, но также и среди язычников для обозначения сана царя, или другого правителя, или вождя народа, все равно, правил ли он посредством законов или посредством учения. Таким образом, апостолы были первыми христианскими епископами, назначенными самим Христом, и в этом смысле апостольство Иуды названо (Деян. 1, 20) *его епископством.* Впоследствии, когда были назначены старейшины в христианских церквах, на которых было возложено учением и советом руководить христианской паствой, эти старейшины были также названы епископами. Тимофей был старейшиной (слово *старейшина* в Новом завете обозначает как должность, так и возраст), и, однако же, он был также епископом, т. е. епископы были тогда равнозначны старейшинам. Мало того, сам апостол Иоанн, любимый апостол нашего Господа, начинает свое второе послание следующими словами: *Старец — избранной госпоже.* Из всего этого видно, что *епископ, пастырь, старейшина, доктор, т. е. учитель,* были в эпоху апостолов лишь различными наименованиями одной и той же должности. Ибо тогда в христианской церкви не было никакой принудительной власти, а лишь руководство учением и убеждением. Царство Божие должно было еще прийти в мир грядущий, так что ни в какой церкви не могло быть принудительной власти, до тех пор пока государство не признало христианской веры, следовательно, не было в церкви разнообразия властей, хотя и было разнообразие должностей.

Кроме этих наставнических должностей в церкви, а именно апостолов, епископов, старейшин, пастырей и учителей, призванных благовествовать Христа евреям и язычникам и направлять и учить тех, кто уверовал, мы не находим в Новом завете никаких других должностей. Ибо под именем *евангелистов* и *пророков* обозначается не какая-нибудь должность, а различные дарования, благодаря которым те или другие люди были ценны для церкви; так, например, евангелисты были ценны тем, что они описывали жизнь и деяния нашего Спасителя. Такими евангелистами были и апостолы Матфей и Иоанн, и ученики Марк и Лука, и все те, кто писал на ту же тему (как, например, апостолы Фома и Варнава, хотя церковь не получала книг, авторство которых приписывалось бы им). Пророки же были ценны тем, что обладали даром толковать Ветхий завет, а иногда возвещали церкви свои особые откровения. Ибо ни эти

дарования, ни способность говорить новыми языками, ни дар изгонять бесов или лечить другие болезни — и вообще ничто, кроме правильного призвания и избрания на должность учителя, не давало основания быть должностным лицом в церкви.

Рукоположение учителей. Подобно тому как апостолы Матфей, Павел и Варнава не были назначены апостолами самим нашим Спасителем, а были избраны церковью, т. е. собранием христиан, а именно Матфей — иерусалимской церковью, а Павел и Варнава — антиохийской церковью, точно так же *пресвитеры* и *пастыри* в других городах избирались церквами этих городов. Для доказательства этого посмотрим прежде всего, как апостол Павел поступает при рукоположении пресвитеров в тех городах, где он обратил людей в христианскую веру непосредственно после того, как он и Варнава получили апостольство. Мы читаем (Деян. 14, 23), что *они рукоположили пресвитеров в каждой церкви*. Это с первого взгляда может быть принято как доказательство того, что они сами избирали и уполномочивали. Однако если посмотрим текст греческого оригинала, то станет очевидным, что они уполномочивались и избирались собранием христиан в каждом городе. Ибо в греческом оригинале сказано: χειροτονήσαντες αὐτοῖς πρεσβυτέρους κατ' ἐκκλησίαν, т. е. *рукоположив их старейшинами поднятием рук в каждом собрании*. Но хорошо известно, что во всех тех городах должностные лица и чиновники избирались голосованием, и — так как обычно поднятие рук было признаком утвердительного голосования в отличие от отрицательного — назначить какое-нибудь должностное лицо в одном из этих городов означало лишь собрать вместе народ и избрать это должностное лицо большинством голосов, причем это большинство выражалось поднятием рук, голосованием шарами, бобами или камешками, которые каждый клал в один из сосудов, назначенных для утверждения или отрицания, ибо в разных городах были различные обычаи на этот счет. Таким образом, своих старейшин избирало собрание. Апостолы были лишь председателями собрания, на обязанности которых лежало созвать собрание для таких выборов, объявить имена избранных и дать им свое благословение, называемое в наше время посвящением. По этой причине те, кто были председателями собраний, а ими были в отсутствие апостолов пресвитеры, назывались προεστῶτες, по-латыни — antistites. Слово это означает главное лицо собрания, на чьей обязанности лежали подсчет голосов и

объявление избранных, а там, где голоса разделялись поровну,— решение обсуждаемого вопроса прибавлением своего голоса, что является обязанностью председателя собрания. И так как все церкви избирали своих пресвитеров одним и тем же способом, то там, где употребляется слово *поставить* (как, например, Тит 1, 5: ἵνα καταστήσῃς κατὰ πολιν πρεσβυτέρους — *для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты поставил по всем городам пресвитеров*), это следует понимать согласно вышеизложенному, а именно что Тит должен был созвать верующих и избрать им пресвитеров большинством голосов. Было бы странно, если бы в городе, где люди, может быть никогда не видевшие должностного лица, избранного иначе, чем на собрании, став христианами, стали вдруг себе мыслить иной способ избрания своих учителей и руководителей, т. е. своих пресвитеров (иначе называемых епископами), чем избрание большинством голосов, которое апостол Павел (Деян. 14, 23) называет словом χειροτονήσαντες. Точно так же не было иного способа избрания епископов (до того как императоры сочли необходимым регулировать эти выборы в целях сохранения мира), как лишь собраниями христиан в каждом городе.

То же самое подтверждается продолжающейся и поныне практикой избрания епископов Рима. Ибо если епископ, покидая какое-нибудь место, чтобы перенести свое пастырское служение в другое место, имел бы право назначить своего преемника в пастырском служении, то тем паче он имел бы право назначить преемника в том месте, где он служит вплоть до смерти. Однако же мы никогда не находим, чтобы какой-нибудь епископ Рима назначал своего преемника. Ибо на протяжении долгого периода они избирались народом, как это доказывает мятеж, вспыхнувший по поводу этих выборов, когда шла борьба между двумя кандидатами — Дамазом и Урсицином. Сила этого мятежа была так велика, что, по свидетельству Аммиана Марцеллина [22], префект Ювентий, оказавшись не в силах водворить мир между ними, вынужден был уйти из города. В самой же церкви было найдено около ста убитых по этому случаю. И хотя позже римские епископы избирались сперва всем римским духовенством, а затем кардиналами, однако никогда преемник не назначался своим предшественником. Поэтому если римские епископы никогда не претендовали на право назначать своих преемников, то я считаю себя вправе заключить, что они без нового расширения своей власти не имели права назначать преемников

другим епископам, а эту добавочную власть мог отнять у церкви и отдать им лишь тот, кто имел законную власть не только учить церковь, но и повелевать ею, а это мог быть лишь гражданский суверен.

Кто является служителем церкви. Слово *служитель*, которому в греческом оригинале соответствует слово Διάκονος, означает человека, добровольно заботящегося о делах других. Служитель отличается от слуги только тем, что слуги обязаны в силу своего положения исполнять все, что им прикажут, между тем как служители обязались лишь постольку, поскольку добровольно взяли на себя определенную задачу, и поэтому они ни к чему большему не обязаны. Таким образом, служителями были как те, кто учил Слову Божию, так и те, кто заботился о мирских делах церкви, но они были служителями различных лиц. Ибо пастыри церкви, названные (Деян. 6, 4) *служителями слова*, являются служителями Христа, ибо это слово Его. Служение же *дьякона*, названное (ст. 2) *обслуживанием столов*, есть служение церкви или собранию. Таким образом, никто в отдельности и ни вся церковь не могли сказать о своем пастыре, что он является их служителем. О дьяконе же независимо от того, взял ли он на себя заботу о столах или о распределении средств существования среди христиан, в то время когда христиане в каждом городе жили в общности имущества или на средства доброхотных жертвователей, как это было в первое время, или он взял на себя заботу о молитвенном доме, или о доходах, или о других делах церкви — во всех этих случаях все собрание имело основание называть его своим служителем.

Дело в том, что основным занятием дьяконов было обслуживание собрания, хотя они не упускали случая также проповедовать Евангелие и распространять учение Христа каждый в соответствии со своими дарованиями, как это делал Стефан, или проповедовать и крестить, как это делал Филипп. Ибо тот Филипп, который проповедовал Евангелие в Самарии и крестил (Деян. 8, 38) евнуха, был Филипп-дьякон, а не Филипп-апостол. Это видно из того (ст. 1), что, когда Филипп проповедовал в Самарии, апостолы были в Иерусалиме и (ст. 14), *услышав, что Самаряне приняли Слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна*, которые возложили руки на тех, кто был крещен (ст. 15), и те приняли Духа Святого, которого они раньше от крещения Филиппа не приняли. Ибо для сошествия Святого Духа необходимо было, чтобы их крещение было совершено и подтверждено служителем слова, а не служителем цер-

кви. Поэтому для подтверждения крещения тех, кого крестил дьякон Филипп, апостолы послали из Иерусалима в Самарию из своей среды Петра и Иоанна, пожаловавших тем, кто был раньше только крещен, те духовные блага, которые были знамениями Святого Духа и которые в то время сопровождали всех истинно верующих. А в чем эти блага состояли, можно понять из следующих слов апостола Марка (16, 17, 18): *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что́ смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы.* Этим Филипп не мог их наделить, а апостолы могли и, как видно из этого места, действительно наделяли всякого человека, который искренне уверовал и был крещен служителем самого Христа. А что касается нашего времени, то или служители Христа не способны теперь наделять людей этой властью, или теперь имеется очень мало искренне верующих, или Христос имеет очень мало служителей.

И как их избирают. Что первые дьяконы были избраны не апостолами, а собранием учеников, т. е. христианами всякого сорта, видно из Деяний, где мы читаем, что, когда умножилось число учеников, *двенадцать* апостолов созвали их и, сказав, что нехорошо апостолам, оставив Слово Божие, заботиться о столах, велели следующее (6, 3): *Братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу.* Отсюда видно, что хотя апостолы объявили их избранными, однако избирало их собрание. И это (ст. 5) еще более ясно видно из дальнейшего, где написано, что это *предложение было угодно всему собранию, и оно выбрало семь человек.*

Церковные доходы по закону Моисея. В эпоху Ветхого завета одни только представители колена левитов допускались к священству и другим низшим церковным должностям. Земля была разделена между другими коленами (за исключением левитов), которых благодаря подразделению колена Иосифа на два подколена, Ефраима и Ионассии, оставалось двенадцать. Левитам были назначены определенные города для их жительства с предместьями для их скота. Вместо удела же левиты должны были получать десятину от плодов земли их братьев. Содержание же священников составлялось из десятины этой десятины вместе с долей от жертвоприношений. Ибо Господь сказал Аарону (Чис. 18, 20): *В земле их не будешь иметь удела,*

и части не будет тебе между ними; Я часть твоя и удел твой среди сынов Израилевых. Так как Бог был царем и избрал себе колено левитов в качестве своих государственных служителей, то он назначил им в качестве содержания государственные доходы, т. е. ту часть, которую Бог выделил для самого себя. А эта часть состояла из десятин и жертвоприношений. И в этом смысле следует понимать слова Бога *твое наследство.* Поэтому к левитам может быть с полным основанием применено название «клир» от κλῆρος, означающее жребий или наследство. Это не значит, конечно, что они были больше, чем другие, наследниками Царства Божиего, а лишь то, что наследство Бога было их уделом. Но так как Бог сам был их царем в это время, а Моисей, Аарон и последующие первосвященники были его наместниками, то отсюда явствует, что право на десятины и жертвоприношения было установлено гражданской властью. После того как израильтяне отвергли Бога, потребовав себе царя, левиты продолжали пользоваться теми же доходами. Но их право на это производилось из того обстоятельства, что цари никогда не отнимали его у них. Ибо государственные доходы были в распоряжении того, кто представлял лицо государства, и этим представителем до плена был царь. А также по возвращении из плена они по-прежнему платили свои десятины священникам. Следовательно, до этого времени доходы церкви определялись гражданским сувереном.

Во времена нашего Спасителя и после него. О средствах к жизни нашего Спасителя и его апостолов мы читаем лишь, что они имели суму́ (которую носил Иуда Искариот), и что те апостолы, которые были рыбаками, иногда занимались своим промыслом, и что, когда наш Спаситель послал двенадцать апостолов проповедовать, он запретил им (Матф. 10, 9, 10) носить в своих сумах золото, серебро и медь, *ибо трудящийся достоин пропитания.* Отсюда с вероятностью можно заключить, что их доходы не были в несоответствии с их занятием. Ибо их занятие состояло (ст. 8) в том, чтобы даром давать, поскольку они даром получали, и их средства к жизни составлялись из *доброхотных даяний* тех, кто верил в разносимую апостолами благую весть о приходе Мессии и Спасителя. К этим даяниям мы можем прибавить благодарственные приношения тех, кого наш Спаситель исцелил от болезней (Лук. 8, 2, 3): *некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мариян, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, дочь Хузы, домоправителя*

Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим.

После вознесения нашего Спасителя христиане в каждом городе жили в общности имущества (Деян. 4, 34), на деньги, вырученные от продажи земель и владений и положенные к ногам апостолов не по обязанности, а добровольно, ибо сказал Анании апостол Петр (Деян. 5, 4): *чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось.* Эти слова показывают, что Анании незачем было утаивать из своих земель и денег, когда он клал их к ногам апостолов, так как он вообще не обязан был вносить что-нибудь, а на то была его добрая воля. И как во времена апостолов, так и вплоть до эпохи Константина Великого включительно мы найдем, что доходы епископов и пастырей христианской церкви составлялись из добровольных взносов верующих. О десятинах еще нигде не говорится в течение этого периода, но любовь христиан к своим пастырям была так велика в эпоху Константина и его сыновей, что Аммиан Марцеллин, описывающий мятеж во время борьбы между Дамазом и Урсицином за епископство, говорит, что было за что бороться, так как епископы того времени благодаря щедрости паствы, и особенно знатных дам, жили в роскоши, разъезжали в каретах и роскошествовали в пище и одежде.

Служители Евангелия жили от щедрот паствы. Но тут может кто-нибудь спросить: разве пастыри церкви были обязаны тогда жить на добровольные пожертвования, как на милостыню? Ведь говорит апостол Павел (1 Коринф. 9, 7): *какой воин служит когда-либо на своем содержании?.. Кто, пася стадо, не ест молока от стада?* И дальше (ст. 13): *Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища?* что *служащие жертвеннику берут долю от жертвенника?*, т. е. содержанием им служит доля от того, что приносится в жертву. И затем (ст. 14) он кончает следующими словами: *Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования.* Эти слова действительно говорят о том, что паства была обязана содержать своих пастырей церкви, но не о том, что пастыри могли определять размер и род своего содержания и быть полными его распорядителями. Их содержание поэтому должно было или зависеть от благодарности и щедрости каждого отдельного представителя их паствы, или устанавливаться всем собранием. Однако всем собранием оно не могло быть установлено, ибо решения собраний не были тогда законами. Поэтому доходы

пастырей церкви, до того как императоры и гражданские суверены стали регулировать их законами, составлялись лишь из добровольных пожертвований. Служащие жертвеннику жили тем, что жертвовалось. Так и пастыри церкви могли брать то, что жертвовала им их паства, но не могли требовать того, что не жертвовалось. В каком суде могли бы эти пастыри, не имевшие трибуналов, предъявить свой иск? Или, если бы они имели третейские суды в своей среде, кто стал бы приводить их судебные решения в исполнение, раз они не имели тогда власти вооружать своих должностных лиц? Приходится поэтому полагать, что определенные доходы могли быть назначены пастырям церкви лишь всем собранием и лишь тогда, когда постановления этих собраний имели силу не только *канонов*, но и *законов*, и эти законы могли быть изданы лишь императорами, королями или другими гражданскими суверенами. Право десятины, установленное законом Моисея, не могло быть применено тогда к служителям Евангелия, так как Моисей и первосвященники были гражданскими суверенами народа под верховным владычеством Бога, чье Царство среди евреев было действительно существующим тогда, между тем как Царство Божие должно еще прийти через Христа.

До сих пор было показано, кем являются пастыри церкви; каковы их полномочия (а именно что они должны были проповедовать, учить, крестить и председательствовать в различных собраниях); в чем заключается церковное наказание, т. е. отлучение от церкви (а именно что там, где христианство было запрещено гражданскими законами, оно заключалось в том, что христиане должны были избегать общества отлученного, а там, где христианство было предписано гражданским законом, отлученный исключался из собраний христиан); кто избирал пастырей и служителей церкви (а именно собрание); кто посвящал и благословлял избранных (а именно пастырь); каковы были установленные доходы пастырей церкви (а именно что они составлялись лишь из того, что приносили им их собственные владения, из того, что они добывали трудами рук своих, и из добровольных пожертвований благочестивых и благодарных христиан). Нам остается теперь рассмотреть, какова роль в церкви тех лиц, которые, будучи гражданскими суверенами, приняли христианскую веру.

Гражданский суверен, будучи христианином, имеет право назначать пасторов. Прежде всего нам надлежит помнить, что право судить о том, какие учения благоприят-

ствуют миру и должны распространяться среди подданных во всех государствах, неотделимо от гражданской верховной власти (как это уже было доказано в главе XVIII), все равно, является ли ее носителем один человек или собрание людей. Ибо для всякого мало-мальски здравомыслящего человека очевидно, что человеческие действия управляются теми мнениями, которые люди имеют о благе или зле, могущих проистекать для них из этих деяний, и что если люди, у которых раз сложилось мнение, что их повиновение суверенной власти для них будет более вредно, чем неповиновение, не будут повиноваться законам, этим они опрокинут государство и внесут хаос и гражданскую войну, для избежания которой и установлено всякое гражданское правление. И вот почему во всех государствах язычников суверены носили имя пастырей народа, так как ни один подданный в этих государствах не мог учить чему-либо народ без их разрешения и полномочий.

Нельзя думать, что короли-язычники лишаются этого права при своем обращении в веру Христа, который никогда не предписывал, чтобы уверовавшие в Него короли были низложены, т. е. подчинены кому-нибудь помимо Него самого, или, что то же самое, лишены власти, необходимой для сохранения мира среди их подданных и защиты последних от иноземных врагов. Поэтому короли-христиане остаются верховными пастырями их народа и имеют власть назначать каких им угодно пастырей, чтобы учить церковь, т. е. учить народ, порученный их заботе.

Мало того, если даже предположим, что право избрания своих пастырей остается, как до обращения королей, за церковью, ибо так было в эпоху самих апостолов (что уже было показано в этой главе), то и в этом случае право будет принадлежать гражданскому суверену-христианину. Ибо, исповедуя христианство, суверен тем самым определяет, чему следует учить, а так как он суверен (что означает то же, что лицо, представляющее церковь), то избранные им учителя избраны церковью. И если собрание христиан в христианском государстве избирает своего пастыря, то его избирает суверен, ибо избрание совершено по его полномочию; точно так же как когда город избирает своего старосту, то это избрание является актом того, кто имеет верховную власть, ибо всякое совершенное действие является действием того, без чьего согласия оно недействительно. Вот почему, какие бы примеры ни приводились из истории относительно избрания пастырей — народом или клиром,— эти примеры не есть доказательства против пра-

ва какого-либо гражданского суверена, ибо кто бы ни избрал пастырей, он делал это на основании полномочий суверена.

Так как во всяком христианском государстве гражданский суверен есть верховный пастырь, чьей заботе поручена вся паства его подданных, и, следовательно, все другие пастыри назначаются по его полномочию и от него получают свою власть учить и совершать всякое другое пастырское служение, то отсюда следует также, что только от гражданского суверена все другие пастыри получают свое право учить, проповедовать и совершать все другие функции, относящиеся к этой должности, и что они являются лишь служителями суверена в той же мере, в какой его служителями являются должностные лица в городах, судьи — в судах и командиры — в армиях, ибо гражданский суверен всегда есть должностное лицо всего государства, судья всех тяжб и командующий всем войском. И это не потому, что те, кто учит, являются подданными суверена, а потому, что его подданными являются те, кого следует учить. Ибо если мы предположим, что какой-нибудь христианский король перепоручает власть назначать пастырей в его владениях другому королю (как, например, многие христианские короли доверяют эту власть папе), то он этим не ставит пастыря над собой, а также верховного пастыря над своим народом, ибо это означало бы для такого короля лишить себя гражданской власти. В самом деле, так как власть суверена зависит от того мнения, которое люди имеют о своем долге по отношению к нему, и от их страха наказания в загробном мире, то в нашем случае власть короля зависела бы также от ловкости и лояльности учителей, которые не меньше других людей подвержены не только честолюбию, но и невежеству. Так что там, где иностранец имеет право назначать учителей, это право ему дано сувереном того государства, где они должны учить. Христианские пастыри являются нашими учителями христианства, короли же являются отцами семейств и могут брать школьных наставников для своих подданных по рекомендации иностранца, но не по его приказанию, особенно в тех случаях, когда тот, кто их рекомендует, может извлечь явную и большую выгоду от плохого обучения учителями тех подданных, для которых они предназначены; точно так же короли не обязаны держать учителей дольше, чем это совместимо с благом государства, о котором короли обязаны заботиться все время, пока они сохраняют какое-нибудь другое существенное право верховной власти.

Пастырскую власть только суверены имеют jure divino, другие пастыри — jure civili. Если поэтому кто-нибудь спросил бы пастыря при исполнении им обязанностей, как первосвященники и старейшины народа спросили нашего Спасителя (Матф. 21, 23): *Какой властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть?*, то единственным правильным ответом, который пастырь мог бы дать на этот вопрос, был бы ответ, что он делает это властью государства, данной ему королем или представляющим государство собранием. Все пастыри, за исключением верховного, исполняют свои обязанности по праву, т. е. по полномочию гражданского суверена, т. е. jure civili. Король же и всякий другой суверен исполняет свои обязанности верховного пастыря по непосредственному полномочию от Бога, т. е. по *божественному праву,* или jure divino. Вот почему никто, кроме королей, не может вставить в свой титул как признак подвластности одному Богу Dei gratiâ rex [23] и т. д. О своих полномочиях епископы обязаны сначала сказать: *милостью королевского величества епископ такой-то епархии* или, как гражданские служители, *именем его величества.* Ибо когда они пишут: Divinâ providentia, что означает то же, что и Dei gratiâ [24], они этим, хотя и в завуалированной форме, отрицают, что получили свою власть от гражданского государства, и лукаво сбрасывают с себя узы гражданского подданства, что противоречит интересам единства и защиты государства.

Христианские короли обладают властью исполнять все виды пастырских функций. Но если всякий христианский суверен является верховным пастырем своих подданных, то выходит, что он имеет также власть не только проповедовать (чего, может быть, никто не будет отрицать), но также крестить и совершать таинство тайной вечери, освящать храмы и рукополагать пастырей на служение Богу, что большинство людей отрицает отчасти потому, что суверены обычно не занимаются этим, а отчасти потому, что совершение таинств и посвящение лиц и освящение мест для святых целей требует возложения рук таких людей, которые путем такого возложения рук со времени апостолов преемственно назначались для подобного рода служения. Поэтому для доказательства того, что христианские короли имеют власть крестить и посвящать, я должен объяснить как то, почему суверены обычно не занимаются этим, так и то, каким образом им дано право делать это, если они хотят, без обычной церемонии возложения рук.

Никто не станет сомневаться в том, что король, искус-

ный в знаниях, по тому же праву своего сана, по которому он уполномочивает других читать лекции в университетах, может и сам читать их. Тем не менее, так как забота об общих делах государства отнимает все его время, ему лично не подходит заниматься этим специальным делом. Король мог бы также, если бы ему угодно было, сидеть в суде, слушать и решать всякого рода тяжбы по тому же праву, по которому он уполномочивает других делать это, однако лежащая на нем обязанность повеления и управления заставляет его быть непрерывно в шлеме и поручать служебные должности другим под его верховным руководством. Таким же образом и наш Спаситель, который, наверное, имел право крестить, никого не крестил (Иоан. 4, 2) сам, а посылал своих апостолов и учеников. Точно так же и апостол Павел, вынужденный проповедовать в различных и отдаленных местах, крестил немногих. Из всех коринфян он крестил лишь (1 Коринф. 1, 14, 16) Криспа, Гайя и Стефана. Причина этого в том, что его основной обязанностью было проповедовать. Из этого ясно, что выполнение более сложной обязанности, как, например, управление церковью, освобождает от выполнения менее сложной. Причина, по которой христианские короли не крестят, очевидна, и это та же причина, по которой в наше время очень немногие бывают крещены епископами и еще меньше того — папой.

А относительно возложения рук, насколько оно является необходимым условием права королей крестить и посвящать, мы можем сказать следующее.

Возложение рук — древняя общепринятая среди евреев церемония, посредством которой обозначалось и указывалось лицо или какой-нибудь предмет, являвшийся объектом человеческой молитвы, благословения, жертвоприношения, посвящения, осуждения или другого действия. Так, например, Иаков, благословляя детей Иосифа (Быт. 48, 14), *простер правую руку свою и положил на голову Ефрему, хотя сей был меньший, а левую на голову Манассии.* И это он сделал *с намерением* (хотя они так были подведены к нему Иосифом, что для выполнения своего намерения Иаков был вынужден простирать руки накрест) обозначить, кому он хочет дать большее благословение. Точно так же было повелено Аарону (Исх. 20, 10) при принесении жертвы *возложить его руки... на голову тельца* (ст. 15), *возложить его руки на голова овна.* То же самое говорится в книге Левит (1, 4 и 8, 14). То же — при назначении Моисеем Иисуса Навина начальником израильтян, т. е. при

посвящении его в служители Бога (Чис. 27, 23): *и возложил на него руки свои и дал ему наставление,* определяя и указывая точно, кому они должны повиноваться в войне. И при посвящении левитов (Числ. 8, 10) Бог приказал, чтобы *возложили сыны Израилевы руки свои на левитов,* и при осуждении совершившего богохульство (Лев. 24, 14) Бог повелел: *все слышавшие пусть положат руки свои на голову его, и все общество побьет его камнями.* Почему же должны были положить только слышавшие, а не священник, левит или какой-нибудь другой служитель правосудия, если не потому, что никто другой не был способен обозначить и показать перед глазами всего общества, кто именно совершил богохульство и заслуживает смерти? А при обозначении человека или какого-нибудь предмета руками ошибки для глаза менее возможны, чем при произнесении их наименования вслух.

Эта церемония столь строго соблюдалась, что при благословении всего собравшегося народа, которое нельзя было сделать возложением рук, Аарон (Лев. 9, 22), *однако, поднял... руки свои, обратившись к народу, и благословил его.* Мы читаем также о подобной церемонии у язычников при освящении храма, а именно что священник клал руку на какой-нибудь столб храма и держал ее так, пока произносил слова освящения. При публичном богослужении, очевидно, считалось более естественным обозначить какую-нибудь отдельную вещь руками, чтобы удостоверить глаз, чем обозначать ее словами, удостоверяющими лишь ухо.

Церемония эта поэтому не была новшеством во времена нашего Спасителя. Так, Иаир (Марк 5, 23), у которого была больна дочь, умолял Бога не лечить ее, а *возложить на нее руки, чтобы она выздоровела.* И тогда (Матф. 9, 13) *приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился.*

В соответствии с этим древним обрядом апостолы, пресвитеры и само собрание пресвитеров клали руки на тех, кого они назначали пастырями, и одновременно молились, чтобы на них снизошел Святой Дух. Эта церемония совершалась не однажды, а иногда — несколько раз, по мере того как представлялся новый повод. Но цель была одна и та же, а именно точное и добросовестное обозначение лица, назначенного или для пастырского служения вообще, или для какой-нибудь специальной миссии; так, например, апостолы, помолившись, *возложили руки на семь дьяконов* (Деян. 6, 6), что было сделано не для того, чтобы дать им

Святой Дух (ибо Святого Духа, как видно из предыдущего ст. 3, они были преисполнены до своего избрания), а чтобы предназначить их для указанного служения. А после того как Филипп-дьякон обратил некоторых людей в Самарии, Петр и Иоанн отправились туда (Деян. 8, 17) *и возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго.* И это право имел не только апостол, но и пресвитер. Ибо апостол Павел говорит Тимофею (1 Тим. 5, 2): *Рук ни на кого не возлагай поспешно*, т. е. никого не определяй поспешно к пастырскому служению. В 1-м Послании к Тимофею (4, 14) мы читаем, что все собрание пресвитеров возложило руки на Тимофея, но это следует понимать так, что кто-то сделал это по поручению собрания, вероятнее всего их προεστῶς, или председатель собрания, каковым, может быть, был сам апостол Павел. Ибо в своем 2-м Послании к Тимофею (1,6) он напоминает ему *возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение*, из чего, между прочим, видно, что под Святым Духом подразумевается не третье лицо в божественной Троице, а дарования, необходимые для пастырского служения. Мы читаем также, что на апостола Павла были дважды возложены руки: один раз — Ананием в Дамаске (Деян. 9, 17, 18) при крещении Павла, а второй раз (Деян. 13, 3) — в Антиохии, когда он впервые был послан проповедовать. Применение этой церемонии при назначении пастырей имело целью обозначить то лицо, которому давалось соответствующее право. Но если бы какой-нибудь христианин имел право учить раньше, еще до своего перехода в христианство, то его крещение не давало ему никакого нового права, а лишь побудило бы его проповедовать истинное учение, т. е. правильно использовать свое право, и поэтому возложение рук было бы не нужно, так как для этого достаточно было одного крещения. Всякий же суверен еще до принятия им христианства имел власть учить и назначать учителей, поэтому христианство не давало ему никакой новой власти, а лишь наставляло его на путь обучения истине. И следовательно, суверены не нуждались в специальном возложении рук (помимо возложения рук при крещении), которое уполномочивало бы их выполнять какую-нибудь часть пастырских функций, как крещение и посвящение. И если в эпоху Ветхого завета, пока верховная власть находилась в руках первосвященника, только он один имел право посвящать, то дело обстояло иначе, когда верховная власть перешла к царям. Ибо мы читаем (3 Цар. 8), что Соломон благословил народ, освятил храм и произнес ту публичную

молитву, которая служит образцом для подобных молитв при освящении христианских церквей и часовен, из чего явствует, что он обладал не только правом церковного управления, но и правом исполнять церковные функции.

Гражданский суверен, если он христианин,— глава церкви в своих владениях. Из этого соединения в лице христианских суверенов политических и церковных прав вытекает, что христианские суверены имеют над своими подданными всю ту власть, которая может быть дана человеку, дабы он управлял внешними действиями людей как в области политики, так и в области религии, и что эти суверены могут издавать такие законы, какие они сами сочтут наиболее целесообразными для управления своими подданными, поскольку они образуют церковь, ибо как государство, так и церковь образуют одни и те же люди.

Поэтому, если этим суверенам угодно, они могут (как это и делают сейчас многие христианские короли) поручить управление своими подданными в делах религии папе, но тогда папа подвластен в этих вопросах им, и он выполняет это поручение на чужой территории jure civili, т. е. именем гражданского суверена, а не jure divino, т. е. именем Бога, и он поэтому может быть освобожден от этой должности, когда суверен сочтет это необходимым для блага своих подданных. Точно так же, если суверенам угодно, они могут поручить заботу о религии одному верховному пастырю или собранию пастырей и дать им ту власть над церковью или одному над другими, какую они сочтут наиболее подходящей, и жаловать им по своему усмотрению почетные титулы епископов, архиепископов, священников или пресвитеров, и устанавливать для них источники доходов, будь то десятины или другие источники, какие им будет угодно, ибо все, что они делают, делают по указаниям своей совести и отвечают за это лишь перед Богом. Только гражданскому суверену принадлежит право назначать судей и толкователей канонических писаний, ибо только он один придает им силу законов. Точно так же только он придает силу отлучениям, которыми пренебрегали бы, если бы они не сопровождались такими законами и наказаниями, которые способны смирить упорных отступников и заставить их объединиться с остальной церковью. Короче говоря, гражданский суверен имеет верховную власть во всех делах, как церковных, так и гражданских, поскольку дело касается действий и слов, ибо только они одни известны и могут быть предметом обвинения, а над тем, что не может быть предметом обвинения, нет судьи, кроме Бога,

ведающего сердцами. И эти права неотъемлемы от верховной власти как монархов, так и верховных собраний, ибо те, кто являются представителями христианского народа, суть представители церкви, так как церковь и христианское государство одно и то же.

Рассмотрение книги кардинала Беллармина «De summo pontifice». Хотя то, что я сказал здесь и в других местах этой книги, достаточно ясно обосновывает верховную власть христианских суверенов, однако так как общее притязание римского папы на эту власть было поддержано главным образом и, я думаю, так сильно, как только это возможно, кардиналом Белларминым в его полемическом сочинении «De summo pontifice» [25], то я счел необходимым подвергнуть разбору, по возможности кратко, его основания и силу его рассуждения.

Книга первая. Из пяти книг, написанных им на эту тему, первая содержит три вопроса. Сначала разбирается вопрос о том, какая из форм правления — *монархическая, аристократическая* или *демократическая* — является наилучшей, причем автор приходит к заключению, что наилучшей является не какая-либо одна из них, а лишь смешанная из всех трех. Вторым разбирается вопрос о том, какая из этих форм правления является наилучшей для церкви, причем автор высказывается за смешанную, но более приближающуюся к монархии. В-третьих, обсуждается вопрос о том, занимал ли апостол Петр в этой смешанной монархии место монарха. Что касается первого вопроса, то я уже достаточно доказал (в главе XVIII), что все правительства, которым люди обязаны повиноваться, являются неразложимыми и абсолютными. В монархии верховная власть принадлежит лишь одному человеку, и все другие люди, имеющие какую-нибудь власть в государстве, имеют ее лишь по его полномочию и пока ему угодно и осуществляют ее его именем. При аристократии же и демократии имеется лишь одно верховное собрание с той же властью, которая в монархии принадлежит монарху и является не смешанной, а абсолютной верховной властью. Там же, где одна из форм правления уже установилась, не приходится рассуждать о том, какая из трех форм правления наилучшая, а всегда следует предпочитать, поддерживать и считать наилучшей существующую, ибо делать что-нибудь, что может привести к ниспровержению существующей формы правления,— значит противоречить как естественному, так и положительному Божественному Закону. Кроме того, вопрос о том, какая форма

правления наилучшая, не имеет никакого отношения к власти пастыря (за исключением того случая, когда он обладает гражданской верховной властью), ибо пастыри призваны не управлять людьми приказами, а лишь учить их и убеждать доводами, предоставляя своим слушателям решать, принимают они или отвергают преподанное им учение. Действительно, монархия, аристократия и демократия обозначают для нас три вида суверенов, а не три вида пастырей, или, как мы можем сказать, три вида отцов семейств, а не три вида школьных учителей их детей.

Поэтому второе заключение относительно лучшей формы правления церкви не имеет никакого отношения к вопросу о власти папы вне его собственных владений, ибо во всех других государствах его власть (если он вообще имеет какую-либо) есть лишь власть школьного учителя, а не власть отца семейства.

В качестве основного аргумента в пользу своего третьего заключения, а именно что апостол Петр был монархом в церкви, он приводит место из апостола Матфея (16, 18, 19): *Ты — Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою* и т. д. *И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах.* Однако при ближайшем рассмотрении это место доказывает, что церковь Христа имеет своим фундаментом один лишь догмат, а именно тот, который, будучи признан Петром от имени всех апостолов, дал повод нашему Спасителю произнести цитированные выше слова. Чтобы ясно понять, о чем идет тут речь, мы должны принять во внимание, что Спаситель самолично через Иоанна Крестителя и своих апостолов проповедовал лишь один догмат веры, *что он есть Христос*, так что все другие догматы веры являются таковыми, лишь поскольку они зиждутся на этом фундаменте. Первым начал Иоанн (Матф. 3, 2), проповедуя лишь: *Приблизилось Царство Небесное*, затем проповедовал то же самое наш Спаситель (Матф. 4, 17). И в заповеди, данной Иисусом своим двенадцати апостолам (Матф. 10, 7), говорится о проповедовании лишь этого догмата. Это был основной догмат, т. е. фундамент церковной веры. Впоследствии, когда апостолы вернулись к Иисусу, он спросил их всех (Матф. 16, 13, 14), а не одного лишь Петра, *за кого люди почитают Меня*, и апостолы ответили, что *одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков.* Тогда Иисус снова спросил их всех (не только Петра): *А вы за кого почитаете Меня?* На это

апостол Петр ответил за них всех: *Ты — Христос, Сын Бога живого,* что является, как я сказал, основой веры всей церкви. Это дало повод нашему Спасителю сказать: *На сем камне Я создам церковь Мою.* Из этого очевидно, что под краеугольным камнем церкви подразумевается основной догмат церковной веры. Но почему же, возразит кто-нибудь, наш Спаситель вставляет слова *ты — Петр*? Если оригинал этого текста был бы переведен дословно, то легко было бы видеть основание указанной вставки. Мы должны принять во внимание, что апостол Симон имел прозвище Камень (что по-сирийски будет cephas, а по-гречески — πέτρος). Наш Спаситель поэтому после признания Петром основного догмата сказал, намекая на имя последнего, следующее: *Ты — Камень, и на этом Камне я создам церковь Мою.* Это все равно как если бы он сказал: этот догмат, *что я есмь Христос*, есть основа всей той веры, которую я требую от всех тех, кто должен стать членами моей церкви. Такой намек на имя собеседника не является необычным в обиходной речи. Однако странной и неясной выглядела бы речь нашего Спасителя, если бы он, намереваясь воздвигнуть свою церковь на личности апостола Петра, сказал бы: «ты — Камень, и на сем Камне я создам церковь мою», когда следовало ясно и недвусмысленно сказать: «на тебе я создам церковь мою»,— при этом обороте намек на имя Петра все еще сохранялся бы.

А что касается следующих слов: *Я дам тебе ключи царства небесного* и т. д., то это не больше того, что наш Спаситель дал также остальным своим ученикам (Матф. 18, 18): *Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе.* Однако, как бы мы ни толковали эти тексты, несомненно, что пожалованная здесь власть принадлежит всем верховным пастырям, а таковыми являются все христианские гражданские суверены в их собственных владениях. И это в такой степени верно, что, если бы апостол Петр или сам наш Спаситель склонил кого-нибудь из суверенов к тому, чтобы уверовать в него и признать его Царство, то, ввиду того что его Царство не от мира сего, он предоставил бы верховную заботу об обращении своих подданных одному лишь этому суверену или же должен был бы лишить его верховной власти, неотделимой частью которой является право учить. И этого достаточно для опровержения выводов первой книги, где Беллармин стремится доказать, что апостол Петр был всеобщим монархом церкви, т. е. монархом всех христиан мира.

Книга вторая. Вторая книга содержит два заключения, а именно что апостол Петр был епископом Рима и здесь умер и что римские папы являются его преемниками. Оба этих положения оспаривались другими исследователями. Но предположим, что они оба верны. Однако если под римским епископом следует разуметь или монарха церкви, или верховного пастыря ее, то епископом был не Сильвестр, а Константин, который был первым императором-христианином. Подобно Константину, все другие императоры-христиане были по праву верховными епископами Римской империи. Я говорю, Римской империи, а не всего христианства. Ибо все другие христианские суверены имели то же право как право, неотделимое от их верховной власти на их различных территориях. И это служит ответом на его вторую книгу.

Книга третья. В третьей книге Беллармин обсуждает вопрос о том, является ли папа Антихристом. Я со своей стороны не вижу никаких доводов за то, чтобы папа был Антихристом в том смысле, в каком Писание употребляет это слово, и не желаю пользоваться аргументом от качества антихриста, чтобы оспаривать власть, которую осуществляет или осуществлял папа во владении другого монарха или государства.

Ясно, что пророки Ветхого завета предсказывали, а евреи ждали прихода мессии, т. е. Христа, который восстановил бы среди них Царство Божие, отвергнутое ими во время Самуила, когда они потребовали царя, как у прочих народов. Это ожидание подвергало евреев опасности поддаваться обману таких людей, которые обладали как достаточным честолюбием, чтобы пытаться приобрести это Царство, так и достаточной ловкостью, чтобы обмануть народ кажущимися чудесами, ханжеством или правдоподобными речами и учением. Вот почему наш Спаситель и его апостолы предостерегали людей от лжепророков и лжехристов. Лжехристами являются те, кто выдает себя за *Христа,* не будучи таковым, подобно тому как, когда вследствие раскола в церкви выбирают двух пап, каждый называет другого *антипапой* или лжепапой. Поэтому антихрист в собственном значении слова имеет два существенных признака: один — что он не признает Иисуса Христом, а другой — что он признает Христом себя. Первый признак указан апостолом Иоанном в его 1-м Послании (4, 3): *всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста.* А второй выражен в словах нашего Спасителя (Матф. 24, 5): *многие*

придут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос»; и опять (ст. 23): *если кто скажет вам: «вот, здесь Христос, или там»,— не верьте.* Поэтому антихрист должен быть лжехристом, т. е. одним из тех, кто будет выдавать себя за Христа. Из этих двух признаков, а именно *непризнания* Иисуса Христом и *выдавания себя за Христа,* следует, что антихрист должен также быть *противником истинного Христа Иисуса,* что является другим обычным значением слова «антихрист». Но среди этих многих антихристов имеется один особый ὁ Αντίχριστος — *Антихрист* как определенное лицо, а не неопределенный *некий антихрист.* Однако, ввиду того что римский папа не выдает себя за Христа и не отрицает, что Иисус есть Христос, я не понимаю, как можно его называть Антихристом, ведь под этим словом подразумевается не тот, кто ложно выдает себя за *главного наместника Христа,* а лишь тот, кто выдает себя за *Христа.* Имеется еще указание на время, в которое должен объявиться этот особый Антихрист, как, например (Матф. 24, 5), что тогда этот мерзкий опустошитель, реченный через пророка Даниила (Дан. 9, 27), будет стоять на святом месте, и будет великая скорбь, какой не было с начала мира и не будет, так что, если бы не сократились те дни, *не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни* (Матф. 24, 22). Но эта скорбь еще не пришла, ибо непосредственно за ней (ст. 29) должны померкнуть Солнце и Луна, и звезды должны падать с неба, и поколебаться небеса, и должен прийти снова на облаках со славой наш Спаситель. Следовательно, *Антихрист* еще не пришел, между тем как многие папы уже приходили и уходили. Правда, присваивая себе право давать законы всем христианским королям и народам, папа незаконно захватывает царство мира сего, чего Христос не брал на себя. Однако папа делает это не *как Христос,* а *за Христа,* что не является признаком *антихриста.*

Книга четвертая. В четвертой книге Беллармин выставляет три положения в доказательство того, что *папа есть верховный судья во всех вопросах веры и нравственности* (что означает то же, что сказать, будто он является абсолютным монархом всех христиан мира). Первое положение — решения папы непогрешимы; второе — папа имеет власть издавать законы и наказывать тех, кто их не соблюдает; третье — наш Спаситель перенес всю церковную юрисдикцию на папу римского.

Тексты относительно непогрешимости папских суждений в вопросах веры. В пользу непогрешимости суждений

папы Беллармин цитирует писания, прежде всего Луку (22, 31, 32): *Симон! Симон! се Сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих.*

Согласно толкованию Беллармина, это место будто бы говорит за то, что Христос дал здесь Симону-Петру две привилегии: одна — что ни его вера, ни вера кого-либо из его преемников не оскудеет; другая — что ни он, ни кто-либо из его преемников никогда не вынесут ошибочного решения по вопросам веры или нравственности, а также решения, противоречащего решению предыдущего папы, что является странным и натянутым толкованием. Однако тот, кто внимательно прочтет эту главу, найдет, что нет другого места во всем Писании, которое бы так говорило против власти папы, как именно это. Первосвященники и книжники хотели погубить нашего Спасителя в праздник Пасху, и Иуда уже носился с мыслью о предательстве. И вот настал день, когда надлежало заколоть пасхального агнца и наш Спаситель справлял праздник вместе со своими апостолами, которым Он сказал, что уже не будет это делать до прихода Царства Божия, и одновременно Он сказал им, что один из них предаст Его. И они начали спрашивать, кто из них сделает это, и одновременно (ввиду того, что следующую Пасху их учитель намеревался справлять, когда Он будет царем) начался между ними спор, кто тогда должен первенствовать. Поэтому наш Спаситель сказал им, что цари народов господствуют над своими подданными и называются именем, означающим (по-древнееврейски) благодетелей, но Он не может быть таким к ним, и они должны стараться служить друг другу. Дальше (ст. 29) Он продолжает: *Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да ядите и пиете за трапезой Моею и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых.* И после этого (ст. 31, 32), обращаясь к апостолу Петру, Он говорит: *Симон! Симон! се Сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись* (заметьте это), *утверди в этой вере твоих братьев.* На это апостол Петр ответил (как тот, кто не ждет власти в этом мире): *Господи! С Тобою я готов и в темницу и на смерть идти.* Из всего этого очевидно, что апостолу Петру не только не было дано никакого права судопроизводства в этом мире, но, наоборот, ему было дано поручение учить других апостолов, что они также не должны иметь такого права. А что касается непогрешимости

окончательных приговоров апостола Петра в вопросах веры, то на основании приведенного текста можно лишь вывести, что Петр и впредь сохранит свою веру в этом пункте, а именно что Христос снова придет и будет обладать Царством в день Суда, причем этот дар не был дан этим текстом всем его преемникам, ибо мы видим, что они претендуют на царство в существующем ныне мире.

Второй текст, на который ссылается Беллармин,— это Матфей 16, 18: *Ты — Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее,* чем лишь доказано (как я уже показал в этой главе), что врата ада не одолеют признания Петра, давшего повод к этой речи, а именно признания, что *Иисус есть Христос, сын Бога.*

Третий текст — это Иоанн 21, 17: *Паси овец Моих* — содержит лишь поручение учить, и, если мы примем, что все остальные апостолы подразумеваются под словом «овцы», тогда это — верховное право учить. Но это было для того времени, когда еще не было христианских суверенов, уже имевших это верховное право. Однако я уже доказал, что христианские суверены являются в своих владениях верховными пастырями, установленными для этого в силу своего крещения, хотя и без специального возложения рук. Поэтому возложение рук как церемония для обозначения лица, уполномоченного учить, чему ему угодно, не нужна, когда это лицо уже обозначено тем, что отмечено абсолютной властью над своими подданными. В самом деле, я уже раньше показал, что суверены в силу своего сана являются верховными учителями, и поэтому они своим крещением обязываются учить христианству. И если они терпят, чтобы другие учили их народ, то они это делают, рискуя своей собственной душой. Ибо именно от главы семейства Бог будет требовать отчета в том, как он наставлял своих детей и слуг. Именно об Аврааме, а не о его наемнике Бог говорит (Быт. 18, 19): *Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем Господним, творя правду и суд.*

Четвертое место, на которое ссылается Беллармин,— это Исход 28, 30: *На наперсник судный возложи урим и туммим.* Последние слова, говорит Беллармин, истолкованы в Септуагинте как δήλωσιν καὶ ἀλήθειαν, т. е. *очевидность* и *истина.* Отсюда он заключает, что Бог дал первосвященнику очевидность и истину (что почти равно непогрешимости). Но все равно, говорит ли этот текст за то, что священнику даны были сама очевидность и истина, или этот текст является лишь напоминанием ему о том,

что он должен точно все знать и праведно судить,— все же, раз это дано первосвященнику, значит, это дано гражданскому суверену. Ибо именно гражданским сувереном под верховным владычеством Бога был первосвященник в государстве Израиля. Следовательно, этот текст является доказательством в пользу того, что даром очевидности и истины, т. е. верховной властью над своими подданными в церковных делах, обладают гражданские суверены, т. е. этот текст говорит против притязаний папы на эту власть. Таким образом, мы рассмотрели все те тексты, которые Беллармин приводит в пользу непогрешимости суждений папы в вопросах веры.

Тексты относительно непогрешимости суждений папы в вопросах нравственности. В пользу непогрешимости суждений папы в вопросах нравственности Беллармин ссылается на текст из Иоанна 16, 13: *Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину*, где, говорит Беллармин, под *всякой истиной подразумевается, по крайней мере, всякая истина, необходимая для спасения.* Но этим ограничением он приписывает папе не больше непогрешимости, чем любому человеку, исповедующему христианство и не заслуживающему осуждения. Ибо если человек ошибается в каком-нибудь пункте, не ошибаться в котором — необходимое условие спасения, то он не может спастись, так как необходимым условием спасения является лишь то, без чего невозможно спастись. Каковы эти пункты, я выясню в следующей главе на основании Писания. Здесь я лишь скажу, что, если бы мы и допустили, что папа абсолютно не может учить чему-нибудь ошибочному, из этого еще не следовало бы, что это дает ему право судопроизводства во владениях другого монарха; разве только мы полагали бы, что человек обязан по совести поручать всякое дело лучшему мастеру даже и в том случае, когда он уже предварительно обещал эту работу другому.

Помимо ссылок на тексты Беллармин рассуждает и доказывает следующим образом. Если бы папа мог ошибаться в том, что необходимо для спасения, то это значило бы, что Христос недостаточно позаботился о спасении церкви, ибо он заповедал церкви следовать руководству папы. Однако этот довод был бы убедителен лишь в том случае, если бы автор показал, когда и где Христос заповедал это или вообще упоминает о папе. В самом деле, если бы мы даже допустили, что все, что было дано апостолу Петру, дано папе, нельзя, однако, считать закономерным повиновение

папе в тех случаях, когда его повеления противоречат постановлениям законного суверена повинующегося, так как в Писании никому не заповедано повиноваться апостолу Петру.

Наконец, ни церковь не объявила, что папа является гражданским сувереном всех христиан мира, ни сам папа не провозгласил себя таковым, поэтому не все христиане обязаны признавать его право суда в вопросах нравственности. Ибо гражданская верховная власть и высшее право суда по вопросам нравственного поведения суть одно и то же. А творцы гражданских законов не только объявляют, но и устанавливают то, что соответствует и что не соответствует законам в человеческих действиях. Ибо правильность и неправильность человеческих нравов зависят исключительно от того, соответствуют или не соответствуют они закону суверена. И поэтому, когда папа притязает на верховенство в вопросах нравственности, он учит людей неповиновению их гражданским суверенам, что является ошибочным учением, противоречащим многим переданным нам в Писании правилам нашего Спасителя и его апостолов.

В доказательство того, что папа имеет власть издавать законы, Беллармин ссылается на многие тексты. Прежде всего на Второзаконие (17, 12): *А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении перед Господом, Богом твоим, или судьи... тот должен умереть,— и так истреби зло от Израиля.* В ответ на это мы должны напомнить, что первосвященник (вслед и непосредственно за Богом) был гражданским сувереном и все судьи должны были быть установлены им. Приведенные слова поэтому имеют следующий смысл: *человек, который поступит так дерзко, что не послушает гражданского суверена, который будет в те дни, или кого-нибудь из его чиновников при исполнении его обязанностей,— этот человек должен умереть* и т. д., что говорит определенно в пользу гражданской верховной власти против всемирной власти папы.

Во-вторых, он ссылается на Матфея (16): *и что свяжешь* и т. д., причем Беллармин это связывание толкует в том смысле, в каком говорится (Матф. 23, 4) о книжниках и фарисеях: *Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям,* и под этими словами, говорит Беллармин, подразумевается создание законов, и отсюда он заключает, что папа может издавать законы. Но этот текст тоже говорит в пользу законодательной власти

гражданских суверенов, ибо книжники и фарисеи сидели на Моисеевом седалище, а Моисей непосредственно под Богом был сувереном народа израильского. Поэтому наш Спаситель заповедал делать все то, что они прикажут, но не все то, что они будут делать, т. е. повиноваться их законам, но не подражать их делам.

Третий текст, на который ссылается Беллармин,— это Иоанн 21, 17: *Паси овец Моих.* Но это не вручение законодательной власти, а лишь повеление учить. Составлять законы есть дело главы семьи, который выбирает домашнего священника по своему усмотрению, точно так же как по своему усмотрению он выбирает школьного учителя для своих детей.

Четвертый текст, на который Беллармин ссылается, а именно Иоанн 20, 21, говорит прямо против него. Ибо там сказано: *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас.* Но наш Спаситель был послан, чтобы искупить своей смертью грехи тех, кто уверует в него, и своей проповедью и проповедью своих апостолов приготовить верующих к вступлению в Царство Божие, о котором он сам говорит, что оно не от мира сего, и о будущем пришествии которого он учил нас молиться, хотя отказывался (Деян. 1, 6, 7) говорить своим апостолам, когда оно придет, и по пришествии которого двенадцать апостолов будут сидеть на двенадцати тронах (каждый из которых, может быть, будет так же высок, как трон апостола Петра), чтобы судить двенадцать колен израилевых. Так как Бог-Отец послал нашего Спасителя не для того, чтобы издавать законы в существующем мире, мы можем из приведенного текста заключить, что наш Спаситель послал апостола Петра точно так же не для того, чтобы издавать законы, а чтобы убедить людей ждать с твердой верой его второго пришествия, а до того времени, если они подданные, повиноваться своим государям, а если они государи, верить самим и всеми имеющимися средствами побудить к тому же своих подданных; это обязанность епископа. Поэтому этот текст в противоположность тому, что хочет доказать кардинал Беллармин, является наиболее сильным доводом в пользу объединения верховной церковной власти с верховной гражданской.

Пятая ссылка — это Деяния 15, 28, 29. *Угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда.* Слова «возлагать бремя» кардинал Беллармин приводит как доказательство того, что апостолы обладали законодательной властью.

Однако кто из читавших этот текст может утверждать, что употребляемый здесь апостолами способ выражения не может быть употреблен так же хорошо при даче совета, как и при составлении закона? Стиль закона *мы приказываем,* но *мы считаем за благо* есть обычный стиль тех, кто дает лишь совет. И те, кто дает совет, возлагает бремя, хотя это бремя является условным, т. е. те, кому этот совет дается, берут на себя это бремя лишь в том случае, если они хотят достичь своих целей. И таковым именно является бремя воздержания от удавленины и блуда, и это бремя не абсолютно, но рекомендовано на тот случай, если те, кому это советуют, не желают грешить. Я раньше показал (глава XXV), что закон тем отличается от совета, что основанием для него является намерение и благо того, кто его предписывает, между тем как основанием для совета является намерение и благо того, кому этот совет дается. В нашем же случае апостолы ставят своей целью не собственное благо, а благо обращенных язычников, именно их спасение. Ибо апостолы получат свою награду за приложенные ими усилия в наставлении обращенных язычников независимо от того, послушаются ли те этих наставлений или нет. Таким образом, постановления совета апостолов были не законами, а советами.

Шестой текст, на который ссылается Беллармин,— это Послание к Римлянам (13, 1): *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога.* Под этими властями, говорит Беллармин, подразумеваются не только мирские князья, но и князья церкви. На это я отвечаю прежде всего, что князья церкви лишь те, кто одновременно и гражданские суверены, причем их церковная власть не выходит за пределы их гражданской верховной власти. Вне же этих пределов они могут считаться учителями, но не князьями. Ибо если бы апостол полагал, что мы должны быть покорны как нашим князьям, так и папе, то он учил бы нас тому, что Христос сам объявил невозможным, а именно *служить двум господам.* И хотя апостол в другом месте говорит: *Я пишу это, отсутствуя, дабы, присутствуя, не прибегнуть к мерам строгости согласно власти, которую дал мне Господь,*— это не значит, что он претендует на власть приговаривать кого-нибудь к смертной казни, тюремному заключению, изгнанию, битью кнутом или денежному штрафу, каковые меры суть наказания. Под мерами строгости может подразумеваться лишь отлучение от церкви, которое без содействия гражданской власти сводится лишь к тому, что верующие избегают

общества отлученного и имеют с ним не больше дела, чем с язычником и мытарем. Во многих случаях такое отлучение могло грозить бóльшими бедствиями отлучающему, чем отлученному.

Седьмая ссылка Беллармина — это 1 Коринф. 4, 21: *С жезлом прийти к вам или с любовью и духом кротости?* Но и здесь под жезлом подразумевается не власть должностного лица наказывать преступников, а лишь власть отлучения от церкви, являющаяся по своей природе не наказанием, а лишь возвещением наказания, которое наложит Христос, когда Он будет владеть своим Царством в день Страшного суда. Да и тогда оно будет не наказанием в собственном смысле, какому подвергается подданный за нарушение закона, а местью, которой подвергается враг или мятежник, отрицающий право нашего Спасителя на царство. Таким образом, и этот текст не доказывает, что епископ, не являющийся одновременно гражданским сувереном, обладает законодательной властью.

Восьмая ссылка Беллармина — это 1 Тим. 3, 2: *Епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен,* что является, говорит Беллармин, законом. Я полагал, что никто не мог создавать законы для церкви, кроме ее монарха — апостола Петра. Но если мы даже допустим, что это правило было составлено властью апостола Петра, я все же не вижу основания, почему предпочтительнее называть это правило законом, чем советом, принимая во внимание, что Тимофей был не подданным, а учеником апостола Павла, и паства, порученная заботам Тимофея, состояла не из его подданных в царстве, а из его учеников в школе Христа. Если все правила, которые апостол Павел преподает Тимофею, являются законами, то почему также не считать законом наставление: *Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина ради желудка твоего?* И почему также не считать законами правила, предписываемые хорошими врачами? Однако не повелительная форма выражения делает какое-нибудь правило законом, а лишь абсолютная покорность того лица, которому это правило адресовано.

Точно так же и приводимый Беллармином девятый текст из того же послания к Тимофею (5, 19): *Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях,* — является не законом, а мудрым правилом.

Десятая цитата Беллармина взята из Евангелия от Луки (10, 16): *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается.* Нет никакого сомнения в том,

что отвергающий совет тех, кто был послан Христом, отвергает этим совет самого Христа. Однако кто в наше время является посланным Христа, если не те, кто назначен пастырями законной властью? А кто является законно назначенным, если он не назначен верховным пастырем? А кто же, будучи назначен в христианском государстве верховным пастырем, не является назначенным властью суверена этого государства? Из этого текста поэтому следует, что тот, кто слушается своего христианского суверена, слушается Христа, а тот, кто отвергает учение, поощряемое его христианским королем, отвергает учение Христа (т. е. следует обратное тому, что намерен доказать на основании этой цитаты Беллармин). Но все это не имеет ничего общего с законом. Более того, если христианский король выступает в роли пастыря и учителя своих подданных, он этим не делает свои учения законами. Он не может обязать людей верить, хотя как гражданский суверен он может создать законы, соответствующие его учению, и эти законы могут обязать людей к определенным действиям, а иногда и к таким, которые люди без их законов не совершали бы и которые суверен не должен был бы предписывать. Когда такие действия предписаны, они являются законами, а те внешние действия, которые совершаются из повиновения этим законам без внутреннего одобрения, являются действиями суверена, а не подданного, являющегося в этом случае простым инструментом, лишенным всякого собственного побуждения и совершающим свои действия только потому, что Бог заповедал повиноваться законам.

Одиннадцатым доводом Беллармина является всякий текст, где апостол облекает свой совет в форму, в которой люди привыкли выражать приказание, или где апостол обозначает следование его совету словом *повиновение*. Поэтому прежде всего цитируется 1 Коринф. 11, 2: *Хвалю вас, братия, что вы... держите предания так, как я передал вам*. В греческом оригинале сказано: *Хвалю вас, что вы держите то, что я передал вам, так, как я передал вам*, что далеко не обозначает, будто эти правила были законами или чем-либо иным, кроме добрых советов. А текст из 1 Фес. 4, 2: *Вы знаете, какие мы дали вам заповеди*, которому в греческом тексте соответствуют слова παραγγελίας ἐδώκαμεν, что равнозначно παρεδώκαμεν — *что мы передали вам*, так же как и вышеприведенный текст не доказывает, что предания апостолов были чем-либо иным, как добрыми советами, хотя в 8-м стихе сказано: *Непокорный непокорен не человеку, но Богу*. Ибо наш Спаситель пришел сам не для

того, чтобы судить, т. е. не для того, чтобы быть царем в этом мире, а чтобы пожертвовать собой ради грешников и оставить учителей в своей церкви, которые вели бы, но не тащили бы людей к Христу, не приемлющему никогда вынужденных действий (к которым только и приводят законы), а лишь внутреннее обращение сердца. Последнее же производится не законом, а советом и учением.

Далее кардинал Беллармин цитирует 2 Фес. 3, 14: *Если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не общайтесь с ним, чтобы устыдить его,* где он из слова *повиноваться* делает заключение, что это послание было законом для фессалоникийцев. Послания императоров были в самом деле законами. Если поэтому послание апостола Павла было бы также законом, то фессалоникийцы должны были бы повиноваться двум господам. Однако слову *повиноваться* соответствует в греческом оригинале слово ὑπακούει, означающее *послушать* или *осуществлять*, что применимо не только к тому, что приказано человеком, имеющим право наказывать, но также и к тому, что дано нам в качестве совета для нашего собственного блага. Вот почему апостол Павел не предлагает неповинующегося убить, или бить, или заключить в тюрьму, или подвергнуть денежному штрафу, каковые меры мог бы принять законодатель, а лишь предлагает не общаться с ним, чтобы устыдить его. Из этого видно, что христианам внушала страх не власть апостола, а его репутация среди верующих, ибо перед ним христиане испытывали благоговейный трепет.

Последняя ссылка Беллармина — это Евр. 13, 17: *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет.* Но и здесь под повиновением подразумевается следование их советам, ибо основанием для нашего повиновения указываются не воля и приказание наших пастырей, а наше собственное благо, так как эти пастыри пекутся о спасении наших душ, а не об увеличении собственного могущества и власти. Если бы тут подразумевалось, что все, чему пастыри учат, есть закон, тогда законодательную власть имел бы не только папа, но каждый пастырь в своем приходе. Кроме того, те, кто обязан повиноваться своим пастырям, не имеют права подвергать испытанию их приказания. Что же тогда скажем по поводу правила, преподанного нам апостолом Иоанном (1 Послание 4, 1): *Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире*? Ясно, следовательно,

что мы можем оспаривать учение наших пастырей, но никто не может оспаривать закон. Все согласны, что постановления гражданских суверенов являются законами, и если кто-нибудь помимо суверена мог бы составлять законы, то всякое государство, а следовательно, и всякий мир и правосудие перестали бы существовать, что противоречило бы всем законам, как божественным, так и человеческим. Поэтому ни из этого, ни из какого-нибудь другого текста Писания нельзя почерпнуть доказательства в пользу того, будто постановления папы имеют силу закона даже там, где он не обладает гражданской верховной властью.

Спор о верховенстве между папой и другими епископами. Последнее положение, которое Беллармин старается доказать, заключается в том, *что наш Спаситель Христос поручил церковную юрисдикцию непосредственно одному лишь папе.* Этим положением Беллармин стремится отстоять верховенство папы не от христианских монархов, а от других епископов. Во-первых, говорит он, бесспорно, что юрисдикция епископов, по крайней мере в основном, есть de jure divino [27], т. е. по божественному праву, в доказательство чего он цитирует слова апостола Павла в Послании к Ефесянам (4, 11), где говорится, что после своего вознесения на небо Христос дал благодать людям и *поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных — пастырями и учителями.* Отсюда Беллармин заключает, что епископы действительно имеют свою юрисдикцию по божественному праву, но он не желает признать, что они имеют это право непосредственно от Бога, а думает, будто они получают его через папу. Однако если говорится о человеке, что он имеет свою юрисдикцию de jure divino, но не непосредственно, то имеется ли в христианском государстве какая-нибудь законная юрисдикция, хотя бы и гражданская, которая не была бы также de jure divino? Ибо христианские короли имеют свою гражданскую власть непосредственно от Бога, а подчиненные им должностные лица выполняют свои различные функции в силу данных им суверенами полномочий. Следовательно, все, что они делают, в не меньшей степени является de jure divino mediato [28], чем то, что делает епископ в силу назначения его папой. Всякая законная власть есть от Бога: непосредственно от Бога — власть верховного правителя, а опосредствованно — власть тех, кто уполномочен этим верховным правителем. Таким образом, или Беллармин должен признать, что всякий констебль в государстве занимает свою должность по Божественному праву, или же он не должен

думать, что какой бы то ни было епископ, кроме самого папы, занимает свою должность по Божественному праву.

Однако если речь идет не о тех текстах, где сказано, что папа имеет гражданскую верховную власть, то весь этот спор о том, предоставил ли Христос юрисдикцию одному лишь папе или же кроме него и всем другим епископам, является спором de lana caprina [29]. Ибо никто из них не имеет (там, где они не являются суверенами) никакой юрисдикции. В самом деле, юрисдикция есть право слушать и решать тяжбы между людьми, которое может принадлежать лишь тому, кто имеет власть предписывать правила насчет того, что правомерно и что неправомерно, т. е. составлять законы и мечом правосудия принуждать людей подчиняться своим решениям, вынесенным им самим или назначенными им для этого судьями, а такой власти не имеет законным образом никто другой, помимо гражданского суверена.

Поэтому когда Беллармин ссылается на главу Евангелия от Луки, где говорится, что наш Спаситель созвал своих учеников и выбрал из них двенадцать человек, которых Он назвал апостолами, то он этим доказывает, что Христос избрал своих апостолов (всех, за исключением Матфея, Павла и Варнавы), уполномочил их и приказал им проповедовать, но не судить и не решать тяжбы между людьми. Ибо это право, от которого Христос сам отказался, сказав: *Кто сделал Меня судьей или делителем между вами?* И в другом месте: *Царство мое не от мира сего.* Но о том, кто не имеет власти слушать и решать тяжбы между людьми, нельзя сказать, что он имеет какую бы то ни было юрисдикцию. И тем не менее это не исключает того, что наш Спаситель дал им право проповедовать и крестить во всех частях мира, если только это им не запрещалось их собственными законными суверенами. Ибо и сам Христос, и его апостолы ясно заповедали нам во многих местах во всем повиноваться нашим суверенам.

Те аргументы, которыми Беллармин пытается доказать, что епископы получают свою юрисдикцию от папы, бьют мимо цели (ввиду того что сам папа не обладает правом юрисдикции во владениях других монархов). Однако так как все его ссылки доказывают, наоборот, что все епископы, поскольку они обладают правом юрисдикции, получают это право от своих гражданских суверенов, то я не премину привести их здесь.

Первый аргумент — это ссылка на книгу Чисел (11), где говорится, что, когда Моисей оказался не в силах один

нести все бремя управления делами народа израильского, Бог повелел ему избрать семьдесят старейшин и взял часть от духа Моисея, чтобы дать ее тем семидесяти старейшинам. Беллармин говорит, что это место не следует понимать в том смысле, будто Бог ослабил этим дух Моисея, ибо это не облегчило бы его бремени, а это следует понимать лишь так, что эти семьдесят старейшин получили свою власть от Моисея. И это толкование Беллармина является правильным и остроумным. Но так как Моисей имел тогда всю полноту верховной власти в государстве евреев, то этим ясно обозначено, что старейшины получили свою власть от гражданского суверена. Таким образом, эта ссылка доказывает, что во всяком христианском государстве епископы имеют свою власть от гражданского суверена, а от папы — лишь на его собственной территории, а не на территории другого государства.

Второй аргумент Беллармин выводит из природы монархии. В монархии, говорит он, вся власть сосредоточена на одном человеке, а все остальные имеют свою власть от него. Церковь же управляется монархически. Этот аргумент имеет силу также для христианских монархов, которые являются действительными монархами своего народа, т. е. их собственной церкви (ибо церковь и христианский народ одно и то же), между тем как власть папы, хотя бы это был апостол Петр, является не монархией, ибо она не имеет никакого дела ни с *верховенством* (archical), ни с *господством* (ctatical), а только с обязанностью *наставлять* (didactical), так как Господь принимает не вынужденное, а лишь добровольное повиновение.

Третьим аргументом служат Беллармину слова св. Киприана, назвавшего *седалище* апостола Петра *истоком, источником, корнем, солнцем,* от которого производится власть епископов. Однако по естественному праву (которое является лучшим принципом правомерности и неправомерности, нежели слова какого-нибудь учителя церкви, который всего лишь человек) гражданский суверен во всяком государстве является *истоком, источником, корнем* и *солнцем,* от которого производится всякая юрисдикция. Поэтому юрисдикция епископов имеет своим источником гражданского суверена.

Четвертым аргументом служит Беллармину факт неравенства юрисдикции епископов. Ибо если бы Бог, говорит он, дал им право юрисдикции непосредственно, то, дав им одинаковый ранг, он дал бы им и одинаковую юрисдикцию. Однако мы видим, что некоторые епископы являются

епископами лишь одного города, другие — сотни городов, а иные — многих провинций — различие, которое не было установлено Богом. Юрисдикция епископов поэтому не от Бога, а от человека, и один имеет более обширную, другой менее обширную юрисдикцию в зависимости от усмотрения князя церкви. Этот аргумент имел бы силу, если предварительно было бы доказано, что папа имел всеобщую юрисдикцию над всеми христианами. Однако поскольку не было доказано и доподлинно известно, что обширная юрисдикция папы была дана ему теми, кто имел ее, именно римскими императорами (ибо константинопольский патриарх на основании того же титула, именно на основании того, что он епископ столицы империи и резиденции императора, требовал для себя равных прав с папой), постольку отсюда следует, что все другие епископы имеют свою юрисдикцию от суверенов той страны, где они ее осуществляют. Подобно тому как епископы по этой причине имеют свою власть не de jure divino, точно так же не de jure divino имеет свою власть и папа, за исключением той страны, где он также и гражданский суверен.

В качестве пятого аргумента Беллармин выдвигает следующее положение: *Если бы епископы имели свою юрисдикцию непосредственно от Бога, то папа не мог бы лишить их ее, ибо папа не может делать ничего, что шло бы вразрез с божественным установлением.* Это положение правильно и хорошо обосновано. *Однако,*— говорит он,— *папа имеет право это делать и делает.* С этим тоже можно согласиться, поскольку дело касается собственных владений папы или владений какого-либо другого монарха, предоставившего папе это право, но нельзя согласиться с тем, что это право папы является всеобщим и вытекающим из его права на папские владения. Ибо это право принадлежит всякому христианскому суверену в пределах его собственных владений и неотделимо от верховной власти. До того времени, как народ израильский поставил над собой царя, согласно повелению Бога Самуилу, по примеру других народов, гражданская власть принадлежала первосвященнику, и никто, кроме него, не мог назначать и увольнять низшего священника. Но эта власть потом перешла к царям, как это может быть доказано тем же аргументом Беллармина. Ибо, если бы священник (будь это первосвященник или другой) имел свою юрисдикцию непосредственно от Бога, он не мог бы быть ее лишен царем, *так как царь не мог делать ничего, что шло бы вразрез с божественным установлением.* Однако достоверно изве-

стно, что царь Соломон (3 Цар. 2, 26, 27) удалил от священства первосвященника Авиафара и поставил на его место Садока (ст. 35). Поэтому цари могут таким же образом ставить и удалять епископов в зависимости от того, сочтут ли то или другое полезным в интересах хорошего управления своими подданными.

Шестой его аргумент таков: если бы епископы имели свою юрисдикцию de jure divino, т. е. *непосредственно от Бога*, то сторонники такого взгляда привели бы в доказательство его какое-нибудь Слово Божие, но они не могут его привести. Аргумент этот хорош, и мне нечего возразить против него. Но его не хуже можно использовать и для доказательства того, что сам папа не имеет никакой юрисдикции во владениях другого государя.

В качестве последнего своего аргумента Беллармин приводит свидетельство двух пап, Иннокентия и Льва [30], и я не сомневаюсь, что он с таким же основанием мог бы привести свидетельство всех почти пап после апостола Петра. В самом деле, так как человеческому роду присуща от природы любовь к власти, то всякий, кто стал папой, придет в искушение поддерживать это же самое мнение. Однако все они, как Иннокентий и Лев, будут свидетельствовать лишь о самих себе, и поэтому их свидетельство не имеет никакого значения.

О светской власти пап. В пятой книге Беллармин защищает четыре положения. Первое — что *папа не есть властитель всего мира;* второе — что *папа не есть властитель всего христианского мира;* третье — что *папа вне его собственной территории не имеет непосредственной светской юрисдикции.* С этими тремя положениями можно легко согласиться. Четвертое положение гласит, что папа во владениях других суверенов имеет верховную светскую власть *косвенно.* С этим нельзя согласиться, разве только под *косвенно* Беллармин подразумевает, что папа приобрел эту власть *косвенными* путями. В таком смысле можно признать и это положение. Но я полагаю, что, когда Беллармин говорит, что папа имеет верховную власть *косвенно,* он этим хочет сказать, что светская юрисдикция принадлежит папе по праву, но что это право есть лишь следствие его пастырской власти, которой он не мог бы осуществлять, не имея указанного права, и, таким образом, верховная гражданская власть является необходимым придатком к его пастырской власти (которую Беллармин называет духовной). Отсюда вытекает, что папа, если он считает, что интересы спасения душ этого требуют, мо-

жет менять царства, отбирая их у одних и отдавая другим.

Прежде чем подвергнуть критическому рассмотрению аргументы, при помощи которых Беллармин пытается доказать свое учение, я считаю не лишним развить все логические следствия этого учения, дабы государство и монархи, обладающие верховной властью в разных государствах, могли обдумать, насколько в их интересах допущение этого учения и насколько оно совместимо с благом их подданных, за которых они должны будут давать отчет в день Страшного суда.

Когда Беллармин говорит, что папа не имеет на территории других государств верховной гражданской власти *непосредственно,* то мы должны понимать это так, что право папы на эту власть зиждется не на том титуле, на котором зиждется власть всех других суверенов, а именно не на первоначальном акте подчинения управляемых. В самом деле, очевидно и было уже неоднократно доказано в этом трактате, что власть всех суверенов имеет своим первоначальным источником согласие каждого из будущих подданных, все равно, дается ли это согласие при выборе суверена в целях общей защиты против врага, как, например, когда будущие подданные договариваются назначить человека или собрание людей, которые бы их защищали, или это согласие дается будущими подданными врагу-завоевателю в целях сохранения своей жизни. Если поэтому папа не предъявляет претензий на гражданскую верховную власть над другими государствами *непосредственно,* то это означает лишь признание с его стороны, что это право не приобретено им только что указанным путем, но этим он не отказывается от того, что власть принадлежит ему на другом основании, а именно на основании права, данного ему Богом (без согласия управляемых) при возведении его на папский престол (что подразумевается им под словом *косвенно*). Но каков бы ни был титул, на который папа ссылается, власть остается той же самой, и он (если мы признаем за ним это право) может назначать монархов и свергать власть государств всякий раз, когда это потребуется в интересах спасения душ, т. е. всякий раз, когда это ему будет угодно, ибо он одновременно претендует на роль единственного судьи в вопросе о том, является ли та или другая мера необходимой в целях спасения человеческих душ или нет. И этому учению учит не только Беллармин, но и многие другие теологи в своих проповедях и книгах; оно было провозглашено также некоторыми церковными собо-

рами, и в соответствии с ним, когда представлялся благоприятный случай, папы действовали. Так, четвертый церковный собор в Латеране, созванный при папе Иннокентии III, в главе III «De Haereticis» [31] установил следующий канон: *Если какой-нибудь король после предупреждения папы не очистит своего королевства от еретиков и, будучи отлучен за это от церкви, не даст удовлетворения в течение года, то его подданные освобождаются от повиновения ему.* И было много случаев осуществления этого учения на практике, например низложение французского короля Хильперика, передача Римской империи Карлу Великому, притеснение английского короля Иоанна, передача королевской власти в Наварре, а в последние годы создание лиги против французского короля Генриха III и многие другие случаи. Я полагаю, что найдется очень мало государей, которые не будут считать эти меры несправедливыми и несообразными; но я хотел бы, чтобы они все раз навсегда решили, быть ли им королями или подданными. Люди не могут служить двум господам. Поэтому короли должны решиться или держать всецело бразды правления в своих руках, или передать их целиком в руки папы, с тем чтобы люди, готовые охотно повиноваться, могли найти защиту в этом повиновении. Ибо это различие между светской и духовной властью сводится к одним словам. Является ли соучастницей власти *косвенная* или *прямая* другая власть, она одинаково реально разделена, а это опасно во всех отношениях. Но перейдем теперь к доводам Беллармина.

Первый довод таков: *Гражданская власть подчинена духовной, поэтому тот, кто имеет верховную власть, имеет право повелевать мирскими суверенами и распоряжаться их силами и средствами для духовных целей.* Что касается различения между светской и духовной властью, то посмотрим, в каком смысле может быть вразумительно сказано, что светская, или гражданская, власть подчинена духовной. Смысл этих слов может быть лишь двоякий. Действительно, когда мы говорим, что одна власть подчинена другой, то это означает, что тот, кто обладает одной властью, подчинен тому, кто обладает другой властью, или что одна власть относится к другой, как средство к цели. Ибо мы не можем это понять так, будто одна власть имеет власть над другой, так как подчинение, начальствование, право и власть суть акциденции не властей, а лиц. Одна власть может быть подчинена другой в том же смысле, как искусство седельного мастера подчинено искусству ездока.

Поэтому, даже если допустить, что гражданское правление установлено как средство вести нас к духовному блаженству, отсюда все же не следует, что раз король обладает гражданской властью, а папа — духовной, то в силу этого король в большей мере обязан повиноваться папе, чем всякий седельный мастер — всякому ездоку. Подобно тому как из подчиненности какого-нибудь искусства нельзя вывести заключения о подчиненности знатока, так нельзя из подчиненности правления делать заключение о подчиненности правителя. Поэтому, когда Беллармин говорит, что гражданская власть подчинена духовной, он этим хочет сказать, что гражданский суверен подчинен духовному. И довод его выглядит так: *Гражданский суверен подчинен духовному, поэтому духовный государь может повелевать светскими государями.* В этом силлогизме заключение повторяет посылку, которую следовало доказать. Для доказательства этого он приводит прежде всего следующее соображение: *Короли и папы, духовенство и миряне составляют единое государство, т. е. единую церковь; и во всех телах члены находятся во взаимной зависимости между собой. Однако духовное не зависит от мирского, поэтому мирское зависит от духовного и первое подчинено второму.* В этом доводе имеются две большие ошибки. Первая заключается в утверждении, будто все христианские короли, папы, духовенство и весь остальной христианский люд составляют единое государство. Ибо очевидно, что Франция — одно государство, Испания — другое, Венеция — третье и т. д. Эти государства состоят из христиан, поэтому они являются также различными группами христиан, т. е. различными церквами, и они представлены различными суверенами, причем, подобно естественному человеку, они способны приказывать и повиноваться, действовать и быть объектом воздействия, к чему всеобщая, или универсальная, церковь не способна, пока она не будет иметь представителя, которого она фактически на земле не имеет. Ибо если бы универсальная церковь имела представителя, тогда, без сомнения, весь христианский мир составлял бы единое государство и суверен его был бы этим представителем, как мирским, так и духовным. Претендуя на роль такого представителя, папа требует для себя троякого права, которого наш Спаситель не дал ему, именно права *приказывать, судить* и *наказывать* не одним только отлучением от церкви, т. е. отказом от общения с теми, кто не хочет следовать его учению. Ибо, если бы даже папа и был единственным наместником Христа, он тем не менее

не мог бы осуществлять свою власть до второго пришествия нашего Спасителя, да и тогда судьей мира должен быть не папа, а сам апостол Петр вместе с другими апостолами.

Вторая ошибка его первого довода заключается в утверждении, будто члены всякого государства находятся, подобно членам естественного тела, во взаимной зависимости. Верно то, что члены всякого государства взаимно связаны между собой, но зависят они только от суверена, который является душой государства. И стоит этой душе исчезнуть, как государство так распадается в огне гражданской войны, что прекращается всякая взаимная связь между людьми в силу отсутствия общей зависимости от известного суверена, точно так же как члены естественного тела распадаются в земле вследствие отсутствия связывающей их души. Таким образом, в этом сходстве между государством и естественным телом нет ничего, из чего можно было бы умозаключить о зависимости мирян от духовенства или мирских должностных лиц — от духовных, а лишь о зависимости тех и других от гражданского суверена. Гражданский суверен действительно должен руководствоваться в своих гражданских постановлениях целью спасения душ, но из этого не следует, что он подчинен кому бы то ни было, кроме самого Бога. Таким образом, вы видите, что в этом первом доводе кроется заблуждение, способное обмануть людей, которые не в состоянии различать между подчиненностью наличных действий цели и подчиненностью лиц в управлении средствами. Ибо средства, необходимые для достижения определенной цели, указаны природой или сверхъестественно самим Богом. Власть же заставлять людей использовать эти средства предоставлена в каждом государстве гражданскому суверену естественным законом, запрещающим людям нарушать обещанную верность.

Второй довод Беллармина таков: *Всякое государство (так как оно предполагается совершенным и самодовлеющим) может приказать любому другому не подчиненному ему государству и принуждать его силой изменить свое правительство; мало того, в этом независимом от него государстве оно может низложить суверена и поставить на его место другого, если оно иным путем не может защищать себя против обид, чинимых ему этим государством, тем паче духовное государство может приказать светскому сменить свое правительство и может низлагать монархов и назначать других, если это духовное государство иным путем не может защищать свои духовные блага.*

Что государство в целях защиты себя от обид может

законным образом делать все то, что Беллармин здесь говорит, бесспорно и уже достаточно доказано в предыдущих частях этого трактата. Если было бы также верно, что ныне в этом мире имеется духовное государство, отличающееся от гражданского государства, тогда суверен этого государства мог бы объявить войну любому другому государству в целях получения удовлетворения за причиненную ему обиду или в целях обеспечения себя против будущих обид. А война означает в общем низлагать, убивать, покорять или совершать какой-нибудь враждебный акт. Но на том же основании было бы не менее законным актом со стороны гражданского суверена объявить войну духовному суверену, если он потерпел от последнего обиду или имеет основание опасаться такой обиды от него в будущем, а это, как я полагаю, идет дальше того, что желательно было бы кардиналу Беллармину в качестве вывода из его собственного положения.

Однако духовного государства нет в этом мире, ибо духовное государство есть то же, что царство Христа, которое, как Христос сам говорит, не от мира сего, но будет в ближайшем мире при воскресении, когда те, кто вел праведную жизнь и верил, что Он — Христос, воскреснут (хотя они умерли как *естественные* тела) как *духовные* тела, и тогда именно наш Спаситель будет судить мир, и покорит своих противников, и создаст духовное царство. Ввиду того что до наступления этого периода нет на земле людей, которые обладали бы духовными телами, то до наступления этого времени не может быть и духовного государства среди людей во плоти, разве только мы назовем государством проповедников, имеющих полномочия учить и приготовлять людей к их принятию в Царство Христа при воскресении, неправильность чего я уже доказал.

Третий довод таков: *Христиане не имеют права терпеть короля-иноверца или еретика, если он стремится совратить своих христианских подданных в свою ересь или в свою веру. Но судить о том, совращает ли король своих подданных в ересь или нет, есть право папы. Поэтому папа имеет право решать, следует низложить короля или нет.*

На это я отвечаю, что оба этих утверждения неправильны. Ибо христиане или люди, исповедующие какую угодно религию, которые восстают против короля, какие бы законы он ни издавал, хотя бы это были законы, касающиеся религии, нарушают этим свою верность, что противоречит Божьему закону, как *естественному*, так и *положительному*. Да и нет судьи для подданных в отношении того, что

является ересью, кроме их собственного гражданского суверена. Ибо *ересь есть не что иное, как упрямо защищаемое частное мнение, идущее вразрез с тем мнением, которому государственное лицо* (т. е. представитель государства) *постановило обучать*. Отсюда ясно, что учение, поощряемое к распространению, не может быть ересью, а суверены, поощряющие это учение, не могут быть еретиками. Ибо еретиками являются лишь частные лица, упорно защищающие учение, запрещенное их законными суверенами.

Однако чтобы доказать, что христиане не имеют права терпеть королей-иноверцев или еретиков, Беллармин ссылается на текст Второзакония, где Бог на тот случай, если евреи пожелают поставить над собой царя, запрещает им избирать иноземца. Отсюда Беллармин заключает, что христиане не имеют права избирать короля, который не является христианином. И верно, конечно, что христианин, т. е. человек, который уже обязался принять царем нашего Спасителя, когда он придет, будет слишком искушать Бога, избирая королем в этом мире человека, о котором он знает, что он террором и убеждением будет стараться заставить его изменить своей вере. Но, говорит Беллармин, одинаково опасно как избрать королем нехристианина, так и не низложить его, когда он уже избран. На это я отвечаю, что вопрос не в том, опасно ли не низложить такого короля, а в том, правомерно ли низложить его. Избрать такого короля, может быть, в некоторых случаях неправомерно, но низложить его, когда он уже избран, ни в коем случае не является правомерным. Ибо низложение в этом случае было бы нарушением верности и, следовательно, противоречило бы естественному закону, являющемуся вечным Божественным законом. Да и откуда видно, чтобы такое учение считалось христианским в эпоху апостолов или в эпоху римских императоров до того момента, когда гражданская власть в Риме перешла к папам. На это, правда, Беллармин отвечает, что древние христиане не свергли ни Нерона, ни Диоклетиана, ни Юлиана, ни арианина Валента[32] исключительно по той причине, что им для этого не хватало сил. Это, может быть, и так. Но разве нашему Спасителю, которому стоило лишь потребовать, как к Его услугам были бы двенадцать легионов бессмертных, неуязвимых ангелов, разве Ему не хватало сил, чтобы убить Цезаря или по крайней мере Пилата, который противозаконно (ибо не признавал за ним никакой вины) выдал Христа евреям, чтобы те распяли Его на кресте? Или если апостолы не имели сил,

чтобы свергнуть Нерона, то разве необходимо было поэтому, чтобы они в своих посланиях к новообращенным христианам проповедовали им, как они это делали, что они должны повиноваться поставленным над ними властям (в числе которых был и Нерон) и что они должны это делать не из боязни их гнева, а по совести? Можем ли мы сказать, что по причине своего физического бессилия апостолы не только повиновались, но и учили чему-то, что шло против их собственного убеждения? Поэтому христиане обязаны терпеть своих языческих суверенов или суверенов, поощряющих какое-нибудь ложное учение (ибо я не могу называть еретиком никого, чье учение имеет за собой авторитет государства), не только по причине своего бессилия, но и для успокоения совести. И если Беллармин приводит далее тот довод в пользу мирской власти папы, будто апостол Павел (1 Коринф. 6) при языческих властителях того времени назначил таких судей, которые не были утверждены теми властителями, то это неверно. Ибо апостол Павел только посоветовал выбрать лучше некоторых из своих братьев, чтобы улаживать свои конфликты, чем судиться друг с другом у языческих судей,— спасительное и благое правило, которое целесообразно было бы проводить также в лучших христианских государствах. А что касается опасности, которая может возникнуть для религии от того, что подданные будут терпеть языческого или заблуждающегося властителя, то насчет этого пункта подданный не является знающим судьей, а если он является таковым, то и мирские подданные папы могут быть судьями его учения. Ибо всякий христианский властитель, как было раньше доказано, не в меньшей степени верховный пастырь своих подданных, чем папа по отношению к своим.

Четвертый довод Беллармин выводит из крещения королей. При крещении короли, для того чтобы они могли сделаться христианами, подчиняют свои скипетры Христу и обещают соблюдать и защищать христианскую веру. Это верно, ибо христианские короли являются лишь подданными Христа. Однако они могут при всем том быть равноправными папе, так как они являются верховными пастырями их собственных подданных, и папа даже в самом Риме не больше чем король и пастырь.

В качестве пятого довода Беллармин приводит слова Спасителя: *Паси овец Моих.* Этими словами апостолу Петру, по мнению Беллармина, дана вся власть, необходимая пастырю, как, например, прогонять волков, каковы

еретики, запирать баранов, ставших бешеными или бодающих рогами овец, каковы дурные (хотя и христиане) короли, а также власть давать пастве надлежащий корм. Отсюда Беллармин заключает, что апостол Петр получил эту тройную власть от Христа. На это я отвечаю, что последняя из этих властей есть не больше, чем власть или, вернее, заповедь учить. В отношении первой власти, а именно власти прогонять волков, т. е. еретиков, он цитирует следующее место (Матф. 7, 15): *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.* Однако еретики не являются ни лжепророками, ни вообще пророками, и (даже допустив, что под волками подразумеваются еретики) апостолы не велели убивать их или низлагать, если бы они были королями, а лишь остерегаться их, бежать от них и избегать их. Да и совет избегать лжепророков был дан не апостолу Петру, а толпе евреев, следовавших за Христом на гору, причем бóльшая часть этой толпы состояла из людей, еще не обращенных. Таким образом, если этими словами дано право прогонять королей, то это право дано не только частным лицам, но и людям, которые вовсе не были христианами. А что касается власти отделять и запирать бешеных баранов (под которыми он подразумевает христианских королей, отказывающихся подчиниться римскому пастырю), то сам наш Спаситель отказался взять на себя эту власть в этом мире, а советовал до дня Суда дать расти хлебному злаку вместе с плевелом. Тем паче не мог он дать такой власти апостолу Петру, и не мог дать ее апостол Петр папам. Апостолу Петру и всем другим пастырям было приказано рассматривать тех христиан, которые не повинуются церкви (т. е. не повинуются христианским суверенам), как язычников и мытарей. Ввиду того что люди не требуют для папы власти над языческими властителями, они не должны требовать для него также власти над теми, кого приходится рассматривать как язычников.

Однако из данной папе власти учить Беллармин выводит также принудительную власть папы по отношению к королям. Пастырь (говорит он) должен давать своей пастве надлежащий корм, поэтому папа может и должен заставить королей исполнять свой долг. Из этого следует, что папа, как пастырь всех христиан, является царем царей. Тогда, в самом деле, или же все христианские короли должны признать это положение, или же они должны взять на себя обязанности верховного христианского пастыря каждый в своем собственном владении.

Шестой, и последний, довод Беллармина составляют примеры. На это я отвечаю, что, во-первых, примеры ничего не доказывают; во-вторых, примеры, на которые он ссылается, не создают даже и подобия права. Убийство Иодаем Гофолии (4 Цар. 11) было совершено или по поручению царя Иоаса, или же это было страшным преступлением со стороны первосвященника, который (во всяком случае после избрания царя Саула) был простым подданным, а отлучение от церкви императора Феодосия св. Амвросием [33] (если верно, что последний это сделал) было уголовным преступлением. А что касается пап Григория I, Григория II, Захария и Льва III [34], то их суждения не имеют никакого значения, так как они являются судьями в своем собственном деле, а действия, совершенные ими в соответствии с этим учением, есть величайшие преступления (особенно действия Захария), до которых только может опуститься человек. И этим довольно сказано о *церковной власти*. Я бы менее распространялся на эту тему и обошел бы молчанием приведенные взгляды Беллармина, если бы это были взгляды частного лица, а не борца за папство против всех других христианских властителей и государств.

ГЛАВА XLIII

О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

Трудность одновременного повиновения Богу и человеку. Наиболее частым предлогом для мятежа и гражданской войны служила в течение долгого времени во всех христианских государствах недостаточно разрешенная и поныне трудность повиноваться одновременно Богу и человеку в тех случаях, когда повеления того и другого противоречат друг другу. Вполне очевидно, что, когда человек получает два противоречивых приказания и знает, что одно из них исходит от Бога, он обязан повиноваться этому приказанию, а не другому, хотя бы и отданному ему его законным сувереном (монархом или сувереном собрания) или собственным отцом. Трудность поэтому заключается в том, что, когда люди получают какое-нибудь повеление от имени Бога, они во многих случаях не знают, исходит ли это повеление от Бога или же тот, кто приказывает им, злоупотребляет именем Бога ради своих личных целей. Ибо,

подобно тому как в еврейской церкви было много лжепророков, добивавшихся славы в народе вымышленными снами и видениями, точно так же и в церкви Христа имеется много лжеучителей, добивающихся славы в народе фантастическими ложными учениями, дабы благодаря этой славе (такова уж природа честолюбия) управлять людьми в своих личных интересах.

Но нет трудности для тех, кто различает между необходимым и не необходимым для спасения. Однако трудность повиноваться Богу и гражданскому суверену на земле не имеет значения для тех, кто умеет различать между *необходимым* и *не необходимым* для их *принятия в Царство Божие*. Ибо если повеление гражданского суверена таково, что оно может быть выполнено без потери вечной жизни, то неповиновение неправомерно, и в подобном случае приобретают значение правила апостолов: *Слуги, повинуйтесь во всем своим господам!* и *Дети, повинуйтесь во всем своим родителям!*, а также правило нашего Спасителя: *Книжники и фарисеи сидят на Моисеевом седалище, и поэтому все, что они скажут, соблюдайте и делайте*. Если же повеление таково, что не может быть выполнено без того, чтобы не быть осужденным на вечную смерть, то было бы сумасшествием повиноваться ему, и в этом случае приобретает значение совет нашего Спасителя: *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Матф. 10, 28). Поэтому все люди, желающие избежать как тех наказаний, которым они могут быть подвергнуты в этом мире за неповиновение своему земному суверену, так и тех, которым они могут подвергнуться в грядущем за неповиновение Богу, необходимо должны научиться хорошо различать между необходимым и не необходимым для вечного спасения.

Все, что необходимо для спасения, содержится в вере и в повиновении. Все, что *необходимо для спасения*, содержится в двух добродетелях: *в вере в Христа и в повиновении законам*. Если бы последняя из этих добродетелей была совершенна, то ее одной было бы для нас достаточно. Однако так как мы все виновны в неповиновении законам Бога не только в силу нашего первородного греха в Адаме, но и в силу наших нарушений этих законов в настоящем, то необходимым условием нашего спасения является не только *повиновение* на весь остаток нашей жизни, но и *отпущение* грехов за прошлое. А это отпущение есть награда за нашу веру в Христа. Что ничто другое не требуется для спасения, ясно видно из того, что Царство Небесное закрыто лишь для грешников, т. е. для тех, кто не повинуется

закону или нарушает его; но даже и для таких оно не закрыто в том случае, если они раскаются и уверуют во все догматы христианской веры, необходимые для спасения.

Какое повиновение необходимо. Так как Бог во всех наших делах засчитывает волю за деяние, то повиновение, которого он от нас требует, есть серьезное усилие к повиновению, и это повиновение называется всеми теми наименованиями, которые обозначают усилие. И поэтому это повиновение обозначается иногда словом *любовь*, так как это слово подразумевает волю к повиновению. И сам наш Спаситель считает любовь к Богу и к ближнему исполнением всего закона. Иногда же это повиновение обозначается словом *справедливость*, ибо справедливость есть воля воздать каждому его собственное, т. е. стремление повиноваться законам. Иногда же это повиновение обозначается словом *раскаяние*, так как слово *раскаяние* подразумевает отвращение от греха, что означает то же, что возвращение воли к повиновению. Всякий поэтому, кто непритворно желает выполнить заповеди Бога, искренне раскаивается в нарушении этих заповедей; всякий, кто любит Бога всем сердцем и своего ближнего, как самого себя, проявляет то повиновение, которое необходимо для его принятия в Царство Божие. Ибо, если бы Бог требовал полной невинности, никакая плоть не могла бы спастись.

И каковы законы. Но каковы те заповеди, которые Бог нам дал? Являются ли заповедями Бога все те законы, которые были даны евреям рукой Моисея? Если они таковы, то почему не учат христиан повиноваться им? Если же они не таковы, то какие же другие законы суть заповеди, кроме естественных законов? Ибо наш Спаситель Христос не дал нам новых законов, а лишь совет соблюдать те законы, которым мы подчинены, т. е. естественные законы и законы наших различных суверенов. И в своей Нагорной проповеди Христос не дал никакого нового закона евреям, а лишь изложил им законы Моисея, которым евреи были подчинены раньше. Законы Бога суть поэтому лишь естественные законы, основным из которых является тот, что мы не должны нарушать нашей верности, т. е. заповедь повиноваться нашим гражданским суверенам, поставленным над нами нашим взаимным договором между собой. И этот закон Бога, повелевающий повиновение гражданскому закону, содержит в себе как логическое следствие повеление подчиняться всем предписаниям Библии, которая (как я доказал это в предшествующей главе) есть закон лишь там, где гражданский суверен объявил ее таковым,

а в других местах она лишь совет, который человек на свой собственный страх и риск может, не совершая ничего несправедливого, отказаться выполнить.

Кому мы должны верить, будучи христианской веры. Зная теперь, каково то повиновение, которое необходимо для спасения, и кому мы им обязаны, мы должны вслед за этим рассмотреть вопрос веры, а именно кому мы должны верить и почему мы должны верить, а также каковы те догматы или пункты, в которые необходимо верить желающим спастись. И прежде всего, что касается лица, которому мы верим, то это необходимо должно быть лицо, которое говорило с нами, ибо невозможно верить кому бы то ни было, не узнав прежде, что он говорит. Поэтому лицом, которому верили Авраам, Исаак, Иаков, Моисей и пророки, был сам Бог, который говорил с ними сверхъестественным образом, а лицом, которому верили апостолы и ученики, общавшиеся с Христом, был сам наш Спаситель. Но о тех, с кем никогда не говорили ни Бог-Отец, ни наш Спаситель, нельзя сказать, что лицом, которому они верили, был сам Бог. Они верили апостолам, а после них — пастырям и учителям церкви, внушавшим им веру в историю Ветхого и Нового завета. Таким образом, вера христиан после эпохи нашего Спасителя имела своим основанием, во-первых, репутацию их пастырей, а затем авторитет тех, кто сделал Ветхий и Новый завет правилом веры, а это могли сделать одни лишь христианские суверены. Поэтому эти суверены являются верховными пастырями и единственными лицами, которые говорят нынешним христианам от имени Бога, за исключением таких лиц, с которыми Бог в наши дни говорит непосредственно, сверхъестественным образом. Однако так как много лжепророков *появилось в мире*, то другие люди должны испытывать духов, от *Бога ли они или нет* (как это советует апостол Иоанн в 1-м Послании 4, 1). И так как испытание учений есть дело верховного пастыря, то лицом, которому все, кто не имеет специального откровения, обязаны верить, является во всех государствах верховный пастырь, т. е. гражданский суверен.

Основание христианской веры. Основания, в силу которых люди верят какому-нибудь христианскому учению, бывают разные. Ибо вера есть дар Бога, внушающего эту веру разным людям разными путями по своему благоусмотрению. Наиболее обычной непосредственной причиной нашей веры в отношении какого-нибудь пункта христианства является вера в то, что Библия есть Слово Божие. Но много споров возбуждает вопрос о том, почему мы верим,

что Библия есть Слово Божие, как это неизбежно при всяком неправильно поставленном вопросе. Ибо вопрос ставится не так: *почему мы верим,* а так: *откуда мы знаем,* будто *вера и знание* есть одно и то же? И отсюда результат, что, когда одна сторона основывает наше знание на непогрешимости церкви, а другая — на свидетельстве частного духа, ни одна из них не обосновывает того, что она хочет обосновать. Ибо как может человек знать о непогрешимости церкви, не убедившись предварительно в непогрешимости Писания? Или как может человек знать, что его собственный частный дух есть что-то другое, чем вера, основанная на авторитете и доводах его учителей или на слепом доверии к его собственным дарованиям? Мало того, ничего нельзя найти в Писании, откуда можно было бы умозаключить о непогрешимости церкви, еще меньше можно из Писания умозаключить о непогрешимости какой-нибудь отдельной церкви и меньше всего — о непогрешимости какого-нибудь отдельного человека.

Вера происходит от слышания. Очевидно поэтому, что христиане не знают, а лишь веруют, что Писание есть Слово Божие и что те средства, при помощи которых Богу обычно угодно внушать людям эту веру, суть естественные пути, т. е. Бог внушает эту веру людям через их учителей. Свое учение о христианской вере в общем апостол Павел выражает словами: *Итак, вера от слышания* (Рим. 10, 17), т. е. от слышания наших законных пастырей. Он говорит также (ст. 14 и 15 той же главы): *Как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы?* Отсюда очевидно, что обычная причина веры в то, что писания суть Слово Божие, та же, что и причина нашей веры во все другие догматы, а именно слышание тех, кто законом допущен и назначен учить нас, как, например, наши родители дома и наши пастыри в церкви. И это лучше всего доказывается опытом. Ибо какой другой причиной можно объяснить то, что в христианских государствах все люди или веруют, или по крайней мере исповедуют, что Писание есть Слово Божие, а в других государствах в это едва ли верует хоть один человек, как не тем обстоятельством, что в христианских государствах людей учат этому с детства, в других же государствах их учат чему-то другому?

Но если учение есть причина веры, то почему не все веруют? Ясно поэтому, что вера есть дар Бога и что Бог дает ее тому, кому хочет. Но так как он дает эту веру при помощи учителей, то непосредственной причиной веры является

слышание. В школе, в которой многие обучаются и некоторые успевают, а другие не успевают, причиной учености тех, кто успевает, является учитель, и, однако, отсюда нельзя заключать, что ученость не есть дар Божий. Все хорошие качества проистекают от Бога, однако не все, кто обладает ими, могут считать себя вдохновенными, ибо вдохновенность подразумевает сверхъестественный дар и непосредственный перст Божий, и тот, кто претендует на это, претендует на роль пророка и должен быть подвергнут испытанию церкви.

Единственный необходимый догмат христианской веры. Однако все равно, *знают* ли люди, *веруют* ли или *соглашаются*, что Писание есть Слово Божие. Раз я покажу на основании ясных по смыслу мест этого Писания, какие догматы веры необходимы и единственно необходимы для спасения, эти люди должны будут *знать* это, *верить* в это или *соглашаться* с этим.

Unum necessarium, единственный догмат веры, который Писание делает абсолютно необходимым для спасения,— *Иисус есть Христос*. Под именем *Христа* подразумевается царь, которого Бог обещал раньше через пророков Ветхого завета послать в мир, чтобы царствовать вовеки под верховным владычеством Бога над евреями и теми из других народов, которые уверуют в него, и дать своим подданным ту вечную жизнь, которую они потеряли из-за грехопадения Адама. Доказав это на основании Писания, я далее докажу, когда и в каком смысле и некоторые другие догматы могут быть названы *необходимыми*.

Доказательство, почерпнутое из намерения евангелистов. Свой первый довод для доказательства положения, что вера в догмат *Иисус есть Христос* составляет всю ту веру, которая требуется для спасения, я вывожу из намерения евангелистов. Это намерение при описании ими жизни нашего Спасителя заключалось в установлении единственного догмата — *Иисус есть Христос*. Содержание Евангелия апостола Матфея сводится к тому, что Иисус был из рода Давида, рожден от девы,— данные, которые суть признаки истинного Христа; что волхвы пришли поклониться ему как царю иудейскому; что Ирод по этой же причине желал погубить его; что Иоанн Креститель провозглашал его; что Иисус сам и его апостолы проповедовали, что он есть царь; что он учил закону не как книжник, а как власть имущий; что он одним своим словом исцелял болезни и совершал много других чудес, которые, согласно предсказаниям, должен был совершать Христос; что его

при его вступлении в Иерусалим приветствовали как царя; что он предостерегал людей против всех тех, кто выдавал бы себя за Христа; что он был взят, обвинен и предан смерти за то, что называл себя царем; что надпись на его кресте, указывавшая причину его осуждения, гласила: *Иисус из Назарета, царь иудейский*. Все это имело лишь одну цель — внушить людям веру, что *Иисус есть Христос*. Такова была цель Евангелия апостола Матфея. Но такова же была цель всех евангелистов, как в этом можно убедиться при чтении их евангелий. Поэтому установление этого единственного догмата было целью всего Евангелия. Апостол Иоанн же ясно приводит этот догмат как вывод из его Евангелия: *Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий* (Иоан. 20, 31).

Из проповедей апостолов. Свой второй довод я извлекаю из содержания проповедей апостолов, как тех, что произносились при жизни нашего Спасителя на земле, так и тех, что произносились после его восшествия. Ибо при жизни нашего Спасителя апостолы были посланы, как это указано у Луки (9, 2), *проповедовать Царство Божие*. В самом деле, ни здесь, ни у Матфея (10, 7) Иисус не дает другого поручения апостолам, кроме лишь: *Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное*, т. е. что *Иисус* есть *мессия, царь*, который должен был прийти. Что проповедь апостолов и после вознесения Христа имела то же содержание, видно из Деяний 17, 6: *они повлекли*, говорит апостол Лука, *Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда, а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая царем другого, Иисуса*. Это видно и из второго и третьего стихов той же главы, где апостол Павел говорит: *по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам.*

Из легкости учения. Свой третий довод я беру из всех тех мест Писания, в которых объявляется, что вся требующаяся для спасения вера легка. Ибо если необходимым условием спасения было бы внутреннее признание всех учений относительно христианской веры, которым теперь учат, то не было бы на свете ничего более трудного, чем быть христианином. Если бы указанного догмата было недостаточно для спасения, то вор на кресте не мог бы спастись одним тем, что сказал: *Господи, вспомни обо мне,*

когда придешь в царство Твое, ибо этим он засвидетельствовал свою веру лишь в тот единственный догмат, что *Иисус — царь*. При указанном условии нельзя было бы также сказать (как у Матфея 11, 30), что *иго Мое благо, и бремя Мое легко*, и не могло бы быть сказано, как у Матфея 18, 6, будто малые дети веруют в Христа. Не мог бы также при этом условии апостол Павел сказать (1 Коринф. 1, 21): *Благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих*, да и не мог бы сам апостол Павел спастись, а еще меньше он мог бы внезапно стать таким великим учителем церкви — он, который, может быть, никогда не думал ни о пресуществлении, ни о чистилище, ни о других ныне навязываемых догматах.

Из точных и ясных текстов (Писания). Четвертый довод взят мной из ясных и не допускающих разных толкований текстов. Во-первых, текст у Иоанна (5, 39): *Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют обо мне.* Под *писаниями* здесь подразумевается Ветхий завет, ибо евреи того времени не могли исследовать Нового завета, который еще не был написан. Но в Ветхом завете насчет Христа были указаны лишь те признаки, при помощи которых люди могли бы узнать его, когда он придет, а именно что он произойдет от рода Давида, родится от девы в Вифлееме, совершит великие чудеса и т. п. Поэтому верить, что Иисус именно был этим Христом, достаточно для приобретения вечной жизни, а большего, чем то, что достаточно, не требуется; следовательно, для спасения не требуется другого догмата. Далее (Иоан. 11, 26): *И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек.* Поэтому вера в Христа есть вера, достаточная для вечной жизни, и, следовательно, большей веры для вечной жизни не требуется. Но вера в Иисуса и вера в то, что *Иисус — Христос*, есть, как видно из последующих стихов, одно и то же. Ибо, когда наш Спаситель спросил Марфу: *Веришь ли ты сему*? — она ответила ему: *Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир.* Таким образом, один этот догмат достаточен для вечной жизни, а то, что сверх достаточного, не необходимо. В-третьих, Иоанн 20, 31: *Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его.* Значит вера в то, что *Иисус есть Христос*, является достаточной для обретения жизни, и, следовательно, никакой другой веры не надо. В-четвертых, 1 Иоанн 4, 2: *Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден, и всякий, любящий Родившего, любит и Рож-*

денного от Него. И ст. 5: *Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?* В-пятых, Деян. 8, 36, 37: евнух сказал: *вот вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий.* Поэтому вера в догмат, что *Иисус — Христос*, достаточна для крещения, т. е. для нашего принятия в Царство Божие, и, следовательно, является единственно необходимой. И вообще во всех текстах, где наш Спаситель говорит кому-либо: *Твоя вера спасла тебя*, он говорит так потому, что признает, прямо или косвенно, что собеседник верит в то, что *Иисус есть Христос.*

Из того, что указанный догмат есть основа всех других. Последний довод я беру из тех мест, где указанный догмат объявляется основой веры, ибо тот, кто исповедует основу веры, будет спасен. Такими местами являются, во-первых, Матфей 24, 23: Если кто скажет вам: *вот, здесь Христос, или там, не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса* и т. д. Отсюда видно, что следует придерживаться догмата *Иисус есть Христос*, хотя бы те, кто проповедует противоположное, совершали великие чудеса. Второе место — это Послание к Галатам 1, 8: *Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема.* Но Евангелие, которое благовествовали Павел и другие апостолы, заключалось в том единственном догмате, а именно что *Иисус — Христос.* Поэтому во имя веры в этот догмат мы обязаны отвергать авторитет ангела с неба, а тем паче смертного, проповедующего противоположное учение. Этот догмат является, таким образом, основным догматом христианской веры. Третье место — это 1-е послание Иоанна 4, 2: *Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они... Духа Божьего... узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога.* Отсюда явствует, что этот догмат является мерилом и правилом, при помощи которого следует оценивать и испытывать все другие догматы, и поэтому он один является основным. Четвертым местом является Матфей 16, 18, где, после того как Петр признал этот догмат, сказав нашему Спасителю: *Ты — Христос, Сын Бога Живаго*, наш Спаситель ответил: *Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою.* Отсюда я заключаю, что это именно тот догмат, на котором все остальные учения церкви зиждутся как на своем фундаменте. Пятое место (1 Коринф. 3, 11, 12 и далее): *Ибо никто не может поло-*

жить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня. Так как это последнее место лишь отчасти ясно и легко понимаемо, отчасти же аллегорично и трудно, то из того, что ясно, можно умозаключить, что пастыри, проповедующие эту основу, а именно что *Иисус есть Христос*, могут спастись даже в том случае, когда они из этой основы выводят ложные заключения (слабость, которой иногда подвержены все люди); тем паче следует отсюда возможность спасения для таких людей, которые, будучи не пастырями, а лишь слушателями, верят всему, чему их учат их законные пастыри. Вера в этот догмат поэтому достаточна, а следовательно, никакой другой догмат веры не является необходимым условием для спасения.

Что же касается теперь аллегорической части приведенного места, а именно что *огонь испытывает дело каждого, каково оно есть*, и что *сам спасется, но так, как бы из огня* или *через огонь* (ибо в оригинале сказано διὰ πυρός), часть ничего не говорит против того заключения, которое я вывел из других слов, смысл которых ясен. Тем не менее, так как это место было использовано как довод для доказательства существования огня чистилища, я намерен предложить вам здесь свою догадку насчет смысла испытания учения и спасения людей как бы посредством огня. Апостол как будто намекает здесь на слова пророка Захария (13, 8, 9), который, говоря о восстановлении Царства Божиего, сказал следующее: *Две части на земле будут истреблены, вымрут, а третья останется на ней. И введу эту третью часть в огонь, и расплавлю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото; они будут призывать имя Мое, и Я услышу их.* День Суда есть день восстановления Царства Божиего. В этот именно день, по предсказанию апостола Петра (2 Пет. 3, 7, 10, 12), будет мировой пожар, в котором нечестивые погибнут, а остальные, которых Бог спасет, пройдут через этот огонь невредимыми и будут в нем испытаны и очищены от их идолопоклонства, подобно тому как золото и серебро очищаются огнем от шлака, и будут побуждены призывать имя истинного Бога. Намекая на это, апостол Павел здесь говорит, что *день* (т. е. день

Суда, великий день, когда наш Спаситель придет, чтобы восстановить Царство Божие в Израиле) подвергнет испытанию символ веры каждого и установит, кто из них является золотом, серебром, драгоценными камнями, деревом, сеном и соломой. И тогда те, кто строил ложные заключения на правильной основе, найдут свои учения осужденными, но тем не менее сами будут спасены и пройдут невредимыми сквозь этот мировой огонь и будут жить вечно, чтобы призывать имя истинного и единого Бога. В этом смысле тут нет ничего, что не согласовалось бы с остальной частью Священного писания и в чем виден был бы хоть слабый отсвет огня чистилища.

В каком смысле другие догматы могут быть названы необходимыми. Однако кто-нибудь, пожалуй, спросит: разве для спасения не необходима вера в то, что Бог всемогущ, что он творец вселенной, что Иисус воскрес, что все люди воскреснут снова из мертвых в последний день, разве эта вера не необходима для спасения в такой же мере, как вера в то, что *Иисус есть Христос?* На это я отвечаю, что вера во все эти догматы необходима и точно так же необходима вера во многие другие догматы, но все они содержатся в этом и могут быть выведены из него с большей или меньшей трудностью. Ибо кто же не видит, что те, кто верует, что Иисус — Сын Бога Израиля и что израильтяне имели своим Богом всемогущего Творца вселенной, тем самым верует, что Бог есть всемогущий Творец вселенной? Или как может человек верить, что Иисус — царь, который будет царствовать вечно, если он не верит, что Он снова воскрес из мертвых? Ибо мертвый человек не может осуществлять царской власти. Одним словом, тот, кто исповедует основу, а именно что *Иисус есть Христос*, исповедует этим сознательно все те следствия, которые он сам выводит из нее, и бессознательно все, что вытекает из этой основы, хотя бы сам верующий не обладал достаточным искусством, чтобы вывести эти следствия. Поэтому можно с полным основанием сказать, что вера в этот единственный догмат есть достаточное условие, при котором *раскаявшиеся грешники* могут получить отпущение грехов и, следовательно, быть принятыми в Царство Небесное.

И вера эта, и повиновение в их единстве необходимы для спасения. Показав теперь, что все повиновение, которое требуется для спасения, заключается в воле к повиновению закону Бога, т. е. в раскаянии, а что вся вера, которая требуется для того же самого, содержится в вере в догмат *Иисус есть Христос*, я в дальнейшем сошлюсь на все те

места Евангелия, которые доказывают, что все необходимое для спасения содержится в соединении этих двух моментов. Люди, которым апостол Петр проповедовал в первый после вознесения нашего Спасителя день Пятидесятницы, спросили его и прочих апостолов: *Что нам делать, мужи и братья?* (Деян. 2, 37). На это им апостол Петр ответил (ст. 38): *Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа.* Таким образом, покаяние и крещение, т. е. вера в то, что *Иисус есть Христос*, составляют все, что необходимо для спасения. Далее, когда некто из начальствующих спросил нашего Спасителя (Лук. 18, 18): *Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* — Спаситель ответил (ст. 20): *Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убий, не укради, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и матерь твою?* Когда же тот сказал, что он эти заповеди соблюдает, наш Спаситель прибавил: *Продай все, что имеешь, раздай нищим и приходи, следуй за мной,* что было бы равносильно высказыванию: *полагайся на меня, ибо я царь.* Следовательно, исполнение закона и вера, что Иисус есть царь, составляют все, что необходимо, для того, чтобы человек обрел вечную жизнь. В-третьих, апостол Павел говорит (Рим. 1, 17), что *праведный верой жив будет* не всякий, а лишь *праведный.* Таким образом, *вера* и *справедливость (т. е. воля быть справедливым,* или *раскаяние*) есть все, что необходимо для вечной жизни. И наш Спаситель проповедовал (Марк 1, 15): *Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие,* т. е. в благую весть, что Христос пришел. Поэтому покаяться и верить, что *Иисус — Христос*, есть все, что требуется для спасения.

Каким образом каждый из этих моментов способствует нашему спасению. Ввиду того что для нашего спасения необходимо соединенное действие двух моментов: повиновения и веры, то нелепо поднимать вопрос о том, каким из этих моментов мы оправдываемся. Тем не менее вполне уместно будет выяснить, каким образом каждый из них способствует нашему спасению и в каком смысле сказано, что мы должны быть оправданы тем и другим. И прежде всего если под справедливостью следует понимать справедливость самих действий, то никто не может спастись, ибо нет никого, кто бы не нарушал закона Бога. И поэтому когда говорится, что мы оправданы делами, то под делами следует разуметь волю, которую Бог всегда принимает за дела как у добродетельных, так и у порочных людей.

И лишь в этом смысле мы называем человека *справедливым* или *несправедливым*, и лишь в этом смысле мы говорим, что справедливость оправдывает человека, т. е. дает ему благодаря расположению Бога титул *справедливого* и делает его способным *жить своей верой*, к чему он раньше не был способен. Так что справедливость оправдывает в том смысле, в каком *оправдывать* — значит *именовать человека справедливым*, а не в смысле оправдания по закону, при котором было бы несправедливо наказывать его за его грехи.

Однако мы считаем человека оправданным и в том случае, когда его защита, хотя бы сама по себе и неудовлетворительная, принята. Так, например, когда мы выдвигаем в свое оправдание нашу волю, наше устремление исполнять закон и раскаиваемся в наших прегрешениях и Бог принимает эту волю к исполнению закона как фактическое его исполнение. Но так как Бог засчитывает волю за деяние только у верующего, то лишь вера делает нашу защиту эффективной, и в этом смысле говорится, что лишь одна вера оправдывает. Для спасения, таким образом, необходимы как *вера*, так и *повиновение*, но о них говорится, что они оправдывают в различном смысле.

Повиновение Богу и повиновение гражданскому суверену совместимы, если суверен христианин. После того как мы показали, что именно необходимо для спасения, нам нетрудно будет примирить наше повиновение Богу с нашим повиновением нашему гражданскому суверену, который является или христианином, или неверным. Если он христианин, то он разрешает веру в догмат, что *Иисус* есть *Христос*, и во все те догматы, которые содержатся в этом или могут явно быть выведены из него путем умозаключения. А это вся та вера, которая необходима для спасения. И так как он суверен, то он требует повиновения всем своим законам, т. е. всем гражданским законам, в которых также содержатся все естественные законы, т. е. все законы Бога. Ибо, кроме естественных законов и законов церкви, являющихся частью гражданского закона (так как церковь, имеющая право издавать законы, есть государство), нет других Божественных законов. Поэтому повиновение своему христианскому суверену никому не мешает ни верить, ни повиноваться Богу. Предположим, однако, что какой-нибудь христианский король сделает из догмата *Иисус* есть *Христос* какие-нибудь ложные выводы, т. е. воздвигнет на этом догмате надстройки из сена и соломы и прикажет учить этому. Так как, по словам апостола Павла, такой

король спасется, то тем паче спасется тот, кто учит по его приказанию, а еще больше тот, кто не учит, а лишь верит своему законному учителю. А в том случае, когда какому-нибудь подданному запрещено его гражданским сувереном исповедовать какой-нибудь признанный им символ веры, какое может быть у этого подданного справедливое основание для неповиновения? Христианские короли могут ошибаться в выведении следствий, но кому быть судьей? Может ли быть судьей частное лицо, когда речь идет о его собственном повиновении? Или кто-либо, кроме того, кто назначен для этого церковью, т. е. представляющим церковь гражданским сувереном? Или если бы судьей был папа или даже какой-нибудь апостол, то разве он не может ошибаться в выведении следствий? Разве, когда апостол Павел выступил против апостола Петра, один из них не ошибался в своих построениях? Не может быть поэтому никакого противоречия между законами Бога и законами христианского государства.

Или неверный. А когда гражданским сувереном является неверный, то всякий подданный, оказывающий ему сопротивление, грешит против законов Бога (каковы естественные законы) и отвергает совет апостолов, увещевавших всех христиан повиноваться во всем своим государям, а детей и слуг — своим родителям и господам. Что касается *веры* подданных, то она скрыта внутри и невидима, и подданные такого суверена имеют ту же привилегию, какую имел Нееман [35], и нет никакой необходимости, чтобы они подвергали себя опасности ради нее. Если же они делают это, они должны ждать своей награды на небе, а не жаловаться на своего суверена, и тем более не объявлять ему войну. Ибо тот, кто не рад серьезному поводу принять мученический венец, не имеет той веры, которую он официально исповедует, и лишь притворяется верующим, чтобы придать *некоторый вид* своему упрямству. Но какой неверный суверен будет так неразумен, чтобы подвергнуть казни или преследованию подданного, который ждет второго пришествия Христа после того, как настоящий мир сей будет сожжен, и намерен тогда повиноваться Христу (каковое намерение содержится в исповедании догмата, что *Иисус* есть *Христос*), а до того времени считает себя обязанным повиноваться законам этого неверного суверена, что по совести обязаны делать все христиане?

Заключение. Этим я заканчиваю свои рассуждения о Царстве Божием и о церковной политике. В этих рассуждениях я намеревался не развивать какое-нибудь соб-

ственное положение, а лишь показать те выводы, которые, по моему мнению, вытекают из принципов христианской политики, которые изложены в Священном писании, в отношении власти гражданских суверенов и обязанности их подданных. А в своих ссылках на Священное писание я старался избегать таких текстов, смысл которых неясен или толкование которых спорно. Приводимые же мной цитаты я старался истолковать в таком смысле, который наиболее очевиден и наиболее соответствует общему духу и цели всей Библии, которая была написана в целях восстановления Царства Божия во Христе. Ибо не голые слова, а намерение пишущего дает тот истинный свет, при помощи которого должно быть истолковано всякое сочинение. А те, кто цепляется за отдельные тексты, не принимая во внимание основной цели, не могут ничего ясно вывести из них. Напротив, бросая атомы Писания как пыль в человеческие глаза, они делают всякий смысл более темным, чем он есть на самом деле,— обычная уловка тех, кто ищет не истины, а собственной выгоды.

ЧАСТЬ IV

О ЦАРСТВЕ ТЬМЫ

ГЛАВА XLIV

О ДУХОВНОЙ ТЬМЕ ВСЛЕДСТВИЕ ОШИБОЧНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПИСАНИЯ

Что такое царство тьмы. Помимо верховной власти, *божественной* и *человеческой*, о которой я говорил до сих пор, в Писании упоминается еще другая власть, а именно власть *мироправителей тьмы века сего* (Ефес. 6, 12); *царство сатаны* (Матф. 12, 26), *князя бесовского* (Матф. 9, 34), управляющего демонами, или привидениями, которые появляются в воздухе; по этой причине сатана назван также *князем, господствующим в воздухе* (Ефес. 2, 2), и — так как он правит во тьме мира сего — *князем мира сего* (Иоан. 16, 11). И как следствие из сказанного, те, кто находится под властью сатаны, называются детьми тьмы в противоположность верующим, которые называются *детьми света*. Ибо ввиду того что Вельзевул есть князь привидений, обитателей его владений в воздухе и во тьме, дети тьмы и демоны, привидения или призраки обозначают аллегорически одно и то же. Ввиду указанного, царство тьмы, как оно представлено в этих и других местах Писания, является лишь *союзом обманщиков, которые в целях приобретения власти над людьми в этом мире стремятся темными и ошибочными учениями погасить как естественный свет, так и свет Евангелия и сделать людей неспособными войти в грядущее Царство Божие.*

Церковь еще не вполне освобождена от тьмы. Подобно тому как люди, совершенно лишенные от природы света телесных глаз, не имеют никакого представления о таком свете и подобно тому как человек не может вообразить себе большего света, чем тот, который он в то или другое время воспринял своими внешними чувствами, точно так же бывает и в отношении света Евангелия и света разума, а именно что никто не может себе представить бóльшую степень этого света, чем ту, которой он уже достиг. В силу

этого бывает так, что люди не имеют других средств познать свою собственную темноту, кроме размышления над теми непредвиденными несчастьями, которые их постигают. Самой темной частью царства сатаны является та, которая находится вне церкви Божьей, т. е. среди тех, кто не верует в Иисуса Христа. Но мы не можем сказать, что церковь пользуется всем тем светом (как земля Гошена [1]), который необходим для исполнения предписанного нам Богом дела. Отчего же происходит в христианском мире чуть не со времени апостолов такое выталкивание друг друга с насиженных мест путем как внешней, так и гражданской войн? Отчего такое спотыкание при малейшей собственной неудаче и малейшем успехе других людей? И отчего мы идем такими различными путями к одной и той же цели, именно к *блаженству*, если не потому, что мы окутаны мраком или по крайней мере туманом? Поэтому мы еще ходим во тьме.

Четыре причины духовной тьмы. Враг был здесь во тьме нашего естественного невежества и сеял плевелы духовных ошибок, во-первых, злоупотребляя светом Библии и погашая его. Ибо мы ошибаемся в силу незнания Писания. Во-вторых, враг попутал нас введением демонологических языческих поэтов, т. е. их фантастических учений относительно демонов, которые суть лишь идолы или фантомы воображения, не имеющие никакого бытия вне человеческой фантазии, как, например, привидения умерших людей, русалки и другие образы бабушкиных сказок. В-третьих, враг действует путем примешивания к Писанию различных остатков религии и очень многого из пустой и ошибочной философии греков, особенно Аристотеля. В-четвертых, примешивая к тому и другому лживые или недостоверные предания и вымышленные или недостоверные истории. И таким образом, мы впадаем в заблуждение, внимая *духам обольстительным* и демонологии через лицемерие *лжесловесников* или, как сказано в оригинале (1 Тим. 4, 1, 2), тех, которые *играют роль лжецов, сожженных в совести своей*, т. е. заведомо лгущих. В этой главе я намерен кратко остановиться на первом из этих способов, именно на соблазнении людей путем злоупотребления Писанием.

Ошибки, проистекающие из ложного толкования Писания относительно Царства Божиего. В отношении Писания величайшим и главным злоупотреблением, из которого все остальные или вытекают как следствия, или подчинены ему, является искажение Писания с целью доказать, что

так часто упоминаемое в нем Царство Божие есть ныне существующая церковь, или совокупность ныне живущих христиан, или совокупность ныне мертвых и долженствующих воскреснуть в последний день, между тем как Царство Божие было вначале установлено при посредстве Моисея над одними евреями, которые были поэтому названы особенным народом Бога, а затем прекратилось при избрании Саула, когда евреи не захотели управляться больше Богом и требовали себе царя, как у всех прочих народов, на что сам Бог согласился, как я это более пространно изложил выше, в главе XXXV. После этого не было на свете другого Царства Божия, основанного на договоре или каком-нибудь ином соглашении, нежели то, что Бог был, есть и будет царем всех людей и всех тварей, управляя ими согласно своей воле, благодаря своему бесконечному могуществу. Тем не менее Бог обещал через своих пророков восстановить евреям это Царство снова, когда исполнится время, назначенное Им для этого в Его неисповедимом промысле, и когда они возвратятся к Нему, покаявшись и исправив свою жизнь. Мало того, Бог призвал также язычников прийти и наслаждаться блаженством Его царствования на том же условии обращения и покаяния. И Бог обещал также послать своего Сына в мир, чтобы Он своей смертью искупил грехи их всех и подготовил их своим учением к его принятию при Его втором пришествии. Так как второе пришествие еще не совершилось, то Царство Божие еще не наступило и мы не имеем над собой никаких других царей на основе договора, кроме наших гражданских суверенов. При этом следует лишь сделать ту оговорку, что христиане уже находятся в Царстве Благодати, поскольку они уже имеют обещание быть принятыми в Царство Божие при втором пришествии Христа.

Как, например, будто Царство Божие есть нынешняя церковь. Из этого ошибочного мнения, будто нынешняя церковь есть Царство Христа, вытекает то представление, будто должен быть один человек или собрание, чьими устами наш Спаситель (ныне на небе) говорит и издает законы и кто представляет Его лицо перед всеми христианами, или же должны быть различные лица или разные собрания, выполняющие ту же роль по отношению к разным частям христианского мира. Об этой царской власти под верховным владычеством Христа, на которую во всемирном масштабе претендует папа, а в отдельных государствах — духовные синоды соответствующих стран (между тем как Писание предоставляет эту власть лишь граждан-

скому суверену), ведутся такие страстные споры, что они погашают свет естественного разума и так затемняют человеческий рассудок, что люди в конце концов перестают понимать, кому они обязаны повиновением.

И будто папа является верховным наместником Христа. Из этого притязания папы на роль верховного наместника Христа в нынешней церкви (считающейся тем царством Христа, о котором говорит Евангелие) вытекает учение, что христианский король должен получать свою корону от епископа, как будто бы именно в силу этой церемонии он приобретает добавление Dei gratia к своему титулу и лишь тогда становится королем Божьей милостью, когда коронован властью всемирного наместника Бога на земле. Из указанного притязания папы вытекает также обычай, согласно которому каждый епископ, кто бы ни был его сувереном, при его посвящении дает присягу на абсолютное повиновение папе. В полном соответствии с этим находится постановление четвертого собора в Латеране, заседавшего при папе Иннокентии III (глава III «О еретиках»). Оно гласит: *Если какой-нибудь король после предупреждения папы не очистит своего королевства от ересей и, будучи отлучен за это от церкви, не даст удовлетворения в течение года, то его подданные освобождаются от их обязанности повиноваться ему*, где под ересью подразумеваются все те мнения, которые римская церковь запретила поддерживать. В силу этого случается, что, как только политические интересы папы приходят в столкновение с политическими интересами других христианских королей, как это весьма часто бывает, возникает такой туман среди подданных этих королей, что они не умеют различать между иноземцем, захватившим трон их законного государя, и тем, кого они сами посадили на этот трон; и в этом затемнении рассудка они побуждаются сражаться друг против друга, не отличая врагов от друзей, и все это в интересах честолюбия другого человека.

И будто пастыри являются духовенством. Этим же самым мнением — будто нынешняя церковь есть Царство Христа — обусловлено то, что пастыри, дьяконы и другие служители церкви присваивают себе имя *духовенства*, давая другим христианам имя *мирян*, т. е. просто *людей*. Ибо *духовенство* обозначает тех, чьи средства к жизни составляются из доходов, которые Бог выделил для себя во время своего царствования над израильтянами и назначил их в наследственную дань колену левитов, которые были его служителями и не имели удела, выделенного им для

жизни как их братьям. Так как папа, утверждая, что нынешняя церковь, подобно царству Израиля, есть Царство Божие, притязает на подобные доходы как на наследие Бога для себя и своих служителей, то имя «духовенство» соответствует такому притязанию. Этим и объясняется, что десятина и другие подати, которые израильтяне платили левитам на основании права Бога, в течение долгого времени требовались и взимались церковниками с христиан jure divino, т. е. по праву Бога. Таким образом, народ везде обязан был платить двойную подать: одну — государству, другую — духовенству, причем подать, уплачиваемая духовенству, составляла десятую часть его дохода и была вдвое больше подати, которую афинский царь, считавшийся тираном, требовал от своих подданных для покрытия всех государственных расходов. Ибо этот царь взимал лишь двадцатую часть доходов подданных, и, однако, этого достаточно было для удовлетворения нужд государства. А в еврейском царстве в ту эпоху, когда царствовал над ними Бог, а наместниками его были первосвященники, десятины и жертвоприношения составляли единственный источник государственных доходов.

Из этого же неправильного признания нынешней церкви Царством Божиим произошло различение между *гражданскими* и *каноническими* законами, причем под гражданскими законами понимаются законы, изданные *суверенами* в их собственных владениях, а под каноническими законами — изданные в тех же владениях *папой*. И хотя до передачи императорской власти Карлу Великому [2] эти каноны были лишь канонами, т. е. *предложенными правилами*, которые лишь добровольно принимались христианскими государями, однако после с возрастанием папской власти они стали принудительными правилами, и сами императоры вынуждены были (чтобы избежать больших несчастий, в которые могла быть вовлечена ослепленная масса) допускать их в качестве законов.

Отсюда вытекает то обстоятельство, что во всех владениях, где целиком признана церковная власть папы, евреи, турки и язычники пользуются веротерпимостью со стороны римской церкви, поскольку они в отправлении своей веры не совершают ничего против гражданской власти, между тем как в христианине, хотя бы и иностранце, неисповедание римско-католической религии считается уголовным преступлением, так как папа претендует на то, что все христиане являются его подданными. Ибо иначе преследование иностранца за то, что он исповедует религию своей

страны, в такой же мере противоречило бы международному праву, как преследование неверного, и даже в большей мере, ибо, кто не против Христа, тот с ним.

Отсюда вытекает также то, что в каждом христианском государстве имеются известные люди, которые в силу привилегий церкви освобождены от налогов и не подсудны трибуналам гражданского государства. Таково, например, белое духовенство, а сверх того, монахи и чернецы, которые во многих местах составляют такую огромную часть всего населения, что в случае надобности из них одних можно было бы составить армию, достаточную для войны, в которую вовлекла бы их воинствующая церковь против их собственных или чужих государей.

Заблуждение вследствие ошибочного превращения посвящения в заклинание. Вторым общим злоупотреблением в отношении Писания является превращение посвящения в заклинание, или колдовство. *Посвящать*, согласно смыслу этого слова в Библии,— значит предлагать, давать, предназначать, сопровождая это благочестивыми и скромными выражениями и жестами, человека или какой-нибудь предмет Богу, изымая его из общего пользования, т. е. освятить или сделать его Божиим и объектом пользования лишь тех, кого Бог назначил своими служителями (как я уже подробно доказал это в главе XXXV). При этом подразумевается, что меняется не сам посвященный предмет, а лишь характер его употребления, ибо предмет из мирского и обыденного становится священным и выделенным для целей богослужения. Но если утверждается, что при помощи таких слов меняется природа или качество самого предмета, тогда это уже не посвящение, а или необычайное дело Бога, или пустое и нечестивое заклинание. Но ввиду того что это нельзя считать необычайным делом (в силу слишком частого утверждения об изменении природы предмета благодаря посвящению), это не что иное, как *заклинание*, или *колдовство*, причем те, кто это утверждает, желают, чтобы люди верили в изменение природы предмета, которое не имеет места и против которого свидетельствуют человеческие глаза и другие органы чувств. Так, к примеру, когда священник, вместо того чтобы посвятить хлеб и вино специальному богослужению в таинстве тайной вечери (что означает лишь изъятие этого хлеба и вина из общего пользования, чтобы символизировать, т. е. напомнить, людям об их искуплении страданиями Христа, чье тело было распято и чья кровь пролита на кресте за наши прегрешения), утверждает, что, после того как он произнес слова

нашего Спасителя *это — мое тело* и *это — моя кровь*, хлеб перестает быть хлебом, а становится телом Христа, хотя получатель этого хлеба ни зрением, ни каким-либо другим чувством не воспринимает в этом хлебе ничего такого, чего бы не было в нем до посвящения. Когда говорят о египетских заклинателях, что они обратили жезлы в змей и воду в кровь, то предполагается, что они лишь создавали у зрителей обман чувств, вызывая у них видение несуществующего, однако они считались волхвами. Но что мы должны были бы думать о них, если бы из их жезлов не получилось никаких змей и из заколдованной ими воды не получилось никакой крови и вообще ничего другого, кроме воды, и все же они нагло утверждали бы перед царем, что то, что выглядит жезлами, суть змеи и то, что выглядит как вода, на самом деле есть кровь? Это было бы одновременно как колдовством, так и ложью. И однако, в своем указанном выше ежедневном акте священники делают то же самое, превращая святые слова в известный вид колдовства, которое не создает ничего нового для внешних чувств, и тем не менее они нагло настаивают на том, будто произнесенные ими слова обратили хлеб в человека и, мало того,— в Бога, и требуют, чтобы люди поклонялись этому хлебу, как если бы он был самим Христом, объединяющим в своем лице Бога и человека, что является вульгарным идолопоклонством. Ибо если для священников служило бы достаточным оправданием в идолопоклонстве их утверждение «этот хлеб есть не хлеб, а Бог», то почему подобное не могло бы служить оправданием для египтян, если бы они стали нагло утверждать, что порей и лук, которым они поклонялись, есть не порей и лук, а божество под их *видом* (species) или подобием. Слова *это мое тело* равнозначны словам *это означает или представляет мое тело* и являются обычным оборотом речи. Понимать же это буквально нельзя. А если уж понимать это буквально, то это нельзя распространять дальше, чем на тот хлеб, который сам Христос освятил своими собственными руками. Ибо Христос никогда не говорил, что всякий хлеб, о котором какой-либо священник когда-либо произнесет слова *это мое тело* или *это тело Христа*,— что этот самый хлеб немедленно будет пресуществлен. Да и римская церковь не устанавливала этого пресуществления до папства Иннокентия III, примерно пятьсот лет назад, когда власть папы достигла своего апогея, а мрак эпохи был настолько велик, что люди не различали хлеб, который им был дан для еды, особенно если на нем была изображена фигура Христа на кресте. Последнее

делалось как бы с целью заставить людей верить, будто освященный хлеб пресуществлен не только в тело Христа, но и в дерево его креста и что они в таинстве съели и то и другое.

Колдовство при церемонии крещения. Подобное же колдовство вместо освящения совершается при таинстве крещения. Колдовство состоит здесь в злоупотреблении именем Бога в каждом лице и во всей Троице в целом и в осенении себя крестным знамением при каждом имени. Прежде всего при освящении воды священник говорит: *Заклинаю тебя, создание воды, именем всемогущего Бога-Отца и именем нашего Господа Иисуса Христа, его единородного Сына, и силой Святого Духа, чтобы ты стала заговоренной водой, чтобы ты прогнала рать врага, искоренила и вытеснила врага* и т. д. То же самое при освящении соли, которая должна быть примешана к святой воде: *Чтобы ты стала заговоренной солью, чтобы все призраки и плутовство хитрого дьявола улетучились и покинули то место, которое будет окроплено тобой, и чтобы всякий нечистый дух был заговорен тем, кто придет судить живых и мертвых.* То же самое при освящении елея: *Чтобы вся армия врага, вся рать дьявола, все покушения и призраки сатаны могли быть отражены и прогнаны этим творением елея.* А что касается младенца, которого надлежит крестить, то он подвержен многим колдовствам. Прежде всего у церковной двери священник трижды дует в лицо младенца, приговаривая: *Изыди из него, нечистый дух, и дай место Святому Духу.* Как будто все младенцы, до того как подует священник, одержимы демонами. Далее, перед вступлением в церковь священник говорит, как и раньше: *Заклинаю тебя... выйти из этого раба Божьего и удалиться от него.* Это изгнание духов повторяется опять до акта крещения. Эти и некоторые другие формы колдовства практикуются вместо благословения и освящения при совершении таинств крещения и тайной вечери, в которых всякая вещь, служащая этим святым церемониям (за исключением оскверненной слюны священника), имеет некоторую установленную форму изгнания духов.

И при венчании, посещении больных, и при освящении различных мест. От этого колдовства не свободны также и другие церемонии, как, например, венчание, соборование, посещение больных, освящение церквей и кладбищ и т. п., поскольку и при этих церемониях имеется употребление заколдованной воды и елея, злоупотребление крестом и святыми словами Давида: asperges me Domine hyssopo [3] как

вещами, имеющими силу прогнать призраков и воображаемых духов.

Заблуждения вследствие ошибочного толкования слов «вечная жизнь» и «вечная смерть». Другое общее заблуждение проистекает от ложного толкования слов «вечная жизнь», «вечная смерть» и «вторая смерть». Ибо хотя мы ясно читаем в Священном писании, что Бог сотворил Адама для вечной жизни, но это условно, т. е. при том условии, что он не нарушит повелений Господа. Вечная жизнь не была присуща человеческой природе, а являлась результатом действия древа жизни, от которого Адам имел право есть, пока он не согрешил. Далее нам рассказывается в том же Священном писании, что после своего грехопадения Адам был изгнан из рая, дабы он не ел от древа жизни и не стал жить вечно, и что страдания Христа являются искуплением греха всех, кто верует в него, и, следовательно, восстановлением вечной жизни для всех верующих, и только для них одних. Мы имеем в течение долгого времени, вплоть до наших дней, далеко отличное от этого учение, а именно будто всякий человек обладает вечной жизнью по своей природе, поскольку его душа бессмертна, так что пламенный меч при входе в рай, хотя и преграждает человеку путь к древу жизни, не мешает ему, однако, обладать тем бессмертием, которого Бог лишил его за грех. Точно так же этот меч по смыслу указанного уже учения не делает для человека необходимой жертву Христа, чтобы снова обрести вечную жизнь, и, следовательно, не только верующие и праведники, но также нечестивцы и язычники будут пользоваться вечной жизнью без всякой смерти, тем паче без второй, и вечной, смерти. Чтобы отделаться от этого вывода, говорят, что под *второй, и вечной, смертью* подразумевается вторая, и вечная, жизнь, но в муках — оборот речи, который никогда не употребляется, за исключением этого именно случая.

Все это учение основано исключительно на некоторых наиболее темных местах Нового завета, которые, однако, при сопоставлении их с общей целью Писания приобретают достаточно ясный и отличный от указанного смысл и не являются необходимой частью христианской веры. В самом деле, если и предположить, что, когда человек умирает, остается лишь его труп, то разве не может Бог, сотворивший своим словом живых существ из безжизненного праха и глины, так же легко воскресить труп к новой жизни и продлить его жизнь вовеки или другим своим словом заставить его снова умереть? Слово *душа* (soul) означает

в Писании или жизнь, или живое существо, а тело в соединении с душой означает *живое тело*. В пятый день творения Бог сказал: *Да произведет вода* reptile animae viventis — *пресмыкающихся, имеющих в себе душу живую*. Английский перевод гласит: «имеющих жизнь». И дальше сказано: *Бог сотворил китов* и omnem animam viventem, что по-английски значит *всякое живое существо*. Точно так же говорится о человеке, что Бог создал его из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни: et factus est homo in animam viventem, т. е. *и стал человек живым существом*. А когда Ной вышел из ковчега, Бог сказал, что он не будет больше поражать omnem animam viventem, т. е. всякое живое существо. И во Второзаконии 12, 23 сказано: не есть крови, потому что *кровь есть душа*, т. е. *жизнь*. Если бы под душой понималась *бестелесная субстанция* с обособленным от тела бытием, то из только что приведенного текста можно было бы заключить, что душой обладает не только человек, но и всякое живое существо. Однако, что души верующих должны не в силу своей собственной природы, а по милости Божией оставаться в своих телах с момента воскресения и вовеки,— это, как я полагаю, я уже достаточно доказал на основании Писания в главе XXXVIII. А что касается тех мест Нового завета, где говорится, что кто-нибудь будет брошен телом и душой в геенну огненную, то подразумевается не что иное, как тело и жизнь, т. е. что соответствующие нечестивцы будут брошены живыми в вечный огонь геенны.

Как и заблуждения, проистекающие из учения о чистилище, изгнании духов и заклинании душ умерших, совершаемых святыми. Через это именно окно проникает темное учение прежде всего о вечных муках и затем о чистилище и, как следствие отсюда, учение о привидениях умерших людей, которые якобы бродят, особенно в неосвященных, уединенных и темных местах; через это же окно проникают учения об изгнании духов и заклинании призраков, как и вызывание умерших людей, а также учение об индульгенциях, т. е. об изъятии на время или навсегда из огня чистилища, где эти бестелесные субстанции, как утверждается, очищаются горением и делаются годными для принятия на небо. Ибо до эпохи нашего Спасителя люди, зараженные демонологией греков, жили в том убеждении, что души людей суть субстанции, отличные от их тел, и что поэтому после смерти тела душа всякого человека, благочестивого или нечестивого, должна где-то существовать в силу своей собственной природы, а не в силу

сверхъестественного дара Божьего, который при этом не предполагался. Учители церкви долгое время колебались насчет того, где именно находится то место, в котором души должны были бы пребывать до их воссоединения с телами при воскресении, предполагая некоторое время, что они находятся под алтарями. Однако впоследствии римская церковь нашла более выгодным построить для них это самое чистилище, которое некоторыми другими церквами было в последующую эпоху разрушено.

Относительно текстов, на которые ссылаются для доказательства вышеупомянутой доктрины, мной уже был дан ответ. Рассмотрим теперь тексты Писания, которые на первый взгляд как бы подтверждают те три ошибки, которые я здесь затронул. Что касается тех текстов, которые привел кардинал Беллармин в пользу существования в настоящем Царства Божиего, управляемого папой (причем приводимые им тексты имели, по видимости, наибольшую доказательную силу), то я на них уже ответил, выяснив, что Царство Божие, установленное Моисеем, прекратилось с избранием Саула и что после этого времени первосвященник собственной властью никогда не назначал царя. То, что первосвященник совершил по отношению к Гофолии, было им сделано не по его собственному праву, а по праву сына Гофолии, молодого царя Иоаса [4]. Соломон же по собственному праву удалил первосвященника Авиафара от священства и поставил на его место другого. Из всех текстов, приведенных в доказательство того, что Царство Божие при посредстве Христа находится уже в этом мире, труднее всего возразить не на те, которые приведены Белларминоm или другими представителями римской церкви, а на те, которые цитируются Безой [5], считающим начало Царства Божиего с момента воскресения Христа. Однако я не знаю, принадлежит ли, по его мнению, верховная церковная власть в Женевском государстве консистории пресвитерианской церкви (а следовательно, и всякой пресвитерианской консистории во всяком государстве) или государям и другим гражданским суверенам? Ибо в тех местах, где существует пресвитерианская форма церковного управления, пресвитерианские консистории не в меньшей степени, чем папа во всемирном масштабе, претендовали на право отлучать от церкви своих королей и на роль верховных руководителей в вопросах религии.

Ответ на вопрос о тексте, из которого Беза заключает, что Царство Христа начинается с его воскресения. Вот это место (Марк 4, 1): *Истинно говорю вам: есть некоторые из*

стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царство Божие, пришедшее в силе. Это место, понятое буквально, удостоверяет, что или некоторые из тех людей, которые были в окружении Христа в то время, еще живы, или же что Царство Божие должно существовать ныне в настоящем мире. Но имеется другое место, более трудное. Ибо, когда апостолы после воскресения нашего Спасителя и непосредственно перед Его вознесением спросили нашего Спасителя (Деян. 1, 6, 7): *Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?* — Он им ответил: *Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли.* Этим наш Спаситель сказал, что Его Царство еще не пришло и они не должны знать, когда оно придет, ибо оно должно прийти, как тать в ночи; но Он снизошлет на них Святой Дух, от которого они примут силу, чтобы свидетельствовать перед всем миром своими проповедями о Его воскресении и сотворенных им делах и о том учении, которому Он учил, дабы они уверовали в Него и ждали вечной жизни и Его вторичного пришествия. Как же это можно согласовать с тем взглядом, что Царство Христа наступило с Его воскресением? И как согласовать с этим взглядом то, что говорит апостол Павел (1 Фес. 1, 9, 10): *они обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его?* Значит, ждать, когда Он придет, чтоб быть царем во власти, чего не требовалось бы, если б Его Царство тогда уже существовало. Мало того, если Царство Божие началось (как это утверждает Беза на основании приведенного им места — Марк 9, 1) с момента воскресения, то какой же смысл имеет для христиан говорить в своих молитвах все время с момента воскресения Христа: *Да приидет царствие твое*? Ясно поэтому, что слова апостола Павла должны быть истолкованы не так. Некоторые из стоящих здесь, говорит наш Спаситель, не вкусят смерти, как уже увидят Царство Божие, пришедшее в силе. Если это Царство должно было прийти к моменту воскресения Христа, то почему сказано *некоторые из стоящих*, а не *все*? Ведь они все еще жили в момент воскресения Христа.

Толкование текста Евангелия от Марка 9, 1. Но пусть те, кто требует точного истолкования этого текста, сначала истолкуют подобные слова нашего Спасителя, сказанные апостолу Петру относительно апостола Иоанна (Иоан. 21, 22): *Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до*

того? На основании этих слов пронеслось между апостолами, что апостол Иоанн не умрет. Однако это предположение не было ни подтверждено как хорошо обоснованное, ни отвергнуто как плохо обоснованное этими словами Христа, а слова эти были оставлены как непонятное высказывание. Та же трудность имеется и в приведенном тексте апостола Марка. Если позволительно строить догадки насчет смысла этого места на основании того, что непосредственно за ним следует как здесь, так и у апостола Луки, где те же слова повторяются, то можно утверждать с некоторой вероятностью, что приведенные у апостола Марка слова имеют отношение к преображению Господню, которое описывается в последующих стихах, где сказано, что *по прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, не всех, но некоторых из его учеников, возвел на гору высокую особо их одних и преобразился перед ними. Одежды его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явился им Илия с Моисеем, и беседовали с Иисусом* и т. д. Таким образом, указанные апостолы видели Христа во славе и величии, таким, каким Он должен прийти, так что *они были в большом страхе*. И таким образом исполнилось обетование нашего Спасителя путем *виде́ния*, ибо все выше рассказанное было виде́нием, как это с вероятностью можно заключить из слов апостола Луки, который рассказывает ту же самую историю (9, 28) и говорит, что Петр и бывшие с ним отягощены были сном. С наибольшей же достоверностью это можно заключить из Матфея (17, 9), где опять рассказывается эта же история. Ибо наш Спаситель приказал им, говоря: *Никому не сказывайте о сем видении, доколе сын человеческий не воскреснет из мертвых*. Как бы, однако, там ни было, отсюда нельзя почерпнуть довода в доказательство того, что Царство Божие началось до дня Суда.

Неверное использование других текстов в защиту папской власти. Что же касается некоторых других текстов (кроме приводимых Беллармином), которые приводятся в доказательство власти папы над гражданскими суверенами,— как, например, что те два меча, которые Христос и его апостолы имели у себя, были духовным и светским мечами и их, по утверждению сторонников верховной церковной власти, апостол Петр получил от Христа или что из двух светил большее означает папу, а меньшее — короля,— то с таким же успехом можно было бы заключить из первого стиха Библии, что под небом подразумевается папа, а под землей — король. Все эти доводы суть не дока-

зательства на основании Библии, а непристойное издевательство над государями, вошедшее в моду с того времени, когда уверенность пап в своем величии возросла настолько, что они стали презирать всех христианских королей и наступать на шею императорам, насмехаясь над ними и над Писанием, как сказано в 90-м псалме: *На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона* (ст. 13).

Обряды освящения, согласно Писанию, совершались без заклинаний. Что касается обрядов освящения, то хотя они в наибольшей своей части зависят от усмотрения и суждения правителей церкви, а не от Писания, однако это правители обязаны давать в этом отношении такие наставления, каких требует природа самих актов, например чтобы церемонии, слова и жесты были скромны и значительны или по крайней мере соответствовали достоинству акта. Когда Моисей освящал скинию, жертвенник и относящиеся к ним сосуды (Исх. 11), он помазал их елеем, который Бог велел приготовить для этой цели, и они стали священными. Не было при этом никакого изгнания духов и привидений. Так же Моисей (гражданский суверен Израиля), освящая Аарона (первосвященника) и его сыновей, омыл их водой (без изгнания духов), облек их в одежды и помазал елеем, и они были освящены, чтобы служить в качестве священников. И это было скромным очищением и наряжением их, прежде чем представить их Богу в качестве его служителей. Когда царь Соломон (гражданский суверен Израиля) освящал построенный им храм (3 Цар. 13), он стал перед всем собранием израильтян и, благословив их, вознес благодарность Богу за то, что он внушил его отцу мысль построить этот храм, а ему самому дал в своей милости возможность привести эту мысль в исполнение. Затем он молился Богу, чтобы он принял этот храм, хотя и не соответствующий его бесконечному величию, и чтобы он услышал молитвы его рабов, вознесенные внутри этого храма или (если молящиеся находятся вдали) вне его; и наконец, Соломон вознес тук мирных жертв, и храм был освящен. Не было здесь никакой процессии; царь спокойно стоял на своем месте, не было заклинаемой воды, не было Asperges me и другого нелепого применения слов, сказанных по другому поводу, а была лишь скромная и разумная речь и такая, которая больше всего приличествовала поводу, а именно принесению Богу в дар нового храма, посвященного его имени.

Мы не читаем, чтобы апостол Иоанн изгонял духов из воды Иордана, а Филипп — из воды той реки, в которой он

крестил евнуха; мы не читаем также, чтобы какой-нибудь пастырь во времена апостолов брал бы свою слюну и прикладывал к носу человека, которого следует крестить, говоря in odorem suavitatis, т. е. во благоухание во имя Господа. В этом обряде не могут быть оправданы никаким авторитетом ни нечистоплотность церемонии слюны, ни легкомысленное применение слов Писания.

Писание доказывает, что бессмертие души проистекает не из природы, но из милости Божьей. Для доказательства того положения, будто души, отделившиеся от тела, живут вечно, причем не только души избранных в силу особой милости Бога и не только в смысле восстановления для верующих вечной жизни, утерянной из-за грехопадения Адама и восстановленной смертью нашего Спасителя, но также и души отверженных, т. е. для доказательства того положения, будто бессмертие есть свойство, естественно вытекающее из сущности человеческого рода, независимое от другой милости Бога, кроме той, которая вообще даровала человеческому роду,— для доказательства этого приводятся разные тексты, которые на первый взгляд действительно подтверждают это положение. Однако, когда я сравниваю эти тексты с текстом из Иова 14, приведенным мной выше (в главе XXXVIII), указанные тексты представляются мне более подверженными разным толкованиям, чем слова Иова.

И прежде всего это слова Соломона (Еккл. 12, 7): *И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его.* Этот текст, однако, может быть вполне истолкован в том смысле (если нет другого текста, говорящего против такого толкования), что только один Бог, но не человек, знает, что делается с человеческим духом, когда человек умирает. И тот же Соломон в той же книге (Еккл. 3, 20, 21) формулирует то же изречение в том смысле, в котором я его истолковал. Вот его слова: *Все идет* (люди и животные) *в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх и дух животных сходит ли вниз, в землю*? Значит, это знает только один Бог. И обычно в случаях, когда мы чего-нибудь не понимаем, мы употребляем фразы «бог весть что» и «бог весть где». Место из Бытия 5, 24: *И ходил Енох перед Богом; и не стало его, потому что Бог взял его*, которое в Послании к Евреям 11, 5 так объясняется: *Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его потому, что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что*

угодил Богу,— это место говорит о бессмертии тела так же, как и о бессмертии души, но в то же время доказывает, что этого переселения сподобляются те, кто угождает Богу, а не все люди, включая и нечестивых, и что такое переселение обусловлено милостью Бога, а не природой человека. С другой же стороны, как можно истолковать, если не держаться буквального смысла, следующие слова Соломона (Еккл. 3, 19): *Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все — суета*? По буквальному смыслу этих слов нет естественного бессмертия души, но это нисколько не противоречит той вечной жизни, которой избранные должны наслаждаться в силу милости Бога. И изречение (4, 3): *а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал*, т. е. «блаженнее тот, кто живет или жил»,— было бы жестоким изречением, если бы душа всех, кто жил, была бессмертна, ибо в этом случае выходило бы, что иметь бессмертную душу хуже, чем не иметь никакой. И далее (9, 5): *Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают*,— т. е. по природе и до воскресения тел из мертвых.

Другое место, по-видимому, в пользу естественного бессмертия души — то, где наш Спаситель говорит, что Авраам, Исаак и Иаков живы. Однако это сказано в смысле обетования Бога и в смысле уверенности в воскресении указанных праотцев, а не в смысле фактической жизни, т. е. это сказано в том же смысле, в котором Бог сказал Адаму, что в тот день, когда он вкусит от запретного древа, он непременно умрет. С этого дня и дальше он на протяжении почти тысячи лет был смертным человеком в силу произнесенного над ним приговора, но не мертвым в смысле исполненного приговора. Точно так же и Авраам, Исаак и Иаков были в то время, когда говорил Христос, живыми по обетованию, но до дня воскресения из мертвых не являются фактически живыми. И история богатого и Лазаря ничего не говорит против этого, если мы ее будем рассматривать как иносказание (каковым она действительно является).

Однако имеются и другие места в Новом завете, в которых бессмертие, по-видимому, прямо приписывается нечестивым. Ибо очевидно, что они должны воскреснуть ко дню Суда. Кроме того, говорится во многих местах, что грешники должны быть преданы вечному огню, должны быть подвергнуты вечным мукам, вечным наказаниям и что червь совести никогда не умрет. Все это разумеется в сло-

вах *вечная смерть*, которые обыкновенно интерпретируются как *вечная жизнь в муках*. И однако же я нигде не нахожу, чтобы человек должен был жить в муках вечно. И мне также представляется несправедливым сказать, что Бог, который является отцом милосердия и творит на небесах и на земле все, что Ему угодно, который имеет в своей власти сердца всех людей и определяет их действия и их волю и без свободного дара которого человек не имеет склонности ни к добру, ни к раскаянию в погрешениях,— что этот Бог будет карать человеческие прегрешения на протяжении бесконечного времени и такими жестокими пытками, какие только могут представить себе люди. Мы должны поэтому рассмотреть, что подразумевается под *вечным огнем* и другими подобными фразами Писания.

Я уже показал, что Царство Божие при посредстве Христа начинается в день Суда, что в этот день верующие снова воскреснут в телах чудесных и духовных и будут подданными в этом Царстве Христа, что эти воскресшие верующие не будут ни жениться и выходить замуж, ни есть и пить, как они это делали, будучи в телах бренных, земных, но будут жить вовеки в их индивидуальных личностях без той особенной вечности, которая обусловлена непрерывной преемственностью поколений. Я показал также, что и отверженные воскреснут, чтобы получить наказание за свои грехи, а тела тех избранных, которые будут жить в тот день в их земных телах, внезапно изменятся и станут духовными и бессмертными. Но что тела отверженных, составляющих царство сатаны, будут также чудесными и духовными телами, или что они будут подобны Божиим ангелам, которые не пьют, не едят и не производят потомства, или что они будут жить вечно в их индивидуальных личностях, как будет жить всякий верующий человек или как жил бы Адам, если бы он не грешил,— это не подтверждается никаким местом Библии, за исключением мест относительно вечных мук, которые, однако, могут быть истолкованы иначе.

Отсюда можно заключить, что, подобно тому как избранные после воскресения будут возвращены к тому состоянию, в котором находился Адам до грехопадения, точно так же отверженные будут находиться в том состоянии, в котором Адам и его потомство находились после грехопадения, с той лишь разницей, что Адаму и тем из его потомства, кто будет верить в Бога и покается, Бог обещал искупителя, а тем, кто умрет в своих грехах, т. е. отверженным, нет.

Что такое вечные муки. Учитывая сказанное, тексты, в которых упоминаются *вечный огонь, вечные муки* или *никогда не умирающий червь,* не противоречат учению о второй и вечной смерти в собственном и естественном значении слова «смерть». Огонь и мучения, приготовленные в *геенне, тофете* или в каком бы то ни было месте для нечестивых, могут продолжаться до конца мира сего, и эти места могут никогда не иметь недостатка в нечестивцах, которые должны быть подвергнуты мучениям, однако это не значит, что всякий нечестивец или один какой-нибудь будет подвергаться мучениям вечно. Ибо грешники, оставленные в том состоянии, в котором они были после грехопадения Адама, могут и после воскресения из мертвых жить так, как они жили до своей смерти, могут жениться, выходить замуж и иметь грубые и тленные тела, какие человеческий род имеет сейчас, и, следовательно, они могут непрерывно производить потомство, как и раньше. Ибо в Писании нет ни одного места, которое говорило бы против такого предположения. В самом деле, когда апостол Павел говорит о воскресении из мертвых (1 Коринф. 15), он разумеет воскресение для вечной жизни, а не воскресение для наказания. И о воскресении в первом смысле он говорит: *Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает в теле духовное* (43—44). Ничто не может быть сказано о телах тех, кто воскреснет, чтобы подвергнуться наказанию. Точно так же и наш Спаситель, когда он говорит о природе человека после воскресения, разумеет воскресение для вечной жизни, а не для наказания. Лучшим свидетельством в пользу сказанного является текст из Луки 20, 34—36: *Чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят и умереть даже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божьи, будучи сынами воскресения.* Чада мира сего, находящиеся в том состоянии, в котором оставил их Адам, будут жениться и выходить замуж, т. е. будут развращены и размножатся из поколения в поколение, что является бессмертием рода, а не личным бессмертием. Они не сподобятся достигнуть того века и абсолютного воскресения из мертвых. Они воскреснут лишь на короткое время как жители мира грядущего и лишь для того, чтобы получить достойное возмездие за свое неповиновение. Избранные — единственные сыны воскресения, т. е. единственные наследники вечной жизни, лишь они одни не могут уже

умереть; это они равны ангелам и суть сыны Божии, а не отверженные. Для отверженных остается после воскресения *вторая*, и *вечная*, смерть, а промежуток между воскресением и их второй, и вечной, смертью есть для них лишь время наказания и мучений, время, которое будет продолжаться благодаря последовательной смене поколений грешников до тех пор, пока человеческий род будет продолжать размножаться, т. е. вечно.

Ответ на вопрос о текстах, которые приводятся в подтверждение учения о чистилище. На этом учении о бессмертии душ, отделившихся от тела, зиждется, как я говорил, учение о чистилище. Ибо если мы предполагаем, что вечная жизнь может быть лишь результатом милости Бога, то нет другой жизни, кроме жизни тела, и нет бессмертия до воскресения. Из текстов канонического писания Ветхого завета, на которые Беллармин ссылается в доказательство существования чистилища, это прежде всего место (4 Цар. 1, 12), где говорится о посте Давида по поводу смерти Саула и Ионафана, а также (2 Цар. 3, 35) по поводу смерти Авенира. Этот пост, говорит Беллармин, имел целью выпросить кое-что от Бога для указанных лиц после их смерти, ибо когда Давид постился о выздоровлении своего ребенка, то, как только он узнал, что ребенок умер, он попросил есть. Ввиду того что души имеют обособленное от тела бытие и ничего нельзя приобрести постом для душ, которые находятся или на небесах, или в аду, то отсюда следует, что имеются некоторые души умерших людей, которые не находятся ни на небесах, ни в аду. Поэтому должно иметься какое-то третье место, которое является чистилищем. И при помощи таких грубых натяжек Беллармин старается использовать эти тексты, чтобы доказать существование чистилища, между тем как очевидно, что церемония оплакивания и поста, если она совершается по поводу смерти людей, жизнь которых была невыгодна плакальщикам, то, значит, в целях воздания чести покойникам, а если эта церемония совершается по поводу смерти людей, от жизни которых плакальщики извлекали для себя благо, то, значит, вследствие их собственной утраты. Таким образом, Давид воздал честь Саулу и Авениру своим постом, а после смерти своего ребенка он снова утешился принятием обычной пищи.

В других текстах, которые Беллармин цитирует из Ветхого Завета, нет и намека на доказательство. Он приводит всякий текст, в котором имеются слова «гнев», или «огонь», или «горение», или «очищение», если только кто-

либо из отцов церкви хотя бы в какой-нибудь проповеди риторически применял его к учению о чистилище, ставшему уже догматом веры. Так, например, он ссылается на первый стих 37-го псалма: *Господи! Не в ярости Твоей обличи меня и не во гневе Твоем наказывай меня.* Какое отношение имело бы это к чистилищу, если бы Августин не применял слово *ярость* к огню ада и *гнев* — к огню чистилища? И где указание на чистилище в псалме 65, 12: *Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу* — и в других подобных текстах, при помощи которых наставники того времени стремились украсить или расширить свои проповеди и комментарии и которые ловко притянуты за волосы для указанных целей?

О текстах Нового завета, приводящихся в подтверждение этого учения. Однако Беллармин ссылается на другие места Нового завета, на которые не так легко ответить. Прежде всего на текст из Матфея 12, 32: *Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем.* Беллармин считает чистилище тем грядущим миром, в котором могут быть прощены некоторые грехи, которые в этом мире не были прощены, и это против той очевидности, что имеются лишь три мира: один — от сотворения до потопа, разрушенный этим самым потопом и названный в Писании *старым веком;* другой — от потопа до дня Суда, являющийся *нынешним веком* и подлежащий разрушению огнем; а третий будет продолжаться со дня Суда и вовеки, и он называется *грядущим веком,* и в нем, как все согласны, не будет никакого чистилища. Поэтому мир грядущий и чистилище несовместимы. Но какой же тогда смысл приведенных слов нашего Спасителя? Сознаюсь, что их очень трудно примирить со всеми теми учениями, которые ныне единодушно приняты. Да и не стыдно признаться в том, что глубина Писания слишком велика, чтобы ее можно было исследовать коротким человеческим умом. Тем не менее я осмеливаюсь предложить вниманию наиболее ученых теологов то толкование, на которое наводит сам текст. И прежде всего ввиду того, что сказать слово против Духа Святого, являющегося третьим лицом в Троице,— значит сказать против церкви, в которой пребывает Святой Дух, мне представляется, что в приведенном тексте проводится сравнение между кротостью нашего Спасителя, терпеливо сносившего все оскорбления, нанесенные ему, пока он сам учил мир, т. е. пока он был на земле, и строгостью пастырей после него по отношению к тем, кто стал бы

отрицать их авторитет, исходивший от Святого Духа. Наш Спаситель как будто хочет вышеприведенными словами сказать: вы, которые отрицаете мою власть; мало того, вы, которые распнете меня, будете прощены мной, как только вернетесь ко мне путем покаяния. Но если вы будете отрицать власть тех, кто будет учить вас впоследствии силой Святого Духа, то они будут неумолимы и не простят вас, и будут преследовать вас в этом мире, и оставят вас без отпущения грехов (хотя бы вы вернулись ко мне, если только вы не вернетесь также к ним), дабы вы, поскольку это зависит от них, подверглись наказанию в мире грядущем. Таким образом, эти слова могут быть поняты как пророчество, или предсказание, относительно тех времен, которые затем настали в христианской церкви. Или если не таков смысл этого текста (ибо я не считаю свое толкование непреложным для таких трудных мест), то, может быть, после воскресения будет предоставлена возможность покаяния для некоторых грешников. И с таким толкованием согласуется как будто другое место Писания. Ибо, принимая во внимание слова апостола Павла (1 Коринф. 15, 29): *Иначе, что делают крестящиеся для мертвых? Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых?* — кто-нибудь, пожалуй, мог бы отсюда заключить, как это некоторые и сделали, что во времена апостола Павла был обычай принимать крещение для мертвых (подобно тому как верующие в наше время являются поручителями за веру детей, которые сами еще не способны верить) в качестве ручательства за умерших друзей, что они готовы повиноваться и признать нашего Спасителя своим царем при его втором пришествии, и тогда прощение грехов в будущем мире не нуждается в чистилище. Однако в обоих этих толкованиях так много парадоксального, что я им не доверяю и предлагаю их вниманию людей, наиболее сведущих в Писании, лишь затем, чтобы спросить этих последних, нет ли более ясного места, говорящего против этих толкований. Сам же я лишь настолько ясно обозреваю Писание, чтобы видеть, что ни в этом, ни в каком-либо другом тексте нет ни слова «чистилище», ни самого этого предмета и вообще ничего, что доказывало бы необходимость какого-либо места для души вне тела — ни для души Лазаря в течение тех четырех дней, когда он был мертв, ни для душ тех, о ком римская церковь утверждает, что они подвергаются мучениям в чистилище. Ибо Бог, который мог вдохнуть жизнь в кусок глины, имеет ту же возможность дать снова жизнь мертвому человеку и превратить его

бездыханный и истлевший труп в чудесное, духовное и бессмертное тело.

Другое место находится в 1 Коринф. 3, где сказано, что дело тех, кто строит на правильном основании, но из сена и соломы, погибнет, однако *сами они спасутся, но так, как бы из огня.* Беллармин полагает, что этот огонь и есть огонь чистилища. Слова эти, как я уже говорил раньше, являются намеком на слова Захарии 13, 9: *И введу эту третью часть в огонь, и расплавлю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото.* Слова эти сказаны о пришествии Мессии в силе и славе, т. е. в день Суда, и о сожжении мира сего, при котором избранные не погибнут, а будут очищены, т. е. откажутся от своих ошибочных учений и традиций и будут таковы, как будто все заблуждения спалены, и они будут затем призывать имя Бога. Точно так же говорит апостол о тех, кто, придерживаясь основы *Иисус есть Христос,* будет строить на ней ошибочные учения, что они не будут истреблены тем огнем, который обновит мир, а пройдут через этот огонь к спасению, но так, что они осознают свои прежние заблуждения и откажутся от них. Строители — это *пастыри,* основание — это догмат *Иисус есть Христос.* Солома и сено — это *ложные выводы, сделанные из этого догмата вследствие невежества* или *слабости;* золото, серебро и драгоценные камни — это их *истинные учения,* а их очищение — это *отказ от их заблуждений.* Во всем этом нет и намека на сожжение бестелесных, т. е. нетленных, душ.

Как понимать крещение для мертвых. Третьим местом является приведенное выше место из 1 Коринф. 29 относительно крещения для мертвых, из которого Беллармин прежде всего заключает, что молитвы за умерших небесполезны, и отсюда далее — что имеется огонь чистилища. Однако и тот и другой выводы неправильны. Ибо из многих толкований слова *крещение* он в первую очередь принимает то, согласно которому под крещением подразумевается метафорически крещение покаянием, и что в этом смысле люди тогда крещены, когда постятся, молятся и раздают милостыню, так что крещение для мертвых и молитвы о мертвых одно и то же. Но это метафора, примера которой мы не находим ни в Писании, ни в каком другом словоупотреблении и которая также не согласуется со всем контекстом и намерением Писания. Креститься, согласно словоупотреблению Писания (Марк 10, 38 и Лук. 12, 50),— значит окунуться в свою собственную кровь, как Христос на кресте и как большинство апостолов за то, что они свиде-

тельствовали о нем. Но нелепо сказать, что молитва, пост и раздача милостыни имеют какое-либо сходство с окунанием. Это же слово «крещение» Матфей (3, 11 — место, которое, по видимости, говорит некоторым образом в пользу существования огня чистилища) употребляет в смысле очищения огнем. Очевидно, однако, что упоминаемые здесь огонь и очищение есть то же, о чем говорит пророк Захария (13, 9): *введу эту третью часть в огонь, и расплавлю их,* и апостол Петр после него (1 Пет. 1, 7): *дабы испытанная вера наша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа,* а также апостол Павел (1 Коринф. 3, 13): *огонь испытает дело каждого, каково оно есть.* Но апостолы Петр и Павел говорят о том огне, который будет при втором пришествии Христа, а пророк Захария — о дне Суда, поэтому текст у Матфея может быть истолкован в том же смысле, и тогда не будет никакой необходимости в огне чистилища.

Другим толкованием крещения для мертвых является то, которое я привел выше и которому Беллармин отводит второе место в отношении степени его правдоподобности; из этого толкования он также заключает о полезности молитвы для мертвых. Ибо если те, кто не слышал о Христе или не верует в него, могут быть после воскресения приняты в Царство Христа, то небесполезно, чтобы после их смерти их друзья молились о них до их воскресения. Однако если мы и согласимся с тем, что Бог может, внимая молитвам верующих, обратить к себе некоторых из тех, кто не слышал проповеди Христа и, следовательно, не мог его отвергнуть,— если мы согласимся с тем, что милосердие молящихся не может не произвести своего действия, то это все же не говорит в пользу существования чистилища, ибо одно дело — воскреснуть от смерти к жизни, а другое дело — воскреснуть от чистилища к жизни, что является воскресением от жизни к жизни, от жизни в мучениях к жизни в радости.

В-четвертых, Беллармин приводит текст из Матфея 5, 25: *Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге и не ввергли бы тебя в темницу.* Беллармин толкует это как аллегорию, в которой под обидчиком подразумевается *грешник,* под соперником и судьей — *Бог,* под путем — *жизнь,* под темницей — *гроб,* под слугой — *смерть;* из чего Беллармин заключает, что грешник воскреснет не для вечной жизни, а для второй смерти, пока он не выплатит последнего гроша или пока Христос не

заплатит за него своими страданиями, которые являются полным выкупом за всякого рода грехи, как за меньшие, так и за бóльшие, ибо и те и другие в равной мере искупаются этими страданиями.

Пятое место — это текст из Матфея 5, 22: *Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему «рака»* [пустой человек], *подлежит синедриону, а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной.* Из этих слов Беллармин выводит три вида греха и три вида наказания, причем лишь последний грех будет наказан геенной огненной, и, следовательно, меньшие грехи будут наказаны за гробом, в чистилище. На это умозаключение нет и намека в каком бы то ни было из толкований, данных до сих пор выше цитированным словам. Разве в загробной жизни имеются для разбора дел и вынесения приговора по разным преступлениям такие же различные судебные инстанции, как те, которые существовали у евреев во времена нашего Спасителя, а именно суд и синедрион? Разве не принадлежит всякая юрисдикция Христу и его апостолам? Для понимания этого текста поэтому мы должны рассматривать его не изолированно, а в контексте как с предшествующими, так и с последующими словами. Наш Спаситель в этой главе толкует закон Моисея. Этот закон евреи считали исполненным тогда, когда они не нарушали его грамматического смысла, хотя бы они нарушали содержание или смысл, вложенный в закон законодателем. И между тем как евреи полагали, что шестая заповедь нарушается лишь убийством человека, а седьмая — лишь когда мужчина спит с чужой женой, наш Спаситель говорит им, что внутренний гнев человека на своего брата, если этот гнев напрасен, есть человекоубийство. *Вы слышали,*— говорит он,— *закон Моисея: «не убий; кто же убьет, подлежит суду судей или синедриона»; я же говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно или сказавший ему «рака» или «безумный», повинен в человекоубийстве и будет наказан в день Суда, когда будут восседать Христос и апостолы, геенной огненной.* Таким образом, вышеприведенные слова употреблены не для различения между разными преступлениями, разными судилищами и разными наказаниями, а чтобы осудить то различие между грехом и грехом, которое евреи выводили не из различия устремленности воли к повиновению Богу, а из различия их земных судилищ, и чтобы показать им, что тот, кто стремится вредить своему брату, хотя бы это стремление выявилось лишь в брани или со-

вершенно не выявилось, будет ввергнут в геенну огненную судьями и синедрионом, которые в день Суда будут представлять собой не различные судилища, а одно и то же. Учитывая это, не могу понять, что может быть выведено отсюда в доказательство существования чистилища.

В-шестых, Беллармин цитирует Луку 16, 9: *Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители.* Эти слова Беллармин приводит в доказательство значения призыва умерших святых. Однако смысл этих слов ясен, а именно что мы должны своим богатством приобретать друзей среди бедных и этим приобрести их молитвы, пока они живы. *Подающий бедному дает взаймы Господу.*

В-седьмых, Беллармин цитирует Луку 23, 42: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* Поэтому, говорит Беллармин, может быть отпущение грехов и после земной жизни. Однако это заключение неправильно. Наш Спаситель простил злодея уже тогда, а при своем втором пришествии он вспомнит о нем, чтобы воскресить его снова к вечной жизни.

В-восьмых, он цитирует Деяния 2, 24, где апостол Петр говорит о Христе, что *Бог воскресил Его, освободив от мук смерти, потому что ей невозможно было удержать Его.* Это место Беллармин толкует как сошествие Христа в чистилище, чтобы освободить некоторые души от их мучений, между тем как очевидно, что освобожден был сам Христос. Именно его не могли удержать смерть или гроб, а не души в чистилище. Но если принять во внимание то, что говорит Беза в своих примечаниях к этому тексту, то ясно будет, что вместо *мук* должно стоять *узы*, и тогда нет никакого основания искать в этом тексте намека на чистилище.

ГЛАВА XLV

О ДЕМОНОЛОГИИ И О ДРУГИХ ПЕРЕЖИТКАХ РЕЛИГИИ ЯЗЫЧНИКОВ

Корни демонологии. Впечатление, произведенное на органы зрения светлыми телами, воздействующими на глаза по одной ли прямой линии или по многим, путем ли отражения от темных тел или путем преломления при проходе сквозь прозрачные тела, производит в живых существах, наделенных Богом такими органами, образ объекта, который породил этот отпечаток. Этот образ назы-

вается *зрением,* причем нам кажется, что оно есть не простой образ, а само тело вне нас, точно так, как при сильном нажиме на глаз человеку представляется свет вне его и перед ним, но этого света никто, кроме него, не воспринимает, так как в действительности нет такого противодействия во внутренних органах, которое давит вовне. И если движение, произведенное этим давлением, продолжается и после того, как обусловивший его объект удален, то мы имеем то, что называется *представлением, памятью* и *сновидением* — во сне, а иногда при сильном расстройстве органов вследствие болезни или возбужденного состояния. Обо всем этом я уже кратко говорил в главах II и III.

Так как природа зрения не была открыта древними, стремившимися к естественному знанию, а тем более теми, кто вообще не размышляет о предметах, столь далеких, как эта отрасль знания, от их повседневного обихода, то людям трудно было полагать, что эти чувственные образы и образы фантазии есть что-то иное, нежели реально существующие вне нас предметы. При этом некоторые считают, что эти объекты, так как они исчезают неизвестно куда и неизвестно как, абсолютно бестелесны, т. е. не материальны, или суть формы без материи, цвет и фигура без соответствующего тела, являющегося их носителем, и что они могут надеть на себя, как платье, воздушные тела, чтобы сделать их, когда они хотят, видимыми для наших глаз; а другие говорят, что эти объекты есть тела и живые существа, но сделанные из воздуха или другого тонкого и эфирного материала, который сгущается, когда эти существа хотят стать видимыми. Но представители того и другого взгляда сходятся на том, чтобы называть эти существа *демонами.* Как будто покойники, которые им снятся, пребывают не в их собственном мозгу, а в воздухе, или на небе, или в аду и суть не фантомы, а привидения, что так же неразумно, как если бы кто-нибудь сказал, что он видел в зеркале свое собственное привидение или привидение звезд в реке, или называл бы видимый лик солнца величиной приблизительно около фута *демоном* или привидением того великого Солнца, которое озаряет своим светом весь видимый мир. В силу указанного люди боялись этих фантомов как существ, обладающих неведомой, т. е. неограниченной, властью делать им добро или причинять зло, и, следовательно, дали возможность правителям языческих государств регулировать этот страх установлением *демонологии* (чем были особенно заняты или особенно прославились поэты как главные жрецы языческой религии) в целях

достижения общественного мира и необходимого для этого повиновения подданных. При этом жрецы делали одних *демонов* добрыми, а других — злыми, пришпоривая подданных первыми к соблюдению законов и пользуясь вторыми как уздой, чтобы удержать подданных от нарушения законов.

Каковы были демоны древних. Каковы были те предметы, которым они давали имя *демонов,* видно отчасти из генеалогии их богов, написанной Гесиодом, одним из наиболее древних поэтов Греции, а отчасти из других историй, о чем я уже кое-что сказал в главе XII этого трактата.

Как эти учения распространялись. При помощи своих колоний и завоеваний греки распространили сферу влияния своего языка и литературы на Азию, Египет и Италию. Необходимым следствием этого было и распространение их *демонологии,* или (как апостол Павел это называет) *их учения о дьяволах.* В результате учением о дьяволах оказались заражены и евреи, как те, что жили в Александрии, так и те, что жили в других местах.

Каким путем они проникли к древним евреям. Но евреи называли *демонами* только злых духов, а не добрых и злых, как это делали греки. Добрых же демонов они называли Духом Божиим и считали пророками тех, в чье тело такие демоны входили. Короче говоря, все необыкновенное в хорошем смысле евреи приписывали Духу Божиему, а все плохое — какому-нибудь демону, κακοδαίμων — злому *демону*, т. е. *дьяволу.* Поэтому они называли *беснующимися*, т. е. *одержимыми бесами,* тех, кого мы называем сумасшедшими или лунатиками; или тех, кто страдает падучей; или тех, кто говорил что-нибудь, что евреи вследствие непонимания считали абсурдом. Точно так же они о не очень опрятных людях говорили, что они одержимы нечистым духом, а о немом человеке — что он одержим немым дьяволом. Об Иоанне Крестителе (Матф. 7, 20) ввиду необычайности его постов они говорили, что в нем сидит бес. А нашему Спасителю, говорившему, что, кто соблюдает слово его, не увидит смерти вовек, они сказали: *Теперь узнали мы, что бес в тебе, Авраам умер, и пророки умерли.* И снова, когда наш Спаситель сказал (Иоан. 8, 52), что они ищут убить его, они ответили ему: *Бес в тебе, и поэтому его надо убить.* Отсюда вытекает с очевидностью, что евреи придерживались тех же взглядов относительно призраков, а именно что они не призраки, т. е. идолы воображения, а реальные объекты, независимые от представления.

Почему же наш Спаситель не отверг это учение. Однако,

если это учение неверно, спросит кто-нибудь, почему же наш Спаситель не восстал против него и не опровергал его? Мало того, почему он по разным поводам употребляет такие выражения, которые как будто подтверждают это учение? На это я отвечаю, что, прежде всего, там, где Христос говорит, что *Дух не имеет ни плоти, ни костей,* он хотя этим и подтверждает, что духи существуют, однако не отрицает, что они тела. А там, где апостол Павел говорит: *Мы воскреснем как духовные тела,* он признает природу духов, но лишь в том смысле, что они являются телесными духами, что нетрудно понять. Ибо воздух и многие другие вещества являются телами, хотя они не мясо, не кости и не какое-нибудь другое грубое тело, которое можно различать глазом. Однако когда наш Спаситель говорит бесу и приказывает ему выйти из человека, то разве такая речь не является совершенно неуместной, если под бесом понимать болезнь, как безумие, или бешенство, или какой-нибудь телесный дух? Разве болезнь может слышать? Или разве может телесный дух пребывать в теле из мяса и костей, полном уже жизненных и органических духов? Нет ли поэтому духов, которые не имеют тела и не являются одним лишь представлением? На первый из этих вопросов я отвечаю, что приказание, обращенное нашим Спасителем к безумию или бешенству, которое он лечил, не более неуместно, чем было его приказание лихорадке, ветру и морю, ибо и они не способны слышать, или не более неуместно, чем было приказание Бога свету, тверди небесной, Солнцу и звездам, когда он приказал им быть. Ибо они не могли слышать, пока они не существовали. Но эти речи вовсе не неуместны, ибо они обозначают силу Слова Господня. Не более неуместно поэтому приказание выйти из человеческого тела, обращенное к безумию или бешенству (к так называемым бесам, которые в таких случаях обычно подразумевались). Что касается второго вопроса, относительно их бестелесного естества, то я не заметил ни одного места в Писании, из которого можно было бы заключать, что кто-либо был когда-нибудь одержим другим телесным духом, кроме своего собственного, при помощи которого он двигается.

Писание отнюдь не учит, что духи бестелесны. Апостол Матфей (4, 1) говорит, что непосредственно после того, как на нашего Спасителя спустился Святой Дух в форме голубя, наш Спаситель *возведен был Духом в пустыню,* и то же самое повторяется (Лук. 4, 1) в следующих словах: *Иисус, исполненный Духа Святаго... поведен был Духом в пусты-*

ню, где очевидно, что под *духом* подразумевается Святой Дух. Это не может быть истолковано как одержимость, ибо Христос и Святой Дух являются одной и той же субстанцией, следовательно, при этом не имеет места одержимость одной субстанции или одного тела другим. И если в следующих стихах говорится, что Христос был *поведен дьяволом в Иерусалим и поставлен на крыле храма,* то разве мы можем заключить, что он был одержим дьяволом и поведен туда силой? И опять: *Возведши его на высокую гору, дьявол показал ему оттуда все царства вселенной.* И тут мы не должны верить, что Иисус был одержим или принужден дьяволом силой; точно так же мы не должны верить, что существует где-либо настолько высокая гора (согласно буквальному смыслу), что дьявол мог показать с ее вершины всю вселенную. Какой же другой смысл может иметь это место, если не тот, что Иисус по собственному побуждению пришел в пустыню и что Его передвижения туда и обратно, из пустыни в Иерусалим и оттуда на гору, были виде́нием? Этому соответствует также фраза апостола Луки, что Иисус был поведен в пустыню не *Духом,* а в *Духе,* между тем как относительно его возведения на гору и на крыло храма апостол Лука повторяет выражение апостола Матфея, как этого требует природа виде́ния.

Далее, когда апостол Лука говорил об Иуде Искариоте, что *в него вошел сатана, после чего он пошел и говорил с первосвященниками и начальниками, как предать им Христа,* то на это можно ответить, что под вхождением *сатаны,* т. е. *врага,* подразумевается враждебное и предательское намерение продать своего Господа и Учителя. Ибо, подобно тому как под Святым Духом часто в Писании подразумеваются добрые намерения и хорошие склонности, данные Святым Духом, точно так же под вхождением сатаны могут подразумеваться нечестивые мысли и намерения врагов Христа и его учеников. Ибо если нельзя сказать, что сатана вошел в Иуду, прежде, чем последний возымел свое злое намерение, то нелепо было бы также сказать, что Иуда сначала стал врагом Христа в душе, а после этого вошел в него сатана. Поэтому вхождение сатаны и преступное намерение были одно и то же.

Однако если не существует нематериального духа и человеческие тела не могут быть одержимы телесным духом, то почему же, можно опять спросить, наш Спаситель и его апостолы не проповедовали этого народу в таких ясных выражениях, чтобы у людей не оставалось никаких сомнений на этот счет? Однако вопросы, подобные этим, выходят

за пределы того, что необходимо для спасения христианина. Ибо точно так же люди могли бы спросить, почему Христос, который мог бы дать всем людям веру, благочестие и всякого рода моральные качества, дал их лишь некоторым, а не всем и почему он предоставил исследование естественных причин и научной истины естественному разуму и прилежанию людей и не дал всего этого всем людям или кому-нибудь из них путем сверхъестественного откровения. Точно так же можно было бы задавать всякие другие вопросы этого рода, на которые можно тем не менее привести правдоподобные и соответствующие духу религии основания. Ибо, подобно тому как Бог, когда он привел израильтян в обетованную землю, не обеспечил им раз навсегда мира и безопасности путем покорения всех народов вокруг них, а оставил многие из этих народов как угрозу, чтобы пробуждать время от времени религиозный дух и религиозное рвение евреев, точно так же и наш Спаситель, ведя нас к своему Царству Небесному, не устранил всех трудностей вопросов мироздания, а оставил их, дабы упражнять наше трудолюбие и разум. Задачей его проповеди было лишь показать нам ясный и прямой путь к спасению, именно веру в догмат, *что он был Христом, сыном живого Бога, посланным в мир, чтобы пожертвовать собой за наши грехи, а при своем втором пришествии царствовать во славе над своими избранными и спасти их от их врагов вовеки.* На пути к этому спасению мнение об одержимости духами или о привидениях не является препятствием, хотя оно дает некоторый повод сойти с пути истины и следовать собственным измышлениям. Если мы требуем от Писания ответа на все те вопросы, возникновение которых может смутить нас при исполнении господних заповедей, то мы можем с таким же основанием жаловаться на Моисея за то, что он не установил момента сотворения подобных духов так, как он установил время сотворения земли, моря, людей и зверей. Заключаю. Я нахожу в Писании указание на то, что существуют ангелы и духи, добрые и злые, но я не нахожу в нем указания на то, чтобы они были бестелесными, подобно тем призракам, которых люди видят в темноте, во сне или в своих виде́ниях и которые по-латыни называются spectra и считаются *демонами.* И я нахожу, что имеются телесные духи, хотя тонкие и невидимые, но никакое человеческое тело не было одержимо или обитаемо ими, и что тела святых будут такими духовными телами, как их называет апостол Павел.

Практика изгнания бесов иная, чем та, которая была

в ранней (primitive) **церкви.** Тем не менее противоположное учение, а именно мнение о том, что существуют бестелесные духи, в такой мере преобладало до сих пор в церкви, что на нем построен ритуал заклинания бесов, т. е. изгнания бесов заклинанием, который, хотя и редко и робко применяемый, не совсем еще отошел в прошлое. То обстоятельство, что в ранней церкви было много одержимых бесами и мало сумасшедших и других больных странными болезнями, между тем как в наше время мы часто слышим о сумасшедших и многих из них видим, но мало слышим об одержимых бесами, происходит от изменения не природы, а имен. Однако другой вопрос: чем же объясняется, что раньше апостолы и после них в течение некоторого времени наставники церкви исцеляли все эти странные болезни, а в наше время мы не наблюдаем, чтобы пастыри церкви совершали нечто подобное? Почему также в наше время всякий искренне верующий не имеет власти делать все то, что делали верующие в ту пору, т. е. то, о чем мы читаем следующее (Марк 16, 17, 18): *Именем Моим, Христа, будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не вредит им, возложат руки на больных, и они будут здоровы* — и все это без всяких других слов, кроме *именем Иисуса.* Вероятно, это объясняется тем, что подобные необычайные дары давались церкви лишь в течение того времени, пока люди верили целиком Христу и ожидали своего блаженства лишь в его грядущем Царстве, и, следовательно, люди были лишены этих сверхъестественных даров Бога, когда стали искать власти и богатства и, полагаясь на свою собственную хитрость, стали добиваться царства мира сего.

Другой пережиток язычества — поклонение иконам, сохранившееся в церкви, но не привнесенное в нее. Другим пережитком язычества является *поклонение иконам,* не установленное ни Моисеем в Ветхом завете, ни Христом в Новом завете и даже не принесенное с собой язычниками, а лишь сохранившееся у них после того, как они присоединились к Христу. До того как наш Спаситель стал проповедовать, общей религией язычников было почитание в качестве богов тех образов, которые остаются в мозгу от воздействия внешних тел на наши органы чувств и которые обыкновенно называются *идеями, идолами, призраками, причудливыми образами,* так как они суть представления о тех внешних телах, которые их вызывают, и не более реальны, чем те предметы, которые стоят перед нами во сне. Вот почему апостол Павел говорит: *Мы знаем, что*

идол — ничто. Этим он хотел сказать не то, что изображения из металла, камня или дерева есть ничто, а лишь что то, чему в изображениях поклонялись, чего боялись и что считали Богом, есть простая фикция, имеющая свое место, обитель, движение или бытие лишь в движениях мозга. И воздавание этим призракам Божеских почестей есть то, что в Писании называется идолопоклонством и бунтом против Бога. Так как Бог был царем евреев, а Его наместником сначала был Моисей, а затем первосвященник, то, если бы народу было разрешено поклоняться и молиться образам, являющимся представлениями его собственной фантазии, он бы перестал подчиняться истинному Богу, с которым эти изображения не имеют никакого сходства, а также Его высшим служителям, Моисею и первосвященникам, и каждый человек из народа управлял бы сам собой соответственно своим вкусам, что вследствие отсутствия единения повело бы к крайнему разрушению государства и к собственной гибели народа. Поэтому первым законом Бога было, чтобы *евреи не почитали богами* Alienos Deos, *т. е. богов чужих народов, а лишь одного истинного Бога, который соизволил говорить с Моисеем и через него дать им законы и наставления в целях обеспечения им мира и спасения их от врагов.* А вторым законом было, чтобы *они не делали себе никакого изображения собственного изобретения для поклонения.* Ибо это подобно свержению одного царя и подчинению другому, будь он поставлен соседним народом или нами самими.

Ответ на вопрос относительно некоторых текстов, которые якобы одобряют поклонение иконам. В пользу установления икон для поклонения или в пользу установления их в местах богослужения приводятся, во-первых, примеры о херувимах над кивотом завета Господня и о медном змее; во-вторых, ряд текстов, в которых нам заповедано почитать некоторые существа за их отношение к Богу, а также почитать подножие Бога, и, наконец, некоторые тексты, которыми санкционировано религиозное почитание священных предметов. Но прежде чем я перейду к критической проверке доказательности этих текстов, я должен объяснить, что следует понимать под *поклонением* и что под *изображениями* и *идолами.*

Что такое поклонение. Я уже показал в главе XX этого трактата, что почитать — значит высоко ценить могущество какого-нибудь лица и что эта оценка измеряется сравнением почитаемого лица с другими. Но так как ничто не может быть сравниваемо с Богом в отношении могуще-

ства, то было бы не богопочитанием, а богохульством, если бы мы его могущество считали менее чем бесконечным. И такое почитание по самой своей природе есть нечто скрытое, внутреннее чувство. Но внутренние мысли людей, проявляющиеся вовне в их словах и действиях, суть знаки нашего почитания, и эти слова и действия называются *поклонением,* по-латыни — cultus. Поэтому молиться кому-нибудь, клясться его именем, повиноваться ему, быть ревностным и угодливым в служении ему, короче говоря, все слова и действия, означающие боязнь обидеть, желание угодить, есть *поклонение* независимо от того, искренни те слова и действия или притворны; и так как они суть знаки почитания, то они называются *почитанием.*

Различие между божественным и гражданским почитанием. Поклонение, которое мы проявляем по отношению к тем, кого мы считаем только людьми, например по отношению к королям и власть имущим, есть *гражданский культ.* Поклонение же, которое мы проявляем по отношению к тому, кого мы почитаем Богом, в каких бы словах, церемониях, жестах или других действиях это ни выражалось, есть *религиозный культ.* Падать ниц перед королем, если падающий считает его лишь человеком, есть гражданский культ. Тот же, кто лишь снимает шапку в церкви по той причине, что он считает церковь храмом Божиим, совершает религиозный культ. Те, кто ищет разницу между гражданским и религиозным культом не в намерении поклоняющихся, а в словах δουλεία и λατρεία, ошибаются. Ибо имеются слуги двух родов. Одни подчинены абсолютной власти их господ, как, например, рабы, захваченные на войне, и их потомки; тела таких рабов не находятся в их собственной власти, жизнь их настолько зависит от воли их господ, что они могут лишиться ее при малейшем неповиновении, и они покупаются и продаются, как скот; такие рабы назывались δοῦλοι, а их служба — δουλεία. Другие служат добровольно — за плату или в надежде получить какое-нибудь благодеяние от господ. Такие слуги называются θῆτες, т. е. домашней челядью, на службу которой господин имеет право, лишь поскольку это оговорено в заключенном между ними соглашении. Общее между этими двумя родами слуг то, что они работают по заданиям другого. И слово λάτρις есть название, общее для тех и других и обозначающее человека, работающего на другого в качестве раба или вольнонаемного слуги. Слово λατρεία обозначает, таким образом, всякую службу вообще, между тем как слово δουλεία обозначает лишь службу невольни-

ков или состояние рабства. Оба этих слова употребляются в Библии вперемежку для обозначения нашей службы Богу: δουλεία — потому что мы рабы Божии, λατρεία — потому что мы служим ему. И во всякого рода службе заключается не только повиновение, но и поклонение; т. е. такие действия, жесты и слова, которые обозначают почитание.

Что такое образ (image). **Фантомы.** *Образ* в самом строгом значении слова есть подобие какого-либо видимого предмета; в этом смысле фантастические формы, призраки или иллюзии, которые видимые тела представляют зрению, являются лишь *образами.* Таков, например, вид человека при его отражении или преломлении в воде или вид солнца или звезд, как они представляются нашему зрению непосредственно в воздухе. Все эти видимые предметы нереальны, как нереально то место, где они нам представляются: их величины и фигуры не тождественны величинам и фигурам объектов; они изменяются в зависимости от органов зрения или вследствие применения стекол; они часто присутствуют в нашем воображении и представляются нам во сне, когда объект отсутствует; наконец, они меняют свой цвет и форму, как предметы, зависящие исключительно от нашей фантазии. Это именно те образы, которые первоначально и наиболее соответственно названы *идеями* и *идолами.* Названия эти взяты из греческого языка, на котором слово εἴδω означает *видеть.* Они называются также *фантомами,* что на том же языке означает *призраки.* И от слова *образ* (image) одна из способностей человеческой природы названа воображением (imagination). Отсюда очевидно, что нет и не может быть образа невидимого предмета.

Очевидно также, что не может быть образа бесконечного объекта. Ибо все образы и призраки, произведенные действием на нас видимых вещей, имеют фигуру, а фигура есть величина, ограниченная во всех направлениях. Вот почему не может быть образа ни Бога, ни человеческой души, ни духов, а могут быть лишь образы видимых тел, т. е. тел, имеющих свет в себе или освещенных светящимися телами.

Вымысел. Материализованные образы. Подобно тому как человек может рисовать в своем воображении формы, которых он никогда не видел, составляя фигуры из частей различных тварей, как поэты творят своих кентавров, химер и других невиданных чудовищ, точно так же человек может дать материал этим формам, создавая такие фигуры из дерева, глины или металла. Последние тоже называются

образами в силу сходства их не с каким-нибудь реальным предметом, а с некоторыми фантастическими обитателями мозга — творца этих фигур. Но между этими идолами, как они первоначально существуют в мозгу, и ими же, как они нарисованы, вырезаны в дереве и отлиты в металле, имеется сходство, в силу чего о материальных телах, созданных искусством, можно сказать, что они являются образами фантастических идолов, созданных природой.

Однако в более широком смысле под словом «образ» понимается также представительство одной вещи другой. Так, например, земной суверен может быть назван образом Бога и низшее должностное лицо может быть названо образом земного суверена. Очень часто язычники в своем идолопоклонстве мало заботились о сходстве их материальных идолов и их фантазии, и все же первые назывались образами последних. Ибо неотесанный камень ставился как изображение Нептуна и разных других образов, далеких от тех форм, в которых язычники представляли себе своих богов. И в наши дни мы видим многие изображения Девы Марии и других святых, не имеющие никакого сходства между собой и не соответствующие чьему-либо представлению и все же достаточно хорошо служащие той цели, для которой они воздвигнуты. А целью этой было вызвать при помощи одних лишь имен представление об упомянутых в истории лицах, к которым каждый человек приурочил бы умственный образ собственного творчества или не приурочил бы никакого. Следовательно, образ в широком смысле слова есть или подобие, или представительство какого-нибудь видимого объекта, или, как это большей частью бывает, и то и другое.

Однако имя «идол» имеет в Писании более широкое значение, обозначая также Солнце, звезды или другое видимое или невидимое создание, если они почитаются как боги.

Что такое идолопоклонство. Показав, что значит *поклоняться* и что такое *образ,* я перейду теперь, объединив эти понятия, к рассмотрению того, что понимается под тем *идолопоклонством,* которое запрещается второй заповедью и в других местах Писания.

Поклоняться образу — значит охотно совершать те внешние действия, в которых выявляется почитание или материала, из которого сделан образ, т. е. дерева, камня, металла и т. п., или того призрака, для получения подобия или представительства которого материалу приданы были форма, или фигура, или почитание того и другого как

единого одушевленного тела, состоящего из материала и призрака — как бы из тела и души.

Стоять с непокрытой головой перед человеком, обладающим могуществом и властью, или перед троном государства, или в других подобных местах, где государь приказывает быть в таком виде в его отсутствие,— значит воздавать этому человеку или государю гражданские почести, ибо это знаки почитания не стула или места, а лица и не есть идолопоклонство. Но если бы тот, кто это делает, предположил, что душа государя находится в стуле, и обратился к стулу с петицией, то это были бы религиозный культ и идолопоклонство.

Просить короля о том, что он способен для нас сделать, хотя бы мы падали перед ним ниц,— значит воздавать ему лишь гражданские почести, ибо мы признаём этим за королем лишь человеческое могущество; но молиться ему о ниспослании хорошей погоды или о чем-нибудь, что может для нас сделать один лишь Бог, есть религиозный культ и идолопоклонство. С другой же стороны, если король принуждает кого-нибудь к таким действиям под угрозой смертной казни или другого сурового телесного наказания, то это не идолопоклонство. Ибо поклонение, которого требует себе суверен под угрозой наказания, означает не то, что повинующийся в этом случае искренне почитает суверена как Бога, а лишь то, что он желает спасти себя от смерти или бедственной жизни; но то, что не есть знак искреннего почитания, не есть поклонение и потому не идолопоклонство. И нельзя также сказать, что тот, кто это делает, позорит себя или кладет камень преткновения перед своим ближним. Ибо, как бы мудр и умен ни был тот, кто поклоняется в такой форме, никто другой не может из его внешних действий заключить, что он эту форму поклонения одобряет, а лишь то, что он это делает из страха и что это не его действие, а действие его суверена.

Поклоняться Богу в каком-нибудь специальном месте, обратившись лицом к образу или к определенному месту,— не значит поклоняться этому месту или образу или почитать таковые, а значит лишь признать их святыми, т. е. признать этот образ или место изъятыми из обиходного пользования. Ибо таков смысл слова «святой», а именно что оно подразумевает не новое качество в месте или образе, а лишь новое отношение благодаря посвящению того или другого Богу. Вот почему такое поклонение Богу не идолопоклонство в такой же мере, как не было таковым поклонение Богу перед медным змеем, или как не было идолопоклонством со

стороны евреев, когда они, находясь вне собственной страны, обращались во время молитвы лицом к храму Иерусалима, или как не было идолопоклонством со стороны Моисея, когда он снял свою обувь перед горящей купиной на месте, примыкавшем к горе Синай. Так как это место Бог избрал как место, куда Он являлся, чтобы дать законы народу Израиля, то оно было святой землей не в силу присущей ему святости, а в силу отделения его в пользование Бога. В такой же мере не было идолопоклонством со стороны христиан поклонение Богу в церквах, которые были однажды торжественно посвящены Богу для этой цели властью царя или других истинных представителей церкви. Но поклоняться Богу как одухотворяющему такие образы или присутствующему в таких местах, т. е. поклоняться ограниченному месту как бесконечной субстанции, есть идолопоклонство, ибо такие конечные боги суть лишь идолы воображения, не имеющие никакой реальности, и они называются в Писании именами «суета», «ложь» и «ничто». Точно так же является идолопоклонством почитание образов и мест не как одухотворенных или обитаемых Богом, а как напоминающих о Боге или каком-нибудь его деянии, если эти образы или места посвящены Богу или установлены властью частных лиц, а не властью наших верховных пастырей. Ибо заповедь гласит: *не делай себе никакого изображения.* Бог повелел Моисею сделать медного змея, он его сделал не себе, и поэтому это деяние не было против заповеди. Но сотворение золотого тельца Аароном и народом было идолопоклонством не только потому, что они считали этого тельца Богом, а также потому, что они сотворили его для религиозной надобности, не имея на то полномочий ни от Бога, их суверена, ни от Его наместника Моисея.

Язычники почитали в качестве богов Юпитера и других, которые были людьми, совершившими, может быть, при жизни великие и славные дела, а детьми Бога они считали разных мужчин и женщин, предполагая, что они родились от бессмертного Бога и смертного человека. Это было идолопоклонством, так как они установили такую религию по собственному усмотрению, не будучи на то уполномочены Богом — ни Его вечным законом разума, ни Его позитивным законом, данным в Откровении. Но хотя наш Спаситель был человеком, относительно которого мы также веруем, что Он был бессмертным Богом и Сыном Бога, однако это не идолопоклонство, так как эта вера зиждется не на нашей фантазии или нашем суждении, а на Слове

Божием, данном нам через откровение в Писании. А что касается культа в форме таинства причащения, то, если слова Христа *это Мое тело* означают, *что и Он сам, и то, что имеет вид хлеба в Его руке, и не только это, но и все кажущиеся куски хлеба, которые когда-либо были или будут освящены священниками, являются столькими же телами Христа, которые, однако, все вместе составляют одно тело,* тогда таинство причащения не идолопоклонство, ибо оно санкционировано нашим Спасителем. Но, если этот текст означает нечто другое (хотя нет иного текста, который подтвердил бы такое предположение), тогда указанный обряд есть обоготворение человеческого установления и, следовательно, идолопоклонство. В самом деле, недостаточно сказать: Бог может пресуществлять хлеб в тело Христа, ибо и язычники считали Бога всемогущим и могли бы на этом основании с не меньшим успехом оправдывать свое идолопоклонство, утверждая, как и другие, что их дерево и камень пресуществлены в Бога всемогущего.

Поскольку имеются люди, утверждающие, что боговдохновенность есть вхождение в человека Святого Духа, а не приобретение Божиих даров учением и размышлением, то я полагаю, что они стоят перед опасной дилеммой. Ибо если они не поклоняются тем людям, которых считают боговдохновенными, то впадают в неблагочестие, не обоготворяя сверхъестественного присутствия Бога. С другой же стороны, если они поклоняются этим людям, они совершают идолопоклонство, ибо апостолы никогда не допустили бы такого поклонения по отношению к себе. Поэтому наиболее правильно будет верить, что когда в Писании рассказывается, что на апостолов спустился голубь, или что Христос дохнул на них, давая им Святой Дух, или что Святой Дух давался возложением рук, то под этим разумеется, что Богу угодно было пользоваться или приказать пользоваться всем этим как знаками своего обетования содействовать тем лицам в их рвении проповедовать его Царство, а также содействовать тому, чтобы их беседы были не оскорбительны, а назидательны для других.

Клеветнический культ образов. Помимо идолопоклоннического культа образов бывает еще клеветнический культ их, который тоже есть грех, но не идолопоклонство. Ибо *идолопоклонство* есть культ, выражающийся в знаках внутреннего и искреннего почитания, но *клеветнический* культ представляет собой лишь кажущееся почитание и может часто сочетаться с внутренним и глубоким отвращением как к образам, так и к фантастическим *демонам,* или

идолам, которым они посвящены. Такого рода культ имеет своим источником лишь страх смерти или другого жестокого наказания, и тем не менее он является грехом со стороны тех, кто его практикует, если это люди, на которых другие смотрят как на светочи, указывающие им путь. Ибо, идя по их стопам, люди могут лишь споткнуться и сойти с путей религии. Примеры же тех, кого мы не уважаем, не оказывают на нас никакого влияния, предоставляют нас собственной старательности и осторожности и, следовательно, не являются причиной нашего падения.

Если поэтому пастырь, законно призванный учить и направлять других, или кто-либо иной, пользующийся большим уважением как ученый, из страха внешне поклоняется идолу и при этом не показывает свой страх и отвращение так же явно, как и свое поклонение, то такой человек своим мнимым одобрением идолопоклонства бесчестит других. Ибо другие, наблюдая действия своего учителя или того, чьи знания они высоко ценят, приходят к заключению, что эти действия сами по себе законны. И такое бесчестие есть *грех* и *совращение.* Но если это делает человек, не являющийся пастырем и не пользующийся высокой репутацией за свою ученость в вопросах христианской религии, и кто-нибудь следует его примеру, то это не совращение, так как второй не имел никакого основания следовать примеру первого. И если он ссылается на этот пример, то это с его стороны лишь пустой предлог, чтобы оправдать себя перед людьми. Ибо если необразованному человеку, находящемуся во власти короля-идолопоклонника или идолопоклоннического государства, приказывают под угрозой смерти поклоняться идолу и он это делает, ненавидя этот идол в душе, то он хорошо делает, хотя, если бы он имел мужество предпочесть смерть исполнению такого приказания, он бы поступил еще лучше. Но если бы то же самое сделал пастырь, взявший на себя обязанность распространять в качестве вестника Христа христианское учение между всеми народами, то это было бы не только греховным бесчестием в отношении совести всех христиан, но и вероломным нарушением взятых на себя обязанностей.

Общий итог всего сказанного до сих пор в отношении культа образов сводится к тому, что всякий поклоняющийся в образе или в каком-либо творении его материалу или призраку собственной фантазии, пребывающему, как он полагает, в этом материале, или и тому и другому или всякий верующий, что такой предмет, не имеющий ни ушей, ни глаз, слышит его молитвы или видит его предан-

ность,— всякий такой совершает идолопоклонство. Тот же, кто лицемерно практикует такой культ из страха наказания, совершает грех, если это человек, пример которого может оказать влияние на его братьев. Однако тот, кто поклоняется Творцу вселенной перед таким образом или в таком месте, которое не было воздвигнуто и не было избрано им самим, а было предписано Словом Господним, как, например, евреи поклонялись в течение известного времени Богу перед херувимами и перед медным змеем[6], а некоторое время также внутри Иерусалимского храма или обратившись лицом к нему,— тот не совершает никакого идолопоклонства.

Что касается теперь поклонения святым образам, реликвиям и другим предметам, как это практикуется в наши дни в римской церкви, то я утверждаю, что это ни разрешено Словом Божиим, ни внесено в римскую церковь основными догматами ее учения, а часть их была оставлена в ней при первоначальном обращении язычников, а затем поддержана, утверждена и усугублена римскими епископами.

Ответ на вопрос о доказательствах относительно херувимов и медного змия. Что касается доказательств, которые приводятся из Писания, а именно разные примеры того, как Бог велел поставить образы, то такие образы были поставлены не для того, чтобы народ или вообще кто-нибудь поклонялся им; они были поставлены для того, чтобы народ поклонялся самому Богу перед ними, например перед херувимами над кивотом завета и перед медным змием. Ибо мы не читаем, чтобы священник или кто-либо иной поклонялся херувимам. Наоборот, мы читаем (4 Цар. 18, 4), что Езекия истребил медного змия, которого сделал Моисей, потому что народ кадил этому змию. Кроме того, эти примеры не даны нам в качестве образцов для подражания, так, чтобы мы тоже установили образы под тем предлогом, что мы, мол, поклоняемся Богу перед ними. Ибо слова второй заповеди *не делай себе никакого изображения* и т. д. делают различие между образами, которые Бог велел установить, и такими, которые мы сами устанавливаем. Нельзя поэтому приводить херувимов или медного змия как довод в пользу образов, выдуманных людьми, и культ, установленный Богом,— в пользу культа, произвольно установленного людьми. Следует еще и то принять во внимание, что, подобно тому как Езекия разбил в куски медного змея, которому поклонялись евреи, дабы они этого больше не делали, точно так же и христианские суверены обязаны разбивать образы, которым их подданные при-

выкли поклоняться, дабы не было больше повода для такого идолопоклонства. Ибо там, где в настоящее время в обычае поклонение образам, невежественный народ действительно верит, что образы обладают божественной силой, да и пастыри внушают ему, что некоторые из них заговорили, что на них показалась кровь и что они совершали чудеса, т. е. они полагают, что эти чудеса совершал святой, которого они отождествляют с образом или о котором думают, что он пребывает в нем. Поклоняясь тельцу, израильтяне полагали, что они поклоняются Богу, выведшему их из Египта, и тем не менее это было идолопоклонством, так как они полагали, что телец или есть сам Бог, или имеет Бога в своем брюхе. И хотя кое-кто может считать невероятным, чтобы народ был настолько туп, чтобы считать образ Богом или святым и поклоняться Ему в качестве такового, однако Писание нам явно говорит обратное. Ибо, когда был сделан золотой телец, народ сказал (Исх. 32, 4): *Вот бог твой, Израиль;* в Писании же идолы Лавана (Быт. 31, 30) названы богами. И мы ежедневно убеждаемся путем наблюдения над всякими людьми, что те, кто заботится лишь о своей утробе и своем покое, согласны скорее верить всякой нелепости, чем беспокоить себя ее критической проверкой, считая свою веру как бы неотчуждаемой в силу определенного порядка, пока обратное не установлено ясным и новым законом.

Рисовать картины, следуя своей фантазии, не означает создавать идолов, но использование их в целях религиозного культа — идолопоклонство. Но из некоторых других мест церковники заключают, что позволительно изображать ангелов, а также самого Бога,— как, например, из того, что Бог расхаживал по саду, что Иаков видел Бога на вершине лестницы, и из многих других виде́ний и снов. Однако виде́ния и сны, как естественные, так и сверхъестественные, суть лишь фантомы, и тот, кто рисует образ того, что он видел в виде́нии или во сне, дает изображение не Бога, а лишь своего фантома, т. е. делает идола. Я не говорю, что рисовать картину, следуя своей фантазии, есть грех, но считать ее, когда она нарисована, представительством Бога противоречит второй заповеди, и она не может иметь иного употребления, как лишь быть объектом культа. То же самое может быть сказано об изображении ангелов и покойников, если изображения покойников не являются памятниками друзьям или людям, достойным памяти. Ибо такое употребление изображений есть не поклонение изображениям, а гражданское почитание лица, не существую-

щего, но существовавшего. Но если это сделано по отношению к изображению святого на том единственном основании, что мы полагаем, будто он слышит наши молитвы и доволен теми почестями, которые мы ему оказываем, между тем как он мертв и лишен всех чувств, то мы приписываем ему более чем человеческое могущество, и посему это идолопоклонство.

Ввиду того, что ни в законе Моисея, ни в Евангелии нет никаких указаний в пользу религиозного почитания образов или других представительств Бога, которые люди себе делают, или в пользу почитания какого-либо изображения того, что на небе, на земле или ниже земли, и ввиду того, что христианские короли, являющиеся живыми представителями Бога, не должны быть почитаемы подданными каким-либо действием, придающим им большее могущество, чем то, на которое способен смертный человек,— ввиду всего этого нельзя себе представить, чтобы тот религиозный культ, который ныне в ходу, был внесен в церковь вследствие ошибочного понимания Писания. Остается поэтому предполагать, что этот культ был оставлен в церкви благодаря тому, что при обращении в христианство язычников не были истреблены те изображения, которым эти язычники до своего обращения поклонялись.

Каким образом идолопоклонство сохранилось в церкви. Причинами такого сохранения образов являются неумеренное уважение к их художественным достоинствам и высокие цены на них, что заставляло их собственников, хотя и обращенных и переставших поклоняться им как демонам, сохранить их в своих домах под тем предлогом, что они это делают в честь *Христа, девы Марии, апостолов* и других пастырей первобытной церкви. Ибо легко было, давая образам новые имена, превратить в изображение девы Марии и ее Сына, нашего Спасителя, то, что раньше, быть может, считалось изображением Венеры и Купидона, и точно так же из Юпитера можно было сделать Варнаву, из Меркурия — Павла и т. п. А так как светское честолюбие, постепенно закравшееся в душу пастырей, внушало им желание угодить новообращенным христианам, да к этому еще присоединилась и любовь к подобному почитанию, коего они могли ждать и для себя после смерти по примеру тех, кому оно уже досталось, то культ изображений Христа и апостолов становился все более и более идолопоклонническим, если не считать того, что некоторое время после Константина разные императоры и епископы и вселенские соборы указывали на незаконность этого культа и протесто-

вали против него, но было уже слишком поздно или они протестовали слишком слабо.

Канонизация святых. *Канонизация святых* является другим пережитком язычества. Она не основана на ложном понимании Писания и является не новым изобретением римской церкви, а обычаем столь же древним, как само Римское государство. Первым был канонизирован в Риме Ромул, и это на основании сообщения Юлия Прокула, который присягал перед сенатом, что Ромул говорил с ним после своей смерти и уверял его, что он пребывает на небе и называется там Квирином и будет покровительствовать их государству. После этого сенат *публично засвидетельствовал* его святость. Юлий Цезарь и другие императоры после него были также канонизированы как святые, ибо к такого рода свидетельству сводится теперь обряд канонизации, представляющий собой то же самое, что и ἀποθέωσις[7] язычников.

Наследством от римских язычников объясняется и то обстоятельство, что папы получили имя и власть Pontifex Maximus. Это было имя того, кто после сената и народа имел в древнем государстве Рима верховную власть регулировать все церемонии и устанавливать догматы религии. А когда Август Цезарь превратил государство в монархию, то он взял себе лишь эту должность народного трибуна, т. е. верховную власть в государстве и в вопросах религии, и последующие императоры занимали ту же должность. Однако когда жил император Константин, первый признавший и узаконивший христианскую религию, то его исповеданию веры соответствовало предоставление регулирования вопросов религии под его верховным надзором римскому епископу. Хотя ниоткуда не видно, чтобы епископ одновременно с этим получил имя pontifex, однако можно предположить, что последующие епископы присвоили себе это имя, чтобы поддержать ту власть, которую они осуществляли над епископами римских провинций. Ибо эту власть над другими епископами римские епископы имели не в силу какой-либо привилегии апостола Петра, а в силу привилегии города Рима, которую императоры всегда охотно поддерживали. Это с очевидностью доказывается тем фактом, что, когда император сделал Константинополь столицей империи, константинопольский епископ стал претендовать на одинаковую власть с римским епископом. И хотя в итоге это верховенство не без борьбы осталось за папой и он стал Pontifex Maximus, однако эту власть он осуществлял лишь именем императора и она не простира-

лась за пределы империи; а после того как император потерял свою власть в Риме, власть папы не простиралась дальше города Рима, хотя в Риме сам папа унаследовал власть императора. На основании указанного мы можем мимоходом заметить, что верховенство папы над другими епископами не простирается дальше территорий, в которых сам папа является гражданским сувереном, и тех территорий, где обладающий гражданской властью император явно избрал папу подвластным ему главным пастырем своих христианских подданных.

Ношение икон. Другим пережитком религии греков и римлян является ношение икон в *процессии.* Ибо греки и римляне также передвигали своих идолов с места на место в особого рода коляске, специально посвященной этой церемонии, и эту коляску римляне называли thensa и vehiculum Deorum [8], и изображение помещалось в раму, или раку, которую они называли ferculum. То, что римляне называли pompa, теперь называется *процессией.* В соответствии с этим одной из божеских почестей, которые сенат воздал Юлию Цезарю, было то, что в помпе, или процессии, во время цирковых игр он должен был иметь thensam et ferculum — священную повозку и раку, что означало быть перевозимым как Бог, точь-в-точь как в наше время папы перевозятся швейцарцами под балдахином.

Горящие восковые свечи и факелы. Одной из особенностей процессий как у греков, так и у римлян было ношение горящих факелов и свечей перед изображениями богов. Впоследствии в этой форме воздавались почести римским императорам. Так, мы читаем, что, когда Калигула был провозглашен императором, он был перевезен из Мизены в Рим в центре толпы народа, причем дороги были уставлены алтарями и скотом для жертвоприношений и горящими *факелами.* А о Каракалле мы читаем, что он был принят в Александрии с фимиамом, с бросанием цветов и δαδουχίαις, т. е. с факелами; ибо δαδοῦχοι назывались у греков те, кто носил горящие факелы в религиозных процессиях. А впоследствии набожный, но невежественный народ много раз чествовал своих епископов такого рода помпами с восковыми свечами, а изображения нашего Спасителя и святых он чествовал постоянно в самой церкви. И таким образом, вошло в обычай употреблять при богослужении восковые свечи, и это употребление было установлено некоторыми древними соборами.

Язычники имели также свою aqua lustralis, т. е. *святую воду.* Римская церковь подражает язычникам также в отно-

шении *святых дней.* Язычники имели свои *вакханалии,* а мы имеем соответствующие им *храмовые праздники.* Язычники имели свои *сатурналии,* а мы имеем *карнавалы* и свободу для слуг во вторник первой недели Великого поста. Язычники устраивали процессии в честь бога Приапа, мы же воздвигаем мачту для получения приза и танцуем вокруг нее, а танцы являются одной из форм богослужения. Язычники имели свои процессии, названные Ambarvalia, а мы устраиваем процессии вокруг полей в *Неделю о слепом* [9]. И я не думаю, что этим исчерпывается список церемоний, которые остались в церкви со времени первого обращения язычников. Это лишь все те, что пришли мне на память в данную минуту. Я не сомневаюсь, что если кто-нибудь внимательно проследит то, что сообщается в книгах по истории относительно религиозных ритуалов греков и римлян, то он найдет еще больше старых пустых мехов язычества, которые наставники римской церкви по небрежности или в силу честолюбия наполнили новым вином христианства, которое не преминет со временем разорвать их.

ГЛАВА XLVI

О ТЬМЕ, ПРОИСТЕКАЮЩЕЙ ИЗ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ВЫМЫШЛЕННЫХ ТРАДИЦИЙ

Что такое философия. Под *философией* подразумевается *познание, приобретенное путем рассуждения для отыскания свойства какого-либо предмета, исходя из способа его образования, или возможного способа его образования, исходя из его свойства, и имеющее целью произвести, поскольку это позволяют материал и человеческие силы, действия, каких требует человеческая жизнь.* Так, например, геометры, исходя из конструкции фигур, находят путем рассуждения многие их свойства, а исходя из их свойств,— новые способы их конструирования, дабы можно было измерять землю и воду и многое другое. Так, например, астроном на основании наблюдения восхода, захода и движения Солнца и звезд в разных частях неба открывает причины смены дня и ночи и разных времен года, благодаря чему он ведет счет времени. Таковы же и разные другие науки.

Благоразумие (prudence) **не является частью философии.** Из этого определения явствует, что мы не должны

считать частью философии то первоначальное знание, которое называется опытом и в котором заключается благоразумие. Ибо это знание не приобретается путем рассуждения, оно имеется у животных, так же как и у человека, и есть лишь удержание в памяти последовательности событий прошлого; в этих случаях пропуск малейшего обстоятельства, имеющего влияние на следствие, приводит к тому, что и самый благоразумный человек обманывается в своих ожиданиях, между тем как правильное рассуждение порождает одну лишь общую, вечную и непреложную истину.

Не являются ли частью философии также ложные доктрины. Мы не должны поэтому называть философией ложные заключения. Ибо тот, кто рассуждает правильно и во вразумительных для него словах, никогда не может прийти к ложному заключению.

Сверхъестественное откровение. Не следует называть философией также то знание, которое человек приобрел благодаря сверхъестественному откровению, ибо оно не приобретено путем рассуждения.

Учения различных авторов, принятые на веру. Не следует также называть философией знание, приобретенное путем рассуждения на основе принятых на веру книг, ибо это не есть рассуждение от причины к следствию и от следствия к причине и такое знание есть не собственно знание, а вера.

О началах и прогрессе философии. Так как способность рассуждать неразрывно связана с употреблением речи, невозможно, чтобы не было несколько общих, столь же древних, как и сам язык, истин, открытых путем рассуждения. Дикие племена Америки не лишены некоторых добрых нравственных правил и имеют некоторые познания в арифметике, умея складывать и делить не очень большие числа, однако они в силу этого не являются философами. Ибо, подобно тому как прежде, чем люди стали понимать значение хлебных злаков и виноградных лоз, или умели пользоваться ими как продуктом питания, или стали культивировать их в полях и виноградниках, т. е. в то время, когда люди еще питались желудями и пили воду, уже имелись в небольшом количестве хлебные злаки и виноградные лозы, которые были рассеяны по полям и лесам, точно так же имелись испокон веков различные правильные, общие и полезные умозрения (speculations), как бы естественные растения человеческого разума. Но этих умозрений было вначале очень мало, и люди жили грубым

опытом. Не было никакого метода, т. е. никакого посева и никакого выращивания знания как такового, отдельно от плевел и диких растений — ошибок и догадок. А так как причиной такого отсутствия философского знания было отсутствие досуга вследствие необходимости заботиться об удовлетворении жизненных потребностей и защищать себя от соседей, то до учреждения больших государств положение не могло быть иным. *Досуг* есть мать *философии*, а *государство* есть мать *мира* и *досуга*. Там, где были первые большие и цветущие города, там впервые стали заниматься *философией*. *Гимнософисты* Индии, *маги* Персии и *жрецы* Халдеи и Египта считаются наиболее древними философами [10], и эти страны были наиболее древними царствами. *Философия* не возникала у греков и других народов Запада, пока их *государства* (по размеру, вероятно, не превышающие нынешних Лукку или Женеву) не пользовались ни *миром*, ибо они пребывали в постоянном страхе друг перед другом, ни *досугом*, ибо им надо было все время наблюдать друг за другом. Наконец, когда война объединила многие из этих мелких греческих городов в несколько более крупных государств, тогда *семь человек* из разных частей Греции стали пользоваться репутацией *мудрых*: некоторые — за их *моральные* и *политические* изречения, а другие — за их знакомство с наукой халдеев и египтян, а именно с *астрономией* и *геометрией*. Но и тогда мы еще ничего не слышим о *философских школах*.

О философских школах афинян. После того как афиняне победой над персидскими полчищами приобрели господство на море и тем самым над всеми островами и приморскими городами архипелага как в Азии, так и в Европе и разбогатели, те, кто не имел никакого дела ни дома, ни в чужих краях, могли проводить время лишь в том, чтобы (по словам апостола Луки: Деян. 17, 21) *говорить* или *слушать что-нибудь новое* или публично преподавать *философию* городскому юношеству. Каждый учитель избирал себе определенное место для этой цели. Платон избрал известные аллеи общественного пользования, названные *Академией* по имени некоего Академа, Аристотель — аллеи храма Пана, названные *лицеем*, другие избрали *Стою*, крытую галерею, куда купцы свозили свои товары, а иные — другие места, где они могли застать слушателей из городской молодежи. То же самое делал Карнеад в Риме, когда он был там послом, что побудило Катона [11] посоветовать сенату поскорее выпроводить его из Рима из боязни его деморализующего влияния на нравственность молодых

людей, которые охотно слушали интересные, как им казалось, беседы.

Этим было обусловлено то обстоятельство, что место, где кто-нибудь из них учил и спорил, называлось *школой,* что по-гречески означает «досуг», и сами их беседы назывались diatribae, т. е. *времяпрепровождением.* Точно так же и сами философы назывались в соответствии со своим направлением, а некоторые из них — по имени своих школ. Так, например, последователи Платона назывались *академиками,* последователи учения Аристотеля — *перипатетиками* — от прогулок, во время которых он учил, а ученики Зенона назывались *стоиками* — от Стои, точно так, как если бы мы стали называть людей, собирающихся часто для болтовни и времяпрепровождения в Морфильде, в церкви апостола Павла и на бирже, по имени этих мест.

Тем не менее люди были очень увлечены этим обычаем, и с течением времени он получил распространение по всей Европе и значительной части Африки, так что почти в каждом государстве создавались и поддерживались на государственный счет школы для лекций и диспутов.

О школах евреев. В древности, как до пришествия нашего Спасителя, так и после него, имелись также школы среди евреев, но это были школы, в которых толковался их закон. Ибо хотя эти школы назывались *синагогами,* т. е. собраниями народа, однако, поскольку в них каждую субботу читался, объяснялся и толковался закон, они не по характеру своему, а лишь по имени отличались от публичных школ, причем такие школы имелись не в одном Иерусалиме, а и в каждом языческом городе, где имелось еврейское население. Такая школа была в Дамаске, в которую Павел вошел в целях преследования христиан [12]. Другие были в Антиохии, Икопии и Фессалониках, куда апостол Павел вошел, чтобы диспутировать. Такова была синагога либертинцев, киренейцев, александрийцев и киликийцев и евреев из Азии, т. е. школа либертинцев и евреев, бывших чужестранцами в Иерусалиме. Из этой-то школы были те, кто вступил в спор со св. Стефаном (Деян. 6, 9).

Школы греков не принесли никакой пользы. Какова, однако, была польза этих школ? Какое знание приобретаем мы в наши дни благодаря чтению книг этих философов и вызванным ими спорам? Тем, что мы имеем из геометрии, которая является матерью всех естественных наук, мы не обязаны этим школам. Платон, величайший из греческих философов, не принимал в свою школу тех, кто не был уже в той или иной мере знаком с геометрией. Были многие,

занимавшиеся этой наукой к величайшему благу человеческого рода, но нигде не упоминается о школах геометров, и не было никакого особого направления геометров, и не назывались они философами. Естественная философия (natural philosophy) тех школ была скорее фантазией, чем наукой, и излагалась она бессмысленным языком, что неизбежно для тех, кто хочет учить философию, не приобретя предварительно больших знаний в геометрии. Ибо природа действует посредством движения, пути и степени которого не могут быть исследованы без знания пропорций и свойств линий и фигур. Их моральная философия есть лишь описание их собственных страстей. Ибо правило нравственности вне гражданского государства есть естественный закон, а внутри такого государства — гражданский закон. Именно эти законы определяют, что *честно* и *бесчестно, справедливо* и *несправедливо* и вообще что есть *добро* и *зло,* между тем как каждая из указанных школ провозглашает правилом *добра* и *зла* свое собственное *нравится* и *не нравится.* Последнее означает, что в вопросах морали при огромном разнообразии вкусов людей нет ничего общеобязательного и каждый может делать то, что ему лично представляется добром, а это должно вести к ниспровержению государства. Их *логика,* которая должна была бы быть методом рассуждения, представляет собой лишь мудрствование над словами и всякие трюки, придуманные с целью сбить с толку тех, кто мог бы разоблачить их софизмы. Одним словом, нет такой нелепости, которой не придерживались бы некоторые из древних философов, как говорит Цицерон, который сам принадлежал к этим философам. И я полагаю, что вряд ли может быть сказано что-нибудь более нелепое о естественной философии, чем то, что мы находим в так называемой аристотелевской «Метафизике», или что-нибудь более враждебное государству, чем многое из того, что сказано в его «Политике», или что-нибудь более невежественное, чем бóльшая часть его «Этики» [13].

Не принесли никакой пользы и школы евреев. Школа евреев была вначале школой закона Моисея, который завещал (Втор. 31, 10), чтобы этот закон читался перед всем народом каждый раз по прошествии семи лет, в праздник Кущей, дабы народ слушал и учился. Поэтому чтение закона каждую субботу, что вошло в обычай после плена, не должно было иметь другой цели, кроме как ознакомить народ с теми заповедями, которым он обязан был повиноваться, и объяснить ему писания пророков. Но евреи, как

это явствует из многих упреков нашего Спасителя по их адресу, исказили текст закона своими ложными комментариями и бессмысленными традициями и так мало понимали пророков, что не признали ни Христа, ни совершенных им деяний, о чем пророчествовали пророки. Таким образом, они своими лекциями и диспутами в синагогах превратили изучение своего закона в фантастический род философии относительно непостижимой природы бога и духов, в философию, составленную из философии и теологии греков, смешанной с их собственными фантазиями, почерпнутыми из наиболее темных мест Писания, которые легко было истолковать в желательном для них смысле, а также из фантастических преданий их предков.

Что такое университет. То, что теперь называется *университетом,* представляет собой соединение и объединение под общим управлением многих государственных школ в одном городе. Основные школы в таком университете установлены для трех профессий, т. е. католической теологии, римского права и медицины. Философии же отведена роль служанки католической теологии. А с тех пор, как в этой области установилось безраздельное господство Аристотеля, дисциплина эта перестала быть философией, природа которой не зависит от авторов, а стала аристотелизмом. Для геометрии, служащей лишь строгой истине, в университетах до самого последнего времени совсем не было места. А если кто-нибудь благодаря собственной гениальности достигал в этой науке известной степени совершенства, то его считали магом, а его искусство — чем-то бесовским.

Заблуждения, вошедшие в религию из аристотелевской метафизики. Чтобы перейти теперь к отдельным разделам пустой философии (vain philosophy), утвердившейся в университетах и перешедшей в церковь отчасти под влиянием Аристотеля, а отчасти вследствие умственной слепоты, я прежде всего рассмотрю их принципы. Имеется определенная Philosophia Prima, от которой должна зависеть всякая другая философия и задача которой состоит главным образом в правильном ограничении значений таких названий или имен, которые из всех других являются наиболее универсальными. Такие ограничения имеют своей задачей способствовать избежанию двусмысленности в рассуждении и обычно называются определениями. Таковы, например, определения тела, времени, места, материи, формы, сущности, субъекта, субстанции, акциденции, силы, действия, конечного, бесконечного, количества, каче-

ства, движения, деятельности, страсти и многих других слов, необходимых для объяснения человеческих понятий относительно природы тел и их производства. Объяснение, т. е. установление смысла, этих и подобных терминов называется обычно у схоластов метафизикой, ибо именно так называлась эта часть философии Аристотеля. Однако школы придают этому слову иной смысл, чем оно имеет у Аристотеля. У Аристотеля под этим названием разумеются *книги,* написанные или *помещенные после его естественной философии*; схоласты же понимают под этим словом *книги о сверхъестественной философии,* ибо слово «метафизика» может иметь и тот и другой смысл. И в самом деле, то, что написано в «Метафизике», в большей своей части настолько далеко от вразумительности и настолько идет вразрез с естественным разумом, что всякий, кто полагает, что под этим скрывается какое-нибудь содержание, должен считать это содержание чем-то сверхъестественным.

Заблуждения относительно абстрактных сущностей. Метафизика, которая в сочетании с Писанием образует школьную теологию, говорит нам, что существуют в мире определенные сущности, отделенные от тел, которые она называет *абстрактными сущностями* и *субстанциональными формами.* Для истолкования этого жаргона требуется нечто большее, чем обычное внимание. Я извиняюсь поэтому перед теми, кто не привык к такого рода рассуждениям, за то, что я приспособляюсь к лицам, питающим к подобным рассуждениям живой интерес. Мир (world) — понимая под этим не одно только земное, благодаря чему любящие это земное называются *мирскими людьми,* но универсум, т. е. массу всего существующего,— телесен, иначе говоря, является телом и имеет измерения величины, называемые длиной, шириной и глубиной. Всякая часть тела является точно так же телом и имеет те же измерения, и, следовательно, телом является всякая часть универсума, а то, что не есть тело, не является частью универсума. Универсум есть все, поэтому то, что не является его частью, есть *ничто* и, следовательно, *нигде не существует.* Но отсюда не следует, что духи ничто, ибо они имеют измерения и являются поэтому реальными телами, хотя в обиходной речи имя «тело» дается лишь видимым и ощутимым телам, т. е. таким, которые являются в некоторой степени непрозрачными. А что касается духов, то люди их обыкновенно называют бестелесными, что является более почетным именем и может быть более благочестиво применено к самому Богу, к которому мы применяем известные

атрибуты не для того, чтобы характеризовать ими его природу, которая непостижима, а чтобы выразить нашу волю почитать его.

Чтобы понять, на чем основано утверждение теологов, что существуют *абстрактные сущности* или *субстанциальные формы,* мы должны рассмотреть, что, собственно, эти слова обозначают. Слова служат для того, чтобы регистрировать для нас самих и сообщать другим наши мысли и представления. Из этих слов некоторые суть имена представляемых вещей, как, например, названия всех родов тел, действующих на наши чувства и оставляющих отпечаток в нашем представлении; другие суть имена самих представлений, т. е. тех идей, или умственных образов, которые вызывают у нас видимые или вспоминаемые нами предметы. Иные суть имена имен или различных форм речи; так, *универсальное, множественное, единственное* — имена имен, а *определение, утверждение, отрицание, истина, ложь, силлогизм, вопрос, обещание, соглашение* — имена определенных форм речи. Четвертые служат для обозначения того, что одно имя вытекает из другого или, наоборот, что они взаимно исключают друг друга. Так, например, когда кто-либо утверждает, что человек есть тело, он этим утверждает, что имя «тело» есть необходимое следствие имени «человек», так как и то и другое имя суть лишь различные названия одного и того же объекта, именно человека. Эта логическая связь между указанными двумя именами обозначается связкой «есть». И подобно тому как мы употребляем глагол «есть», латиняне употребляют глагол est, а греки ἔστι во всех его формах. Я не могу сказать, имеют ли все другие нации мира в их языках слово, соответствующее указанным глаголам, но я уверен, что они в этом не обязательно нуждаются, ибо расстановка рядом двух имен может служить для обозначения их логической связи, если это общепринято (ибо силу словам придает обычай), так же хорошо, как и глаголы «есть», или «быть», или «суть» и подобные.

И если бы оказалось, что имеется такой язык, в котором отсутствует глагол, соответствующий глаголу est, или «есть», или «быть», то люди, пользующиеся таким языком, были бы, однако, не менее способны делать умозаключения, выводить следствия и рассуждать обо всем, чем это делали греки и латиняне. Однако что стало бы тогда с такими наиболее часто употребляемыми терминами, как *сущность, существенное, существо,* которые произведены от указанных глаголов, и со многими другими словами, зависящими

от вышеупомянутых терминов? Эти термины являются поэтому не именами существующих предметов, а лишь знаками, при помощи которых мы обозначаем, что мы постигаем логическую связь между одним именем или атрибутом и другим. Так, например, когда мы говорим: *человек есть одушевленное тело,* мы это понимаем не так, что человек есть одно, *одушевленное тело* — нечто другое, а *есть,* или бытие,— нечто третье, а понимаем это так, что *человек* и *одушевленное тело* одно и то же, ибо последовательность двух предложений: *Если он человек, то он одушевленное тело* — есть истинная последовательность, обозначенная словом *есть.* Поэтому быть *телом, гулять, быть говорящим, жить, видеть* и подобные неопределенные формы глаголов, точно так же *телесность, гуляние, говорение, жизнь, зрение* и другие отглагольные существительные, обозначающие то же самое, не являются именами *чего-либо существующего,* как я уже более подробно рассмотрел это в другом месте.

Но к чему такие тонкости, спросит, пожалуй, кто-нибудь, в таком сочинении, в котором я исследую лишь то, что относится к учению об управлении и повиновении? А для того, чтобы люди не позволяли больше злоупотреблять собой тем, кто этим учением о *независимых сущностях,* построенным на пустой философии Аристотеля, т. е. бессодержательными словами, стал бы отпугивать их от повиновения законам своей страны, подобно тому как люди отпугивают птиц от зерна фуфайкой, шапкой или кривой палкой. Ибо именно на этом основании они говорят об умершем и похороненном человеке, что его душа (т. е. его жизнь), отделенная от тела, может бродить и быть замеченной ночью между гробами. На этом же основании они говорят, что фигура, цвет и вкус куска хлеба имеют бытие там, где нет никакого хлеба. И на таком же основании они утверждают, что вера, мудрость и другие добродетели могут быть иногда *влиты,* а иногда *вдунуты* в человека с неба, как будто добродетельные люди и их добродетели могут быть отделены друг от друга. На этом основании они утверждают еще многое другое, что служит к уменьшению зависимости подданных от верховной власти их страны. Ибо кто будет делать усилие повиноваться законам, если он ожидает, что повиновение будет в него влито или вдунуто? Или кто не будет повиноваться священнику, умеющему изображать Бога, скорее, чем своему суверену, нет, даже скорее, чем самому Богу? Или кто из тех, кто боится привидений, не будет чувствовать большого уважения к тем, кто

умеет делать святую воду, которая прогоняет эти привидения от него? Сказанное служит достаточным примером ошибок, внесенных в церковь *сущностями* Аристотеля, который, может быть, понимал всю ложность своей философии и писал ее как нечто согласующееся с греческой религией и подкрепляющее последнюю, так как опасался, что его может постигнуть судьба Сократа [14].

Впав раз в эту ошибку относительно *самостоятельных сущностей,* метафизики и теологи были втянуты во многие другие вытекающие из нее нелепости. Желая, чтобы эти формы были реальны, они вынуждены указать им *некоторое место.* Но так как они считают их бестелесными, без всякого измерения, присущего пространственной величине, а все люди знают, что место измеряемо и может быть заполнено только чем-либо телесным, они вынуждены для поддержания своей репутации прибегать к словесному различению, говоря, что эти сущности на самом деле нигде не бывают circumsctiptive, а лишь definitive, каковые термины являются в данном случае словами, не имеющими никакого смысла, а их латинская форма лишь скрывает их внутреннюю пустоту. Ибо всякое ограничение какого-нибудь предмета есть лишь ограничение, или определение, его места. Оба термина обозначают, таким образом, одно и то же. И в частности, что касается сущности человека, являющейся, как они говорят, его душой, то они утверждают, что она целиком находится в его мизинце и во всякой другой части его тела, как бы мала она ни была, и тем не менее во всем теле имеется не больше души, чем в каждой из этих частей. Может ли кто-нибудь думать, что можно угодить Богу такой бессмыслицей? И тем не менее во все это необходимо верить тем, кто желает верить в существование бестелесной души независимо от тела.

А когда им приходится держать ответ на вопрос, каким образом бестелесная субстанция может испытывать боль и быть пытаема огнем ада или чистилища, то они могут ответить лишь, что не дано нам знать, как огонь может сжигать души.

Кроме того, так как движение есть перемена места, а бестелесные субстанции не способны занимать места, то сторонники указанного учения бессильны показать нам, как души могут уходить отсюда без тела на небо, в ад, в чистилище и как привидения людей (и я могу прибавить — их платье, в котором привидения появляются) могут бродить ночью по церквам, кладбищам и другим местам погребения. И я себе не представляю, что они могут

ответить нам на это, разве только скажут, что привидения людей бродят definitive, а не circumscriptive или что они бродят духовно, но не земно, ибо такие отменные различения одинаково применимы при любой трудности.

Nunc-stans. Что касается смысла слова «вечность», то указанные метафизики и теологи не хотят понимать его как бесконечную последовательность времени, ибо тогда они не были бы способны объяснить, каким образом воля Бога и предопределение будущего не предшествовали его предвидению, подобно тому как действующая причина предшествует следствию или как действующий предшествует действию; точно так же они не могли бы указать основания многих других их смелых взглядов относительно непостижимой природы Бога. Но они хотят учить нас, что вечность есть *застывшее теперь* — nunc-stans, как называют его схоласты, и этот термин как для нас самих, так и для кого-либо другого не более понятен, чем если бы они обозначали бесконечность пространства словом hic-stans [15].

Одно тело во многих местах и множество тел в одном месте одновременно. А так как, когда люди мысленно делят тело, они считают его части, а считая эти части, они считают также части заполняемого телом пространства, то, разделив тело на много частей, мы не можем не представлять себе соответствующих им многих мест; при этом мы не можем себе представить, чтобы этих частей было больше или меньше, чем соответствующих им мест. Однако теологи хотят нас уверить, что благодаря всемогуществу Бога одно тело может в одно и то же время быть в разных местах и многие тела в одно и то же время — в одном месте, как если бы было признанием всемогущества Бога сказать, что то, что есть, не существует, а того, что было, не было. Итак, мы указали лишь малую часть тех несообразностей, которые вынуждены утверждать теологи, благодаря тому что они ведут философские споры о непостижимой природе Бога, вместо того чтобы поклоняться ей, не понимая, что атрибуты, которые мы приписываем Богу, не могут обозначить то, что Он есть, а должны лишь обозначить наше желание почитать Его наилучшими наименованиями, какие только мы способны придумать. Те же, кто осмеливается при помощи этих атрибутов почитания рассуждать о природе Бога, теряют свой разум уже при самой первой попытке и впадают из одной несообразности в другую без конца и числа, подобно тому как человек, не знакомый с придворными церемониями, явившись к лицу более высокопоставленному, чем те, с кем он до того имел дело,

и споткнувшись при входе, при усилии удержаться от падения роняет свой плащ, а при усилии поднять свой плащ роняет свою шапку и одной неловкостью за другой обнаруживает свою растерянность и невоспитанность.

Бессмыслица в натурфилософии, как, например, утверждение, что сила тяготения (gravity) **есть причина тяжести** (heaviness). Что же касается *физики*, т. е. науки о подчиненных и вторичных причинах всех естественных явлений, то в этом отношении схоласты не дают ничего, кроме пустых слов. Если вы желаете знать, почему известного рода тела падают по своей природе на землю, тогда как другие подымаются, то схоласты, основываясь на Аристотеле, скажут вам, что тела, падающие вниз, обладают тяжестью и что именно эта *тяжесть* заставляет их падать вниз. Если же вы спросите их, что они понимают под *тяжестью,* то они определят ее как стремление к центру земли. Выходит, таким образом, что причиной падения тел является стремление быть внизу,— сказать так — все равно что сказать, будто тела падают и подымаются, потому что они так делают. Или они вам скажут, что центр земли есть место покоя и сохранения тяжелых вещей и поэтому тяжелые тела стремятся туда. Как будто бы камни и металлы подобно людям имеют желание и могут наметить место, где бы им хотелось быть, или будто эти тела в отличие от людей любят покой, или будто кусок стекла чувствует себя в окне менее удобно, чем после падения на улицу.

Величина вложена в тело уже после того, как оно было сделано. Если вы желаете знать, почему то же тело кажется иной раз больше, чем в другое время, между тем как мы ничего не прибавили к нему, то схоласты скажут, что, когда тело кажется меньшим, оно *сгущено,* а когда оно кажется бóльшим, оно *разрежено.* Если же спросите, что значит *сгущено* и *разрежено,* они вам ответят, что тело сгущено, когда та же самая материя имеет меньшую величину, чем раньше, а разрежено, когда она имеет бóльшую величину. Как будто может существовать материя, не имеющая определенной величины, в то время как величина есть не что иное, как определение материи, т. е. тела,— определение, в силу которого мы говорим, что одно тело настолько-то больше или меньше другого тела. Или как будто бы тела были сделаны без всякой величины, и лишь затем была вложена в них бóльшая или меньшая величина соответственно тому, предполагалось ли сделать их более плотными.

Влитие душ. О причине наличия души в человеке

схоласты говорят: creatur infundendo и creando infunditur, т. е. *душа была сотворена тем, что была влита, и была влита сотворением.*

Вездесущность привидений. Причиной наших внешних чувств они считают вездесущность образов (species), т. е. видимых призраков (apparition), причем призрак для глаза есть *зрение,* для уха — *слух,* для нёба — *вкус,* для ноздрей — *обоняние,* для остальной части тела — *осязание.*

Воля и ее причина. Как на причину воли совершать какое-нибудь действие, т. е. как на причину того, что называется volitio, они указывают на дарование, т. е. на общую способность человека желать иногда одно, а иногда — другое, т. е. на то, что называется voluntas. Этим они превращают *способность к действию* в *причину действия,* что так же бессмысленно, как если бы кто-нибудь объявил причиной добрых и злых деяний людей способность людей совершать их.

Незнание скрытых причин. И во многих случаях они ставят как причину естественных явлений свое собственное незнание, только прикрытое другими словами. Так, например, когда они объявляют судьбу [fortune] причиной случайных явлений, т. е. явлений, причины которых они не знают, или когда они приписывают многие действия скрытым качествам, т. е. качествам, не известным им и поэтому также (как они убеждены) никому другому, или *симпатии, антипатии — действию двух противоположных качеств,* специфическим качествам и другим подобным терминам, не обозначающим ни деятеля, производящего данные действия, ни операции, при помощи которой они были произведены.

Если такие *метафизика* и *физика,* как эти, не являются *пустой философией,* то пустой философии вообще никогда не было и незачем было апостолу Павлу предостерегать нас против таковой.

Одни нелепости ведут за собой другие. А что касается моральной и гражданской философии схоластов, то в ней имеются те же, если не еще большие, нелепости. Если человек совершает противозаконное действие, т. е. действие, противное законам, то схоласты говорят, что Бог — первая причина закона, а также первая причина этого и всех других действий, но он не причина противозаконности действия, заключающейся в несоответствии закону. Это пустая философия. С таким же основанием можно было бы сказать, что один человек делает как прямую, так и кривую

линию, а другой человек делает их несоответствие. Такова философия людей, которые выводят заключения, прежде чем познают их предпосылки, которые претендуют на понимание непостижимого и из атрибутов, выражающих почитание, выводят атрибуты, характеризующие природу почитаемого существа, как это было сделано для поддержания учения о свободе воли, т. е. воли человека, не подчиненного воле Бога.

Личные влечения кладутся в основу правил общественного блага. Аристотель и другие языческие философы делают критерием добра и зла влечения людей. И это совершенно правильно, пока мы предполагаем людей живущими в состоянии, при котором каждый управляется своим собственным законом. Ибо в том состоянии, когда люди не имеют других законов, кроме своих собственных влечений, не может быть общего правила относительно добрых и злых деяний. Однако в государстве такое мерило неправильно. Ибо здесь мерилом служит не влечение частных лиц, а закон, являющийся волей и стремлением государства. Тем не менее это учение еще господствует в практике, и люди судят о честности и бесчестности действий, как своих собственных, так и других людей, а также и самого государства, руководствуясь собственными страстями, и всякий называет честным и бесчестным лишь то, что ему таковым кажется, совершенно не сообразуясь при этом с государственным законом. Исключение представляют в этом отношении лишь монахи и чернецы, обязанные в силу своего обета тем простым повиновением по отношению к своему настоятелю, к которому всякий подданный должен считать себя обязанным в силу естественного закона по отношению к гражданскому суверену. Это частное мерило добра является не только несостоятельным, но и гибельным для государства учением.

Утверждение о том, что законный брак противоречит целомудрию. Несостоятельная и ложная философия состоит также в утверждении, что брак противоречит целомудрию или воздержанию и, следовательно, является моральным пороком, как это делают те, кто из соображений целомудрия и воздержания устанавливает для духовенства безбрачие. Защитники безбрачия признают, что оно не более как установление церкви, требующей от духовного сана, обслуживающего постоянно алтарь и таинство святого причащения, постоянного воздержания от женщин под именем постоянного целомудрия, воздержания и чистоты. Поэтому они называют законное сожительство с женщина-

ми отсутствием целомудрия и воздержания и, таким образом, считают брак грехом или по крайней мере настолько нечистой вещью, что он делает человека непригодным для алтаря. Если закон о безбрачии духовенства был издан потому, что сожительство с женщинами есть невоздержание и нарушение целомудрия, тогда всякий брак является пороком. Если же он издан потому, что сожительство с женщиной есть нечто слишком нечистое для человека, посвятившего себя Богу, то еще более недостойными быть священниками должны были бы сделать людей другие естественные, необходимые и ежедневно отправляемые функции, так как последние еще более нечистые.

Невероятно, однако, чтобы провозглашение безбрачия для духовенства имело своим основанием лишь морально-философскую ошибку. Точно так же не является основанием этого провозглашения предпочтение холостой жизни брачному состоянию по примеру апостола Павла, который благодаря своей мудрости понимал, насколько неудобно было, чтобы в ту эпоху гонений на христиан люди, являвшиеся проповедниками Евангелия и вынужденные кочевать из страны в страну, были обременены заботами о жене и детях. Основанием указанного запрещения было, скорее, намерение пап и позднейших священников сделать себя духовенством, т. е. наследниками Царства Божиего в этом мире. А для этого необходимо было лишить духовенство права жениться, так как наш Спаситель говорит, что по наступлении Его Царства *дети Божии не будут ни жениться, ни выходить замуж, а будут как ангелы на небесах*, т. е. будут жить духовно. А так как священники присвоили себе имя духовенства, разрешить им обладание женщинами, когда в этом не было никакой нужды, было бы несообразно.

Утверждение, что все формы правления, кроме народного, являются тиранией. От политической философии Аристотеля схоласты позаимствовали и тот взгляд, согласно которому они считают *тиранией* все формы государства, за исключением народного, каким было в то время государство Афины. Всех царей они называют тиранами, а аристократию тридцати правителей, поставленных покорившими Афины лакедемонянами,— правлением тридцати тиранов. Состояние народа под властью *демократии* они называют *свободой*. Слово «тиран» означало первоначально лишь «монарх». Впоследствии же, когда эта форма правления была упразднена в большей части Греции, слово «тиран» стало обозначать не только то, что оно обозначало

раньше, но вместе с этим также и ту ненависть, которую народные государства питали к указанному образу правления, подобно тому как имя царя стало одиозным в Риме после свержения царей, ибо все люди, естественно, вкладывают элемент хулы в атрибут, который по злобе приписывается ими большому врагу. А если эти же люди бывают недовольны теми, кто правит при демократии или аристократии, то им не приходится искать бранных слов и они охотно называют одну форму *анархией,* другую — *олигархией,* или *тиранией кучки.* А недовольны в этих случаях люди лишь тем, что ими управляют не так, как каждый из них хотел бы для себя, а так, как это считает нужным представитель государства, будь то один человек или собрание людей, иными словами, люди недовольны тем, что верховная власть управляет ими по своему произволу, за что они дают своим верховным правителям всякие бранные названия, не понимая никогда (а если понимают, то разве лишь короткое время после гражданской войны), что без такого произвола правительства гражданская война необходимо становится перманентным состоянием и что люди и оружие, а не слова и обещания придают законам силу и влияние.

Что управляют не люди, но законы. Поэтому второй ошибкой «Политики» Аристотеля является положение, что в хорошо организованном государстве должны управлять не люди, а законы. Ибо даже человек, не умеющий ни читать, ни писать, если только он в здравом рассудке и твердой памяти, понимает, что он управляется теми, кого он боится и кто может убить или так или иначе наказать его в случае неповиновения им. Ибо верит ли кто-нибудь, что его могут наказать законы, т. е. слова и бумага, без помощи рук и меча людей? И эта ошибка принадлежит к числу гибельных. Ибо такие ошибки побуждают людей каждый раз, когда они недовольны своими правителями, соединиться с теми, кто называет этих правителей тиранами и считает законным поднять против своих правителей восстание. Тем не менее такие ошибки часто одобряются духовенством с амвона.

Утверждение, что законы превыше совести. Имеется еще другая ошибка в гражданской философии схоластов (которую они уже не позаимствовали ни у Аристотеля, ни у Цицерона, ни у кого-либо другого из язычников), а именно стремление распространить влияние закона, являющегося правилом для действий, на мысли и совесть людей, доискиваясь и допытываясь того, что люди думают в глуби-

не души, несмотря на полное соответствие их речей и действий закону. В силу этого люди или подвергаются наказанию, говоря правду о своих мыслях, или из боязни наказания вынуждены говорить неправду. Верно, конечно, что гражданское должностное лицо, намереваясь поручить кому-нибудь дело преподавания, может спросить его, взял ли бы он на себя проповедовать такие-то и такие-то учения, и в случае его отрицательного ответа может отказаться от своего поручения. Но заставлять людей, не совершивших незаконных действий, обвинять себя за мысли — значит противоречить естественному закону. Это особенно нелепо со стороны тех, кто учит, что человек, умерший с ложным взглядом на какой-нибудь догмат христианской веры, будет осужден на вечные и величайшие мучения. Ибо всякого, кто знает, что ошибка грозит ему большой опасностью, собственная забота о себе заставит рисковать своей душой скорее из-за своего собственного суждения, чем из-за суждения кого-либо, кто равнодушен к его осуждению.

Частное толкование закона. Предположение, что частное лицо может толковать закон по внушению собственного духа, не имея на то полномочий государства, т. е. разрешения представителя государства,— другая ошибка в политике. Однако эта ошибка не позаимствована ни у Аристотеля, ни у кого-либо из других языческих философов. Ибо никто из этих философов не отрицает, что право создания законов содержит в себе также право толковать их, когда это требуется. И разве во всех тех местах, где Писание стало законом, оно не сделано таковым властью государства и не является, следовательно, частью гражданского закона?

Покушение на прерогативы государства имеет место и тогда, когда кто-нибудь, помимо суверена, ограничивает кого-либо в отношении какого-нибудь права, в котором государство его не ограничивает, как это делают те, кто присваивает право проповедовать Евангелие определенному сословию там, где закон предоставляет это право всякому человеку. Если государство разрешает, т. е. не запрещает мне учить и проповедовать, то никто не может мне этого запретить. Если я, будучи христианином, но не являясь членом какого-нибудь ордена, очутился бы среди идолопоклонников Америки, то разве я считал бы грехом проповедовать христианство, не дожидаясь соответствующего предписания из Рима? Или, проповедуя, не должен ли я разрешить их сомнения и истолковать им Писание, т. е. не должен ли я их учить? На это, так же как и насчет

совершения для них таинств, могут, конечно, возразить, что необходимость в указанном случае имеет силу полномочий. И это верно. Однако верно также и то, что если какие-нибудь запрещенные законом деяния должны быть разрешены, если этого требует необходимость, то на совершение тех же действий, если они не запрещены законом, не требуется вообще никакого разрешения. Поэтому отрицать право на исполнение указанных функций за лицами, которых гражданский суверен не лишил этого права,— значит лишать эти лица их законной свободы и нарушать прерогативы гражданского государства.

Язык ученых-богословов. Можно было бы привести еще больше примеров несостоятельной философии, внесенной в религию учеными-теологами, однако другие люди могут, если это им угодно, сами рассмотреть их. К сказанному я хочу только прибавить, что все сочинения ученых-теологов представляют собой не что иное, как бессмысленный набор нелепых и варварских слов или слов, употребленных в ином смысле, чем тот, в котором они обычно употребляются в латинском языке, т. е. в котором их употребили бы Цицерон, Варрон [16] и грамматики Древнего Рима. Если кто-нибудь хочет убедиться в правильности этого моего утверждения, то пусть он (как я уже сказал раньше) посмотрит, сможет ли он перевести сочинение какого-нибудь ученого-теолога на один из современных языков, например на французский или английский. Ибо то, что не может быть сделано вразумительным на большинстве из этих языков, невразумительно и по-латыни. И хотя этот несуразный язык сам по себе еще не свидетельствует о ложности их философии, однако он обладает качеством не только скрывать истину, но и побуждать людей думать, что они эту истину имеют, и отказаться от дальнейшего исследования.

Заблуждения, проистекающие из традиции. Наконец, что касается ошибок, внесенных в религию ложной или недостоверной историей, то что представляют собой все легенды о вымышленных чудесах, совершенных будто бы святыми, и все истории о явлениях и привидениях, на которые ссылаются теологи римской церкви, чтобы оправдать свои учения об аде и чистилище, о заклинании духов и другие учения, для которых нет никакого основания ни в разуме, ни в Писании, а также все те традиции, которые они называют неписаным словом Божьим,— что все это представляет собой, если не бабушкины сказки? И хотя кое-какие из этих историй можно найти в сочинениях древних отцов церкви, однако они были людьми, которые

легко могли поверить ложным сообщениям. И ссылка на их мнения в доказательство истинности того, чему они верили, имеет обратное действие, ибо, показывая их легковерие, эти мнения в глазах тех, кто (согласно совету апостола Иоанна в 1-м послании 4, 1) испытывает духов, умаляют свидетельство в отношении всего, что касается власти римской церкви (злоупотребления которой они не подозревали, или оно было для них выгодно). Такому легковерию обычно более всего подвержены наиболее искренние люди, не обладающие большими знаниями в отношении естественных причин (каковыми были отцы церкви), ибо хорошие люди, естественно, менее всего подозревают кого-либо в мошенничестве. Папе Григорию и святому Бернарду будто бы явились привидения, сообщившие, что они находятся в чистилище, и подобное произошло будто бы с нашим Бедой [17]. Однако мы это знаем, как мне кажется, из сообщений других людей. Но если указанные лица или кто-либо иной рассказывают такие истории, в которых они якобы сами удостоверились, они этим ни в какой мере не подтверждают истинности таких пустых сообщений, а разоблачают лишь собственную слабость или свое мошенничество.

Подавление разума. К распространению ложной философии надо прибавить вытеснение истинной такими людьми, которые ни в силу законных полномочий, ни в силу достаточных знаний не являются компетентными судьями в отношении истины. Наше мореходство делает очевидным и люди науки признают, что имеются антиподы, и с каждым днем становится все яснее, что годы и дни определяются движениями Земли. Тем не менее люди, лишь предположившие в своих сочинениях подобные учения с целью доказать их или опровергнуть, были за это наказаны церковными властями. На каком основании? Потому ли, что эти мнения противоречат истинной религии? Но этого не может быть, если они истинны. Пусть поэтому их истина будет сначала испытана компетентными судьями или опровергнута утверждающими обратное. Потому ли, что они противоречат установленной религии? Но тогда пусть они будут запрещены законами тех, кому проповедники этих учений подвластны, т. е. гражданскими законами. Ибо за неповиновение могут быть наказаны те, кто против законов учит даже истинной философии. Потому ли, что они ведут к ниспровержению государственного строя, поощряя восстание и бунты? Но тогда пусть они будут пресечены и их учителя наказаны властью того, кому вверена забота об общественном спокойствии, т. е. гражданской властью. Ибо

все, что церковные власти там, где они подвластны государству, предпринимают по собственному праву, хотя бы они называли это правом Бога, есть незаконное действие.

ГЛАВА XLVII

О ВЫГОДЕ, ПРОИСТЕКАЮЩЕЙ ОТ ТЬМЫ, И КОМУ ЭТА ВЫГОДА ДОСТАЕТСЯ

Тот, кто извлекает выгоду из содеянного, подозревается в качестве виновника. Цицерон с уважением отзывается об одном из Кассиев, строгом судье среди римлян, за его обыкновение в уголовных делах там, где показания свидетелей были недостаточно убедительны, спрашивать обвинителей: cui bono, т. е. какого рода выгоду, почести или другое удовольствие, обвиняемый мог извлечь или ожидать от своего деяния? Ибо из всех догадок, которые мы строим при установлении виновника какого-нибудь преступления, наибольшую вероятность имеет та, которая строится на соображении выгоды, проистекающей от преступного деяния для того или другого подозреваемого лица. Этим же правилом я намерен руководствоваться здесь при выяснении вопроса, кому именно эти учения, противоречащие интересам мирного существования обществ человеческого рода, дали возможность так долго господствовать над людьми в этой части христианского мира.

Что воинствующая церковь есть Царство Божие, и это первая установка римской церкви. Начнем с того, что с заблуждением, будто *нынешняя воинствующая церковь на земле есть Царство Божие* (т. е. Царство Славы, или обетованная земля, а не Царство Благодати, являющееся лишь обетованием земли), связаны следующие земные блага. Первое: что пастырям и учителям церкви этим дано право управлять церковью и, следовательно,— ввиду того что церковь и государство являются одним и тем же лицом — быть властителями и правителями государства. Благодаря этому титулу папа заставил подданных всех христианских государей верить, что неповиновение ему есть неповиновение самому Христу, а также добился того, что при всех столкновениях между ним и другими государями их подданные, зачарованные словами *духовная власть*, покидают своих законных суверенов; таким образом, папа фактически стал всеобщим монархом всего христианского мира. Ибо хотя первоначально, как это признают и сами папы, право быть верховными учителями

христианского учения в пределах Римской империи было пожаловано папам христианскими императорами, на что указывает также пожалованный им титул Pontifex Maximus, обозначавший в Древнем Риме чиновника, подчиненного гражданскому государству, однако после разделения и распада Римской империи нетрудно было заставить народ, уже подчиненный папам, признать за ними другой титул, а именно титул, основанный на праве апостола Петра, и этим не только целиком спасти присвоенную ими власть, но и распространить ее на те христианские провинции, которые даже отпали от Римской империи. Благо обладания властью всеобщего монарха (принимая во внимание волю людей к власти) дает достаточное основание предполагать, что претендующие на эту власть папы были авторами учения, при помощи которого эта власть была достигнута: что нынешняя церковь на земле есть Царство Христа. Ибо, допустив это, мы должны допустить также, что Христос имеет некоего наместника среди нас, от которого мы должны узнать, каковы заповеди Христа.

После того как некоторые церкви отвергли эту всемирную власть папы, можно было с полным основанием ожидать, что во всех этих церквах гражданские суверены снова обретут всю ту полноту власти, которая раньше (до того как они неразумно стали мириться с притязаниями папы) была их собственным правом и в их собственных руках. В Англии это действительно так и было, кроме тех случаев, когда те, кому короли вверили управление религией, придерживались взгляда, будто они занимают свой пост по праву Бога, вследствие чего могло казаться, что они обладают если не верховенством над гражданской властью, то независимостью от нее. Но это было лишь кажущееся верховенство, ибо они признавали за королем право лишать их по его усмотрению права выполнять свои функции.

Эта установка поддерживается также пресвитерианской церковью. В других же местах управление церковью перешло в руки консистории пресвитерианской церкви, которая хотя и запретила проповедование многих учений римской церкви, однако оставила в силе положение о том, что Царство Христа уже пришло и что оно началось с момента воскресения нашего Спасителя. Но cui bono? Какую выгоду ожидали они от этого учения? Ту же самую, какую ожидали папы, а именно иметь верховную власть над народом. Ибо что значит для людей отлучить от церкви своего законного короля, если не запретить ему вход во все места общественного богослужения в собственном королевстве

и оказывать вооруженное сопротивление, когда он пытается силой держать их в повиновении? Или что значит отлучить кого-либо от церкви, не имея на то полномочий гражданского суверена, если не лишить отлученного его законной свободы, т. е. незаконным образом захватить власть над своими братьями? Виновником этой религиозной тьмы является поэтому римское и пресвитерианское духовенство.

Непогрешимость. Сюда я отношу также все те учения, которые являются для духовенства средством удержать в своих руках уже приобретенное духовное верховенство. Прежде всего то, что *папа в качестве государя непогрешим.* Ибо кто же, уверовав в истинность этого догмата, не будет охотно повиноваться папе во всем, что бы он ни приказал?

Подданство епископов. Во-вторых, то, что все другие епископы в любом государстве получают свое право от папы, а не непосредственно от Бога или от их гражданского суверена. Вследствие этого в каждом христианском государстве имеется много могущественных людей (ибо таковы епископы), зависящих от папы и обязанных ему повиновением, хотя бы он был для них иностранным государем. Поэтому папа может (как он уже много раз это делал) развязать гражданскую войну против государства, не желающего подчиняться в своем управлении его усмотрению и интересам.

Изъятие клира из-под власти гражданских законов. В-третьих, изъятие епископов и других священников, а также монахов и чернецов из-под власти гражданских законов. В силу этого положения в каждом государстве имеется значительная часть подданных, которые пользуются благодеянием законов и защитой власти гражданского государства и тем не менее не участвуют в государственных расходах, не подвергаются, как другие подданные, наказаниям за совершенные преступления и, следовательно, не имеют причины бояться кого бы то ни было, кроме папы, которому одному они привержены, поддерживая его всемирную монархическую власть.

Название sacerdotes, т. е. жертвоприносителей. В-четвертых, средством для сохранения своей власти служит то, что церковь дает своим священникам (которые в Новом завете называются пресвитерами, т. е. старейшинами) имя sacerdotes, т. е. жертвоприносителей, что было титулом гражданского суверена и его государственных служителей у евреев, пока Бог был их царем. Как это, так и то, что они делают из тайной вечери жертвоприношение, есть средство

заставить народ верить, будто папа имеет ту же власть над христианами, какую Моисей и Аарон имели над евреями, т. е. всю власть — как гражданскую, так и церковную, как ее имел тогда первосвященник.

Таинство брака. В-пятых, учение, что брак есть таинство, делает духовенство судьей законности брака и в силу этого судьей того, какие дети являются законнорожденными, а следовательно, и судьей права на престолонаследие в наследственных королевствах.

Безбрачие священников. В-шестых, догмат о безбрачии духовенства является средством обеспечить за папой его власть над королями. Ибо если король является священником, то он не может жениться и передать королевство своему потомству. Если же он не священник, тогда папа претендует на церковную власть над ним и его народом.

Исповедь. В-седьмых, благодаря исповеди духовенство лучше информировано о намерениях государей и высокопоставленных лиц в гражданском государстве, чем последние о намерениях церковного государства.

Канонизация святых и провозглашение мучеников. В-восьмых, канонизацией святых и провозглашением мучеников они обеспечивают свою власть, подстрекают простых людей к упорному, до последней капли крови, сопротивлению законам и повелениям своих гражданских суверенов, если последние папским отлучением объявлены еретиками, или врагами церкви, т. е. (как они это толкуют) врагами папы.

Пресуществление, покаяние и отпущение грехов. В-девятых, они обеспечивают свою власть тем, что приписывают каждому священнику силу делать Христа [18] и назначать покаяние, а также отпущением и оставлением грехов.

Учение о чистилище, об индульгенциях, об оправдании мирскими делами. В-десятых, учение о чистилище, об оправдании мирскими делами, об индульгенциях служит обогащению духовенства.

Демонология. Заклинания. В-одиннадцатых, своей демонологией, заклинаниями бесов и другими относящимися сюда делами они внушают (или думают, что внушают) народу большее уважение к своей власти.

И схоластическое богословие. Наконец, «Метафизика», «Этика» и «Политика» Аристотеля, бессодержательные различения, варварские термины и темный язык схоластов — все то, чему учат в университетах, которые все основаны папами и находятся под их властью,— служит им для того, чтобы сделать невозможным раскрытие этих

ошибок и заставить людей принять ignis fatuus[19] ложной философии за свет Евангелия.

Кто они — эти творцы тьмы духовной. Если для доказательства нашего положения приведенные соображения недостаточны, то можно привести еще другие темные их учения, способствующие установлению незаконной власти над законными суверенами христианских народов, или защите этой власти, когда она уже установлена, или приобретению земных богатств, почестей и авторитета теми, кто такую власть поддерживает. Вот почему на основании вышеуказанного правила cui bono мы можем с полным основанием объявить виновниками всей этой духовной тьмы папу и римское духовенство и всех тех, кто стремится внушить людям тот ложный догмат, будто существующая ныне на земле церковь есть Царство Божие, предсказанное в Ветхом и Новом завете.

Однако их соучастниками, принесшими вред и себе самим, и своим государствам, можно считать и тех императоров, и других христианских суверенов, во время правления которых впервые возникли эти ошибки и проявились стремления к захвату власти со стороны церковников, внесшие смуту в государства и нарушившие спокойствие подданных, хотя указанные императоры и суверены попустительствовали этому из неспособности предвидеть последствия этих тенденций и неумения проникнуть в намерения этих учителей. Соучастниками приходится считать их потому, что с самого начала без их разрешения никакие бунтарские учения не могли бы быть публично проповедуемы. Я говорю, что императоры и другие суверены могли бы помешать распространению этих учений вначале. Но когда народ уже подпал под влияние этих духовных лиц, человеческая изобретательность была бессильна придумать какое-нибудь средство против их козней. И что касается мер, которые следовало бы принять Богу, в надлежащее время всегда расстраивающему козни людей против истины, то мы и в данном случае должны ждать того момента, когда Богу угодно будет это сделать. Ибо Бог весьма часто допускает, чтобы удачи и честолюбие его врагов возросли до таких размеров, при которых их насилие, завуалированное вначале благодаря осторожности их предшественников, стало бы открытым и ясным для всех, и людей, слишком много загребающих, Бог заставляет терять все, подобно тому как сеть Петра разорвалась из-за слишком большого количества рыб. Нетерпение же тех, кто стремился дать отпор таким притязаниям римского духо-

венства, до того как открылись глаза их подданных, привело лишь к росту той власти, против которой они боролись. Я поэтому не порицаю императора Фридриха за то, что он держал стремена нашему земляку папе Адриану [20], ибо таково было настроение его подданных, ибо, если бы он этого не сделал, он не мог бы унаследовать императорскую корону. Но я порицаю тех императоров и суверенов, которые в самом начале, когда вся полнота власти была еще в их руках, терпели, чтобы такие учения ковались в университетах их владений, и этим как бы придерживали стремена всем последующим папам, взбиравшимся на троны всех христианских суверенов, чтобы оседлать и терзать по своей воле как самих суверенов, так и их народы.

Однако человеческие хитросплетения расплетаются так же, как и плетутся. Причем и то и другое совершается одинаково, но только в обратном порядке. Сплетение началось при первых элементах власти, каковыми были мудрость, смирение, искренность и другие добродетели апостолов, которым новообращенные христиане повиновались не по обязанности, а из уважения. Совесть этих новообращенных была чиста, и своими словами и поступками они подчинялись лишь гражданской власти. Впоследствии пресвитеры (когда Христово стадо возросло), собравшись, чтобы обсудить, чему они должны учить, и обязавшись при этом не учить ничему, что шло бы вразрез с постановлениями их собраний, заставили думать, будто этим вменяется в обязанность всем христианам следовать учению пресвитеров, а если кто-либо отказывался это делать, то все остальные отказывались от общения с ним, что называлось тогда отлучением, не как с неверным, а как с неповинующимся. И это было первым узлом, завязанным на их свободе. Когда же число пресвитеров возросло, то пресвитеры главного города или главной провинции присвоили себе власть над приходскими пресвитерами и назвали себя епископами. И это был второй узел, зажавший свободу христиан. Наконец, римский епископ ввиду положения города Рима как столицы империи присвоил себе — отчасти согласно желанию самих императоров и благодаря титулу Pontifex Maximus, а когда власть императоров ослабела, на основании привилегий апостола Петра — власть над всеми другими епископами империи, что было третьим и последним узлом, завершившим собой весь *синтез* и *строение* папской власти.

И поэтому *анализ* и *разложение* идут тем же путем, но они начинают с узла, завязанного последним, как мы мо-

жем это наблюдать при упразднении прежней формы церковного управления в Англии. Прежде всего королевой Елизаветой была целиком упразднена власть папы [21], и епископы, которые раньше отправляли свои обязанности именем папы, после реформы отправляли их именем королевы и ее преемников, хотя сохранение в их титуле фразы jure divino давало повод думать, что они их отправляют по непосредственному праву Бога. Таким образом был развязан первый узел. После этого недавно пресвитериане добились в Англии отмены епископата. И таким образом был развязан второй узел. И почти одновременно с этим была отнята власть у пресвитериан, и мы, таким образом, возвращаемся к свободе, которой пользовались первоначальные христиане,— следовать Павлу, Кифе или Аполлону, как всякий сочтет для себя наилучшим. И если такое положение не ведет к борьбе и тому, чтобы мы мерили учение Христа нашей привязанностью к личности его служителя (недостаток, который апостол порицал у коринфян), то оно является, пожалуй, наилучшим. Во-первых, потому, что не должно быть никакой власти над совестью людей, а лишь над их словом, ибо вера развивается во всяком человеке не всегда в том направлении, в каком это желательно тем, кто ее насаждает и поливает, а так, как это угодно Богу, дающему ей рост; а во-вторых, потому, что неразумно со стороны говорящих нам, какой опасностью грозит всякая малейшая ошибка в отношении веры, требовать от человека, одаренного собственным разумом, чтобы он следовал разуму другого человека или большинству голосов многих других людей, что было бы ненамного лучше, чем рисковать своим спасением, играя в орлянку. И эти учители не должны быть недовольны потерей их древней власти, ибо никто не должен был бы лучше их знать, что власть сохраняется теми же добродетелями, благодаря которым она была приобретена, т. е. мудростью, смирением, чистотой учения и искренностью речи, а не подавлением естественных наук и нравственности, диктуемой естественным разумом, а также не темным языком или преувеличенным представлением о своих знаниях, не благочестивым обманом или другими подобными недостатками, которые в пастырях церкви Божией суть не только недостатки, но также бесчестье, способное рано или поздно навести людей на мысль о необходимости подавления такой власти.

Сравнение папства с царством фей. Однако, после того как миром был принят догмат о том, что *воинствующая*

ныне церковь есть Царство Божие, о котором говорится в Ветхом и Новом завете, честолюбие и стремление к связанным с этим царством постам, особенно к высокому посту наместника Христа, и к блеску тех, кто получил в этом царстве важнейшие государственные должности, стали настолько очевидны, что люди в такой мере потеряли то внутреннее уважение к пастырской функции, которого она сама по себе заслуживает, что наиболее мудрые из тех, кто имел некоторую власть в гражданском государстве, нуждались лишь в разрешении их государей, чтобы отказать духовенству в дальнейшем повиновении. Ибо, с тех пор как римский епископ был признан в качестве преемника апостола Петра всемирным епископом, вся духовная иерархия, или царство тьмы, не без основания может быть сравниваема с царством фей, т. е. со *сказками* бабушек в Англии относительно *привидений* и *духов* и тех фокусов, которые они выкидывают ночью. И всякий, кто займется вопросом о происхождении этой великой церковной власти, легко заметит, что папство представляет собой не что иное, как *привидение* умершей *Римской империи,* сидящее в короне на ее гробу. Ибо папство внезапно появилось из развалин этой языческой власти.

Что представляет собой тот *латинский язык,* которым церковники пользуются как в церкви, так и в своих государственных актах и которым обыкновенно не пользуется сейчас ни один народ в мире,— что представляет собой этот язык, если не *отзвук* древнего *римского языка?*

Феи, с каким бы народом они ни общались, имеют лишь одного всемирного царя, которого некоторые наши поэты называют царем Обероном, но Писание называет Вельзевулом, царем *демонов.* Церковники точно так же, в чьих бы владениях они ни находились, признают лишь одного всемирного царя — *папу.*

Церковники — духовные люди и *духовные* отцы. Феи — *духи* и *привидения.* Феи и привидения пребывают в темных, уединенных местах и среди гробов. *Церковники* ходят во тьме учения и пребывают в монастырях, церквах и на кладбищах.

Церковники имеют свои кафедральные соборы, и, в каком бы городе эти соборы ни были воздвигнуты, они с помощью святой воды и определенного колдовства, называемого заклинанием духов, обладают способностью превращать эти города в столицы, т. е. в седалища империи. *Феи* также имеют свои заколдованные замки и опреде-

ленных гигантских духов, которые господствуют над всей округой.

Феи неуловимы и не могут быть привлечены к ответственности за причиненный ими вред. Точно так же и *церковники* ускользают из рук гражданской юстиции.

Церковники разными чарами, составленными из метафизики, чудес, традиций и злоупотребления Писанием, лишают молодых людей разума, так что последние годятся лишь для выполнения приказаний. *Феи* также, как говорят, выкрадывают маленьких детей из люлек и превращают их в природных идиотов, которых простой народ называет *эльфами* и которые являются пригодным орудием для совершения зла.

В какой мастерской *феи* изготовляют свое волшебство, об этом старые бабки не говорят. Мастерской же *духовенства,* как достаточно хорошо известно, является университет, получивший свой строй от папской власти.

Говорят, что, когда *феи* недовольны кем-либо, они посылают своих эльфов, чтобы ущипнуть его. Точно так же и *церковники,* когда они недовольны каким-либо гражданским государством, заставляют своих эльфов, т. е. суеверных, завороженных подданных, ущипнуть своих государей мятежной проповедью или же завораживают обещаниями одного государя и заставляют его ущипнуть другого.

Феи не выходят замуж, но иногда среди них имеются incubi [22], вступающие в половую связь с людьми. *Священники* также не женятся.

Церковники снимают пенку со страны в виде даров невежественных людей, благоговеющих перед ними, и в виде десятины. Точно так же рассказывается в сказках о *феях,* что они входят в молочные и угощаются пенкой, снимаемой ими с молока.

Какого рода деньги имеют хождение в царстве *фей,* сказки не говорят. *Церковники* же, получая деньги, берут те же деньги, что и мы. Расплачиваются же они канонизациями, индульгенциями и обеднями.

К этим и подобным чертам сходства между *папством* и царством *фей* можно еще прибавить, что, подобно тому как *феи* имеют бытие лишь в фантазиях невежественных людей, позаимствованных из преданий старых бабок или древних поэтов, духовная власть *папы* (вне пределов его собственных владений) существует лишь в боязни одураченных людей быть отлученными от церкви, ибо они наслушались рассказов о ложных чудесах, ложных традициях и лжетолкованиях Писания.

Нетрудно было поэтому Генриху VIII, а также королеве Елизавете совершить в свою очередь заклинание бесов и изгнать церковников. Однако кто знает, не может ли вернуться этот дух Рима, бродящий теперь в лице его миссионеров по суровым местам Китая, Японии и Индии, скудно вознаграждающим его старания, или, что еще более возможно, не заберется ли в этот чисто выметенный дом сонм духов, худших, чем дух Рима, и не сделает его конец хуже, чем его начало? Ибо не одно только римское духовенство исповедует догмат, что Царство Божие осуществлено в этом мире, и на этом основании претендует на власть в этом мире, независимую от власти гражданского государства. Это все, что я намерен был сказать относительно учения о *политике*. И этот мой трактат по предварительном его просмотре я охотно представляю на суд моей страны.

ОБОЗРЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

То, что некоторые естественные способности ума, а также некоторые страсти противоположны и играют в общении между людьми различную роль, было использовано как доказательство, что ни один человек не склонен к выполнению всех видов гражданских обязанностей. Строгость суждения, говорят представители указанного взгляда, делает людей суровыми и неспособными прощать ошибки и слабости других. С другой стороны, быстрая смена представлений делает мысли менее устойчивыми, чем это необходимо, для того чтобы точно различать справедливость и несправедливость. Опять-таки при всяком обдумывании и разборе тяжб необходима способность к основательному суждению, ибо без нее человеческие решения поспешны, а приговоры судей несправедливы. Тем не менее, если в этих случаях не приходит на помощь сильное красноречие, приковывающее внимание и вынуждающее согласиться, разум оказывает слабое действие. Но это все способности противоположного характера. Первая основана на принципах истины, вторая — на уже принятых мнениях, истинных или ложных, и на страстях и интересах людей, которые различны и изменчивы.

Из страстей *храбрость*, под которой я разумею презрение к ранам и насильственной смерти, располагает людей к личной мести, а иногда к усилиям, направленным к нарушению мира в государстве. *Робость* же часто располагает к уклонению от защиты государства. Оба качества, говорят

представители указанного выше взгляда, несовместимы в одном и том же лице.

И если принять во внимание, указывают далее, противоположность людских мнений и нравов вообще, то станет ясной невозможность поддерживать постоянную дружбу со всеми теми людьми, с которыми нас заставляют общаться мирские дела. Ибо эти последние состоят лишь в постоянной борьбе за почести, богатства и власть.

На это я отвечаю, что это в самом деле большие трудности, но не непреодолимые. Ибо воспитанием и дисциплиной указанные противоположные страсти могут быть примирены, а иногда и примиряются. Трезвое рассуждение и фантазия могут иметь место в одном и том же человеке, но по очереди в зависимости от того, как этого требует цель, к которой он стремится. Подобно тому как израильтяне в Египте иногда были прикреплены к своей работе по изготовлению кирпичей, а в другое время бродили, собирая солому, точно так же способность суждения может иногда быть сконцентрирована на определенной мысли, а в другое время фантазия может бродить по миру. Таким же образом могут хорошо уживаться вместе разум и красноречие (хотя, быть может, не в естественных науках, а в моральных). Ибо везде, где есть место для приукрашивания и предпочитания заблуждения, еще больше места для приукрашивания и предпочитания истины, если истина нуждается в приукрашивании. Нет также никакой противоположности между боязнью законов и небоязнью врага государства, точно так же между воздержанием от причинения вреда кому-либо и прощением такого проступка у других. Человеческая природа и гражданские обязанности поэтому не так уж несовместимы, как это некоторые полагают. Я знал человека, совмещавшего ясность суждения и широту фантазии, строгий ум и изящное красноречие, храбрость на войне и страх перед законами, и это был мой благороднейший и почтеннейший друг мистер Сидней Годольфин, который, не питая ни к кому вражды и не имея врагов, был, к несчастью, убит неведомой и не ведающей, что она творит, рукой в начале гражданской войны в одном из столкновений.

К естественным законам, изложенным в главе XV, я хотел бы прибавить следующее, а именно *что всякий человек обязан в силу естественного закона защищать на войне всеми силами ту власть, от которой он сам получает защиту в мирное время.* Ибо тот, кто на основании естественного права претендует на сохранение самого себя, не

может думать, что существует естественное право погубить того, чьей силой он сохраняется. Думать так было бы в самом деле явным противоречием. И хотя этот закон может быть выведен путем умозаключения из некоторых уже изложенных законов, однако время требует, чтобы его вдолбили в голову и чтобы его запомнили.

А так как из многих недавно напечатанных английских книг я вижу, что гражданские войны еще недостаточно научили людей определять тот момент, когда подданный становится обязанным повиноваться завоевателю, ни тому, что такое завоевание, ни пониманию того, каким образом факт завоевания обязывает людей повиноваться законам завоевателя, то для полного удовлетворения людей по этим вопросам я говорю, что момент, в который человек становится подвластным завоевателю, наступает тогда, когда, имея свободу подчинить себя, он ясно выраженными словами или другими достаточными знаками выражает свое согласие стать его подданным. Когда же именно человек делается свободен отдать себя в подданство,— об этом я говорил раньше, в конце главы XXV: для того, кто имеет по отношению к своему прежнему суверену лишь обязанности обыкновенного подданного, этот момент наступает тогда, когда средства его существования оказываются под охраной в гарнизонах врага, ибо это именно тот момент, когда подданный уже не получает защиты от своего прежнего суверена, а получает ее за контрибуции от противной стороны. Поэтому, ввиду того что такая контрибуция как нечто неизбежное считается везде законной, несмотря на то что это помощь врагу, нельзя считать незаконным полное подчинение, являющееся лишь помощью врагу. Мало того, если принять во внимание, что те, кто подчиняется врагу, помогают ему лишь частью своего состояния, между тем как те, кто отказывается подчиняться, помогают ему всем своим состоянием, то нет оснований считать помощью врагу подчинение ему или примирение с ним. Это скорее причинение убытка ему. Если же кто-нибудь помимо обязанностей подданного взял на себя еще новую обязанность солдата, то такой не имеет свободы подчиняться новой власти, пока старая власть удерживает свои позиции и дает ему средства существования в армии или гарнизоне. Ибо в этом случае солдат не может жаловаться на недостаток защиты и средств к существованию, какие подобают солдату. Однако, если указанных условий нет налицо, тогда и солдат может искать своей защиты там, где он больше всего надеется получить ее, и может законным образом

отдать себя в подданство новому господину. Этим мы установили тот момент, когда всякий подданный какого-нибудь суверена может законным образом отдать себя в подданство другому государю, если он желает. Если же он отдает себя в подданство, он, несомненно, обязан быть верным подданным, ибо договор, законным образом заключенный, не может быть законным образом нарушен.

Этим определяется также тот момент, когда можно сказать, что люди завоеваны, а также и то, в чем состоит природа завоевания и право завоевателя. Ибо указанный акт подчинения заключает все это в себе. Завоевание есть не сама победа, а приобретение при помощи победы права над личностями людей. Поэтому тот, кто убит,— побежден, но не покорен; тот, кто взят в плен и брошен в тюрьму или закован в цепи,— не покорен, хотя побежден, ибо он еще остается врагом и может при случае спастись. Тот же, кому за обещание оказывать повиновение подарили жизнь и свободу,— покорен и тогда становится подданным, но не раньше. Римляне обычно выражались, что их полководец *замирил* такую-то провинцию, т. е., если сказать по-английски, *покорил* ее. И страна считалась замиренной победой, если ее население обещало imperata facere, т. е. *исполнять все, что прикажет ему римский народ.* Это означало быть покоренным. Но это обещание могло быть выражено или словесно, или молча. Словесно — обещанием, молча — другими знаками. Так, например, если человек, от которого не требовали такого ясно выраженного обещания (по причине его, может быть, невысокого положения), открыто живет под защитой завоевателя, то считается, что он подчинился власти последнего. Если же такой человек живет на завоеванной территории тайно, то он подлежит всем карам, которым может быть подвергнут шпион и враг государства. Я не говорю, что он совершает нечто противозаконное (ибо явно враждебные поступки так не называются), а говорю лишь, что он может быть подвергнут смертной казни. Точно так же, если человек находится вне своей страны, когда она завоевана, то он не считается покоренным и не является подданным завоевателя. Но если он по возвращении подчинился власти завоевателя, то обязан повиноваться ему. Таким образом, *завоевание* (чтобы дать определение этого понятия) есть приобретение верховной власти путем победы. И это право приобретается актом подчинения людей, т. е. в силу их договора с победителем, при котором они обещают повиновение за дарованную им жизнь и свободу [23].

В главе XXIX я установил как одну из причин распада государств их несовершенное образование, заключающееся в отсутствии абсолютной и произвольной законодательной власти, в силу чего гражданский суверен не всегда может пускать в ход меч правосудия, как если бы этот меч был слишком накален, чтобы его можно было держать. Одна из причин этого (о чем я не упомянул там) есть то обстоятельство, что все гражданские суверены стремятся оправдать ту войну, посредством которой их власть была впервые достигнута, и, как они полагают, их право зиждется именно на завоевании, а не на владении, как если бы, например, право королей Англии зависело от правоты дела Вильгельма Завоевателя и от их происхождения от него по прямой линии. Если бы все дело было в этом, то в наше время, пожалуй, нигде в мире ни один подданный не был бы обязан повиноваться своему суверену. И, оправдывая без нужды таким образом свою власть, гражданские суверены этим оправдывают все удачные восстания, которые честолюбие может когда-либо поднять против них и их преемников. Поэтому одной из причин возможной гибели государства я считаю требование завоевателей не только подчиняться им в будущем, но также одобрять их собственные прошлые действия, между тем как вряд ли есть какое-нибудь государство в мире, начало которого можно было бы по совести оправдать.

А так как слово «тирания» означает не более и не менее, как «верховная власть», будь то власть одного человека или многих людей, с тем только отличием, что первое название показывает, что те, кто его употребляет, сердиты на властителей, которых они называют тиранами,— то я полагаю, что терпимое отношение к явной ненависти к тирании есть терпимое отношение к ненависти к государству вообще, а это не менее пагубно для государства, чем то, что было указано выше. Ибо для оправдания дела завоевателя необходимо в большинстве случаев порицать дело покоренных, но ни то ни другое не входит в обязанность покоренных. Это я и считал нужным сказать при обзоре первой и второй частей этого трактата.

В главе XXXV я достаточно показал на основании Писания, что в государстве евреев сам Бог был сделан сувереном в силу завета, заключенного им с народом, который поэтому был назван особенным народом в отличие от остальных народов мира, над которыми Бог царствовал не в силу их согласия, а благодаря своему могуществу; точно так же я показал, что в этом царстве Моисей был наместни-

ком Бога на земле и что именно он сообщил евреям те законы, которыми Бог заповедал им руководствоваться. Но я не указал там, кто в этом царстве был органом исполнения, особенно при уголовных наказаниях. Я считал тогда этот вопрос не столь существенным, каким я его нахожу сейчас. Мы знаем, что обычно в государстве обязанность приведения в исполнение уголовных наказаний возлагалась на стражей или других солдат суверена или поручалась тем, коих бедность в соединении с презрением к чести и жестокосердием побуждала добиваться такой должности. Однако у израильтян существовал положительный закон Бога — их суверена, согласно которому всякий изобличенный в уголовном преступлении должен был быть побит до смерти камнями всем народом, причем первыми должны были бросить камень свидетели, а затем остальные. Это был закон, который устанавливал, кто должен быть исполнителем, но не в том смысле, что кто-либо мог бросить камень в преступника до суда и приговора, произнесенного народным собранием, которое было судьей в уголовных делах. Свидетели, однако, должны были быть заслушаны до того, как они приступили к исполнению, за исключением тех случаев, когда преступление было совершено в присутствии самого собрания или на глазах законных судей, ибо тогда не требовалось никаких других свидетелей, кроме самих судей. Тем не менее этот процессуальный порядок, будучи не совсем верно понят, способствовал возникновению опасного мнения, будто в некоторых случаях человек может убить другого по праву своего усердия, как будто в древнее время преступники подвергались смертной казни в Царстве Божием не по приказанию суверена, а по праву частного рвения. Ибо если мы продумаем тексты, как будто подтверждающие такое предположение, то убедимся, что они говорят обратное.

Во-первых, когда левиты напали на народ, сделавший золотого тельца и поклонявшийся ему, и убили три тысячи человек, то это было сделано по повелению Моисея, получившего в свою очередь соответствующее приказание от Бога, как это явствует из книги Исхода (32, 27). И когда сын женщины в Израиле совершил богохульство, то те, кто слушал это, не убили его, а привели к Моисею, который заключил его под стражу, пока Бог не произнес приговора над ним. И опять (Чис. 25, 6, 7), когда Финеес убил Зимри и Хазву, это не было сделано по его личному усердию. Убитые совершили преступление на глазах собрания; тут не требовалось никаких свидетелей: закон был известен,

а совершивший убийство был явным наследником верховной власти. Но самое важное то, что закомерность его поступка зависела целиком от последующего одобрения Моисея, в котором Финеес не имел оснований сомневаться.

И такое ожидание будущего одобрения иногда бывает необходимо для безопасности государства. Так, например, если где-нибудь неожиданно вспыхивает восстание и кто-нибудь, не уполномоченный на то ни законом, ни специальным поручением, имеет возможность собственными силами подавить его, он может это законным образом делать и позаботиться о том, чтобы его самовольные действия были одобрены или прощены в процессе их совершения или по их завершении. Точно так же ясно сказано в книге Чисел (35, 30): *Если кто убьет человека, то убийцу должно убить по словам свидетелей.* Свидетели же предполагают формальное судопроизводство, и, следовательно, это место осуждает тех, кто претендует на jus zelotarum [24]. Закон Моисея относительно того, кто совращает к идолопоклонству, т. е. к отказу от верноподданства в Царстве Божием, запрещает прикрывать такого и предписывает обвинителю потребовать для него смертной казни и первым бросить в него камень, но не убивать его до осуждения. Во Второзаконии (17, 4 — 6) точно описывается процесс против идолопоклонства. Ибо Бог здесь говорит народу как судья и приказывает ему, чтобы в том случае, когда человек будет обвинен в идолопоклонстве, был тщательно расследован этот факт, и если он подтвердится, то данный человек должен быть побит камнями, но свидетель должен и в данном случае бросить первый камень. Это не личное усердие, а официальное осуждение. Точно так же, если отец имеет буйного и непокорного сына, то закон гласит (Втор. 21, 18), что он должен привести его к судьям города и все жители города должны побить его камнями. Наконец, именно на основании этих законов, а не частного усердия был побит камнями святой Стефан [25], ибо, перед тем как он был отведен на казнь, он защищал свое дело перед первосвященником. Ни в приведенных до сих пор цитатах, ни в другой части Библии нельзя найти ничего, что подтверждало бы законность казней из частного усердия. И такие казни, являясь часто лишь результатом сочетания невежества и страсти, противоречат как принципу справедливости, так и интересам мира в государстве.

В главе XXXVI я доказал, что не сказано, в какой форме Бог говорил сверхъестественным образом с Моисеем. Это не значит, что мы не находим в Библии указаний, что Бог

говорил с ним иногда через сны и видения или сверхъестественным голосом, как с другими пророками. Ибо та форма, в которой Бог говорил с ним с крышки кивота завета, ясно описана в книге Чисел 7, 89 в следующих словах: *Когда Моисей входил в скинию собрания, чтобы говорить с Господом, слышал голос, говорящий ему с крышки, которая над ковчегом откровения между двух херувимов, и он говорил ему*. Но нигде не сказано, в чем состояло преимущество той формы, в которой Бог говорил с Моисеем, перед той, в которой Он говорил с другими пророками, например с Самуилом и Авраамом, с которыми Он тоже говорил посредством голоса (т. е. виде́ния). Разве только разница состояла в степени яркости виде́ния, ибо слова *лицом к лицу* и *устами к устам* нельзя понимать буквально, принимая во внимание бесконечность и непостижимость божественной природы.

А что касается учения в целом, то я пока лишь вижу, что его принципы правильны и точны, а мои рассуждения основательны. Ибо я основываю гражданскую власть суверенов и долг и свободу подданных на известных естественных склонностях человеческого рода и на пунктах естественного закона, которых никто из считающих себя достаточно умными, чтобы уметь управлять своей семьей, не может не знать. А что касается церковной власти тех же суверенов, то я обосновываю ее такими текстами, которые ясно говорят сами за себя и находятся в согласии с целью всего Писания. Поэтому я убежден, что тот, кто будет читать мой трактат лишь с целью почерпнуть из него знания, эти знания получит. Что же касается тех, кто своими письменными или публичными выступлениями или значительными практическими действиями уже обязался поддерживать противоположные мнения, то они не будут так легко удовлетворены. Ибо в таких случаях для людей естественно, что по ходу чтения у них все больше и больше слабеет внимание к содержанию книги, сосредоточиваясь целиком на поисках возражений против того, что уже прочитано. А таких возражений не может не быть много в такое время, когда интересы людей меняются ввиду того, что многие из тех учений, которые служат для установления нового образа правления, по необходимости должны противоречить тем, которые способствовали упразднению старого.

В той части, которая трактует о христианском государстве, имеются некоторые новые идеи, которые в государстве, где окончательно установились противоположные

взгляды, может быть, были бы преступлением, как узурпация места учителя со стороны подданного, не имеющего разрешения на провозглашение новых идей. Однако в наше время, когда люди ищут не только мира, но и истины, предлагать вниманию тех, кто еще раздумывает, такие учения, которые я считаю истинными и которые явно способствуют водворению мира и лояльности,— значит лишь предлагать новое вино, которое должно быть влито в новые бочки, дабы и то и другое могло сохраниться. И я предполагаю, что, когда новое учение не порождает никакой смуты и никакого беспорядка в государстве, люди не настолько склонны благоговеть перед древностью, чтобы предпочитать старые ошибки новой и вполне доказанной истине.

Самое большое недоверие я питаю к своему изложению, которое, однако, я уверен, не является темным (разве лишь вследствие опечаток). То обстоятельство, что я, отступив от обычая авторов последнего времени, не приукрасил свое изложение цитатами из древних поэтов, ораторов и философов (хорошо ли это или плохо), обусловлено следующими соображениями. Прежде всего истина всякого учения имеет своим основанием *разум* или Писание. На том и на другом зиждется влияние многих писателей, но сами эти основания не получают своего значения от какого-либо писателя. Во-вторых, трактуемые мной вопросы суть вопросы не *факта,* а *права,* в которых нет места для *свидетелей.* В-третьих, вряд ли найдется хоть один из древних писателей, который не противоречил бы как самому себе, так и другим, что делает их свидетельство неудовлетворительным. В-четвертых, такие мнения, которые берутся на веру у древних писателей, являются по существу не взглядами тех, кто их цитирует, а лишь словами, которые, подобно зевоте, передаются от одного к другому. В-пятых, весьма часто люди с мошенническими целями утыкают свою гнилую теорию гвоздиками остроумия других людей. В-шестых, я не нахожу, чтобы древние авторы, которых современные авторы цитируют, считали украшением для своих произведений цитаты из авторов, которые писали до них. В-седьмых, когда неразжеванные греческие и латинские изречения выходят снова изо рта неизменными, как это обыкновенно бывает у цитирующих, то это свидетельствует о несварении желудка. Наконец, хотя я уважаю тех людей древности, которые или сами открыли и во вразумительной форме изложили нам истину, или указали нам лучшие пути, как ее найти, однако к древности как таковой

я не считаю себя обязанным относиться с особенным почтением. Ибо если речь идет об уважении к возрасту века, то наш век является самым старшим. Если же речь идет об уважении к возрасту писателей, то я не уверен, что те, кому воздается такая честь, были более стары, когда они писали свои сочинения, чем я, когда я пишу свое. Однако внимательное рассмотрение показывает, что восхваление древних авторов вытекает не из уважения к умершим, а из соперничества и взаимной зависти живущих.

Заключаю. Насколько я могу видеть, нет ничего во всем этом трактате, как и в том, что я писал раньше на ту же тему по-латыни, что противоречило бы как Слову Божиему, так и правилам добропорядочного поведения или могло бы способствовать нарушению общественного спокойствия. Вот почему я думаю, что было бы полезно этот труд напечатать, а еще полезнее было бы изучать его в университетах, если с ним согласны те, кто призван судить о таких вопросах. Ибо раз университеты являются источником политических и моральных учений, из которых проповедники и дворянство черпают воду, чтобы окропить ею людей как с кафедры, так и в своих беседах, то необходимо, конечно, проявить величайшую заботу о том, чтобы эта вода оставалась чистой как от яда языческих политиков, так и от чар лживых духов. Таким образом, большинство людей, зная свой долг, будет менее расположено становиться орудием честолюбия нескольких недовольных лиц в их планах против государства и с меньшим раздражением будет относиться к податям, необходимым для поддержания мира и организации защиты государства, а сами правители будут иметь меньше повода содержать за счет государства армию бóльшую, чем необходимо для обеспечения свободы государства против вторжений и захватов иноземных врагов.

Итак, я довел до конца мой трактат о гражданской и церковной власти, поводом к которому послужили переживаемые нами беспорядки. Трактат этот свободен от всякого пристрастия, от всякого заискивания и не имеет другой цели, как лишь показать людям воочию взаимоотношения между защитой и повиновением, ненарушимого соблюдения которого требуют человеческая природа и божественные законы, как естественные, так и положительные. И хотя революции в государствах не являются благоприятной расстановкой светил при рождении истин такого рода (ибо эти истины кажутся зловещими для разрушителей старого порядка, а те, кто строит новый порядок, видят только их оборотную сторону), однако я не могу

полагать, что развитые мной положения были в настоящее время осуждены теми, кто поставлен государством судить о различных учениях, или кем-либо желающим сохранения мира в государстве. И в этой надежде я возвращаюсь к моим прерванным работам о естественных телах, в отношении которых (если Бог даст мне здоровье, чтобы довести мои работы до конца), как я надеюсь, новизна идей в такой же мере доставит удовольствие, в какой новизна в отношении этого искусственного тела обыкновенно оскорбляет. Ибо истины, не сталкивающиеся с человеческой выгодой и с человеческими удовольствиями, приветствуются всеми людьми.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ К «ЛЕВИАФАНУ»]

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О НИКЕЙСКОМ СИМВОЛЕ ВЕРЫ [1]

А. Разъясни мне, пожалуйста, Никейский Символ веры, не с тем, конечно, чтобы мне охватить умом весь предмет, но чтобы так понять слова веры, что они оказались бы в согласии со Священным писанием. И прежде всего следующие слова: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя Творца неба и земли видимым же всем и невидимым». И во-первых, что это значит: «верую во», или по-гречески πιστεύω εἰς? Я не припомню, чтобы находил где-нибудь у греческих авторов такое выражение. Я встречал «верю кому-нибудь» — πιστεύω τινί, «верю, что это так» — πιστεύω ὅντος εἶναι.

Б. Собственно, это выражение, употребляемое теми, кто принимает члены Символа, ибо предлог εἰς означает помимо прочего «до этих пределов», так что, когда говорится πιστεύω εἰς θεὸν πατέρα и т. д.,— если вместо θεόν и т. д. поставить τοῦτο,— это будет то же самое, что «я верю в этих пределах». Следовательно, предлог εἰς обозначает ограничение веры в тот или иной член Символа, а именно: до каких пределов (hactenus) принимающие его (subscriptions) сознательно с ним соглашаются. Поэтому не должно казаться удивительным, что вне конфессиональных текстов ты не встречал такого выражения. Это то же самое, как если бы ты сказал, что веришь в то, что Бог существует, что Он един, что Он Отец, что Он Вседержитель и т. д. Мы читаем также «верую в Евангелие», т. е. «верю Евангелию», т. е. — провозвестникам Евангелия, но по-гречески там не εἰς, а ἔν.

А. «Бог есть Отец, Бог есть Вседержитель» и т. д. Это, как утверждают диалектики [2], предложения, ибо имеют подлежащее и сказуемое, и в них явно приписывается Богу какое-то имя. Но я не понимаю, какое имя приписывается Богу в следующем предложении: «Бог есть». Ведь, как я полагаю, невозможно сказать, что «Бог есть «есть»», и незачем говорить, что «Бог есть Бог».

Б. Когда говорят: «Бог есть»,— слово «есть» — это полнозначный глагол, включающий и у греков, и у латинян как связку, так и предикат. Таким образом, предложение: «Бог есть» означает то же самое, что и «Бог существует», т. е., если мы раскроем глагол «быть», «Бог есть сущее», или ὁ ὤν, т. е. нечто реальное, а не чистый фантом (phantasma), каковым является то, что называется «призраком», или то, чему язычники поклонялись как демонам, то, что называется апостолом Павлом «ничто».

А. Как мне помнится, апостол так называет идолов, а не демонов.

Б. Уж не считаешь ли ты, что эти сделанные из золота, слоновой кости или дерева изображения, а вовсе не демоны, почитавшиеся в их изображениях, были названы «ничем»? Кроме того, идол собственно есть фантом, не сама вещь, а идея, образ вещи, по образцу которых древние создавали свои изображения, ибо они редко брали образы, или идеи, своих богов из их изображения. И к тому же Бог словом «сущее» (ens) отличается от имен. Ведь человек-вещь отличается от человека-имени. Кроме того, следует знать, что слово «есть» так, как оно употреблялось латинянами и греками — в качестве связки в предложениях, вообще было неизвестно евреям. Поэтому они всегда пользовались субстантивированными словами и вместо связки для выражения того, что диалектики называют предикацией, в каждом утверждении присоединяли к имени другое имя. У латинян же и греков связка est — это не глагол, а соединение (coniunctio) и служит не для обозначения действия, а для связи, и, как «и» означает, что имена, между которыми оно ставится, являются именами различных вещей, так и связка est означает, что имена, между которыми она ставится, являются именами одной и той же вещи. Таким образом, имена, являющиеся дериватами от связки est, такие, как «сущность», «сущностность», «быть» и эквивалентные им, у евреев существовать не могли. По-латыни говорится: «Земля была пуста». По-еврейски: «Существующая земля пустая»,— где человек, говорящий по-латыни, слышал не «была», а («было») «нечто существующее».

А. Что следует понимать под словом «Создатель»? Не то ли, что сей мир был создан из ничего?

Б. Конечно, из ничего, а не так, как утверждает Аристотель,— из предсуществующей материи [3]. Ибо в Священном писании ясно сказано, что все было создано из ничего. Да и Аристотель, говоря, что мир вечен, противоречит сам себе. Ведь о материи говорится только как о том, из чего

нечто создано. Значит, Символ утверждает, что Бог является создателем (factor) всего из ничего. И что, следовательно, Бог обязан своим существованием собственной силе и ничему иному, и поэтому существует от века, а поскольку не было никого, кто бы дал Богу существование, ничего и не будет, что лишит его существования. Следовательно, Бог от века и вовеки. Ибо то, что сотворено, не является от века, потому что сотворено, вовеки же будет существовать в той форме и в том виде, в каком пожелает того Бог. Ибо земля и небо обновятся, и, хотя мир будет охвачен пламенем, он все же не превратится в ничто, и сохранятся реальные сущности. Бог же, который не создан ни самим собой, ни кем-то другим, не может меняться и претерпевать те или иные метаморфозы ни от самого себя, ни от кого-либо другого, но остается всегда неизменным (без этой аристотелевской мешанины (mixtio)) и наипростейшим. Все его атрибуты: простой, неизменный, вечный — выводятся из слов-символов, а в Священном писании недвусмысленно прилагаются к Богу.

А. «И во Единого Господа Иисуса Христа Сына Единородного». Почему было необходимо сказать «Единородного»?

Б. Потому что существовали в те времена еретики, учившие, что Христос не есть Сын Божий рожденный, но усыновленный. Другие же учили, что Христос называется в Священном писании Сыном Божиим в ином смысле, чем это понимают все верующие, хотя в Священном писании неоднократно отчетливо говорится «рожденный», «Бог, рожденный Отцом для всех времен», а посему следует верить, что Христос — это Бог от Бога, Свет от Света, Истинный Бог от Истинного Бога, Рожденный, а не Сотворенный.

А. В чем разница между *рожденным* (genitum) и *созданным* (factum)?

Б. Под *созданным* мы понимаем «созданный Богом из ничего», т. е. *тварь* (creatura). Впрочем, о животных говорят и *сотворенные* (creata) и *рожденные* (genita). Когда говорится «сотворенные», имеется в виду их отношение к Богу-Создателю, который в каждом роде создал мужчину и женщину из сотворенной земли. Но когда говорится о животном, рожденном естественным образом, должно иметься в виду отношение к первым созданным особям как к материи; и когда говорится, что Христос был рожден, понимается, что Он был рожден самим Богом-Отцом из плоти (materia) Девы.

А. Что такое «Свет от Света»? Ведь свет, как мне представляется, есть фантом (phantasma), а не [реально] существующая вещь. Например, если между глазом и свечой поставить стекло, поверхность которого будет состоять из множества расположенных определенным образом пластинок, ты увидишь множество свечей. Однако мы знаем, что существует лишь одна настоящая свеча, а поэтому все остальные являются чистыми фантомами, идолами (idola), т. е., как говорит святой Павел, они — «ничто». Но из всех этих свечей ни одна не является более истинной, чем остальные, в той мере, в какой мы видим их, но настоящая свеча, поставленная в самом начале, не есть ни одна из кажущихся свечей, но является самой вещью, и она же есть причина всех этих образов, и потому Аристотель называет ее *ипостасью* (hypostasis), отличая ее этим словом от фантомов, как будто бы под образом скрыта сама вещь; это слово латиняне перевели буквально «субстанция». И греки, и латиняне отличают этим вещь, существующую в себе, от фантома, который только представляется существующим, но не существует и не является сущим. Разве не истинно это различие между самою вещью и ее явлением?

Б. Да, это так. Но в те времена, и до, и после Никейского собора, отцы церкви в своих сочинениях, мне кажется, иначе толкуют слово «ипостась», желая сделать понятным всем христианам таинство Троицы. Они полагали, что лучше всего этого можно достигнуть сравнением огня, света и тепла, ибо эти три вещи они считали единым, сравнивая огонь с Отцом, свет с Сыном и жар со Святым Духом. Это сравнение, пожалуй, вполне точно, если только не говорить о том, что блеск и жар огня не являются субстанциями и не представлялись таковыми самим Отцам церкви, особенно аристотеликам, если только сам огонь не принимать за «огненное», ведь человек может погасить, когда захочет, и огонь, и свет, и жар. Но нас никогда не заставят поверить, да это и невозможно, чтобы столь слабое действующее начало (agens), как человек, могло бы уничтожить истинное субстанциальное творение, созданное всемогущим Богом, и превратить его в ничто. Поэтому всякий раз, приводя это сравнение в своих сочинениях, сами отцы церкви тотчас же добавляли, что его не следует понимать как адекватное разъяснение столь великого таинства, но лучшего они не смогли найти. Ведь все согласны в том, что природа Бога, Троицы, ангелов и (прибавляет Афанасий [4]) разумной души непознаваема.

А. Мне кажется, что напрасно они стремились разъ-

яснить это таинство (mysterium). Ведь что иное может означать разъяснение таинства, как не его разрушение, т. е. превращение его из таинства в нетаинство, ибо вера, обращенная в знание, погибает, а остается только надежда и благодать (charitas).

Б. Значит, «Свет от Света» употребляется только для подкрепления веры в другие члены Символа.

А. Затем следует тот важный член, который внес столько смятения в древнюю церковь, столько изгнаний и человекоубийств: «единосущно Отцу Им же вся быша». И кстати, совершенно справедливо, о чем ясно говорит святой Иоанн: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (1, 1) и (ст. 3): «Все было создано Им». А что понимали Отцы под *Словом?*

Б. Естественного Сына Божиего, т. е. рожденного Богом изначально, т. е. от века.

А. А не означает ли в этом месте *Слово* некий глас, произнесенный Богом?

Б. Ни в коем случае. Отцы церкви неоднократно это отрицают.

А. Так что же, это внутренний глас, каким является вечное решение Бога об основании мира и искуплении человека?

Б. Я не знаю, что думали отцы церкви об этом, но полагаю, что они думали об этом иначе, дабы не подойти слишком близко к учению стоиков, чье *предопределение* (εἱμαρμένη у греков) и *рок* (fatum у латинян) означают то же самое, что *извечное решение.*

А. Так что же понимается у отцов церкви под Словом?

Б. Не знаю. Если только не говорить о том, что в языке Священного писания Слово часто понимается как сама вещь, предрешенная или обетованная, ибо мы не раз читаем в Ветхом завете вместо «произошло то, что Бог обещал» — «свершилось Слово Божие, которое Он произнес». Но я толкую Священное писание только для самого себя и не для кого иного. Впрочем, если это место из святого Иоанна нужно понимать именно так, то мне не хотелось бы больше углубляться в рассуждение о таинстве воплощения. Потому что если Слово в этом месте есть то самое Слово, которое явится в мир по предначертанию Божию ради нашего искупления, и то, что обетовал Он в раю, то это Слово, собственно, не является гласом, но подлинной реальностью, единой с Христом. Доискиваться же, каким образом Он вочеловечился, не мое дело. Для меня достаточно, что Он стал моим Искупителем. Так что если я верю, что Он создал

землю и все остальное из ничего, а человека из земли, то я не поверю, что Он мог обрести человеческую природу, до тех пор пока не узнаю, каким именно образом.

А. «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечася Распятого же за ны при Понтии Пилате и страдаша и погребена». Здесь возникают две трудности, первая из которых состоит в том, что сказано, откуда он снизошел, а именно — с небес, но не сказано, до какого предела. Ведь, как известно, в апостольском Символе сказано: «спустился вниз» (descendit ad inferos). Но эти слова не определяют места, ибо по отношению к небожителям люди могут быть, собственно, названы: «находящиеся ниже» (inferi). Да и в Священном писании место, где, как говорят, будут находиться враги церкви, называется по-разному, иногда геенна, иногда — внешний мрак (т. е. существующий вне церкви Господа). Ибо одной из страстей египетских была тьма, иногда же называемая огненным озером (полагаю, из-за наказания содомитов) и кипящей смолой (lacum bitumnis). Но, насколько мне известно, церковь не вынесла об этом еще определенного решения. Некоторые учители вместе с Беллармином [5] определяют место наказания осужденных в центре земли, чтобы находилось оно как можно дальше от небес, где будут блаженные, возможно, исходя из греческого текста (ταρταριζόμενος) св. Петра (2 Пет. 4). И действительно, небо отстоит от центра земли дальше, чем от ее поверхности, если рассматривать его как точку. Но я не думаю, чтобы апостолы верили языческим поэтам в описании Тартара, который, по словам Гесиода, настолько же отстоит от земли, насколько земля от неба. Он говорит, что наковальня (Теогония 722 — 725), падая с неба девять дней и девять ночей, на десятый достигнет земли, и, столько же дней и ночей падая с земли, достигнет на десятый день Тартара. Вергилий же (Энеида VI 577 — 579) говорит, что расстояние от земли до Тартара в два раза превосходит расстояние от неба до земли. Впрочем, как я полагаю, это выражение употреблено апостолом Павлом как образное, что можно сказать о многих выражениях Священного писания.

Б. Как бы там ни было, о месте наказания осужденных церковь в своем собрании, по крайней мере англиканская, до сих пор не вынесла никакого определения.

А. Вторая трудность касается слов: «воплотившагося от Духа Свята». Ведь Ангел говорит Иосифу (Матф. 1, 20): *ибо родившееся в ней есть от Духа Святаго.* Это звучит так,

как если бы Дух Святой был родителем Сына, т. е. Отцом.

Б. Как? Разве Дух Божий не есть Бог и един с Сыном и Отцом?

А. А тогда каким же образом различаются ипостаси?

Б. Ни в Символе, ни в Священном писании три ипостаси не различаются и не называются.

А. Но в Символе Афанасия, составляющего часть англиканской литургии, упоминаются три ипостаси.

Б. Правда, в греческом тексте говорится «ипостась», в латинском же и англиканском — «лик» (persona).

А. О словах «ипостась», «лик», «субстанция» и многих других я спрошу тебя уже после того, как ты разъяснишь мне целиком весь Символ. *И Воскресшаго в третий день по Писаниям и Восшедшаго на небеса и сидяща одесную Отца и паки Грядущаго со славою судити живым и мертвым Его же Царствию не будет конца.* Я согласен, что все это уже есть в Священном писании и в том же смысле употребляется в Символе. «И сидяща одесную Бога» я понимаю как сказанное не о соотношении почестей, но как о высшей почести. *И в Духа Святаго Господа животворящего Иже от Отца исходящего Иже со Отцем и Сыном споклоняемо.* Покажи мне в Святом писании, что Святой Дух есть Господь животворящий, т. е. Бог, и что Он исходит также и от Сына.

Б. Во-первых, о том же Сыне Божием говорится, что Он рожден Духом Божиим (Матф. 1, 20). Далее, Иов говорит (33, 4): *Дух Божий создал меня* и (26, 13): *Дух Божий сотворил слепцов.* А то, что он исходит как от Сына, так и от Отца, ясно из слов Христа (Иов 15, 26): *Я пошлю вам от Отца Дух истины,* и из того, что Он, дунув на апостолов, сказал: *Примите Духа Святаго* (Иов 10, 22, 25). Обрати внимание, что выражение «от Сына» не встречается в Никейском Символе, а только в Символе Афанасия. Но это было добавлено, как полагает Беллармин, на втором Вселенском соборе в Константинополе [6].

А. Иже со Отцем и Сыном споклоняемо и сославимо глаголавшего пророки. А почему здесь употреблено это выражение «сославимо»?

Б. Не знаю. Но употребление этого слова заставляет меня думать, что эта формула восславления Троицы, когда говорится или поется «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», была принята церквами или в это самое время, или несколько раньше.

А. Может быть. *Во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление*

грехов. Чаю воскресение мертвых и жизни будущего века. Почему в апостольском Символе отсутствует «едино крещение»?

Б. Святой Кириан приблизительно за семьдесят лет до Никейского собора созвал провинциальный собор в Карфагенской Африке, где было решено, что церковь может вновь принимать еретиков только после нового крещения; это решение, как я полагаю, было осуждено именно тогда, когда были включены эти слова: «едино крещение».

А. В апостольском Символе говорится: не «воскресение мертвых», а «воскресение плоти». В чем же разница? Будут ли мертвые, когда вокреснут, обладать плотью, руками, ногами и прочими членами человеческого тела?

Б. Пусть ответит тебе на это св. Павел (1 Коринф. 15, 23): *Все оживут, каждый в своем порядке* (in proprio corpore). Далее (ст. 44): *Сеется тело душевное,* т. е., как я полагаю, каким было человеческое тело в момент смерти, *восстанет тело духовное.* Значит, оно меняется, как в стихах 51, 52: *Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг во мгновение ока при последней трубе, ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся.*

А. Но здесь мне представляются две трудности; во-первых, если воскреснуть значит вновь обрести жизнь, каким образом человек обретет жизнь в могиле, если только душа его не вернется в его тело, спустившись ли с неба или какого-то небесного пояса, или поднявшись из преисподней или чистилища?

Б. Неужели же Бог, будучи живым, сотворив человека из земли и сделав его живым, не сможет вернуть его к жизни из праха?

А. В таком случае мне представляется, что человек после воскресения будет обладать двумя разумными душами, а именно: той, благодаря которой он воскресает, и другой, которая после смерти, отделившись от него, переселилась на небо, или в какой-то пояс неба, или в чистилище, или в преисподнюю. Ведь, по всеобщему утверждению, человеческая душа не погибает никогда с момента своего создания и не может прекратить существование даже на самое малейшее мгновение как вещь, существующая в себе.

Б. На это я тебе ничего не скажу, кроме того, что я нахожу сказанным ясно и без всяких двусмысленностей в Писании, которому не противоречит ни один другой текст, ты же, как и почти все остальные, заимствуешь свое положе-

ние о том, что душа человеческая не может погибнуть, у философов, которых я, имея Священное писание, не хотел бы иметь своими учителями [7] И все же, если ты приведешь мне какое-нибудь место из Священного писания, в котором человеческой душе приписывается иное бессмертие, отличное от данного людям под именем жизни вечной, я готов согласиться с философами. Но если ты приведешь те места, где Бог угрожает нечестивцам вечными муками, ты не сможешь вывести отсюда, что души их существовали между днем смерти и Судным днем, а не только после Судного дня. А кроме того, ты не можешь доказать вечность страданий грешников, зная о справедливости Бога, грозящего им вечными мучениями. Ведь хотя тот, кто не являет должного добра, несправедлив, но тот, кто не воздает должного наказания, не несправедлив, а милосерден. Насколько же больше возможностей у Бога в бесконечном милосердии своем, не оскорбляя собственной справедливости, смягчать как длительность, так и суровость заслуженного наказания! Далее Писание говорит (Апок. 20, 14): *И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это вторая смерть.* Значит, нечестивцы воскреснут, как представляется, для второй смерти. Наконец, если душа не то же самое, что и жизнь, но существующая в себе субстанция, отличная от тела, и сущность человеческая, или природа, в соединении с природой божественной суть одно и то же, из этого, по-видимому, должно следовать, что у Христа три природы, что противоречит вере.

А. Хотя из Писания невозможно доказать, что человеческая душа представляет субстанцию, отдельную от тела, однако же, как мне кажется, из Писания невозможно доказать и противоположное.

Б. Так посмотрим, что говорит Писание, как в Ветхом, так и в Новом завете, о природе человеческой души, и как согласуются эти слова. Ведь если предыдущие члены особенно важны для теологов, так и этот член о воскресении к жизни вечной особенно важен для всех христиан, ибо в нем сосредоточена вся надежда и ожидание радости, приходящие на смену страданиям сей жизни. Бог сказал Адаму в раю (Быт. 2, 17), где среди прочих были два особых древа, а именно — древо жизни и древо познания добра и зла: *В тот день, что отведаешь от плода древа познания добра и зла, смертью умрешь.* Дьявол же сказал Еве (Быт. 3, 5): *Не дадут вам отведать от плода древа познания добра и зла, дабы не стали вы как боги.* И оба, и Адам и Ева, из гордыни поверили змию и не поверили Богу, отведали от

запретного плода, поэтому Бог изгнал обоих из рая, дабы не протянули они руки к древу жизни и не обрели жизнь вечную.

А. Теперь я понимаю, что Адам мог бы жить вечно, отведав от плода древа жизни, но он не был сотворен бессмертным в силу своей природы, но мог стать им только благодаря древу жизни, кроме того, наказанием Адаму за нарушение Божественного завета было лишение его бессмертия, с необходимостью последовавшее за потерей того, без чего он не мог жить вечно [8]. Все это, по-моему, совершенно ясно заключено в священном тексте. Но я не понимаю, почему Адам не умер тотчас же, как отведал плод, как грозили ему слова Божии, но жил более девятисот лет.

Б. Бог сказал не просто: «Ты умрешь» (morieris), но «смертию умрешь» (moriendo morieris),— т. е. *умрешь после того, как умрешь,* т. е. *не будешь жить вновь, но навеки останешься мертвым.* Так разъясняет это место Афанасий, и он прав; собственно, это еврейская идиома. Отсюда понятно, что угроза распространяется на потомство Адама, т. е. на человеческий род, отсюда и слова апостола Павла (Рим. 12): *одним человеком грех вошел в мир, и грехом — смерть,* откуда следует, что не только сам Адам, но и все остальные люди нуждались в благодеянии, которое принесла смерть Иисуса Христа для достижения жизни вечной, которую Адам погубил своим грехом.

А. Почему?

Б. Потому что св. Павел говорит (1 Коринф. 15, 22 — 24), и в этом согласуются Ветхий и Новый завет: *Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы в пришествие Его. А затем конец,* и т. д.

А. Пришествие Христа произойдет в Судный день. Следовательно, никто не оживет до Судного дня, но именно в этот самый день. Во всяком случае я полагаю, что Адам должен быть спасен, однако он не обретет жизни до последнего дня. Так в каком же смысле будут говорить, что он жив? Если Адам, благодаря душе, будет жить на небе еще до того, как он получит ее, душа его, если только она — живая субстанция, будет жить в неодушевленном теле, что утверждать весьма сложно. Души же тех людей, которые будут живыми на земле в Судный день, поднимутся к облакам, а оттуда на небо, и души эти будут обладать телом духовным, и будут эти тела одушевлены душами, если только души являются существующими в себе субстанция-

ми. Так в чем же будет разница между двумя этими духовными сущностями: душой и телом?

Б. Во всяком случае для меня это различие необъяснимо, если только не допустить, что вечная жизнь для людей начинается лишь с воскресения и что жизнь и душа есть одно и то же, поскольку в Священном писании они нигде явно не различаются. А разве не указывают всем верующим слова Христа на кресте, обращенные к разбойнику (Лук. 23, 43): *Ныне же будешь со мною в раю,* и слова его к ученикам: *Я есмь древо жизни,* что сей пылающий меч отвращен от врат рая и что принесенная Христом жертва открыла путь к древу жизни, т. е. к жизни вечной. Так зачем же благочестивому человеку считать, что своим бессмертием он обязан не искуплению, а своему сотворению?

А. Но я исхожу из всеобщего согласия людей как в прошлом, так и в настоящем, убежденных в том, что разумная душа бессмертна по своей природе, становясь таковой тотчас же после своего создания, хотя эти люди могут и не знать священного учения.

Б. Впрочем, я не осуждаю тех, кто так думает. Ведь всякий, кому дорога́ собственная душа, стремится не опозорить ее каким-нибудь недостойным поступком в своей жизни. Хотя я и допускаю, что тот, кто твердо верит в искупление своей души кровью Христа, сделавшей ее вечной, меньше заботится об этом же. Не следует соглашаться с тобой и в том, что таково было и есть мнение всех вообще людей. Ведь те, кто в сердце своем говорят: «будем есть, пить, ибо завтра умрем», думают иначе, а их не так мало. А кроме того, мнения людей, которые, не утруждая себя собственными размышлениями, следуют указаниям наставников, строго говоря, не являются их собственными. Следовательно, нельзя говорить, будто так же думают земледельцы, ремесленники и прочие люди, поглощенные заботами повседневной жизни и помышляющие обычно не о природе собственной души, но о богатствах и почестях, а то и об удовлетворении потребностей собственного тела. Получается, что это «согласие всех людей» сводится к согласию одних только философов. Более того, среди философов были саддукеи [9], которые считали, что вообще не существует никаких сотворенных духов, и поэтому не признавали существование какой-либо иной души, кроме той, которая называется жизнью. Даже последователи Аристотеля и Платона, глубоко не исследовав доводов разума, но опираясь лишь на авторитет своих учителей, верили

в это; следовательно, их не нужно причислять к сторонникам этого взгляда. Так что те, кого ты называешь «все люди», сводятся к Платону, Аристотелю и небольшой кучке других философских наставников. Обратим, наконец, внимание и на слова Екклезиаста из конца третьей главы. Вот подстрочный перевод из многоязычной Библии (in Bibliis Poliglossis): *Сказал я в сердце своем о слове сынов Адамовых (для очищения их Бог и для того, чтобы видели, что они сами для себя животное), потому что исход сынов Адамовых и исход животного, и исход один у них. Как умирает одно, так умирает и другое. И дух един у всех. И нет никакого превосходства человека над животным, ибо все суета. Все идущее к одному месту. Все было из праха и все возвращающееся в прах. Кто знающий духи сыновей людских восходящий сам снизу и духи скота, спускающиеся под землю?* Перевод семидесяти толковников [10] ставит вместо «для очищения их» (ad purgandos eos) «различает» (διαχρίνει) и вместо «о слове» (περί λαλίας). Смысл же этих слов следующий: «Я сказал о том, что люди говорят, будто Бог создает сущностное различие между жизнью человека и скота, хотя конец человека и скота один и тот же, но человек по своей сущности превосходит скотину, что и доказывается тем, что человеческая душа вознесется, душа же животного снизойдет». Но тот же Екклезиаст в той же книге неоднократно говорит о последнем Суде, что является очень страшным аргументом против упоминаемого тобой общечеловеческого согласия. А кроме того, уж не посетуй на мою навязчивость и приведи доказательство из Аристотеля или Платона или какого-нибудь другого философа, с помощью которого они, исходя из естественных принципов, столь же ясно делают вывод о естественном бессмертии души, сколь ясно я доказал, исходя из Священного писания, что избранные обретут жизнь вечную, дарованную им Христом, и я оставлю тебя в покое. Душа, говорят они, мыслит, помнит, рассуждает. Ну а если я скажу, напротив, что и животное само мыслит и помнит, как они опровергнут это? Ведь рассуждать есть не что иное, как придавать имена вещам, связывать слова в речения и соединять речения в силлогизмы, это и есть диалектика. Каким же образом Адам в раю окажется более разумным, чем прочие животные еще до того, как он дал им имена? Ведь это возможно лишь потенциально. Поэтому мне кажется, что люди субстанциально не отличаются от скота на том основании, что первые рассуждают, а вторые не рассуждают. Пусть другие ожидают для себя такого бессмертия,

какого им хочется. Я же жду того, которое Христос, победив смерть, приобрел своею кровию для нас.

А. Что ты думаешь о слове «Богородица», которым многие называют Святую Деву?

Б. О женщине, как мне представляется, с полным правом можно сказать: *родила* то, что она произвела родами. Но Она произвела на свет Христа, Бога и Человека, ибо восприятие человеческой природы произошло во чреве. Следовательно, Она породила (peperit) Бога и Человека. Родила же (genuit) только Человека, без семени мужа, а силу этого семени восполнил Бог.

А. Но здесь возникает новое затруднение: а именно каким образом Сын Марии, т. е. плоть Христа, не является плодом Божественной субстанции.

Б. Но ведь и плоть человека, рожденного от человека, тоже не является плодом субстанции своего родителя, если только ты не думаешь, что то, что рождается, происходит из семени как из материи. Только кровь женщины является материей плода, возрастающей до зрелости благодаря ежедневному питанию и приводящей к рождению. Семя во чреве есть действующая причина рождения плода, а не материя плода, следовательно, если ты веришь, что женщина может сделаться беременною силой мужского семени, почему сомневаешься ты, что то же самое может произойти силою Всемогущего Господа.

А. А не приведут ли эти твои аргументы о том, что Божественная субстанция равным образом присутствует в любой плоти, к доказательству того, что и все остальные люди, подобно Христу, обладают и той, и другой природой, и человеческой, и Божественной?

Б. Ни в коем случае. Ведь, хотя Бог и безгранично всемогущ, совершая повсеместно все, что Он хочет, со всякой тварью, однако Он не повсюду творит все, что может. При порождении человека человеком Он изначально пожелал создать человека, который не может делать все, что хочет, но при рождении Человека сверхъестественным образом, через Святого Духа, Он от века пожелал сотворить человека, который мог бы делать все, что бы захотел, т. е. Человека и Бога. Здесь не место задаваться вопросом, каким образом, ведь не только христиане, но и все народы, верящие в Бога, верят в Его всемогущество и не стремятся узнать, каким образом Он порождает того, кого Он породил, как они говорят.

А. До сих пор ты толковал учение Никейского Символа так, что, как мне представляется, не только не поколебал

христианской веры, а скорее укрепил ее, но по-своему. Ну а теперь объясни, что представляет собой то, что греки называют ипостасью.

Б. Когда ты рассматриваешь нечто, что ты называешь белым, то это имя ты прилагаешь к субстанции или некоему телу, например мрамору, хотя твой взгляд не может проникнуть в субстанцию мрамора или какой-либо иной сущности. Следовательно, «белое» есть имя тела, существующего само по себе, а не наименование цвета, и дано оно благодаря некоему определенному проявлению, или, как говорят греки, ἔμφασιν, или φάντασμα, что, впрочем, как кажется, есть нéчто. На самом же деле — ничтó; мы достаточно понимаем, что это проявление не может существовать без какой-то причины или основания, а именно: белое не может существовать, если в действительности у этого проявления не существовала бы некая субстанция, которая была бы его причиной, или, как говорят логики, его субъектом. Этот субъект греки называют τὸ ὄν, ὑφιστάμενον либо ὑποστὰν и ὑπóστασις, латиняне — *субъектом, подлежащим, субстанцией, базисом* и *основанием*. Сказанное же мною о визуальном познании нужно понимать как сказанное также и о прочих чувствах. Следовательно, ипостась противополагается *фантому*, как причина — результату, разумеется, относительно. Подобным образом, если бы существовали три относительных понятия, например, отец, сын и внук, сын, будучи одним реальным существом, в силу различных отношений имел бы два имени: одно имя — «отец», поскольку он родил, другое — «сын», поскольку он рожден. Следовательно, «сын» как средний термин, являясь только одним существом (ens), обладает двумя именами, которые, как говорят, ему приданы (imposita). Само же «существо» (ens) есть *подлежащее* (suppositum) двух имен, или ὑφιστάμενον ипостась, и является основанием отношения. Таким образом, ипостась может быть отнесена не только к *фантому*, но и к имени.

А. В чем же различие между ὑφιστάμενον, ὑποστάν и ὑπóστασιν?

Б. Между двумя первыми нет никакого иного различия, кроме того, что первое обозначает «существующее» (subsistens), а второе — «существующее в данный момент» (nuns subsistens). Вместо них греки пользуются по большей части словом «ипостась», а латиняне словом «субстанция» (substantia) или «сущность» (essentia), которые, как явствует из Петра Ломбардского [11], латинские отцы церкви не различают друг от друга.

А. Как употребляется слово «ипостась» в Новом завете?

Б. Точно так же, как и у других писателей. Так, в Послании к евреям (1, 3) Христос называется «образ ипостаси Бога». Ведь ипостась здесь противопоставляется образу (character), т. е. субстанция — образу этой субстанции, в этом же месте говорится: «сияние божественной славы», или, что то же самое, «светоч от светлого» (lumen de lucido), ибо свет (lucidum) есть субстанция или субъект светоча. Далее (Евр. 11, 1), вера называется *осуществлением ожидаемого,* т. е. (поскольку это выражение метафорическое) вера есть основание надежды. В-третьих (2 Коринф. 9, 4), апостол Павел, говоря перед македонянами о возвещенном благословении коринфян, называет это обещание *ипостасью своей похвальбы*, т. е. ее основанием.

А. Что означает «сущность» (essentia)?

Б. Как я уже сказал, отцы церкви не различают *сущность* и *субстанцию.*

А. Так что же такое «субстанция»?

Б. То же самое, что «сущее» (ens), т. е. все, что истинно существует в отличие от фантома и имени.

А. Так зачем же нужно было грекам и латинянам от достаточно известных и понятных имен образовывать имена неясные, эквивалентов которым нельзя найти в еврейском языке, да и ни в одном другом языке они не являются необходимыми?

Б. Когда образуются имена, от того или иного слова: от ὄν — οὐσία; от ὑφιστάμενον — ὑπόστασις; от *сущего* (ens) — «сущность» (essentia); от *находящегося под* (substans) — «субстанция»; от *белого* (album) — «белизна» (albedo), такое образование философы называют абстракцией, поэтому имя ὄν есть *конкретное имя*, οὐσία — *абстрактное имя.* «Сущее» — *конкретное*, «сущность» — *абстрактное*, «белое» — *конкретное*, «белизна» — *абстрактное.* Иногда же вместо абстрактного имени пользуются инфинитивом, например вместо οὐσία греки говорят τὸ εἶναι, латиняне вместо сущности (essentia) — бытие (esse), греки вместо λευκότης —τὸ εἶναι λευκὸν или даже τό λευκὸν, относя артикль τὸ не к слову λευκὸν, а к подразумеваемому ὄνομα [12]. Точно так же латиняне от конкретного «живущий» (vivens) делают абстрактным не только «жизнь» (vita), но и «жить» (vivere). Все эти слова могут быть названы абстрактными, и это вполне разумно. Ведь когда дают действительно существующей вещи различные имена в зависимости от различных ее проявлений, называя одну и ту же вещь *большой, цвет-*

ной, твердой, тяжелой, обращают внимание или на то, что́ обладает такой-то величиной,— это взгляд геометров, или на то, что она *цветная*, либо *твердая*, либо *тяжелая*,— это взгляд физиков, поэтому для того, чтобы отличать фантом (phantasma), причину которого они видят в конкретном, от всех прочих образов той же вещи, с помощью неких производных имен обозначая вещь, говорят уже: не *большая, цветная, твердая, тяжелая*, а *величина, цвет, твердость, тяжесть* [вещи]. Эта словесная абстракция, будучи не чем иным, как рассмотрением образа или имени отдельно от всех других сторон и наименований того же конкретного, во многом необходима для исследования причин. Если ты правильно поймешь этот принцип, то поймешь также и то, что невозможно существование сущности какого бы то ни было существа отдельно от самого этого существа, а именно чтобы белое находилось отдельно от белизны, или белизна — там, где нет белого, или человек — где нет человеческого, и что ложно утверждение Аристотеля о *существовании некоторых сущностей отдельно от тех вещей, сущностями которых они являются*, и поэтому душа, по его словам, или не является сущностью животного, или перестает существовать со смертью животного; и что, следовательно, Аристотель заблуждался, не проводя различия между отдельными вещами и отдельными аспектами (considerationes) одной и той же вещи.

А. Я понимаю, что абстрактные слова весьма необходимы для исследования причин кажущихся вещей, существующих только в нашем воображении, но само по себе имя *сущность* (essentia) не было дано как результат нашего зрительного образа (popter phantasma nostrum), подобно *величине, цвету* и т. д., которые имеют причину в пяти органах чувств, ибо, как я сказал выше, не сама субстанция, или само сущее (ens), но лишь ее проявление является нам и называется фантомом, сущность же *сущего* сама по себе (simpliciter) не есть фантом. Так что же такое «сущность», или «быть», употребляемое как имя? Имя какой же вещи?

Б. Сущность сущего *конкретна* (in concreto), например сущее «белый» есть имя самого «белого», но рассматриваемое только как «белое». На том же основании *сущность* сущего сама по себе (simpliciter) есть имя сущего, но рассматриваемого только как сущее, и в целом абстрактные имена суть имена конкретных [вещей], рассматриваемых отдельно от прочих наименований того же конкретного. «Белое», например, есть *белое существо*, если же в *белом*

существе мы будем рассматривать *белое* отдельно от *сущего*, то вместо «белое» скажем для большей понятности «белизна» либо «быть белым».

А. Значит, когда вместо «сущее» мы говорим просто «сущность», то «сущее» и «сущность» будут синонимами и соответственно слово «сущность» оказывается излишним.

Б. Мало того, оно несовместимо и с истиной веры, как свидетельствует Иоанн Дамаскин в 11-й главе «Изложения веры» [13]. Сказав «слово стало человеком», он добавляет: «но мы никогда не слышали, чтобы воплотилась или вочеловечилась Божественность». Следовательно, очевидно, что в *сущем* самом по себе различаются *сущее* и *сущность*, и значительно сильнее, чем в конкретных [именах].

А. Зачем нужно было учителям утверждать, что, если бы «сущее» и «сущность» в Боге не были едины, Божественная субстанция была бы сложной (composita)?

Б. Потому что определение, являющееся разъяснением определенной сущности, обычно называется философами «самой сущностью». Например, если определение человека есть «разумное животное», то *сущностью* они называют разумное животное и говорят, что оно складывается из *животного* и *разумного,* составляющих его части, не проводя различия между определением человека, каковым является речь, частями которой будут имена «животное» и «разумное», и самим человеком, частями которого являются голова, грудь и прочее. Но поскольку трудно назвать *конкретно* (in concreto) разумное животное «сущностью», некоторые пытаются смягчить это выражение, говоря, что сущностью человека является не разумное животное, а разумная душа и что она есть субстанция, существующая отдельно от человеческого тела. Таким образом, они делают сущностью часть самого человека, интегрирующую и в то же время сущностную.

А. О эти великолепные миражи пустой философии! Но скажи, что, собственно, в действительности означает «лицо» (persona)?

Б. Это латинское слово, означающее любую единичную вещь, действующую либо по своей, либо по чужой воле. Так, Цицерон (Об ораторе II 102) говорит: «Я один беру на себя три лица (personae) — собственное, судьи и противника». Что это означает, если не то, что сам Цицерон берет на себя роль собственную, судьи и противника? Ну а что находим мы в англиканском катехизисе, где служитель

спрашивает: *Что ты прежде всего узнаешь из членов* (articulis) *твоей веры?*, а вступающий (оглашенный) отвечает: *Прежде всего веру в Бога-Отца, который создал меня и весь мир, во-вторых, веру в Сына Его, Иисуса Христа, принесшего искупление мне и всему роду человеческому, в-третьих, веру в Святой Дух, освятивший меня и весь избранный народ Божий.* Но это и есть утверждение, что Бог в собственном лице создал все, в лице своего Сына искупил род человеческий, в лице Святого Духа освятил церковь. Можно ли сказать о ликах Божества яснее и в более точном соответствии с верой? Если же вместо слова «лицо» мы станем вместе с греческими отцами церкви употреблять слово «ипостась», то, поскольку «ипостась» и «субстанция» означают одно и то же, мы создадим вместо трех лиц три Божественные субстанции, т. е. трех богов. Беллармин и чуть ли не все другие ученые определяют «лицо» как «первую мыслящую субстанцию», т. е. неделимую субстанцию, т. е. единственную, но мыслящую, такую, как Бог, Христос, Святой Дух, Гавриил, Петр. А что такое эти три первые субстанции, Отец, Сын и Святой Дух, если не три Божественные субстанции? Но это противоречит вере. Беллармин не понял смысл латинского слова «лицо». Если бы это слово обозначало первую субстанцию, разве греческое πρόσωπον не обозначало бы то же самое? Но это неправильно, ибо оно обозначает, собственно, лицо человека, как естественное, так и искусственное, т. е. маску, а также представительное лицо и употребляется не только в театре, но и в суде, и в церкви. А что такое представительное лицо, если не образ или отпечаток представляемого? Именно в этом смысле св. Павел называет нашего Спасителя (Евр. 1, 3) *образом* (character) Божественной субстанции.

А. А что означает в Священном писании слово πρόσωπον?

Б. Собственно, ничего, кроме лица. Как *синекдоха* [14] иногда употребляется вместо самого человека, например в слове προσωπολημψία. Но в Символе веры нет ни малейшего упоминания ни лица, ни ипостаси, ни Троицы, хотя в греческом тексте Символа Афанасия встречается ипостась. А церковь принимает Символ Афанасия, но без слова «ипостась», только в качестве парафразы Никейского Символа. Ведь ни Символ, ни какой-либо член веры не может быть установлен только в силу авторитета отдельных учителей, даже всей церковью, если они не согласуются с толкованием Священного писания.

А. Почему же древние отцы церкви и многие другие новейшие учители пользовались этими словами?

Б. Потому что не могли быть истолкованы иначе слова Священного писания, а именно (Матф. 28, 19): *Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа,* и слова св. Иоанна (1 Иоан. 5, 7): *Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Сын и Святой Дух,* и другие подобные места, говорящие о Божественности Христа.

А. Но почему вообще необходимо было объяснять то, что, как они сами знали, непознаваемо, т. е. необъяснимо?

Б. Отцы церкви как до, так и после Никейского собора заявляли, что воплощение Бога-Сына непознаваемо, но, рассуждая об этом, они оправдывались тем, что их побуждают к этому еретики. Так, Епифаний в начале седьмой книги «О Троице»: «Для верующих были достаточны слова Бога: *Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа* и т. д., но пороки еретиков и богохульников побуждают нас говорить о недозволенном, произносить невыразимое и впадать в порок, противоположный чужому». Так же и Беллармин в первой книге «О Христе»: «Наши учители ведут философские рассуждения не с тем, чтобы показать Троицу, но чтобы разрешать софизмы философов», и Петр Ломбардский в 1-й книге «Различения» (23) приводит слова из седьмой книги «О Троице» Божественного Августина: «Греки понимают субстанцию иначе, чем латиняне. Латиняне говорят: *единая сущность, или субстанция, три лица,* потому что в нашем языке, т. е. в латинском, сущность может пониматься только как субстанция. И чтобы это было понятным по крайней мере приближенно, они считали нужным на вопрос загадки, когда спрашивается, что такое *три,* называть какой-то предмет; значит, когда спрашивают, что есть *три* или *трое,* мы стараемся найти некое имя, разъясняющее это *три,* но мы не находим такое [в данном случае], ибо Божественность далеко превосходит возможности нашей привычной речи».

А. Епифаний не прав в своих оправданиях. Никого нельзя заставить примером чужого порока совершать недозволенное, если только не применять насилие или угрозы. Неверно и утверждение Беллармина о том, что его учители прибегают к философским рассуждениям не с тем, чтобы показать Троицу, а чтобы разрешать философские софизмы. Ведь эти теологи, излагавшие Никейский Символ, пользуются дефинициями, заимствованными из логики и метафизики Аристотеля, тогда как Святую Трои-

цу они должны были бы толковать исходя только из Священного писания. Удивляюсь я и тому, что никейские отцы, среди которых было так много философов, не внесли в сам Символ термины этой науки, которыми они пользовались, однако, в своих толкованиях.

Б. Это мне не кажется удивительным, поскольку я знаю, как мало на вселенских соборах людей, способных произносить смелые речи и вступать в споры. Поэтому остальные участники собора, которые одобряли лишь аргументы, заимствованные из Священного писания, превосходя численно латиников, своими голосами легко победили их, не допустив в Символ ничего, кроме того, что явно исходило из Священного писания.

А. Что такое «тело», что такое «бестелесное» и «дух»?

Б. Эти имена настолько известны и понятны всем образованным людям, что я не знаю, удостоил ли какой-нибудь теолог или философ их определения путем дефиниции. А вот когда ты произносишь или слышишь имя «тело», какая идея возникает в твоем уме?

А. Под словом «тело» я понимаю то, о чем можно истинно сказать, что оно действительно существует в самом себе и обладает также некоей величиной, подчеркиваю, обладает величиной, но не есть сама величина, однако я помню, что в свое время считал телом только то, что воспринимается мною путем осязания или зрения. Поэтому я считал телом и образ тела, отраженный в зеркале или являющийся во сне или в темноте, хотя мне и казалось это удивительным. Когда же позднее я увидел, что эти образы исчезают и существование их зависит не от них самих, но от одушевленной природы, они мне уже более не казались реальными, но представлялись фантомами и результатом воздействия вещей на органы чувств, а следовательно, *бестелесными.* О духах же я судил на основании сравнения с воздухом, который является духом, и с ветром, который я мог ощущать осязанием. Поэтому я считаю, что дух все же есть тело, но тонкое и что один дух может быть тоньше и чище другого, а кроме того, отличаться от другого свойствами (virtute), подобно жидкостям, которые, будучи равно прозрачными, очень сильно отличаются друг от друга своими свойствами. Но я не мог понять, что такое «средняя природа» между телом и духом или между духом и фантомом, т. е. между духом и ничем. Поэтому следует поискать, встречаются ли в Священном писании «бестелесная субстанция», или «нематериальная субстанция», или «отдельные сущности».

Б. Эти выражения не встречаются в Священном писании. Впрочем, в первом из тридцати девяти членов веры, опубликованных англиканской церковью в 1562 году, ясно говорится, что «Бог не имеет ни тела, ни частей». Таким образом, это отрицать невозможно. Да и отрицающим грозит отречение.

А. Но этого никто ведь и не станет отрицать. Однако в двадцать восьмом члене говорится, что церковь не может принудить верить чему-либо, что не может быть выведено из Священного писания. Если бы это было сделано! Ведь я еще не знаю, в каком смысле то, что не является телом, может быть названо большим или очень большим. Скажи мне, в чем же разница между «быть рожденным» (gigni) и «происходить» (procedere)?

Б. Посмотри у Матфея (1, 20), где ангел говорит Иосифу: *не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от Духа Святаго.*

А. Но я не знаю, означает ли это выражение «от Духа Святаго» *рожденный от Святого Духа* или *происходящий от Святого Духа?*

Б. Это место из Матфея есть часть Евангелия, читаемая на праздник Обрезания, когда на литургии, установленной при Эдуарде VI [15], читают: «То, что рождено в ней, происходит от Духа Святого», и переводится нашей церковью, как если было бы написано «приходит от Святого Духа». Таким образом, ты видишь, как толкует это место англиканская церковь, и, по-моему, правильно.

А. Но если говорится, что Святой Дух происходит от Сына, как мы это встречаем в Символе, и Сын, как в данном тексте, происходит от Святого Духа, и если о том и о другом говорится «рожден» (genitus), то «рождаться» и «происходить», по-видимому, вообще не отличаются друг от друга. Тогда для чего же различает эти слова римская церковь?

Б. Не знаю. Но ты ведь знаешь, что в свое время Сфинкс наводила на народ страх своей загадкой [16].

А. Какое же различие устанавливают для этих слов отцы церкви?

Б. Насколько мне известно, никакого. Кирилл говорил: «Сын так относится к Духу Святому, как Отец к Сыну».

А. Значит, Кирилл [17] считает, что Сын породил Святой Дух. И таким образом, «рождаться» и «происходить» опять-таки означают одно и то же. Для меня же достаточно ясно, что Сын Божий рожден Богом, который включает всю Троицу. Однако мне кажется, что спасение людей не зависит от такого рода тонкостей. В неизбежном спасении того,

кто верует в Иисуса Христа и раскаивается в своих прегрешениях, не сомневается никто, даже если он не теолог. И я не отступаю от учения Никейского Символа, который несомненнейшим образом вытекает из Священного писания, и признаю, что, по моему разумению, трое (Отец, Сын и Святой Дух) суть единый Бог, существующий в трех лицах, понимая слово *лицо* в его истинном и собственном значении, как обозначение того, кто исполняет роль собственную или роль другого. Но если брать слово «лицо» просто в качестве единичной мыслящей субстанции, подобно тому как употребляются слова «Петр», «Павел», «Иоанн», или, что то же самое, в качестве ипостаси, то я не могу понять, каким образом Отец, Сын и Святой Дух не являются тремя индивидуальными субстанциями, т. е. тремя богами, и не знаю, как это можно подтвердить Священным писанием, где не различаются в отношении к Богу ни *ипостаси*, ни *лица*. Там говорится только, что на небесах свидетельствуют трое, а именно: Отец, Сын и Святой Дух, и что эти трое составляют одно. То же, что говорят в частных своих толкованиях веры отцы церкви, за пределами текстов Священного писания, ни к чему не обязывает христиан, каждый из которых должен искать собственное спасение в Священном писании не за чужой, а за свой риск. Перехожу теперь к другим вопросам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ЕРЕСИ

А. Что такое «ересь»?

Б. Греческое слово, обозначающее учение какой-нибудь секты.

А. А что такое «секта»?

Б. Секта — это группа людей, следующих в науке одному учителю, избранному ими по собственному усмотрению. Секта называется так от глагола «следовать» (sequi), ересь же — от глагола «выбирать» (eligere). Лукиан, человек вообще-то богохульный, но хороший греческий писатель [18], назвал свою книгу о выборе учителя «Περὶ αἱρέσεως».

А. Какие существовали секты и кто в них состоял?

Б. Философы. Были секты Платона, Аристотеля, Зенона, Эпикура и др. Они назывались академики, перипатетики, стоики, эпикурейцы. Это были главные секты греческих философов или тех, которые хотели выглядеть философами. Самих глав этих сект: Платона, Аристотеля, Зенона,

Эпикура — я считаю действительно философами (по меркам язычников), т. е. теми, кто стремится к истине и добродетели и чьи имена по заслугам прославились по всему свету благодаря их мудрости. О последователях же этих философов я вообще не считаю нужным упоминать, ибо они ничего не знали, кроме слов своих наставников, не знали ни принципов, ни способов доказательств, на которых базировалось их учение, и в своей жизни не сделали ничего для философии, а лишь расхаживали с мрачным видом, небритые и одетые в рваный плащ. Это были люди жадные, заносчивые, вздорные, чуждые гражданских чувств.

А. Разве для определения ереси совершенно не имеют никакого значения слова, опущенные тобой,— «истина» и «заблуждение», одно из которых по необходимости присуще всякому учению?

Б. Совершенно никакого. Ведь ересь обозначает только высказанное суждение, правильно ли оно или ложно, законно ли оно или противоречит закону.

А. Следовательно, получается, что если бы люди называли друг друга еретиками, то это не было бы бранью.

Б. Эти философские секты в Греции называли друг друга не еретиками, а негодяями, проклятыми, ворами, убийцами и другими словами, которые употребляют люди низкого сословия, когда в своем гневе распаляются чуть не до драки. Когда же ереси появились и в церкви, то самым бранным выражением стало «еретик».

А. А были ли какие-нибудь ереси кроме тех, которые существовали среди греческих философов?

Б. Из Нового завета совершенно ясно, что и в Иудее были секты фарисеев, саддукеев, ессеев [19], называвшиеся ересями. Точно так же грецизм (graecismus) [20], иудаизм, христианство считались в то время ересями. Точно так же ересь рассматривается как преступление (Гал. 5,20) и обозначает (Гал. 1, 8) учение, противоречащее учению самого св. Павла, т. е. противоречащее Христову Евангелию: *Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что благовествовали вам, да будет анафема.*

А. А что такое «анафема»?

Б. Ἀνάθημα (через η) означает любую вещь, отданную по обету либо изъятую из общего употребления, но ἀνάθεμα (через ε) иногда означает лицо, отданное подземным Богам.

А. Каким же образом может быть отдан подземным Богам ангел?

Б. Конечно, он не может быть сожжен или убит, но может считаться *неангелом*, лишь призраком, и стать проклятым и обманщиком, т. е., говоря словами Священного писания, быть преданым сатане.

А. В чем же была причина возникновения ереси в ранней церкви, если у них было правилом веры писаное Евангелие?

Б. Заносчивость и самомнение философов, которые жили во времена апостолов и о которых я упомянул выше. Они были способны рассуждать тоньше, чем прочие люди, и более убедительно. Обращаясь в христианство, они почти неизбежно оказывались избранными в пресвитеры и епископы, дабы защищать и распространять веру. Но и ставши христианами, они, насколько возможно, сохраняли учение своих языческих наставников и поэтому старались толковать Священное писание, желая сохранить единство своей философии и христианской веры.

А. Ты достаточно ясно объяснил, что представляла собой ересь в философии, но я пока не понимаю, что называлось ересью в церкви.

Б. В ранней церкви, вплоть до Никейского собора, большинство догматов, вызывавших споры среди христиан, касалось учения о Троице, таинство которой, хотя и признававшееся всеми непознаваемыми, многие философы пытались объяснить каждый по-своему, опираясь на учение своих наставников. Отсюда сначала возникали споры, потом перебранка и наконец, чтобы избежать возмущения и восстановить мир, были созваны соборы, причем не по указанию правителей, а по добровольному желанию епископов и пастырей. Это стало возможным тогда, когда прекратились преследования [христиан]. На этих соборах определили, как должен решаться вопрос о вере в спорных случаях. То, что принималось собором, считалось католической верой, то, что осуждалось,— ересью. Ведь собор по отношению к епископу или пастырю был католической церковью, т. е. всеобъемлющей, или всеобщей, как и вообще их мнение (opinio); отдельное же мнение любого священника считалось ересью. Именно отсюда, насколько мне известно из истории, происходит название католической церкви, и во всякой церкви *католик* и *еретик* являются именами соотносительными.

А. Если католическая церковь не означает ничего иного, то в христианском мире много католических церквей.

Б. Столько же католических церквей, сколько глав у церквей. Глав же столько, сколько христианских коро-

левств и республик, ибо в каждой христианской области правитель этой области является главой своих подданных и не зависит ни от кого другого на земле, так что, сколько мы видим церквей, столько же глав церквей, а поскольку избранные Богом рассеяны по всему миру, имея своим главой самого Иисуса Христа на небесах, эта церковь и называется, и является истинной, наивсеобщей (catholicissima) и единственной церковью, и она же есть та, верить в которую мы обязуемся в Символе. Ибо нет и не может быть никакой иной католической церкви, если только понимать слово католическая как «охватывающая вместе всех вообще христиан». А в христианских государствах народ и церковь составляют одно и то же. Поэтому, если кому-нибудь на земле было бы дано стать главою всей христианской церкви, то ему же было бы дано и стать царем над всеми царствами и республиками.

А. Какие же именно догматы были объявлены первыми церквами *ересью*?

Б. Среди многих других первое место занимали относящиеся к учению о Троице, заключенные в Никейском Символе. Этот Символ начал создаваться на Никейском эйкуменическом соборе, а был завершен в ходе следующих трех эйкуменических соборов, а именно: Константинопольского, Эфесского, Халкидонского [21],— и утвержден римскими императорами того времени, созывавшими эти соборы. Причиной созыва Никейского собора была деятельность Ария [22], пресвитера Александрии, который в ответ на слова епископа этого города Александра о том, что Сын Божий является единосущным Отцу (ὁμοούσιον), т. е. *обладающим той же субстанцией*, что и Отец, не согласился с ним, а когда спор, проходивший в присутствии многих пресвитеров, стал разгораться, Арий заявил, что он не признает божественности Иисуса Христа, что привело вскоре к восстанию в городе Александрии и к вооруженным столкновениям. Желая сохранить мир, император Константин Великий созвал Никейский собор, на котором был установлен текст Символа вплоть до слов: «Верую в Духа Святаго». И были осуждены слова Ария, а сам он вместе со своими сторонниками был отлучен и изгнан из церкви, хотя благодаря нескольким последующим императорам-арианам эта ересь не могла быть искоренена. Спустя пятьдесят лет был проведен другой вселенский собор в Константинополе, на котором была осуждена ересь Македония, отрицавшего Божественность Святого Духа. Спустя еще пятьдесят лет на вселенском соборе в Эфесе было осуждено учение Не-

стория [23], отрицавшего, подобно Арию, Божественность Христа. Наконец, на Халкедонском вселенском соборе была осуждена ересь Евтихета и Диоскора, не признававших единство двух природ, божественной и человеческой, в Христе. Таким образом был, наконец, завершен Символ, называемый Никейским, и одновременно с названными выше ересями были осуждены и другие, близкие к ним.

А. После осуждения этих ересей возникали ли потом какие-нибудь новые?

Б. И очень много, даже и не знаю, сколько. Ведь после того как римская церковь своими декретами присвоила себе право утверждать, что она не может заблуждаться относительно членов веры, и император Фока [24] предоставил папе первенство надо всеми епископами, а сила императорской власти в Италии стала ослабевать и христианских владык охватил страх перед сарацинами, папа, уже ранее значительно укрепивший свое положение благодаря своим богатствам и могуществу, стал собственным авторитетом собирать вселенские соборы, пренебрегая авторитетом императоров и италийских феодалов, а некоторых из этих королей и императоров он осмелился даже отлучить от церкви. И вот с течением времени все учения, в которых видели помеху усилению церковного могущества, способную в чем-то умалить его, осуждались как ереси. В результате возникли те многочисленные ереси, из-за которых, по выходе в свет сочинения Лютера [25], было сожжено столько христиан, и у нас в Англии, и в других местах. Пока, наконец, пробудившиеся правители этих стран не освободили их от столь страшных преследований и от римского рабства.

А. А римская церковь считала христианами или язычниками тех лютеран, анабаптистов и других, кого она предала сожжению?

Б. Без сомнения, считала их христианами. И не только ариан и всех тех, кого осудил Никейский собор. И называли их не иначе, как еретиками. Ведь хотя они из философских соображений придерживались иного, чем подобало, мнения о природе Спасителя и о Святой Троице, вступая в противоречие со Священным Писанием, тем не менее они признавали Христа истинным Мессией и Сыном Божиим и обращались к имени его.

А. Если это так, то Римская церковь, как мне кажется, во всяком случае не имеет права жаловаться на преследования со стороны римских императоров. Ведь христиане того

времени представляли собой некие секты и относились к установленной в Римской империи религии точно так же, как относится сегодня ересь к католической церкви. И порой христиане испытывают от христиан бóльшие мучения, чем от неверных.

Б. И мне так кажется. Однако же во всех королевствах и республиках, безусловно, необходимо принять меры, дабы предотвратить восстания и гражданские войны. Поскольку такие войны очень часто рождаются из-за расхождения в догматах и из-за соперничества умов, следует каким-то образом наказывать тех, кто на собраниях и в книгах проповедует то, что запрещено законами государя и республик. Так, королева Англии Елизавета, сменившая на троне свою сестру Марию [26], при которой было сожжено множество еретиков (и даже самой Елизавете грозила опасность), взойдя на престол, прежде всего, с согласия знати и народа, отняла у чужеземных властей право управления англиканской церковью и главенство над ней, принадлежащее на основании естественного права всем монархам в их собственных владениях. И специальным рескриптом, скрепленным большой печатью Англии, поручила управление церковью своим епископам и небольшому числу личных советников, подчиняющихся ей. В этом рескрипте было указано, что никакое учение не может быть объявлено еретическим, если оно не было признано таковым на одном из четырех первых упомянутых мною вселенских соборов. Таким образом, что касается ересей, то положение англиканской церкви было аналогично положению римской церкви при Константине Великом и оставалось таким до семнадцатого года правления Карла Первого, который, уступая просьбам своих подданных, оказавшихся не в состоянии выносить чрезмерное могущество епископов, отменил указ Елизаветы, оставив за епископами только обычную власть, а именно установление канонов, которые при согласии короля становились бы церковными законами.

А. Следовательно, положение англиканской церкви, каким мы видим его в настоящее время, с точки зрения чистоты учения равнялось положению церкви в эпоху Константина, а в отношении справедливости церковных законов даже превосходило его. Ведь, по-видимому, несправедливо, чтобы человек, чья вера избрана им на свой страх и риск, подвергался бы наказанию на том основании, что она ошибочна. И тем более со стороны тех людей, для которых чужое заблуждение не представляет опасности.

Б. Ошибаться, заблуждаться, обманываться — по своей природе не есть преступление, и не может стать преступлением заблуждение, пока оно остается лишь в мыслях. Ибо перед каким судьей можно обвинить его, какими свидетелями изобличить, а значит, как же его судить? Слова же могут быть преступлениями и подлежать любому установленному законодателем наказанию, и это не будет несправедливым даже в случае смертной казни. Если хула на короля может быть наказуема смертью, то тем более хула, возводимая на Бога. Справедливость, однако же, требует, чтобы в таком законе было ясно определено, что именно является преступлением, которое осуждается таким образом, а кроме того, какое следует за него наказание, с той целью чтобы ожидаемое наказание удерживало бы злодея от злодеяния. Ведь целью налагаемого законом наказания является не удовлетворение чувства гнева против какого-то человека, но предупреждение, насколько возможно, несправедливости, что служит на пользу всему роду человеческому, и несправедлив тот закон, который поражает раньше, чем предупреждает. И хотя высшие власти обладают произвольным правом создавать законы, они не могут произвольно налагать наказание, не предусмотренное законами заранее. Кроме того, даже противозаконное деяние не может быть по справедливости наказано и объявлено преступлением, если не был заранее опубликован и распространен соответствующий закон, так, чтобы была снята всякая правдоподобная ссылка на незнание законов.

А. А разве не является преступлением и не может подвергнуться наказанию то, что совершено вопреки естественному закону, даже если в законе не упоминается никакая мера наказания?

Б. Естественный закон является вечным, божественным и запечатлен только в сердцах наших. Но мало таких людей, которые могут заглянуть в собственное сердце и способны читать, что в нем записано. Поэтому, что следует делать, и чего следует избегать, они узнают из писаных законов, и они делают что-то или избегают чего-то в зависимости от того, насколько это кажется им полезным или опасным в зависимости от предусмотренных законом наказаний. Кроме того, если что-то делается вопреки естественному закону, это обычно называют не преступлением, а прегрешением, и полагают, что если покаяться в этом, то сразу же последует прощение, если только этот поступок не повлечет за собой какого-нибудь ущерба для государства

или ближнего. И считают, что при этом не следует наказывать за что-то, кроме нанесенного ущерба, ибо одному только Богу дано наказывать зло. Ведь если один грешник станет наказывать другого грешника только за его прегрешение, уже после того, как последовало наказание по закону, это будет чем-то вроде гражданской войны.

А. Ну, а если это окажется какой-нибудь атеист и не будет закона, предписывающего меру наказания, значит, он не будет наказан?

Б. Конечно, будет наказан, и очень строго. Но прежде он должен быть обвинен, выслушан и осужден. А обвинять можно только за слова и дела. Так за какие же дела будет обвинен атеизм? Слышал ли ты когда-нибудь о столь преступном и столь нечестивом поступке, подобного которому не совершили бы хоть раз не только те, кто не считаются атеистами, но, наоборот, являются истыми христианами? Значит, атеиста нельзя судить по делам его, его можно судить лишь по каким-то его словам, произнесенным вслух или написанным, и никак иначе, т. е. если он прямо отрицал существование Бога.

А. А разве не будет назван атеистом тот, кто скажет или напишет то, из чего неизбежно следует, что Бога не существует?

Б. Конечно, но только если он сам, когда писал или говорил это, понимал неизбежность подобного вывода. Ведь если сказано или сделано что-то, запрещенное законом, а посему наказуемое, это должно быть определено таким образом, чтобы все, на кого должен распространяться этот закон, знали бы, что в соответствии с определением закона такое-то и такое-то деяние либо те или иные слова, упомянутые в самом законе, будут наказаны. Ведь о последствиях наших слов судить очень трудно. Поэтому, если обвиняемый из-за неумения правильно мыслить сказал нечто, противоречащее букве закона, не причинив при этом никому никакого ущерба, он должен быть оправдан своим неведением. Судья же, который из-за незнания каких-либо последствий подвергнет наказанию невинного человека, не может быть оправдан. Если же человек знал, что сами его слова противоречат закону, он может быть наказан. Поэтому, если он отрицает существование Бога либо откровенно заявляет, что он сомневается в его существовании, хотя мера наказания в законе и не указана, он может быть наказан и на основании естественной справедливости, но только изгнанием. Ибо почтение к религии и признание Божественного могущества во всяком государстве предписыва-

ется законом, а важнейшим для каждого государства является сохранение верности соглашениям, особенно если они подкреплены клятвой. А так как атеист не может быть связан клятвой, то он должен быть удален из государства. Не потому, что он не подчиняется закону, но потому, что приносит вред обществу. Если же обществу не будет больше грозить ущерб, то я не вижу оснований убивать его, тем более, что он может когда-нибудь отречься от своего нечестья. Ведь нет ничего, чего бы человек, пока он жив, не мог ожидать от Божественного долготерпения. То же самое следует сказать и о богохульстве, каковое является оскорбительной для Бога речью, а если слова оказываются в согласии с мыслями, то атеизмом.

А. Почему же по закону Моисея богохульники должны быть не изгнаны из государства, а казнены?

Б. Как земной царь по закону может изгнать их из своего царства, по тому же праву царь народа израильского, каковым во времена Моисея был сам Бог на основании заключенного соглашения, и Он же был царем всей земли по природе, мог изгнать по закону богохульника со всей земли, т. е. убить его. Но ты можешь принимать мой ответ на твой вопрос не как объяснение причины Божественного Промысла, создавшего этот закон, но как защиту правоты уже созданного.

А. Теперь я понимаю, что такое *ересь*: сначала это было мнение только какой-то секты, затем — взгляды христианской секты, затем — взгляды христианской секты, осужденной католической церковью. А теперь мне хотелось бы узнать и то, какою властью и каким образом со времен возникновения и до сегодняшнего дня наказывали ересь?

Б. До Константина Великого, первого христианского императора, ни пастыри, ни сами апостолы не обладали властью налагать на еретиков какое-либо наказание: ни отправлять их в изгнание, ни лишать их телесной свободы, ни вообще каким-либо образом причинять им страдание — потому что только верховный владыка обладал такой компетенцией в целях сохранения мира. Они могли их отлучить от церкви, т. е. сторониться их и избегать общения с ними, встреч и общности трапезы, будто они язычники или ростовщики, но это не есть наказание, и зачастую более тягостно для отлучающего, чем для отлученного. На Никейском соборе было установлено наказание для осужденных еретиков, но только для клириков, состоявшее в том, что их отстраняли от служения церкви. Но не было принято никакого постановления, направленного против их учени-

ков, потому что миряне отнюдь не были обязаны судить об учениях своих наставников, а может быть, и потому, что большинство из них было воинами, служившими самому императору, и не следовало их раздражать, что было весьма рискованно. Да и самих ересиархов приглашали на собор, выслушивали их аргументы, обсуждали и отвергали их на основании Священного писания, и лишь только в том случае, если они все же отказывались подчиниться решению церкви, их отстраняли от их приходов. Если же и после этого они продолжали отравлять народ своей ересью, их иной раз отправляли в изгнание. Впрочем, если те, оставив свое упрямство, подчинялись впоследствии решению церкви, император возвращал их; так случилось и с самим Арием, который, после того как передал императору письменное изложение своей веры и оно показалось тому не отличающимся от суждений остальных отцов церкви, был возвращен из изгнания; Афанасий же, не пожелавший принять Ария, сам в свою очередь был отправлен в изгнание.

А. Значит, великий Афанасий не считал грехом отказ подчиниться решению верховного правителя?

Б. По-видимому, так; однако те места из Нового завета, в которых предписывается Христом и апостолами повиновение любым властям, даже языческим, отнюдь не являются темными. Но Афанасий с таким же пылом воспротивился решению самого императора вернуть Ария из изгнания, с каким он незадолго перед тем на Никейском соборе осуждал арианскую ересь. И это не должно показаться удивительным: когда ученые-богословы тщательнейшим образом изучают места Священного писания, относящиеся к настоящему спору, они, иногда по небрежности, а иной раз и сознательно пренебрегая человеческими законами, не обращают внимания на места, говорящие о правах правителей. Но, возвращаясь к наказанию еретиков, следует иметь в виду, что среди церковных наказаний крайним является так называемое предание анафеме, или отлучение, а следовательно, всякое иное наказание зависит от гражданской власти. Причина же того, почему Константин и другие римские императоры установили множество наказаний для еретиков — такие, как изгнание, конфискация имущества, сожжение книг и даже смерть (но не для авторов еретических сочинений, а лишь для тех, кто не хотел бросать в огонь эти осужденные книги),— состояла в том, что они не хотели, чтобы христиане, а особенно воины, выступили друг против друга и взаимно уничтожили. Однако я не могу

найти ни одного императорского закона, по которому еретики должны были бы подвергаться смертной казни, исключение составляют манихеи, которых я считаю не столько еретиками, сколько притворными христианами и преступниками. Впрочем, я обнаружил закон, по которому язычник или иудей, в случае если он попытается убедить своего соплеменника, принявшего христианство, отречься, должен быть сожжен. Но это не имеет никакого отношения к наказанию еретиков, правда, я слышал, что император Фридрих Барбаросса предложил закон о сожжении еретиков, но в Кодексе Юстиниана [27] мы находим лишь его собственное распоряжение, подтверждающее рескрипты предыдущих императоров о наказании еретиков, однако среди них нет ни одного, где говорилось бы о сожжении еретиков. Таким образом, насколько я могу предполагать, такой способ наказания еретиков возник вскоре после правления папы Александра III [28], который первым вместе с императором Фридрихом попрал самое империю и законы всех государей. Как бы там ни было, известно, что у нас в Англии приблизительно с этого времени и вплоть до времен королевы Елизаветы в силу обычая, ставшего своего рода законом, еретиков, как правило, сжигали.

А. Следовательно, с тех пор к определению ереси следует прибавлять еще несколько слов, а именно: ересь есть учение, противоречащее католической вере и наказуемое сожжением.

Б. Правильно.

А. Какой же судья и в какой процессуальной форме должен осудить еретика?

Б. До тех пор пока власть над императором не оказалась у пап, судьями были в большинстве случаев те, кому наказание еретиков было предписано рескриптом императора, а именно градоначальники, префекты провинции. Но я ничего не могу сказать о том, в какой форме происходил допрос еретика. После укрепления авторитета папы следствие по этому делу поручалось одному или нескольким епископам; если же обвиняемый, публично и, если нужно, дважды спрошенный относительно того учения, которое он исповедовал, отрекался от него и приносил покаяние в предписанной курией форме, его освобождали. Если же он впоследствии впадал в ту же или иную ересь, а их бесчисленное множество, то его передавали гражданским властям на сожжение, и здесь вообще не могло быть помилования без согласия папы, поскольку церковная и гражданская власти разделены.

А. Сколько же было изобличено и наказано еретиков с первого года царствования Елизаветы и до семнадцатого года царствования Карла Первого?

Б. Между прочим, за все это время было очень мало еретиков, потому что те, кому королева поручила церковное правление и за которыми она сама наблюдала, были ограничены законом, запрещавшим признавать еретическим какое-либо учение, которое не было осуждено ранее как таковое на одном из четырех вселенских соборов, т. е., как явствует из документов самих этих четырех соборов, то, что в Никейском Символе было провозглашено не противоречащим вере. Те же, кто были изобличены, подвергались сожжению.

А. А каким образом можно узнать, что противоречит Символу, а что не противоречит, если только речь не идет о том, что сами слова Символа, так, как они были написаны, не отрицаются или не называются ложными.

Б. По закону еретик не должен быть наказан, если его слова не противоречат словам Символа, ибо несправедливо, чтобы кто-то утверждал, что «в результате» отвергается вера и что по этой причине кого-то следует наказать. Разве справедливо, чтобы жизнь человека подвергалась угрозе в зависимости от тонкости рассуждений или зависела от опытности в искусстве логики противников, да и судьи? Разве закон, который не требует ничего, кроме повиновения, должен наказывать за логическую ошибку? Сами отцы на Никейском соборе думали иначе. Поскольку среди них были некоторые, хотя их было и немного, которые не решались поставить свою подпись под Символом из-за слова «единосущный» (ὁμούσιον) и требовали более подробного толкования этого слова, прочие отцы церкви, желая удовлетворить их требование, заявили, что слово «единосущный» следует понимать так, что Сын обладает той же субстанцией, что и Отец, однако же не является частью Отца. К числу тех, кто добился от отцов церкви этого разъяснения, принадлежал Евсевий [29], он разослал по всем диоцезам послание к клиру, называвшееся циркулярным, в котором извещал о том, что было решено на Соборе относительно веры в Святую Троицу, и о причине, по которой он сам и другие, отказывавшиеся ранее подписать Символ, теперь подписали его. В этом послании причиной своего согласия он назвал то, что отцы церкви предписали *формулу, обеспечивающую возможность не отойти от выражения истинной веры, и он не отвергает слова «единосущный», потому*

что перед нашим взором как цель стоял мир. Из этого можно понять, что, коль скоро слова вменяются в преступление, эти слова должны быть соотнесены с некоей формулой, чтобы каждый мог твердо знать, какие слова заключают в себе преступление, а какие нет, не прибегая к множеству силлогизмов, подобно тому как в поступках на основании формулировки, данной законом, отличают то, что является преступным, от того, что таковым не является. Такого же мнения придерживались и все папы. Когда на вселенских соборах осуждают какое-либо учение как еретическое, принимая во внимание все возможные последствия этого решения, в самом решении указывают все их точные формулировки.

А. Ты только что сказал, что в первый год царствования королевы Елизаветы тем, кто осуществлял под ее владычеством управление церковью, было запрещено законом называть ересью что-либо, что не было осуждено ни на одном из четырех первых соборов. Так вот я и спрашиваю, объявили ли эти церковные власти, назначенные королевой, по всем епархиям и приходам, что́ это за учение и словесные формулы, противоречие которым считалось бы преступлением? Я не думаю, что необразованные люди, которым для спасения их не рекомендуется читать ничего, кроме святой Библии, обязаны иметь при себе подлинный текст постановлений соборов, да я и не знаю, существует ли он вообще. Некоторые утверждают, что он не существует, поскольку он был фальсифицирован арианами, и по этой причине запрещен католиками.

Б. Не может быть сомнений в чистоте той части текста постановлений соборов, где утверждается Символ веры. Что же касается полемики между католиками и еретиками, то не так уж важно, погибла ли эта часть текста или нет. Ну а то, что ты спрашиваешь — были ли разосланы по епархиям и приходам словесные формулы, в которых бы указывалось, что́ считалось ересью при Елизавете,— то ни одной такой формулировки обнародовано не было, да и сам королевский декрет был опубликован только спустя долгое время, и потому, что́ является ересью, а что́ нет, обвиняемый может узнать только после того, как его привлекали к суду. Ведь хотя в силу этого королевского указа ересью могло быть объявлено все, что было объявлено таковой вышеназванными соборами, однако могло по тому же указу и не быть объявлено. Наш знаменитый юрист времени царствования Елизаветы Эдуард Кок [30] в третьей книге «Постановлений» порицает нерадивость церковных прави-

телей, не опубликовавших своевременно этот королевский указ.

А. А разве сам Символ веры, принятый в англиканской литургии, не был достаточной публикацией закона о ереси?

Б. Конечно, если бы там все это было написано. Но там нет ни малейшего упоминания о Никейском Символе, и не только люди необразованные, но и, пожалуй, некоторые клирики не понимают, что общего имеет этот Символ с постановлениями соборов и каким образом декрет Константина стал законом англиканской церкви.

А. Поскольку власть всех правителей, которые обладали правом судить о ереси, была уничтожена законом на семнадцатом году царствования Карла Первого, то как же могло случиться, что не были восстановлены в своей силе законы о ереси времен королевы Марии?

Б. Дело в том, что закон об уничтожении всякой иной власти над церковью, кроме королевской, был внесен раньше, чем церковные правители получили эти полномочия, и поэтому с уничтожением закона эти правители уже не имели, и по сей день не имеют, никакого права наказывать еретиков, за исключением обычного права отлучения.

А. Следовательно, сегодня еретик не может быть подвергнут никакому иному наказанию, кроме отлучения?

Б. И даже тем карам, которые по гражданским законам следуют за отлучением. Ведь он будет вызван в церковную курию, где, если сам не осудит собственные заблуждения, будет передан светским властям и заключен в тюрьму, и там он останется до тех пор, пока не отречется от своей ереси и не принесет установленного законом покаяния.

А. А как можно узнать, воистину он отрекся или нет?

Б. Этого вообще никто не может знать, кроме одного только Бога.

А. А разве невозможно заставить его отречься от своей ереси?

Б. Невозможно. В то время, когда церковные правители обладали соответствующей властью, существовала практика иногда выяснять скрытые помыслы еретиков, заставляя их давать клятву. Но это право как несправедливое было уничтожено вместе с их полномочиями, потому что, как представляется, возмездие за помыслы принадлежит одному только Богу, который осуществляет его. А человеческие законы наказывают только неповиновение действием.

А. А установлено ли в Евангелии какое-либо наказание еретикам?

Б. Никакого, если не считать того, что рекомендуется их

избегать и не допускать к общению с посвященными, которые в те времена питались сообща. Но, как мне известно, не было никакого гражданского наказания, да я и не нашел никакого указания на отлучение, осуществлявшееся за ересь, ибо отлучали за образ жизни и преступления, позорившие религию. С другой стороны, если отнести к христианскому учению слова из Нового завета, то я прихожу к выводу, что христианину запрещено наказывать еретика по гражданским законам (Матф. 13, 27—30): *Придя же, рабы домовладыки сказали ему: Господин, не доброе ли семя сеял ты на поле своем, откуда же на нем плевел?* Он [Иисус] же сказал им: *Враг человека сделал это.* А рабы сказали ему: *Хочешь ли, мы пойдем выберем их?* Но Он сказал: *Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали бы пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы.* Разве из этих слов не ясно, что плевелы, т. е. ереси, должны быть оставлены до последнего Судилища. Как же можно их уничтожить на этом свете смертью или изгнанием? Точно так же в первом Послании к Коринфянам (3, 11—15) говорится: *Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы — каждого дело обрушится... у кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон, впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня.* Что это, если не то, что придерживающийся сего основания, а именно веры в Иисуса Христа, т. е. истинный христианин, даже если он будет строить на дереве, сене, соломе, т. е. на ложных догматах, погубит свои усилия, сам же спасется, но как бы «из огня», т. е. очистившись от заблуждений ума. Так же и во втором Послании к Тимофею (2, 25): *Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противника, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины.* Разве это не сказано против тех, кто тотчас же предает сожжению еретика, если он, дважды вопрошенный, не откажется от своего учения, кто, насколько это в его силах, закрывает христианину доступ к божественному милосердию? К этим местам Священного писания следует прибавить мнение всех богословов о том, что Христос не принимает никого, кто прибегает к нему из страха смерти.

А. Как наказывается богохульство?

Б. Богохульство, проистекающее из убеждения, есть атеизм. Кто бы осмелился хулить Бога, в существование

которого и в заботу которого о делах человеческих он верит? Но то, что называется обычно богохульством, есть не что иное, как намеренное злоупотребление именем Божьим в клятвах, не являющихся необходимыми. Это преступление определяется Юстинианом (75-я новелла) [31] следующим образом: «Богохульством являются: клятвы «волосами Бога», «головой Бога» и подобные им выражения. В качестве наказания за это устанавливается смертная казнь».

А. А наказываются ли подобные клятвы каким-нибудь законом у нас?

Б. Не знаю, однако я уверен, что они могут быть наказаны карами церковными, ведь это и позор для церкви, и наглое нарушение третьего завета Десятикнижия. Любая клятва, не вызываемая необходимостью, есть немалый грех, происходящий из привычки людей ко лжи. Поэтому тот, кто говорит правду и видит, что ему не верят, чтобы не показалось, будто он говорит не всерьез, клянется тем, кем он должен клясться, если клятва вообще необходима, т. е. Богом. Видя, что это остается безнаказанным, некоторые распущенные умы, разделяя, подобно язычникам-антропоморфистам, Бога на части, стали клясться отдельными частями тела, стремясь даже снискать себе некую славу неожиданностью клятв, и поэтому все эти клятвы «телом», «ногтями», «волосами» одновременно и еретические, и богохульные. А как их наказывать, это дело церкви.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О НЕКОТОРЫХ ВОЗРАЖЕНИЯХ ПРОТИВ «ЛЕВИАФАНА»

А. В 1651 году вышла на английском языке книга под названием «Левиафан», состоящая из четырех частей: первая — *о природе человека* и *естественных законах*, вторая — *о природе государства* и *о праве верховной власти*, третья — *о христианском государстве*, четвертая — *о царстве тьмы*. В отдельных частях этой книги есть некоторые парадоксы, как философские, так и филологические, а также немало возражений против власти римских пап по отношению к другим государствам, так что легко понять, что автор считает причиной гражданской войны, которая велась в это время в Англии, Шотландии, Ирландии, не что иное, как разногласия, во-первых, между римской и англиканской церквами, а также в самой англиканской церкви,

между пастырями епископальными и пресвитерианскими по вопросам богословия. Эта гражданская война началась в Шотландии в 1639 году, но благодаря некоторым уступкам со стороны короля, одной из которых было уничтожение власти епископов в Шотландии, вскоре заглохла, но потом, провоцируемая английскими пресвитерианами, разгорелась вновь в 1640 году. В это время в силу королевских указов церковная администрация осуществлялась епископами. Заседал также парламент, почти целиком состоящий из пресвитериан. Партия пресвитериан намного превосходила своим влиянием и поддержкой в народе епископальную партию, поэтому уже в следующем году король был вынужден, чтобы удовлетворить парламент, отстранить епископов от всякого экстраординарного церковного управления. После этого у англичан вообще не осталось больше никакой возможности установить, что такое ересь, и возникли всевозможные секты, распространявшие и письменно, и устно любые богословские учения, кому какие нравятся. Автор этой книги жил в Париже, пользуясь полной свободой литературной деятельности. В своей книге он с успехом защищал права короля как в светских, так и в духовных вопросах, однако, пытаясь сделать это, исходя из Священного писания, он высказал неслыханные до тех пор утверждения, которые большинством богословов были обвинены как ересь и атеизм.

Б. Какие же это положения?

А. Как тебе покажутся, например, следующие слова в конце второй главы: «Что же касается русалок и бродячих привидений, то такие взгляды распространялись или не опровергались с целью, чтобы поддержать веру в полезность заклинания бесов, крестов, святой воды и других подобных изобретений духовных лиц».

Б. Во всяком случае мне представляется все это верным, разумным и христианским, если только ты мне не докажешь противоположное, исходя из Священного писания, впрочем, как считаю я, в Евангелии (Матф. 27, 52), когда Христос умирал на кресте, из могил восстали мертвые тела, но не души.

А. Далее, в начале четвертой главы он не признает, что какие бы то ни было *субстанции* могут быть *бестелесными*. А что это, как не отрицание существования Бога или утверждение, что Бог есть тело?

Б. Он действительно утверждает, что Бог есть тело. Но до него то же самое утверждал Тертуллиан [32]. Выступая против Апеллета и других еретиков своего времени, кото-

рые заявляли, что наш Спаситель Иисус Христос есть не тело, но фантом, он высказал следующее общее положение: «Все, что не есть тело, не есть сущее». Точно так же, возражая Праксею, он говорит: «Всякая субстанция есть своего рода тело». Ни на одном из первых четырех вселенских соборов эта доктрина не была осуждена. Укажи мне, если сможешь, в Священном писании слова «бестелесный», «нематериальный», а я покажу тебе, что «полнота божественности» находится в Христе «телесным образом», т. е., как объясняет Афанасий, «божественным образом» (dealiter). *Все мы существуем и движемся Богом* — это слова апостола Павла (Деян. 17, 28). Количеством же мы обладаем все. Но разве количество (quantum) может находиться в неколичестве (in non quanto)? Бог велик, но невозможно понять величину без тела. Даже на Никейском соборе не было определено, что Бог является бестелесным. Чуть ли не все отцы, присутствовавшие на нем, придерживались именно этого мнения, и сам Константин потому и одобрил слово ὁμούσιον, т. е. «сосущностный», что из этого слова, как ему казалось, следовало, что *Бог бестелесен.* Тем не менее они не пожелали ввести в Символ слово «бестелесный», которого нет в Священном писании. И хотя сущность не есть тело, из этого слова «сосущностный» не может быть выведена бестелесность Бога. Отец Давида и сын Обедии, так как это был один и тот же ессей, были «сосущностными», но разве отсюда следует, что отец Давида и ессей были бестелесными? Кроме того, целью отцов Никейского собора было через этот Символ осудить не только арианство, но и все ереси, проникшие после смерти Господа в церковь, одной из которых была ересь антропоморфитов, приписывавших Богу члены человеческого тела, а не осуждать тех, кто вместе с Тертуллианом утверждал, что истинный, действительный и чистый дух является телесным. Во всяком случае все, кто приписывает Богу чистоту, правы, ибо сие достойно. Приписывать же ему тонкость, являющуюся ступенью к ничтожности, опасно. Иоанн Дамаскин, излагая Никейский Символ веры, говорит: «Среди имен Божества одни являются отрицательными, обозначающими то, что поднимается над субстанцией, такие, как ἀνούσιος — не имеющий сущности, ἄχρονος — лишенный времени, ἄναρχος — не имеющий начала, и не потому, что он меньше всего этого, а потому, что он вознесен надо всем этим». Как видишь, Иоанн Дамаскин, философ-аристотелик, как можно понять из его сочинений по диалектике, но в то же время и отец церкви, и благочес-

тивый наставник, из опасения сказать вместе с Тертуллианом, что Бог есть тело, и желая преуменьшить телесную плотность, которую (уж не знаю почему) он считает недостойной Бога, впадает в атеизм, утверждая, что Бог не имеет сущности и не является ничем из того, что существует.

А. Говоря ἀνούσιον, он, очевидно, хотел указать лишь на то, что Тот не был сотворен.

Б. Может быть, но зачем было нужно уже после того, как он несколькими стихами ранее достаточно пространно говорил об этом атрибуте «несотворенный», снова говорить о нем, прибегая к этому невыносимому слову ἀνούσιος. Ведь так как он знал, что всякий дух, как бы тонок он ни был, тем не менее является телом, какую субстанцию или какое реальное существо мог он представить себе, имея в виду, что субстанция представляется нетелесной, кроме идолов, т. е. фантомов, которые мы видим в зеркале, во сне, в сумерках и которые апостол Павел называет «ничто»?

А. В-третьих, в конце шестой главы он говорит: «Страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется суеверием. А если воображаемая сила такова, как мы ее представляем, то это истинная религия».

Б. То же самое говорит и Екклезиаст (Еккл. 1, 16): *Страх перед Господом есть начало мудрости*, и псалмопевец (Пс. 13, 1): *Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога»*.

А. В-четвертых, в шестнадцатой главе говорится: «Истинный Бог может иметь представителей. Первым таким представителем был Моисей».

Б. Автор, по-видимому, хотел в этом месте разъяснить учение о Троице, хотя он и не упоминает Троицу. Пожелание благое, но толкование ошибочное. Ведь в этом случае, как представляется, Моисей, также каким-то образом действуя, как и все христианские монархи, от лица Бога, оказывается одним из лиц Троицы. Это крайне небрежное выражение. Если бы он сказал, что Бог в собственном лице создал мир, в лице Сына искупил род человеческий, в лице Святого Духа освятил церковь, он не сказал бы ничего иного, кроме того, что есть в катехизисе, одобренном церковью.

А. Но то же самое он повторяет во многих местах.

Б. Но там это можно легко исправить. Или, если бы он сказал, что Бог в собственном лице с помощью Моисея утвердил для себя церковь, в лице Сына ее же искупил,

в лице Духа Святого ее же освятил, он бы не допустил ошибки.

А. В тридцать четвертой главе он говорит, что из канона Ветхого завета нельзя доказать, что ангелы являются реальными и неизменными субстанциями, но они суть лишь сверхъестественные фантомы, которые, поскольку Бог использует их для изъявления своей воли, называются «ангелы».

Б. Известно, что «ангел» — это имя для обозначения обязанности, как и то, что все духи в силу прозрачности духовной субстанции невидимы или видимы лишь в том смысле, в каком, как говорят, видимы фантомы в зеркале, во сне или в сумерках. Поэтому всякий раз, когда в Священном писании говорится, что кто-то видел ангела, то это видение не есть человеческое восприятие, осуществляемое с помощью зрения, но такое, какое было у Иова, когда он во сне видел ангелов, опускающихся и поднимающихся по лестнице. Саддукеи не признавали, что ангелы являются субстанциями. Почему? Очевидно, не потому, что не верили Ветхому завету, а потому, что там нет ни малейшего упоминания о сотворении ангелов. Однако иудеи их не отлучили. Но может быть, он говорит, что из Ветхого завета невозможно доказать то, что ангелы являются субстанциями?

А. Он не говорит этого, но говорит, что если они существуют, то из этого можно доказать телесность субстанций.

Б. Это не представляется удивительным ни всем древним отцам церкви, ни всем учителям реформатских церквей, не осуждается это и англиканской церковью.

А. В тридцать восьмой главе он говорит, что человеческая душа по своей природе, т. е. с самого сотворения, не является бессмертной, но становится такой по милости Бога, даровавшего Адаму и Еве плод от древа жизни, при условии, чтобы не отведали они от плода древа познания добра и зла. Когда же они нарушили запрет Бога не вкушать от древа познания добра и зла, они были лишены доступа к древу жизни, стали смертными и сами они, и потомство их. И умирая, они остаются мертвыми до тех пор, пока со смертью Христа не получат отпущения грехов и не воскреснут к жизни вечной во всеобщем воскресении мертвых, и, согласно этому учению, до Судного дня вообще не существует никаких бессмертных душ умерших, как нечестивых, так и благочестивых.

Б. Свое мнение об этом я только что достаточно подробно изложил. Добавлю только, что не понимаю, каким образом можно говорить, будто бы грешит против христи-

анской веры тот, кто признает жизнь вечную, обязан ли он ей творением или искуплением. Не понимаю и того, каким образом это может противоречить христианскому учению и культу, если ни в Священном писании, которое заключает в себе учение, ни в литургии, заключающей христианский культ, нельзя найти выражение «бессмертная душа», тогда как «жизнь вечная через Христа» встречается очень часто.

А. В той же главе он говорит, что Царствие Божие после воскресения настанет на земле.

Б. Он об этом говорит, исходя из собственной философии или из Священного писания?

А. Он приводит несколько мест из пророков Исайи, Обадии, Иоеля, не вполне, впрочем, для меня понятные, а кроме того, слова св. Петра о пожаре и обновлении мира.

Б. Прибавь сюда еще и место из Апокалипсиса (5, 8—11): *Четыре животных и двадцать четыре старца пали перед Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых, и поют новую песнь, говоря: Достоин Ты взять книгу и снять с нее печать, ибо Ты был заклан и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена, и языка, и народа, и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле.* Что может быть яснее?

А. В той же главе он говорит, что нечестивцев постигнет кара на земле, но не вечная.

Б. Нет сомнения, что, если нечестивцы должны быть повержены, они будут повержены святыми на земле, но не навечно, если истинно то, что умрут они второй смертью.

А. В тридцать девятой главе он дает следующее определение церкви: «Я определяю церковь как общество людей, исповедующих христианскую религию и объединенных в лице одного суверена, по приказанию которого они обязаны собраться и без разрешения которого они не должны собираться». Из этого определения следует, что во времена языческих императоров ни собрания апостолов, ни какое иное собрание христиан до Никейского собора не были разрешены.

Б. Было несколько собраний, т. е. синодов, и при языческих императорах. Но он понимает под церковью синод, имеющий право выносить решения, неподчинение которым есть нарушение права. Такие синоды не могут существовать без [разрешения] верховной власти.

А. В тридцать шестой главе, где говорится (Иоан. 1, 1): *Слово было у Бога* и (Иоан. 1, 14): *Слово стало плотью*, «Слово», по его мнению, обозначает то же, что и «обетова-

ние» (promissio), а «обетование» то же, что и «вещь обетованная», т. е. Иисус Христос, как и в Псалмах 114, 18; Быт. 45, 13 и в других аналогичных местах.

Б. А как же иначе? Как ты полагаешь, это выражение «Слово» или вещь, обозначаемая *Словом*, стала плотью? И что означают слова того же апостола (Апок. 13, 8): *Агнец, закланный от создания мира*? Мог ли он быть заклан до того, как воплотился? Разве не следует отсюда, что и воплощение, и страсти Господни, которые происходили во времени, были, однако, от сотворения мира? Как это могло быть иначе, чем в вечном предначертании Отца? А что иное это предначертание, как не предначертанная вещь? Разве не подобным же образом Святой Дух называется (Лук. 24, 49) «обетование Отца»? *И,*— говорит Христос,— *пошлю обетование Отца моего на вас.*

А. В сорок второй главе на вопрос: «А что, если верующему его законный Государь прикажет отречься от Христа?» — он отвечает, что тот имеет право повиноваться, и ссылается на пример Наамана-сирийца, которому пророк сказал: *Ступай с миром.* Эти слова представляются мне не разрешением, но скорее формулой прощания.

Б. Может быть, и так, если бы тот ответил ему нечто иное, или с одобрением, или с неодобрением. В этом же месте иначе, чем в значении разрешения, эти слова не могут быть поняты. Тебе известно, что незадолго до Никейского собора было довольно много христиан, людей весьма порядочных, но не слишком мужественных, которые под угрозой смерти и пыток отказывались от христианской веры. Какие же, по-твоему, кары установил против такого рода людей вселенский Никейский собор? В канонах этого собора есть девятнадцатый пункт, где устанавливается, что *поступающие подобным образом не под угрозой пыток* должны вернуться в число оглашенных, о тех же, кто отрекся под угрозой смерти, вообще ничего не говорится. Однако я согласен, что это было грехом для апостола или ученика, который взялся проповедовать учение Христа среди врагов Христа, и для Петра это был большой грех, но грех слабости, который Христос легко прощает.

А. В той же главе он утверждает, что королям дозволено совершать богослужение.

Б. Почти все служители англиканской церкви в первый год царствования Елизаветы думали точно так же. Ведь как только королева приняла на себя верховное правление церковью, она разослала по диоцезам послания, называвшиеся «Инъюнкциями». Одно из них требовало от клири-

ков клятвенно признать, что верховное правление в церкви принадлежит королеве и ее наследнику. Было много таких, которые отказались дать клятву по той, как они утверждали, причине, что одновременно с принятием этого требования королеве будет разрешено, если она того пожелает, совершать богослужения. Отсюда ясно: клир был уверен, что тот, кому принадлежит верховная власть в церкви, имеет право совершать, когда бы ни пожелал, все, что положено совершать священникам. Впрочем, чтобы отбросить этот камень преткновения, королева своим рескриптом заявила, что у нее никогда и в мыслях не было осуществлять иную власть или пользоваться иными полномочиями, чем те, которые принадлежали отцу ее Генриху и брату Эдуарду [33]. Этим же рескриптом она не лишила этой власти своих преемников по мужской линии, но и не выразила притязаний на нее для себя, памятуя, что женщины не имеют права говорить в церкви.

А. Сорок третья глава целиком посвящена доказательству того, что от кающегося грешника ради его спасения нет необходимости требовать в вере ничего иного, кроме содержащегося в члене «верую во Иисуса Христа».

Б. В этом члене содержится многое, а именно что Иисус есть Сын Божий, Царь Иудейский, Восстановитель Царства Божиего. Ведь и цель Евангелия, как свидетельствует апостол Иоанн (20, 31), состоит лишь в том, чтобы мы знали, что «Иисус есть Христос, Сын Бога живого» (Dei viventis). Тот же апостол (1 Иоан. 4, 2) говорит: *Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога.* В Новом завете есть и много других мест, подобных этому.

А. Но и наоборот, есть то, что читаем мы в конце Символа Афанасия: «Такова католическая вера, и тот, кто не верит в нее безусловно, не может обрести спасения».

Б. Так значит, слова Афанасия ты противопоставляешь Священному писанию и словам апостолов; его Символ, правда, принят церковью как изложение или парафраза Никейского Символа, но эти слова Афанасия ни в коей мере не являются частью этого Символа.

А. Есть и немало других необычных мест в этой книге, но, поскольку они не имеют такого значения, как те, на которых мы сейчас задержались, я не стану их приводить.

Б. Как тебе угодно. Но и в том, что ты привел, я не нахожу ничего, что противоречило бы вере нашей церкви, хотя там есть немало такого, что выходит за пределы учения отдельных богословов.

БЕГЕМОТ,
ИЛИ ДОЛГИЙ ПАРЛАМЕНТ

ДИАЛОГ I

А. Если бы во времени, как в пространстве, были более и менее возвышенные и низменные места, то я поистине счел бы, что самым высоким было время между 1640 и 1660 гг. Ибо тот, кто тогда взглянул бы, как с Чертовой Горы, на мир и понаблюдал бы за поступками людей, особенно в Англии, тот мог бы узреть все виды несправедливости и безумия, которые только может представить нам мир, и как они были произведены их источниками — лицемерием и самомнением, первое из которых есть двойная несправедливость, а второе — двойное безумие.

Б. Хотел бы я увидеть это. Вы жили в то время, будучи в возрасте, когда люди обычно лучше всего воспринимают добро и зло. Поэтому прошу вас поместить меня (я ведь не мог тогда так хорошо разбираться в этих делах) на ту же гору, рассказав о событиях, которые вы тогда видели, их причинах, поводах, справедливости, порядке, ходе и результатах.

А. В 1640 г. в Англии существовало монархическое правление. Правивший тогда король Карл, первый из носивших это имя, царствовал в силу наследственного права, насчитывавшего свыше шестисот лет. С еще более давних времен он унаследовал титул короля Шотландии, а со времени его предка Генриха II — и короля Ирландии. Это был человек, не испытывавший недостатка в достоинствах души или тела и не пытавшийся сделать больше, чем того требовало исполнение обязанностей по отношению к Богу, хорошо управляя своими подданными.

Б. Как же мог он тогда потерпеть неудачу, имея в каждом из графств такое количество обученных солдат, что, будучи сведены вместе, они составили бы армию в 60 тыс. человек, а также обладая различными складами амуниции в укрепленных местах?

А. Если бы эти солдаты были, как полагается быть им и всем другим подданным, в распоряжении его величества,

то мир и счастье трех королевств сохранились бы в том виде, как они были оставлены королем Яковом. Но народ был развращен, а непокорные считались лучшими патриотами.

Б. Но ведь было достаточно людей помимо недоброжелательно настроенных, чтобы образовать армию, которая смогла бы удержать народ от объединения в силу, способную противостоять королю.

А. Действительно, я думаю, что, если бы у короля были деньги, он мог бы иметь в Англии достаточно солдат. Ибо мало кто из простого народа заботился о победе того или иного дела, но принял бы любую сторону ради платы или грабежа. Но казна короля была очень скудна, а его враги, требовавшие освобождения народа от налогов и других благовидных вещей, располагали средствами лондонского Сити, большинства самоуправляющихся городов, а кроме того, средствами многих частных лиц.

Б. Но каким образом народ оказался столь развращенным? И что за люди смогли совратить его?

А. Совратители были различного типа. Одни — это священники; они называли себя слугами Христа, а иногда в своих проповедях народу — посланниками Божьими. Они претендовали на право от Бога управлять прихожанами, а свое собрание отождествляли с нацией.

Во-вторых, было большое, хотя и несравнимое с предыдущим, число людей, которые, несмотря на то, что и светская, и духовная власть папы в Англии была отменена актом парламента, все же сохранили веру в то, что мы должны управляться папой, которого они считали наместником Христа и, по праву Христа, правителем всех христиан. Они были известны под именем папистов, тогда как священники, о которых я упомянул выше, обычно назывались пресвитерианами.

В-третьих, было немало таких, кто в начале беспорядков не обнаруживали себя, но вскоре объявили себя сторонниками свободы религии. Они держались различных мнений. Одни, поскольку они стояли за свободу и независимость конгрегаций друг от друга, назывались индепендентами. Другие назывались анабаптистами, ибо считали крещение детей бесплодным и не признавали того, во что они были крещены. Третьи, утверждавшие, что в это время на земле должно было начаться Царство Христово, назывались людьми Пятого царства. Кроме того, существовали различные другие секты, как квакеры, адамиты и т. д., названий и специфических учений которых я не помню. Таковы были

враги, восставшие против его величества, исходя из частного истолкования Писания, предоставленного изучению каждым человеком на его родном языке.

В-четвертых, было несколько большее число людей лучшего типа, получивших такое образование, что в своей юности они читали книги, написанные знаменитыми людьми Греции и Рима относительно их политики и великих деяний. В этих книгах народоправство превозносилось под славным именем свободы, а монархия бесчестилась под именем тирании. Поэтому им полюбились те формы правления. Из этих людей была избрана большáя часть палаты общин, а если они и не составляли большинства, то все же благодаря своему красноречию всегда были в состоянии оказать влияние на остальных.

В-пятых, Лондон и другие крупные торговые города, восхищаясь процветанием Нидерландов, наступившим после их восстания против своего монарха — короля Испании, были склонны думать, что подобное изменение правления принесет им такое же процветание.

В-шестых, было много людей, которые или расточили свое состояние, или считали его слишком незначительным для тех способностей, которыми, как они думали, они обладают; а еще больше было таких, кто, обладая достаточными способностями, не видел возможности честно добывать свой хлеб. Они жаждали войны и надеялись поправить свои дела, примкнув к удачно выбранной партии. Следовательно, они большей частью служили тому, у кого больше денег.

Наконец, народ вообще был столь невежествен относительно своих обязанностей, что вряд ли хотя бы один из десяти тысяч знал, какое право имеет кто-либо командовать им или в чем необходимость существования короля или народовластия, во имя которых он должен против своей воли расставаться со своими деньгами. Но каждый думал, что он сам хозяин всего, чем обладает, и его имущество не может быть отнято без его согласия под предлогом общей безопасности. Они думали, что король — это только высший почетный титул, ступенями к которому в зависимости от богатства являются дворянин, рыцарь, барон, граф, герцог. Они руководствовались не справедливостью, но прецедентами и обычаем; наиболее мудрым и достойным избрания в парламент считался тот, кто был наименее расположен к раздаче субсидий или к другим государственным платежам.

Б. Мне думается, что при такой структуре общества

король уже отстранен от своей власти и этим людям не нужно было для этого браться за оружие. Ибо я не могу представить себе, как король смог бы каким-либо образом сопротивляться им.

А. Это, конечно, было бы трудно. Но об этом вы лучше узнаете в ходе рассказа.

Б. Но я хотел бы сначала узнать некоторые корни претензий как папы, так и пресвитериан, которыми они обосновывали свое право управлять нами, а после этого — откуда и когда возникли претензии Долгого парламента [1] на демократию.

А. Что касается папистов, то они требуют этого права, исходя из текста Второзакония 17, 12 и других подобных текстов. Этот текст, согласно старому латинскому переводу, гласит: *А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении перед Господом, Богом твоим, или судьи... тот должен умереть.* Отсюда они выводят, что все христиане, которые ныне, как тогда евреи, являются народом Божьим, должны под страхом смерти также подчиняться всем постановлениям папы, которого они считают высшим священником христианских народов. Кроме того, в Новом завете (Матф. 28, 18—20) Христос сказал: *Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам.* Отсюда они выводят, что этому приказу должны были повиноваться апостолы, а следовательно, народы должны управляться ими, и особенно первым апостолом — св. Петром и его преемниками — римскими папами.

Б. Что касается текста в Ветхом завете, то я не вижу, каким образом заповедь Бога евреям, предписывающая им повиноваться своим священникам, может быть истолкована как обладающая той же силой для христианских народов и даже большей, чем для народов нехристианских (ибо все люди — народ Божий), если только не допустить, что никакой король-иноверец не может стать христианином, не подчинившись законам того апостола или католического или протестантского священника, который его обратит. Евреи были избранным народом Божьим, священническим царством, и не подчинялись иному закону, кроме того, который сначала Моисей, а затем каждый высший жрец отправлял и получал непосредственно из уст Бога на горе Синай, в скинии ковчега и в sanctum sanctorum [2] храма. Что же касается текста из Евангелия от Матфея, то я знаю, что Евангелие содержит не слова «идите, научите», а «идите,

приобретайте учеников»; а между подданными и учеником и между учением и повелением есть большая разница. И если следует истолковывать эти тексты подобным образом, то почему бы христианским королям не сложить с себя титулы величества и суверена и не назвать себя наместниками папы? Но учители римской церкви как будто отклоняют этот титул абсолютной власти, различая власть духовную и светскую. Но я не очень понимаю это различение.

А. Под духовной властью они имеют в виду власть решать вопросы веры, быть судьей моральных обязанностей на внутреннем суде совести и наказывать тех, кто не повинуется их предписаниям, посредством церковной цензуры, т. е. отлучения от церкви. Эту власть, говорят они, папа получил непосредственно от Христа и независимо от короля или верховного собрания, подданными которых являются отлученные. Что касается светской власти, которая состоит в осуждении и наказании действий, совершающихся вопреки гражданским законам, говорят они, то они претендуют на нее не прямо, а лишь косвенно, т. е. постольку, поскольку такие действия препятствуют или способствуют религии и благонравию, что они и имеют в виду, говоря in ordine ad spiritualia [3].

Б. Какая же власть остается тогда королю и другим гражданским властям, относительно которой папа не мог бы претендовать на то, что она была бы in ordine ad spiritualia?

А. Никакая или очень малая. На эту власть в христианском мире претендует не только папа: большинство епископов в их собственных диоцезах также претендуют на нее jure divino, т. е. на основе права непосредственно от Христа, а не от папы.

Б. А если человек отказывается повиноваться этой мнимой власти папы и его епископов? Какой вред может нанести ему отлучение, особенно если он подданный другого государя?

А. Очень большой вред. Ибо, после того как папа или епископ уведомит об этом гражданские власти, тот человек будет серьезно наказан.

Б. В скверном же положении окажется тот, кто отважится писать или говорить в защиту гражданской власти. Он должен будет быть наказан тем, чьи права он защищал, подобно тому как Оза был поражен за то, что он по необходимости, не прощенный, простер свою руку, чтобы придержать ковчег от падения. Но если сразу целый народ

восстанет против папы, то какое действие окажет отлучение на весь этот народ?

А. Как же, у них не будут больше служиться обедни, по крайней мере священниками папы. Кроме того, папа не имел бы больше дела с ними, покинув их, и они оказались бы в таком же положении, как народ, покинутый королем и оставленный сам по себе или управляемый кем вздумается.

Б. Это нельзя принять за наказание для народа, скорее это наказание для короля. Поэтому, когда папа отлучает целый народ, он скорее отлучает, мне думается, самого себя, чем их. Но я прошу рассказать мне, каковы те права, на которые претендовал папа в государствах других властителей?

А. Во-первых, изъятие уголовных дел всех священников, чернецов и монахов из компетенции гражданских судей. Во-вторых, пожалование бенефиций тем, к кому он благоволил, будь то местные жители или иностранцы, и взимание десятин, первых плодов и прочих платежей. В-третьих, апелляция к Риму во всех случаях, когда церковь могла претендовать на заинтересованность в деле. В-четвертых, высшие судебные решения в вопросах законности брака королей, т. е. относительно их наследственной преемственности, и рассмотрение всех дел, касающихся нарушения супружеской верности и прелюбодеяния.

Б. Здорово! Женская монополия!

А. В-пятых, власть освобождать подданных от их обязанностей и клятв верности своим законным правителям, когда папа сочтет это подходящим для искоренения ереси.

Б. Эта власть освобождать подданных от подчинения, как и власть быть судьей нравов и доктрин, представляет собой столь абсолютную власть, какая только возможна. Следовательно, у одного и того же народа должно быть два королевства, и никто не в состоянии будет знать, кому же из своих господ повиноваться.

А. С моей стороны я скорее подчинился бы тому господину, который имеет право издавать законы и налагать наказания, чем тому, кто претендует только на право формулировать каноны (т. е. правила) и не имеет права принуждения или иного наказания, кроме отлучения.

Б. Но папа считает также, что его каноны являются законами; что же касается наказания, то может ли быть большее наказание, чем отлучение? Предположим, как

папа это утверждает, будто правда, что тот, кто умирает отлученным, осужден. В это предположение вы как будто не очень верите, иначе вы скорее избрали бы повиновение папе, который в противном случае вверг бы ваши тело и душу в ад, чем королю, который может только убить тело.

А. Верно. Ибо с моей стороны было бы жестоко считать, что все англичане, за исключением нескольких папистов, родившиеся после реформации церкви в Англии и называемые еретиками, должны быть осуждены.

Б. Ну а те, кто умирают отлученными сейчас от англиканской церкви,— не думаете ли вы, что они также осуждены?

А. Без сомнения, так как тот, кто умирает в грехе, без покаяния, осужден, а тот, кто отлучен за неповиновение королевским законам, духовным или светским, отлучен за грех. Поэтому, если он умирает отлученным и без желания примириться, он умирает нераскаявшимся. Вы видите, что отсюда следует. Но умереть, не подчиняясь предписаниям и доктринам тех людей, которые не имеют над нами власти или юрисдикции, совершенно иное дело, и это не влечет за собой такой опасности.

Б. Но что такое эта ересь, которую римская церковь преследует столь жестоко, что свергает королей, которые не изгоняют, когда им предлагается, всех еретиков из своих владений?

А. Ересь — это слово, которое, когда оно употребляется без пристрастия, означает частное мнение. Так, различные школы древних философов — академики, перипатетики, эпикурейцы, стоики и т. д.— назывались ересями. Но в христианской церкви, которая является главной судьей учений, касающихся спасения человеческих душ, значение этого слова включает греховную оппозицию ей. Следовательно, можно сказать, что ересь находится в таком же отношении к духовной власти, в каком восстание — к власти светской, и должна преследоваться тем, кто желает сохранить духовную власть и господство над совестью людей.

Б. Было б очень хорошо (поскольку всем нам дозволено читать Священное писание и все мы обязаны сделать его правилом наших поступков, как общественных, так и частных), чтобы ересь была определена некоторым законом и были бы изложены особые мнения, за которые человека следует осуждать и наказывать как еретика. Ибо иначе не только люди средних способностей, но даже самые мудрые и благочестивые христиане могут впасть в ересь, ничуть не

желая противоречить церкви. Ведь Писание трудно для понимания, и разные люди толкуют его по-разному.

А. Значение слова «ересь» законодательно определено в акте парламента, относящемся к первому году царствования королевы Елизаветы. Там определено, что лица, которым жалованная грамота королевы дает духовную власть, а именно Верховная комиссия, не будут иметь власти признавать какое бы то ни было учение еретическим, за исключением таких, которые были прежде признаны ересью на основе авторитета канонического Писания или первыми четырьмя вселенскими соборами, или любым другим вселенским собором, где то же самое было объявлено ересью в ясных и простых выражениях указанного канонического Писания, либо таких, которые будут впоследствии признаны ересью верховным судом парламента данного государства с санкции духовенства, данной его собором.

Б. Поэтому мне кажется, что если возникает новое заблуждение, которое не было ранее объявлено ересью (а таковых может возникнуть много), то оно не может быть признано ересью без парламента. Ибо, сколь бы отвратительным ни было это заблуждение, оно не могло быть объявлено ересью ни в Писании, ни на соборах, ибо о нем никогда прежде не было слышно. А следовательно, не может быть заблуждения, если только оно не входит в область богохульства или предательства по отношению к королю, за которое человек может быть справедливо наказан. Кроме того, кто может сказать, что́ провозглашается Писанием, читать и толковать для себя которое дозволено каждому человеку? Более того, если каждый вселенский собор может быть компетентным судьей ереси, то кто из протестантов, мирян или духовенства уже не осужден? Ведь различные соборы объявили многие наши учения ересью, и это, как они считают, на основе авторитета Писания. [...] [4]

А. [...] В это самое время, т. е. между временем императора Карла Великого и короля Англии Эдуарда III [5], началась их политика второго рода, состоявшая в превращении религии в практическое знание и, следовательно, в выведении всех решений римской церкви путем диспутов не только из Писания, но также из философии Аристотеля, нравственной и естественной. С этой целью папа письменно убеждал упомянутого императора учреждать всякого рода школы; отсюда началось учреждение университетов, ибо вскоре после этого возникли университеты в Париже и Ок-

сфорде. Верно, что и прежде в нескольких местах в Англии имелись школы для обучения детей латинскому языку, т. е. языку церкви. Но что касается университета для обучения, то до того времени ни один из них не был учрежден, хотя похоже, кое-кто тогда учил философии, логике и другим знаниям в различных монастырях, поскольку у монахов было мало иных дел, кроме как заниматься обучением. Прошло немного времени, после того как с этой целью были созданы некоторые колледжи и к ним прибавились многие другие, созданные рвением государей и епископов, а также богатых людей. Порядок там был утвержден тогдашними папами; и множество школяров посылалось туда их друзьями учиться как в место, откуда открывался простой путь к продвижению по службе как в церкви, так и в государстве. Польза, которую римская церковь ожидала и в действительности получила от них, состояла в поддержке доктрины папы и его власти над королями и их подданными со стороны богословов-схоластов, которые, стремясь сделать непонятными многие вопросы веры и призывая на помощь себе философию Аристотеля, писали толстые богословские книги, которых никто, даже они сами, не могли понять, как это признает всякий, кто обдумает писания Петра Ломбардского, или Скота, который писал к ним комментарии, или Суареса, или любого другого богослова позднейшего времени[6]. Тем не менее два типа людей, в других отношениях достаточно благоразумных, восхищались такого рода учением. Одни из них — это те, кто уже были преданны римской церкви и действительно страстно любили ее, ибо они и прежде верили в доктрину, но восхищались доказательствами, поскольку они их не понимали, и все же приходили к определенным умозаключениям. Другие — беспечные люди, которые скорее восхищались другими, чем стремились исследовать. Так что все они были совершенно убеждены и что доктрина истинна, и что власть папы не превышает той, которая ему полагается.

Б. Я вижу, что там, где римская церковь обладает подобной властью, христианский король или государство, как ни достаточно будет у них денег и оружия, едва ли смогут сравняться с ней из-за недостатка в людях. Ибо едва ли их подданные выйдут на поле битвы и будут храбро сражаться вопреки своей совести.

А. Верно, что церковники поднимали большие восстания во время ссор пап с королями, например в Англии против короля Иоанна, а во Франции против короля Генриха IV. В этих случаях на стороне королей было больше

народа, чем на стороне пап, и так всегда будет, если у королей будет достаточно денег. Ибо мало у кого совесть так чувствительна, чтобы заставить отказаться от всегда недостающих денег. Но самый большой вред наносится королям под предлогом религии в тех случаях, когда папа дает одному королю право вторгаться во владения другого. [...] [7]

А. Этот спор между папистской и реформистской церквами не позволял выбрать между ними, но заставлял каждого в меру своих сил исследовать по Писанию, которая из них права. С этой целью Писание было переведено на простонародный язык, в то время как прежде это не дозволялось, как не дозволялось читать его никому, кроме имеющих на это особое разрешение. Ибо папа сделал с Писанием то же, что Моисей с горой Синай. Моисей не позволил никому, кроме тех, кого сам он взял с собой, пойти на эту гору, чтобы услышать Бога или увидеть его; а папа не позволял говорить с Богом в Писании никому, кто не имеет в себе частицы папского духа, в силу которой ему можно доверять.

Б. Конечно, Моисей поступил очень мудро и согласно повелению самого Бога.

А. Без сомнения, и сам результат заставляет так думать. Ибо, после того как Библия была переведена на английский язык, каждый человек, более того, каждый мальчишка и девчонка, которые могут читать по-английски, стали думать, что они говорят с самим Всемогущим и понимают, что он говорит, когда, читая по нескольку глав в день, пару раз прочли Писание. Итак, благодаря реформированной церкви и ее епископам и пасторам было отброшено уважение и повиновение и каждый стал судьей религии и истолкователем Писания для самого себя.

Б. А разве англиканская церковь не имела намерения, чтобы так и было? Какую иную цель могла она преследовать, рекомендуя мне Библию, если не ту, что я должен сделать ее правилом моих действий? Иначе духовенство могло бы держать ее хотя и открытой для них, но скрытой от меня еврейским, греческим и латинским языками и питать меня из нее в той мере, в какой это необходимо для спасения моей души и церковного мира.

А. Сознаюсь, что это дозволение толковать Писание было причиной возникновения множества отдельных сект, которые существовали скрытно до начала правления покойного короля [Карла I], а затем обнаружились, чтобы произвести беспорядки в государстве. Но вернемся к исто-

рии. Те, кто бежал из-за религии во времена королевы Марии, поселились в большинстве там, где исповедовалась реформированная религия и где правили собрания священников, которые использовались большей частью (из-за отсутствия лучших государственных деятелей) и для гражданского управления. Это так понравилось многим английским и шотландским протестантам, которые среди них жили, что по возвращении они пожелали, чтобы в их странах священникам оказывались такие же честь и уважение. И вскоре в Шотландии (король Яков был тогда молод) они этого добились (с помощью некоторых влиятельных дворян). Те, кто вернулся в Англию в начале правления королевы Елизаветы, попытались сделать здесь то же самое, но не преуспели в этом вплоть до последнего восстания, и то не без помощи шотландцев. Тем не менее, как только они этого добились, они потерпели поражение от других сект, которые под влиянием проповеди пресвитериан и частного истолкования Писания чрезвычайно размножились.

Б. Я знаю, конечно, что в начале последней войны сила пресвитериан была столь велика, что их поддерживали не только жители Лондона, но и большинство других крупных городов и торговых центров Англии. Но вы еще не рассказали мне, каким образом и в какой степени они так усилились.

А. Не одна только собственная ловкость привела их к этому, но и то, что они пользовались согласием многих дворян, которые желали народоправства в гражданском государстве не меньше, чем эти священники в церкви. И тогда как одни с кафедры склоняли народ к своим мнениям и проповедовали неприязнь к церковному управлению, канонам и молитвенникам, другие заставляли его полюбить демократию и разглагольствованиями в парламенте, и своими беседами и общением с народом в провинции, постоянно превознося свободу и порицая тиранию, причем народу оставалось только заключить, что тиранией было существующее правительство страны. Подобно тому как пресвитериане перенесли свое богословие из университетов в церковь, так многие из дворян перенесли свою политику оттуда в парламент. Однако никто из них не делал этого слишком смело во времена королевы Елизаветы. И хотя непохоже на то, чтобы все они занимались этим с преступными намерениями, но многие по заблуждению, все же ясно, что главными их предводителями были честолюбивые священники и дворяне — священники, завидовавшие

власти епископов, которых они считали менее учеными, и дворяне, завидовавшие Тайному совету и высшим придворным, которых они считали не умнее себя. Ибо людей высокого мнения о своих способностях, да к тому же получивших университетское образование, трудно убедить в том, что им недостает способностей, необходимых для управления государством; особенно же их трудно убедить в этом, если они изучили славную историю и нравоучительную политику древних народных правительств греков и римлян, которые ненавидели царей и клеймили их именем тиранов, а народное правительство (хотя ни один тиран не был когда-либо столь жесток, как народное собрание) называлось у них именем свободы. В начале правления королевы Елизаветы пресвитерианские священники не проповедовали (потому что не смели) публично и явно против церковной дисциплины. Но немного спустя, возможно благодаря покровительству некоторых высших придворных, они разошлись по стране, проповедуя по утрам в большинстве ярмарочных центров Англии, подобно тому как раньше проповедовали монахи. В этих проповедях и те и другие, имев целью — судя по манере и по теме проповеди — заботу о душах, прилагали все усилия, чтобы склонить людей к своим учениям и создать хорошее мнение о себе самих.

Во-первых, что касается манеры их проповеди: они поднимались на кафедру с таким выражением лица и произносили свои молитвы и проповеди, как и фразы из Писания (независимо от того, понимали их люди или нет), с такими жестами, что ни один трагик мира не сыграл бы роль праведного, богоугодного человека лучше, чем они. И человек, незнакомый с таким искусством, никогда не смог бы заподозрить у них замышлявшийся тогда честолюбивый заговор с целью призвать к мятежу против государства или усомниться в том, что страстность их речи (ибо те же самые слова, произнесенные обычным тоном, имели малую силу) и напряжение их жестов и взглядов могли проистекать откуда-нибудь еще, кроме рвения на службе Богу. Посредством этого искусства они приобрели такое доверие, что множество людей покидали свои приходы и города по рабочим дням, бросали свое дело, а по воскресеньям оставляли свои церкви, чтобы услышать, как они проповедуют в других местах, и презирали своих собственных и всех иных проповедников, которые не действовали столь хорошо, как эти. А что касается тех священников, которые обычно не проповедовали и вместо проповедей

читали людям такие поучения, которые предписывала церковь,— их считали и называли *бессловесными собаками.*

Во-вторых, что касается содержания их проповедей, то, поскольку был еще свеж гнев народа, вызванный недавней римской узурпацией, они не видели для себя ничего более благоприятного, как проповедовать против тех пунктов римской религии, которые еще не были осуждены [англиканскими] епископами; так что, удаляясь от папства больше, чем последние, они могли со славой для себя бросать на епископов подозрение как на людей, еще не очистившихся от идолопоклонства.

В-третьих, их молитва, произносимая перед проповедями, была или казалась extemporе [8] и якобы продиктованной им Духом Божиим, и многие верили или притворялись, будто верили этому. Ибо любой, кто мог судить об этом, видел, что они не заботились заблаговременно о содержании своих молитв. А отсюда проистекала неприязнь к молитвеннику, который представляет собой установленную форму, предопределяющую, что́ может найти в нем человек и чему должен он сказать «аминь».

В-четвертых, в своих проповедях они почти никогда не нападали (или делали это слегка) на прибыльные пороки торговцев или ремесленников, такие, как притворство, ложь, надувательство, лицемерие или другого рода немилосердие, за исключением недостатка милосердия по отношению к их пастырям и верующим. Это приносило облегчение большинству граждан и обитателей торговых центров и не меньшую выгоду им самим.

В-пятых, проповедовали мнение, что люди должны быть уверены, что они спасутся на основании показаний их собственного духа, что означало Святого Духа, пребывающего в них самих. А на основе этого мнения люди, обнаружившие в себе достаточную ненависть к папистам и способность повторять проповеди пресвитериан по возвращении домой, ничуть не сомневались, что обладали всем необходимым, как бы мошеннически и недоброжелательно они ни вели себя по отношению к тем своим соседям, которые не причислены к святым, а иногда даже и к таковым.

В-шестых, они часто нападали, конечно с величайшей серьезностью и суровостью, на два греха: плотские вожделения и суетные клятвы, что, без сомнения, было очень хорошо. Однако этим простонародье склонялось к мысли, будто не существует иных грехов, кроме тех, что были запрещены третьей и седьмой заповедями (так как мало кто понимал под именем вожделения другое желание,

кроме того, что запрещено в седьмой заповеди, ибо обычно не говорят, что человек испытывает вожделение к скоту или другому добру или имуществу другого человека). Поэтому никто не стеснялся мошенничества и преступлений, и только пытались уберечься от того, чтобы быть запачканными ими, или по меньшей мере от связанного с этим скандала. И поскольку они утверждали и внушали в своих проповедях, что самые первые движения души, скажем чувство восхищения, испытываемое мужчинами и женщинами при виде друг друга, хотя бы они и сдерживали его проявления, не давая ему вырасти в намерение, тем не менее являются грехом, они приводили молодых людей в отчаяние, заставляя думать, что они осуждены уже потому, что не могут видеть прелестный объект без восхищения (чего не может ни один человек и что противоречит устроению природы). А вследствие этого они стали исповедниками тех, кто обладал неспокойной совестью, и последние повиновались им как своим духовным врачевателям во всех случаях, связанных с совестью.

Б. Однако многие из них часто проповедовали против угнетения.

А. Это верно, я об этом забыл. Но они проповедовали перед теми, кто был достаточно свободен от него. Я имею в виду простонародье, которое легко поверило бы, что оно угнетено, и никогда — что оно угнетатель. Поэтому вы можете отнести к их приемам умение заставлять людей думать, что они угнетены королем или, возможно, епископами, или тем и другими вместе, и склонять худших из них примкнуть впоследствии к их партии, когда представится случай. Это делалось очень редко во времена королевы Елизаветы, страха и подозрительности которой они боялись. Они не обладали тогда сколько-нибудь большой силой в парламенте, чтобы поставить под вопрос прерогативы королевы путем петиций о правах и других средств, как они делали впоследствии, когда демократически настроенные дворяне приняли их в свои советы с намерением превратить монархическое правление в народное, которое они именовали свободой.

Б. Кто бы подумал, что столь ужасные намерения так легко и так долго могли оставаться скрытыми под маской благочестия? Ведь тот факт, что они — самые нечестивые лицемеры, достаточно очевиден из той войны, которой закончились их дела, и из нечестивых действий, совершенных в этой войне. Но когда и кто впервые начал предпринимать в парламенте попытки установить народовластие?

А. Что касается времени, когда попытались превратить монархическое правление в демократическое, то это совершилось не сразу. Они открыто не нападали на верховную власть как таковую, пока не убили короля; они не оспаривали его прав по отдельным пунктам, пока король не был изгнан из Лондона поднятыми там мятежами и не удалился в целях своей личной безопасности в Йорк. Король отсутствовал в Лондоне довольно долго, когда ему прислали девятнадцать предложений, дюжина из которых были требованием отказа от нескольких полномочий, являвшихся существенными частями верховной власти. Некоторые из этих требований уже до этого содержались в петиции, которую называли *Петицией о праве*. Тем не менее король уже гарантировал их в прежнем парламенте, хотя этим он лишал себя не только власти взимать деньги без согласия парламента, но также своей обычной пошлины с веса и права заключать под стражу людей, которые, как он считает, способны нарушить мир и поднять волнения в королевстве. Что же касается людей, которые это сделали, то достаточно сказать, что они были членами последнего парламента и некоторых других парламентов в начале правления короля Карла и в конце правления короля Якова. Нет необходимости приводить их имена, за исключением тех, которые потребуются в ходе изложения. Большинство из них были членами палаты общин, некоторые — палаты лордов. Но все они были высокого мнения о своих политических способностях, которые, как они думали, недостаточно принимаются во внимание королем.

Б. Как же мог парламент начать войну, когда у короля был большой флот и большое число обученных солдат и в его власти находились все склады амуниции?

А. Конечно, в распоряжении короля все это было. Но это мало что значило, потому что в распоряжении парламента была охрана флота и складов, а вместе с нею все обученные солдаты, а некоторым образом и все его подданные, которых проповедь пресвитерианских священников и подстрекательские наговоры лживых и невежественных политиков сделали врагами короля. А теперь [9] король уже не мог иметь денег, за исключением тех, которые дал бы ему парламент, которых, можете быть уверены, не хватило бы для поддержки его королевской власти, которую они намеревались отобрать у него. И все же я думаю, что они никогда не отважились бы на войну, если бы не эта несчастная затея навязать наш требник шотландцам-пресвитерианам. Ибо я считаю, что англичане никогда не одобрили бы объявле-

ние парламентом войны королю на основании любого повода, кроме как в свою собственную защиту, если бы король первым объявил войну. А поэтому следовало спровоцировать короля, чтобы он сделал что-либо такое, что могло походить на враждебный акт.

Случилось так, что в 1637 г. король, как считают, по совету архиепископа Кентерберийского направил в Шотландию требник, не отличавшийся существенно от нашего ни по содержанию, ни по терминологии, за исключением того, что вместо слова «священнослужитель» было поставлено слово «пресвитер», предписывая священникам использовать его в качестве обычной формы богослужения (чтобы оно было согласовано с английским). Зачитанное в церкви в Эдинбурге, это постановление вызвало там такое волнение, что читавший его вынужден был спасаться бегством. Оно дало повод большинству дворян и народу вступить по доброй воле в соглашение между собой, которое они дерзостно назвали соглашением с Богом, дабы низложить епископство, не согласовывая этого с королем, что они и сделали тотчас же, побужденные к этому своей уверенностью или уверениями, полученными от неких демократически настроенных англичан, что в прежнем парламенте было много противников интересов короля и что король не сможет мобилизовать армию с целью наказать их, не созвав парламента, который определенно выступил бы в их пользу. Ибо все, чего желали эти демократы,— это заставить короля созвать парламент, чего он не делал в течение последних десяти лет, поскольку не нашел в парламенте предыдущего созыва поддержки, а видел в нем скорее помеху своим намерениям. Однако вопреки их ожиданию король ухитрился с помощью сочувствовавших ему подданных из числа дворян и джентри собрать достаточную армию, чтобы принудить шотландцев к повиновению, если бы дело дошло до битвы. С этой армией он вторгся в Шотландию, где шотландская армия также была выведена против него, как будто намереваясь сражаться. Однако затем шотландцы послали к королю уполномоченных обеих сторон за разрешением начать переговоры, и король, желая избежать гибели своих подданных, удостоил их этого разрешения. Результатом был мир, после чего король вступил в Эдинбург и провел там, к их удовлетворению, акт парламента.

Б. А он не утвердил тогда епископство?

А. Нет, но согласился даже [в Шотландии] на его отмену. Однако посредством этого англичане были обману-

ты в своих надеждах на парламент. Но указанные демократы, прежде еще бывшие противниками интересов короля, не прекратили своих попыток ввергнуть эти два народа в войну. С этой целью король не мог бы купить поддержку парламента меньшей ценой, чем сам суверенитет.

Б. Но в чем причина того, что джентри и дворянство Шотландии испытывали такое отвращение к епископству? Ибо я с трудом могу поверить, что их совесть была слишком чувствительна; или что они были столь великими богословами, чтобы знать, в чем состоит истинная церковная дисциплина, установленная нашим Спасителем и его апостолами; или что они так любили своих священников, чтобы подчиняться их власти в церковном или гражданском правительстве. Ибо в своей жизни они совершенно так же, как все остальные люди, преследовали свои собственные интересы, в чем епископы противодействовали им не больше, чем их пресвитерианские священники.

А. Поистине я не знаю. Я не могу проникнуть в мысли других людей дальше, чем меня ведет размышление о человеческой природе вообще. Но, размышляя о ней, я вижу, во-первых, что богатые и родовитые люди не склонны терпеть, чтобы жалкие ученики стали их собратьями (каковыми они должны быть, когда их сделали епископами). Во-вторых, что в силу соперничества в славе между нациями они, возможно, пожелали увидеть английскую нацию страдающей от гражданской войны и надеялись, помогая здешним мятежникам, приобрести некоторую власть над англичанами, по меньшей мере в такой степени, чтобы установить здесь пресвитерианство, что было одним из пунктов, выполнения которого они впоследствии открыто потребовали. Наконец, они, возможно, надеялись в результате войны получить большую сумму денег в качестве вознаграждения за свою помощь, кроме той добычи, которую они впоследствии получили. Но какова бы ни была причина их ненависти к епископам, низложение их не было единственной их целью; если бы было так, то теперь, когда епископство отменено актом парламента, они должны были бы быть удовлетворены, чего, однако, не последовало. Ибо, после того как король вернулся в Лондон, английские пресвитериане и демократы, с позволения которых были низложены епископы в Шотландии, сочли это основанием для получения помощи от шотландцев, чтобы низложить епископов в Англии. А с этой целью они, возможно, вели тайные переговоры с шотландцами, оставаясь не удовлетворенными умиротворением, против которого они прежде боролись.

Как бы то ни было, вскоре после возвращения короля в Лондон они разослали некоторым своим друзьям при дворе документ, содержавший, как они считали, пункты указанного мирного договора,— документ лживый и скандальный, который, как я слышал, был по повелению короля публично сожжен. Таким образом, обе партии вернулись к тому положению, в котором они находились, когда король с его армией потерпел поражение.

Б. Итак, было напрасно потрачено много денег. Но вы не сказали мне, кто командовал этой армией.

А. Я говорил вам, что король был там лично. Командовал под его контролем граф Эрендел, человек, не лишенный достоинств и рассудительности. Но начинать битву или переговоры было во власти не его, а короля.

Б. Он был человек из очень благородной и лояльной семьи, предок которого в прошлом нанес шотландцам крупное поражение в их стране, и, судя по всему, если бы они вступили в сражение, он победил бы их и сейчас.

А. Конечно, но лишь в силу какого-то предрассудка граф был на этом основании сделан главнокомандующим, хотя многие командующие и до этого избирались в подобных случаях в силу удачливости их предков. Во время длительной войны между Афинами и Спартой командующий афинским флотом одержал много побед над спартанцами, поэтому после его смерти афиняне избрали командующим его сына, но неудачно. Римляне, которые покорили Карфаген благодаря доблести и руководству Сципиона, когда им снова пришлось воевать в Африке против Цезаря, избрали командующим другого Сципиона; достаточно доблестный и мудрый человек, он, однако, погиб в этом предприятии. Но вернемся домой, в нашу страну. Граф Эссекс совершил удачную экспедицию в Кадикс; однако его сын, посланный позже туда же, ничего не смог сделать. Надеяться, что Бог закрепляет военный успех за именем или семьей,— только глупый предрассудок.

Б. Но что последовало за прекращением перемирия?

А. Король послал герцога Гамильтона в Шотландию с поручением и инструкциями созвать там парламент и использовать для этого все средства, но все было тщетно. Ибо шотландцы теперь решили собрать армию и вступить в Англию под предлогом вручения его величеству петиции, излагающей их жалобы, потому что, поскольку король, говорили они, находится в руках дурных советников, они не могут иначе добиться своих прав. Но истина состоит в том, что они были воодушевлены на это английскими

демократами и пресвитерианцами, обещавшими им вознаграждение и добычу. Некоторые говорили, что герцог Гамильтон также скорее ободрил их, чем удержал от экспедиции, надеясь, что беспорядок в отношениях между двумя королевствами позволит ему привести в исполнение то, в чем его прежде обвиняли,— сделаться королем Шотландии. Но я считаю, что было бы слишком немилосердно на столь незначительном основании так сурово судить о человеке, который впоследствии лишился своей жизни, стремясь обеспечить свободу короля, своего повелителя. Это решение шотландцев вторгнуться в Англию стало известно, и, поскольку королю недоставало денег, чтобы собрать против них армию, ему пришлось, как того и желали его здешние враги, созвать парламент, который должен был собраться в Вестминстере 13 апреля 1640 г.

Б. Мне думается, что английский парламент в любом случае должен был бы теперь снабдить короля деньгами для войны против шотландцев, исходя из закоренелой нелюбви к ним, издревле объединявшихся с врагами англичан — французами и всегда считавших славу Англии принижением собственной славы.

А. Конечно, все знают, что соседние нации завидуют славе друг друга и что, чем слабее нация, тем бóльшую злобу она таит. Но это не мешает им приходить к соглашению относительно того, к чему побуждает их общая цель. Поэтому король нашел в парламенте не большую, а меньшую помощь. Большинство членов парламента в своих речах, казалось, удивлялись, почему король должен вести войну против Шотландии, а иногда называли шотландцев *нашими братьями*. Вместо того чтобы принять к рассмотрению поставленный королем вопрос о деньгах, они заговорили о возмещении убытков, особенно нападая на такие способы взимания денег, какие вынужден был использовать король во время последнего перерыва в деятельности парламента,— корабельная подать, налог на рыцарство и прочие поборы (как их можно назвать) королевской казны, которые юристы находили оправданными, исходя из древних королевских грамот. Кроме того, они нападали на действия различных государственных министров, хотя и совершенные по повелению и полномочию короля. Поэтому еще до того, как они приступили к делу, ради которого были созваны, деньги, необходимые для этой войны (если бы парламент что-нибудь и дал, чего он не имел в виду), безнадежно запоздали. Правда, о некоторой сумме денег, которую, поторговавшись, следовало бы дать королю за его

отказ от права на корабельную подать и некоторых иных прерогатив, упоминалось, но так редко и неопределенно, что король напрасно надеялся бы на успех. Поэтому 5 мая он распустил парламент.

Б. Где же достал тогда король деньги, чтобы уплатить своей армии?

А. Он был вынужден второй раз использовать дворян и джентри, которые внесли свой вклад соответственно величине своих поместий, и из них составилась достаточная армия.

Б. Мне кажется, что те же самые люди, которые препятствовали королю в парламенте, теперь вне парламента способствовали ему как только могли. В чем причина этого?

А. Большинство лордов в парламенте и джентри по всей Англии скорее сочувствовали монархии, чем народному правлению, но и слышать больше не хотели об абсолютной власти короля. Это заставило их во время парламента унизиться до урезывания власти короля и превращения правительства в смешанную монархию, как они ее называли, в которой абсолютная верховная власть должна была быть разделена между королем, палатой лордов и палатой общин.

Б. Но что было бы, если бы они не согласились?

А. Я полагаю, что они никогда об этом не думали. Но я уверен, что они никогда не имели в виду, чтобы верховная власть целиком принадлежала одной палате или обеим вместе. Кроме того, они не желали покинуть короля, когда на него напали, ибо считали шотландцев чуждой нацией. [...] [10]

А. [...] Во всяком случае король обладал весьма значительной армией, с которой он направился в Шотландию, и ко времени его прибытия в Йорк шотландская армия подошла к границам, готовая вступить в Англию, что она тотчас же и сделала. Шотландцы постоянно объявляли, что их поход будет происходить без нанесения ущерба стране и что их намерение состоит только в том, чтобы вручить королю петицию с просьбой о возмещении большого ущерба, якобы нанесенного им двором, чьему совету в большинстве случаев король следовал. Так они спокойно прошли через Нортумберленд, пока не подошли к броду на реке Тайн, несколько выше Ньюкасла, где встретили слабый отпор со стороны отряда королевской армии, посланного остановить их. Шотландцы легко одолели его и, переправившись, овладели Ньюкаслом, а затем, продвигаясь дальше,— Даремом. Они послали королю предложение всту-

пить в переговоры, которое было принято, и уполномоченные обеих сторон встретились в Райпене. Было решено, что все вопросы должны быть переданы на рассмотрение парламента, который король должен был созвать в Вестминстере 3 ноября того же 1640 г. После этого король возвратился в Лондон.

Б. Итак, армии были распущены?

А. Нет, шотландская армия должна была оплачиваться графствами Нортумберленд и Дарем, а король должен был оплачивать свою армию до тех пор, пока роспуск обеих армий не будет согласован в парламенте.

Б. Так что фактически обе армии содержались за счет короля, а спор должен был быть решен парламентом, и поскольку парламент почти целиком был пресвитерианским и сочувствовал шотландцам, то спор и был решен в их пользу.

А. И все же, несмотря на это, они не смели сразу же развязать войну против короля: к нему в сердцах народа осталось еще столько уважения, что они навлекли бы на себя ненависть народа, если бы объявили свои намерения. Они должны были придать правдоподобие мысли, что король первым начал войну против парламента, или как-то иначе заставить в это поверить. А кроме того, они еще недостаточно дискредитировали короля и его действия в проповедях и памфлетах, как и не удалили от него тех, кто, по их мнению, мог давать ему наилучшие советы. Поэтому они решили поступить с ним как искусные охотники: сначала изолировать его, расставив повсюду людей, дабы выгнать его шумом в открытое поле, а затем, если только покажется, что он повернул голову, объявить это развязыванием войны против парламента.

Сначала они поставили под сомнение все, что проповедовалось или писалось в защиту тех принадлежащих короне прав, которые они намеревались захватить; на основании этого были заключены в тюрьму несколько проповедников и писателей. Когда же король не защитил их, они поставили под сомнение некоторые действия короля, осуществленные его министрами, кое-кто из них был заключен в тюрьму, а кое-кто отправился за море. Когда же некоторые лица, пытавшиеся с помощью книг и проповеди поднять волнение и совершившие другие государственные преступления, были по этой причине осуждены королевским советом Звездной палаты и заключены в тюрьму, парламент собственной властью приказал выпустить их на свободу, пытаясь, по-видимому, выяснить, как воспримут

это король и народ (число осужденных лиц было незначительно). Это было сделано с одобрения народа, который собирался вокруг освобожденных на улицах Лондона, как во время триумфа. Так как это прошло без сопротивления, они поставили под сомнение право короля на корабельную подать.

Б. Корабельная подать! Что это такое?

А. В целях морской обороны страны короли Англии имели право облагать налогом все графства Англии, даже не приморские, для постройки и снаряжения кораблей. Незадолго до того король нашел причину ввести этот налог, и парламент протестовал против него как против притеснения. Одного из членов парламента, который был обложен налогом только в размере 20 шиллингов (заметьте, какое притеснение: член парламента, получающий 500 фунтов в год, должен уплатить 20 шиллингов!), вынуждены были отдать под суд: он отказался платить и был приговорен к уплате. Когда же все судьи Вестминстера были опрошены относительно законности этого налога, десять из двенадцати присутствовавших признали его законным. Хотя они и не были за это наказаны, но были напуганы парламентом.

Б. Что имел в виду парламент, протестуя против этого налога как незаконного? Считали ли члены парламента, что он противоречит statute-law [11] или вынесенным до того приговорам юристов, которые обычно называются прецедентами и содержатся в так называемых отчетах, или они имели в виду, что он противоречит справедливости, которую я считаю тем же самым, что закон природы?

А. Трудно или даже невозможно узнать, что имеют в виду другие, особенно если они хитрят. Но я уверен, что, претендуя на освобождение от королевского налога, они основывались не на справедливости, а на своем собственном удовольствии. Ибо когда они возложили бремя защиты всего королевства и управления на одно лицо, кем бы оно ни было, то очень мало справедливости в том, что это лицо должно зависеть от других в отношении средства для выполнения своих задач. А если это так, то скорее они являются сувереном этого человека, а не он — их. А что касается обычного права, содержащегося в отчетах, то оно не имеет иной силы, кроме той, какую придает ему король. Кроме того, было бы неразумно, чтобы несправедливый приговор продажного или глупого судьи по прошествии сколь угодно долгого времени приобретал авторитет и силу закона. Но среди писаных законов есть один, называемый Magna Charta, или *Великая хартия вольностей англичан* [12],

в котором есть статья, где король гарантирует, что впредь не будет налагаться арест на чье-либо имущество, т. е. что оно не будет у него отобрано иначе как по закону страны.

Б. Не достаточное ли это основание для их целей?

А. Нет, это оставляет нас в том же сомнении, от которого, как вы думаете, эта статья нас освобождает. Ибо где был тогда закон этой страны? Разве они имеют в виду другую Magna Charta, которая была создана каким-либо более древним королем? Нет, этот статус был создан не для того, чтобы освобождать кого бы то ни было от платежей в пользу общества, а для того, чтобы обезопасить каждого человека от тех, кто злоупотребляет властью короля, исподтишка получая от короля полномочия для притеснения тех, против кого он ведет в суде тяжбу. Но истолкование его в неверном смысле способствовало целям некоторых мятежных душ в парламенте и подходило для того, чтобы убедить остальных или большую их часть и позволить его принять.

Б. Вы превращаете членов парламента в простаков; однако же народ избрал их как мудрейших в стране.

А. Если бы их хитрость была мудростью, они были бы достаточно мудры. Но *мудрый,* как я его определяю,— это тот, кто знает, как осуществить свое дело без мошенничества и низких средств, одной только силой своей изобретательности. И дурак может выиграть у хорошего игрока с помощью фальшивых костей или карт.

Б. По вашему определению выходит, что сейчас мало умных людей. Такая мудрость — род изысканной любезности, которой сейчас мало кто пользуется, а многие считают ее глупостью. Хорошее платье, большие перья, вежливость по отношению к тем, кто не стерпит оскорбления, и оскорбление по отношению к тем, кто его проглотит,— вот современная галантность. Но что сказали люди потом, когда парламент, получив власть в свои руки, стал взимать деньги в свою пользу?

А. Что же еще, как не то, что это законно и налог должен быть уплачен, ибо введен с согласия парламента?

Б. Я часто слышал, что следует платить налоги, введенные с согласия парламента, в пользу короля, но никогда прежде не слышал, чтобы они платились в пользу парламента. Я вижу отсюда, что проще обмануть множество людей, чем какого-нибудь одного. Ибо какого человека, не лишенного вследствие какой-либо случайности своей естественной способности суждения, можно так легко надуть в делах, касающихся его кошелька, если только он не

увлекаем горячо остальными к изменению правления или, скорее, к свободе каждого управлять собой?

А. Посудите сами, каких людей невежественный народ склонен избирать в члены парламента от самоуправляющихся городов и графств.

Б. Я могу сделать вывод, что те, кого избрали тогда, были такие же, как те, кто избирался в прежние парламенты, и вроде тех, кого будут избирать в будущие. Ибо народ всегда находился и будет находиться в неведении относительно своих общественных обязанностей, поскольку он никогда не задумывается ни над чем, кроме своих частных интересов. Во всех прочих делах он следует своим ближайшим руководителям — проповедникам или наиболее могущественным дворянам, так же как рядовые солдаты большей частью следуют за своими непосредственными командирами, если они им нравятся. Если же вы думаете, что несчастья прошлого сделали народ умнее, то мы не становимся умнее, чем были, так как эти несчастья быстро забываются.

А. Почему же нельзя научить людей их обязанностям, т. е. науке о *справедливом* и *несправедливом,* как учат этому другие науки, исходя из истинных принципов и очевидных доказательств, и притом куда проще, чем любой из этих проповедников и дворян-демократов может научить мятежу и предательству?

Б. Но кто может научиться тому, чему никто не учил? Или если человек и изучил в одиночку науку о справедливости, то как может он без опаски учить ей, если она направлена против интересов тех, кто обладает властью вредить ему?

А. Существует достаточно правил *справедливости* и *несправедливости,* доказанных и выведенных из принципов, очевидных для самых слабых умов. И несмотря на неизвестность их автора, они ясны для хорошо образованных людей не только в этой, но и в других странах. Но этих людей меньше, чем остальных, из которых одни не умеют читать, другие хотя и грамотны, но не имеют досуга, а те из них, кто имеет досуг, большей частью посвящают свой ум своим частным делам или удовольствиям. Так что невозможно, чтобы массы научились своим обязанностям иначе как с кафедры и по праздникам. А таким образом они учатся неповиновению. Поэтому свет этого учения был до сих пор скрыт, и скрывался он тучей противников, рассеять которую без авторитета *университетов* не могла никакая репутация частного лица. Но из этих *университетов* выхо-

дили проповедники, учившие противоположному. *Университеты* были для этой нации тем же, чем деревянный конь для троянцев.

Б. Но каково было намерение папы, когда он учреждал университеты?

А. Какое иное намерение склонен он был иметь, кроме (как вы слышали ранее) увеличения своего авторитета в странах, где были созданы университеты? Там учились вести полемику в его пользу, непонятными рассуждениями пускали пыль в глаза, в то время как производились покушения на права королей. И очевидным свидетельством такого намерения было то, что они весьма быстро освоились с этим делом. Ибо первым ректором Парижского университета (как я где-то читал) был Петр Ломбардский, который впервые ввел учение так называемого схоластического богословия. За ним следовал Иоанн Дунс Скот [13], который жил в то же самое время или около этого. Любой простой читатель, не зная, что они писали так преднамеренно, решил бы, что это два самых отъявленных тупицы на свете, столь темны и бессмысленны их писания. А от них последующие схоласты научились различными хитростями навязывать своим читателям все, что им хотелось, и отклонять силу истинного разума словесными зигзагами, т. е. я имею в виду ничего не значащие тонкости, которые служат лишь для того, чтобы удивлять невежественных людей. Что же касается понимающих людей, то их было так мало, что эти новые надменные учители не заботились о том, что те подумают. Эти схоласты должны были одобрять все статьи веры, которым папа время от времени повелел верить, среди них было много статей, противоречащих правам королей и других гражданских правителей и приписывающих папе всю власть, какую они ни объявили бы необходимой in ordine ad spiritualia, т. е. в целях религии.

Из университетов выходили также все проповедники и валом валили в города и сельскую местность, чтобы страхом вселить в людей абсолютное повиновение папским канонам и повелениям, которые они лишь из опасения слишком сильно ослабить королей и князей не осмеливались еще назвать законами.

Из университетов пришло и то, что философия Аристотеля была сделана составной частью религии и служила спасению многих нелепых догматов веры относительно природы Христова тела и состояния ангелов и святых на небесах — догматов, которые считались подходящими для верования, потому что одни из них были прибыльны, а дру-

гие побуждали уважать священников, даже самых наихудших. Ибо, когда они заставили людей верить, что самый худший из них может сотворить тело Христово, кто же мог не оказать им уважения и не быть щедрым к ним или к церкви, особенно во время своей болезни, когда думаешь, что они делают и приносят тебе твоего Спасителя?

Б. Но чем же благоприятствовало им в этом обмане учение Аристотеля?

А. Они больше использовали его темноту, чем учение. Ибо ни одно из писаний древних философов не сравнимо с писаниями Аристотеля с точки зрения их пригодности для того, чтобы озадачить и запутать людей словами и питать споры, которые в конечном счете должны завершиться решением римской церкви. И все же они использовали многие пункты учения Аристотеля, как, например, во-первых, учение об *отдельных сущностях.*

Б. Что такое отдельные сущности?

А. Отдельные существа.

Б. Отдельные от чего?

Б. Я не могу представить существование какой бы то ни было вещи, которую я представляю несуществующей. Но что они могли отсюда вывести?

А. Очень многое в вопросах, касающихся природы Бога и состояния человеческой души после смерти на небе, в аду и чистилище; а вы знаете, как и всякий иной, какое повиновение внушается этим простому народу и сколько денег добывается этим у него. Поскольку Аристотель утверждает, что душа человека — *первый двигатель* тела, а следовательно, самой себя, они используют это в учении о *свободной воле.* Как и что они приобретают этим, я, право, не скажу. Аристотель утверждает далее, что многие вещи появляются в этом мире не по *необходимости* причин, а *случайно, непреднамеренно* и *по счастью.*

Б. Мне думается, что этим они заставляют Бога праздно стоять в стороне и быть просто зрителем игрищ фортуны. Ибо должно возникать то, причиной чего является Бог, и (по моему мнению) ничто кроме. Но поскольку должна быть какая-то основа для справедливости вечных мучений осужденных, это, возможно, ведет к мнению, что (как они думают) воля и склонности людей находятся не в руке Божьей, но в их собственных. А в этом я вижу также нечто ведущее к власти церкви.

А. Мало того, они не только верили Аристотелю, но там, где его мнение противоречило их взглядам, могли пренебречь им. Если он говорит, что что-либо невозможно, они

могут достаточно убедительно доказать, что оно возможно, исходя из всемогущества Бога, который может заставить много тел находиться в одном и том же месте, а одно тело — во многих местах в одно и то же время, если только этого требует учение о транссубстанции, хотя Аристотель это и отрицает. Мне не нравится намерение превратить религию в практическое знание, в то время как она должна быть законом, хотя и не одним и тем же во всех странах, но все же неоспоримым. Мне не нравится ни то, что они не учат ей, как следует учить знанию, показывая сначала смысл ее терминов, а затем выводя из них истину, верить в которую они хотели бы нас заставить; ни то, что употребляемые ими термины большей частью непостижимы, хотя для того, чтобы казалось, что виной этому скорее недостаток знаний у читателя, чем недостаток честности в них самих, они используют в качестве этих терминов большей частью латинские и греческие слова, несколько искаженные в духе родного языка тех стран, где они употребляются. Но более всего нетерпимо то, что духовенство заставляют поступать так, как будто оно во все это верит, если только оно хочет получить повышение по службе, ключи к которому находятся в руках папы. Простые же люди, сколь ни верят они в эти утонченные учения, никогда не оцениваются за эти свои знания как лучшие сыны Божьи. Для них есть только один путь к спасению — чрезвычайная преданность и щедрость по отношению к церкви и готовность, если потребуется, во имя церкви бороться против своих естественных и законных правителей.

Б. Я понимаю, как они используют логику, физику и метафизику Аристотеля, но я не могу еще понять, как может служить им его политика.

А. Я тоже. Мне думается, что она не принесла им пользы, хотя и причинила нам здесь много вреда. Ибо люди, устав наконец от наглости попов и исследуя истинность навязываемых им доктрин, начали доискиваться смысла Писания, как оно выражено на классических языках, а следовательно (изучая греческий и латынь), познакомились с демократическими принципами Аристотеля и Цицерона. Полюбив их красноречие, они полюбили и их политику и увлекались ею все более и более, пока любовь эта не переросла в восстание, о котором мы говорим сейчас. Это не принесло римской церкви иной пользы, кроме той, что ослабила нас, т. е. тех, кого они постоянно пытались снова подчинить со времени Генриха VIII, когда мы вырвались из их сетей.

Б. Что приобрели они, обучая этике Аристотеля?

А. Им несколько благоприятствует то, что ни аристотелевская, ни какая-либо другая мораль не приносит ни им вреда, ни нам пользы. Их учения породили длительные споры о добродетели и пороке, но не дали ни знания о том, что это такое, ни способа достижения добродетели или избежания порока. Цель моральной философии — учить всех людей их обязанностям по отношению к обществу и друг к другу. Они же оценивали добродетель частью по умеренности человеческих страстей, а частью по тому, что именно хвалят в поступках. В то же время не Много или Мало делает поступок добродетельным, а мотив и не Много или Мало делает его порочным, а несоответствие законам, которым подчинены совершившие его, или несоответствие его общечеловеческой справедливости или милосердию.

Б. Мне кажется, что вы проводите различие между этикой подданных и этикой суверенов.

А. Так я и делаю. Добродетель подданного состоит в подчинении законам государства. Подчиняться законам — это справедливость, т. е. закон природы и, следовательно, гражданский закон у всех народов. Ничто не является несправедливостью, если только оно не противоречит закону. Таким же образом повиновение закону есть благоразумие подданного, ибо без такого повиновения государство (которое представляет собой безопасность и защиту каждого подданного) не может существовать. И хотя благоразумие честных людей состоит также в справедливом и умеренном обогащении, все же попытка хитростью утаить от общества или обманом лишить его части своего богатства, требуемого законом, есть признак не благоразумия, а недостаточного знания того, что необходимо для их собственной защиты.

Достоинства суверенов в том, что они поддерживают внутренний мир и защищают от иноземных врагов. Сила духа — королевское достоинство, и, хотя она необходима тем, кто будет солдатами, для государства, как и для людей вообще, тем лучше, чем меньше у них собственной отваги. Бережливость (хотя, возможно, вы сочтете это странным) также королевское достоинство, ибо она увеличивает общественное богатство, которое не может быть чрезмерным, так как ни один человек не может быть чересчур бережлив с тем, что ему доверили. Щедрость также достоинство королей, ибо без чрезвычайного усердия министров и их верности суверену нельзя хорошо служить государству. И их следует поощрять, особенно тех, кто оказывает услуги

во время войны. В общем все поступки и привычки следует оценивать как благие или дурные по их мотивам и приносимой пользе государству, а не по их умеренности и не потому, что они кем-то предписаны. Ибо разные люди хвалят разные обычаи, и то, что для одного добродетель, хулится другим, и наоборот, что один называет пороком, другой именует добродетелью в зависимости от своих склонностей.

Б. Мне думается, что вам следует поместить в число добродетелей величайшую, по моему мнению, из добродетелей — религию.

А. Я так и сделал, хотя, кажется, вы этого не заметили. Но не уклоняемся ли мы от того пути, на который встали?

Б. Я думаю, что нет, ибо полагаю, что ваша цель состояла в том, чтобы познакомить меня не столько с историей тех событий, которые произошли во время последних волнений, сколько с их причинами и теми советами и хитростями, которые их вызвали. Разные люди писали истории, из которых я мог бы узнать, что они делали, а также кое-что об их замыслах; но в них я почти не нахожу того, о чем хотел бы спросить. Поэтому, поскольку вы оказались так любезны начать эту беседу по моей просьбе, будьте любезны также рассказывать мне согласно моему методу. Что же касается могущей отсюда возникнуть опасности запутаться, то я позабочусь о том, чтобы вернуть вас к тому месту, откуда я вас увлек, так как я помню, где это было.

А. Хорошо. Тогда отвечу на ваш вопрос о религии. Поскольку, как я вам сказал, добродетель заключается в повиновении законам государства, одним из которых является религия, постольку я поместил ее в число добродетелей.

Б. Разве религия — закон государства?

А. Нет ни одного народа в мире, религия которого не установлена и не получает свой авторитет из законов этого народа. Правда, закон Божий не находит доказательств в человеческих законах. Но поскольку люди никогда не могут своим умом дойти до познания того, что сказал и наказал Бог, и поскольку их нельзя обязать подчиняться законам, автора которых они не знают, они должны молча подчиниться тому или иному человеческому авторитету. Так что вопрос в том, должен ли человек в религиозных делах, т. е. когда встает вопрос о его долге по отношению к Богу и королю, полагаться на проповедь других подданных этого короля, или на постороннего, или на глас закона?

Б. Этот вопрос не очень труден. Ибо нет людей, которые проповедуют или по крайней мере должны проповедовать где-либо, не имея на это полномочий от того или тех, кто обладает верховной властью. Так что, если король даст нам разрешение, вы или я можем законно проповедовать, как и любой другой. И я считаю, что мы исполняли бы эту обязанность гораздо лучше тех, кто проповедью подбивает нас к восстанию.

А. В отношении учения о добродетели и пороке церковная мораль во многом отлична от той, которую я здесь изложил, и все же она совершенно не согласуется с аристотелевской. Ибо, согласно учению римской церкви, главные добродетели состоят в том, чтобы подчиняться ее учению, хотя бы оно вело к измене, и это обозначает для нас быть религиозным; помогать клиру, что для нее равнозначно благочестию и щедрости; наконец, верить на основании слов священников в то, что по совести своей человек считает ложным, и это римская церковь называет верой. Я мог бы назвать множество подобных положений их морали, но то, что знаю я, знаете и вы, будучи так хорошо сведущи в делах о совести, описанных схоластами, которые измеряют добродетельность и порочность всех поступков совместимостью их с учением римского духовенства. [...] [14]

Б. [...] Такие курьезные вопросы богословия впервые начали подниматься в университетах, как и политические вопросы относительно прав гражданского и церковного правительства, и университеты снабдили воспитанников аргументами в пользу свободы, почерпнутыми из трудов Аристотеля, Платона, Цицерона, Сенеки и из греческой и римской истории, необходимыми для оспаривания власти их суверенов. Поэтому я отчаиваюсь ожидать сколько-нибудь длительного мира у нас, пока университеты не направят свои старания на его установление, т. е. на преподавание абсолютного повиновения королевским законам и правительственным эдиктам, скрепленным Большой печатью Англии. Ибо я не сомневаюсь, что это солидное основание, подкрепленное авторитетом столь многих ученых, сделает для внутреннего мира больше, чем любая победа над мятежниками. Но я боюсь, что невозможно принудить университеты к такому согласию с действиями государства, которое необходимо для дела.

А. Мы видим, что до сих пор университеты время от времени поддерживали власть папы наперекор всем божественным, гражданским и естественным законам, против права наших королей. Почему же тогда они, имея на своей

стороне все законы и справедливость, не могли таким же образом поддержать права того, кто одновременно и суверен королевства, и глава церкви?

Б. Почему тогда они не во всем были за королевскую власть, после того как король Генрих VIII был провозглашен в парламенте главой церкви, подобно тому как прежде они были за власть папы?

А. Потому что духовенство вне университетов, как епископы, так и низшие духовные лица, думает, что принижение роли папы поставит их (в Англии) на его место. И большинство из них не сомневалось, что их духовная власть зависит не от власти короля, а от самого Христа, последовательно передаваясь путем рукоположения от епископа к епископу, несмотря на то что они знали, что это передача проходила через руки пап и епископов, чью власть они отвергли. Хотя они были довольны тем, что божественное право, на которое претендовал в Англии папа, впредь будет у него отобрано, они не считали подобающим, чтобы оно было отобрано и у англиканской церкви, представителями которой они считали себя теперь. Казалось, они не считали разумным, чтобы женщина, ребенок или мужчина, которые не в состоянии толковать еврейскую, греческую или латинскую Библию и не знают, возможно, склонений и спряжений греческих или латинских существительных и глаголов, влияли на столь ученых теологов в вопросах религии, т. е. богословия. Ибо религия в течение долгого времени считалась, да и сейчас многими считается, тем же, что и богословие, к великой выгоде духовенства.

Б. И особенно у пресвитериан. Ибо я почти не знаю людей, которых они считают добрыми христианами, помимо тех, кто может повторять их проповеди, спорить в их пользу об истолковании Писания и бороться за них, когда потребуется, до последней капли крови и последней копейки. Вера в Христа ничего не значит для них, если только вы не верите так, как они вам приказывают. Милосердие для них ничто, если только это не милосердие и щедрость по отношению к ним и не участие вместе с ними в их клике. Я не могу сказать, как можем мы обрести мир, если такова будет наша религия. Haeret lateri letalis arundo [15]. Мятежное учение пресвитериан так крепко засело в головы и память народа (не могу сказать — в их сердца, ибо они ничего в нем не понимают, за исключением того, что могут бунтовать на законном основании), что я боюсь, что государство никогда не излечится.

А. Если бы два великих достоинства, которыми обладали Генрих VII и Генрих VIII порознь, объединились в одном короле, то они бы легко излечили государство. Достоинством Генриха VII было умение, не вызывая недовольства народа, наполнять свою казну, достоинством Генриха VIII — своевременная суровость, но второе достоинство нельзя применять без первого.

Б. То, что вы говорите, кажется мне советом королю оставить их в покое, пока он не соберет необходимых денег, чтобы набрать и содержать достаточную армию, а затем напасть и уничтожить их.

А. Упаси боже, чтобы столь ужасное, нехристианское и бесчеловечное намерение закралось когда-либо в сердце короля. Пусть он имеет достаточно денег для того, чтобы собрать армию, подавить любое восстание и отнять у своих врагов всякую надежду на успех, чтобы они не осмеливались мешать ему реформировать университеты. Но никто не должен быть предан смерти, если он действительно не совершил таких преступлений, которые закон признает заслуживающими смертной казни. Центр восстания, как показывает данное восстание и как вы читали об остальных,— это университеты, которые тем не менее следует не уничтожать, а привести в порядок, т. е. чтобы политики, которых там учат, были (как и подобает истинным политикам) способны учить людей обязанности повиновения всем законам, которые будут введены властью короля, до тех пор пока они не будут отменены той же властью. Они должны быть способны заставить людей понять, что гражданские законы суть законы божественные и что те, кто их вырабатывает, предназначены к этому Богу. Они должны быть способны научить людей тому, что народ и церковь — одно и то же и имеют только одного главу — короля; что никто не имеет права властвовать от его имени, не получив этого права от короля; что король обязан своей короной только Богу, и ни одному из людей, будь то церковник или кто еще, и что религия, которую они проповедуют, представляет собой мирное ожидание нового пришествия нашего благословенного Спасителя, а до того — решимость повиноваться королевским законам (которые являются также и божественными законами), не вредить людям, быть ко всем милосердным, заботиться о бедных и больных и жить трезво и без скандалов, жить, не смешивая нашу религию с вопросами естественной философии, такими, как свобода воли, бестелесная субстанция, вечность, вездесущность, ипостаси, которых народ не понимает и о которых никогда

не заботится. Когда университеты будут так упорядочены, то из них постепенно станут выходить проповедники с хорошими принципами, а те, что ныне обладают дурными принципами, будут постепенно исчезать.

Б. Я думаю, что это очень хороший путь и, возможно, единственный, которым можно установить прочный мир среди нас. Ибо если люди не знают своих обязанностей, то что может принудить их повиноваться законам? Армия, скажете вы. Но к чему может принудить армия? Разве обученные банды не армия? Разве не янычары не так давно убили Османа в его собственном дворце в Константинополе? Поэтому я держусь вашего мнения и в том отношении, что склонность повиноваться может быть пробуждена у людей проповедниками и дворянами, которые усвоили в своей юности в университетах хорошие принципы, а также и в том отношении, что мы не обретем длительного мира до тех пор, пока университеты сами не будут преобразованы в том духе, как вы сказали, и пока священники не будут знать, что они не обладают иной властью, кроме той, какую дает им верховная гражданская власть, а дворяне и джентри не поймут, что свобода государства есть не освобождение от законов своей страны, произведенное собранием или монархом, но освобождение от притеснений и дерзости со стороны их соседей.

А теперь, удовлетворенный в этом вопросе, я попрошу вас вернуться к тому месту, откуда мое любопытство увлекло вас так далеко. Мы говорили о корабельной подати, одной из тех обид, против которых парламент выступал как против тирании и произвольного правления, дабы посредством этого отделить (как вы это назвали) короля от его подданных и организовать против него партию, когда она понадобится. А теперь перейдем, если вам нравится, к другим уловкам, которые они использовали с той же целью.

А. Я думаю, лучше было бы прервать здесь нашу беседу и отложить ее до другого дня, который вы найдете подходящим.

Б. Согласен. Я думаю, что день этот недалек.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕВИАФАН, ИЛИ МАТЕРИЯ, ФОРМА И ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА ЦЕРКОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО — Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil

Как отмечено во вступительной статье к т. 1 настоящего издания, «Левиафан» был опубликован на английском языке в Лондоне в 1651 г. (незадолго до переезда туда автора из Парижа). Сразу после выхода в свет сочинение подверглось резкой критике роялистско-клерикальных идеологов. Один из них — Роберт Филмер (род. кон. XVI в.— ум. 1653) — воинственный защитник идеи божественного происхождения власти королей и монархического абсолютизма. В 1648 г., в разгар Английской революции (и еще до казни Карла I), он опубликовал произведение под весьма красноречивым заголовком «Необходимость абсолютной власти всех королей». Как в этом, так и в других своих произведениях Филмер решительно отвергал концепцию происхождения государственной власти путем общественного договора, которую отстаивали нидерландский социально-политический теоретик Гуго Гроций (1583—1645), известный английский поэт и публицист, убежденный враг королевского абсолютизма Джон Мильтон (1608—1674) и Гоббс. Против «Левиафана» Филмер в 1652 г. выступил со специальной работой «Замечание о «Левиафане» Гоббса» (Observations upon m-r Hobbe's Leviathan).

В предисловии к «Замечаниям...» Филмер потребовал от Гоббса выбросить из названия его произведения слово «commonwealth», ибо «невежественные люди» могут истолковать его как «народное государство», что способствует усилению эгалитарных, уравнительских тенденций (которые, как известно, действительно были присущи левеллерам и диггерам). В дальнейшем, после смерти Кромвеля и воцарения Карла II, роялистско-клерикальная идеология в Англии стала фактически официальной и положение Гоббса оказалось сложным и небезопасным. В этих условиях он был вынужден несколько поправить свои социально-философские идеи, сформулированные в «Левиафане».

В 1668 г. Гоббс публикует свои произведения, написанные на латинском языке,— Thomae Hobbes Malmesburiensis Opera Philosophica quae latine scripsit omnia (Amstelodami). Характерно, что издание вышло все же за пределами Англии. Это — наиболее достоверная из прижизненных латиноязычных публикаций Гоббса. Сюда вошли три части его «Основ философии», а в числе других произведений особенно важен его собственный перевод «Левиафана», который теперь назывался Leviathan, sive de materia, forma et potestate civitatis ecclesiastice et civilis.

В отличие от английского издания здесь вместо завершающего «Обозрения и заключения» были даны три новых главы — «О Никейском Символе веры», «О ереси» и «О некоторых возражениях против «Левиафана»» (эти главы читатель найдет в «Приложении»). В самом латинском тексте автор ввел некоторые показательные терминологические изменения. Слово «commonwealth» не всегда переведено словами «civi-

tas» или «civitas popularis» (что не так уж далеко по смыслу от английского commonwealth), но чаще переводится как monarchia. Тем самым Гоббс как бы усиливает идею об абсолютистско-монархическом характере верховной власти. Однако философ отнюдь не становится поборником неограниченного королевского абсолютизма, освященного религией и церковью. В сущности, для автора «Левиафана» не играет решающей роли, в чьих руках сосредоточена верховная власть.

В этой связи не лишне обратить внимание на символическое изображение государства в изданиях «Левиафана» — это коронованный гигант, составленный из множества маленьких человеческих фигурок, взоры которых устремлены на лицо этого гиганта. В чертах его лица в английском издании выявляется сходство с Кромвелем (это изображение и воспроизведено в нашем томе на вклейке), а в латинском — с Карлом II. Как подчеркивалось во вступительной статье к т. 1 нашего издания, суть верховной власти, по Гоббсу, состоит в том, чтобы она функционировала в рамках строгой законности.

Как представитель юридического мировоззрения, последовательный сторонник правового строя, Гоббс оставался и антиклерикалом. Все философские, социально-философские и религиоведческие идеи остались неизменными и в латинской версии «Левиафана» (включая критику религиозно-фанатического «царства тьмы» и притязаний римско-католической церкви).

Переведенный на европейские (и некоторые неевропейские) языки, «Левиафан» в русском переводе впервые появился в 1864 г. (в Санкт-Петербурге), но был конфискован царской цензурой. В советское время текст «Левиафана» в переводе с английского А. Гутермана (под ред. А. Ческиса) был опубликован в 1936 г. При переиздании этого произведения в т. 2 Избранных произведений Гоббса в составе библиотеки «Философское наследие» в 1964 г. перевод А. Гутермана был сверен с английским оригиналом и заново отредактирован одним из наших лучших специалистов по философии Гоббса — кандидатом философских наук Е. М. Вейцманом (1918—1978). Для данного издания текст «Левиафана» снова сверен с английским оригиналом Т. А. Симоновой по изд.: The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury. Now first collected and edited by sir William Mollesworth. Vol. III. London, 1839. В нашем издании текст «форточек», принадлежащий У. Моллесуорту, дан в строку и выделен полужирным шрифтом.

Дальнейшие примечания во многом воспроизводят примечания, написанные Е. М. Вейцманом для издания 1964 г. (особенно ко 2-й части), с изменениями и дополнениями.

ЧАСТЬ I

[1] *Фрэнсис Годольфин* — брат упоминаемого в этом посвящении английского поэта *Сиднея Годольфина*, члена парламента и сторонника королевской партии, убитого (1643) во время гражданской войны. Братья Годольфин дружили с Гоббсом, а также с известным драматургом Бенджамином Джонсоном и другими деятелями английской культуры середины XVII в.— *4.*

[2] Намек на известный эпизод из истории Древнего Рима (примерно 390 до н. э.), когда галлы ночью едва не захватили *Капитолий*. Находившиеся там римляне спали, не проснулись даже собаки, однако гуси, посвященные Юноне, почуяв подкрадывавшихся галльских воинов, загоготали и стали бить крыльями. Этим они разбудили защитников Капитолия, которые и отразили нападение галльских воинов.—*4.*

[3] В Гоббсовой концепции *государства* как бы перекрещиваются две традиции — органистическая, широко распространенная в античности (Платон, Аристотель, стоики), и более новая, индивидуалистическо-механистическая. Последняя тоже имела в античности видных представителей (в особенности атомистов Демокрита и Эпикура), но бóльшую влиятельность приобрела в Новое время. Сам Гоббс, как подчеркнуто во вступительной статье к данному изданию,— один из главных творцов именно второй концепции, хотя известную силу сохраняет у него и первая, что выражается главным образом в уподоблении государства человеческому организму. Такое уподобление встречалось и у клерикально-роялистских авторов эпохи Гоббса, например, у Салмазия в «Защите короля» (Defensio Regia). Голова, божественное начало в таких аналогиях — это монарх, а тело с его множеством членов — народ. Государство в целом, таким образом, как бы человек огромных масштабов (едва ли не впервые эта идея проведена в платоновском «Государстве»). Гоббс прибегает к такой аналогии, по-видимому, прежде всего под влиянием изучения физиологии (которая была весьма продвинута открытием в 1628 г. кровообращения соотечественником Гоббса Уильямом Гарвеем), чему он интенсивно предавался в парижский период своего научно-философского развития (в эмиграции). Именно такое изучение толкнуло Гоббса к механистической трактовке человека, а тем самым и государства как *искусственного человека. Левиафан* (т. е. изгибающийся или скручивающийся) — библейское чудовище (см. прим. 24 к с. 249).— *6*.

[5] Латинский перевод широко известного древнегреческого изречения γνῶθι σεαυτόν (познай самого себя), высеченного на колонне храма в Дельфах и ставшего основополагающим принципом философской позиции Сократа.— *7*.

[6] См. наст. изд., т. 1, О теле, гл. XXV, Об ощущении и животном движении.— *9*.

[7] См. наст. изд., т. 1, прим. 17 к с. 115. *Университетами* назывались складывавшиеся в XII в. в Западной Европе высшие школы (от латинского слова universitas — совокупность). Средневековая университетская (школьная) наука получила название *схоластики*. Обучение в университете начиналось на так называемом факультете искусств (философском), основу курса которого составляла аристотелевская силлогистика. Эти принципы во многом сохранялись и во времена Гоббса.— *10*.

[8] *Брут Марк Юний* (85—42 до н. э.) — римский республиканец, возглавивший (вместе с Кассием) заговор против Цезаря. Накануне битвы *при Филиппах* (42 до н. э.) против триумвиров Антония и Октавиана, разгромивших республиканскую армию, Бруту (покончившему с собой после этого), согласно легенде, явилась тень убитого Цезаря.— *14*.

[9] Речь идет о *гражданской войне* в Англии — кульминационном моменте Английской буржуазной революции XVII в. Открытая война между сторонниками парламента и сторонниками короля началась в августе 1642 г. В июле 1644 г. парламентская армия одержала решительную победу при Марстонмуре, а летом 1645 г.— при Нейзби. В мае 1646 г. король сдался в плен шотландцам, которые выдали его парламенту в январе 1647 г. за 400 тыс. фунтов стерлингов. 4 января 1649 г. парламент, в котором остались преимущественно левые, радикальные силы, опиравшиеся на революционную армию, принял резолюцию, провозгласившую, что «народ после Бога является единственным носителем всякой справедливой власти; что палата общин английского парламента, избранная народом и представляющая народ, обладает верховной властью в английском государстве; что любой акт или постановление, принятые палатой общин английского парламента, имеют силу закона и относятся ко всем гражданам независимо от того, будет ли на это согласие короля и палаты

лордов». В соответствии с духом этой резолюции палата лордов была упразднена, земли короны, церкви и роялистов конфискованы и распроданы и создана комиссия для суда над Карлом I, который был приговорен ею к смерти и казнен в том же году.— *17.*

[10] Древнегреческая традиция, начиная с Платона, относит к числу *семи мудрецов* различных мыслителей — авторов ряда моральных сентенций (см., напр., прим. 5) — одного из немаловажных источников древнегреческой философии (VII—нач. VI до н. э.). Наиболее известны из мудрецов — Фалес из Милета, Солон из Афин, Биант из Приены и Питтак из Митилены. Приведенная Гоббсом сентенция полностью гласит: Quidquid agis prudenter agas et respice finem (что бы ты ни делал, делай с осторожностью и смотри в конец).— *18.*

[11] *Кадм* — герой древнегреческих (особенно беотийских) мифов, легендарный основатель Фив (главного города Беотии), брат Европы, похищенной Зевсом. Якобы финикийское происхождение Кадма — возможный отзвук предания о том, что древнегреческий алфавит первоначально был заимствован в Финикии (одна из версий происхождения древнегреческого алфавита).— *21.*

[12] И то и другое слово означает во французском языке «слово». Но verbe произошло от латинского verbum (слово, выражение), а parole восходит к греческому parabola (назидательное иносказание, притча).— *29.*

[13] Такого рода утверждение содержится в трактате «О дивинации» (О ворожбе) II 119: «Право же, какую можно высказать еще нелепость, которая бы уже не была высказана кем-нибудь из философов!» (*Цицерон.* Философские трактаты. М., 1985. С. 287). Но следует учесть, что у Цицерона речь идет конкретно о воззрениях Зенона, Пифагора, Платона и пифагорейцев о характере снов.— *33.*

[14] Блуждающие огни (лат.).— *36.*

[15] Как видно из этого места, вопросы этики, неотделимой у Гоббса от социальной философии, кое-где перемежаются и с вопросами эстетики. Как номиналист, Гоббс увязывает понятие красоты, или прекрасного, с движением человеческих страстей, с симпатиями или антипатиями, вызванными в нас внешними *объектами*. Эстетические критерии переплетаются с этическими нормами, с отношениями полезности, а последние целиком зависят от простейших движений материи внутри человеческого тела. Гоббс различает такие свойства человеческого ума, как суждение, или рассудительность, и фантазия, считая, что и то и другое требуется и для поэзии, и для науки, но в первой должна преобладать фантазия, а во второй — суждение. Специально вопросам искусства Гоббс посвятил две работы: «Ответ на предисловие к «Кондиберту»» (Answer to the Preface to «Condiberth» // The English works. Vol. IV) и Предисловие к собственному переводу «Илиады» Гомера.— *40.*

[16] Имеется в виду жизнь людей в «естественном состоянии» (см. вступит. статью в т. 1 наст. изд., с. 49—50).—*41.*

[17] О различии между *истинной религией, религией* и *суеверием* см. вступит. статью в т. 1 наст. изд., с. 57—60.— *43.*

[18] Букв. «почитание счастливым, прославление».— *48.*

[19] *Ливий Тит* (59 до н. э.—17 н. э.) — один из главных римских историков, автор обширного труда «История Рима от основания города» (сохранился только частично).— *51.*

[20] *Бедлам* (от евр. Вифлеем — города в Иудее) —первоначально больница в Лондоне, названная именем Марии Вифлеемской. В переносном смысле — дом для сумасшедших.— *57.*

[21] Об описываемых в *греческом городе Абдере* событиях Гоббс, вероятно, узнал из какого-то античного источника. Трагедия «Андромеда» в те времена была написана великим древнегреческим трагиком Еврипидом

(до Нового времени не дошла). Одноименную трагедию создал также французский современник Гоббса Пьер Корнель (1606—1684). *Евмениды* (эвмениды, эринии) — древнегреческие богини мщения и угрызений совести, наказывающие человека за совершенные преступления; обитают в Аиде; *фурии* (лат. неистовствующие) — их римский вариант. *Церера* (Деметра) — римско-греческая весьма почитаемая богиня земледелия и плодородия. *Феб* (Аполлон) — бог гармонии и искусства, главное оракульное божество древних греков.— *58.*

[22] Гоббс в «Левиафане» многократно ссылается на Библию, часто цитирует и комментирует отдельные места из Ветхого и Нового заветов. Библией называется собрание книг Священного писания иудейской и христианской религии; из них первая признает только Ветхий завет, а вторая — и Ветхий и Новый. Библейские книги делятся на канонические, которые церковью безоговорочно признаются священными, обладающими наивысшим авторитетом и якобы ведущими свое происхождение непосредственно от бога, внушившего их содержание своим избранникам, и неканонические, вызывающие сомнение у богословов в своем божественном происхождении, но тем не менее признаваемые ими полезными для душеспасительного чтения. Неканонических текстов нет в древнееврейском подлиннике Библии, а есть они только в так называемых Септуагинте (греческий перевод семидесяти иудейских старейшин.— См. с. 294) и Вульгате (средневековый латинский перевод.— См. прим. 1 к с. 293). Католические и православные издания Библии включают неканонические тексты (апокрифы); протестантские же издания обычно повторяют древнееврейский подлинник. Названия книг в древнееврейском каноне иные, чем в православной Библии, переведенной с греческого. В настоящем издании ссылки на Библию даются в основном по православному синодальному изданию 1968 г. с сохранением православных наименований. Нумерация глав и стихов арабская: первая цифра обозначает главу, следующая (следующие) — стих (стихи). Стихи отделяются запятой, главы — точкой с запятой.— *59.*

[23] *Вельзевул* (Веельзевул) — демоническое существо христианских представлений. Как «князь тьмы» не раз упоминается в Новом завете (Матф. 10, 25; 12, 24, 27; Марк 3, 22; Лук. 11, 15—19).— *60.*

[24] *Суарес Франциско* (Франсиско) (1548—1617) — испанский теолог и философ (виднейший представитель так называемой второй схоластики), член ордена иезуитов, автор нескольких теологических и философских трудов.— *62.*

[25] На это место ссылается А. Смит (Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 38): «Как говорит господин Гоббс, *богатство* — это *сила*; но человек, который приобретает или получает по наследству большое состояние, не обязательно приобретает вместе с ним политическую власть, гражданскую или военную...» К. Маркс цитирует эти слова А. Смита в «Теориях прибавочной стоимости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 48—49).— *66.*

[26] К. Маркс, комментируя эту мысль Гоббса в «Теориях прибавочной стоимости», подчеркивает, что, согласно Гоббсу, матерью искусств является наука, а не труд исполнителя. «Продукт умственного труда,— пишет Маркс,— наука — всегда ценится далеко ниже ее стоимости, потому что рабочее время, необходимое для ее воспроизведения, не идет ни в какое сравнение с тем рабочим временем, которое требуется для того, чтобы первоначально ее произвести. Так, например, теорему о биноме школьник может выучить в течение одного часа» (там же, с. 355).— *66.*

[27] Это место цитируется Марксом в «Теориях прибавочной стоимости» под рубрикой «Рабочая сила» (см. там же), а также в «Капитале» (т. 23, с. 181).— *66.*

[28] Данный сюжет Гоббс заимствовал из «Книги Есфири» (гл. 6 и далее). *Персидский царь* — царь государства Ахеменидов — Артаксеркс I (465—424 до н. э.), *Мордухай* — двоюродный брат и воспитатель Есфири, любимой жены царя.— *69.*

[29] *Константин Великий* (ок. 285—337) — римский император (306—337), перенесший столицу в Константинополь и фактически узаконивший христианство в Римской империи.— *73.*

[30] *Сельден Джон* (1584—1654) — видный английский юрист той эпохи, знаток общинного и международного права, член палаты общин, сторонник парламентской оппозиции. Автор нескольких книг на латинском и английском языках. Одна из них — «Mare clausum» (Против свободы морей) — ответ на «Mare liberum» (О свободе морей) крупнейшего теоретика права того времени голландца Гуго Гроция (см. вступит. статью). Однако в данном месте Гоббс явно ссылается на другое его сочинение, скорее всего на трактат «Привилегии баронов Англии» (Privilieges of the Baronage of England). Сельден является также автором трактата «Рассуждение о праве и привилегиях подданного» (Discours concering the Right and Privileges of the Subject).— *73.*

[31] *Катилина* Луций Сергий (ок. 108—62 до н. э.) — римский политический деятель. Пытался путем заговора захватить власть (66—63 до н. э.), но был разоблачен (Цицероном) и погиб в бою против армии консулов. О *Цезаре* и его *убийстве* см. прим. 8 к с. 14.—*78.*

[32] По-видимому, Гоббс имеет в виду поэму римского философа-эпикурейца Лукреция Кара (ок. 99/95—55 до н. э.) «О природе вещей».— *82.*

[33] Имеется в виду Аристотель с его учением о боге как перводвигателе («Метафизика»).— *83.*

[34] «Образы» и «тени» (лат.).— *83.*

[35] Эпизод из времени начала Пелопоннесской войны (431—404 до н. э.). По всей вероятности, почерпнут Гоббсом из «Истории» Фукидида. *Формион* — военачальник в период Пелопоннесской войны. *Помпей* Гней и его сын Секст (73—35 до н. э.) — древнеримские полководцы, противники Цезаря. Было два *Сципиона Африканских:* Старший — Публий Корнелий (ок. 235 — ок. 183 до н. э.) — римский полководец, окончательно разгромивший войска знаменитого полководца Ганнибала в 202 г. до н. э.; и Младший — Публий Корнелий Эмилиан (ок. 185—129 до н. э.) — другой римский полководец, захвативший и разрушивший Карфаген в 146 г. до н. э. Здесь имеется в виду последний (ср. с 608).— *84.*

[36] О *фуриях* см. прим. 21 к с. 58. *Ларвы* — по представлениям древних римлян, души умерших, не находящие себе покоя вследствие собственной вины или оскорбления, нанесенного им,— пережиток более древних анимистических представлений. Обитая в подземном мире, они являются по ночам на землю и преследуют своих обидчиков. *Лемуры* — разновидность ларв, вредоносные тени мертвецов (особенно злодеев), не получивших должного погребения.— *86.*

[37] *Сибиллы* (Сивиллы) — легендарные древнегреческие женщины-прорицательницы, предсказывавшие будущие события (обычно неблагоприятные). *Нострдам(ус)* Мишель — французский врач и астролог (1503—1566) при дворе Карла IX. Получил широкую известность в качестве автора «Столетий» (1555), в которых в стихотворной форме «предсказывал» будущие события европейской истории.— *87.*

[38] Предзнаменования (лат.).— *88.*

[39] *Нума Помпилий* — второй царь Древнего Рима (по традиции — 715 — 673/672 до н. э.). Ему приписывается учреждение различных культов, создание жреческих коллегий, а также коллегий ремесленников.— *88.*

[40] Имеется в виду государство инков в доколумбовой Америке (Южной).— *88.*

[41] Выпады против римско-католической церкви (в меньшей мере — против протестантских церквей) нередко сопровождаются у Гоббса выпадами против схоластики, служившей в странах Западной Европы обоснованию религиозных догматов. Однако философию в христианскую религию первоначально «внесли» не схоласты, а виднейшие из отцов церкви (представители патристики — Августин и др.). Ряд положений философии Аристотеля положены в основу схоластического теолого-философского синтеза Фомы Аквинского (1225—1274), учение последнего и стало с XIV в. главной (а в католицизме — официальной) философской доктриной (см. вступит. статью в т. 1 наст. изд.). См. также прим. 7 к с. 10.— *92.*

[42] Здесь имеются в виду войны кальвинистов, или гугенотов, против Католической лиги во Франции во второй половине XVI в.; буржуазная революция в Нидерландах, направленная против испанского владычества и католицизма и приведшая в 1581 г. к провозглашению независимости Нидерландов и низложению Филиппа II Испанского, а также английская Реформация, которая проводилась «сверху» самой королевской властью. Английская Реформация относится к первой половине XVI в. и связана с деятельностью Генриха VIII (1491—1547), при котором складывался английский абсолютизм. Статутом 1533 г. Генрих VIII отменил судебную власть папы в Англии, а в 1534 г. актом о супрематии власть папы над английской церковью была отменена полностью и верховное руководство церковью в стране передано королю. Реформированная церковь подверглась секуляризации, у нее были отняты принадлежавшие ей обширные земли, к королю перешло право назначения на церковные должности, в его пользу стали собираться аннаты — доходы первого года отправления любой церковной должности, кроме того, клирики платили королю десятую часть всех своих доходов. Изменения в самом культе и в религиозной догматике носили поверхностный характер. Постепенно было введено богослужение на английском языке.

Истинные причины Реформации, конечно, не те, на которые ссылается Гоббс. В ее основе лежала классовая борьба буржуазии против феодализма. Растущая национальная буржуазия европейских стран неизбежно должна была вступить в конфликт с католической церковью, служившей препятствием национальному развитию стран и сковывавшей силы нарождавшейся буржуазной нации. Требования дешевой национальной церкви отвечали требованиям буржуазии, а секуляризация церковных земель укрепляла новую, капитализированную собственность на землю.— *92.*

[43] Гоббс ссылается на известный исторический факт: в VI в. франкский *король Хильперик* был отстранен от престола римским *папой Захарием.* Именно к этому периоду относится укрепление папского престола в Риме, когда римские епископы становятся фактически независимыми от Византии и претендуют на верховенство среди всех епископов католической церкви в качестве якобы прямых наследников апостола Петра.— *93.*

[44] Трудно сказать, какую *церковь* имеет здесь в виду Гоббс: англиканскую, лютеранскую или одну из кальвинистских. Весьма вероятно, что церковь пуритан (кальвинистов), но прямо ее не называет, поскольку именно к ней принадлежал Кромвель.— *93.*

[45] Гоббс пытается найти эмпирическое доказательство своей формуле *войны всех против всех* (см. вступит. статью в т. 1 наст. изд., с. 49—50). Однако его представление об образе жизни североамериканских индейцев не соответствовало действительности. В период, когда европейцы познакомились с американскими аборигенами, последние находились на выс-

шей фазе родо-племенного строя, имели достаточно развитую племенную и межплеменную организацию. Некоторые из этих племен были воинственными, другие, наоборот, весьма мирными (см.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Гл. Ирокезский род).— *97.*

[46] Гоббс здесь дает формулировку так называемого золотого правила человеческого поведения. Оно действительно имеется в Евангелии. Напр., Матф. 7, 12: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки»; близко к этому Лук. 6, 31; в Ветхом завете Тов. 4, 15. Но то же правило формулировалось одним из «семи мудрецов» (см. выше прим. 10), возможно Фалесом, а также древнекитайским мудрецом Конфуцием. Это правило фактически составляет основу всех естественных законов (см. вступит. статью в т. 1 наст. изд.).— *99.*

[47] Без права (лат.).— *100.*

[48] Заслуга (вознаграждение) по договору и заслуга в силу достоинства (лат.).— *104.*

[49] В силу договора (лат.).— *104.*

[50] В силу достоинства (лат.).— *104.*

[51] *Кок* (Coke или Cooke) Эдуард (1552 — 1634) — английский юрист, автор обширного труда «Первая часть установлений законов Англии, или Комментарий к Литтлтону; не только от имени автора, но от самого закона» (The first part of the laws of England or a Commentary upon Littleton; not the name of the author only, but the law itself, 1628). *Литтлтон* Томас — английский государственный деятель и законодатель.— *111.*

[52] Учение о двух видах справедливости — уравнивающей (*коммутативной*) и распределяющей (*дистрибутивной*) — одно из важных в аристотелевской этике и политике (экономике — см. Никомахова этика 1130 a — e). Затем оно повторено множеством авторов (особенно западных, латинских, отсюда их латиноязычные формы).— *115.*

[53] См.: Политика 1252 b, где речь идет о том, что одни люди по природе рабы, а другие — господа.— *118.*

[54] Выступающие гарантами и поручителями... гарант... поручитель.— *128.*

ЧАСТЬ II

Договор, по Гоббсу, формирует общую волю, являющуюся волей большинства. Это, бесспорно, демократическое положение впоследствии получит развитие у Руссо и других представителей демократического крыла школы естественного права. Однако у Гобса нет идеи договора между народом и сувереном, идеи ответственности последнего перед народом; не случайно Гоббс был решительным противником права народа на расторжение договора, т. е. на восстание.— *133.*

[2] Гоббс выступает сторонником установления строжайшей цензуры со стороны государственной *власти.* Это его требование направлено прежде всего против различных религиозных доктрин, подрывавших государственное устройство, и против университетских схоластических теорий (ср. ниже, в «Бегемоте» — об университетах как рассадниках враждебных государству учений).— *138.*

[3] Гоббс решительно выступает против *разделения* власти между королем, палатой лордов и палатой общин, считая это разделение одной из причин распада государства. Напротив, в дальнейшем буржуазная политическая мысль в лице Локка выдвинула идею разделения властей

на законодательную, исполнительную и судебную как принцип, который не ослабляет, а, наоборот, усиливает мир и порядок в государстве.— *141.*

[4] Данная классификация *форм правления* следует традиции, идущей от Аристотеля (Политика 1279 а 26—1281 а 10). Последний, во-первых, различает формы государства в зависимости от количества властвующих — властвует ли один, немногие или большинство; во-вторых, он различает формы правильные и неправильные, или извращенные (при первых властвующие имеют в виду общее благо, при вторых — только личную выгоду). В результате у него получается следующая классификация: три правильные формы — монархия, аристократия и полития — и три неправильные — тирания, олигархия и демократия. Гоббс, придерживаясь в основном этой классификации, заменяет в ней политию демократией, а демократию — анархией; извращенные, или неправильные, по Аристотелю, формы, по мнению Гоббса, представляют собою выражение порицания монархии, аристократии и демократии со стороны недовольных.— *144.*

[5] Здесь у Гоббса речь идет о конфликте между королем и парламентом (см. выше, прим. 3). По мнению Гоббса, парламент не имел права вступать в оппозицию к королю, поскольку перед началом гражданской войны представлял собой собрание лиц, посланных народом в Лондон только с соизволения самого короля.— *145.*

[6] Здесь — явный намек на Кромвеля, принявшего титул лорда-протектора, по существу главы государства.— *149.*

[7] Устно (лат.).— *152.*

[8] *Яков I* (1566—1625) — король *Шотландии*, а с 1603 г. и *Англии*. Будучи воспитанником иезуитов, он придерживался прокатолической и происпанской ориентации, что противоречило интересам английской буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Однако при Якове I это противоречие не переросло еще в острый конфликт, буржуазные элементы и джентри еще могли сплотиться вокруг короля, особенно после заговора 1605 г., когда католические террористы готовили взрыв в здании парламента в день его открытия. Но это сближение было временным, и к концу царствования Якова парламент переходит в оппозицию к короне.— *154.*

[9] Эпизод из Ветхого завета (Суд. 11, 30—39 и др.). *Иеффай* (Ифтах) — судья у израильтян в течение шести лет. Перед битвой с аммонитянами он обещал в случае победы принести на всесожжение Господу первое, что выйдет к нему навстречу из ворот его дома. Возвращаясь домой после победы, он увидел вышедшую ему навстречу *дочь* с подругами. От горя он разодрал свою одежду и отпустил дочь на два месяца, дабы она пошла с подругами в горы оплакивать свое девство. По ее возвращении Иеффай совершил то, что обещал Богу.— *166.*

[10] *Урия* — один из военачальников царя израильтян и иудеев *Давида*. Последний вручил ему письмо к своему племяннику Иоаву, отличавшемуся жестокостью и мстительностью, с приказанием поставить Урию в опасное место, с тем чтобы тот был убит аммонитянами (2 Цар. 1, 15, 26). После смерти Урии Давид женился на его вдове Вирсавии, родившей ему будущего царя Соломона (3 Цар. 1, 17).— *166.*

[11] *Аристид* (ок. 540 — ок. 467 до н. э.) — афинский государственный деятель, полководец периода греко-персидских войн (500—449 до н. э.). Был изгнан из Афин в 482 г. до н. э. (затем возвращен в связи с возобновлением войны с персами). *Гипербола* (Гипербол) — афинский политик, демагог (в период Пелопоннесской войны), пользовавшийся большим влиянием и известный различными выходками, позорным поведением (см.: *Фукидид.* История VIII 73, 3).— *166.*

[12] Гоббс противопоставляет свое естественно-правовое учение государственно-правовым теориям, которые, по его представлению, были

основаны на нормах обычного права и черпали свои аргументы из *практики* существовавших *государств*. Именно такими теориями он считает теории Аристотеля и Цицерона. Между тем и у Аристотеля, и у Цицерона имелись элементы естественно-правовой доктрины. Так, Аристотель в своем учении о сущности государства порывает с мифологическим представлением и ищет естественных основ образования государства, которые находит в стремлении людей к общежитию. Это стремление толкает их сначала к созданию семей, затем селений и, наконец, государства. В решении вопросов о сущности государства и права Цицерон также основывается на учении греческих философов (преимущественно Аристотеля и стоиков) о естественном праве. Сущность права Цицерон усматривал в истинном разуме, являющемся выражением справедливости и предписывающем людям вечные и неизменные законы. Вместе с тем он включает в естественное право и римское положительное законодательство. Государство он определяет как дело народное (res publica). Но под народом он понимает не всякое множество людей, а лишь такое соединение их, которое основано на общей пользе. Существенным отличием учения Цицерона от естественно-правовой доктрины является то, что он (подобно Аристотелю) выступает против договорной теории происхождения государства.— *167*.

[13] *Аристотель*. Политика VI 1, 1316 a 40—1317 b 2: «Основным началом демократического строя является свобода. По общепринятому мнению, только при этом государственном устройстве все пользуются свободой...» (Пер. С. А. Жебелева).— *168*.

[14] Божиим промыслом и соизволением царя (лат.).— *188*.

[15] Это место приводится К. Марксом в «Теориях прибавочной стоимости». Перед этим Маркс замечает: «У *Гоббса* труд тоже — единственный источник всякого богатства, если не считать тех даров природы, которые существуют в годной для немедленного потребления форме». К этому Маркс еще добавляет: «Но у Гоббса собственность на землю распределяет по своему усмотрению суверен» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 368. См. также с. 355).— *191*.

[16] *Вильгельм I Завоеватель* (ок. 1027—1087) — герцог Нормандии, завоевавший Англию в 1066 г. При нем происходит укрепление центральной власти над местными англосаксонскими феодалами. Одновременно Вильгельм овладел обширными землями, которые стали считаться собственностью короны, и раздал их своим приверженцам. Гоббс выступает против этого права короны, как и против сервитутов, т. е. права короля пользоваться в определенных целях имуществом своих подданных.— *193*.

[17] При переводе возникает затруднение в отношении понятий *закон* и *право*, так как для их обозначения Гоббс часто употребляет одно и то же слово «law». Поэтому при уточнении перевода мы руководствовались общим контекстом.— *205*.

[18] Букв. «опытность в трактовке права» (лат.).— *209*.

[19] *Гордий* (согласно легенде, сначала хлебопашец) — основатель государства Фригия (в теперешней Турции) и его царь. Свою телегу принес в дар Зевсу, установив ее в храме основанного им города Гордиона. При этом он привязал ярмо к дышлу таким сложным *узлом*, что никто не мог его распутать. Предсказание оракула якобы гласило, что способный распутать этот узел сможет овладеть всем миром. Александр Македонский, отправившийся в свой исторический поход на Восток, в 334/333 г. до н. э. посетил храм в Гордионе и на предложение распутать узел *разрубил* его мечом.— *214*.

[20] *Презумпция невиновности* — юридический термин, означающий, что подозреваемый преступник считается невиновным до тех пор, пока

не доказано противное. Презумпировать — значит предполагать, основываясь на определенной степени вероятности.— *216*.

[21] *Юстиниан* (ок. 482—565) — император (с 527) Восточной Римской империи. С его именем связана кодификация римского права: составление общего *кодекса*, получившего название «Corpus juris civilis».— *219*.

[22] Гоббс ссылается здесь на этическое учение ранних стоиков (IV — III до н. э.), которые считали, что добродетель существует внутри себя самой и не нуждается в жизненных благах. Мудрец, по их учению, должен стоять выше страстей и равнодушно относиться к внешним благам, пребывая в состоянии атараксии — безмятежности. Поэтому для стоиков не существовало различия в степени отклонения от добродетели, т. е. в степени беззакония, с чем Гоббс не согласен. Вместе с тем в их учении были элементы естественно-правовой доктрины, близкие Гоббсу и другим мыслителям XVII и XVIII вв. Так, стоики учили, что человеческий закон соответствует вечному мировому естественному закону, отражающему необходимое требование разума. Положительное право должно соответствовать неизменному естественному закону, в котором воплощен мировой разум. С другой стороны, стоики выступали против договорной теории происхождения государства, утверждая, что государство и право существуют по природе, а не по воле людей. Политическим идеалом основателя школы стоиков Зенона из Китиона (ок. 336/335— ок. 264/262 до н. э.) было единое мировое государство, в котором не будет ни рабства, ни судов, ни храмов, ни денег.— *234*.

[23] Преступление об оскорблении величества (лат.).— *239*.

[24] Ст. 25, 26. В другом месте Книги Иова (40, 10—20) *Левиафан* — большое водяное чудовище. В Псалтири (103, 26) Левиафан рисуется как морское животное Средиземного моря, вероятно кит. В Книге пророка Исайи (27,1) — как «змей, прямо бегущий» и «змей изгибающийся», которого Господь поразит своим мечом.— *249*.

[25] Гоббс ссылается на события английской истории XI — XII вв., связанные с борьбой между короной и церковью за инвеституру (право назначения высших церковных должностных лиц). При *Вильгельме I* (см. выше прим. 16) сохранялось некоторое равновесие, ибо он *поклялся* не посягать на права клира. При его преемнике *Вильгельме Рыжем* церковь начала наступление на прерогативу короны и поддержала выступление мятежных феодалов против центральной власти. В 1106 г. при Генрихе I корона отвоевала право выдвигать новых епископов, которые затем избирались капитулами кафедральных церквей и формально утверждались папой. Однако при *Генрихе II* Плантагенете (король Англии с 1154 по 1189 г.) борьба разгорелась с особой остротой. Центральной фигурой в этой борьбе церкви и государства был *архиепископ Кентерберийский Фома Бекет*, который после долгого сопротивления королю был убит, но Генриху пришлось пойти на значительные уступки клиру (в частности, установить неподсудность клириков гражданскому суду). Практика «привилегий духовенства» просуществовала вплоть до Реформации. Бекет был канонизирован церковью. Новая волна столкновений с римской курией возникла при *Иоанне Безземельном* (1167— 1216), против которого восстали его английские и французские вассалы, поддерживаемые могущественным папой Иннокентием III, когда этот последний в нарушение ранее принятых правил посвятил в архиепископы своего ставленника.— *251*.

[26] То, что Гоббс называет *мятежами* братьев *Гракхов, Тиберия* и *Гая* (II до н. э.), на самом деле было выступлением свободного римского крестьянства против римского патрициата за аграрные реформы.— *251*.

[27] *Солон* (640/635 — ок. 560/559 до н. э.) — известный афинский политический деятель и социальный реформатор, проведший в Афинах в 594/593 г. до н. э. большие преобразования, открывшие новую эпоху в их истории. Эпизод, о котором идет речь в данном отрывке, относится к концу VII в. до н. э. (задолго до начала названных реформ), когда Солон был афинским военачальником в борьбе с Мегарами за о. Саламин.— *251.*

[28] Перед всем честным народом (лат.).— *264.*

[29] *Заповеди* — нормы поведения древних евреев — содержатся в различных местах Пятикнижия Ветхого завета (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие). По ветхозаветному преданию, они были начертаны богом на двух каменных плитах («скрижалях завета») и переданы Моисею на горе Синай. Нравственные заповеди, о которых идет речь здесь и на ближайших страницах (и которые Гоббс стремится истолковать в духе «естественной религии»), см. Втор. 5, 6—21.— *264.*

[30] Эту фразу цитирует К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» под рубрикой «Производительный и непроизводительный труд» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 355).— *269.*

[31] Согласно древнеримскому преданию, *Тарквиний* Гордый (534/533—510/507) был последним (седьмым) царем Рима. Жестокий тиран и угнетатель, он лишился престола в результате восстания граждан, возмущенных насилием, осуществленным над Лукрецией (женой знатного римлянина) сыном Тарквиния. Легенда отражает факт освобождения Рима от господства этрусков.— *272.*

[32] Заседание (лат.).— *273.*

ЧАСТЬ III

Иероним (ок. 347 — ок. 420) — один из главных латиноязычных отцов христианской церкви (признан святым у католиков и блаженным у православных, как и Августин). Перевел Ветхий завет с еврейского языка на латинский, а также отредактировал осуществленный ранее перевод Нового завета с греческого на латинский. Библия в его редакции получила наименование Вульгаты (т. е. народной, общедоступной) и в течение всего средневековья в странах Западной Европы стала определяющим документом Священного писания. Иероним написал также комментарий к большинству книг Библии. См. также прим. 22 к с. 59.— *293.*

[2] *Иосиф Флавий* (ок. 37 — ок. 100/95) — древнееврейский историк, ставший римским гражданином. Свои исторические труды по истории Иудеи и восточных провинций Римской империи писал на греческом языке.— *293.*

[3] См. прим. 22 к с. 59. *Птолемей Филадельф* — царь (285—246 до н. э.) эллинизированного Египта.— *294.*

[4] О *Ливии* см. прим. 19 к с. 51. *Скандербег* Георг Кастриоти (ок. 1405—1468) — албанский национальный герой, возглавивший народное восстание против османского господства.— *294.*

[5] См. Втор. 34, 6.— *294.*

[6] Проповедник и Екклезиаст означают одно и то же.— *298.*

[7] *Вавилонский плен* — насильственное переселение еврейской знати, а также ремесленников царем Навуходоносором II в 597—596 гг. до н. э. из Иерусалима в Вавилонию. «Плен» продолжался около полувека (586—539 до н. э.).— *298.*

[8] Своим уделом из всех народов (лат.).— *316.*

[9] Священническое царство (лат.).— *317.*

[10] Латинское слово «fatum» (рок, судьба, приговор богов) является производным от глагола fari, означающего «говорить», «возвещать», «прорицать», «предрекать» и т. п.— *323.*

[11] Об этой *женщине* см. 1 Цар. 28, 7 и далее.— *327.*

[12] *Ефод* — верхняя одежда первосвященника.— *330.*

[13] *Кивот* — ковчег (вместилище).— *331.*

[14] ...В глубину уходит настолько
Тартара темный провал, что вдвое до дна его дальше,
Чем от земли до небес, до высот эфирных Олимпа.
(Пер. С. Ошерова).— *349.*

[15] Мистико-эклектическое *учение* древней средневековой еврейской философии. Некоторые его идеи заимствованы древнегреческими философами (в пифагоризме, неоплатонизме).— *369.*

[16] *Беллармин* (Беллармино) Роберто Франциско (1542—1621) — *кардинал,* виднейший католический ученый-теолог своей эпохи, влиятельный член ордена иезуитов. С 1576 г. читал в Collegium Romanum (в Риме) лекции о главных различиях между католичеством и другими (собственно протестантскими) вероисповеданиями. Главное сочинение — «Исследования о спорах в христианской вере против еретиков того времени» (Disputationes de controversiis christianae fidei adversus nujus temporis haereticos, 1596) в 4 томах. Однако в данной главе Гоббс направляет свои критические стрелы против книги Беллармина «О власти папы в мирских делах» (De potestate summis pontificis in rebus temporalibus), в которой автор отстаивал средневековую идею необходимости подчинения прежде всего папе, а затем уже государю.— *379.*

[17] Название *нимвроды* (нимроды) происходит от имени Нимрода, весьма умелого охотника, царя Вавилона и окрестных земель (см. Быт. 10, 8—10).— *380.*

[18] Для понимания аргументации Гоббса следует иметь в виду, что основное значение греческого слова *мартир* — свидетель, в каковом значении (как учеников, свидетелей Христа) его применяли авторы евангелий. Лишь впоследствии это слово стало применяться для обозначения христианских *мучеников.*— *383.*

[19] Речь идет о так называемой Септуагинте. См. прим. 22 к с. 59.— *399.*

[20] Да будут эти книги всем нам, духовным лицам и мирянам, предметом поклонения (лат.).— *403.*

[21] *Лаодикийский собор* — один из первых поместных соборов христианской церкви, состоявшийся в Лаодикее (тогда значительный город во Фригии, в нынешней Турции) в 364 г. Собор утвердил 60 вероисповедных канонов (правил), вошедших в каноническое учение христианства.— *403.*

[22] *Аммиан Марцеллин* (ок. 330 — ок. 400) — римский историк. В 31 книге своих «Деяний» (до нас дошли последние 18) охватил период от императора Нервы (96—98) до 378 г. (в дошедших до нас книгах от 353 до 378).— *408.*

[23] Царь божьей милостью (лат.).— *416.*

[24] Божественный промысл... божьей милостью (лат.).— *416.*

[25] О верховном священнике (лат.).— *421.*

[26] Т. е. до того как стать сподвижником Христа и одним из двенадцати апостолов, Петр носил имя Симон.— *423.*

[27] По божественному праву (лат.).— *435.*

[28] По божественному праву через посредника (лат.).— *435.*

[29] Букв. «о козьей шерсти» (лат.), т. е. о мелочах или впустую.— *436.*

[30] *Иннокентий III* — римский папа. Теократические притязания папства достигли во время его понтификата (1198—1216) наибольшей силы, и некоторые королевские владыки Западной Европы формально признали свою ленную зависимость от него; вел беспощадную борьбу с «еретиками». *Лев III* — римский папа (795—816), короновавший императора Карла Великого.— *439.*

[31] О еретиках (греч.-лат.).— *441.*

[32] Римские императоры. *Нерону* (54—68) христианская традиция приписывает начало преследований первых христиан. При *Диоклетиане* (284—305) произошли последние — и очень сильные — их преследования. *Юлиан* (361—363), видный философ-неоплатоник, лишил христианство статуса единственно господствующей религии и получил поэтому наименование Отступника (от христианства). *Валент* Флавий (364—378) в церковном расколе той эпохи принял сторону арианства (см. прим. 22 к с. 571).— *445.*

[33] *Феодосий* Флавий Великий — римский *император* (379—395). Преследовал сторонников арианства и язычества, окончательно утвердил господство ортодоксального (православного) христианства, однако вступил в распри с римской папской курией. *Амвросий* (374 — ок. 397) — епископ Милана (Медиолана), один из первых и главных наряду с Иеронимом и Августином (см. выше, прим. 1) авторитетов католической церкви.— *448.*

[34] Из упомянутых здесь *пап* весьма значителен *Григорий I* Великий (понтификат 590—604). Он укрепил власть папства в Италии, расширил сферу влияния римской церкви в других странах Западной Европы, посылая туда миссионеров. Весьма способствовал консолидации католицизма в его противостоянии византийской (православной) церкви. О *Захарии* и *Льве III* см. прим. 22 к с. 59 и выше, прим. 30.— *448.*

[35] *Нееман* — храбрый и благочестивый полководец сирийского царя. Исцелился от проказы, окунувшись по совету пророка Елисея семь раз в Иордан (4 Цар. 5, 1—15).— *461.*

ЧАСТЬ IV

[1] Область в нагорной части земли племени Иуды (см. Нав. 10, 41; 11, 16).— *464.*

[2] *Карл Великий* (742—814) — король франков (с 768) и первый император Священной Римской империи (с 800). Проводил политику сближения с римской курией, укрепил церковную организацию на землях франков, узаконил церковную десятину, усилил власть епископов и принял императорскую корону из рук папы Льва III (800), превратив церковь в опору своей центральной власти.— *467.*

[3] Окропи меня, Господи, иссопом (лат.). Иссоп — растение, отвар которого употреблялся при еврейских обрядах очищения.— *470.*

[4] *Иоас*, царь Иудеи (878—838 до н. э.), не *сын*, а внук *Гофолии*, присвоившей себе престол после умерщвления Охозии, отца Иоаса, и истребившей весь род Давида, за исключением Иоаса, спасенного тайно его теткой Иосафевой, женой первосвященника Иодая, который в дальнейшем возвел на царство Иоаса и наказал Гофолию (см. 4 Цар. 11; 12, 2 Пар. 23; 24).— *473.*

[5] *Беза* (Без) Теодор (1519—1605), помощник Кальвина, а после смерти последнего — глава кальвинистов, в трактате «О праве магистратов по отношению к подданным» развивал идеи тираноборства.— *473.*

[6] *Херувимы* (евр. Керувим) — вторая после серафимов (ближайших

к божественному престолу) категория ангелов в иудейской и христианской религиях. Изображались (иногда фигурами из золота) шестикрылыми (как и серафимы) со множеством глаз. Изображение *медного змея* по повелению бога выставил Моисей на шесте посреди лагеря евреев в пустыне при их исходе из Египта. Смотревшие на него исцелялись от укусов ядовитых змей, посланных на них богом в наказание за то, что они роптали на господа и своего вождя Моисея (Чис. 21, 6—9). Израильтяне долгое время сохраняли медного змея как святыню (4 Цар. 18, 4), пока благочестивый царь Иудеи Езекия (726—697 до н. э.) не уничтожил его.— *502.*

[7] *Апофеоз* (греч.) — обожествление, прославление, возвеличение какого-либо лица (в древности обычно правителя государства после его смерти). Ниже Pontifex Maximus — верховный жрец (лат.).— *505.*

[8] Повозка богов (лат.).— *506.*

[9] Ambarvalia — весеннее празднество древних в честь Цереры, древнеримской богини произрастания растений и подземного мира (тождественна греч. Деметре). *Неделя о слепом* — христианский праздник в одно из послепасхальных воскресений в память о слепом, исцеленном Христом.— *507.*

[10] Здесь Гоббс некорректно отождествляет религиозно-мифологическую мысль Востока с философской, возникшей в Древней Греции. *Гимнософисты* — букв. «голые мудрецы», так древнегреческие авторы называли индийских брахманов (жрецов).— *509.*

[11] *Карнеад* из Кирены (214—129 до н. э.) — древнегреческий философ, глава платоновской Академии и основатель Новой (3-й) Академии. Склонялся к умеренному скептицизму (воцарившемуся уже в Средней Академии). В 156/155 г. до н. э. возглавил группы философов в Риме, куда впервые принес идеи древнегреческой философии. *Катон* Старший Марк Порций (234—149 до н. э.) — влиятельный римский политик того времени, известный как «цензор нравов», потребовал удаления греческих философов из Рима.— *509.*

[12] Апостол Павел до своего обращения в христианство (когда он носил еврейское имя Савл — см. с. 405) был фарисеем и злейшим гонителем христиан.— *510.*

[13] Давая расширительное толкование высказыванию Цицерона (см. прим. 13 к с. 33), Гоббс критически оценивает идеи главных аристотелевских произведений. Основная причина этого — в господстве схоластизированного аристотелизма в английских и вообще в европейских университетах. Сам Гоббс несколько ниже (в конце параграфа «Заблуждения, вошедшие в религию из аристотелевской метафизики») констатирует различие между тем, что сам Аристотель называл «первой философией», и тем, что стало именоваться «метафизикой», особенно у схоластов (см. вступит. статью в т. 1 наст. изд.).— *511.*

[14] Увлекшись своей борьбой со схоластизированной теологией и религией, Гоббс соответственно пытается истолковать и принципы философии *Аристотеля*, которые, по его мнению, были ориентированы на древнегреческую религию своего времени. Это, конечно, не соответствует действительности. Основанием для такого рода интерпретации Гоббса, возможно, послужили слова Аристотеля, сказанные им, когда он спешно покидал Афины в 322 г. до н. э. (после смерти Александра Македонского, сторонником которого его считали в Афинах): Аристотель заявил, что не хочет, чтобы здесь еще раз совершилось преступление против философии, намекая на осуждение в 399 г. Сократа. Одно из главных обвинений, выдвинутых против первого афинского философа его политическими врагами, было обвинение в том, что он отрицает богов, признаваемых в Афинах, и вводит новых. Хотя Сократ и опроверг это обвинение, он тем не менее был приговорен к смерти.— *516.*

[15] Застывшее здесь (лат.).— *517.*

[16] *Варрон* Марк Теренций (116—27 до н. э.) — римский поэт и ученый-энциклопедист, создавший множество трудов на самые различные темы.— *524.*

[17] Вероятно, имеется в виду *папа Григорий I* (см. прим. 34 к с. 448). *Святой Бернард* — Бернард (*Бернар*) Клервоский (1090—1153) — крупнейший средневековый западноевропейский (французский) философствовавший мистик, церковный и политический деятель. *Беда* Достопочтенный (672/673 — ок. 735) — видный англосаксонский ученый-монах, летописец и историк.— *525.*

[18] Т. е. осуществлять таинство причастия (пресуществления).— *529.*

[19] Блуждающий огонь (лат.).— *530.*

[20] *Фридрих I Барбаросса* (ок. 1125—1190) — германский король, император Священной Римской империи (с 1152). *Адриан IV* — римский *папа* (1154—1159), опирался на императора Фридриха в борьбе против своих противников.— *531.*

[21] Английская *королева Елизавета* продолжала Реформацию Генриха VIII. В ее царствование (1558—1603) устройство англиканской церкви было завершено двумя актами: актом о верховенстве, который окончательно делал монарха верховным правителем церкви, и актом о единообразии, регулировавшим англиканское богослужение.— *532.*

[22] Домовые (лат.).— *534.*

[23] Весь этот абзац современники рассматривали как обоснование необходимости повиновения новой власти, рожденной в результате революции, т. е. власти кромвелевского парламента. Именно поэтому все «Обозрение и заключение» было исключено Гоббсом из латинского издания «Левиафана».— *538.*

[24] Право рвения (лат.).— *541.*

[25] Один из семи диаконов первоначальной христианской общины в Иерусалиме. Своими чудесами и проповедями, в которых доказывал, что учение Христа — дальнейшее развитие религии Моисея, навлек на себя сильную вражду евреев, и они забили его камнями. Стал первым мучеником христианской церкви (см. Деян. 6, 5—15; 7, 54—60).— *541.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

[ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ К «ЛЕВИАФАНУ»]

Приложение к «Левиафану» написано Гоббсом для собственного латинского перевода этого произведения вместо Заключения, фигурирующего в английском издании. Здесь Гоббс пытается несколько сгладить религиозно-политическую остроту текста.

Приложение написано в диалогической форме. Позицию Гоббса выражает персонаж, обозначенный буквой *А* и отвечающий на вопросы, которые ставит персонаж *Б*.

В русском переводе Приложение публикуется впервые. Библия цитируется по русскому синодальному изданию, за исключением ряда случаев, где Гоббс пользуется не Вульгатой, а другими изданиями (иногда они называются автором), латинский текст которых не совпадает с названным русским изданием (см. прим. 22 к с. 59). Перевод с латинского — Appendix Continens tria capita — сделан Н. А. Федоровым по изд.: Opera philosophica quae latine scripsit omnia in unum corpus nunc primum-

collecta, studio et labore Gulielmi Mollesworth. Vol. III. Londini, MDCCCXLI. C. 511—569.

[1] *Символ* христианской *веры*, в дальнейшем рассматриваемый здесь, был принят на 1-м Вселенском (общехристианском) соборе в Никее (тогдашняя Византия) в 325 г. Собор осудил как безбожную ересь арианство (см. ниже прим. 22), а также определил время празднования Пасхи и принял 20 канонов. О некоторых из них и идет речь в данной главе.— *547.*

[2] Т. е. схоластики.— *547.*

[3] *Аристотель* говорит не о творении, а о постоянном (вневременном) возникновении мира, которое начинается с так называемой первой (бескачественной) материи. Гоббс приписывает здесь Аристотелю скорее позицию Платона, который в своем «Тимее» утверждает творение мира богом (демиургом), независимо от которого существуют как материя (фактически отождествляемая с пространством), так и мир идей.— *548.*

[4] *Афанасий* Александрийский (ок. 295—373) — один из отцов христианской церкви. Решительный противник арианства. В борьбе с ним разработал учение о «единосущности» бога-отца и бога-сына, которое вошло в Никейский Символ веры.— *550.*

[5] См. прим. 16 к с. 379.— *552.*

[6] *Второй вселенский собор* был созван в *Константинополе* (1-й Константинопольский) в 381 г. для уточнения Никейского Символа веры и борьбы как со старыми (особенно арианство), так и с новыми ересями. Именно на этом соборе была окончательно принята формула о единстве и троичности бога — отца, сына и святого духа.— *553.*

[7] Гоббс намекает на широко распространенное в древности (и в последующие времена) представление о постоянном переселении душ в различные тела (метемпсихоз), отвергнутое христианским вероучением, согласно которому каждая душа творится богом только для данного человека.— *555.*

[8] Быт. 3, 22—24.— *556.*

[9] *Саддукеи*, конечно, не «философы», а жрецы иерусалимского храма в Иудее, появившиеся там во II в. до н. э.— I в. н. э. Эта группа жреческой аристократии отрицала нарождавшиеся в это время мессианские и эсхатологические верования, а также верования в загробную жизнь, верования, предвещавшие будущее христианство.— *557.*

[10] См. прим. 22 к с. 59.— *558.*

[11] *Петр Ломбардский* (нач. XII в.— ок. 1160/1164) — крупнейший западноевропейский средневековый теолог и философ. В четырех книгах своих «Сентенций» создал весьма влиятельную систематизацию христианско-католического вероучения, вытесненную в последующие века только «Суммами» Фомы Аквинского.— *560.*

[12] Белизна — быть белым... белое... белый... имя (греч.).— *561.*

[13] *Иоанн Дамаскин* (ок. 675 — ок. 750) — византийский богослов и философ, автор фундаментального произведения «Источник знания», третья часть которого называется «Точное изложение православной веры»; ее и цитирует здесь Гоббс.— *563.*

[14] Греч.— стилистический прием, посредством которого нечто целое (или вообще большее) обозначается какой-либо его частью (чем-то меньшим).— *564.*

[15] *Эдуард VI* — король Англии (1547—1553), сын Генриха VIII (см. прим. 42 к с. 92).— *567.*

[16] *Сфинкс* — крылатое чудовище (с туловищем льва и головой женщины) из древнегреческой мифологии, убивавшее людей, не способных разгадать его загадку: «Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» (человек в трех возрастах его жизни).— *567.*

[17] *Кирилл* (ум. в 444) — патриарх Александрии (с 412), написавший много произведений на богословские темы. Одно из главных богословских положений его состояло в утверждении единства божественного и человеческого в Христе как залоге спасения человечества.— *567.*

[18] Знаменитый древнегреческий *писатель*-сатирик (ок. 120 — ок. 190). Усвоив идеи Эпикура, стал одним из последних атеистов античности. Высмеивал как языческий политеизм, так и крепнувшее христианство. Ф. Энгельс назвал Лукиана «Вольтером классической древности» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 469).— *568.*

[19] *Фарисеи* (как и *саддукеи* — см. выше прим. 9) — религиозно-политическая секта в иудаизме. *Ессеи* (эссены) — секта, далеко отошедшая от ортодоксального иудаизма.— *569.*

[20] *Грецизмом* Гоббс явно именует здесь древнегреческую политеистическую («языческую») религию.— *569.*

[21] Годы созывов этих соборов — соответственно 381, 431 и 451.— *571.*

[22] *Арий* (ум. 336) — христианский священник из г. Александрии. Отрицал единосущность бога-сына и бога-отца, утверждая, что бог-сын Христос по своей сущности ниже бога-отца и создан им. Несмотря на осуждение учения Ария на Никейском соборе, оно нашло множество приверженцев далеко за пределами Египта, будучи принято как ортодоксальное даже целыми народами (напр., вестготами).— *571.*

[23] *Несторий* (ум. ок. 450) — константинопольский патриарх (428—431), принижавший божественную природу Христа (и Марии, родившей его). Осужденное как еретическое на Эфесском соборе (431), несторианство получило значительное распространение в странах Ближнего Востока.— *572.*

[24] *Фока* (ум. 610), византийский *император* (с 602), получив в борьбе за византийский престол поддержку пап Григория I и Бонифация VIII, пошел на уступки папству, чем усилил его.— *572.*

[25] Вероятно, Гоббс имеет в виду трактат *Лютера* «К христианскому дворянству немецкой нации» (1520), в котором проводилась мысль, что национально-политическая задача немцев состоит в освобождении от папского засилья и что задачу эту можно решить, если служение богу рассматривать не как дело одного духовенства, а как результат всей жизни христиан, их мирской жизни и светской власти («всеобщее священство»).— *572.*

[26] Так называемая *Мария* Кровавая — английская королева (1553—1558), отменившая англиканство, введенное реформой ее отца Генриха VIII, и восстановившая в Англии католицизм в качестве государственной религии (Елизавета I, ее сестра, снова вернула Англию к англиканству).— *573.*

[27] См. прим. 20 к с. 531 и 21 к с. 219.— *578.*

[28] Понтификат *папы Александра III* — 1159—1181.— *578.*

[29] *Евсевий* (Кесарийский) (ок. 260/265 — ок. 338 или 359) — римский писатель и историк, епископ, автор ряда произведений.— *579.*

[30] См. прим. 51 к с. 111.— *580.*

[31] См. прим. 21 к с. 219.— *583.*

[32] *Тертуллиан* Квинт (ок. 160 — после 220) — христианский теолог и писатель. В своих философских представлениях о боге и душе находился под влиянием стоиков.— *584.*

[33] См. выше прим. 15 к с. 567.— *590.*

БЕГЕМОТ, ИЛИ ДОЛГИЙ ПАРЛАМЕНТ

«Behemoth, or the Long Parliament» написан Гоббсом, вероятно, спустя несколько лет после Реставрации, однако первая публикация его, как полагает известный исследователь Гоббса немецкий социолог Тённис, была осуществлена не ранее 1692 г. в «Tracts of Mr Th. Hobbes of Malmesbury», изданных Уильямом Круком (Crooke). В них на первом месте напечатан «Бегемот», а затем три других произведения. Во введении к этому изданию Крук писал, что Гоббс был против публикации своей «Истории гражданской войны» (как иначе называли «Бегемот»), но что теперь эта книга стала одной из самых популярных в Англии. Тённис выяснил, что издание Крука — более совершенное, чем некоторые другие, но и оно сделано не с оригинальной рукописи. Саму рукопись Тённис обнаружил в St. John College в Оксфорде и после тщательного сличения с имевшимися текстами впервые издал в 1889 г.

С этого издания и сделан публикуемый на русском языке перевод извлечений Диалога I, представляющих наибольший интерес в качестве иллюстрации взглядов Гоббса на события английской истории. В целом «Бегемот» состоит из четырех диалогов, из которых первый посвящен анализу причин гражданской войны и состоянию английского общества перед революцией, а остальные — конкретным событиям самой войны. Текст публикуется по изданию 1964 г. в переводе А. С. Богомолова.

[1] *Долгий парламент* собрался 3 ноября 1640 г. и просуществовал весь период революции вплоть до 1653 г., когда его остатки (так называемое охвостье) были разогнаны Кромвелем. Таким образом, история Долгого парламента отражает фактически всю историю английской революции.— *594.*

[2] Святая святых (лат.).— *594.*

[3] В духовных целях (лат.).— *595.*

[4] Далее излагаются те точки зрения и доктрины, которые первыми вселенскими соборами были объявлены еретическими. Подчеркивается, что соборы были созваны императорами и, следовательно, подтверждение решений собора не имеет никакой силы без авторитета светской власти. Поэтому церковники не могут ставить знак равенства между канонами и законами. Затем обсуждаются исторические доказательства зависимости папской власти от светской. Приводятся также доказательства и соображения в пользу независимости власти светского государя от папства. Король сам должен быть пастырем своих подданных, но отнюдь не овцой. Однако папы претендуют на высшую власть. С этой целью они распространяют различные учения о превосходстве своей власти над всеми христианскими государствами.— *598.*

[5] *Эдуард III* (1312—1377) — английский король (с 1327), при котором началась Столетняя война Англии с Францией. Тяготившийся своей зависимостью от папства, особенно ввиду враждебной политики пап, которые находились в Авиньоне и поддерживали в Столетней войне Францию, Эдуард III в 1353 г. издал закон, воспрещающий перенесение в папскую курию дел, разбиравшихся в церковных судах, что причинило урон папской казне. Кроме того, он наложил руку на доходы и земельные владения церкви.— *598.*

[6] *Дунс Скот, Иоанн* (ок. 1265/1266 — 1308) — шотландский схоластик, профессор богословия Оксфордского университета. Гоббс в данном случае дает Скоту весьма пристрастную оценку, считая его писателем темным и бессмысленным; в действительности Скот известен в истории философии как раз тем, что пытался ослабить связь между философией и теологией и до известной степени высвободить философию из-под гнета церкви. О *Петре Ломбардском* см. прим. 11 к с. 560.— *599.*

[7] Далее речь идет об английской Реформации. Собеседник *Б* просит рассказать о пресвитерианах.— *600.*

[8] Экспромт, импровизация (лат.).— *603.*

[9] Т. е. в период войны между королем и парламентом.— *605.*

[10] Далее следуют рассуждения о том, почему, как это ни странно, шотландцы и англичане считают друг друга иностранцами, хотя живут на одном острове.— *610.*

[11] Писаный закон (англ.).— *612.*

[12] Так называлась программа требований баронов и лондонских горожан, восставших против короля Иоанна, принятая им в 1215 г. В ней был записан следующий параграф, который имеет в виду Гоббс: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него [...] иначе как по законному приговору его пэров и по закону страны».— *612.*

[13] См. выше прим. 6.— *615.*

[14] Далее следует разговор о моральной философии протестантского духовенства в Англии. На деле она не столь уж плоха, каковой выглядит в богословских сочинениях. Собеседники анализируют трактат «Полный долг человека, изложенный в простой и ясной форме», автор которого не назван, и один из них доказывает бессмысленность притязаний не только католических, но и пресвитерианских священников на то, что они имеют непосредственную связь с богом и что в силу этого могут знать больше того, что повелел король «в согласии с пэрами и общинами». В трактате, о котором идет речь, вопрос о повиновении суверену решается в зависимости от того, совпадает ли это с повелением бога. Гоббс решительно протестует против того, чтобы вопрос о повиновении ставился в зависимость от трактовки Писания. Наконец, разговор снова возвращается к роли университетов.— *620.*

[15] Засела в груди смертоносная стрела (лат.).— *621.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Августин Аврелий 565
Адриан IV (папа) 531
Александр (епископ) 571
Александр Македонский (Великий) 51, 214, 300, 376
Александр III (папа) 578
Амвросий 448
Аммиан Марцеллин 408, 412
Апеллет 584
Арий 571, 572, 577
Аристид 166
Аристотель 10, 27, 98, 118, 131, 167, 168, 205, 464, 509, 510, 512, 513, 515, 516, 518, 520—523, 529, 548, 550, 557, 598, 599, 615—618, 620
Афанасий Александрийский (епископ) 550, 553, 564, 577, 585

Беда Достопочтенный 525
Беза (Без) Теодор 473, 474, 487
Бекет Фома (архиепископ) 251
Беллармин Роберт (Беллармино Роберто) 379, 421, 424—440, 442, 444—448, 473, 475, 481, 482, 484—487, 552, 553, 564, 565
Бернард (Бернар) Клервоский 525
Брут Марк Юний 14, 15

Валент, Флавий (римский император) 445
Варрон, Марк Теренций 524
Вильгельм I Завоеватель (герцог Нормандии) 193, 194, 251, 539
Вильгельм II Рыжий (английский король) 251
Вергилий, Публий Марон 88, 167, 349, 552

Гамильтон Джеймс 608, 609
Генрих II Плантагенет (король Англии) 251, 591
Генрих III (французский король) 441
Генрих IV (французский король) 599
Генрих VII (английский король) 622
Генрих VIII Тюдор (английский король) 267, 535, 590, 617, 621, 622
Гесиод 552
Гипербола (Гипербол) 166
Годольфин, Сидней 4, 536
Годольфин, Фрэнсис 4
Гомер 71, 88, 167
Гракх Гай 251
Гракх Тиберий 251
Григорий I Великий (папа) 448, 525
Григорий II (папа) 448

Дамаз 408, 412
Диоклетиан (римский император) 445
Диоскор 572
Домициан, Тит Фавий 293
Дунс Скот Иоанн 599, 615

Евсевий Кесарийский 579
Евтихет 572
Елизавета Тюдор (английская королева) 532, 535, 573, 578—580, 589, 598, 601, 602, 604
Епифаний 565

Захарий I (папа) 93, 448
Зенон из Китиона 568

Иероним 293, 294, 297
Иннокентий III (папа) 439, 441, 446, 469
Иоанн Безземельный (английский король) 251, 444, 599
Иоанн Дамаскин 563, 585
Иосиф Флавий 293, 294, 300

Калигула, Гай Цезарь 506
Каракалла, Марк Аврелий Антонин 506
Карл I Стюарт (английский король) 579, 581, 591, 600, 605
Карл Великий (король франков

* Составлен А. В. Матешук.

и римский император) 441, 467, 598
Карнеад из Кирены 509
Катилина, Луций Сергий 78
Катон Старший, Марк Порций 509
Кириан 554
Кирилл (патриарх Александрии) 567
Климент I (римский епископ) 299, 403
Кок, Эдуард 111, 209, 580
Константин Великий (римский император) 73, 412, 424, 504, 505, 571, 573, 576, 577, 581, 585

Лев III (папа) 439, 446
Ливий, Тит 51, 294
Литлтон, Томас 111
Лукиан 568
Лютер, Мартин 572

Магомет 88
Марий, Гай 229, 251
Мария Тюдор (Кровавая, английская королева) 573, 581, 601

Нерон, Клавдий Цезарь (римский император) 445, 446
Несторий (патриарх Константинополя) 572
Нострадам (Нострадамус) Мишель 87
Нума Помпилий (царь Древнего Рима) 88

Осман 720

Петр Ломбардский 560, 595, 599, 615
Пилат 445
Платон 205, 286, 509, 510, 557, 558, 568, 620
Помпей, Гней 84, 251
Праксей 585
Прокул, Юлий 505
Птолемей II Филадельф (царь Египта) 294, 298, 399

Сатурнин, Луций Апулей 251
Сельден, Джон 73
Сенека, Луций Анней 620
Сильвестр 424
Скандербег, Кастриот Георг 294
Сократ 516
Солон 251
Суарес, Франциско 62, 599
Сулла, Корнелий 229, 251
Сципион Африканский Младший, Публий Корнелий Эмилиан 84, 608
Сципион Африканский Старший, Публий Корнелий 608

Тарквиний (Гордый, царь Рима) 271
Тертуллиан Квинт 584

Урсицин 408, 412

Феодосий I Флавий (Великий, римский император) 448
Филон Александрийский 300
Фока (византийский император) 572
Фома Аквинский 27
Формион 84
Фридрих I Барбаросса (германский король, император Священной Римской империи) 531, 578

Хильперик (франкский король) 93, 441

Цезарь, Август 14, 505
Цезарь, Гай Юлий 14, 51, 78, 229, 251, 259, 445, 505, 506
Цицерон, Марк Тулий 27, 33, 124, 167, 168, 192, 205, 246, 511, 522, 524, 526, 563, 616, 620

Эдуард III (английский король) 567, 598
Эдуард VI (английский король) 590
Эпикур 568
Эрендел, Томас Говард 608
Эссекс, Роберт Деверье 608

Ювентий 408
Юлиан Отступник (римский император) 445
Юстиниан Великий (император Восточной Римской империи) 219, 579, 583

Яков I (король Шотландии и Англии) 154, 316, 592, 601, 605

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К I И II ТОМАМ *

Абстракция 95; II 561
— словесная II 562
Абсурд 305, 529, 533; (абсурдные утверждения) II 29, 34, 61, 62, 100, 488
— определение II 32, 33
Автомат см. Животное искусственное
Авторитет 253, 260, 261, 275, 276, 339, 383, 393, 420, 421, 533, 571, 597, 600; II 50, 89, 307, 477, 530
— определение 257
— Бога 563
— власти (властей) II 4, 219, 230, 265
— государства II 248, 301, 302, 446
— книг II 26, 36, 201
— людей (человеческий) II 51, 619
— писателей II 214
— ученых II 263, 620
— частного лица II 384
и публично-правового института II 302
(см. Закон, Священное писание, Суверен, Церковь и др.)
Ад II 349, 597
— в собственном и метафорическом смысле (в Писании) II 350
— муки II 351
— и чистилище II 516, 616
Адвокат II 218
Аксиома 92, 98, 158, 285
Акт см. Действие (как поступок)
Актуализация 165, 166
Акциденция (акциденции, свойство) 73, 76, 79, 80, 90, 107, 121—123, 126—128, 135, 140, 156, 159, 160, 166, 168—173, 203, 236—238, 516; II 9, 86, 441, 512
— как причина действия 160, 161, 163, 165
— определение 95, 146, 147
— возникновение и уничтожение 157, 158
— имя II 27
— случайные 164
— чувственные 71
— мозга II 309
— и движение 122, 146, 148, 157
— и субъект 148, 157, 158
(см. Величина, Государство, Имя, Свет, Форма и др.)
Анархия 348, 350, 352, 371, 374, 385, 386, 392, 428; II 144, 522
— определение II 276
Анафема II 291
— определение II 569
— предание анафеме см. Отлучение
Ангел (ангелы) II 320, 322, 329, 333, 339, 345, 355, 356, 372, 479, 480, 569, 615
— являются (реальными) субстанциями, не зависящими от воображения, и неизменными творениями Бога II 309, 587
— как вестники и провозвестники слов и дел Бога II 312
— как свидетельство (знамение) особого присутствия Бога (миссия а.) II 310, 311, 328

* Указатель к I тому составлен Э. Г. Храстецким, ко II — А. В. Матешук.

— смысл слова (имя) «а.» в Библии II 308—313, 587
— авторитет II 456
— изображение II 503
— материальность II 312
— природа II 309, 550
— дурные (злые) II 312
и добрые II 492
— субстанциальные и бессмертные (бессмертность) II 312, 313
— тьмы II 351
Антипапа (лжепапа) II 424
Антиподы II 525
Антихрист II 335
— признаки (значение слова) II 424, 425
— как определенное лицо II 425
(см. Аргументы)
Апелляция II 596
— есть выбор II 189
Апокрифы II 293, 325
(см. также Священное писание, книги)
Апостолы (апостольство) II 289, 299, 300, 301, 322, 333, 345, 377, 379, 384, 386—388, 400, 403, 410, 418, 419, 422, 431, 432, 443, 445, 446, 451, 454, 459, 461, 474, 475, 484, 485, 491, 493, 500, 504, 505, 552, 576, 590, 594
— как первые христианские епископы II 406
— как свидетели воскресения Христа II 405
— как судьи II 374
— власть II 402
законодательная II 430
тройная II 447
и репутация II 434
— время (времена, эпоха) II 391, 396, 404, 412, 414, 416, 464, 477, 483
— дело (задача, миссия, занятие) II 314, 380, 381, 394, 404, 411
основная II 378
— добродетели II 531
— назначение (избрание)
как акт собрания (собраний) христиан (церкви) II 405, 407
— призвание II 405
— существенный признак (особенность) II 404
— цель II 393, 403
— первые и избранные II 404
(см. Правила, Собрание)
Арбитр (судья) 313, 314, 319, 325, 411, 412, 502, 597; II 116, 121
Аргументы II 201, 566
— достоверность или вероятность II 381
— а. от качества антихриста II 424
(см. также Доказательство)
Арианство II 585
Аристократия 280, 348, 354, 355, 370, 373, 375, 384, 419, 454; II 144, 146, 150, 151, 187, 191, 206, 273, 362, 421, 422, 522
— определение 349; II 149
— смешанная 351
— вождей народа II 363
— тридцати правителей II 521
Аристотелизм (аристотелики) II 512, 550
(см. также Философия, Аристотеля)
Арифметика II 30, 31, 162, 508
Армия (военные (вооруженные) силы) II 139, 140, 239, 259, 260, 544, 592, 605, 606, 609—611, 622, 623
— командующий (генерал) II 274, 275, 608
— воинствующей церкви II 468
Астрология 80, 267; II 88
Астрономия (астроном) 67, 237, 551; II 507, 509
Атеизм (атеисты) 412, 423, 424, 429, 443, 445; II 60, 277, 582, 586
— определение II 576
— наказание II 575
Атом 211
Аффект (волнение души) 80, 247—249, 251, 271, 279, 280, 286, 291, 294, 309, 315, 398, 436, 444, 534
— определение II 29
(см. также Любовь, Страсть, Страх и т. п.)

Бедность II 70
Безверие II 222
Беззаконие (беззакония) II 155, 168, 170, 233, 239, 370, 400, 401
— определение II 266
Безнаказанность II 268, 336

Безопасность 336, 339, 340, 353, 359, 361, 374, 404, 411, 473; II 113, 129, 131, 132, 147, 171, 224, 278, 605
— гарантии (гарантия) II 130, 151, 167
— обеспечение II 260, 275
— коллективная (общая, общественная) 335, 403; II 593
— государства 459
(см. Мир, Народ)
Бережливость 408, 409; II 78
— определение II 618
Бесконечность (бесконечное) 138, 139, 144, 145, 149, 181, 210, 229, 436; II 512
— понятие 435
— определение II 21
— и конечное 208, 209, 435 (см. Пространство)
(см. Число)
Беспристрастие II 129, 207, 221
— есть справедливое (равное) распределение II 116, 119, 123
Бессмертие II 372, 471, 481, 556
— определение II 347, 477
— рода и личное II 480
— тела и души II 478
(см. также Жизнь, вечная)
Бестелесное
— имя II 566
Бесчестье
— определение II 244, 245
— греховное II 501
Библия см. Священное писание
Благо (блага) 77, 234, 243, 244, 247, 263, 264, 282, 287, 289, 290, 296, 297, 299, 300, 313, 316, 318, 336, 361, 364, 397, 402, 406; II 63, 70, 103, 114, 115, 118, 167, 199, 243, 278, 481
— есть наслаждение жизнью II 269
— как добро 240
— относительность 240
— различные имена 237
— будущее II 247
— высшее (блаженство) 246, 436, 536, 575, 576
— вытекающее из преступлений II 231
— гражданские (гражданина) 376, 402—404, 408, 410
— духовные II 410
— земные б. властителей церкви II 526
— истинное и мнимое 241
— личное (частное, б. индивидуумов, б. для себя, собственное) II 101, 111, 112, 116, 189, 200, 434
и общее 259, 329, 348; II 131, 146
и другого человека II 198
— общее (общественное) 331, 471; II 132, 139, 193, 303
— особенное 330
— пожалованные II 248, 249
— почетное II 245
— государства 338, 400, 410, 471; II 247
— обладания властью всеобщего монарха II 527
— и зло (вред) II 82, 200, 272, 286, 356, 414 (см. также Добро и зло)
— б. народа — высший закон 376, 400, 401
(см. Мир (состояние), Человек)
Благодарность (благодарности) II 116, 278, 280, 281
— определение II 76
Благодать 264, 577, 578; II 314
— Царство II 315, 319, 373, 385
Благодеяние II 278, 281, 284
— определение II 76
Благоразумие (благоразумный) II 19, 34, 55, 66, 93
— определение II 20, 36, 54, 94
— честных людей II 618
— и мудрость II 36
Благородство II 108
Благочестие 261—264; II 188, 331, 492, 604, 620
— естественное 249, 260
— искреннее II 391
— и обряды 263
— склонность к б. II 304
(см. Вера)
Блаженство II 333, 346, 352, 465, 493
— как цель II 464
— вечное (высшее) II 113, 314, 315, 351
(см. также Благо, высшее)
Бог (Бог-Отец, Господь, Всемогущий) 145, 209, 222, 233, 240, 256, 257, 262, 264, 265, 306,

319, 320, 322—324, 343, 375, 385, 388, 389, 398, 413, 442—445, 447, 452, 454, 455, 457, 460, 461, 463—471, 474, 479, 480, 487, 490, 576, 588; II 15, 16, 50, 51, 59, 85, 89, 91, 92, 104, 109, 111, 124, 160, 161, 166, 191, 226, 249, 285, 289, 296, 308, 322, 326, 334, 344, 349, 354, 357, 387, 402, 416, 440, 443, 449, 460, 485, 487, 492, 506, 526, 528, 530, 532, 551, 556, 557, 574, 589, 592, 602, 608, 622
— есть дух II 305
— есть отец милосердия II 479
— есть суверен (суверенность Б.) II 279, 397, 539, 540
всего мира II 403
всех суверенов II 293
— есть судья II 420
— есть творец природы (вселенной) II 243, 275, 458
— есть тело (Тертуллиан) II 586
— является вдохновителем книг Писания II 301
— является создателем всего из ничего II 549
— как вечная причина всех людей 587
— как всеобщий перводвигатель 401; II 83
— как гражданский правитель государства II 318
— как первая причина закона и действий II 519
— как (первейшая) причина (из) всех причин 559; II 80, 83, 164
— как первичная и предвечная причина всех вещей II 83
— как причина II 616
— как причина мира 435, 446; II 281
— как творец II 278
естественного закона II 260
речи II 22
— как (вечный) царь (и управитель) II 300
израильский (израильтян, израильского, еврейского, своего избранного, отдельного народа, евреев) 264, 446, 448; II 90, 263, 266, 276, 277, 291, 315, 317, 318, (как святое лицо Израиля) 320, 355, 368, 397, 411, 494, 499, 576
всей земли II 90, 200, 576
всех людей и тварей II 465
праведников II 351
царей II 265, 276
в силу завета II 263
по природе 459
— определение Б. в догматическом смысле II 83
— атрибуты 267, 434—437, 558—560; II 281, 284, 305, 514, 586
бесконечность, незримость и непостижимость II 330, 517, 542
благость 432, 433, 535, 564
(все)могущество (всемогущий) 259, 267, 302, 428—436, 535, 559, 579, 587, 589, 596, 597; II 82, 90, 200, 253, 290, 314—316, 318, 323, 327, 356, 360, 361, 366, 458, 465, 495, 500, 517, 539, 550, 559, 575, 600, 617
доводы II 279
и свобода II 164
единство II 257
милосердие (милосердный) II 278, 370, 555
мудрость (всезнающий) 267, 303, 431—433, 586
сила II 340, 549, 559
справедливость 579, 590
существование 423, 424, 434, 435, 446, 502, 559; II 281, 549, 575, 584
почетные II 327
— благоволение II 366
особое II 329
— веление (повеление, завет, завещание) 261, 274, 320, 326, 428, 429, 503, 564, 586; II 223, 263, 298, 336, 360, 362, 363, 471, 583 (см. Причина)
— (верно)подданные II 277, 293, 319, 335, 336, 338, 355, 386
особенные II 315
— вестники (посланец) см. Ангел
— власть (владычество) 376, 428, 438, 441, 443, 456, 472, 473; II 135, 276, 330, 366, 479
абсолютная II 265
верховное (верховная) II 315, 316, 364, 418, 453
— возмездие Б. за помыслы II 581

— дар (дары) II 222, 314, 332, 500
естественные и сверхъестественные (необычайный) II 333, 473, 493
свободный II 479
— деяния (действия, воздействие, акт, дела) 439, 589, 590, 599; II 331, 338—340, 364, 394, 499
сверхъестественные (специальный и необыч(ай)ный) и естественные (обычное) II 312, 314, 333, 337, 468
удивительные (дивы) см. Чудо
— естество II 83
и честь II 283
— знамение II 302 (см. Ангел, Чудо)
— идея II 282
— избранник (избранники) II 253, 350
— изображения II 494
— имя (имена) 437, 439, 559, 560; II 21, 245, 283, 305, 457, 458, 484, 517, 547, 583, 585
необдуманное употребление (злоупотребление) см. Богохульство
— ипостаси II 553
— лицо (лица, лики) II 257, 301, 364, 378, 379, 386, 564, 586
— личность II 135, 363, 376
— милость (милости) II 188, 238, 314, 332, 346, 472, 478, 481, 587
особая (необычайная) II 222, 477
— наместник (наместники) II 135, 319, 341, 342, 348, 397, 411
Моисей как II 361, 364, 376, 494, 499, 540
— народ II 320, 323, 332, 337, 342, 345, 362, 396, 593, 594
— общение Б. с первосвященниками II 331
— полномочия, полученные от см. Право, божеское
— представительство (представители) II 503, 504
— природа 439, 441; II 279, 283, 305, 327, 332, 512, 514, 550, 616
— присутствие (необычайное, сверхъестественное) II 309, 312, 500
— промысел 590; II 188, 276, 465, 576
— служитель (служители) II 377, 418, 468, 476, 494
— царствование II 278 (см. Царство Божие)
в метафорическом и настоящем смысле слова II 276
— единый II 82, 494
в трех лицах II 568
— истинный II 126, 457, 458, 494
— простой, неизменный, вечный II 549
— смертный и бессмертный II 133
— и имена II 548
— и человек II 327
— благоговение перед Б. II 83, 283
— завет с Б. (между Б. и народом) II 291, 295, 297, 315, 317, 318, 320, 360, 361, 365, 366, 369, 539
возобновление II 316, 371, 399
(см. Авторитет, Власть, Воля, Враг, Государство, Закон и др.)
Богатство (богатства) 408, 409, 424, 434, 541, 586; II 55, 71, 73, 91, 108, 140, 230, 236, 266, 329, 493, 530, 536, 557
— определение II 63, 70
— приобретение II 146
— увеличение II 254
— общественное (государства) 375; II 618
— и благосостояние II 6
— и щедрость II 63
(см. Желание, Соперничество)
Боги (божество, многобожие) 266, 267, 340, 416, 451, 461; II 82, 83, 469, 564, 568
— изобретение II 384, 506
— конечные
есть идолы воображения II 499
— языческие II 89, 126
генеалогия II 489
вторичные (служебные) II 86
Боговдохновенность II 500
Богопочитание 69, 80, 259—261, 263, 432—448, 477, 503, 596

— определение II 279, 495
— законы II 284
— правила II 279
— формы (знаки) II 284
внешние (естественные, предписанные и добровольные) II 280, 498
— внутреннее 565; II 280
— государственное и частное II 281
(см. также Почитание)
Богословие (богословы, ученые пастыри) II 577, 582, 584, 599, 601, 607, 621
Богохульство II 91, 284, 353, 418, 448, 470, 495, 540, 582, 583, 598
— определение II 576
Большинство см. Собрание, большинство
Брак 505
— есть таинство II 529
— как грех (моральный порок) II 520, 521
— как соглашение 344, 345, 368
(см. Духовенство)
Будущее (грядущее) II 20, 81, 82, 102, 106, 236, 325, 368, 444, 449
— определение II 19
— гарантии II 117, 118
— предсказание II 87
— предопределение II 517
(см. Прошедшее)
Бунт см. Мятеж
Бытие 139, 140; II 515
— видений (призраков, фей) II 304, 308, 464, 534
— души и тела II 472

Вдохновение (вдохновенность) II 292, 329, 453
— смысл слова «в.» в Писании II 313, 314
— сверхъестественное II 252, 290
— частное II 302
Великодушие II 245
— определение II 70
Величина 73, 89, 124, 126—128, 130, 138—140, 145, 147, 150, 153—158, 169—172, 176—183, 203, 207—212, 216, 229, 236, 272; II 496, 562, 566
— есть определение материи, т. е. тела II 518
— как акциденция тела 148, 149
— измерения (длина, ширина, глубина) II 513
— класс 89
— [сравнение] 158, 159, 169, 174, 234
— пространственная II 516
— и количество 89
— без тела II 585
(см. Движение, Мир)
Вера 245, 264, 267, 268, 429, 466, 468, 469, 490, 500, 503, 561, 563, 588; II 90, 91, 93, 277, 331, 338, 349, 355, 361, 365, 395, 426, 445, 492, 503, 515, 532, 549, 555, 557, 563, 577, 620
— есть дар Божий (Бога) II 382, 451, 452
— есть основание надежды II 561
— как действие Божьего Духа 564
— как доверие 533, 563; II 50
— как часть учения Христа 327
— как элемент благочестия 260—263
— определение II 41
— исповедание II 343, 505
— непогрешимость в вопросах II 427
— ограничение II 547
— предмет 80, 494
— причина
действующая 563
непосредственная II 453
— символы (символ) 493, 498; II 458, 460 (см. также Символ веры)
— слова II 547
— средства (путь) внушать веру II 452
— таинства 473, 475, 477, 491, 496
— частные толкования II 568
— члены (статьи) II 564, 567, 572, 590, 615
— внутренняя (личная) 501, 502, 504.; II 383, 400
— католическая II 570
— основанная на авторитете и доводах учителя II 452
— христианская (в. в Христа) 68, 69, 460, 466—469, 474, 489, 494, 497, 499, 501, 502; II 50, 446, 451, 471, 560, 582, 588, 589

есть достаточная
для вечной жизни II 455
для крещения II 456
для спасения II 454
непосредственная причина (основа, основание) II 451, 456
(см. Догмат)
— церковная II 422, 423
— поэтов II 89
— и безверие (неверие) II 382, 402, 403
— и блага II 343
— и грех II 375
— и закон 259
— и знание 496, 531; II 452
в., обращенная в знание, погибает II 551
— и интерес 576
— и исповедание 494, 496—498
— и мнение 496; II 305
— и разум II 263
— и святость II 252, 253
— и справедливость II 92
— и чудеса 562; II 92
— в божественное провидение II 278
— в Ветхий завет 502
— в духов II 233
— в сверхъестественный закон II 222
— в Святую Троицу II 579
— в собственные силы II 43
(см. Добродетель, Правило, Причина)
Верноподданство II 386
— отказ от II 541
Верность II 450
— определение II 102, 211
— залог в. верховной власти II 275
— нарушение (нарушать) II 102, 261, 445
— сохранение II 113
Вероломство II 193
Веротерпимость II 467
Верующие (верующий, паства, миряне) II 339, 378, 381, 389, 391, 404, 408, 412, 415, 430—432, 434, 458, 460, 471, 477, 485, 501, 577, 598
— как поручители за веру детей II 483
— души II 472
— тела в. после воскресения II 479
— истинно (искренне) верующие II 410
— и неверующие II 385
(см. Собрание)
Верховенство
— духовное II 528
— власти II 255
— и господство II 437
— и обязанность наставлять II 437
(см. также Правление)
Ветхий завет II 309, 312, 313, 315, 328, 330, 332, 333, 369, 424, 453, 551, 594
— есть Слово Божие II 394
— историческая часть II 300
— каноническая часть (канонические писания, канон) II 311, 399, 481, 587
как закон II 399
— толкование II 394
— и Новый завет II 318, 322, 331, 348, 356, 372, 385, 455, 493, 530, 533, 555, 556
— как правило веры II 451
(см. Священное писание)
Вечность 208—210, 221; II 481, 622
— есть застывшее теперь (схоласты) II 517
— как бесконечная последовательность времени II 517
— искусственная II 151
— особенная: как непрерывная преемственность поколений II 479
Вечный двигатель 209
Вещь (вещи, предмет) 71—75, 81—86, 103, 107, 122, 124, 131, 139, 140, 157, 158, 168, 171, 172, 182, 186, 192, 196, 201, 204, 206, 210, 230, 236, 237, 240, 399, 403, 513, 515; II 17, 18, 23, 25, 28, 33, 54, 321, 551, 569, 592
— есть часть универсума 208
— атрибуты конечных II 282
— виды в. не бесконечны 91
— воздействие II 566
— выгоды II 279
— естественный ход II 242
— исполнение II 324
— наименование (имена) II 78, 558
— начало II 81
— непонимание II 114

— право на в. и передача II 101
— природа 234, 275, 405, 259
— причины II 82 (см. Бог)
исследование II 83
естественные II 282
— различение II 52
— способ произведения редких II 337
— сходство и различие II 52
— ценность (цена) II 116
равенство II 115
— бесконечная II 21
— внешние см. Объект
— единичная (отдельная) 122, 234, 241; II 563
— естественные II 91
— невидимые II 81
— невозможные II 45
— необходимые для жизни человека II 234
— неодушевленные II 11, 126, 339
— не являющиеся телами II 163
— одушевленный 75
— почетные по природе II 245
— случайные II 85
— существующая в себе II 554
— и ее явление II 550
— и имена II 24, 27
— по Аристотелю II 616
(см. также Тело; см. Истина, Объект, Опыт, Ощущение, Слово, Универсалия)
Взаимопомощь 308, 329, 374
Взгляд см. Мнение
Вид 218
— и род 87
Виде́ние (виде́ния) II 10, 14, 15, 290, 306, 309, 328, 330, 475, 491, 492
— воображаемые (мнимые) II 233
и реальные II 308
— сверхъестественные II 310, 311, 313
— и сны II 328—330, 360
естественные и сверхъестественные II 333
(см. Бытие, Сновидение)
Вина 426; II 234, 235, 250, 373, 445
— как сознательная провинность, т. е. проступок 422, 423
(см. также Проступок)
— обстоятельства, смягчающие вину II 230, 233, 237
и отягчающие II 240
— перед Богом 493
(см. Преступление)
Виновный II 246
— и невиновный II 114, 247
Владение (собственность) 330, 335, 363, 365, 469; II 130
— общее 304, 312, 319, 486
— первое 304, 312
— частное 486
(см. также Имущество; см. Власть, Право)
Владычество и победа II 69
Властитель (властелины, владыка, повелитель, правитель) 342, 370, 396, 420, 439, 456, 526
— верховный (обладатель верховной власти) 280, 282, 283, 332, 346, 356, 392, 407, 408, 423, 443; II 539, 576
и воля других 352
и подданные 332, 339—343, 347, 359, 362, 363, 367, 368, 374, 375, 379, 381, 384, 386, 389, 392, 400, 401, 424—426, 448, 458, 459, 469—471, 486, 487, 491, 492, 503 (см. также Господин, и раб)
— христианский II 448
есть верховный пастырь своих подданных II 446
— языческие (языческий или заблуждающийся) II 446, 447
— и государственные законы 333, 342, 389, 390, 392, 409, 427
(см. также Монарх, Суверен; см. Война)
Власть (власти, правление, правительство, господство) 125, 255, 278, 280, 303, 357, 372, 401, 407, 442, 489, 503, 505, 570, 587; II 21, 75, 79, 82, 87, 91, 96, 105, 126, 197, 212—213, 238, 240, 250, 264, 280, 351, 386, 402, 410, 414, 415, 493, 498, 499
— есть возможность, а ее исполнение — действие 383
— есть право владения II 125
— есть право повелевать 357
— виды II 55, 379
— действия II 230
— желание II 55
— захват 399

стремление к з. в. со стороны церковников II 530
— защита II 228, 530, 536
— наследование 372 (см. также Право, наследования)
— ограничение 352; II 148
— отречение от (и перенос) II 142, 171
— первые элементы II 531
— полнота II 251, 367
— проповедь против II 291
— свержение
есть преступление II 227
— седалище II 4
— сосредоточение силы и в. II 132, 133
— сущность II 141
— увеличение II 95
— узурпация II 149
— установление 348; II 263
— формы II 143
— хранители (диктаторы) II 149, 150
— абсолютная см. высшая
— верховная 277, 283, 332, 333, 336—341, 343, 345, 347, 349—351, 354, 356—359, 365—368, 370, 382, 386—388, 393, 400, 401, 418, 421, 425, 440, 444, 453—455, 504, 580; II 6, 69, 73, 134, 135, 138, 144, 162, 165, 168, 171, 173—176, 184, 190, 207, 221, 244, 249, 285, 286, 293, 343, 348, 367, 388, 419, 438, 440, 441, 527, 539, 541, 605, 620
есть источник всех почестей II 142
акты II 268
воля II 230
захват II 113
защита II 232, 247, 453
носитель II 150, 187
основания и принципы II 262
отрицание II 236
постановления (повеления) II 214, 247, 252
природа II 172
расходы II 258
служители II 211
собственность и пользование II 152
установление (учреждение, достижение) II 139, 227
пути II 133
цель II 137, 140, 145
формы правления (роды) II 149, 192
цель II 260
абсолютная и смешанная II 421
божественная и человеческая II 463
гражданская см.
основанная на приобретении (приобретение) II 169, 538
основанная на установлении II 154, 155, 159, 169
Моисея II 362, 363, 365, 376
и семидесяти старейшин II 437
объявления войны и заключения мира II 365
парламента II 208
первосвященника II 366
собрания и монарха II 147, 194
и деньги 343, 374, 375, 384, 394
и закон (законы) 412, 417; II 227, 253, 270
и народ (подданные) II 166, 178, 247, 258, 270, 588
и преступления II 227
и природа II 278
и соглашение II 278
в вопросах религии (культа, в церковных делах) II 369, 428, 505
над детьми и слугами II 223
презрение к в. в. II 237
сопротивление II 170
качества лица (человека или собрания), обладающего в. в. II 186
в. в. неделима II 145
(см. Властитель, Право, Служители и др.)
— видимая (установленная) II 129
— высшая (высшие, абсолютная) 69, 306, 342, 344—346, 357, 386—388; II 160, 265, 495, 574, 596
— гражданская (верховная гражданская, государственная, светская, мирская) 261, 283, 333, 457—459, 472, 487, 491; II 4, 5, 109, 111, 112, 173, 175, 242, 246, 249, 253, 268, 359, 377, 381, 382, 398, 399, 401, 411, 415, 421, 467, 521,

523, 525, 531, 623
определение II 244, 256
один человек или собрание как носитель II 414
разложение (распад) II 194, 253
и условная II 387
и (всемирная) власть папы (римского духовенства) II 267, 429, 445, 535
и высшее правосудие по вопросам нравственного поведения суть одно и то же II 429
и церковная (духовная, религиозная, над церковью, и церковь) II 89, 256, 257, 359, 365, 367, 369, 389, 430, 431, 441, 442, 526, 544, 578, 581
определение II 595
— деспотическая (приобретенная завоеванием или победой) II 157, 158
и патриархальная (отеческая) 280; II 159
— духовная 458; II 526, 598
— законная II 289, 360, 401, 433
есть от Бога II 435
суверенов II 381
и церковь II 357
— законодательная II 160, 209, 211, 254, 302, 430, 434
абсолютная и произвольная II 539
и частные люди II 208
— императорская II 219, 467
— иностранная (чужеземная, в. Рима) II 92, 93, 174, 393, 573
— исполнительная 261, 337
— мирская см. гражданская
— народное 340
— незаконная II 242, 530
— неограниченная II 142, 162
есть абсолютный суверенитет II 174
— общая 300; II 97, 104, 131
отсутствие II 112
установление II 132
— ограниченная II 149, 150
— пожалованная II 423
— принудительная 333, 346, 414; II 110, 143
— разделенные II 254
— суверенная
есть душа государства II 172
право II 271
цель установления II 266
повиновение и неповиновение II 414
— судебная 456; II 244
и исполнительная II 6
— царская (царя) 448, 454, 456, 458, 462; II 160, 372, 458, 465, 499
— церковная (пастырская) II 377, 416, 448, 473, 475, 525, 580
определение II 379
произвол II 522
— человеческая (человека) II 184, 243, 285
— языческие II 533, 577
— военачальников 373, 384
— вождя 397
— всех в совокупности и суверена II 142
— демократии (демократического правительства) II 143, 255
— лучших лиц (оптиматов) 350, 351, 376
— немногих лиц (магнатов) 350, 376
— народа 350—353, 357, 370, 373, 378, 379, 384; II 219, 220
— несовершеннолетнего II 148
— одного человека (единовластие) 373—376, 378, 384, 392, 402, 416, 418, 425
— писаных законов II 208
— предписывать правила II 139
и принуждать подчиняться II 435
— римлян (Римской империи) II 154, 205
— сатаны II 463
— и христианская религия II 390
— или юрисдикция II 597
— в. имущий (имущие) II 373, 453, 495
и законы II 229
— в этом мире II 426
— над грехом II 315
— над детьми (потомством)
матери 365—368
отца (отеческая) 364, 370
и матери II 156, 157
— над другими 367
— над жизнью и смертью II 265, 343
— над личностью человека II 157
— над собранием верующих II 385

— над совестью и словом людей II 532
— над церковью II 420
— от природы II 278
— борьба за в. 311; II 536
(см. Авторитет, Государство, Желание, Закон, Право, Свобода и др.)
Влечение (влечения) 217, 247, 535, 536, 545, 549, 565
— как источник наших действий 566
— как критерий добра и зла II 520
— определение II 38
— причина 238
— естественное II 42
— личные (собственное, частных лиц) II 123
как закон II 520
— и опыт 237, 239
— и отвращение 201, 205—207, 237, 238, 246; II 38 (см. Аффект)
— и ощущение 239
(см. Мудрость, Суверен, Удовольствие, Познание)
Внушение 569, 572; II 252
— сверхъестественное II 292
Вожделение II 604
— плотское II 603
Возвеличение (возвеличивание)
— определение II 48
— разума II 284
Возложение рук см. Рукоположение
Возможность (потенция) 168, 169, 311; II 33
— активная 157, 159, 165, 166
— пассивная 157, 165, 166
— полная (целостная) 157, 158, 165, 166
— и действительность (возможное и действительное) 156—159, 165—168
— и причина 165, 168
(см. Власть)
Вознаграждение II 248
Война (борьба) 281, 282, 284, 289, 295, 301, 315, 316, 330, 332, 333, 339, 361, 363, 367, 369, 370, 372, 430, 487, 576; II 66, 75, 92, 157, 158, 188, 193, 194, 196, 197, 247, 251, 258, 283, 320, 392, 418, 461, 509, 537, 601, 604, 605, 608, 609, 619
— определение 568; II 95, 96, 128, 130, 131, 133, 139, 140, 444
— меч 333, 337
— право 280, 293, 328, 335, 337, 412
— причины (виновник) 69, 78, 309; II 95, 117, 119, 121
— состояние (естественное (животное) с. в. всех (каждого) против всех (соседа)) 292, 309, 317, 339, 345, 352, 366, 371, 376, 384, 418; II 116, 121, 123, 129, 137—139, 145, 150, 151, 262, 522
определение II 97, 276
возвращение к II 248
— внешняя (против врагов) II 146, 162, 172
и внутренняя (гражданская) II 260, 464
— гражданская (гражданские) 78, 79, 339, 341, 351, 374, 381, 382, 388, 399; II 6, 97, (междоусобная) 131, 132, 138, 141, 143, 146, 147, 150, 154, 162, 231, 255—257, 272, 286, 343, 443, 522, 528, 573, 575, 607
в Англии, Шотландии и Ирландии
причина II 583
цель II 607
против короля II 611
против парламента II 611
повод к II 606
— справедливая II 192
— всех против всех (взаимная) 280, 291—293, 307, 328, 329, 334, 364; II 95, 96, 99, 104, 110, 112, 152, 162, 167, 192, 242, 261
— церкви и государства II 468
— и воля властителя 385, 386
— и время II 95
— и законы 328
— и мир 78, 298, 304, 305, 307, 471; II 122, 138, 148, 317, 367
— в. за частные интересы II 130
(см. Власть, верховная)
Волеизъявление 296—298
(см. Соглашение)
Воля (воли, усилие) 112, 125, 239, 256, 287, 332, 338, 343, 353, 359, 371, 372, 376, 413, 419, 429, 457, 507, 531, 557,

565, 567, 571, 581, 582, 587, 591, 592, 594; II 101, 105, 115, 228, 241, 270, 339, 479, 535, 593
— есть сущность всякого народа II 360
— как разумное стремление (разумная склонность) 436; II 282
— определение 201, 206, 207, 239, 553, 566; II 46, 48
— акты 432; II 103, 106
— множество 329, 330
— объект II 198
— повиновение II 289
— подчинение 335, 339, 340, 363, 423
— порочность II 266
— причина II 164, 519
— проявление II 209
— свобода 206, 207, 238, 239, 432; II 164, 622
— единая (в. всех граждан) 329, 330, 334, 414; II 131, 132
— добрая II 412
— естественная 356
— политическая (фиктивная) 356
— последняя 506, 555
— чужая II 563
— Бога (Божья, божественная) 264, 303, 316, 415, 423, 436, 440, 455, 472, 482, 488, 489, 564, 588—590, 595; II 161, 164, 200, 222, 223, 288, 290, 317, 331, 332, 347, 361, 398, 465, 517, 587
как сила, способная произвести все II 282
возвещение II 308—310
и человеческая II 282, 520
— большинства 331, 334, 335, 353
— государства 306, 342, 347, 356, 362, 392, 442, 593
— животных 207, 329
— законодателя II 221
— людей к власти II 527
— массы 336
— многих и одного лица 568
— народа 379
— обладающего властью 420, 421
— почитать Бога II 514
— собрания (сообщества) 331, 332, 342, 352
— человека (людей, человеческая) 80, 206, 207, 232, 236, 334, 335, 342, 347, 411, 439, 449, 555—557; II 62, 164
— царя 378
— и влечение и отвращение 206
— и деяния II 450
— и мысль 422
— и склонность II 616
— и страх 327
— и суждение II 133
— в. к повиновению II 450, 486
законам II 515
(см. Властитель, Высказывание, Действие, Церковь)
Воображение (представление) 86, 112, 134, 139, 253, 399, 435, 521, 534, 546; II 16, 225, 303, 313, 562
— определение II 11, 12, 496
— быстрота II 51
— идол (образ, образы) II 126, 309, 464
сверхъестественные II 312
— призраки (фантом) II 233, 304
— медленное II 52
(см. Образ, Свет, Сновидение, Ум, Цвет)
Вопрос (вопросы) II 514, 616
— политические II 620
— правовой (права) II 120, 206
— богословия II 620
разногласия по II 583, 584
— веры (о вере) II 451, 570, 599
— естественной философии II 622
— морали II 511
— религии (о религии) II 619
признаки верховенства в II 367
регулирование II 368, 505
— религиозного культа (религиозных церемоний) II 365
и государственного (гражданского) управления II 363, 366
— о долге по отношению к Богу и королю II 619
— о происхождении церковной власти II 533
Воскресение II 312, 348—350, 373, 383, 444, 472, 478, 481, 483, 485, 555, 557, 588
— абсолютное II 480
— всеобщее II 347, 352, 371, 380, 587

— телесное II 346
Воспоминание 192, 195, 199—201, 206, 239, 243, 246, 286, 531; II 42, 84
— как представление о прошлом 538
— определение II 19
(см. также Память)
Воспитание 571; II 55, 253
— благотворность II 265
— детей II 266
называется культурой их ума II 280
— и дисциплина II 536
Восприятие 74, 147, 496, 516, 517, 520, 525, 530; II 587
— как первичное знание 531
— сверхъестественное 80
— чувственное 82, 112, 121, 125, 126, 129, 192, 195, 198—201, 205, 222, 225, 228, 238, 239, 255, 317, 436, 521 (см. также Образ(ы), чувственно воспринимаемые; см. Сновидения)
(см. Опыт)
Восстание см. Мятеж
Восторг II 43
Восхваление
— как форма поклонения II 280
— определение II 48
— доброта как объект II 280
Впечатление 203, 204; II 18
— и ум II 255
Враг (враги) II 143, 172, 215, 239, 251, 259, 260, 354, 366, 432, 464, 491, 536, 609, 622
— власть II 234
— насилие II 286
— иноземные (внешний) II 131, 133, 254, 544, 618
— общий II 130, 131, 140, 203, 207
— Бога II 277, 330, 348, 350
удачи и честолюбие II 530
— государства II 188, 244, 247, 538
— церкви II 312, 351, 552
— и друзья II 466
— защита от II 130
— подчинение (помощь) врагу II 537
Вред II 238, 239, 241, 248, 281, 617, 618
— воздержание от причинения II 536
— отлучения II 392
— и польза наказания II 272
— в. королям со стороны пап II 600
Время 72, 142, 144, 145, 158, 163, 164, 176, 177, 180, 182, 185, 186, 199, 200, 208, 211, 216, 217, 228, 234, 243; II 178, 262, 512
— как образ (мера) движения 128, 140, 141, 144, 152, 155, 175
— определение 127—129, 140, 141
— счет II 507
— бесконечное II 21, 479
— и пространство II 591
(см. Вечность)
Время (времена, промежуток времени) II 237, 377, 481, 483
— древнее (прежнее) II 246, 386
примеры и традиции II 229
— настоящее (наше) II 493, 503, 543, 545, 573
— Моисея II 399, 576
— составления книг Ветхого завета II 294—299
и Нового завета II 299
(см. Апостолы, Наказание, Преступление, обстоятельства)
Всеобщность (всеобщее) 79, 86, 89, 525
— есть особенность слов и имен, а не вещей 88
Выбор 584, 586, 587, 592, 600, 601
— и необходимость (необходимый) 583, 585, 593, 596
(см. Апелляция, Свобода)
Выводы см. Заключения
Выгода II 79, 81, 112, 114, 121, 143, 148, 198, 204, 228, 232, 273, 280, 415, 526
— как естественное следствие труда II 279, 280
— частная
и общая польза II 131
Высказывание (выражение) 131; II 322
— повелительная (императивная) форма II 197, 432
— свобода II 231
— истинное 494
— метафорическое II 561
— отрицательное 424
— темные, путаные и двусмысленные II 201

— утвердительное 424
— суверена как знак его воли II 175
Высокомерие (надменность)
— как грех II 226
— определение II 56
— ложное (глупое) II 290, 460

Геометрия (геометры) 69, 71, 125, 126, 133, 134, 136, 137, 210, 237, 272; II 30, 33, 79, 162, 274, 507, 509, 512, 562
— есть строго доказательная наука 236
— является матерью всех естественных наук II 510
— как часть философии 123, 125
— правила II 202
— предмет 124
— определения в г. II 26
Гербы II 71, 72
Гипотеза 67, 69, 136, 211, 218
Гнев II 41, 105, 219, 271, 282
— как источник преступлений II 231
— удовлетворение чувства II 574
— боязнь г.властей и совесть II 446
— внутренний II 486
Гордость II 129, 249, 286, 302, 481
— определение II 119
Горе II 41
Господин (господа, хозяева) II 159, 495, 596
— и раб (слуга) 306, 311, 361—365, 368, 373, 376, 385—387
разделение на II 118
Господство
— над совестью людей II 597
(см. также Власть)
Государство (государства, царство, государственная организация, Левиафан) 68, 135, 172, 173, 234, 240, 243, 257—259, 263, 265, 267, 268, 279, 284, 285, 288, 289, 301, 329, 336, 341, 346, 353, 368, 380, 385, 399, 403, 404, 406, 426, 428, 440, 455, 469, 490, 492, 493, 508; II 22, 39, 63, 69, 71, 73, 89, 106, 126, 138, 148, 150, 155, 156, 164, 165, 174, 178, 183, 193, 196, 202, 210, 211, 218, 225, 228, 229, 231, 245, 260, 264, 317, 388, 402, 435, 440, 448, 498, 511, 526, 530, 545, 586, 598, 600, 619, 621, 622
— как верховный представитель II 253
— как искусственный человек см. Человек искусственный
— как множество людей (Аристотель) 414
— как одно (единое гражданское) лицо 331, 334, 376, 414, 415, 438; II 133, 209, 281, 284
— как подданные II 358
— как различные церкви II 442
— как суверен II 195, 269
— как тело II 192
— как царь гордости (Левиафан) II 249
— определение II 6 (Левиафан), 133, 184, 205, 275, 618
— акт (действие, действия) II 190, 192, 520, 533
— безопасность II 272, 541
— беспорядочное состояние II 262
— благо II 415
— болезни (недуги) II 249—251, 256, 258, 259
— виды (разновидности, роды) 280, 343—350, 352, 383; II 144
(см. также Аристократия, Демократия, Монархия, Тирания)
— верховная собственность II 389
— возникновение (происхождение) 278, 280, 283, 302, 332, 335, 385, 408, 418; II 173
— воля II 208
и закона II 285
— единство II 133
— задача II 201
— защита II 170, 185, 535
организация II 544
— имущество подданных II 267
— интересы II 244, 247, 261
— лицо (естественное и политическое) II 187
— личность II 115, 201
— необходимость II 131
— нервы и душа II 257
— ниспровержение II 525
— нужды (потребности)
удовлетворение II 467
и расходы (государственные) II 194, 258

— обман II 239
— основатели и законодатели г. среди язычников II 88
— первооснователь II 362
— питание II 191
— платежи государственные II 593
— (по)веления (приказания) II 207, 246, 259, 267, 283
— полномочие от (поручение) II 190, 214
— польза II 247
— постановления II 223, 276
— представитель II 523
покушения на II 239
верховный II 381
один человек или собрание людей как II 522
— преимущества и недостатки 373—375, 377, 383
— природа 333, 335; II 583
— распад (развал, разрушение, разложение, упадок, гибель) 345, 389, 410, 411; II 132, 151, 250, 253, 261, 269, 272, 494
причина II 539
— свобода II 623
есть не освобождение от законов, а освобождение от притеснений и дерзости соседей II 623
— свойства 80
— спасение II 265
— строй (устройство, политический с., система) 256, 258, 277, 283; II 132, 362
несовершенство II 255
ненормальное II 257
— существование II 235
долговечное II 262
— сущность 337, 392, 393; II 254
незнание причин и с. II 162
— установление (учреждение, основание, образование) II 110, 134, 137, 168, 170, 207, 212, 232, 241, 242, 248, 265, 333, 392, 509
цель (конечная причина) II 129, 136, 139, 141, 145
несовершенное II 250
и права́ II 167
и приобретение II 175
— ущерб для II 574, 575
— форма (формы) 278, 280, 345, 348, 351, 379, 386; II 173, 521
— части (часть) II 186, 187
— аристократическое см. Аристократия
— большие II 149, 509
— гражданское II 416, 527, 533 601
власть II 528
прерогативы II 254
трибуналы II 468
— древнеримское II 251, 505 и греческое II 357
— древние (в древности) и новые II 197, 240
— естественное 327, 332, 360
— Женевское II 473
— идолопоклонническое II 501
— иностранные II 190, 251
— маленькие II 204
— монархическое см. Монархия
— народное (народные, демократическое) 378, 380; II 162, 204, 255, 521 (см. также Демократия)
— независимые II 167
— несовершенное II 262
— основанное на приобретении II 133, 154
— патриархальное 365, 370, 371
— покоренное II 208
— политическое II 133
— самостоятельное II 197
— свободные (суверенное) II 166, 167
— совершенное 339
— установленное 327, 332, 360, 363, 364, 370, 371, 385, 389, 402; (основанное на установлении) II 134
— хорошо организованное II 522
— христианское (христиан) II 7, 224, 292, 302, 361, 377, 414, 415, 433, 435, 437, 446, 448, 452, 528, 542, 571, 583, 599
как частные лица II 302
отлучение II 393
природа и права II 288
— греков II 509
— евреев II 373, 539
восстановление II 399
— и Бог 418
— и большой город II 259
— и верховная власть II 276
— и гражданин 332, 342, 343, 346, 365, 392, 393, 396, 401, 418, 486, 504

— и гражданские законы 342, 416
— и корпорации II 259
— и партии II 257
— и подданные II 242, 528
— и суверен II 144
— и христианская вера II 406
— и церковь 266, 339, 479; II 251, 420, 599 (см. Церковь)
— взаимная связь людей в г. II 443
— отношения между 271, 437; II 392
— поощрение служения государству II 140
— переворот в г. (государственный п.) 330, 396, 397; II 167
— управление государством 275, 482; II 187, 201, 263
— г.Афины II 521
— г. подобно естественному человеку II 442, 443
— г. смертно II 250
(см. также Общество, гражданское; см. Авторитет, Власть, Воля, Доходы, Закон и др.)
Государь (государи) 276, 277, 341, 465, 492, 493; II 106, 215, 275, 392, 498, 533, 534, 599
— законный II 466
— иностранный II 335, 528
— христианский (христианские) II 92, 467
отлучение 486, 487; II 393
— и подданные II 430
— и церковь (духовенство) 486; II 92
(см. также Властитель, Монарх, Суверен, Царь)
Гражданин (граждане) 71, 72, 258, 259, 264, 277, 278, 332, 335—338, 340, 343, 345, 346, 351, 353, 357, 400, 405—407, 419, 434, 439, 469, 470, 471, 577; II 603
— римские 257, 357
— повиновение (гражданское повиновение) 261, 281—283, 301, 306, 326, 339, 349, 355, 356, 359
безусловное 341
народу 349
— и законы 409
— и раб 368, 370
— отношения между г. (человек человеку Бог) 271
(см. Власть, Обязанность)
Гражданское общежитие II 85
Грех (прегрешения, грехи) 259—261, 265, 290, 323, 342, 389, 428, 443, 445, 447, 459, 460, 466—469, 472, 481, 497, 582, 589, 590; II 96, 235, 267, 278, 279, 347, 349, 390, 430, 460, 479, 482, 500—503, 523, 556, 568, 577, 589, 595, 603, 604
— есть нарушение закона II 256
— есть то, что человек совершает вопреки совести 391
— определение II 225, 226, 252
— отвращение от II 450
— отпущение 481—493, 502, 505; II 353, 354, 386, 402, 449, 465, 483, 487, 587
и оставление (неотпущение) II 529
власть II 386, 387
— природа 597
— различие II 486
— первый (первородный) II 344, 449
— и наказание
три вида (Беллармин) II 486
— и покаяние 493
— и ущерб II 356
— г. против законов II 402
— удовлетворение за г. II 356, 370
(см. Брак, Наказание, Праведник, Христос, страдания)
Грехопадение II 352, 353, 386, 453, 470, 477, 480
Грецизм и иудаизм II 569
Грешник (грешники) II 356, 401, 434, 449, 478, 485
— вечность страданий II 555
— возможность покаяния II 483
— исключение г. из церкви II 388
— наказание II 575
— последовательная смена поколений II 481
— тела́ II 480
— раскаявшиеся II 458

Дар (дары, даяние, дарение) 296—298, 300, 342, 438; II 248, 284

— как выражение благодарности 437; II 283
— определение II 102
— цель II 116
— добровольный (свободный, доброхотные) II 103, 104, 116, 163, 411
— духовные (Духа) II 313, 314
— предварительный II 116
— сверхъестественный II 453
— очевидности и истины II 428
— прогонять бесов или лечить болезни II 407
— толковать Ветхий завет II 406
Дарования II 407
— есть общая способность человека желать II 519
— большие II 368, 369
— необходимые для (пастырского) служения II 409, 419
Движение 77, 128, 130, 135, 136, 138, 140, 148, 168, 174, 175, 188, 195, 197, 199, 200, 203, 215, 221, 222, 234, 237, 275, 514, 517, 518; II 38, 305, 488, 513
— есть (непрерывная) перемена мест 151; II 516
— как причина всяких изменений 122
— как способность, присущая живому существу 76
— определение 76
— величина 154—156
— препятствие для II 163
— природа 67, 181
— причина 122, 159, 162—164, 168, 211, 223, 247
— разнообразие 122
— скорость 153, 155, 156, 176, 177, 181, 183
определение 175, 182
— способность II 163
— стремительность 180
— форма 236
— цель 536
— вечное 209
— внешнее 198
— внутреннее (во внутренних частях) 198, 201; II 11
— волевое 530
— душевные 124, 125
— животные 204—206, 534—536
— жизненные (жизненное) 205; II 313
— круговое 185, 186, 205, 211, 212, 217
— непрерывное 194
— неравномерные 155
— органические II 37, 40
— произвольные (анимальные) II 37
— простое 134, 185, 186, 214, 216, 224
— прошлое и будущее 140, 530, 534
— равномерное 155, 176, 177, 182, 183
— ускоренное 182
— частичное и общее 128, 229
— Земли II 60
— естественных тел 123, 124, 139, 141, 146, 147, 149, 152, 153, 155, 156, 159, 162, 163, 187, 188, 190, 389, 530, 534 (см. также Тело, движущееся)
— материи II 10
— мозга II 494
— Солнца и звезд II 507
— ума II 20
— и время 145, 153—155, 196
— и покой 145, 146, 162—164, 226, 228, 436; II 11, 282, 303
— и сила 156, 181
— д. при (в) ощущении II 12, 17, 40
(см. Время, Желание, Изменение)
Дедукция 220
— правильная 236
Действие (как поступок, акт, деяние, человеческие действия) 77, 235, 244, 245, 247, 250, 265, 279, 292, 294, 299, 305, 313, 329, 354, 389, 397, 398, 410, 411, 421, 438, 439, 545, 565, 571, 587, 588; II 43, 96, 100, 102, 114, 120, 125, 127, 130, 132, 133, 136, 165, 166, 168, 177, 199, 237, 238, 251, 255, 271, 272, 277, 289, 507, 548, 591
— как воля II 459, 460
— как грех II 227
— как способность тела 76
— определение 412
— критерий 294
— момент II 146
— мотивы 272

— необходимость (необходимое) 128, 590—595, 598
— объект II 417
— последствия II 200, 201, 228
цепь II 286
пагубные II 243
— преступность II 266
— природа и достоинство II 476
— причина 593; II 519
— справедливость II 459
и несправедливость 125, 126, 277, 305—308, 344, 591
— честность и бесчестность II 520
— будущее 338, 572; II 213
— внешнее (внешние) 432, 437; II 226, 382, 386, 420, 433, 497, 498
и законы государства II 393
— враждебное (враждебный, враждебные) II 242—244, 261, 262, 444
— вынужденное 597, 599; II 434
— добровольное 584—586, 593, 597; II 101, 116, 164
— добрые (хорошие) и дурные (злые) 318; II 252, 519
мерило II 520
— несправедливое II 110
— нечестивые II 604
— нравственно положительное или отрицательное II 229
— общественные 401
— предписанное Богом II 464
— пристрастные II 137
— произвольные 334, 338, 566; II 63, 74, 270
цель II 112
и непроизвольные 567; II 46
— противоправное (противоречащее закону, преступное, незаконное, запрещенные законом) 423; II 122, (неправомерный а.) 137, 228, 229, 239, 241, 243, 266, 519, 523, 524, 526, 542, 574
есть преступление II 234—236
видимость II 250
подстрекателя и исполнителя II 235
— самовольные II 541
— сверхъестественные (вызывающее удивление) II 311, 342
— свободное 592, 599
— смешанные 567
— совершенное II 414
— специальное II 417
— спонтанные 584, 585, 592
— устрашающее II 393
— частные II 337, 358
— богопочитания II 283
— видимых вещей II 496
— заговариваний и слов II 340
— подданного и суверена II 382
— свободного человека II 164
— толпы II 358
— и воля 327, 334, 597
— и грех 589, 590
— и закон 589—591, 593, 594, 597
— и мнения II 414
управление II 138
— и молитва 595
— и моральные принципы II 226
— и последствия II 19
— и речи
соответствие закону II 523
— и суждения II 134
— и цель II 443
— и чудеса II 342, 343
— д. из страха II 232, 498
— по праву 308, 346, 352
— при богослужении см. Культ
— способность к II 519
— закономерное и незакономерное в человеческих д. II 139
— д. само по себе II 229
(см. Влечение, Желание, Свобода, Страх, Человек)
Действие (как следствие) 123, 128, 134, 135, 159, 165, 166, 169, 181, 182, 188, 192, 204, 208, 316, 535, 541, 559; II 512, 517, 519
— непосредственные 160
— необходимые 167, 593
— опосредствованные 160
— прежнее (прошлое) II 19
(см. Акциденции, Власть, Причина)
Дела (дело) II 338, 484
— государственные (общие) II 77, 132, 174, 273, 368, 417
управление II 132, (хозяйством) 187
ошибки в у. II 131, 369
— естественное (обусловленное природой) II 337, 340
— законное (правое) II 185

— религиозные II 619
— сверхъестественное II 309
— уголовные II 526, 596
— частные (собственные) II 184, 614
управление II 230
— завоевателя и покоренных II 539
— преподавания II 523
— необычайная удача в делах II 222
(см. также Деятельность)
Демократия 280, 340, 348, 351—355, 370, 373, 375, 377—380, 383—385, 419, 454; II 144, 146, 150, 151, 187, 191, 206, 259, 273, 362, 421, 422, 522, 594, 601
— определение 252, 253, 349; II 149
— смешанная 356
— и собрания 349
Демократы II 606, 607, 614
Демонология см. Учение, о демонах
Демоны (или привидения) II 463, 470, 504, 548
— определение II 488, 492
— имена II 351
— добрые и злые II 489
— фантастические II 500
(см. также Духи, Привидения; см. Учение)
День Страшного суда (Судный день, день Суда, последний день) II 346—349, 355, 371, 380, 386, 390, 427, 432, 440, 447, 457, 458, 465, 475, 478, 479, 482, 484, 485, 487, 555, 556, 582, 587
Деньги (монеты) 403, 404, 408, 409; II 195, 239, 534, 592, 599, 600, 607—610, 613, 616, 622
— как мерило ценности вещей II 196
— каналы и пути использования II 196
— трудность взимания II 258
— штраф денежный II 431
— и законы II 271
изменения II 196
(см. Власть, верховная)
Деятель (деятели, агент) 608; II 519
— государственные II 601
— необходимый и случайный 596
— свободный (добровольный) 583, 587, 596, 609
Деятельность (деяние) 390, 410; II 513
— как благо 243
— гражданская 488
— общественные 272
— преступная II 273
— производительная 400
— государя 401
Диалектики (диалектика) II 547, 548, 558, 585
Дисциплина II 253
— церковная II 602, 607
— и дикость 234
Доблесть II 264
— военная II 72
Добро (доброта) и зло (злое) 233, 235, 237, 243, 245—247, 249, 277, 303, 310, 317, 318, 327, 330, 337, 338, 386, 389, 390, 392, 398, 410, 422, 430, 431, 445, 488, 535, 537, 542, 567, 571, 582, 583, 585, 592; II 41, 48, 68, 80, 116, 132, 147, 160, 488, 591
— виды II 40
— древо познания II 315, 344, 555, 587
— доказательства в отношении II 201
— мера (мерило) II 123, 252
частное II 520
— обозначение (имена) 237, 239, 240
— относительность 239, 240; II 39
— познание II 161
— способность различать (различение между д. и з.) 237; II 161
— видимое II 47
— истинное и кажущееся 240, 241
— воздаяние злом за д. II 247
— правило о II 139
(см. Страдание)
Добродетель (добродетели) 261, 266, 271, 274, 304, 317, 493, 494, 497, 550, 556; II 29, 68, 78, 221, 449, 515
— заключается в повиновении законам государства II 619
— [виды] 258

— главные II 620
— нравственные (моральные) 258, 262, 432; II 123
и интеллектуальные II 331
— христианские II 331
— природа 318
— и вера II 92
— и порок (пороки) 257—259, 318, 433; II 59, 114, 123, 619
(см. Имя)
учение о II 618
(см. также Милосердие, Мужество, Справедливость и др.)
Доброжелательность
— определение II 42
— кажущаяся II 78
Доверие II 602
— слепое д. к собственным дарованиям II 452
— простого народа (египтян) к пророческому дару (к вестникам, служителям и пророкам) II 327, 337, 338
— д. к авторитету учителя или толкователя закона II 236
— д. к снам и видéниям II 233
Доверители (доверитель) II 137, 158, 178
— определение II 128
(см. Представители)
Догматики 571
Догматы (догмат) 267, 472, 498, 505, 506, 599; II 482, 502, 528, 570, 571
— ложные (нелепые) II 582, 615
(см. также Заблуждение)
— бессмертия после воскресения II 347
— воскресения II 346
— иезуитов 577
— христианской веры II 15, 384, 523
необходимые для спасения II 450, 453
основной (основа) 564, 565; II 384, 390, 391, 395, 422, 423, 453—457, 461, 484
является мерилом и правилом всех других д. II 456
признание II 307
вера в II 457—460, 492
причина II 452
— расхождение в д. II 573
— д. о безбрачии духовенства II 452
Договор (договоры) 80, 274, 285, 290, 293, 296, 336, 344, 345, 389, 408, 446, 448, 458, 459, 493, 550, 558; II 22, 31, 74, 90, 102, 104, 153, 155—157, 163, 165, 169, 177, 178, 179, 241, 248, 337, 402, 450
— как результат согласия 445
— определение 297; II 101, 103, 106
— нарушение II 135—137, 162, 226, 247
— объекты II 115
— предварительное заключение II 110
— сила II 155
— соблюдение II 113, 207
— сущность 283
— взаимный (взаимные) II 133
— и обмен II 195
— мирный II 108, 119
— политические II 202
— между суверенами II 173
— с Богом 477; II 315, 316, 465
(см. также Соглашение, с Богом)
— с победителем II 538
— о повиновении II 158
— о подданстве II 172
— и соглашение (соглашения) 297, 298; II 6
(см. Несправедливость)
Доказательство (доказательства) 129, 159, 192, 210, 211, 218, 227, 232; II 30, 53, 63, 216, 289, 395
— определение 133, 236
— задача (цель) 131
— имя 134
— способы II 569
— истинное 134
— методическое 134
— сверхъестественное (см. Чудо) и естественное II 91
— Д. a posteriori 236
— Д. a priori 237
— д. в отношении вопросов факта II 294
— порочный круг в д. (petitio principii) 135, 136
(см. также Аргументы; см. Метод)
Долг 279, 336, 400, 401, 405, 410; II 100, 158, 179, 261, 267, 281, 366, 544

— исполнение д. по отношению к Богу II 222
— нарушение II 170
— верноподданнический II 235
— гражданский II 276
— понятие о II 267
(см. также Обязанность; см. Равенство, Суверен)
Долги (денежные) II 177, 181
— неуплата II 115
Должность (должности) II 246, 253, 351, 406, 415, 420
— государственная II 239, 248, 417
важнейшие II 533
— духовная (церковная, в церкви) II 404, 406, 410
Достоинство (достоинства)
— определение II 51, 73
— интеллектуальные (интеллекта)
природные и благоприобретенные II 51
и недостатки II 62, 201
Досуг II 509, 614
Доходы II 246
— государственные (государства) II 187, 239, 411
источники II 194, 467
откупщики (монополисты) II 259
и расходы II 194, 467
— епископов и пастырей (служителей) церкви II 411—413, 467
Древние (древность) II 488, 548
— писатели (авторы) II 543, 544, (греческие) 547
Дух 139, 141, 242—244, 246, 254, 500; II 88
— есть тело, но тонкое II 566
— как естественное тело 560, 561
— значение слова «д.» в Писании и в обиходной речи II 304—309
— определение II 331
— величие II 42, 55
— имя 558, 559; II 566
— свойства II 566
— связь с телом 247
— сила II 618
— упадок II 43, 44
— бестелесный 560, 561
— божественный д. в человеке II 59
— движущийся II 305
— добрый и злой 562; II 60
— мрачный II 304
— неестественный II 256
— нематериальный II 491
— нечистый II 61, 304
— сверхъестественный 560
— свободный 245
— частный (собственный) II 452, 523, 603
— человеческий (человека) II 59
— благочестия II 321
— мудрости II 305
— непритворного христианства II 307
— противоречия II 304
— и разумение II 364
— и тело II 586
— одержимость духом II 256
— по Тертуллиану II 585
(см. Энтузиазм)
Дух Божий (Святой Дух) 222, 473, 474, 480, 481, 563; II 299, 300, 304—306, 313, 330, 335, 364, 375, 386, 392, 399, 405, 409, 410, 418, 419, 474, 482, 499, 500, 553, 559, 564, 567, 571, 587, 603
— благодать II 378
— действия II 331
— милости и дары II 331, 333
— субстанциональный II 332
Духи (демоны) II 59, 62, 85, 86, 233, 327, 329, 489, 525
— как реальные тела II 513
— значение слова «д.» в Писании в собственном и метафорическом смысле II 307, 308
— определение II 83, 313
— боязнь II 141
— изгнание II 470, 476
— испытание II 333
средства II 334
— природа II 490, 512
— свидетельства II 302
— сотворение II 492
— бессмертные II 310
— бестелесные II 308, 513
— воображаемые II 471
— животные (жизненные) 195, 198, 202, 203, 205, 206, 212, 214, 248, 250, 251, 253, 512, 555, 556; II 304, 309, 311
и органические II 490
— злые II 309, 314
и добрые II 58, 309, 492

— лживые II 544
— небесные II 320
— обольстительные II 464
— сотворенные II 339, 557
— телесные II 490—492
— тонкие и невидимые II 492
— или привидения
одержимость II 492
— и тела II 490
— общение с II 326
— д. не бестелесны II 432
Духовенство (клир) II 521, 522, 590, 596, 598, 600, 617, 621
— как судья законности брака и права на престолонаследие II 529
— определение II 411, 466, 467
— безбрачие II 520, 521
— доходы II 466, 467
— обогащение II 529
— учения II 528
— честолюбие и выгода II 384
— белое II 468
— римское II 408, 531
и пресвитерианское II 528
— и государство II 251
— и миряне II 343, 466
— и суверен II 466
— и университеты 534; II 621
(см. также Церковники; см. Власть, Догматы)
Духовное и светское 69, 473, 491, 492, 494, 503, 504
Душа (души) 125, 143, 206, 241, 251, 272, 287, 330, 333, 347, 400, 403, 407, 434, 436, 473, 496, 497, 499, 560, 561; II 132, 255, 279, 523
— есть субстанция (отличная от тела) II 555—557
— как первый двигатель тела (Аристотель) II 616
— определение (в Писании) II 471, 472
— бессмертие (бессмертная) II 346, 481, 555, 587, 588
естественное (по природе) II 478, 557, 558
— величие II 55
— место д. до воскресения II 473
— первые движения II 226, 604
— природа II 472, 555, 557, 587
— причина наличия д. в человеке II 518
— свойство II 308
— состояние 398, 433
после смерти II 616
— цели мятежных II 613
— бестелесная II 516
— нетленные II 484
— нечестивые и благочестивые (нечестивого или благочестивого человека) II 472, 587
— разумная II 550, 554
как субстанция II 563
— удовлетворенная II 74
— человеческая (человека) II 347, 555, 587
и государства II 260
— избранных и отверженных II 477
— мира II 281
— и жизнь II 555, 557
— и тело (тела) II 347, 477, 481, 498, 515, 516, 554, 556, 563 (см. Бытие)
достоинства II 591
праведников II 346
— забота о II 602
(см. Спасение, Счастье)
Дуэль (дуэли) II 237, 238
Дьявол см. Сатана

Евангелие (евангелисты) 308, 321, 474, 483, 484, 498, 499; II 385, 409, 456, (благая весть) 459, 466, 504, 567, 569, 581, 584, 594
— как правило веры II 570
— намерение (цель) II 453, 454, 590
— провозвестники II 547
— проповедники II 521
— свет II 530
— служители II 413
— писаное II 570
— и пророки II 406
Евреи
— являются народом Божиим см. Бог, как царь, народ
— религиозный дух и рвение II 492
(см. также Народ, еврейский)
Единица 142—144, 175, 234
Единое 142
Единство 142—144, 210, 335
Епископ (епископы) II 412, 417, 502, 504, (епископат) 531, 570, 578, 599, 603, 604, 606, 621
— метафорическое значение слова «е.» II 406

— определение II 405, 408
— власть II 416, 437, 438, 602
обычная в. и чрезмерное могущество II 573
и право II 408
в Шотландии II 584
— избрание (выборы) II 408
— низложение II 607
— обязанность II 430
— полномочия II 416
— право II 528
— юрисдикция II 435, 439
неравенство II 437, 438
— римский (римские, Рима) II 393, 531
как всемирный II 533
имя и власть II 505
практика избрания II 408
притязания II 394
верховные II 424
и е. римских провинций II 505
и константинопольский II 505
(см. также Папа)
— и папа II 435, 436, 528, 595
— и пастыри реформированной церкви II 600
— и старейшины II 406
— е. не обладает законодательной властью II 432
Ересь (еретические учения) II 571, 572, 577, 579, 580, 582, 585
— есть высказанное суждение II 569
— есть учение, противоречащее католической вере и наказуемое сожжением II 578
— есть учение какой-нибудь секты II 568
— как преступление II 569
— определение II 78, 445, 466, 576, 578, 597, 598
— искоренение II 596
— причина возникновения е. в ранней церкви II 570
— и атеизм II 584
— и духовная власть II 597
— и католическая церковь II 573
— е. в философии и в церкви II 570
Еретик (еретики) II 114, 399, 446, 447, 549, 565, 572, (ересиархи) 577, 584
— суть враги церкви и папы II 529
— наказание (сожжение) II 576—579, 582
— новое крещение II 554
— скрытые помыслы II 581
— и католик (католики) II 570, 580

Жалованье (заработная плата)
— определение II 248
— твердая и неопределенная II 249
Жалость
— определение II 44
— язык II 47
Желание (склонность, усилие) 296, 297, 299, 317, 335, 347, 393, 411, 419—421, 565, 571, 572, 581, 583, 584, 587, 589, 597; II 7, 18, 55, 96, 98, 122, 199, 282, 290, 518, 603
— есть воля к совершению действия 567, 568
— определение II 38
— движение II 74
— причины 567
— язык II 47
— естественное 329
— необузданные II 270
— последнее (и промежуточные) II 46, 48
— чередующееся II 48
— богатств II 41, 42
— власти II 74
— добра II 198
— знать II 47, 198
— покоя и чувственных наслаждений II 75
— славы II 75, 108
после смерти II 76
— и любовь II 38, 40
— и мнения 567, 568
— и наклонности II 184
— и отвращение II 38, 39, 45, 47
— и соглашение 308
— и страсти II 132
(см. Действие (как поступок), Власть, Смерть)
Жертвоприношение II 88, 356, 528
— определение II 357
— объект II 417
— право на II 411
(см. Культ)
Жестокость II 91, 130, 306

— определение II 45, 118
Животное (животные) 199, 206, 207, 232—234; II 18, 37, 46, 191, 276, 549, 558
— душа II 562
— смерть II 562
— сущность II 562
— искусственное II 6
— чистые и нечистые II 333
(см. Слово, Человек)
Жизнь 222—224, 235, 241, 243, 251, 290, 310, 311, 366, 367, 391, 396, 402, 471, 537, 553, 564; II 170, 172, 207, 239, 250, 266, 498, 515, 554
— есть лишь движение II 47
— определение II 6
— блага II 260
— вечность см. вечная
искусственная II 151
— древо II 374, 471, 555—557, 587
— дыхание II 306, 313, 472
— источник 205
— книга II 347
— образ 267, 268, 317, 406; II 165, 403, 582
благочестивый II 320
нехристианский II 393
нечестивый и невоздержанный II 238
— продолжительность человеческой II 292
— святость II 222, 314
— слова́ II 322
— сохранение (спасение) II 122, 158, 159
как цель II 440
— вечная 472, 494, 501; II 324, 343, 344, 347, 348, 352, 378, 386, 401, 449, 453, 455, 459, 474, 478, 481, 485, 555—558, 587, 588
определение II 471
восстановление II 477
лишение II 315
ложное толкование слов «в. ж.» II 471
место II 344
последствия II 345
радости II 352
и спасение II 384
— государственная (в государстве) 300, 437
— загробная II 486
— земная II 314, 343, 386, 487
— искусственная II 6
— общественная 255, 284, 285, 291; II 117
— повседневная 337, 393; II 557
— порочная II 390
— праведная II 331, 390
— фактическая II 478
— человеческая II 478
— те́ла II 154
— и движение (способность к движению) II 196, 257, 260
— и душа (в Писании) II 347
— и свобода II 154
дарованные II 538
— и смерть 301, 361, 362; II 158
вечная II 352
— ж. в мучениях и в радости II 485
(см. Право)
Жребий II 273, 332, 333, 404, 411
— установленный и естественный II 120

Заблуждения (ошибка) 113, 126, 235, 243, 273, 276, 405, 475, 483, 496, 529, 530, 543; II 70, 167, 393, 443, 581, 601
— есть неправильные рассуждения II 229
— опасность II 573
— отказ от II 484
— причины (источник) 111, 117
— роды II 229
— общее II 471
— чужое II 573
— и ересь II 598
— и преступление II 574
(см. Проступок)
Зависть II 56, 64, 131, 147, 274
— определение II 45
— взаимная II 204
Завоевание II 537
— определение II 538
— природа II 538
— и владение II 539
Завоеватель
— защита и власть II 538
— подданные II 538
— право II 538
(см. Дела)
Заговор (заговоры) II 184, 185, 602
Заключения (выводы) II 32, 49, 229
— ложные (ошибочные, непра-

вильные) II 31, 229, 457, 458, 508
— необдуманные и неясные II 201
— и предпосылки (принципы, основы) II 229, 458, 520
Закон (законы) 69, 210, 237, 278, 285, 323, 334, 336, 343, 360, 373, 377, 382, 383, 391, 393, 394, 405, 431, 444, 455, 456, 459, 510, 570, 572, 591; II 31, 68, 88, 96, 143, 155, 163, 173, 176, 178, 186, 238, 244, 269, 273, 281, 299, 364, 382, 503, 576, 579, 597, 623
— есть общее постановление суверена II 217
— есть совесть государства II 252
— суть правила (для действия) II 398, 522
— как воля (акт) суверена II 210, 397
— как орудие верховной власти II 258
— как приказание 414
— как пустое слово II 228
— как судебный устав II 398
— является волей и стремлением государства II 520
— в собственном смысле II 123
— определение 125, 318, 319, 413; II 123, 124, 205, 270, 400, 575
— автор (составители) см. Законодатель
— благодеяние II 528
— боязнь з. и небоязнь врага II 536
— буква (и смысл, буквальный смысл) II 217, 486, 575 (см. природа)
и действие II 271
— влияние з. на мысли и совесть II 522
— внутреннее одобрение II 433
— задача II 270
— защита II 224, 227, 348
отсутствие II 234
— исполнение (выполнение, соблюдение, исполнители) II 123, 236, 247, 401, 450, 489
и вера II 222, 458
и воля к исполнению II 460
и наказание II 237
— (ис)толкование (толкователь) 256, 277, 393, 420, 428, 440, 441, 447, 483; II 214, 217, 247, 287, 401, 613
определение II 214
право II 452, 454
способности (качество) II 218, 219
достоверное II 213
неправильное II 229
и управление царством II 595
— [классификация] 415
— книга II 365, 367, 398
— нарушение (невыполнение, несоблюдение, нарушители) II 179, 210, 221, 225, 226, 229, 231, 232, 235, 237, 245, 246, 432, 449, 489
есть преступление II 268
последствия II 228
и наказание II 237, 286
— незнание (незнакомство с з.) II 119, 237, 574
причин и природы II 79
(не) может служить оправданием II 227, 228
— несправедливость 595
— обнародование II 277
— отклонение от II 226
— познание II 210
— понятность II 271
— приведение в исполнение II 230
— природа II 202, 219
состоит не в букве, а в значении, или смысле II 213
— различение и разделение II 219, 224
— сила II 206, 522
обязательная II 227, 234, 397
правовая II 211, 212
и авторитет II 208, 612
— существенный признак (существенное свойство, сущность) II 211, 222, 277
— умолчание II 171
— упразднение II 235
— установление (возникновение) 71, 420
— формула (формулировки) II 580
— цель 592; II 214, 271
— части (стороны) 426, 427
писаная и неписаная II 207
— английский II 220
— божественный (божественные, Бога, Божий) 261, 352,

361, 387, 401, 413—415, 428, 429, 432, 440, 451, 452, 454, 466, 497; II 215, 221, 223, 275—278, 295, 300, 302, 362, 397—399, 444, 450, 459, 494, 619, 620
как внушения естественного разума II 279
естественный см.
писаный II 396
положительный см.
и человеческие II 336, 435, 619
— вторые II 398
— гражданские (государственные, человеческие) 274, 283, 288—300, 304, 311, 316, 328, 337, 344, 345, 363, 366, 368, 370, 389, 390, 393, 410, 413—416, 432, 468, 494; II 107, 118, 156, 165, 167, 192, 204, 205, 227, 228, 240, 252, 261, 274, 285, 293, 413, 460, 525, 581, 595, 618, 620
есть декларация воли верховного повелителя 343
есть обязательство II 224
суть законы божественные II 622
суть законы государства 342, 416
является частью предписаний природы II 207
как часть религии II 245
определение 338, 414; II 139
власть II 528
виды II 219, 220
деление 412
нарушение 416, 418, 420, 423, 426, 483
творцы II 429
цель 409
части (распределяющая и наказующая) 412, 416, 417
древние (Рима) II 139
духовные (церковные) 412, 416, 439, 446, 447
истинные 78
неписаные (неписаный) 412, 420, 421; II 208, 210, 213, 214, 217
писаные 412, 414, 417, 420, 421; II 208, 213, 216, 221
буква II 218
смысл II 217
светские 412, 416, 432, 441
евреев II 367
победителя II 208
и закон Бога II 403
и естественные (закон природы) 412, 417, 418, 421, 424, 426; II 139, 207, 210, 224, 226
и канонические II 467
и преступление II 226
и религия II 89
— естественный (естественные) 258, 273, 290, 294, 295, 308, 310—317, 319, 320, 327, 328, 335, 340, 342, 344, 345, 352, 356, 357, 362, 368, 371, 406, 408, 410, 416, 421, 427, 438, 439, 449, 450, 468, 472, 487; II 98, 99, 106, 109, 110, 113, 114, 116—123, 125, 130, 138, 148, 150, 166, 175, 194, 208, 210, 211, 215—217, 220, 226, 227, 233, 242, 246, 248—250, 261, 268, 276, 293, 359, 366, 392, 396, 397, 400, 401, 421, 442, 450, 520, 536, 542, 583, 620
есть веление (предписание, общее правило) разума 293; II 98
есть з. Бога (божественный) II 284, 383, 445, 450, 461, 574
есть общее право справедливости II 212
как моральный 304, 317; II, 221
определение II 212
нарушение II 116, 117, 193, 247
понимание II 122
предписание II 207
преступление против II 234
вечные и универсальные II 221
общенародные 412
основной (основные) 319, 320; II 219, 263, 450 (см. также Стремление, к миру)
первый 319, 321
частные 412
Христа 319, 326, 327, 459, 469, 470
для государств (з. народов) 415, 416 (см. также Право, народов)
для отдельных людей (з. природы) 284, 290, 292—295, 299, 303—305, 312, 313, 317—319, 322—329, 343, 379, 386,

402, 404, 410, 415, 419, 428, 471, 508
нарушение 315, 424
неизменность и вечность 316, 319, 325
обязательность 316
основной 309, 310
и возвещенный (сверхъестественный) II 222
и положительный II 444, 544
и з. церкви II 460
— канонические II 398
— касающиеся религии II 444
— многословный II 271
— моральные II 316, 360
— обычные (общие для всех подданных) II 175, 180, 183
— обязательные II 213
— писаные II 574, 612
— положительные (положительный з. Бога, позитивные, гражданские) 430; II 220—222, 277, 316, 398, 421, 499, 540
обязательная сила II 229
толкование II 265
моральный (нравственный) 317, 319, 320, 323, 443, 468, 493, 494; II 221, 223
распределительные и карательные II 221
Моисея (государства евреев, народа Израиля) 323, 457, 485; II 368, 373, 386, 388, 401, 413, 499, 450, 504, 541, 594
и естественные страсти II 129
— собственный II 520
— справедливые II 250
— универсальные II 277
— установленные II 420
и вечные II 301
— хорошие (хороший) II 257, 261, 271, 286
есть справедливый II 270
— частные II 204
корпораций II 181
— англиканской церкви II 581
— государства 258, 260, 277, 282, 294, 306, 337, 338, 393, 503; II 223, 402, 520
христианского II 461
и з. игры II 270
и церковный канон 226
— государя (государей, суверенов) II 401, 578
и республик II 573
— завоевателя II 537
— Моисея см. положительные
— природы II 612, 618
— римского императора (греков и римлян) II 240, 373
— суверенитета II 396
— чести II 130
— и власти II 97, 171
— и грех II 226
— и (гражданское) право 280, 412, 414, 415; II 98, 99, 171, 224
— и канон II 400
— и наказание (наказания) 429; II 420 (см. также Наказание)
— и обещание II 106
— и правила II 403
— и разум II 209
— и слово 429, 432
— и совет (советы) 412, 413; II 403
— и соглашение 412—414
— и справедливость II 93, 612
— и хартии
формулы II 225
— з. в древние времена II 271
— о безбрачии духовенства II 521
— о браке II 156
— о воспитании детей II 156
— о почестях II 140
— о сожжении еретиков II 578
— о тяжбах II 224
— наука о з. II 123
— повиновение (подчинение) законам II 222, 243, 319, 450, 515, 622
и свобода от них II 253
— презрение к з. II 240
— противодействие законам II 381
— противоречие в з. II 209
— согласие с з. II 222
(см. Государство, Гражданин, Действие (как поступок), Каноны, Свобода, Суверен и др.)
Законодатель (законоведы, составитель законов) II 148, 209, 211, 212, 213, 232, 240, 286
— как причина правонарушения II 237
— определение II 206, 208
— власть II 251, 303, 396, 401, 435

— воля II 214
есть закон II 237
— намерение II 217, 271
— обязанность II 271
— повеление II 237
— языческие II 86, 89
— выражение презрения к з. II 225
— составлять законы есть дело главы семьи II 430
(см. Суверен)
Заповедь (заповеди) II 221, 223, 224, 265—266, 291, 312, 315, 320, 321, 360, 447, 450, 459, 486, 492, 497, 499, 502, 503, 511, 594
— десять II 396—398
как законы в государстве Израиля II 397
нарушение первой (з. повиновения) II 264, 450
пренебрежение заповедями II 284
Заслуга (заслуги) II 104, 116, 272
(см. Преступление)
Заточение II 244
— определение II 246
Защита II 381, 528, 537
— как цель II 160
повиновения II 172
— гарантии II 139
— средства II 260, 401
— королевства (прав короны) II 611, 612
— народа Божиего II 306
— себя от обид II 443
— труда и жизни II 269
— человека II 460
— против (от) врагов II 212
как цель царства II 353
— и повиновение II 441, 544
Здравый смысл (разумность) 260; II 223
Земля II 549, 552
— движение II 525
— отчуждение II 194
— раздача II 195
— центр
есть место покоя II 158
— обетованная II 193, 307, 375, 398, 492, 526
— святая II 499
Зло 247, 248, 287, 289, 301, 306, 336, 361, 405, 566, 572, 573; II 57, 101, 153, 154, 241, 243, 244, 246, (злодеяние) 574, 575
— орудие II 534
— причинение з. невиновному II 247
— меньшее и большее II 107
— новое II 242
— позорное II 245
(см. также Добро и зло)
Знак (знаки) 82, 83, 87, 88, 175, 262, 441, 446, 451, 468, 475, 496, 540—542, 565, 569, 573; II 101, 102, 199, 515, 538
— определение II 206, 281
— естественный 439
— истинный 440
— установленный (произвольный) 439; II 16, 285
— вещей II 27
— воли
государства II 205
монарха II 152, 153
человека II 153
— заблуждения и недоразумения II 175
— уважения (почтения) II 140, 265
и презрения II 285
— смирения II 283
— согласия II 206
— и вещь 113
(см. также Метка; см. Культ, Слово, Соглашение)
Знамения см. Чудеса
Знание (знания) 83, 87, 122, 167, 192, 210, 242, 245, 253, 255, 285, 339, 380, 436, 490, 495, 496, 511, 512, 518, 524, 530, 532—534, 554, 557, 558, 587; II 11, 37, 55, 70, 201, 202, 230, 304, 393, 510, 542, 598, 599
— определение 121; II 66
— богатство II 36
— начало 120
— отрасли (отрасль) II 267, 488
— отсутствие (незнание причин) II 78, 79
— предмет (предметы) 261; II 62
— преувеличенное представление о своих II 532
— приобретение (технических з.) II 23, 26, 146
— роды:
абсолютное (з. факта) II 35, 49, 218
и условное (см. научное) II 62
— цель 131
— гуманитарные 243

— достаточные II 525
— естественное 311, 437, 563; II 339, 488
правила (принципы) II 283, 289
— научное
есть з. связей (последовательности, последствий, зависимости) имен (утверждений) II 35, 49
признаки II 36
— недостаточное (недостаток) II 617, 618
— новое II 262
— первоначальное II 507
— рациональное 473
— сверхъестественное 563; II 113
— совершенное 556
конечных причин II 214
— философское 82—84
причина отсутствия II 509
— будущего II 306
— (естественных) причин II 43, 525
— законов (государственных кодексов) 419; II 212, 218, 276
— и вера 261; II 301, 508
— и мнение (мнения) 531; II 74
— и незнание II 26
— и опыт 131; II 337
— и умение 131
(см. Имя, Опыт)
Знать (знатные люди) II 268, 269
Золото и серебро II 195
— как мерило ценности вещей (общее мерило товаров) II 196
Зрение II 566, 587
— определение II 488, 519
— органы II 487, 496

Идея (идеи, умственные образы) 75, 76, 86, 130, 138, 140, 192, 204, 210, 435, 511; II 514, 566
— определение II 496
— новые II 542, 543
— вещи II 548
— и идолы II 493
(см. Пространство, Слово)
Идолопоклонство (идолопоклонник) 441, 444, 445, 448, 450, 459, 502; II 91, 325, 350, 368, 457, 494, 502, 523, 603
— есть обоготворение человеческого установления II 500
— есть поклонение изображениям II 503
— определение II 497—500, 504
— мнимое одобрение II 501
— нелепость II 395
— вульгарное II 469
Идолы (идол) II 501, 503, 586
— есть изображение фантома II 503
— есть фантом II 548
— имя «и.» в Писании II 497
— материальные
и фантазия II 497
(см. также Фантомы)
Избранные (и. Бога)
— суть единственные сыны воскресения, наследники вечной жизни II 480
— тела и. после воскресения II 479
Изгнание II 166, 173, 245, 247, 431, 575
— определение II 246
Изменение 168
— есть только движение 159, 162, 164, 193
— непрерывное 162
(см. Тело)
Изображение (образ) 226, 227, 229—231; II 548
(см. Культ, Святые)
Императоры (император) II 408, 413, 504, 505
— авторитет II 572
— власть II 373
полнота II 531
сила II 572
— послания и. как законы II 434
— христианские (и.-христиане, христианский) II 424, 527, 576
— языческие (римский, римские) II 438, 571, 577, 588
— и (христианские) суверены как соучастники духовенства II 530
— и.-ариане II 571
Импульс 180, 182, 186, 188, 193, 194, 197, 204—206, 217, 239
— первый 181
Имущество (состояние, владения) II 246, 247, 253, 613
— конфискация (лишение) II 215, 216, 577

— общность II 192, 409
— похищение (и присвоение) II 226, 240
— движимое II 221
и зе́мли II 258
— воображаемое обладание чужим имуществом II 225
Имя (имена, название, наименование) 71, 75, 82, 149, 150, 157, 158, 171—173, 195, 233, 266, 272, 436, 471, 472, 490, 494—496, 529, 551, 570; II 22, 311, 312, 493, 497, 558, 560, 563, 608
— есть знаки не вещей, а мыслей (представлений) 81, 84, 526
— как метки и знаки II 23
— как средства познания и источник заблуждения 525
— определяются не видами вещей, а волей и соглашением людей 112
— определение 83, 130, 526; II 26
— виды 81—91
— возникновение 83, 233, 529
— значение (смысл) II 28, 29, 32
— классификация 92
— подчинение 89
— польза 524
— порядок 91
— применение II 23
— разнообразие II 27
— сочетание (соединение, объединение, связка) 92, 93, 113, 114, 116; II 33, 35
— употребление 531; II 24, 34
— части 87
— абсолютное 88
— абстрактное II 27
и конкретное 88, 92, 94, 95, 147; II 561
— бранные II 522
— всеобщие 87, 116, 117, (универсальные) II 512 (см. также Универсалия)
— индивидуальные (единичные, собственные) 87, 96, 105, 527; II 24
и нарицательные II 351
— конкретные 88, 92, 94, 95, 147
— многозначные (двусмысленные) 88, 528
— неопределенные 87, 144
— общие (родовые) 86, 87, 96, 131, 527; II 24, 31
— однозначные 88
— относительные 88
— отрицательные (бесконечные, привативные) 85, 90, 91, 96, 101, 526; II 28
— положительные (утвердительные) 85, 90, 91, 100, 526; II 28
— понятные и неясные II 561
— последующее (объемлющее, предикат) 93, 94
— предшествующее (объемлемое, субъект) 93, 94
— производные II 562
— простые 88, 89
— противоречащие (взаимоисключающие) 86, 92, 163
— сложные 88, 89, 132, 133
— соотносительные II 570
— частные 87, 96, 110
— акциденций 114—116; II 34
— вещей (вещи, предметов) II 16, 27, 28, 514, 515, 548, 562
— вторичного порядка (и. имен и предложений, речей) 87, 114, 116; II 28
— добродетелей и пороков II 30
— имен II 28
и различных форм речи II 514
— материи II 27
— первичного порядка (и. вещей, предметов, тел) 87, 98, 112, 114, 116, 130, 233, 526
— представлений 140, 526; II 28, 514
— призраков 116
— тел II 24, 34
— целого и частей II 30
— чисел II 25
— и атрибуты
логическая связь II 515
— и вещь 93, 94, 107, 131, 156, 234, 526
— и знание 526
— и наименования II 351
— и понятие 131
— и представление 89
— и слово 88
— логическая связь между именами II 514
(см. Бог, Тело)
Инакомыслие II 390
Индепенденты 592
Индульгенция II 534
Индивидуация (принцип индивидуации) 171—173

Иностранцы (иноземец) II 153, 415, 445
Интерес (интересы) 335, 373, 374, 401, 413; II 79, 341, 542
— различие II 131
— общий II 174
— политические
папы и христианских королей II 466
— частные (личные, собственные) II 130, 184, 449, 607
и общие (и. государства) II 146, 202, 203
и страсти II 201
— мира (единства) II 541
и безопасности II 185, 193
и защиты государства II 250, 416
— тех, кто обладает властью II 614
(см. Цель)
Ипостась (ипостаси) II 550, 568, 622
— слово «и.» в Новом завете II 561
— «и.» и «субстанция» означают одно и то же II 564
— и фантом II 560
Искупление (см. Христос, искупление)
Искусство (искусства) 254, 409; II 54, 66, 93, 441, 442, 512
— определение II 6
— полезность 242
— правила II 273
— приятные 244
— магии и колдовства II 340
— проповеди II 602
— строительства и сохранения государства II 162
— и трудолюбие II 337
Исследование 123, 125, 126, 129, 139, 227, 569, 570
— физическое 218
— естественных причин и научной истины II 492
(см. Метод, Истина)
Истина (истинность, истинное положение, правда) 167, 210, 218, 235, 236, 243, 265, 273, 274, 294, 302, 473, 490, 531; II 34, 57, 78, 201, 514, 525, 534, 563, 608, 617
— есть свойство не вещей, а суждений о них 97, 99
— как критерий учения II 138
— определение II 25
— исследование II 267, 524
— предпочитание II 536
— путь II 399, 543
— вечная (древняя) 99; II 25, 508
— необходимая 98, 99
— общепринятая (всеобщая, непреложная) 300; II 25, 508
— очевидная (очевидность и и.) 168, 532, 533; II 214, 427, 428
— случайная 98, 99
— строгая II 512
— умозрительные
и практика II 287
— философская II 288
— принципов природы II 288
— факта и умозаключения II 294
— и выгода II 462
и удовольствия II 545
— и добродетель II 569
— и ложь (неправда, заблуждение) 97, 102, 243, 471; II 25, 48, 342, 343, 523, 569
(см. Предложение)
История (истории) 80, 272, 531, 534; II 53, 156, 294, 298, 414, 602, 619
— как иносказание II 478
— определение II 62
— виды: гражданская и естественная 243; II 62, 63
— вымышленные (ложная) и недостоверные II 464, 524
— греческая и римская II 620
— священная II 323, 367
— дел Господних II 399
— жизни Спасителя II 384
— царей иудейских и израильских II 368
— церкви II 383
— о явлениях и привидениях II 524

Кажимость (видимость) и действительность (кажимое и действительное) 226—230
Казна (государственная, королевская, короля, казначейство) II 239, 249, 258, 592, 609, 622
— определение II 187
Казнь (кара, кары) II 589
— вечная II 350, 588
— церковные II 583

— к. тьмой II 350
(см. также Смертная казнь)
Каноны (канон) II 441, 589
— суть церковные законы II 573
— как законы (закон) II 400, 467, 615
— как принудительные правила II 467
— означает (есть) правило (веры) II 396, 399
— указывает правила христианского образа жизни II 293
— апостолов II 299
— Священного писания II 300
— папы (папские) II 596, 615
— и законы II 255, 256, 396, 401, 413
Категории (предикаменты)
— применение в философии 92
— таблица 90
Качество (качества) 218, 234, 516, 561; II 9, 27, 86, 351, 498, 512, 535
— степени 187
— схема категорий 91
— душевные II 221, 314
— естественные II 59, 230
— моральные (нравственные) II 207, 214, 279, 492
и намерения II 259
— необычайные II 306
— популярные II 275
— противоположные II 519
— скрытые II 519
— специфические II 519
— хорошие II 453
— чувственно воспринимаемые (чувственные) 124, 194; II 10
Клятва (клятвы) 345; II 576, 581
— определение 302, 303, 437; II 109
— еретические и богохульные II 583
— суетные II 603
— верности II 596
— к., не вызываемая необходимостью, есть грех II 583
(см. также Обет)
Книжники II 353
— и фарисеи II 429, 439
Книги II 267, 593, 611
— сожжение II 577
— богословские II 599
— философские (философов) II 63, 510
— по истории (исторические) II 507
и политике (политические) II 144, 255
— по моральной философии II 214
(см. Авторитет, Священное писание)
Книгопечатание II 21
Колдовство (заклинание, колдуны) II 15, 84, 88, 259, 533
— определение II 340, 468
— сила II 339, 340
— формы II 470
— и ложь II 469
Количество 96, 130, 145, 158, 172, 173, 177, 178, 183, 208, 217, 237; II 512
— определение 173, 174
— схема категорий 90
— непрерывное 175
— и неколичество II 585
(см. Величина, Число)
Колонии (провинции)
— суть потомство, или дети, государства (метрополии) II 196, 197
Конечное II 282, 512
Контрибуция II 537
Король (короли, королева) II 377, 380, 401, 495, 574, 584, 590, 604, 608, 609, 611, 612, 620
— есть государственное лицо, или представитель всех подданных II 320
— есть одновременно суверен королевства и глава церкви II 621
— как носитель лица народа II 257
— как отцы семейств II 415
— как пастыри (священник) II 396, 529
— верховное руководство (правление) II 417
(над) церковью II 581, 589, 590
— власть II 75, 92, 149, 594, 605, 608, 610, 622
взимать деньги без согласия парламента II 605
и верховных собраний II 403
и папы II 621
злоупотребление властью короля II 613

— владения II 447, 597
— враги (противники интересов) II 592, 593, 605, 606, 609
— долг II 447
— достоинства II 622
— законы II 597, 622
— крещение II 446
— обращение II 414
— полномочия II 605, 609
— права (право, прерогативы) II 250, 251, 319, 417, 527, 605, 609, 612, 615, 621
— приказание (повеления) II 461, 609
— провозглашение II 385
— титулы II 591, 593, 595
— убийство II 255
— выборные (выборный) II 149, 150, 152
— законный II 527
— искусный в знаниях II 417
— христианский (христианские, к.-христиане) II 293, 302, 415—417, 420, 425, 447, 460, 461, 595, 599
как (верховный) пастырь и учитель подданных II 414, 433
являются подданными Христа II 446
владения II 415
гражданская власть II 435
законы и учения II 433
и папа (епископы) II 466
и подданные II 500
— к. Божьей милостью II 466
— к.-идолопоклонник II 501
— к.-иноверцы (иноверец) II 445, 594
— к.-язычники II 414
— и армия II 608
— и министры II 611
— и парламент II 209, 605—613
— и подданные (народ) II 268, 415, 441, 444, 573, 591, 606, 611, 612, 623
— предательство по отношению к к. II 598
(см. Суверен)
Корыстолюбие (своекорыстие) II 41, 91, 105, 109, 147, 204, 231, 267
Красноречие II 66, 593, 617
— определение II 78
Красота (прекрасное) 201, 244, 272, 541, 549
— определение 240; II 66
— и безобразие (безобразное) 240, 245
(см. Мудрость, Форма)
Крещение 371, 374, 409, 419, 459, 592
— смысл слова в Писании II 485
— определение II 386, 387
— обряд II 386
— цель II 386
— подтверждение II 410
— к. для мертвых II 483—485
Культ (богослужение) 260, 262, 267, 415, 416, 432, 439, 440, 447, 459, 472; II 589, 590
— как знак почитания 442
— объект II 503
— служители II 126
— составные элементы 259
действия 264, 265; II 284, 285
дары и жертвоприношения 262, 265, 266
молитва 263, 264, 437, 438, 473, 481; II 342
пост 265
— формы II 606
различные у (разных) народов 264
частные и общественные 263, 434
— внешний и внутренний 259, 489
— государственный единообразие II 285
— естественный (непроизвольный) и искусственный (произвольный) 427, 428, 433, 434, 450
— религиозный (к. Божества) II 498, 504
и гражданский 442; II 495
— и государство 263, 264, 266, 269, 434, 448
— и естественные науки 268
— и обряды 264, 416

Левиты II 410, 467
— как государственные служащие II 411
(см. Священники)
Легкомыслие II 56
Лесть II 240
— определение II 78
Лжепророки II 424, 447, 449
Лжесловесники II 464

Лжеучители II 449
Лжехристы II 424, 425
Лиги
— есть объединение людей путем соглашения II 184
— государств II 184, 188
— подданных II 184
(см. Тела, частные)
Лицо (ли́ца (юрид.)) 305, 353, 358, 414; II 133, 144, 239, 359, 418, 451, 536, 563, 569, 611
— определение II 568
по Беллармину II 564
— гражданское почитание II 503
— качество II 302
— могущество II 494
— полномочия II 435
— собрание II 133, 149
— сравнение II 494
— высокопоставленные II 268
— гражданское 332, 356 (см. Семья)
— государственные (представитель государства) II 190, 205, 445
— действующее II 243
— доверенное II 176
— должностное II 185, 213, 221, 254, 357, 385, 413, 415, 435, 523
как образ суверена II 497
власть II 432
духовные и мирские II 443
Израиля II 398
церкви см. Пастырь
— духовные 479, 480
влияние II 530
— единое (единство, все в совокупности) II 127
и отдельные (каждый в отдельности) II 142, 261
— естественное 332, 334; II 146
и искусственное (маска) II 564
— общее (л. народа)
носитель II 132—134, 146
— осужденное (осужденные) II 242, 612
— отлученное II 390
— подозреваемое II 526
— политическое II 146
— порочные II 389
— пострадавшее II 235
— представительное (л.-представитель) II 188, 257
определение II 564
— справедливое и несправедливое 307
— уважаемые II 285
— частное (частные) II 4, 167, 187, 190, 195, 210, 211, 237—239, 259, 281, 284, 285, 292, 321, 445, 447, 523, 592
как обвинитель II 241
как судья II 461
взгляды II 448
воля II 285
объединение сил II 184
повиновение II 461
преступления против II 268
расточительность II 269
религии II 285
репутация II 614
(см. Авторитет)
— юридические II 174
— государства II 321
— суверена II 188
(см. Государство, Народ, Церковь)
Личность (личности) 311, 390; II 63
— определение II 124
— гарантия безопасности II 101
— переоценка II 230
— самосохранение 271
— выдающиеся 245
— естественная и вымышленная (искусственная) II 124
— индивидуальные II 479
— государя 340, 376
— служителя Христа II 532
(см. Право, Человек)
Логика (логики, исчисление) 67, 111, 138, 398, 471, 508; II 30, 560, 579, 599
— как метод рассуждения и мудрствование словами II 511
— природная 529
— Аристотеля II 565, 617
Ложь II 135, 499, 514, 603
Любовь 201, 262, 286, 294, 493, 535, 553; II 42, 66, 68, 219, 617
— как влечение 549
— как желание добра 251
— как потребность 549
— определение 564; II 450
— показная II 76
— чрезмерная II 56
— чувственная 550
— Бога 540
— родителей к детям 550

— и доброта II 280
— и ненависть 287; II 38
— к Богу 260, 261, 432, 434, 564; II 282
и к ближнему II 450
— к власти II 439
— к себе 287
— к человеку (друг к другу) 285, 287
— заповеди взаимной л. и л. к Богу II 266
Любознательность II 42, 81, 163
— определение II 80

Магнаты 350, 351
(см. Власть, немногих лиц)
Магометанство II 383
Малодушие II 44, 55, 70, 77, 240
— определение II 42
Манеры II 74
Мануфактура см. Промышленность
Масса 333, 478
— понятие 334
— действия 335
(см. также Народ, Толпа)
Математика 409; II 66
— чистая и прикладная 237
Материя (субстанция) 119, 121, 122, 130, 171—174, 176, 212, 217, 224, 225; II 28, 512
— первая 158, 208
— предсуществующая II 548
— невидимых сил II 83
— человеческой души II 83
— и идея 126
(см. Форма)
Меланхолия II 56
Мера (меры)
— насильственные (крайние) II 258
— несправедливые и несообразные II 441
— общие II 260
— предосторожности II 341
Мера (как м. измерения) 141 174, 251, 254, 258
Место (места) 140, 146, 149—154, 156; II 178, 263, 282, 305, 313, 496, 512, 517
— определение II 516
— понятие 148, 435
— святое (святость) II 498, 499, 502
— (общественного) богослужения II 240, 527
— наказания нечестивых (м. осужденных после воскресения) II 350, 552
— м. для души вне тела II 483 (см. Преступление, обстоятельства)
Месть II 118, 129, 243, 247, 266, 271, 432
— личная II 239, 242, 535
— государства II 248
Метафизика (метафизики) II 513, 534
— Аристотеля II 617
и логика II 565
— и теологи II 516, 517
— и физика II 519
Метафоры II 52, 53, 199, (метафорические обороты) 201, 313, 349, 350, 484
— реальное основание II 351
Метка 81, 84, 129
— как чувственно воспринимаемая вещь (объект) 82, 525
— и знаки 82—84, 119
(см. Знак)
Метод 71—73, 134, 137, 220, 275, 278, 281, 293, 570, 573; II 21, 34, 51, 55, 219, 509, 619
— аналитический 119, 122, 125, 127—129, 133; II 163, 508
— правильный 557
— синтетический 119—121, 125—127, 129, 132
— философский 117—119, 135, 191
— доказательства 129, 236, 237
— исследований 129
— логистики 136
Милосердие (сострадание) 262, 303, 319, 322, 411, 432, 546, 548; II 85, 129, 221, 279, 331, 392, 485, 603, 621
— божественное (Божье) 302, 303, 563, 582
Милость
— особая II 363
— необычайного откровения II 290
(см. также Дар)
Мир (вселенная, универсум) 128, 132, 133, 138, 139, 144, 206, 243, 401, 516; II 99, 277, 548, 549, 551, 571, 586, 591
— является телом II 513

— как масса всего существующего II 513
— величина 203, 204, 206
— вечность 205
— конец (скончание, сожжение, разрушение) II 337, 352, 384, 480
— начало 205
— обновление II 588
— порядок II 80
— сотворение 468; II 338, 339, 551, (основание) 589
— видимый II 488
— грядущий II 480
— христианский II 149, 442, 465, 526, 570
— и Бог 391, 392
Мир (состояние) 234, 277, 284, 285, 293, 311, 316, 321, 339, 353, 361, 369, 374, 379, 390, 393, 397, 406, 459, 550; II 22, 66, 85, 95, 99, 116, 119, 139, 188, 273, 288, 343, 434, 444, 509, 621
— как благо (добро) 317, 401; II 123
— как первое требование разума 312
— как цель II 120, 137, 138
— определение II 96, 121
— дарование II 117
— нарушение II 229, 235, 535
— посредники II 120
— сохранение (самосохранение, поддержание, обеспечение, достижение и защита) 304, 305, 327—331, 335, 371, 398, 400, 403; II 132, 134, 137, 155, 165, 175, 194, 214, 273, 414, 544, 545
как цель II 168, 190, 408, 489, 576
— условия II 98
— установление II 620
— вечный душевный II 47
— внутренний (общественный) 336, 339, 373, 403, 404, 407; II 133, 148, 201, 489, 618, 620
— всеобщий (общий) 336, 338, 375; II 194
— гражданский II 6
— грядущий (будущий) II 389, 393, 395, 401, 406, 482
наказания в г. м. II 483
и чистилище несовместимы II 482, 483
— длительный II 620, 623
— загробный II 415
— настоящий (этот, до Судного дня) II 473, 482, 483
и грядущий (после Судного дня) II 356, 371, 372
— невыгодный II 196
— прочный II 623
— и безопасность II132, 138, 492
— и война 272—274, 291, 292, 309, 310, 317, 488
— и волнения в королевстве II 605
— и истина II 543
— и лояльность II 543
— и правосудие II 293
— и согласие II 138
— и справедливость II 184
— и счастье II 592
— м. без подчинения II 131
— отвращение к м. II 117
— пути или средства к м. II 123
— три м.: старый, нынешний и грядущий век II 482
(см. также Человек, мирное сосуществование; см. Бог, Стремление)
Мировая душа 435
Мнение (мнения, взгляды) 293, 294, 392, 396, 398, 496, 516, 533, 561, 569, 571—573, 577; II 29, 146, 199, 201, 208, 257, 258, 308, 439, 466, 493, 525, 543, 557, 592, 603, 616, 623
— определение II 48, 50
— защита II 138
— основа II 49
— различие II 274
— всеобщее и м. большинства 348
— вредные для мира и власти II 253
— высокое (хорошее) м. о своих способностях (о самих себе) II 56, 602
— личное (частное, собственное) II 78, 236, 252, 290, 445, 597
запрещенное церковью II 390
и закон II 361
и общепринятые (в области религии) II 348
— ложное (ложные, неправильные, ошибочность) 557, 594; II 209, 227, 253, 390, 391, 465, 523, 543

и (ли) истинные (правильность) II 236, 535
о собственной мудрости II 230
о собственной набожности II 290
— народное 382, 386
— общественное II 281
— особые II 597
— отдельное м. священника и собора II 570
— последнее (решительное и окончательное) II 48
— преувеличенное II 56
— противоположные (противоположность, противоречивые) II 209, 536, 542
— противоречащее природе государства II 253
— хорошее II 238
— чередующееся II 48
— большинства собрания II 198
— пап II 580
— писателей II 214
— ученых II 263
— и нравы II 536
— о долге по отношению к суверену II 415
— о силе и доброте Бога II 279, 280
(см. Знание)
Могущество II 69—71, 604
— природа II 63
— репутация II 66
— более чем человеческое II 504
— естественное (природное) и инструментальное II 63
— государства II 63
— партий II 63
— человека II 53—67, 498
Молитва (молитвы) II 280, 420, 476, 485, 487, 499, 501, 504, 603
— объект II 417
— и благодарственные молебны II 283, 284
— м. о мертвых II 484
Монарх (монархи, король, царь) 256, 264, 350—352, 355—360, 365, 373, 377, 386, 390, 392, 412, 420; II 142, 145, 147, 150, 157, 159, 160, 171, 188, 191, 208, 422, 432, 440, 521, 623
— м. или собрание как суверен II 186, 193, 198, 206, 224, 260
— владение II 438
— власть II 143, 255
верховная II 421
— воля II 153, 173
— восстание против II 254
— наследник (преемник) II 152, 172, 173
— небрежность м. в управлении государством II 286
— образ правления II 153
— повеление II 382
— право II 573
распоряжаться престолонаследием II 153, 154
— примеры и влияние II 238
— совесть II 193
— страсти II 193
— временные II 149
— побежденный II 173
— суверенный
как отлученный II 392
право II 260
— христианские II 435, 437, 584
власть II 342
— царствующий II 152
— всех христиан мира II 424
— и подданные II 148, 153, 154, 173
богатство, могущество и слава II 146
Монархия 280, 282, 341, 348, 351, 354—356, 365, 370, 373, 375, 377, 378, 380, 383—386, 390, 392, 419, 454; II 136, 144, 148, 151, 162, 167, 168, 191, 204, 206, 208, 210, 251, 259, 264, 271, 273, 315, 362, 420, 505
— определение 349; II 149
— власть II 255
— право наследования II 157
— природа II 437
— цель II 152
— смешанная II 257, 610
— и другие роды управления II 146, (и тирания) 593
(см. Ненависть)
Мораль II 618
— церковная и аристотелевская II 620
— и гражданская наука II 143
— и разнообразие вкусов II 511
Мотив (мотивы)
— побудительный II 155, 266
— политический II 368
Мудрость (мудрец, мудрый) 72, 209, 256, 257, 271, 272, 275, 276, 288, 294, 311, 339, 380, 382, 389, 393, 398, 496, 521, 533, 550, 564; II 7, 66, 77, 119,

132, 204, 245, 329, 366, 515, 531
— как изысканная любезность II 613
— как прекрасное 242
— как результат подлинного разума, т. е. философии 272
— как сумма человеческих способностей 523
— как цель влечения 242
— определение II 19, 36, 613
— изобретательность II 613
— польза 242
— великая II 305
— кажущаяся II 78
— необычайная II 222
— политическая II 259
— и глупость II 613
(см. Хитрость)
Мужество (храбрость) II 70, 71, 123, 175
— определение II 42
— м. предпочесть смерть исполнению приказания II 501
Мужчины и женщины II 604
Муки (мучения) II 471
— определение II 480
— вечные II 343, 478, 479, 555
нечестивцев II 352
и величайшие II 523
— физические и душевные II 352
— в чистилище II 483
(см. также Казнь)
Мученики (мученик)
— определение II 383
— провозглашение II 529
— истинный II 383
— второй степени II 384
— душ II 487
Мысль (мысли) 81—83, 103, 191, 199, 232, 389, 517, 521, 530; II 23, 31, 51, 535, 536, 573
— определение II 9
— образ II 123
— правдоподобие II 611
— связь (последовательный ряд, мысленная речь) II 16—20, 22, 29, 52
— внутренние II 279
и внешние слова и действия II 495
— кажущаяся II 78
— неправая 423
— нечестивые II 491
— сокровенные II 361
— тайные II 54
— чередующиеся II 48
— и желания II 56
— и представления II 514
(см. Воля, Ощущение)
Мышление 75, 82, 107, 140, 280
— правильное II 62
Мятеж (мятежники, смута, бунт, восстание, волнения) 276, 278, 282, 329, 330, 339, 341, 347, 375, 381, 389, 390, 396—398, 404, 405, 426; II 77, 113, 141, 162, 167, 244, 250, 252, 254, 255, 257, 259, 263, 286, 318, 343, 368, 408, 412, 432, 522, 525, 530, 541, 543, 571, 599, 601, 605, 607, 611, 614, 617, 620
— определение II 6, 248, 261
— зачинщики II 231
— последние (в Англии) II 619
— удачные II 539
— и светская власть II 597
— в. против короля (монарха) II 291, 593

Наблюдение II 84, 209, 503
Награда (награды, (воз)награждения) II 384, 461
— обещание
и угроза пыток II 382
— польза и цель II 272
— и наказание (наказания) II 6, 155, 249, 271, 276, 277, 343
— за веру в Христа II 449
Надежда II 7, 70, 94, 282
— на безнаказанность (на избежание наказания) II 231, 232, 236, 268
— на выгоду II 281
— на награду II 257
— и отчаяние II 141
— и страх
и сила II 280
Наказание (наказания, кара) 416, 417, 420, 421, 423, 424, 426, 427, 429, 430, 437, 465, 470, 473, 594; II 107, 135, 199, 207, 219, 221, 231, 237, 356, 388, 449, 595
— в собственном смысле II 432
— есть мерило хорошего и дурного поведения II 79
— как подстрекательство II 228
— определение II 228, 241—244, 246, 278
— боязнь II 523

— время н. и мучений II 481
— зло II 228, 243
— мера II 247, 574, 575
— незнание II 227
— обратное действие II 243
— право 455
— природа II 243
— причина II 579
— угроза II 110, 129
— цель II 243, 247, 271, 574
— Божье и человеческое II 243, 244
— большее н. есть враждебное действие II 243
— вечные II 478
— гражданские II 582
— естественные II 285, 286
— должное II 555
— жестокое II 501
— заслуженное II 555
— неопределенное (произвольное) II 243
— разные II 486
— смешанные II 245
— телесные (физическое) II 176 и денежные II 140, 244, 247
определение II 245
— уголовные II 540
— установленные законом (законное) II 230, 261, 574, 575
— церковные 482; II 577 (см. также Отлучение)
— мятежных или нерадивых солдат II 275
— невиновных
и естественный закон II 247
— и закон II 228
— и принуждение II 596
— и убеждение II 380
— и снисхождение
как пример II 272
— н. бесчестьем II 140
— для бестелесных существ II 312
— для народа и короля II 596
— за веру II 573
— за грехи II 200, 479
— за измену II 244
— за нарушение Божественного завета II 556
— за неверие II 381
(см. Награда)
Налоги (платежи) II 468, 592
— определение II 269
— законность II 612
— королевский (в пользу короля) II 612, 613
— в пользу парламента II 613
Налогообложение
— равномерное II 269
Намерение (намерения) II 8, 129, 169, 243, 340, 604, 611
— чистота II 227
— благочестивое II 284
— враждебное и предательское II 491
— добрые II 491
— злое (дурное) II 199, 491
— несправедливое
и честолюбивые замыслы II 211
— нехристианское II 622
— преступное (противное закону) II 239, 491, 601
— врагов и учеников Христа II 491
— государей и высокопоставленных лиц II 529
— почитать Бога II 327
— и благо II 431
— и преступление II 226
— н. превратить религию в практическое знание II 617
Нанесения оскорбления II 118
Народ (демос, народная масса) 266, 268, 271, 293, 294, 349, 350, 359, 383, 398; II 150, 152, 160, 193, 225, 237, 247, 256, 274, 291, 299, 325, 408, 491, 502, 511, 527—529, 540, 584, 595, 601, 607, 613, 619, 621
— как единое лицо 353—356, 375, 401, 577
— как сила, способная противостоять королю II 592
— безопасность II 6, 268, 275
— благо II 270
— благоденствие II 264
— выходцы из II 259
— гибель II 494
— гнев II 603
— защита II 271
— мирное существование II 183
— неведение (н. невежествен) н. относительно своих общественных обязанностей II 593, 614
— недовольство II 622
— пастыри II 414
— повиновение II 258, 265

— преданность н. суверену II 264
— просвещение II 260, 263
— скопление II 185
— сравнение 77, 78
— еврейский (израильский) II 254, 263, 295, 300, 312, 316, 320, 321, 350, 361, 386, 397, 528, 539, 548
как царство II 346
(см. также Евреи)
— невежественный II 503, 506, 614
— покинутый королем II 596
— простой II 337, 534, 592, 616
умственные способности II 263
— христианский (христианские) II 425, 530
как церковь II 437
представители II 421
и нехристианские II 594
— Афин (афинский) II 166, 251
— Рима II 220
— святых II 317
— и масса (толпа) 334, 352, 356, 389, 396
— и монархи 257, 370, 371 (см. Суверен, и подданные)
— и папа (папы) II 596, 600
— и сенат II 251, 505
— и церковь II 571, 622
(см. также Простонародье; см. Благо, Власть, Гражданин, повиновение)
Народоправство (народовластие) II 601, 604
— и свобода II 593
(см. также Демократия)
Насилие II 107, 111, 257, 268, 565
— внешнее (извне) II 262
и внутренние междоусобицы II 250
— сопротивление насилию II 241
— и хитрость II 266
— над личностью II 266
(см. Страх, смерти)
Наслаждение 207, 240, 246, 247, 286, 424, 535, 536, 550; II 40, 87, 91
— духовное 287
— умственное II 43
— чувственные 555, 594; II 108
— бессмертием II 374
Наследство (наследник) II 147, 150, 172, 273
— определение II 152
Настоящее II 80
— и будущее II 103, 238, 239
(см. Прошедшее)
Наука (науки) 77, 80, 82, 120, 124, 132, 134, 232, 235, 237, 243, 276, 409, 531, 570; II 55, 66, 507, 512
— как благо 242
— определение 236; II 35, 49, 62, 93
— записи II 62, 63
— основы 74
— гражданская 275
— естественные 472; II 303, 532
и моральные II 536
— математические II 286
— халдеев и египтян II 509
— и знание 236
— и политика 220
— о естественном праве II 286
— о справедливом и несправедливом II 614
— о человеческом теле 67, 68
(см. также Геометрия, Математика, Физика)
Нация II 592
— английская II 607
(см. Соревнование)
Неблагодарность II 226, 247
— определение II 117
— и милость II 117
Неведение (незнание) II 519, 575, 614
Невежество II 86, 88, 172, 212, 272, 302, 340, 415, 484
— естественное II 464
— и страсть II 541
Неверие II 351
— вред II 403
— н. суверену II 289
Неверные II 395, 531
Невиновный II 215, 216
(см. Виновный)
Невоздержанность II 286
Негодование
— определение II 41
— язык II 47
Недоверие II 95
Незнание см. Неведение
Ненависть II 118, 131, 219, 231, 522
— тайная II 76
— и наглость II 268
— и отвращение II 40
— н. к монархии II 168

Необходимость 162, 164, 166, 271, 290, 316, 593, 595; II 164, 200
— логическая 167
— природная (естественная) 289, 292, 295, 301, 309, 336, 371, 567; II 117, 228
— деяния имеет силу полномочий II 524
— существования короля или народовластия II 593
— и случайность (необходимое и случайное) 165, 167 (см. Свобода)
Неповиновение II 237, 522, 525, 616
— справедливое основание для II 461
— возмездие за II 480
— Богу (законам Бога) II 298, 449
— действием II 581
— гражданским (земному) суверенам (суверену) II 429 и вера в Христа II 449
— родителям и хозяевам II 393
Неприкосновенность
— гарантия II 120
Несправедливость (несправедливости) 248, 255, 256, 261, 272, 303, 330, 340, 343, 355, 363, 368, 376, 423, 424; II 79, 91, 132, 134, 135, 159, 193, 208, 356, 357, 393
— как нарушение (невыполнение) соглашения (договора) 305, 306, 355; II 110
— как основание для отлучения от церкви II 390
— определение II 618
— виды н. и безумия II 591
— имя 306, 307
— источники: лицемерие и самомнение II 591
— предупреждение II 574
— двойная II 591
— поступка (правонарушение) II 115
— характера II 114
— и беззаконие II 137, 165, 166
— н. в мирных спорах II 100 (см. Справедливость)
Несчастье (несчастья) II 279
— величайшее II 261
— непредвиденные II 464
— прошлого II 614 (см. Счастье)
Нечестивцы (нечестивые) II 351, 457, 480, 555, 588
— бессмертие II 478
— и язычники II 471
Нечестье II 576
Ничто II 308, 548, 560, 566, 586
— абсолютное II 304
— н. нигде не существует II 513
Новое 200, 244, 253, 254
— определение 252
Новый завет II 312, 313, 316, 318, 321, 324, 328, 333, 334, 372, 395, 399, 400, 403, 406, 472, 478, 482, 528, 569, 577, 582, 590, 594
— как закон II 401, 402
— темные места II 471 (см. также Священное писание)
Нравственность (нравственное) 294, 440, 449; II 509, 532
Нравы 218, 220, 259, 268, 317; II 536
— определение 257
— исправление II 390
— правильность и неправильность (соответствие закону суверена) II 429
— порочные II 388
— и внешние действия II 393
— лицемерие в II 392

Обвинение II 107, 166, 246
— частное и государственное II 241
— и оправдание II 127, 128, 147
— повод к II 186
— о. от имени государства (государственное) II 241
Обвиняемый II 578, 580
Обдумывание II 46, 47, 106, 237
— определение II 45, 48
Обет 298, 299, 470, 583; II 569
Обещание II 74, 107, 109, 514, 538
— определение II 102
— выполнение (сдержание) II 112
— нарушение II 114, 155
— взаимные II 112
— о. повиноваться (повиновения) II 362, 369
Обида (обиды) II 232, 239, 268, 444
— нанесение II 286
— взаимные II 254

Обман (обманщики) II 231, 240, 326, 327, 333, 335, 341, 532, 616, 618
— как благочестивое дело II 299
— и иллюзия II 340
(см. Государство)
Образ (образы, впечатление) 86, 107, 108, 113, 146, 149, 191, 192, 195, 197, 205, 208, 228, 229, 230, 403, 516, 517, 530, 559; II 494
— есть подобие видимого объекта (предмета) II 496, 497
— есть представительство одной вещи другой II 497
— как акт ощущения 194, 204
— вездесущность II 519
— возникновение 192, 193, 200
— причина II 550
— разнообразие (множественность) 196, 199
— бестелесные II 566
— зрительный II 562
— причудливые II 493
— реальные II 566
— умственный II 497
— чувственно воспринимаемые (чувственные) 115, 120, 126, 127, 139, 198, 512
и о. фантазии
суть формы без материи, цвет и фигура без тела II 488
— воображения 114, 120, 132, 138—140, 197—199, 201, 202, 511, 512, 518; II 309
— фантастических идолов, созданных природой II 497
— и реальный предмет II 497
— и идолы мозга II 497
(см. также Изображение, Призрак; см. Объект, Опыт, Пространство)
Обращение (обращенные) II 346, 377, 400, 402
— суверенов II 377
— и покаяние II 465
Обряд (обряды) II 109, 316, 321, 375, 376, 418, 477, 500
— канонизации II 505
— освящения II 476
Обучение (образование) 128—130, 132, 134, 206, 234, 237, 244, 569; II 51, 55
— плохое II 415
— университетское II 593
— детей II 265
— монахов II 599
— юношества II 267
Общества (группы, корпорации)
— монопольные II 181
— упорядоченные и неупорядоченные (законные и противозаконные) II 174, 184—186
(см. также Лиги)
Общество (общественная организация) 234, 243, 291, 329, 389, 391, 490; II 22, 96, 97, 112, 123, 237, 336, 348, 392, 418, 544, 613, 618
— польза 285
— помощь II 76
— строй (общественный строй, структура) 282; II 593
— гражданское 280, 284, 287, 331, 343, 392, 398; II 252
учение о II 121
— ущерб (вред) обществу II 576
(см. Удовольствие)
Объект (предмет, внешнее тело) 208, 226, 227, 230, 231, 233, 513—515, 517, 518; II 13, 38, 40, 41, 74, 282, 488
— как вещь 85
— определение II 9
— действие II 304
— право собственности II 266
— естественный и сверхъестественный 559
— и призрак (образ, образы) II 10—12, 487, 496
(см. Образ, Ощущение, Свет, Субъект, Цвет)
Обычай (обычаи) 316, 317, 371, 372, 421; II 68, 93, 153, 232, 280, 503, 514, 593
— как закон II 578
— умаление права II 206
— неписаные II 220
— разные II 619
— разумные и дурные II 206
— греков II 369
— евреев II 388
— и закон II 91
Обязанность (обязанности) 262, 275, 279, 295, 337, 338, 352, 452, 576; II 100, 238, 620, 623
— вероломное нарушение II 501
— исполнение о. по отношению к Богу II 591
— более сложная и менее сложная II 417

— гражданские (граждан, гражданского повиновения, о. повиноваться) 125, 135, 258, 274, 278, 340, 348, 400, 415, 428, 503; II 200, 213, 223, 535, 536
нарушение II 400
— естественная II 261
— моральные II 595
— общественные 406; II 614
(см. Церковь)
— государства 348
— моя 413
— первосвященников II 619
— повеления и управления II 417
— повелителей 400, 401, 404—407, 409, 412
— и уважение II 531
— о. по отношению друг к другу (взаимные) 432; II 279
и к обществу II 618
— о. по отношению к верховной власти (суверену) II 169, 188
(см. Власть, Подданные, Равенство)
Обязательство (обязательства, обещание) 298—300, 302—306, 336, 341, 347, 348, 352, 353, 355, 358—364, 367, 368, 371, 397, 414, 418, 419, 447, 466, 490, 571; II 104, 106, 109, 134, 137, 184, 260, 360, 361
— возникает из соглашения 362
— определение II 76
— нарушение 437; II 101, 115
— сила II 101
— должное II 181
— естественное 431
— граждан 424—427
— повиноваться Богу II 362
— по отношению к самому себе II 206
(см. Свобода)
Оглашенные II 589
Одержимость II 491
Олигархия 350; II 144, 522
Опекунство (опекун) II 148, 149
Оправдание II 205, 575
— основание полного II 237
— по закону II 460
(см. Обвинение)
Определение (определения, дефиниция) 69, 71, 117, 130—132, 134, 135, 147, 191, 192, 199, 204, 294, 471, 472, 490, 496; II 26, 49, 50, 514
— определение 119, 132; II 33
— сущность 132
— свойства 132, 133
— ложные 139
— первые II 32
— произвольные 81
— схоластические II 256
— и названия вещей 191
— о. общеприняты II 288
Опыт 80, 206, 210, 220, 223, 227, 236, 237, 255, 284, 311, 471, 524, 529, 531, 569; II 19, 34, 38, 39, 43, 51, 53, 54, 94, 96, 118, 201, 209, 288, 452, (опытность) 579
— есть основа всякого знания 550
— как воспоминание о последовательности вещей 522
— как запоминание последствий действий II 200
— как запас образов, накопленный путем восприятия многих вещей 199
— определение II 12
— богатый II 36, 70, 202
— грубый II 508
— мнимый II 87
— новый 550
— повседневный 73
— собственный (наиболее достоверный) 81, 238, 279, 294
— мира II 202
— прошлого II 20, 87
— и здравый смысл (благоразумие) II 230, 508
— и знание 551
— и память 74
— и размышление II 231
— и речь II 200
Ораторы (ораторские приемы) II 77, 147, 199
Осуждение II 595
— боязнь незаконного II 216
— объект II 417
— официальное и личное усердие II 541
— богохульства II 418
— невиновного II 216
— справедливость вечных мучений осужденных II 616
Осязание II 566
Отверженные
— тела о. после воскресения II 479, 481

— и избранные II 481
Ответственность 283
Ответчик
— и истец II 189
Отвращение II 41, 45, 500, 501
— к повиновению законам II 259 (см. Ненависть)
Откровение (откровения) 267, 427, 429, 446, 472, 473, 475, 480, 561, 563; II 223, 277, 361, 499, 500
— доказательства непосредственного II 292
— божественное (сверхъестественное) 222, 293, 299; II 87, 89, 105, 222, 288, 293, 301, 332, 360, 498, 508
— мнимое II 87, 292
— особое (специальное) II 406, 451
— частное II 302
Отлучение (от церкви) II 413, 420, 431, 442, 448, 527, 531, 577, 582
— как возвещение наказания Христа (природа о.) II 432
— является наказанием II 390, 391
— власть II 432
— вред II 389
— действие II 596
— основания для II 390
— практика и последствия II 388
— сила II 393
— папское II 529 (см. Приговор)
Отлученные (отлученный) II 528
— как подданные II 595
— общество II 413, 432
— преступные намерения II 390
— и некрещеные II 389
— и отлучающий II 432, 576
Отношение (отношения) 126, 170, 176—179, 183, 184, 189, 193, 287, 439; II 498
— беспорядок о. между государствами II 609
— причина 169
— схема категорий 91
— пропорциональное 170, 171, 176
— терпимое о. к ненависти, к тирании и к государству вообще II 539
— Бога к нам 434 (см. Государство)
Отражение (отображение) 192, 226, 229—231, 515, 516
Отречение II 567
Отрицание II 16, 514
Отцы и дети II 205, 266
Отцы церкви II 378, 399, 564—566, 577, 587
— проповеди II 482
— цель II 585
Очевидность 531, 556
— есть представление 560
— определение 532
Ошибка (ошибки) II 25, 26, 78, 112, 113, 236, 263, 418, 473, 516, 522, 524, 530, 535, 587
— определение II 32
— духовные II 464
— логическая II 579
— морально-философская II 521
— старые о. и новые истины II 543
— и догадки II 509
— и закон II 215
Ощущение (ощущения) 191, 201, 204, 207, 215—217, 246, 329, 512, 515, 518, 526, 534, 535, 539; II 11, 20, 34, 35, 41, 42, 47, 49, 51, 62, 87, 97, 282, 303
— как движение внутренних частиц ощущающего тела 193, 196, 200
— как источник знания 563
— как непосредственно данное представление 538
— как основа познания принципов вещей 192
— обусловливается действием внешних объектов на мозг 554
— определение 193—197, 228; II 9, 10, 37
— возникновение 516
— объект (предмет) 193—195, 197—200, 202—204, 207
— органы II 13, 55
— ослабление II 12
— причина (причины) 192, 193; II 9
— процесс 193—195, 198, 202, 238
— различие II 123
— субъект 193—195
— общее II 16
— и мысль II 21
— и сон II 13 (см. также Восприятие, чувст-

венное; см. Образ, Представление, Удовольствие)

Память 74, 81, 82, 116, 129, 140, 149, 150, 174, 175, 196, 216, 217, 272, 523, 529, 531; II 6, 16, 21, 22, 34, 35, 49, 54, 62, 289, 488, 508
— как шестое, внутреннее чувство 518, 519
— определение II 12
— богатая II 12
— твердая II 522
— и представление II 12
— и размышление II 200
(см. Опыт)
Папа (римский п., папство) II 415, 417, 420, 431, 434, 448, 521
— являются преемниками апостола Петра II 424
— как (верховный) наместник Христа II 442—446, 465, 592
— как (верховный) судья в вопросах нравственности и абсолютный (всеобщий) монарх всех христиан (всего христианского мира) II 425, 526, 596
— как всемирный царь II 533
— как судья II 461
— как высший священник христианских народов II 594
— как (главный) пастырь всех христиан (верховный христианский пастырь, царь царей) II 447, 506
— как гражданский суверен (всех христиан) II 429, 506
— определение II 533
— авторитет II 572, 578, 615
— богатство и могущество II 572
— верховенство II 505, 572
— владение (владения) II 438, 534
— власть (папская) II 422, 424, 437, 438, 469, 532, 595, 617, 620
анализа и разложение II 531
возражения против II 583
синтез и строение II 531
мирская (гражданская, светская) II 446, 529
принудительная (над гражданскими суверенами, императором, королем) II 446, 447, 529, 578, 599
доказательство (по Беллармину) II 475, 476
в Англии II 592
церковная (пастырская, духовная) II 467, 529, 534
и светская юрисдикция II 439
освобождать подданных от их обязанностей (от подчинения) законным правителям II 526
и власть императора (гражданская верховная) II 435, 436, 506
и имя (титул) II 505, 527
над университетами II 529
— доктрина II 599
— (мирские) подданные II 467
как судьи учения II 446
— непогрешимость (суждений) II 425, 528
в вопросах веры и нравственности (по Беллармину) II 428, 429
— обязанности II 447
— повеления (постановления) II 435, 594
и законного суверена II 429
— право
троякое: приказывать, судить, и наказывать II 442
быть верховными учителями христианского учения II 526, 527
назначать монархов и свергать власть государств (Беллармин) II 440
суда (юрисдикции, судопроизводства) II 428, 429, 436, 438, 439
— принижение роли II 621
— притязания (претензии, п. претендует) II 473, 594, 596
на верховенство в вопросах нравственности II 429
на власть II 421, 428, 465, 527
— служители см. Духовенство
— и (христианские) суверены (короли, государи, императоры) II 441, 442, 475, 476, 526, 572, 595, 598, 599
— и царство фей II 534
— п. дает одному королю право вторгаться во владения другого II 600

(см. Народ)
Паписты II 594
— и пресвитериане II 592
— ненависть к II 603
Парадоксы
— философские и филологические II 583
Парламент II 584, 598, 601, 604, 621, 623
— члены II 613, 614
— Долгий II 594
(см. Король)
Партия (партии) 381, 382, 399, 400, 577; II 131, 183, 190, 256, 593, 604, 608, 623
— определение 407, 408
— борьба 373, 576
— аристократические и демократические II 254
— пресвитериан и епископальная II 584
Пастырь (христианские пастыри, священники) II 388, 393, 406, 451, 452; 477, 484, 503, 526, 576
— являются служителями Христа II 409
— являются учителями христианства II 415
— как служители суверена II 414, 415
— авторитет II 482
— власть II 422, 446, 447
— внутреннее уважение к пастырской функции II 533
— воля и приказание II 434
— доходы II 413, 420
— избрание II 408, 414
— недостатки и бесчестье II 532
— обязанности (функции) II 404, 416
— полномочия II 413
— почетные титулы II 420
— репутация II 451
— служение пастырское II 408, 409, 418, 419
— собрание II 420
— учение II 435
— верховные (верховный) II 416, 420, 433, 499 (см. Церковь)
власть II 423
— законные II 457
— епископальные и пресвитерианские II 584
— пользующийся уважением как ученый II 501
— римский II 447 (см. также Папа)
— первобытной церкви II 504
— и паства (верующие) II 447, 603
— и суверены II 422
Первосвященник (первосвященники) II 301, 330, 365, 370, 374, 386, 389, 397, 439, 448, 494, 529, 541
— как гражданский суверен (гражданские суверены) II 399, 413, 428, 429
— как наместник Бога II 366, 476
— как подданный II 367
— как представители Бога в Ветхом завете II 378
— власть II 392
гражданская II 438
назначать царя II 473
— институт II 317
— право II 419, 420
— и книжники II 426
Печаль II 44
Писание см. Священное писание
Победа II 538
— определение II 69
Победитель II 247
(см. Повиновение)
Побежденный
— воля II 157
— жизнь и свобода II 157
— и победитель II 157, 158, 178
(см. Соглашение)
— право господства над II 158
Побуждение (побуждения) 206, 207
— собственное (личные) II 338, 382
Поведение II 317
— правила 508; II 404
— принцип 414
— приличное, скромное, смиренное II 285
— по отношению к другим II 129
(см. Наказание)
Повеление (повеления) II 430
— Бога (от имени Бога) и человека II 448
— подчиняться предписаниям Библии II 450
— разума и справедливости II 325
Повиновение (подчинение) 363,

388, 407, 412—414, 417, 418, 426, 434, 436, 443, 497; II 157, 160, 162, 207, 241, 249, 264, 280, 346, 368, 380, 466, 528, 600, 606, 616
— как праведность 502
— как следование советам II 434
— акт II 168, 169, 281
— обязательство II 333
— основание II 434
— отказ от (в) II 169, 372
— прекращение 392
— абсолютное
королевским законам и правительственным эдиктам II 620
— активное и пассивное 427
— безусловное 408; II 161
— гражданское (граждан государству) 391, 425, 471, 472, 478, 487, 488, 505; II 276
— детей родителям 386, 387
— народа II 258
— (подданных) государю (правителю, суверену) 387—389, 394, 444, 503, 504; II 161, 213, 382, 450
— рабов (слуг) господам 386, 387; II 161
— и закон 498
— и исповедание (вера) 498; II 459
— и поклонение II 496
— и спасение II 458
— Богу (Христу) 425, 427, 431—448, 466, 467, 482, 491—493; II 278, 293, 300, (правлению Бога) 319, 333, 373
вынужденное и добровольное II 437
и человеку II 448
и гражданскому суверену II 460
— верховной власти 428; II 343, 366
— вождю 397
— государству 424, 439, 441, 470
— духовенству II 533
— законам (закону) 413, 419, 420, 424, 468; II 85, 234, 401, 433, 579, 618
и неповиновение II 449
— истинному разуму 401
— настоятелю II 520
— папе II 429
и королю II 597
— победителю II 538
— суверену II 289
— воля (усилие) к II 450
— договор о II 198
(см. Народ, Склонность)
Подданный (подданные) II 143, 145, 147, 152, 155, 157, 159, 173, 174, 180, 189, 194, 196, 199, 205, 207, 223, 225, 242, 244, 247, 251, 285, 317, 344, 364, 414, 466, 530, 531, 599, 605
— как судья II 446
— блага (благо) II 274, 420, 440
— благоразумие II 618
— вера II 461
— верность II 444
испытание II 291
— воля II 193
— добродетель
состоит в подчинении законам государства II 618
— долг и свобода II 542
— зависимость от верховной власти II 515
— защита II 139, 235, 254, 260
право II 141
и безопасность II 618
— интересы и стремления II 175
— казнь или преследования II 461
— личность и средства существования II 172
— наказания II 230, 432
— неповиновение II 162, 256
— неравенство II 268
— обязанности II 148, 173, 229, 288, 462, 537
— политическое тело II 175
— послушание и согласие II 264
— право II 221, 235
собственности II 193, 267
убивать тирана II 267
— судья для II 444
— честолюбие и несправедливость II 148
— верные II 275, 538
— могущественные (и богатые) II 263
залог верности государству II 259
популярность II 289
— популярный и честолюбивый подкуп II 272
— суеверные II 534
— христианские (христианин) II 292, 336, 392, 506

— Бога II 315
— государства II 185
демократического II 255
христианского II 383
— и владетели II 178
потомство II 274
— и ученик II 595
— абсолютная власть над II 427
— управление подданными в делах религии II 420
— дети и слуги как п. отцов и хозяев II 183
(см. Повиновение, Суверен)
Подданство
— гражданское II 416
— отказ от II 248
— присяга на II 316, 321
— п. новому господину II 538
— п. суверену II 197
Подсудность II 400
Познание 74, 97, 103, 120, 122, 123, 168, 191, 192, 208, 232, 236, 237, 252, 273, 280, 518, 519, 526, 534; II 619
— определение II 282
— принцип 532
— визуальное II 560
— демонстративное 236
— догматическое 508
— истинное 131
— математическое 508
— приобретенное путем рассуждения
цель II 507
— рациональное 218
— чувственное 192, 207 (см. также Восприятие, чувственное, Ощущение)
— Бога 424, 437
— границ власти II 175
— правомерного и неправомерного II 230
— или понимание II 282
— п. самих себя II 77
Показания
— свидетельские (свидетелей) II 108, 218
Покаяние II 459, 483, 529, 578, 597
— внешние признаки II 387
— искренность или лицемерие II 387
— притворное II 387
— установленное законом II 581
— и обращение II 387
Поклонение II 501, 502
— цель II 281
— Богу II 498, 499
формы II 281
величайшее
есть повиновение его законам II 284
и жертвоприношение II 284
— иконам (образам) II 493, 494, 503
(см. также Богопочитание, Культ)
Покой 146—148, 156, 169, 181, 185, 193, 203; II 282
— определение 152
(см. Движение)
Покорность II 382
— абсолютная II 432
Политика (политики) 125, 289, 348, 401, 472, 510, 570, 573, 576; II 31, 203, 573, 576, 598, 601
— как наука о справедливости и несправедливости 237
— метод изучения II 276
— правила (принципы)
истинные II 154
христианские II 462
— истинные II 622
— лживые и невежественные II 605
— нравоучительная п. древних народных правительств II 602
— церковная II 461
— языческие II 544
— Аристотеля II 617
— и великие деяния знаменитых людей Греции и Рима II 593
— и религия II 420
— разногласия политические II 141
Полномочие (полномочия) II 133, 186, 188
— определение II 125
Польза (полезное, выгода) 240, 241, 243, 251, 257—259, 268, 272, 273, 275, 278, 286, 287, 294, 298, 299, 303, 305, 307, 315, 340, 357, 374, 375, 402, 407, 409, 536, 570; II 113, 606, 617, 618
— как мерило права 291
— взаимная п. и общение II 22
— общая (общественная) 400, 410
— и вред 206, 239, 337, 364, 551
(см. Искусство, Мудрость, Об-

щество, Речь)
Понимание II 16, 236
— определение II 29
— недостаток
есть незнание II 227
— отсутствие (незнание значения слов) II 78
— человеческое II 305
— непостижимого II 520
Понятие (термин) 121, 132, 141, 472, 511
— установление смысла II 513
(см. Имя)
Популярность II 66, 230
— командира II 275
— подданного и суверена II 275
Порок (пороки) 271, 325, 546; II 87, 122, 123
— прибыльные п. торговцев и ремесленников II 603
— брак как моральный п. II 520
(см. Добродетель)
Порядок
— процессуальный II 540
— старый и новый II 544
Посвящение II 418, 419, 466, 469
— определение II 468
— объект II 417
— общение с посвященными II 582
Последовательность 142, 175, 191, 197, 199, 200
— вещей и имен II 49
— представлений 520, 521, 525
— слов 521, 530
— событий II 20, 82
(см. Опыт)
Пост II 485
(см. Культ)
Постулат 92, 130
Поступки (поступок) II 123
— законность или противозаконность (несоответствие законам) II 213, 618
— мотив и польза II 618
— несоответствие общечеловеческой справедливости или милосердию II 618
— враждебные II 538
— добродетельный (добродетельность) и порочный (порочность) II 618, 620
— запрещенные законом (противозаконные, преступные) II 225, 238, 364, 580
— недостойный II 557
— нечестивый II 238
— низкий и несправедливый II 155
и справедливые II 114
— и естественный закон II 227
— и привычки 619
(см. также Действие (как поступок))
Почести (почет) II 72, 91, 140, 155, 264, 281, 504, 526, 530, 536, 557
— определение II 55, 69
— правила воздаяния II 281
— формы II 71, 84
— божеские II 506
— гражданские II 69, 498
— высшая II 553
— почетное и позорное II 69, 71
Почитание (поклонение) II 496, 497
— есть внутреннее чувство II 495
— определение II 279
— атрибуты II 517
и действия II 280
и природа почитаемого II 520
— знаки II 280, 495
(внутреннего и) искреннего II 498, 500
— кажущееся II 500
— религиозное
священных предметов II 494
образов как богов II 493
(см. Поклонение)
Поэты (поэзия) II 53
— как главные жрецы языческой религии II 488, 489
— демонологические языческие II 464
— древние II 534, 543
(см. Вера)
Правдивость II 50, 331
Праведники (праведник) II 346, 347, 355, 373, 471
— тела п. после воскресения II 359
— и грешник II 356
Правила (правило) II 84, 113, 139, 252, 277, 446, 530
— как закон II 432
— как совет II 400
— безошибочные II 202
— неправильные (ложные) II 36
— нравственные (нравственности) II 508
как естественный или гражданский закон II 511

— общее
относительно добрых и злых деяний II 520
— предписанные Богом (п. Спасителя, апостолов) II 393, 398, 429, 434, 449
— поведения
являются законами II 293
нарушения II 207
добропорядочного II 544
— разума или природы II 113
— руководства действиями II 400
— справедливости и несправедливости II 614
— стихосложения II 167
— христианской веры II 396
— языка II 167
— и законы II 380, 398
— и повеления II 402
— и предписания обязанностей по отношению к Богу и человеку II 292
— п. относительно обрядов и церемоний II 398
(см. Склонность)
Правитель см. Властитель
Правительство (правители) II 148, 154, 238, 367, 544, 601, 610
— являются неразложимыми и абсолютными II 421
— права II 577
— произвол II 522
— абсолютные II 299
— верховный (верховные) II 292, 342, 400, 522
отказ подчиняться решению II 577
— естественные и законные II 617
— злые и жестокие II 351
— народное (демократическое) II 255, 602
власть II 255
— христианские II 572
— церковные (церковное)
власть и право II 581
или гражданское II 607
— чрезвычайные II 366
— народа Божиего II 360
— языческих государств II 488
— и закон II 383
— и пастыри II 570
— и подданные II 571
(см. Власть)
Правление (управление, владычество) II 150, 612
— изменение II 593, 614
— сущность II 170
— формы (роды) II 150, 210, 593
ниспровержение существующей II 421
аристократическая II 421
демократическая (народное) II 136, 179, 255, 421, 604, 605, 610
монархическая II 179, 421, 604, 605
в Англии II 591
(см. также Аристократия, Демократия, Монархия)
наилучшая II 422
своя и соседних народов II 263
смешанная II 421
совершенная II 151
— гражданское (гражданский образ) II 373, 414
— произвольное II 623
— церковное II 579, 580, 584
— пресвитерианская форма II 473
в Англии II 532
— произвольное II 623
Право (права) 172, 256, 272, 292, 301, 308, 311, 321, 323, 339, 411, 413, 417, 455, 490; II 74, 109, 124, 133, 135, 146, 150, 155, 187, 218, 319, 383, 400, 448, 604, 605, 608, 620
— как естественная свобода 415
— определение II 224
— нарушение 306, 336, 345, 347, 355, 360, 391, 424; II 212, 588
определение II 115
— незнание причин и природы II 79
— отказ от п. (отречение, отчуждение) II 100, 107
мотив и цель II 101
— перенесение (передача) 293, 295, 296, 298, 300, 304—306, 324, 327, 334, 337, 341, 344, 348, 354, 440, 441, 456, 489; II 100—107
взаимное см. Договор
(см. также Дар, Соглашение)
— распределение 312
— сохранение 295
— абсолютное 341, 342

— английское обычное II 216
— божеское (Бога, божественное) 281, 414, 427, 430; II 365, 416, 435, 436, 467, 526, 532, 621
— верховное II 400, 423, 427 (см. Власть верховная)
— всеобщее 291
отказ от II 110
— высшее 319
— гражданское (гражданские) 343, 478, 479; II 214, 224, 229
определение II 205
— древнее (Рима) II 204, 205, 512
— духовное 473
— естественное (природное, человеческое, первоначальное) 125, 271, 275, 283, 284, 289—291, 357, 359, 360, 363, 364, 366, 403, 510; II 100, 108, 119, 247, 267, 275, 278, 536, 537, 573
есть естественная свобода II 207
определение II 98, 99, 437
судилище II 275
— международное 275; II 275, 468
— мое (собственное) 290, 401
— монопольное (купли и продажи) II 180, 181
— наследственное II 591
— обычное
сила II 612
— ограниченное 374
— особое II 317
— писаное II 212, 213
— положительное божественное 364
— признанное сувереном II 266
— римское см. древнее
— светское 473
— существенное 262, 274
— большинства 333
— быть советчиком другого (давать советы другим) II 198
— взимать налоги (взимания податей, облагать налогом) II 141, 172, 257, 600, 602
и набора солдат II 261
— виновного и невиновного II 170
— владения II 120
движимым и недвижимым имуществом II 171
— власти (властвовать) 281, 341, 342, 348, 356, 426, 430, 431, 449, 491; II 261
верховной II 105, 138—141, 159, 172, 173, 179, 187, 201, 235, 237, 251, 415, 583
незнание II 159
умаление II 274
упразднение II 261
заведомое II 275
и обязанности II 148
и последствия II 155
и привилегии владетелей II 274
на основе рождения и путем завоевания II 155, 159
право на верховную в. и ее осуществление II 147, 366
не совпадают 400, 401
права в. в. непередаваемы и неделимы II 141, 142
от имени короля II 622
— войны 424, 426
— всех на все II 110
— господства над личностью 360—362, 364, 367; II 538
— государства 354, 365, 415, 472, 478; II 167
и религия 281
— граждан 282, 381
— десятины II 413
— завоевателя II 538
— заключения под стражу II 605
— законодательства (создания законов, издавать законы) 419; II 425, 523, 574, 596
— защищать (обезопасить) себя (п. самозащиты, сохранения собственной жизни, самосохранения) II 136, 139, 172, 224, 227, 232, 574 (см. п. естественное)
и другого II 241
как цель II 242
— избрания своих пастырей II 44
— каждого 290, 416, 417
— контроля над обычным правом II 208
— королей II 584, 615
заключать под стражу людей II 605
Англии II 539
на подать (п. облагать налогом) II 610, 612
— меча II 136
— назначения (назначать)

военных и гражданских чиновников и должностных лиц (советников) II 172, 224, 261
преемника II 408
учителей II 261, 415
— наказывать (применять насилие) II 241, 361, 434, 596
еретиков II 581
— народов 354, 356, 383, 416
— наследования 356—358, 363, 370, 371; II 151—154, 157
— обращаться к народной массе II 138
— общества 125
— объявить Писание каноническим II 398
— объявлять, что́ есть грех и что́ есть закон II 256
— объявления войны и заключения мира (объявлять войну и заключать мир) II 139, 172, 224, 261
— определять нужды государства II 261
— определять (судить о том), какие учения соответствуют (благоприятствуют) миру II 261, 414
— отлучения II 584, 596
— отцов семейств
на уважение II 266
— первосвященника и царя II 473
— повелевать (приказывать) 332, 472; II 162, 200, 385
— повиноваться II 589
— посвящать II 419
— правителя (властителя, повелителя) 280, 340, 346, 356, 387—389, 400; II 7
— принуждения 369, 393
— причинять страдание II 278
— проповедовать (и крестить) II 436, 523
— распоряжаться имуществом и личностью наследников II 141
— распоряжения войсками II 141
— родителя по отношению к детям 362 (см. также Власть, над детьми)
— сана II 417
— собственности 274, 343, 373; II 320
— судить о ереси II 581
— судопроизводства в этом мире (суда, юрисдикции, судебной власти, п. слушать и решать тяжбы) 465; II 139—141, 172, 261, 391, 426, 436, 465
— толковать законы II 220, 523
— управления (у. и командования) II 257
церковного II 420
народом II 264
— формулировать каноны II 596
— царей II 160
— царствовать над всеми II 278
— чеканить монету II 141
— на власть 359, 374—376, 505
— на животных 364
— на жизнь 369
— на всё 336, 343, 430; II 139, 166, 242, 278
— на цель и средства II 137
— и власть II 441
— и звание римлян II 154
— и природа 430
— и свобода II 168
— и сила II 278
— и соглашение 430
— и способности II 134
— или свобода предъявлять иск II 221
— п. от Бога (Христа) II 592
и от папы II 595
— п. по наследству занимать место в высшем совете II 274
(см. Война, Закон, Подданный, Польза, Свобода и др.)
Правонарушение (правонарушитель) II 221, 228, 237, 238, 243—245
— выгода II 243
— наказание II 229
— совершение и несовершение II 241
(см. Право, нарушение)
Правосудие II 79, 186, 214, 266, 343, 435, 539
— осуществление (отправление) II 254, 398
— недостатки II 368
— подкуп государственного II 230
— правила строгого II 370
— природа II 202
— служитель II 418
— справедливая и разумная организация II 189
— и вера II 359

— отказ в II 216
— презрение к II 271
(см. также Суд)
Практика 111, 131; II 51, 162, 208, 229, 520
— долгая II 206
— Афинской республики II 168
— и принципы природы II 167
(см. также Опыт)
Предательство II 148, 170
— Иуды II 426
Предания II 534
— лживые и недостоверные II 464
— фантастические II 512
Предвидение 235, 587; II 517
— определение II 19
Предзнаменования II 85
Преисподняя II 348
Предложение 103; II 30
— определение 92, 93
— виды 92
всеобщие (универсальные) 96, 100, 130, 131
единичное 96, 105
истинные 96, 102, 167, 496, 528, 532, 533
категорические и гипотетические 99, 100
ложные 96, 97, 102, 114—116, 496, 529, 593, 594
неопределенное 96, 105
неправильные 114
необходимо истинные и случайные 98
общее 105, 107, 110
первоначальные 97, 98
подпротивные 101, 102
подчиненные 101
правильные 113, 114
противоречащие 101, 102
противные 101
утвердительные 96, 107, 528, 529
частное 96, 101, 103, 105, 107
— истинность 570
— ложность 113
Предметы II 493
— изобилие и распределение предметов общественного потребления II 191
— ограничение (определение) места II 516
— природа и качество II 468
— свойства и способ образования II 507
— видимые и вспоминаемые II 514
— имеющие реальное бытие (реально существующие вне нас) II 309
— неодушевленный II 163, 276
— посвященный II 468
(см. также Объект, Тело)
Предопределение (рок) II 551
Предположение 206, 212; II 19
— определение 533
— о виновности II 216
Предрассудок (предрассудки) 576; II 16, 608
Представители (представитель, представительство) II 128, 152, 174, 379
— определение II 124, 125, 134
— власть II 174, 175
— личность II 175
— абсолютное II 145, 175, 183
— верховный II 271
человек или собрание людей как в. п. II 264, 271
власть и имя II 264
духовной власти II 256
— единоличное II 176
— общий (общее, п. всех) II 127, 145, 207
— государства II 175, 194, 195, 201, 202, 209, 244
монарх или собрание как п. г. II 239
авторитет II 244
воля II 208
— народа II 145, 183
— политического тела II 175, 177
— и доверитель (доверители) II 125—127, 132, 151
(см. Образ)
Представление (представления) 84—86, 89, 95, 130, 138, 195, 199, 206, 232, 496, 516—519, 522, 523, 526, 530—532, 535, 536, 559, 564; II 9, 16, 21, 23, 29, 83, 308, 309, 488—490
— есть воображение 560
— как движение мозга 537
— определение II 12, 17, 37
— быстрая смена II 535
— возникновение 511, 512
— соединение (последовательность, связь) 75, 89, 198, 529; II 16, 17
— три рода: ощущение (см.),

воспоминание (см.), ожидание 538
— ложное п. о своей мудрости II 231
— простое II 13
— сложное II 13
— умственные 81
— фантазии II 494
— и внешние объекты 566
— и ощущение II 17, 26
— о внешних телах II 493
— о силе невидимых духов II 233
(см. Имя, Очевидность, Последовательность, Сновидение)
Предубеждение II 217
Предусмотрительность II 19
Презрение II 232, 237
— к излишнему богатству и чинам II 219
— к ранам и насильственной смерти II 535
— ко всем законам II 236
Пресвитериане (пресвитерианство) см. Священники, пресвитерианские
Пресвитеры (пресвитер, священнослужитель, старейшины) II 408, 528, 570, 571, 606
— власть п. главной провинции см. Епископ
над приходскими п. II 531
— собрание II 418, 419, 531
— способ избрания II 408
— учение II 531
Преступление (преступники, преступность) 344, 411, 412, 425, 426, 437, 447, 459, 486, 502, 546; II 19, 111, 166, 169, 178, 184, 185, 190, 218, 219, 229, 245, 246, 248, 264, 271, 343, 389, 486, 543, 578, 604
— есть правонарушение II 212
— определение II 226, 232, 233, 235
— виновник II 526
— источник (или причина) II 227, 235
различие II 233
— обстоятельства времени, места и лиц II 235, 240
— оправдание II 215, 233
основание II 230, 234, 236
— последствия II 235, 237
степень вредности II 238
— природа II 216
— различение II 486
— совершение II 236, 237, 243
— соучастник II 236
— степени II 235, 241
— цена II 243
— большее и меньшее II 223, 236—240
— государственное (наиболее опасные для государства) II 241, 271, 611
— позорившие религию II 582
— проистекающие из слабости II 272
— уголовное II 170, 215, 448, 467, 540
презумпция совершения II 216
— частные II 241
— и заслуга II 229
— и наказание II 228, 272, 432, 528, 574
— и прегрешение (грех) II 226, 227, 574
— и приговор II 216
— против государства и частных лиц II 268
— вина за п. II 236, 237
(см. Страсть, последствия, Тщеславие)
Пресуществление II 62, 455, 469, 470
Прибыль
— увеличение II 180
Привидения (см. Призрак)
Привилегии
— есть освобождение от закона II 245
— цена за II 245
Привычка (привычки) 239, 257, 271, 530, 570; II 44, 55, 123
— определение 188
— людей ко лжи II 583
Приговор (приговоры) II 128, 188, 190, 239
— определение II 221
— вынесение II 486
— исполнители (исполнение) II 221, 254
— право произнесения II 382
— справедливость II 216
— несправедливый II 612
— обвинительный II 218
— произнесенный и исполненный II 478
— судебный II 242

— в пользу истца или ответчика II 219
— об отлучении II 392
Призвание (и избрание) II 91, 331, 383
— подтверждение II 336
— постоянное
и временное дело II 327
— правильное II 407
Призрак (призраки, фантом, (при)видения) 86, 149, 561; II 9, 10, 12, 464, 471, 476, 488, 492—494, 496, 515—517, 525, 570
— суть идолы воображения II 489
— видимые II 519
— реальные и субстанциальные II 308
— фантастические (п. фантазии) II 501
причины II 304
Приказания II 197, 222, 324
— определение II 198, 209
— Бога II 393
— государства II 209
— человека II 352
— противоречивые II 448
— и принуждение (средства принуждения) II 381, 393
— и рекомендации II 415
Примеры II 260, 331, 448, 501, 502
— чужого порока II 565
Принцип (принципы) 79, 98, 118, 129, 131, 135, 183, 308, 529; II 569
— уверенность в правильности II 236
— демократические II 617
— естественные II 558
— истинные (правильные) 398; II 229
и очевидные доказательства II 614
— ложные II 229, 267
— первые (основные) 130, 132—134, 159, 406
— нелицеприятия II 268
— первородства 372
— справедливости II 541
(см. Ощущение, Поведение, Разум, Истина)
Природа 72, 74, 80, 120, 121, 192, 209, 218, 241, 243, 265, 273, 286, 290, 291, 310, 316, 372, 401, 421; II 26, 132, 191, 234, 315, 336, 339, 463, 493, 604
— знание II 341
— предписания II 207
— одушевленная II 566
— средняя II 566
— материалов II 262
— презумпции II 216
— Христова тела II 615
— чести II 202
— и установления II 280
— п. действует посредством движения II 511
(см. Человек)
Присяжные II 219
Причина 95, 120—126, 130, 131, 147, 171, 198, 200, 201, 205, 208, 214—218, 232, 236, 243, 252, 275, 298, 303, 389, 534, 545, 596, 601; II 23, 81
— определение 127, 163
— незнание II 86
— познание (исследование) II 80, 562
— связь (цепь) 586, 587; II 164
— совпадение всех причин как веление Бога 586
— вторичные (и подчиненные) 401; II 86, 333, 518
незнание II 85
— действующая 161, 166, 168, 207; II 559
предшествует следствию II 517
— достаточная 161, 597, 608—611
— естественные (физическая, п. явлений) 192, 204; II 59, 80, 246, 336, 337, 340
знание II 341
незнание II 79
— ложная 135, 136
— материальная 161, 165, 166, 168
— необходимая 159, 161, 167, 595, 597, 598, 608—611
— первая (первичная, (пред)вечная) см. Бог
— полная (целостная) 159—162, 166
— производящая 85, 103
— формальная 85, 103 (см. Сущность)
— целевая (конечная) 168 (см. Цель)
— частичная 161

— кажущихся вещей II 562
— ослабления веры II 91, 92
— перемен в религии II 93
— рождения II 559
— и результат (действие, (по)-следствие, явление) 71, 74, 76, 80, 119, 127, 160—166, 184, 191, 252, 439, 521—523, 587, 591; II 18, 19, 24, 80, 560, 591
— п.-предпосылка (causa sine qua non) 160
— причинный ряд (последовательный ряд п.) 160, 162; II 83
(см. Бог, Вера, Вещь, Влечение, Война, Движение, Действие (как поступок) и др.)
Причинность II 219
Провидение 502, 541
— определение II 19
Провинция (провинции) II 205, 274, 578, 601
— определение II 178
— обычаи
как законы II 208
— христианские II 527
— римлян II 538
Промышленность (мануфактура)
— отрасли II 270, 272
Промыслы II 267, 270
— и ремесла II 269
Проповедники II 264, 267, 299, 544, 602, 611, 614, 615, 623
— государство II 444
— задача II 385
— полномочия (уполномоченные государством) II 238, 444
Проповедь (проповеди) II 314, 346, 386, 592, 611, 619, 620
— определение II 385
— мятежная (п. против власти установленного царя) II 291, 534
— апостолов II 319
— истинного учения (установленного Богом) и творение чудес II 292
(см. Священники, пресвитерианские)
Прорицатели II 325
Пророк (пророки, пророчество) 429, 450—457, 502; II 20, 51, 59, 87, 91, 252, 277, 289, 298, 300, 319, 320, 323, 325, 328, 329, 364, 368, 369, 399, 424, 465, 512, 542
— смысл слова «п.» в Писании II 325—327
— как гражданский суверен II 333
— как наместник Бога II 346
— как посредник Бога II 325, 326
— испытание II 333, 453
— писания II 511
— признак истинного II 290, 292, 333
— сила II 309
— учения II 335, 342
— духовные II 334
— призванный II 329, 330, 335
— и лжепророки (ложные, мнимые) II 329, 335, 399
правила различения II 334, 335, 341, 342
— и Моисей II 330
— и суверен II 335
— поэты как п. II 326
Пророчество (предсказание) II 292, 298, 331, 333—335, 374, 399, 483
— определение II 326, 327
— особая благодать II 306
Просвещение
— трудности п. относительно прав верховной власти II 263
— и университеты II 267
Простонародье II 603, 604
Пространство 71, 141, 142, 146, 153, 175, 176, 199, 216, 217; II 37, 38, 163, 489
— как идея, или образ, тела 151
— как место тела 147, 148, 150, 153, 154, 159, 229; II 303
— определение 139
— бесконечное (бесконечность) II 517
и конечное 144
— непрерывное 151
— пустое 72, 150, 151, 156, 162, 163, 181, 210, 211, 243
— реальное 148, 149, 151
(см. Универсум)
Проступок 313, 325, 421, 423, 425, 427, 430, 442, 470, 590
— и заблуждение 422
Протестанты II 598
— английские и шотландские II 601
Противоположность (контрарность) 582
Противоречие (контрадикция) 582
Протяжение (протяженность)

130, 139, 146—150, 154, 158, 174, 228, 561
— как сущность тела 157
Прошедшее (прошлое, прошлые события) II 21, 22, 493
— и будущее (события будущего) 165, 166, 525, 538, 540; II 19, 20, 32, 48, 84, 85, 273, 326
— и настоящее II 19, 102, 103, 273, 557
Прощение II 118, 123, 230, 574
— определение II 117
Пытка II 108, 479

Рабы II 158, 168, 255, (рабство) 265
Равенство 312, 315, 432
— как р. обязанностей 406
— естественное II 119
— простое (природное) 307, 323, 366
— богатых и бедных II 269
— долга государству за защиту II 269
— способностей II 93, 94
— и неравенство 311, 376; II 94
— и справедливость 307
Радость II 41, 43
Размышление (обдумывание) 206, 207, 298, 299, 398, 584, 585, 593, 607, 609; II 23, 26, 28, 50, 252, 267, 500, 557
— естественное II 83
— зрелое II 237
— правильное 246
— над законом II 237
— о человеческой природе II 607
Разум (разумное) 71, 72, 116, 140, 168, 182, 228, 247, 249, 251, 257, 261, 264, 271, 279, 280, 284, 287, 304, 305, 307, 311, 312, 315, 316, 318, 329, 330, 350, 360, 389, 398, 405, 427, 428, 436, 444, 447, 475, 530, 532, 586, 596, 597; II 98, 99, 111, 118, 123, 131, 165, 210, 211, 231, 234, 250, 252, 253, 257, 281, 289, 305, 313, 331, 346, 368, 381, 508, 517, 532
— как закон (природы) 320; II 285
— имя II 563
— вечный закон II 499
— доводы II 162, 395, 557
— основания и принципы II 262, 263
— правила (правило) 508; II 113
наиболее общее II 283
— признаки 75
— светоч 71, 302
— совершенство искусственное II 209
— требование (предписание) 437, 604; II 123
— естественный 68, 69, 80, 157, 266, 274, 281, 314, 410, 415, 416, 421, 424, 432, 434, 438, 443, 445, 453, 472, 473, 490, 496, 503, 561; II 50, 60, 90, 213, 214, 219, 222, 256, 277, 281, 282, 288, 290, 293, 301, 334, 342, 360, 492, 513, 532
доводы II 294
предписания (принципы, правила) II 211, 212, 215, 283, 284, 286, 301, 396
частный II 336
и прилежание II 492
и святость II 253
— здравый 432
— истинный (правый) 289, 290, 294, 295, 314, 320, 325, 342, 381, 421, 422, 429, 430, 432, 440, 442, 445, 448; II 277, 615
— государства (государственный) 294, 423, 442; II 343 (см. также Закон, гражданский)
— отдельных людей (индивидуальный, частные) 422; II 336
и р. государства 440; II 343
— и действие 604; II 123, 165
— и красноречие II 535, 536
— и наука II 55
— и образ жизни II 114
— и обычай II 79
— и Писание II 524, 543
— и речь II 27
— и справедливость II 211
— и суждение II 333
— и трудолюбие II 492
— и характер II 114
Разумение (intellectus) 233, 277; II 83, 260, 267, 315
— определение 528
— подчинение II 289
— животное 249
— необычайное р. как дар Бога II 306
Раскаяние
— есть воля быть справедливым

II 459
— заключается в воле к повиновению закону Бога II 458
— внешние проявления II 387
Распределение
— определение II 192
— закон II 192
— произвольное II 193
— равномерное II 120 (см. также Беспристрастие)
— земли II 194
— предметов питания II 192, 195
— противоположных голосов II 127
Рассудок 226, 253, 254; II 289, 466
— здравый II 522
Рассуждение (рассуждения, суждение) 121, 199, 254, 273, 471, 472, 521, 529, 534, 570, 587; II 33, 36, 47, 49, 50, 53, 322, 513, 615
— как исчисление (логическое р.) 74, 75, 127
— определение II 31
— акт II 27
— искусство 118
— недостаток II 61
— тонкости II 579
— цель (результат) II 48
— и польза II 32
— неправильное (неправильные, ошибочное) 113; II 35, 230, 288
— политические II 288
— правильное (истинное, научное) 74, 80, 113, 134, 191, 208, 294, 421, 429; II 31, 32, 508
правила II 199
— трезвое
и фантазия II 536
— философские II 565
— и речь II 27
(см. Абсурд, Способность)
Ревность II 56
— определение II 42
Революции II 544
Религия (религии) 255, 266, 267, 289, 302, 416, 457, 576, 580; II 91, 108, 109, 185, 186, 227, 368, 444, 524, 573
— как закон государства (р. должна быть законом) II 617, 619
— не философия, а закон 260
— определение 259; II 43, 90, 619, 622
— авторитет II 619
— виды:
как часть человеческой политики II 85, 89
как божественная политика II 85
— истинные или ложные интересы II 383
— основания II 492
— основатели или завершители II 90
— остатки II 464
— отступление от II 368
— перевороты религиозные II 267, 268
— правила (наставления в отношении р.) 69; II 88
— превращение р. в практическое знание II 598
— причины распространения II 90
— пути II 501
— свобода II 592
разногласия по вопросу о с. р. II 141
— семя (семена, принципы) II 81, 85, 90
— таинства см.
— учения см. Теология
— цели II 615
— естественная 260, 450
— истинная 302, 444, 447; II 43, 288, 525, 586
— католическая (римско-католическая) II 467, 603
— новая II 88, 227
— отличная от установленной II 341
— реформированная II 601
— установленная II 290, 525
— христианская 268, 269, 281, 475, 499; II 92, 263, 358, 377, 381, 390, 505
истинность основного догмата II 384
отступники от II 224
сущность 275
учение II 322
— языческая (язычников, греков и римлян) 266—269; II 89, 516
пережиток II 506
ритуалы религиозные II 507
творцы II 86, 87
— евреев II 376
— и государство (светская

власть) II 285, 359, 595 (см. Власть, гражданская)
— и суеверие 266
— почтение к р. II 575
— управление религией II 527
— общее всем религиям 261 (см. Заговор, Закон, естественный, Причина, Учение, Философия)
Ремесло II 186
— природная способность к р. II 195 (см. Промыслы)
Речь (речи) 82, 129, 235, 263, 286, 330, 528, 530, 568, 573; II 20, 21, 25, 29, 30, 34, 37, 49, 87, 566
— как специфическая особенность человека 232
— определение 232
— виды 92
— возникновение (начало) 233, 234
— искренность II 532
— отрицательные стороны 235
— польза 234; II 26
— природа 475
— происхождение II 22
— страстность р. священников II 602
— употребление II 22, 23, 55, 508
способы 569, 571, 572; II 23
— формы (выражения, оборот) II 16, 46—48, 109, 469, 471
— бессвязная II 327
— бессмысленная см. Абсурд
— правдоподобные II 424
— скромная и разумная II 476 (см. Имя, Мысль, Разум, Рассуждение)
Решения II 535
— неправильные II 206, 215
— разумное II 217
— судебное (судебные) II 239
как правонарушение II 242
правильное II 283
частное II 221
Риторика 398
Рукоположение (возложение рук) II 377, 407, 416, 419, 500, 621
— определение II 417, 427
— цель: обозначение лица II 418

Самоконтроль II 253
Самомнение II 290
Самосохранение 289, 290, 311, 315, 327, 332; II 234
— как благо 237, 241
— забота о с. (безопасности) как цель государства см. Государство, установление
— и разложение 237
— стремление к с. II 139 (см. Мир, сохранение)
Сатана (Вельзевул, дьявол) II 312, 339, 341, 570
— есть князь привидений II 463
— владения II 463
— царство II 390, 464 (см. также Царство, тьмы)
Свет 204, 273; II 239, 488, 561
— есть движение внутри нас 513, 514, 539
— есть не акциденция объекта, а явление нашего воображения 226
— определение 203; II 550
— причина 128, 212, 213
— естественный (с. разума) II 463, 466
— истинный 320
— первичный и вторичный 213
— Библии (Евангелия) II 463, 464 (см. Цвет)
Свидетель (свидетели, свидетельство) II 383, 540, 541, 574
— показания II 384
— истинности воскресения Христа II 384
Свобода 287, 289, 353, 361, 363, 370, 380, 403, 411, 426, 431, 566, 597—599, 603; II 45, 100, 119, 168, 170, 223—224, 255, 602, 604
— есть отсутствие всяких препятствий к действию 608, 609; II 163
— как часть естественного права 409
— определение 207, 369, 379; II 98, 521
— аргументы в пользу II 620
— восстановление II 106
— лишение II 246
— мера 410
— природа II 281
— абсолютная (полная, безграничная) 428; II 144, 167, 250 (см. Состояние, естественное)

— естественная (в собственном смысле) 360; II 164, 165, 172 (см. Право)
— законная 524, 528
— истинная 586, 587
— личная (собственная, гражданина, частных лиц) 351, 369, 373, 374; II 97
— пожалованная II 235
— телесная (физическая) 362, 364; II 158, 165, 172, 173, 576
— выбора 586
— высказываться против абсолютной власти II 259
— государства 379
и частных лиц II 166, 167
— грешить II 356
— действия (деяния, действовать) 578, 600; II 166, 233
— каждого управлять собой II 614
— литературной деятельности II 584
— личной мести II 238
— насильственного захвата II 171
— оказывать сопротивление II 167
— осуществить свой совет II 400
— передвижения II 246
— подданных (подданного) II 165, 168, 169
— подчиняться новой власти II 537
— соединиться для взаимной помощи и защиты II 170
— совести 283
— человека II 164
— читать и толковать Писание II 396
— и верховная власть II 172, 235
— и господство над другими II 129
— и законы 409, 410
— и независимость конгрегаций II 592
— и необходимость 207, 582, 605, 611; II 164
— и обязательство 298, 299, 342, 354, 359, 392; II 99, 168, 225
— и рабство 369
— с. от законов II 165
— свободен тот, кто по желанию может стать свободным II 206
(см. Воля, Право, Религия, Страх)
Святой (святое, святые, святые люди) II 278, 297, 311, 325, 503, 524, 588, 603
— смысл слова II 498
— определение II 317, 320, 321
— изображения II 504, 506
цель II 497
— канонизация II 505, 529
— телá II 492
— и мирское (общее и собственное) II 320
Святость II 315, 505
— степени II 321
— Моисея II 362
Священники (пастыри церкви, попы) II 365, 427, 469, 476, 502, 520, 534, 590, 593, 601, 620
— власть II 607, 623
— имя: жертвоприносители II 528
— постановления II 368
— собрание (собрания) II 317, 592, 601
— содержание (десятина и жертвоприношения) II 410—412
— уголовные дела II 596
— учения (взгляды)
и учение Аристотеля II 616—618
— домашние II 430
— католический или протестантский II 594
— низший II 438
— пресвитерианские II 611
власть II 532
претензии II 594
проповеди II 601, 604, 621
манера II 602, 605
содержание II 603
учение II 620
английские (в Англии) II 532, 607
и демократы II 607—609
— честолюбивые II 601
— и король II 320
— и левиты II 295, 398, 418
как судьи II 365, 395
— и судьи в Израиле II 395
— с. называют себя слугами Христа II 292

(см. также Духовенство, Пастырь, Первосвященник)
Священное писание (Писание, Библия) 62, 274, 279, 281, 298, 304, 319—326, 364, 427, 428, 448, 449, 466, 498, 503, 506, 558, 561, 562, 575, 595, 606; II 4, 22, 60, 160, 162, 200, 223, 253, 285, 288—290, 305, 306, 328, 330, 336, 338, 340, 343, 346—348, 352—355, 359, 370, 378, 428, 435, 458, 473, 475, 479, 480, 490, 494, 499, 500, 502, 503, 512, 513, 539, 541, 547, 553, 555, 558, 570, 572, 577, 580, 582, 584, 585, 587, 588, 590, 598, 600, 602
— есть закон II 450
— есть канон веры 476
— есть слово Божие 474, 505, 563, 564; II 50, 301, 323, 451—453
— является законом Бога II 301
— как закон церкви II 302
— как часть гражданского закона II 523
— авторитет II 262, 301, 302, 598
— выражения II 552
— глубина П. и человеческий ум II 482
— заповеди
как писаные законы II 301
— злоупотребление (и искажение) II 464, 468, 534
— (ис)толкование (толкователи) 460, 475, 487—492, 504, 505; II 317, 319, 396, 426, 460, 461, 471, 474, 475, 477, 482, 483, 486—492, 504, 505, 523, 534, 564, 566, 621
полномочия в отношении II 395
авторизованное государством II 344
мудрое и научное II 292
частное II 593, 601
и суверен II 364
— книги II 293, 300
авторы (авторство) II 294, 295, 297—300
заглавия II 294, 298
первое перечисление II 299
апокрифические (апокрифы) II 293, 298, 300, 325
канонические (каноническое П.) II 292, 298, 300, 325, 403, 404, 420, 451—453, 598
Ветхого завета II 294—299
Нового завета II 299
— историческая часть II 300
— легкомысленное применение слов II 477
— незнание II 464
— ошибочное (ложное) понимание II 504, 505
— переводы II 558
— смысл II 314, 461, 475, 617
буквальный II 328, 478
слов в П. II 393
— цель (намерение) II 300, 471, 484, 542
и общий дух II 462
— и закон (естественные законы) II 301, 420
(см. также Ветхий завет, Евангелие, Новый завет; см. Авторитет)
Священство II 330, 410, 439, 473
Секта (секты) II 584, 592
— есть группа людей, следующих в науке одному учителю II 568
— мнение II 576
— причина возникновения: дозволение толковать Писание II 600
— греческих философов (философские в Греции: академики, перипатетики, стоики, эпикурейцы) II 568, 569
— христиан (христианская) II 573, 576
— в Иудее (фарисеи, саддукеи, ессеи) II 569
(см. также Школы)
Семь мудрецов (мудрых) II 18
— моральные и политические изречения II 509
Семья 370, 408; II 130, 542, 608
— как гражданское лицо 370
— как малое государство (царство, монархия) 343, 361; II 159
— глава семейства II 427
Сила (силы) 217, 218, 224, 248, 249, 271, 284, 292, 298, 301, 329, 332, 351, 375, 389, 534, 540, 559, 601, 608; II 21, 68, 70, 77, 112, 136, 154, 155, 239, 257, 259, 261, 305, 512, 613, 615
— определение 181

— использование и применение II 130
— превосходство II 278
— признание II 280
— военные см. Армия
— душевные 197
— естественные 360, 364; II 342
— невидимая (невидимых духов, воображаемая) II 82, 84, 108, 586 (см. Материя) природа II 85
— сверхъестественная (с. Бога, божественная) 447; II 304, 503
— телесная (физическая) 541; II 93—96, 129, 133, 236, 245, 283 преимущество в ф. с. перед врагом II 130
— врага II 130
— закона (соглашения и т. п.) 293, 298, 302, 315, 398, 426
— людей II 108
— и благоразумие II 156
— и личная месть II 239
— и средство II 133
— и счастье как объект превознесения и благословения II 280
— и юстиция II 209 (см. Власть, Движение и др.)
Силлогизм 129—131, 133, 134, 490, 529, 532; II 28, 30, 49, 514, 580
— есть сложение трех имен 106
— определение 103, 104; II 27, 35
— модусы 110
— сущность 111
— фигуры 103, 106—111
— неправильный (ошибочный) по содержанию 113, 118 по форме 113, 117
— правильный 105, 107, 117
— и речения II 558
Символ веры II 50, 547, 549, 551—554, 559, 564—566, 568, 571, 579—581, 585, 590
Симпатия и антипатия II 519
Система 135
Склонность (предрасположенность)
— различие II 117, 238
— естественная с. полов II 156
— личные (собственная) II 237, 240 следствия II 253
— хорошая (хорошие) II 331, 491
— критиковать высказывания других II 304
— повиноваться II 623
— следовать правилу II 238
— служить Богу II 332
— к добру и раскаянию II 479
— к злобе II 304
— к легковерию II 341
— к нравственной нечистоплотности II 304
— к ошибкам II 340
— к правонарушению II 114
— к соблюдению законов II 120
— к угрюмости II 304
— и намерение II 331, 332
Слава II 153, 264, 329, 603, 609
— определение II 43
— жажда II 95
— смысл II 328
— Царство II 315, 319, 384, 385
— военная II 78
— мудрого II 238
— и сила II 352 (см. Желание, Соревнование)
Сладострастие II 86, 87, 109, 231, 232
— определение II 42
Следствие (следствия) II 458, 508
— выведение (выводить) II 461, 514 (см. также Заключение)
Слово (слова) 75, 76, 83—91, 104, 268, 421, 433, 448, 475, 569, 573; II 16, 20, 27—29, 32, 34, 38, 47, 49, 93, 101—103, 108, 136, 256, 284, 285, 342, 508, 511, 513, 514, 522, 543, 555, 579, 588, 615—617
— как законы II 277
— как знак 296—298, 420, 568, 572; II 100
— как имена II 514
— как метка 129
— как определения II 288
— как преступления (с. могут быть преступлениями) II 574, 580
— как сигнал для животных 232
— определение II 322
— воплощение

как исполнение обещания Бога II 325
— действие (влияние) II 324, 340
— значение (смысл) 147, 398, 412, 495, 496, 530, 532, 572; II 26, 30, 33, 214, 217, 327, 524
устойчивое II 303
— искусство II 132
— исполнение II 324
— классификация 92
— логическая связь II 514
— нарушение II 108
— польза II 25
— последствия II 575
— сила II 339, 514
— сочетание 93, 405, 528, 530
— употребление (словоупотребление, применение) 191, 218, 398, 422, 439; II 23, 61
метафорическое II 217
нелепое II 476
неустойчивое II 197
общераспространенное II 303
— абстрактные II 561, 562
— бессвязные II 327
— божественное
три вида: разумное, чувственное, пророческое II 277
(см. Слово Божие)
— бранные II 522
— двусмысленные (и бессмысленные, не имеющие смысла, с. без смысла) 117, 276, 515, 529, 530; II 36, 54, 516
— запрещенные законом II 225
— нелепые и варварские II 524
— непонятные II 256, 257
— новые II 28
— обидное II 240
— простые II 351
— святые II 469
— сообразные с умом и справедливостью II 325
— универсальное 129
— царское II 161
— и вещь (тело, плоть) 129, 234; II 589
исполнение II 324
— и действия (дело, поступки) II 280, 289, 387, 400, 420, 531, 575
как знаки уважения II 281
— и знаки II 537
— и идея 232
— и мысли II 576
— и намерение II 462
— и понятие 232
— и поступки II 531
— и речения II 558
— и угодливость II 280
— злоупотребление словами II 61
— с. о Боге и о царстве II 322
осторожность в II 283
— с.-символы II 549
— все с. двусмысленны II 271
— с. в Священном писании II 551
— различение словесное II 516
(см. Логика, Понимание)
Слово Божие 69, 222, 282, 415, 427, 429, 431, 432, 444, 447—449, 451, 473, 475; II 277, 279, 290, 291, 361, 409, 410, 439, 502, 544
— в собственном и метафорическом смысле II 323
— есть слово веры II 323
— как подлинная реальность II 551
— как учение христианской религии II 323
— всякое С. Б. есть закон 450
— определение II 322
— неумение толковать II 288
— право толкования 452—454, 456—458, 460, 476, 488
— сила II 323, 490
— служители II 409
— троякое значение 474
— естественное и пророческое II 288
— неписаное II 524
— писаное II 339
— и естественный разум II 288
Сложение и вычитание II 30, 31
Слуга II 158
— два рода II 495
(см. Господин)
Служители (служащие, служба) II 599, 617
— государственные II 191, 528
определение II 186—188
и частные II 190, 196, 211
— англиканской церкви II 188
— верховной власти II 188
— народа II 191
— и слуга II 409
— жертвеннику II 413
Случайность (случайное, слу-

чай) 198, 199, 267, 312, 337, 383, 402, 405, 520, 610; II 246, 253, 613
— определение 167
— счастливый II 63
(см. Акциденция, Необходимость)
Смелость
— определение II 41
— совершать преступления II 236
Смертная казнь II 170, 176, 245, 303, 431, 538, 541, 574, 578, 583
— угроза II 383
и телесного наказания II 498
— в древнее время II 540
— из частного усердия II 541
Смерть 233, 241, 243, 248, 274, 292, 318, 323, 338, 341, 356—359, 378, 392, 431, 544, 604, 607; II 113, 159, 225, 232, 240, 270, 279, 307, 327, 418, 474, 487, 489, 498, 559, 577
— значение слова II 480
— есть отсутствие всяких желаний II 56
— как величайшее из зол 289, 301
— как освобождение от уз греха II 321
— достоверность II 344
— принятие II 384
— причины 224, 225
— страх (боязнь) II 82, 98, 154, 363, 501, 582
— угроза II 501, 589
— вечная (вторая) II 352, 357, 449, 555, 588
как вечная ж. в муках II 479
ложное толкование слов II 471
— естественная 291; II 343, 345
семена II 172
— преждевременная II 251
— и жизнь II 485
— с. за верования II 383
— победа Спасителя над с. II 345
(см. Жизнь, Страх)
Смех 250, 251, 286
— определение II 43
Смирение II 279, 531
Смута см. Мятеж
Сновидение (сны) 267, 519—521; II 18, 83, 302, 310, 333, 488, 493, 496, 566
— есть представления, оставшиеся от чувственных восприятий II 233
— как воображения спящих людей 198, 200
— как реальные видения II 233
— определение II 13, 14
— особенности 200, 201
— причины 517
естественные II 290
— и бодрствование (бодрствующее состояние) II 290, 304
— и(ли) виде́ния II 233, 306, 361, 449, 503, 542
фантастические образы II 309
сверхъестественные II 306
и естественные
суть фантомы II 503
— и фантазии частных лиц II 223
Собор (соборы) II 550, 553, 554, 565, 566, 570—573, 576, 577, 579—581, 585, 588, 589
— вселенский
как компетентный судья ереси II 598
Собрание 330—332, 334—338, 340, 341, 344, 345, 347, 356—358, 361, 373, 380—384, 392, 452, 476—478, 485; II 136, 144, 148, 150, 151, 160, 162, 165, 167, 181, 186, 202, 204, 209, 273, 389, 400, 440, 465, 573, 623
— как носитель верховной власти II 260
— как носитель лица части народа II 257
— как представитель II 177
— акт II 179
— большинство (голосов) II 136, 137, 148, 154, 176, 178, 407, 408, 532, 593 (см. Воля)
— капитал II 176
— монарх или суверен II 448
— открытые совещания II 204
— председатель (главное лицо) II 388, 407, 408, 419
— решения и законы II 412
— аристократическое или демократическое II 264
— верховное (облеченное верховной властью, представляющее верховную власть) 346, 352—354, 416; II 143, 145, 146, 171, 183, 187, 188, 191, 193, 208, 260, 264, 595

как суверен II 151, 168
является носителем лица государства и собрания II 187
христианских государств II 302
— законное и незаконное II 358, 391
— местное II 179
— многочисленное (большое) II 181, 208
и узкое II 203, 204
— народное (с. народа) II 142, 159, 219, 510, 602
как судья в уголовных делах II 540
декреты II 220
— непопулярное II 275
— общее
как носитель лица народа II 257
как представитель II 176
— представительное II 178, 181
— представляющее государство II 416
— суверенное отлученное II 392
— частное II 151
— апостолов II 588
— граждан II 357
— израильтян II 476
— христиан (исповедующих христианство, верующих) II 325, 326, 358, 413, 414, 588
— членов политического тёла II 180
(см. также Совет; см. Демократия, Монарх, Подданный, Пресвитеры)
Собственность (имущество) 333—335, 342, 344, 357, 363, 416; II 110, 111, 167, 192, 195, 593
— определение II 139
— возникновение 343
— понятие о с. II 266
— право
подданных и суверена II 253, 254, 258
и власть II 260
— установление (введение) II 192
— общая 273
— приобретенная с чьего-либо согласия II 320
— церковная 504
— частная 479
— гражданина 362, 389
— раба 362
— на землю II 221
(см. Право)
Со-ведение II 49
Совесть 316, 319, 325, 371, 400, 489; II 135, 219, 226, 252, 302, 343, 391, 428, 461, 478, 531, 539, 600, 604, 620
— определение II 49, 267
— внутренний суд II 595
— неспокойная II 604
— суверенных государей и верховных собраний II 275
Совет (как орган власти) II 190, 602, 604, 611
— определение II 273
Совет (советники, советчик) 353, 402, 418, 428, 442, 571; II 53, 148, 202, 204, 238, 299, 392, 401, 619, 622
— как закон II 400
— определение II 6, 198—200
— выбор II 273
— выгода II 199
— достоинство и недостатки II 201
— обязанность II 199, 201
— основания II 203, 274
— польза II 27
— последствия II 199
— природа II 198, 200
— речь (речи) и аргументы (доводы) II 199
— собственный интерес продажных II 199
— годные и негодные II 200, 273
— добрые II 433
— (наи)лучший II 274, 611
— настойчиво навязываемый II 199
— подозрительные и предательские II 201
— спасительные II 380
— хороший II 200, 201, 273
— большого собрания II 203, 204
— с. по вопросам права II 220
— и закон II 212, 431, 432, 434
— и приказание II 197, 200, 205, 433
(см. Закон, Право, Свобода)
Согласие (единодушие) II 133, 240, 315, 414, 573, 539
— отсутствие II 257
— всеобщее (общечеловеческое) II 557, 558

— случайное II 257
— большинства II 204
— каждого II 212
— народа II 362
— сторон II 489
— университетов с действиями государства II 620
Соглашение (соглашения) 80, 112, 237, 258, 273, 280, 293, 297, 300—306, 308, 314, 316, 318, 321, 330, 331, 333—336, 341, 344, 345, 347—349, 353, 355, 356, 361, 364, 367, 368, 403, 407, 408, 423, 424, 426, 431, 439, 449, 454, 472, 490; II 7, 63, 98, 104, 105, 107, 108, 110, 112, 115, 118, 120, 126, 128, 132, 133, 285, 315, 465, 495, 514, 601, 609
— есть перенос права 359
— как знак волеизъявления 298
— как обещание 414
— определение II 102, 106
— выполнение (соблюдение, сохранение верности соглашениям) II 110, 111, 116, 129, 576
— нарушение (невыполнение) 355, 418; II 105, 112, 113
— последствия II 210
— природа II 125
— сила II 110
— добровольное II 133
— законное и незаконное II 109
— несостоятельное (недействительное) II 105
— общее II 278
— предварительное II 116, 125, 135, 136
— дворян и народа II 606
— в отношении употребления слов II 288
— между побежденными и победителями II 169
— между ребенком и родителями II 169
— с Богом (завет) 293, 298, 299, 444—448, 457, 465, 468; II 105, 606
и сувереном II 135
Ветхий з. 445, 467
Новый з. (христианский) 459, 460, 462, 464, 466, 467, 482
— с врагом II 106
— с животными II 105
(см. Желание, Закон, Лига, Несправедливость и др.)
Сознание 140, 142, 148, 149, 405, 545
— как мнение об очевидности 533, 569
Сомнение 273, 313, 534, 545; II 491
— определение II 48
Сон см. Сновидение
Сообщество 311, 330, 488, 505
Соревнование (соперничество, соперник) 540, 546, 553
— отдельных людей II 255
— в богатстве II 75
— в славе II 75
между нациями II 607, 609
— и взаимная зависть II 544
Состояние 284; II 488
— гражданское (гражданственности) 298, 301, 310, 360; II 105, 107, 126
— естественное (природное) 280, 288, 290—293, 296, 298, 299, 301, 310, 315, 316, 327, 328, 335, 360, 361, 364, 366, 367, 379, 384, 390, 403, 407, 408, 416—418, 428; II 93, 98, 105—107, 118, 156, 184, 194, 207, 240, 242, 252 (см. также Война, всех против всех)
есть с. абсолютной свободы II 276
— неразумное II 126
— безвластия II 143
— военных сил II 239
— народа под властью демократии II 521
— рабства II 496
— с. до грехопадения II 479, 480
— с. после воскресения II 352 (см. Душа)
Состояние (имущество) см. Собственность
Сострадание (сочувствие) II 219, 282
— определение II 44
— с. народу II 273
Софизмы
— философские II 565
Спасение II 339, 352, 355, 370, 375, 387, 484, 492, 532, 568, 590
— определение II 353
— предпосылки II 92
— путь (к) II 356, 377, 393, 401, 492, 617

— состояние II 354
— условие (условия) II 402
необходимое II 428, 449, 454, 455, 457—459
— абсолютное II 353
— вечное (вечность) 402; II 354, 369, 449
— неизбежное II 567
— общее
место II 353, 354
и частичные II 353
— грешника II 356
— души 400; II 434, 439
как цель II 443
интересы II 440
и церковного мира II 600
— язычников II 354
Способность (способности, склонность) 74, 76, 147, 207, 234, 244, 253—257, 311, 330, 373, 524, 570, 608; II 21, 36, 59, 77, 87, 97, 274, 358, 593
— врожденные и приобретенные II 93
— выдающаяся II 304, 308
— духовные (с. души, с. (раз)ума, умственные, мыслительные) 139, 200, 225, 245, 259, 284, 435, 511, 534, 540, 551, 556, 601, 602; II 20, 51, 63, 93, 126, 162, 230, 231
и мнение II 289
— естественные 289, 291; II 60
— пассивная II 282
— политические (необходимые для управления государством) II 602
— физические (телесные, тéла) 511, 534, 540, 541; II 63, 93, 163
— давать советы II 201, 273
— ощущения и представления II 74
— предвидения II 285
— разбить армии врагов II 275
— различения II 52, 167
— речи II 35, 131
— совершать чудеса II 340
— суждения (к рассуждению, рассуждать) II 16, 34, 35, 37, 52, 54, 56, 202, 219, 508
— управлять семьей II 275
— с. к открытиям II 18
(см. Мудрость)
Справедливость (справедливое, справедливый) 257, 269, 261, 262, 265, 271, 276, 278, 282, 298, 303, 313, 314, 317, 320, 323, 333, 340, 351, 363, 393, 394, 396, 405, 407, 424, 432, 440, 443, 472, 493, 543; II 70, 111, 123, 129, 130, 137, 184, 193, 194, 206, 207, 211, 215, 217, 221, 229, 250, 262, 267, 279, 280, 288, 331, 460, 555, 574, 593, 612
— есть воздаяние каждому его собственного (должного, того, что ему принадлежит) II 192, 247
и соблюдение договоров II 207
— есть основной естественный закон II 219, 224
— как добро II 111
— определение II 110, 113, 266, 450, 459, 618
— значение [слова] 307
— имя 528
— источник и начало II 110
— мера 79, 277
— меч 336, 337
— (относительная) природа 390; II 110, 202
— правила II 317
— причины 237, 597
незнание II 79
— сущность 470
— божественная 261, 438 (см. также Бог, атрибуты)
— естественная 273, 330, 343, 400, 410, 411, 421; II 211, 575
— коммутативная и дистрибутивная 307; II 115, 116, 120
— церковных законов II 573
— и законы II 16
— и несправедливость (несправедливое) 237, 244, 258, 277, 308, 316, 337, 381, 390, 392, 398, 473; II 97, 110, 111, 114, 188, 205, 209, 535 (см. Политика, Этика)
— и обязательство II 117
— с. по праву 289
(см. Вера, Закон)
Средства II 18, 258, 592, 612
— избыток II 267
— государственные (общественные) II 194, 272
— низкие II 613
— обычные и сверхъестественные II 340

— с. к существованию (существования) II 266, 393, 537
Становление 194
Стоики II 233, 234
— учение II 551
Страдание 205, 259, 289, 402, 422, 431, 493, 515, 535, (горе) 537; II 108, 246, 278, 576
— как милосердие (сострадание) 252, 398, 436
— как результат познания добра и зла 207
— определение II 40, 41
— телесное (чувственное, физическое) 537, 538; II 531, 352
— с. за грех II 278
— с. сей жизни II 555
Страсть (страсти) 125, 134, 238, 247, 248, 251, 259, 280, 315, 330, 360, 374, 378, 436, 508, 530, 534, 537, 538, 540, 544—547, 549, 551, 555, 557, 558, 565, 567, 569, 570, 576; II 29, 43, 44, 46, 48, 57, 58, 85, 87, 96—98, 105, 108, 164, 172, 203, 213, 225, 230, 249, 263, 274, 280, 340, 511, 513, 520, 552
— есть сила, ограниченная чем-то другим II 282
— определение II 37
— непреклонность II 117
— объекты II 7
— неожиданная сила II 227
— порочность II 237
— последствия (с. как причина преступлений) II 231, 232
— признаки II 47
— природа (источник) 542, 543, 572
— различие II 52, 55, 74, 78
— слабость II 56
— сходство II 7
— умеренность II 123, 618
— внезапная II 114, 237
— естественные II 129
— любовная II 42
— необычайная II 56, 304
— обычные (человеческие) II 194, 199
— простые II 41
— сильные II 109
— чувственные II 18
— и интерес II 201
— и разум II 146
— и самолюбие (себялюбие) II 122, 143
(см. Язык)
Страх (боязнь, устрашение, ужас) 201, 202, 247, 249, 260, 261, 267, 278—280, 284, 286, 294, 300—302, 307, 310, 315, 329, 335, 338, 362, 369, 374, 377, 393, 398, 403, 410, 411, 417, 428, 430—432, 434, 437, 444, 445, 455, 494, 508, 544, 545, 550, 558, 584, 598, 606, 607; II 7, 43, 47, 55, 69, 80, 81, 83, 88, 95—97, 106, 107, 109, 112, 114, 117, 129, 131—133, 170, 184, 248, 256, 260, 434, 488, 501, 509, 604
— есть признание силы II 283
— определение II 41, 282, 283
— объекты II 108
— Божий II 111
— взаимный 287, 288, 292, 332
— панический II 43, 272
— физический (с. телесного повреждения) II 232
— гнева властей и совесть II 446
— наказания (наказаний) II 79, 232, 257, 415, 502
отсутствие II 228
— смерти II 234, 251, (собственной гибели) 334
или насилия II 155
— и свобода II 164
— с. перед Богом II 282, 283
— с. перед законом II 164
(см. Воля, Смерть)
Стремление 285, 303, 308, 309, 316, 317, 330, 332, 436
— единство 329
— к благу 289, 292, 366
— к миру 316, 319, 320
(см. также Влечение)
Стыд 250, 265, 544, 554
— определение II 44
Субстанция (субстанции) II 376, 512, 550, 553, 584, 586
— имена: субъект, подлежащее, базис, основание II 560
— телесность II 587
— бесконечная II 499
— бестелесная (нематериальная) II 304, 305, 307, 516, 566, 622
определение II 312
реальные (реально существующие) II 308, 309

и телесная II 303, 308, 472
— божественная II 314, 559, 563, 564
— воздушные II 304
— живая II 556
— индивидуальные (единичная мыслящая) II 568
— и акциденция
определение II 303
— и образ II 561
— и тело II 304
(см. Ангелы, Христос)
Субъект 96, 119, 146, 199, 206; II 512
— изменение 158
— и объект 512, 516
— и предикат 93—100, 104, 105, 109, 495
— и форма 158
(см. Акциденция, Ощущение, Субстанция, Тело)
Суверен (суверены, верховные правители) II 7, 139—141, 149, 150, 153, 154, 168, 180, 183, 186, 190, 191, 196, 208, 217, 218, 237, 256, 285, 335, 365, 401, 438, 523, 540, 595
— есть абсолютный представитель всех подданных II 174
— есть душа государства II 255, 260, 443
— есть лицо, представляющее церковь II 414
— как верховные учители II 427
— как виновник противозаконного действия II 235
— как государство II 253
— как законодатели (законодатель) II 206, 212
суть единственные з. в своих владениях II 293
и верховный судья II 155, 160
— как истец II 189
— как лицо (представитель) государства II 192, 193, 249, 442
— как носитель единого лица II 142
— как обвинитель II 241
— как судья II 138
— определение II 133, 612
— авторитет II 239, 259
— благо и безопасность II 263
— виды II 422
— владения II 392
— власть II 76, 135, 155, 171, 265, 270, 293, 386, 409, 433, 542
есть в. выдавать награды большие, чем жизнь, и налагать наказания более жестокие, чем смерть II 343
полнота II 263, 527
верховная II 287
законодательная (в. издавать и отменять законы) II 206, 302, 403, 420, 429, 430
над жизнью и смертью подданных II 165
— воля II 69, 136, 137, 171, 177, 187, 206, 211, 270
— выбор II 440
— дары II 225
— действие II 135, 194, 210, 498
— долг II 261, 263, 272
— достоинство II 618
— дружба II 173
— жертвы II 249
— зависимость от II 443
— закон (законы) II 235, 386, 392
суть правила поведения II 392
в отношении внешних действий и исповедания религии II 361
— знаки милости II 246
— интересы II 211
— крещение II 427
— лицо II 190
— место с. в государстве II 361
— незнание II 227, 228
— обязанности (обязанность, забота) II 260, 261, 271—273
по отношению к другому с. II 275
— особая милость II 274
— ошибки II 263
— повеление (приказание, постановления) II 190, 194, 208, 212, 218, 235, 383, 386, 443
и право частного рвения (своего усердия) II 540
— подданные II 189
— полномочия II 215, 414
— право (права) II 135, 138, 142, 160, 166, 170, 224, 242, 253
и обязанности II 254
на составление закона II 24
— решение II 155
как закон II 215
— роль с. в церкви II 413
— честь II 142
— абсолютный II 150, 302
— гражданский (гражданские)

II 358, 360, 377, 397, 403, 409, 411, 413, 420, 428, 432, 436, 445, 465, 466, 524, 528, 539
есть верховный пастырь II 415, 423
есть должностное лицо государства II 415
владения II 467
постановления (повеления) II 449, 529
являются законами II 435
являются источником всякой юрисдикции II 437
право (и полномочия) II 415, 416, 528
канонизации и объявления Писания законом II 398
титул II 528
представляющий церковь II 461
и духовный II 444
— законный II 275, 293, 359, 383, 445, 448, 526
— христианский (христианские, с.-христиане) II 302, 381, 414, 427, 433, 438, 447
является верховным пастырем подданных в своих владениях II 416, 427, 451
авторитет II 451
власть (и право) II 416, 420, 421, 424, 429—431, 462, 527, 529
забота об обращении подданных II 423
политические и церковные II 420
или язычник (неверный) II 392, 460, 461
— царствующий II 151, 152
— и естественные законы II 253
— и подданный (подданные, народ) II 69, 133—137, 140, 142, 151, 155, 165, 168, 169, 171, 172, 175, 176, 183, 193, 195, 213, 224, 235, 241, 242, 248, 256, 261, 264—266, 268, 275, 276, 315, 380, 382, 392, 414, 415, 420, 427, 461, 462, 502, 520, 537, 538, 539
благо II 270
действия II 433
договор II 265
сила и слава II 143
неравенство II 268
(см. Учение, о правах)
— и правонарушитель II 236
— и церковь II 414
— и частные лица II 383
— неповиновение суверену II 261
— противодействие суверенам II 135, 223
— толкование сувереном законов своей страны II 395
— истец как с. II 265
— Моисей как с. II 363, 398, 430, 476
— родитель (отец) как с. II 159, 240
— Соломон как с. II 476
— с. должны быть философами II 286
— с. не подчинен гражданским законам II 206
(см. также Король, Монарх, Император, Правитель; см. Высказывание, Договор, Повиновение)
Суверенитет II 607
— и верховенство II 255
Суд (суды, судопроизводство, судебные функции) 456, 471, 476; II 185, 188, 244, 268, 271, 273, 417, 564, 574, 578—580, 612, 613
— есть осуществление верховной власти II 188
— как дело собрания верующих II 388
— исполнение судебных решений II 413
— пагубные последствия несправедливого II 266
— уклонение от II 216
— гражданский (гражданские) 484; II 596
— обычные (в Англии) II 219, 220
— последний II 558 (см. также День Страшного суда)
— продажный и глупый II 612
— формальное II 541
— приговор II 540
— и синедрион II 486, 487
(см. Власть)
Судный день см. День Страшного суда
Судьба II 83, 86, (фортуна) 616
— как причина случайных явлений II 519
— определение II 323

— воля II 229
— будущая II 84
— несчастная II 70
— счастливая II 69
как знак расположения Бога II 70
Судья (судьи) II 162, 180, 208, 210, 211, 219, 226, 252, 253, 332, 373, 436, 440, 485, 526, 595
— как законодатель II 252
— жалованье II 249
— качества II 219
— мудрость II 209
— полномочия II 215
— право быть судьей II 137
— презумпция II 216, 217
— приговор (приговоры) II 214, 535
как закон II 217
— продажность II 266
— решение II 212, 214, 216, 242
— главные II 220
— законные II 540
— компетентные в отношении истины II 525
— несправедливые II 216
— обычные II 217
— подчиненные (подчиненный) II 215
и верховные II 216
ошибка II 217
— справедливый II 200
— третейские II 413
— хороший II 218
— языческие II 446
— мира II 443
— мнений и учений (доктрин и книг) II 138
— обычного права
и с. в собственном смысле II 220
— принципов (доводов) II 394, 395
— и адвокат
способности II 218
— и противник II 563
— и синедрион II 487
— каждый стал судьей и истолкователем Писания II 600
— каждый человек — судья добра и зла II 252
— каждый является судьей самому себе II 226
Суеверие 202, 444, 445; II 43, 81, 233, 340
— определение II 586
Суждение 195, 556, 568; II 30, 35, 85, 98, 215, 252, 333, 499
— определение II 48
— (естественная) способность II 148, 535, 536, 613
— различие II 123
— ложное 114
о природе вещей II 197
— частные II 342
и общие 192
— и стремление II 130, 131
— и фантазия II 53, 54, 536
(см. Способность, Ум)
Сумасшествие (сумасшедшие) II 87, 126, 251, 302, 309, 325, 327, 489, 493, (безумие) 591
— определение II 56, 57
— виды (степени) II 56, 57, 61, 62
— причины II 58
— толпы́ и человека II 57
— и дети II 234
Сущее
— слово (имя) II 548, 562
— определение II 561, 563
— и сущность
как синонимы II 563
(см. также Сущность)
Существо (существа, создание) 208; II 494, 514, 560, 562
— согласие II 132
— бессмертные и бестелесные II 312
— видимые II 488
— живое (живые) 76, 134, 156, 194, 195, 202, 206, 217, 222, 234, 235, 286; II 163, 279, 303, 336, 471, 472, 487, 488
природа II 225, 284
уничтожение II 338
— земные II 249
— неразумные II 132, 163, 276
— общественное 329; II 131
— отдельные II 616
— разумное (разумные) 75; II 163
— реальное II 586
Существование 208, 402, 596; II 269
— несуществующей вещи II 616
(см. Бог)
Сущность (сущности) II 512
— имя II 562
— не есть тело II 585
— как форма 157
— как формальная причина 168

— определение 157; II 561
— существование II 562
— абстрактные (отдельные, бестелесные) II 513—516, 566, 616
— сущего II 562
— и вещи (тела) II 513, 562
— и субстанции II 561
(см. Протяжение)
Схоластика (схоласты) 69, 235, 599—601; II 21, 22, 28, 34, 46, 48, 61, 62, 92, 100, 104, 110, 513, 517, 518, 521, 615, 620
— темный язык II 529
— моральная и гражданская философия II 519, 522
Схоластики см. Философы-схоластики, Диалектики
Счастье 243, 256, 260, 402, 403, 410, 488, 554; II 48, 59, 66, 68, 366, 369
— как непрерывное удовольствие 536
— не состоит в покое удовлетворенной души II 74
— определение II 47, 74
— необычайное II 91
— и несчастье (бедствия) II 81, 84, 93
Счет II 25, 27, 31, 33, 35
— первичные данные II 32

Таинство (таинства) II 263, 289, 315, 316, 376, 378, 468, 470, 500, 520, 551
— определение II 321
— разъяснение
есть его разрушение II 551
— совершение II 404
— установление II 375
— основные II 321
(см. Брак, Вера, Троица)
Творение II 315, 588
— заключительный акт 71
— порядок 71
Творец 192, 209, 210
Тело (тела, предмет) 75, 76, 90, 130, 138, 145, 150—152, 161, 162, 169—172, 175, 188, 195, 198, 203—205, 207, 208, 211, 212, 214, 217, 218, 228, 287, 289—291, 295, 561; II 9, 11, 27, 28, 29, 37, 38, 41, 196, 263, 314, 512, 567
— есть все, что имеет измерение II 305
и занимает пространство II 308
— является носителем формы, цвета и фигуры II 488
— как материя 157
— как субъект 157
— имя (слово) II 513, 560, 566
— определение 108, 146; II 311
— возникновение 80, 156, 157
— изменение 162, 193; II 303
— измерения 153
— отпечаток тела в представлении II 514
— первичная материя II 327
— природа и производство II 513
— роды 80
— свойство II 308
— удовлетворение потребностей II 557
— части (часть) II 513, 517
движение II 257
внутренние II 257
— бестелесное II 304
— бренные (земные) II 479
— видимые II 84, 308
и ощутимые (непрозрачные) II 513
— внешние II 163, 493 (см. Объект)
— воздушное (воздушные) II 308
как объекты II 488
— грубое (грубые и тленные) II 480, 490
— движущееся 176, 180—183, 185, 186, 189, 193, 211, 254
— действующее (активное) 168
— духовные (духовное) II 444, 556
и чудесные II 479
и бессмертное II 484
— единое одушевленное II 498
— естественные (естественное) 80, 157; II 6, 174, 444 (см. Движение)
болезни II 250, 256
и искусственные II 545
— живые II 472
— искусственные (материальные тела, созданные искусством) II 497
и фиктивные II 176
— неодушевленные II 163, 277
— политическое II 174, 175, 183, 257 (см. Человек, искусственный)

действия II 176
задача II 180
разнообразие II 178
форма представительства II 180
подвластные II 175, 177, 178
купцов II 181
— светлые, темные и прозрачные II 487
— совокупное
как единое лицо II 142
— тонкое II 309
— торговое
цель и благо II 181
представитель II 181
— тяжелые II 518
— утонченное (текучее и невидимое) II 304, 308, 312
— частные
упорядоченные (законные) и неупорядоченные (лиги) II 183
— человеческое (человеческие) II 187, 328, 491, 554
болезнь II 257
изменение II 12
строение II 39, 55, 56
члены II 554
— нечестивых II 352
— т. вообще 158
— и дух (душа) II 584, 597
значение слов II 303, 304
— и место 196; II 517, 617
— и не-тело II 312
— и образ (фантом) II 488, 566, 585
— телесная плотность II 586
(см. также Объект, Предмет; см. Величина, Имя, Пространство, Протяжение и др.)
Теология (богословие, теологи, богословы) 255, 474, 598, 605; II 253, 267, 314, 482, 514, 517, 555, 565, 566, 568, 621
— определение II 322
— католическая (римской церкви) II 512, 524
— школьная II 513
(см. Философия)
Теорема 67, 131, 136, 192, 218, 236; II 33
Термины (термин) II 517, 519
— пустота II 516
— смысл II 617
— варварские II 529
— средний II 560
(см. также Понятия)
Тирания (тиран) 348, 350, 351, 392; II 144, 255, 522, 602, 623
— слово II 521, 539
(см. Подданный, право)
Титулы II 246
— почетные II 72, 73, 140
— абсолютной власти II 595
(см. Король, Папа, Суверен)
Товары II 195
— ввоз II 192
— движимые и недвижимые II 196
— излишние и недостающие II 192
— местные и заграничные II 191
Тождество (идентичность) и различие 169—173
Толпа (сборище) 252, 263, 268, 271, 354, 385, 399, 431, 476, 576; II 134, 135, 145, 199, 230, 271, 280, 447
— как единое тело II 358
— действия II 78
— и цари 276
(см. Народ)
Торговля II 192
— внешняя
организация II 180
— иностранная
места́ и предметы II 195
Традиции II 484, 524
— ложные II 534
— бессмысленные II 512
Троица II 564, 565, 567, 572
— единство II 379
— ли́ца 378, 379
(и) имена II 379, 470
— природа II 550
— таинство II 550, 570
— толкование II 586
— формула восславления II 553
— третье лицо в II 419
— учение о II 379, 570, 571, 586
Труд 408, 409; II 267, 279
— является товаром II 192
— законный II 260
— примененный к земле, называется культурой II 280
— и прилежание II 191
Трусость II 170
Тщеславие II 56, 391
— как причина преступления II 230
— определение II 43, 230
— язык II 47

Убеждение 327, 398, 405, 577; II 263, (умозрение) 508
— ложное 236
Убийство II 239, 240, 541
— обвинение в II 241
Уважение II 600
— определение 67, 71
— формы (способы) оказания II 67—69
— и дружба II 197
— и неуважение II 67, 68
— к Богу II 283
Увещевание II 197
— определение II 199
Удивление и изумление II 337
Удовольствие 205, 242, 318, 373, 422, 515, 534, 540, 549; II 43, 143, 225, 232, 243, 526, 614
— есть влечение 536
— как движение, направленное внутрь 238
— определение II 40
— причина (источник) 238, 547
— духовное 289, 537, 548
— прежнее II 42
— собственное II 612
— умственные II 41
— чувственное (физические, у. ощущения, в ощущении и представлении) 287, 537, 538, 548; II 40, 59, 76, 267
— и наказание 537
— и неудовольствие 238, 552, 554, 555
— и страдание II 286
— у. от жизни в обществе II 95 (см. Счастье)
Удостоверение II 212
Ум (умы) 83, 150, 209, 210, 226, 228, 244, 249, 251, 253, 273, 276, 421, 435, 436, 518, 531, 557; II 9, 20, 31, 36, 48, 53, 61, 94, 204, 230, 257, 282, 283, 566
— как сочетание воображения со способностью суждения 556
— движения II 56
— естественные способности II 535
— различия (различие) II 55, 118
— склонности II 304
— соперничество II 573
— благоприобретенный II 55
— большой II 51, 52
— зрелый II 227
— природный II 51
— распущенные 583
— слабые II 614
— и красноречие II 536 (см. Фантазия)
Умение 242—244
— размышлять II 219
Умозаключение 76, 77, 81, 120, 136, 532, 533, 573; II 30, 102, 292, 460, 514, 537, 599
— формы 134
— ложные (паралогизмы) 530
— правильные 218, 236, 294, 365
— силлогистическое см. Силлогизм
— точное II 152
— у. из писаных принципов смысл и логическая сила II 394
Универсалия 115, 122
— есть обозначение слова, или имени 86
— и единичные вещи 119, 121
Университеты II 10, 11, 531, 599, 601, 615, 620, 623
— как центр восстания II 622
— определение II 512, 544
— авторитет II 614
— противоречивые взгляды воспитанников II 268
— учреждение II 598 (см. Духовенство, Просвещение)
Универсум 135, 138, 208
— как безмерное пространство 211
— как соединение (совокупность) всех тел 211; II 303
— части II 303, 304 (см. также Мир (вселенная))
Управление
— отрасли II 187
— функции II 178
— государственное (государственным хозяйством) II 187, 367, (делами народа израильского) 437
— провинцией II 178, 187 или колонией II 179
— состоянием II 185 (см. также Правление)
Усилие см. Воля
Успех
— большой II 66
— военный II 608
— необычайный II 336

Утверждение (утверждения) 167, 168; II 16, 25, 26, 28, 33, 46, 49, 290, 514, 524
— абсурдные см. Абсурд
— догматические 131
— ложные (ложное) 112, 118, 131; II 28, 29
Аристотеля II 562
— и отрицания II 32
Учение (учения, доктрина) 562; II 79, 155, 186, 260, 303, 331, 348, 359, 365, 383, 388, 424, 456, 471, 500, 523, 525, 531, 542, 545, 557, 569, 570, 577, 585, 592, 595, 597
— как причина веры II 452
— испытание II 451, 457
— истинность (истина, истинное) II 419, 543, 617
гражданское 405
и ложность (ложное, ошибочное) II 227, 267, 268, 484
— свет II 164
— чистота II 532, 573
— богословские (богословов) II 584, 590
— бунтарские (направленные против верховной власти короля) II 252, 267, 530
— выходящие за рамки Священного писания II 292
— гибельное для государства II 520
— ложные (темные, ошибочное, ошибочность) II 26, 138, 252, 254, 259, 279, 429, 446, 463, 490, 530
и фантастические II 449
— моральные II 286, 301
и политические II 544
— новое II 543
— поощряемое к распространению II 445
— противные установленной религии II 238
— противоречащее интересам мирного существования общества II 526
— схоластические (схоластического богословия, теологов) II 209, 440, 615
осуществление на практике II 441
— каббалистов II 369
— Моисея (и Христа) II 351, 364
истина II 394
— римской церкви (римского духовенства) II 620
— христианства (христианское) II 50, 299, 393, 402, 445, 582
совершенные правила II 403
и культ II 588
— о бестелесных духах II 493
— о вечных муках II 472
— о второй и вечной смерти II 480
— о демонах (дьяволах, демонология, дьявольское у.) II 323, 349, 351, 369, 472, 488, 489, 529; II 464
— о заклинании (и изгнании) духов (призраков) II 472, 524
— о политике II 535
— о правах суверенов (правителя) и обязанностях подданных II 292, 296
— о пришествии Христа II 323
— о свободе воли II 520, 616
— о транссубстанции II 617
— о христианской вере II 452
внутреннее признание II 454
— о Царстве Христа II 323
— о чистилище II 472, 481, 482, 529
и аде II 524
— об индульгенциях II 529
— об оправдании мирскими делами II 529
— о независимых сущностях (у. Аристотеля)
см. Сущность, абстрактные
— об управлении и повиновении II 515
— и проповедование
есть одно и то же II 385
Учитель (учители, наставники) II 406, 461, 501, 525, 530, 532, 552, 555, 569, 577, 586, 615
— авторитет II 557, 564
— узурпация места II 543
— новейшие II 565
— философские II 558
— языческие II 570
— реформаторских церквей II 587
— римской церкви II 595
— христианства II 393
— рукоположение и избрание II 407, 408
— и ученики II 393, 400
Ущерб II 239, 244
— возмещение II 245, 610

— физический и мнимый II 232
— частных лиц II 242

Фаворит II 147
Факт (факты) 201, 204, 205, 222, 227, 244, 313, 314; II 31, 35, 139, 201
— вопрос II 120
— достоверность 236
— единичный II 235
— записанные в Библии II 296
— рождения II 156
— совершения преступления II 216
— и закон II 188, 189
— и право II 219
(см. Знание, роды)
Фантазия (фантазии) 199, 200, 254, 555; II 13, 81, 83, 85, 283, 302, 464, 499, 503, 511, 536
— определение 516; II 12, 313
— образ II 10
— особенности II 308
— большая II 52
— ума II 54
— и образ воображения 197
(см. Суждение)
Фантом (фантомы, призраки, идол) II 58, 308, 322, 488, 566
— есть проявление субстанции II 562
— определение II 496
— власть II 488
— причина II 562
— сверхъестественные II 587
— чистый II 548
и сама вещь II 550
— и имя II 561
— и образ вещи II 562
(см. Воображение)
Фигура (фигуры) 67, 77, 89, 175, 179, 236; II 262, 496, 497, 507
— риторические II 34
— совершенная и несовершенная 183, 184, 189
Физика (физики) 67, 77, 126, 136, 191, 192, 220, 236, 237, 243, 272, 281, 551, 562
— определение II 518
— как часть философии 124, 125
— летосчисление 67
— основания 69
— части 67
— небесная см. Астрономия
— общая 68
— Аристотеля II 617

Философия 68, 72, 82, 92—95, 103, 111, 113, 114, 132, 254, 471, 490, 551, 588, 599
— есть естественный человеческий разум 71—73
— единство языческой философии и христианской веры II 570
— как вся наука в целом 272
— как служанка теологии II 512
— определение 74, 79—81, 119, 120, 191; II 507, 508
— задача II 512
— основы 69, 71, 86, 125
— польза 77—79
— предмет 79
— разделы (отделы, часть, части) 67, 71, 73, 80, 133, 134, 220, 275, 281, 508 (см. также Геометрия, Физика и др.)
— цель (задача) 77, 107
— гражданская (ф. общества и государства) 68, 80
просто ф. государства (политика — см.) 78, 80
этика (ф. морали, моральная) 78, 125, 272, 276, 277, 570; II 286, 297, 511
определение 80, 124; II 123
предмет 124, 273
сущность 318
цель II 618
нравственный закон 318
(см. также Этика; см. Книги)
— естественная 80; II 511
и сверхъестественная II 513
— ложная (ошибочная, несостоятельная, ложность) II 520, 524, 530
распространение II 525
и истинная II 525
— моральная см. гражданская
— общепринятая 208
— первая 71, 134, 138—183, 281
— политическая II 521
— пустая II 563 (см. ф. Аристотеля)
— совершенная 91
— греков II 509, 512
— природы 124, 125, 138, 148
— и религия 69; II 92
ф. Аристотеля как составная часть религии II 615
— и теология 79
— ф. Аристотеля II 464, 512, 519, 598 (см. также Сущность,

абстрактные)
(см. Категории, Метод, Мудрость)
Философы (философ) 85, 121, 129, 139, 140, 151, 154, 156, 175, 195, 235, 276, 317, 432, 435, 603; II 21, 33, 62, 118, 278, 510, 555, 558, 561, 566, 568, 570
— согласие II 557
— древние (древнейшие) 68, 221, 275, 536; II 509, 511, 543, 616
— позднейшие 67
— языческие (греческие) II 83, 510, 520, 523
последователи II 569
— морали (моралисты) II 74, 123
— и [богословы] 209
— ф.-аристотелик II 585
— ф.-схоластики II 10, 11, 38, 61
Форма (формы) 71, 89, 126, 128, 130, 148, 149, 171, 196, 203, 204, 216, 218, 272, 275, 278, 309, 435, 478; II 497, 514, 516
— есть акциденция, лишенная тела 157
— как прекрасное во внешнем виде 240
— совершенная ф. прекрасна 244
— стихотворная II 297
— субстанциональные II 513
— фантастические II 496
— и движение 122
— и материя 157
(см. Государство, Субъект, Сущность)

Хаос
— первоначальный II 414
— и гражданская война II 148, 336
Характер II 331
— немужественный II 135
Хитрость II 114, 251, 261, 493, 618
— есть извращенная мудрость II 55
Храбрость II 245, 366
— определение II 535
— необычайная II 306
— и робость II 535
— х. на войне и страх перед законом II 536
Христиане (христианин, человек, исповедующий христианство) II 50, 252, 289, 302, 335, 395, 399, 400, 404, 428, 434, 444, 452, 460, 465, 467, 474, 492, 499, 523, 550, 555, 568, 577, 589, 594, 597, 621
— являются народом Божиим II 594
— как подданные государств II 359
— общность имущества II 409, 412
— право II 419, 445
— преследования II 402, 570
— разделение на духовных лиц и мирян II 403
— свобода II 531
— собрание II 357, 413
— совесть II 501
— совокупность II 358
как государство II 302
— древние II 445
— истинные (истинный и неприторный, истый и пр.) II 301, 345, 382, 392, 575, 582
добровольные пожертвования II 413
— новообращенные II 446, 504, 531
— нынешние II 451
— первоначальные II 532
— притворные II 578
— слабые II 339
— и неверные II 573
— и отлученные II 389
— и человек II 359
— и языческие суверены II 446
Христианство II 293, 377, 402 413, 419, 424, 569, 570, 578
— основной догмат II 384
— универсальный суверен II 302
— истинное и неподдельное II 383
— и язычество II 507
(см. также Вера, христианская, Религия, христианская)
Христос (Спаситель, Бог-Сын) 262, 308, 321—323, 325, 326, 387, 462—473, 480—482, 484, 490—493, 562, 565; II 60, 61, 279, 292, 300, 301, 307, 312, 316, 319, 330, 333, 346, 347, 362, 383, 384, 387, 388, 395, 400, 407, 413, 416, 431, 433, 454, 464, 465, 479, 482, 489—492, 504, 512, 526, 549, 551, 555, 558, 561, 568, 571,

582, 584, 585, 592, 594, 595, 622
— есть (истинный) мессия II 291, 424, 572
— есть Сын Божий, Царь иудейский, восстановитель Царства Божиего II 590
— как ангел завета II 311
— как Бог и человек II 469, 499, 559
— как верховный пророк и наместник (помазанник) Бога II 335, 372, 374
— как глава (вселенской) церкви 479; II 358
— как жертва за грехи II 372
— как Свет истинный 320
— как Слово (λόγος) (Господне) 320, 374; II 324
— как человек (во плоти) II 371, 374, 377, 404
— как царь II 311, 385, 395, 445, 453, 455, 458, 470
иудейский 498—503; II 161, 291, 453
обещанный пророками II 372
избранных II 374
в силу завета II 371, 374
в этом мире II 434
и судья в грядущем мире II 372
— апостолы (и ученики) II 299, 308, 318, 338, 375, 384, 385, 400, 410, 417, 436, 451, 453, 577, 607
миссия II 401
новое учение II 401
проповедь II 430
средства к жизни II 411
юрисдикция II 486
— величие см. Слава
— вера в II 300, 381, 395
— вестник см. Ангел
— власть (владычество) II 335, 402, 465, 483
и милость II 353
— вознесение II 299, 345, 346, 377, 412, 435, 474
— воплощение II 565
— воскресение II 322, 345, 378, 386, 404, 473, 474, 527
— восшествие II 380
— времена II 486
— выдавание себя за Х. см. Лжехристос
— дела II 404
и учение II 474
— дом II 357
— Дух II 377
— жертвоприношение (жертва) II 370, 373, 471
— жизнь
описание II 453
и воскресение II 395
и деяние II 406
— задачи II 372
— заповеди II 422, 527
— избранные II 345, 376, 358, 373
— изображения II 506
— имя II 493, 572
— искупление II 356, 357, 468, 471, 486, 588
и сотворение II 577
— кротость Х. и строгость пастырей II 482
— мученик II 384
— наместник II 302, 303, 394, 512
стремление к посту II 533
главный II 425
— народ II 319
— непризнание II 425
— обращение в веру II 414
— плоть (тело) II 558, 616
— подданные II 386, 479
— правило (совет) II 449—451
— признаки II 453, 455
— признание II 427
— природа II 572
— пришествие 564; II 288, 335, 386, 510, 512, 556
первое II 357, 370
(и) второе (вторичное) II 354, 380, 390, (будущее) 430, 433, 461, 465, 474, 483, 485, 487, (новое) 622
цель II 372
во плоти II 384
— проповедь (проповеди) II 376, 512
задача II 492
Нагорная II 450
и творение чудес II 373
— противник (враги) II 444, 589
(см. Антихрист)
— сила II 339
— слава (и величие) II 339, 348, 356, 372, 374, 380, 425, 475, 512
— служители II 382, 410
— смерть II 356, 357, 370, 430, 465, 474, 556, 587
— совет II 433
— сошествие в чистилище (по

Беллармину) II 487
— страдания (страсти) II 371, 376, 405, 588
как искупление прегрешений (выкуп за грехи) см. искупление
— субстанция II 579
— троякого рода миссия II 370: искупителя II 370, 371
пастыря, или учителя, т. е. пророка II 372, 373
вечного царя II 370
— учение 327; II 318, 356, 377, 378, 401, 402, 409, 432, 532, 589 и чудеса II 372
— Царство II 373—375, 383, 390, 427, 466, 473, 474, 485, 493, 527, 592
есть духовное государство II 444
есть не от мира сего II 393, 401, 423, 430, 436
право на II 432
вечное II 369, 401
настоящее и грядущее II 401 и нынешняя церковь II 465 (см. Царство Божие)
— церковь II 422, 449, 483 и учители II 434
— единосущный II 579
Х. и Дух Святой являются одной и той же субстанцией II 491
— Х. искупил грех всех, кто уверовал в него II 344
— единство двух природ в Х. II 572
(см. Вера, Закон, естественный)

Царство (царства) II 112, 332, 576
— определение (цель) II 353
— древние II 509
— Небесное II 319, 346, 353, 374, 385, 449, 458
ключи II 386
(см. также Царство Божие, новозаветное)
— политическое ц. евреев II 345
— разделенное в самом себе II 141
— священническое II 362, 365, 594
завет II 368
— Благодати II 465, 526
— Израиля II 467
— мира сего (в существующем мире) II 425, 427, 493
— настоящего и грядущего II 402
— Славы II 526
— тьмы (сатаны) II 463, 479, 533
— фей II 256
— Царя II 346 (см. Царство Божие)
— ц. приобретается силой II 111
Царство Божие (Бога) 261, 274, 281, 320, 385, 428, 440—442, 444, 445, 449, 455, 474, 506; II 89, 90, 257, 276, 303, 317, 348, 354, 355, 360, 380, 385, 387, 396, 406, 413, 424, 426, 450, 454, 461, 463, 474, 475, 479, 500, 540, 541, 588
— есть гражданское царство (государство) II 319, 347
— определение II 314, 315, 465
— благовествование II 404
— буквальное понимание II 320
— возвеличение власти II 300
— восстановление (возрождение) II 319, 345, 372, 457, 458, 462
— двоякая форма II 277
— законы 427; II 85
— наследники II 411, 521
— подданные II 277
— существование Ц. Б. в настоящем (Беллармин) II 473
— ветхозаветное 502; (установленное Моисеем) II 473
— естественное 429, 430, 432, 437, 443, 502; II 277, 283
естественные законы II 285
— новозаветное (Царство Небесное) 459—468, 473, 474, 493, 494, 497—499, 504
— основанное на завете II 360
— особое (Ц. Б. над евреями) II 89, 316, 397
— пророческое 430; II 277
— реальное и метафорическое (в собственном и метафорическом смысле) II 315, 318
— тьмы II 7
— и ныне существующая церковь II 465 (см. Догмат ложный)
— и царство врагов II 351
— и царство людей II 348

— знак допущения в Ц. Б. II 321
— путь в Ц. Б. II 386
— Ц. Б. основано на завете, а не на природе II 285
Царь (цари) II 320, 368, 381, 399, 406, 419, 465, 476, 522, 602
— как лицо (представитель) государства II 411
— обращение ц. в христианство II 388
— обязанность II 371
— афинский (тиран) II 467
— благочестивые II 330
и порочные II 366
— земной II 576
— евреев II 295, 445
иудейские II 301
(и) израильские (народа израильского) II 306, 369, 438
— богов II 393
— царей II 268, 393
— и подданные II 406, 426, 439, 467
— и пророки II 369
Цвет 208, 539; II 562
— есть смешанный свет 203, 213
— есть не акциденция объектов, а явление нашего воображения 226
— причина 213
Целое 138, 203, 435
— определение 142
— и часть 120, 121, 133, 142—144, 146—149, 155, 157—159, 163, 186, 187, 245, 519
Целомудрие и воздержание II 520, 521
Цель (цели) 199, 200, 235, 243, 246, 248, 275, 286, 310, 316, 335, 381, 413, 544, 551, 552, 556, 564; II 18, 19, 36, 54, 94, 169, 231, 242, 536, 619
— как конечная причина 168
— определение II 52, 118
— законность или незаконность II 184
— основание II 613
— близкие и отдаленные 536
— дурные II 184
— личные II 448
— мошеннические II 543
— общая 329; II 609
— противозаконные и мятежные II 185
— корпорации купцов II 180
— писателя II 219
— сохранения (установления гражданского) мира (и безопасности) II 138, 139
— установления верховной власти II 168, 227
— и средства 289, 290, 312, 330, 359, 421, 521, 536, 546; II 261, 441—443, 544
(см. Движение, Жизнь, Философия, Интересы)
Церковники (духовенство) II 503, 535, 599
— и феи II 533, 534
(см. также Духовенство)
Церковь (церкви) 473, 498, 502—505, 564, 599; II 50, 93, 126, 289, 298, 359, 390, 393, 408, 414, 447, 553, 554, 564, 569, 583, 586, 596, 598, 599, 601—603
— как гражданское государство II 359, 460
— как единое лицо (единая личность) 477—479, 487; II 302, 358, 423, 429
— как синод II 588
— как собрание верующих II 387
незаконное II 358
— как храм Божий II 495
— смысл слова в Писании II 357, 358
— ц. и христианское государство одно и то же II 421
— определение II 358
— [понятие] 476, 477
— авторитет 80; II 300, 302
— администрация церковная II 584
— власть 478, 480, 481, 484; II 391, 499, 616
средство сохранения II 528
верховная II 590
добавочная II 409
принудительная II 405
и право II 302
— воля 474
и разум и голос II 302
— враг (враги) II 351, 552
— всеобщий монарх II 423
— главы (глава) II 342, 343, 570, 571
— законы
являются частью гражданского закона II 460
— князья

и мирские князья II 431
— лучшая форма правления II 422
— мирские дела (потребности) II 404, 409
— могущество церковное II 572
— наставники (пастыри) II 493
— непогрешимость II 452
— обязанность 488
— определения II 552
— отлучение от см. Отлучение
— отлученная часть II 392
— отступники II 420
— отцы см. Отцы церкви
— правители II 299, 476
— представители II 388, 421
— привилегии II 468
— раскол (церковный) II 391, 424
— реформация ц. в Англии II 597
— решение II 577
— свобода II 251
— служитель II 410, 466, (служение) 576
и служитель слова II 409
— собор II 402 (см. Собор)
— собрание II 552
— спасение II 428
— учители 68, 268, 479, 481, 490, 500, 563; II 403, 437, 451, 473, 526
учения II 299
честолюбие II 299
— цель II 583
— английская II 293, 294, 311
— англиканская II 552, 567, 573, 583, 587, 597, 600, 621
— антиохийская 480, 481
— апостольская 480, 481
— Божья II 464
— вселенская 478, 485, 487, 492
— еврейская II 449
— законная II 342
и беспорядочная II 357
— нынешняя воинствующая II 526
— первые II 571
— ранняя (древняя) II 493, 551
— реформированная II 600
— римская (католическая) 268, 339, 479, 579, 580; II 399, 467, 469, 472, 483, 505, 506, 525, 527, 570—573, 576, 583, 597, 599, 616, 617, 620
наставники II 507
решения II 598
учение (доктрина) II 502, 599
— универсальная (всеобщая) II 302, 358, 442
— христианская (христиан) II 299, 358, 383, 391, 406, 442, 483
как главный судья учений, касающихся спасения человеческих душ II 597
глава х. ц. является царем над всеми царствами и республиками II 571
греховная оппозиция II 597
и секты II 294
— Господа II 552
— и государство 460, 478, 485—487, 489—492, 503, 504; II 302, 442
являются одним и тем же лицом II 526
мятежи и гражданская война между ц. и г. II 359
— общественные обязанности в ц. 479, 480
— преданность и щедрость по отношению к ц. II 617
— приобщение людей к ц. II 339
— спор между папистской и реформистской ц. II 600
(см. Власть, Враг, Государство, Государь)

Частицы 212—216, 224, 225, 227, 228
Часть 147, 151, 153, 154, 164, 173, 180, 187, 188, 193, 198—203, 205, 214, 221, 226, 278, 435, 514
— определение 141
— и целое II 282
(см. Вещь, Целое)
Человек (люди) 71, 134, 139, 156, 168, 172, 179, 196—208, 222—224, 243—245, 249—250, 291, 294, 307, 322, 323, 338, 341, 346, 396, 398, 442, 470, 519—573, 578, 581, 594, 598, 600, 604, 609, 611; II 6, 8, 18, 43, 55, 58, 60, 61, 226, 235, 259, 313, 352, 472, 496, 562
— есть не только физическое, но и часть политического тела 220
— есть (одушевленное) тело (животное) 75, 89, 131, 511;

II 514, 515
— есть (разумное) животное II 563
способное от природы к жизни в обществе 285, 549
— как действующее начало II 550
— как единое целое (единое лицо) II 127, 135
— как материал и как творец II 250
— как подобие Божие 271
— определение 472; II 563
— благо II 111
— боговдохновенность 562; (вдохновенный Богом) II 364
— большинство II 544
и меньшинство II 121, 127
— вера и тайные помышления II 222
— взаимоотношения 235, 568
— возникновение 225
— гений II 86
— душа II 260
— заслуги II 73, 74
— имя 527; II 24
— искупление II 551
— личность и средства существования II 234
— множество II 127, 130, 133, 134, 613
— положение II 143
— потребности II 195
удовлетворение II 111
— превосходство II 33
— природа (человеческая природа) 70, 72, 129, 143, 148, 153, 159, 168, 274, 278—280, 283—285, 336, 345, 380, 393, 422, 505, 508, 573; II 81, 90, 94—96, 108, 118, 194, 225, 249, 254, (наша собственная) 284, 288, 386, 471, 478, 536, 544, 552, 556, 583
есть система его природных способностей и сил 510
общая слабость II 237
смертность II 347
после воскресения II 480, 554
и божественная II 555, 559
— различие 554, 555; II 207
— самосохранение (сохранение жизни) II 111, 113, 117
— согласие II 132
— состояние ч. после смерти II 113
— сущность II 516, 563
— характер 309, 317
— ценность (цена, стоимость) II 66, 67, 73, 140, 240
разница в II 230
общественная II 67
— юрисдикция II 435
— беспечные II 599
— беспомощные II 269
— богатые (и родовитые, высокопоставленные, знатные) II 363, 599, 607
и бедные (незаметные, низкого сословия) II 268, 273, 569
— добровольно совершающий действие II 228
— избранные II 338 (см. праведные)
— изгнанный II 247
— искренние II 525
— искусственный II 7, 151, 165, 196, 209
и естественный II 6
— каждый (отдельный) 73, 133, 137, 234, 239, 258—260, 263, 264, 291, 301, 330, 331, 333, 336, 389, 390, 452; II 8, 252, 343
непогрешимость II 452
(см. Разум)
— красноречивые II 77, 203
— лучший II 118
— мертвый II 483
и смертный II 478
— мирские II 513
— могущественные II 349, 528
власть II 281
— мудрые (мудрый) II 77, 90, 118
— невежественные (темные) II 272, 337, 534, 615
— робкие от природы II 170
— необразованные II 501, 580
— обыкновенный II 238
— первый (Адам) 233
— популярные II 259, 264, 272
— порочные II 348
— послушный закону II 236
— праведные (благочестивые, добродетельные, избранные, богоугодный) II 355, 557, 602
и порочные II 278, 297, 312, 327, 459
— простые (чернь) II 230, 263, 278, 304, 529, 617
— пустые II 233

— разумный (здравого ума) II 82, 232, 234, 414
— светский II 232
— слабый II 239, 281
— сильные II 263, 281
телом (физически) II 118, 269
— тщеславный II 77, 231
— умные (и осторожные) II 337, 613
— хитрый II 77, 341
— (хорошо) образованные (ученый) II 501, 566, 614
— человеколюбивые II 91
— честный и бесчестный (справедливый и несправедливый) II 114, 460
— средних способностей II 597
— и другой (другие) 271, 273, 279, 284, 286—290, 294—297, 300—306, 309—312, 315, 321, 328, 335, 336, 342, 369, 380, 390, 417, 564, 590; II 131
— и животное (животные, другие живые существа) 74, 76, 234, 237, 279, 327, 329, 330, 360, 529, 533, 551; II 20, 21, 33, 42, 45, 51, 81, 131, 132, 231, 477, 508
— и небожители II 552
— ч.-вещь и ч.-имя II 548
— ч. во плоти II 444
— ч. из народа II 333
(см. Авторитет, Власть, Воля, Могущество)
Человечество (человеческий род) 77, 82, 233, 234, 272, 275, 276, 285, 294, 369, 408, 420, 435, 444, 527; II 96, 131, 175, 191, 208, 250, 262, 267, 277, 312, 480, 481, 526, 556, 564, 574, 586
— как народ Бога II 320
— гибель 430
— грехи II 369, 371
— естественное состояние II 93
— интересы II 267
— наибольшая и самая активная часть II 275
— природа II 347, 439
— происхождение 221
— склонность (склонности) II 74, 201, 240, 542
— сохранение 291, 386
— сущность II 347, 477
— забота Бога о ч. II 282
Честолюбие (честолюбец, честолюбивое стремление) II 70, 71, 77, 79, 105, 108, 136, 147, 203, 231, 259, 302, 333, 391, 415, 424, 507, 533, 539
— определение II 42
— интересы II 465
— орудие II 544
— природа II 449
— светское II 504
— женщины II 161
— борьба с ч. II 272
Честь II 268, 601
Число 142, 180, 182; II 30, 178
— как прерывное количество 175
— обозначение 175
— познание II 25
— бесконечное 143, 144, 209, 210
Чистилище (огонь чистилища) II 455, 458, 472, 484—486, 525
— довод для доказательства (доказательство существования) II 457, 481, 487
— место II 481
— и преисподняя II 554
Чувство (чувства) 124, 125, 134, 174, 192, 204, 226, 232, 246, 248, 250—253, 284, 297, 330, 350, 429, 534, 535, 564, 604, 605, 609; II 10, 108, 257, 288, 289, 303, 504, 514, 604
— обман 204, 516, 529, 530; II 308, 469
— объекты II 201
— органы 113, 120—122, 126, 128, 138, 170, 192—194, 196—199, 201—204, 216, 218, 238, 436, 512—516, 518, 550, 555, 560; II 303, 468, 493, (пять) 562, 566
— внешние II 308, 463, 469
— гражданские II 569
— сверхъестественное II 277
Чудо (чудеса) 260, 267, 291, 562, 563; II 253, 277, 291, 334—336, 341, 368, 378, 394, 453, 503
— суть непостижимые вещи II 222
— как доказательство пророческого признания II 291
— определение II 91, 336—339
— истинность II 362
— опасности II 291
— природа и употребление II 339
— существенный признак II 337
— творение II 290, 291

— цель II 337—339, 365
— великие II 367, 456
— кажущиеся (мнимые, вымышленные, ложные) II 341, 342, 424, 524, 534
— знамения II 337, 365
(см. Вера)

Школы II 513, 598, 599
— определение II 510
— польза II 510, 599
— государственные II 512
— правовые II 267
— философские (древних философов) II 509, 511, 597
— евреев (ш. закона Моисея) II 510, 511
— геометров II 511

Щедрость (щедрый) II 70, 123, 280, 620, 621
— определение II 42, 618
(см. Богатство)

Экспорт и импорт (ввоз) II 180, 181
Энтузиазм
— есть одержимость божественным духом II 87
Этика (мораль) 243, 256
— как наука о справедливости и несправедливости 237
— Аристотеля II 618
— подданных и суверенов II 618
(см. также Философия, гражданская)
Эфир 211, 212, 214, 223, 224

Юрисдикция (юстиция)
— определение II 436
— высшая II 365
— гражданская II 435, 534
— законная II 435
— светская II 439
— церковная II 425
(см. также Суд; см. Папа, право)
Юриспруденция II 218, 597
(см. также Закон, (ис)толкование)
Юристы II 267, 609
— решения и мнения (приговоры) II 220, 612
— профессиональные II 219, 254

Явление (явления) 76, 200, 203, 211, 516, 523, 534
— зависимость, или связь (последовательность во времени) II 84
— причины 227; II 519
естественные II 337
естественных II 518
— закономерные II 267
— новое 68
— обычное и необычное II 337
— умственные 218
— сверхъестественные II 15, 337
— природы (феномен) 68, 191, 211, 236; II 62
определение 192
(см. Причина)
Язык 97, 233, 243; II 22, 26, 201, 508, 514, 599, 600
— святость II 314
— бессмысленный II 511
— классический (греческий и латинский) II 168, 617
— несуразный (темный) II 524, 532
— страсти II 47
— исповедание языком II 382
Язычники (греки и римляне (латиняне)) II 59, 71, 82, 111, 284, 300, 308, 309, 323, 327, 372, 375, 380, 406, 418, 465, 497, 500, 514, 522, 548, 550, 551, 560, 561, 569, 572, 583, 602
— боги II 85—89, 497, 499
— литература II 326
— обращение (в христианство, обращенные) II 395, 431, 502, 504
— пережиток II 493, 504
— повиновение II 346
— религия II 351, 493, 499
— древние (римские) II 505, 533
— государства II 414
— церковников II 533
— и мытарь (ростовщик) II 389, 432, 447, 507, 576
— и христиане II 389
— или иудей II 578

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕВИАФАН, ИЛИ МАТЕРИЯ, ФОРМА И ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА ЦЕРКОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО. *Пер. А. Гутермана* 3

Введение 6

Часть I. О ЧЕЛОВЕКЕ 9

Глава I. Об ощущении . . . . . —

Глава II. О представлении 11

Глава III. О последовательности или связи представлений 16

Глава IV. О речи 21

Глава V. О рассуждении и научном знании 30

Глава VI. О внутренних началах произвольных движений, обычно называемых страстями, и о речах, при помощи которых они выражаются 37

Глава VII. О целях или результатах рассуждений 48

Глава VIII. О достоинствах, обычно называемых интеллектуальными, и о противостоящих им недостатках 51

Глава IX. О различных предметах знания 62

Глава X. О могуществе, ценности, достоинстве, уважении и достойности 63

Глава XI. О различии манер 74

Глава XII. О религии 81

Глава XIII. О естественном состоянии человеческого рода в его отношении к счастью и бедствиям людей 93

Глава XIV. О первом и втором естественных законах и о договорах 98

Глава XV. О других естественных законах 109

Глава XVI. О личностях, доверителях и об олицетворенных вещах 124

Часть II. О ГОСУДАРСТВЕ 129

Глава XVII. О причинах, возникновении и определении государства . . . . . —

Глава XVIII. О правах суверенов в государствах, основанных на установлении 134

Глава XIX. О различных видах государств, основанных на установлении, и о преемственности верховной власти 144

Глава XX. Об отеческой и деспотической власти 154

Глава XXI. О свободе подданных 163
Глава XXII. О подвластных группах людей, политических и частных 173
Глава XXIII. О государственных служителях верховной власти 186
Глава XXIV. О питании государства и о произведении им потомства 191
Глава XXV. О совете 197
Глава XXVI. О гражданских законах 204
Глава XXVII. О преступлениях, оправданиях и о смягчающих вину обстоятельствах 225
Глава XXVIII. О наказаниях и наградах 241
Глава XXIX. О том, что ослабляет или ведет государство к распаду 250
Глава XXX. Об обязанностях суверена 260
Глава XXXI. О Царстве Бога при посредстве природы . . . 276

Часть III. О ХРИСТИАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ 288
Глава XXXII. О принципах христианской политики . . . . —
Глава XXXIII. О числе, древности, цели, авторитете и толкователях книг Священного писания 293
Глава XXXIV. О значении слов «дух», «ангел» и «вдохновение» в книгах Священного писания 303
Глава XXXV. О том, что означают в Писании слова «Царство Божие», «святой», «посвященный» и «таинство» 314
Глава XXXVI. О Слове Божием и о пророках 322
Глава XXXVII. О чудесах и об их употреблении 336
Глава XXXVIII. О том, что понимается в Писании под словами «вечная жизнь», «ад», «спасение», «грядущий мир» и «искупление» 343
Глава XXXIX. О том, что понимается в Писании под словом «церковь» 357
Глава XL. О правах Царства Божиего при Аврааме, Моисее, первосвященниках и царях иудейских 360
Глава XLI. О миссии нашего Святого Спасителя 370
Глава XLII. О церковной власти 377
Глава XLIII. О том, что необходимо для принятия человека в Царство Небесное 448

Часть IV. О ЦАРСТВЕ ТЬМЫ 463
Глава XLIV. О духовной тьме вследствие ошибочного толкования Писания . . . . . —
Глава XLV. О демонологии и о других пережитках религии язычников 487
Глава XLVI. О тьме, проистекающей из несостоятельной философии и вымышленных традиций 507
Глава XLVII. О выгоде, проистекающей от тьмы, и кому эта выгода достается 526

Обозрение и заключение 535

ПРИЛОЖЕНИЕ

[ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ К «ЛЕВИАФАНУ»]. *Пер. Н. А. Федорова* 547

Глава первая. О Никейском Символе веры . . . . . —

Глава вторая. О ереси 568

Глава третья. О некоторых возражениях против «Левиафана» 583

БЕГЕМОТ, ИЛИ ДОЛГИЙ ПАРЛАМЕНТ. *Пер. А. С. Богомолова* 591

Диалог I. . . . . —

ПРИМЕЧАНИЯ 624

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 644

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К I и II ТОМАМ 646

Гоббс Т.

Г57 Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов; Пер. с лат. и англ.— М.: Мысль, 1991.—731, [1] с., [1] л. ил.— (Филос. наследие)

ISBN 5-244-00020-9

ISBN 5-244-00460-3

Во второй том Сочинений Т. Гоббса входит знаменитое произведение философа «Левиафан», Приложение к «Левиафану» — впервые публикуемое на русском языке,— а также его историческое сочинение «Бегемот, или Долгий парламент» (в сокращении).

Г $\frac{0301030000\text{-}064}{004(01)\text{-}91}$ Подписное

ББК 87.3

Научно-исследовательское издание

Томас Гоббс

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

Том 2

Редактор *А. В. Матешук*

Младший редактор *К. К. Цатурова*

Оформление художника *В. В. Максина*

Художественный редактор *Е. М. Омельяновская*

Технический редактор *О. А. Барабанова*

Корректоры *Ф. Н. Морозова, З. Н. Смирнова*

ИБ № 2907

Сдано в набор 20.12.89. Подписано в печать 14.11.90. Формат 84 × $108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 23,06 с вкл. Усл. кр.-отт. 38,74. Учетно-издательских листов 46,74 с вкл. Тираж 31 000 экз. Заказ № 461. Цена 3 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197110, Ленинград, П-110, Чкаловский пр., 15.